

АВРААМ ЛИНКОЛЬН

Дмитрий
Олейников

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Тернистый тысячемильный путь от фермерской хижины на окраине цивилизации до Белого дома Авраам Линкольн — дровосек, плотогон, почтовый служащий, юрист, конгрессмен — прошёл за полвека благодаря таланту, предприимчивости, тяге к самосовершенствованию. Линкольн не был любимцем судьбы: прогорал в бизнесе и годами выплачивал непомерные долги, лишился матери, сестры, возлюбленной и двоих сыновей. Его отодвигали локтями коллеги-адвокаты, оставляли без места в Конгрессе и сенате политические оппоненты и даже товарищи по партии; его обзывали то безбожником, то «рабовладельческой ищейкой», то кровожадным тираном. За время его президентства страна жила в мире лишь чуть больше месяца. Наконец, он погиб накануне победного завершения Гражданской войны, открыв собой список убитых президентов США. Однако именно он провёл страну через страшные испытания, спас её от развала и доказал, что избирательные бюллетени сильнее штыков; добился отмены рабовладения и произнёс речь, которую знают наизусть все американские школьники, — о том, что «власть из народа, для народа и посредством народа» не может исчезнуть.

[Адаптировано для AlReader]

- [Дмитрий Олейников](#)
 -
 -
 - [ПРЕДКИ](#)
 - [ДЕТСТВО](#)
 - [НЬЮ-САЛЕМ](#)
 - [ВАНДАЛИЯ](#)
 - [ЭНН, МЭРИ И... МЭРИ](#)
 - [СПРИНГФИЛД](#)
 - [«ЗАПЯТНАННЫЙ» КОНГРЕССМЕН](#)
 - [ПОЧТИ ВНЕ ПОЛИТИКИ](#)
 - [АДВОКАТ НА ВЫЕЗДЕ](#)
 - [ГОД 1854-Й: «ЛИНКОЛЬН ПРОВОДИТ ЧЕРТУ»](#)
 - [«ДОМ РАЗДЕЛЁННЫЙ»](#)
 - [«ПОНЕМНОГУ ВХОЖУ ВО ВКУС...»](#)
 - [КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ](#)
 - [НАПЕРЕГОНКИ С ВОЙНОЙ](#)
 - [«Я ТЕПЕРЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ»](#)
 - [ЕДИНСТВЕННЫЙ МИРНЫЙ МЕСЯЦ](#)
 - [САМТЕР](#)
 - [ВОЙНА ДИЛЕТАНТОВ](#)
 - [УДАЧИ И НЕУДАЧИ](#)
 - [РОСЧЕРК ПЕРА](#)
 - [«GO DOWN, MOSES!»\[42\]](#)
 - [ВЕСНА 1863 ГОДА](#)
 - [ГЕТТИСБЕРГ И ВИКСБЕРГ](#)
 - [272 СЛОВА](#)
 - [КОНЕЙ НА ПЕРЕПРАВЕ НЕ МЕНЯЮТ](#)
 - [ГОД 1865-й](#)
 - [СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА](#)
 - [БУДУЩЕЕ В ПРОШЕДШЕМ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 -
 -
 -

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [comments](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)

- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)

- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)

- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)

- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)

- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)

- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)

- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)

- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)

- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)

- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)

- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)

- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)

- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)

- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)

- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)

- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)

- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)

- [765](#)
 - [766](#)
 - [767](#)
 - [768](#)
 - [769](#)
 - [770](#)
 - [771](#)
 - [772](#)
 - [773](#)
 - [774](#)
 - [775](#)
 - [776](#)
 - [777](#)
 - [778](#)
 - [779](#)
 - [780](#)
 - [781](#)
 - [782](#)
 - [783](#)
 - [784](#)
 - [785](#)
 - [786](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1771

(1571)

Дмитрий Олейников

АВРААМ ЛИНКОЛЬН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Олейников Д. И., 2016

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2016

*Памяти моего учителя, профессора
Василия Фёдоровича Антонова*

ПРЕДКИ

В Новом Хингеме было столько Линкольнов, что их различали по прозвищам: Томас Линкольн-медник, Томас Линкольн-ткач, Томас Линкольн-мельник, Дэниел Линкольн-землепашец, Сэмюэл Линкольн — ученик ткача...

В Новом Хингеме в 15 милях^[1] к югу от Бостона, ныне штат Массачусетс, в середине XVII века было столько Линкольнов, что два с лишним века спустя 16-й президент США мог только гадать, кто же из них был его предком. Всех их принесло на континент «великое переселение»: с 1630 по 1640 год из Англии бежало 13 тысяч пуритан на двух сотнях кораблей. Они пересекли Атлантику в поисках земли обетованной, в надежде построить на свободных землях идеальный «град на холме». С тех давних времён у Линкольнов сохранилась традиция давать детям ветхозаветные имена: Сэмюэл (Самуил), Соломон, Левий, Енох, Мордекай, Сара... Авраам.

Начиная с того переселения, наследственной чертой Линкольнов стала непреходящая тяга к перемене мест. Первые ростки колоний укоренялись на побережье Атлантического океана, потом прорастали вглубь континента, к голубым хребтам Аппалачей. Прилив цивилизации понёс за собой и Линкольнов. Сын Сэмюэла (ученика ткача) Мордекай покинул Новый Хингем и поселился на первой сухопутной границе колонии. Он установил на Пограничном ручье мельницу и лесопилку, потом освоил выплавку железа из болотной руды и начал производство самых необходимых предметов: от ножей до кухонных котлов. Дети Мордекай, Авраам и Мордекай-младший, унаследовали от отца навыки кузнечного ремесла, а от деда — вольный дух

первопроходцев. Они ушли далеко на юго-запад, в новые земли, именуемые Джерси (будущий штат Нью-Джерси).

Почему именно туда? Эта недавно отвоёванная у голландцев территория была новым Фронтиром — подвижной границей, «контактной зоной» между дикостью и цивилизацией. Она стала пристанищем религиозных вольнодумцев, не нашедших места ни в Европе, ни в пуританской Новой Англии. Здесь принимали и бежавших от Людовика XIV гугенотов, и не прижившихся в Британии квакеров. Возможно, именно квакерство было причиной переселения сюда прапрадедушки и прапрапрадядюшки Авраама Линкольна.

Мордекай и Авраам начали с постройки кузницы, потом обзавелись землями. Мордекай удачно женился и вошёл в круг уважаемых семей колонии. Но первопроходческий дух его не оставлял, и Мордекай двинулся ещё дальше на запад — на земли квакера Уильяма Пенна, давшего имя колонии Пенсильвания («лесные территории Пенна»). По этим «лесным территориям» спускалась от Аппалачей и бежала к бурно растущей Филадельфии река Скулкил, удобная транспортная артерия, чьи заболоченные берега были богаты полезными ископаемыми. Прекрасное место для полноценного железоделательного производства! Это производство, а также сотни акров^[2] удачно купленной земли сделали Мордекаю Линкольна весьма состоятельным колонистом. Основательный памятник его благополучию до сих пор сохранился в Лорейне, штат Пенсильвания, в 30 милях к западу от Филадельфии. Там на нынешней улице Линкольна стоит, слегка врезаясь в крутой спуск к ручью, добротный каменный дом в три этажа. Мордекай построил его в 1733 году, на пике деловых успехов. Прожил он, правда, после этого недолго и в завещании поделил собственность между сыновьями. Большинство из них

стали уважаемыми жителями Пенсильвании, но одного, Джона, потянуло в неизведанные земли. Это был прадедушка Линкольна-президента.

Он с ощутимым доходом продал свою долю отцовской земли и примерно в 1768 году ушёл дальше на юго-запад, за горные хребты Вирджинии. Его так и стали называть в роду — «Джон Вирджинский». Джон осел на новой линии фронта: в благодатной долине Шенандоа, будущей житнице востока Соединённых Штатов, в одном из её самых привлекательных для земледельцев уголков: красивом, плодородном, с хорошим климатом. А кроме того, достаточно укромном: разразившаяся в 1770-х годах Война за независимость почти не задела долину, прикрытую двумя параллельными хребтами гор.

Тем не менее в начале войны третий сын Джона Вирджинского, 32-летний Авраам, вступил в ополчение и был выбран на командную должность капитана. Участвовал ли капитан в боевых действиях, доподлинно неизвестно, но в год начала мирных переговоров с Британией он испытал фамильную тягу к переселению. К тому времени Джон Вирджинский передал сыну 210 акров земли и преуспевающее хозяйство. Но капитан Авраам их продал, решив променять гарантированный достаток трудолюбивого фермера на предполагаемые блага Дикого Запада, и в 1782 году покинул обжитые места. К тому времени близкий сосед и дальний родственник Линкольнов, легендарный Дэниел Бун, охотник, разведчик, первопроходец, в общем, искатель приключений, открыл за стеной Аллеганских гор удивительную и привлекательную страну. Индейцы чероки называли её Кен-та-хи, а сам Бун — «вторым раем». Он разведкал дорогу сквозь горы, через Камберлендский перевал, и стал переводить по ней первые партии переселенцев.

Эту дорогу на Запад называли «дикой», а непростой переход через горы стал популярным сюжетом американского кино и исторической живописи. Вот картина художника XIX века Джорджа Бингема «Дэниел Бун сопровождает партию переселенцев в западные земли»: величественная природа, первобытный лес... Но ощущения умиротворения не возникает: женщины и дети спрятаны в середину колонны, ружья переселенцев наготове, собаки настороже.

Благодатные земли вовсе не были пустыни. Здесь находились давние индейские охотничьи угодья. За них много лет воевали между собой племена чероки, шауни и ирокезов. Теперь в спор вмешались белые переселенцы. Они стали селиться в крепко срубленных «станциях»-фортах: высокий частокол, никаких окон наружу, хорошо охраняемый единственный вход. Поселенцы начали рубить лес, расчищать вырубki под поля, сажать кукурузу. Дома под рукой всегда была Библия, в лесу и в поле — длинноствольная дальнобойная кентуккийская винтовка.

К 1786 году у капитана Линкольна было более пяти с половиной тысяч акров земли. Это был не только достаток, но и выгодно вложенный капитал: землю тогда покупали для прибыльной перепродажи всё прибывающим переселенцам. Но вспомним строки американского поэта XX века Роберта Фроста, «владеем мы землёй, пока / Земля не завладела нами»...

В 1783–1790 годах индейцы убили в Кентукки около полутора тысяч переселенцев. В их числе был и 42-летний капитан Авраам Линкольн. Его смерть на глазах у сыновей — яркая, хотя и трагическая картина семейной истории. Весенним днём 1786 года индейцы подкрались к недавно расчищенному полю и застрелили хозяина из засады. Томас, младший из троих его сыновей, совсем ещё ребёнок, замер в оцепенении над убитым отцом, а Мордекай и Джошуа бросились в

разные стороны. Из леса к Томасу двинулся индеец — то ли убить, то ли забрать с собой. Но лишь только он протянул руку к мальчику, откуда-то раздался выстрел, и нападавший рухнул на землю. Оказалось, братья бежали не из трусости: старший, пятнадцатилетний Мордекай, метнулся к хижине, схватил ружьё, просунул ствол в щель между брёвнами, прицелился в серебряный полумесяц, сверкнувший на груди потянувшегося за Томасом индейца, и нажал на спусковой крючок. Тринадцатилетний Джошуа помчался к ближайшему поселению звать на помощь. Крики и вид приближающейся подмоги заставили индейцев отступить.

Но жизнь Линкольнов с этого момента сильно переменялась. По существовавшему тогда закону о единонаследии при отсутствии завещания (капитан Авраам не успел его оставить) всё имущество и денежные накопления отца переходили к старшему сыну. «Дядя Морд, похоже, унаследовал всё лучшее от рода Линкольнов», — считал Авраам. Именно «дядя Морд» стал преуспевающим землевладельцем, занялся разведением лошадей, приобрёл раба — и до самой смерти был ненавистником индейцев.

Томасу же пришлось пробиваться самостоятельно. Он нанимался работать за мизерную плату в три шиллинга в день. В добавление к фермерской рутине освоил ремесло столяра и плотника. Он делал мебель — может, не самую красивую, зато надёжную; сохранились его угловатые, но крепкие изделия с вырезанными инициалами «Т. Л.». Да и сам Томас запомнился современникам крепко сбитым, надёжным, обстоятельным.

Авраам Линкольн характеризовал ранние годы своего отца как жизнь «странствующего, вечно озабоченного заработком на жизнь подростка». Однако это не означает, что Томас рос в нищете, одиноким

заброшенным сиротой. Родственники, как могли, помогали вдове капитана Авраама и пятерым детям. Семью взял к себе в дом кузен Линкольнов, а дядя Исаак позвал Томаса на целый год жить и работать у него в Теннесси. Потом заботу о семье приняли на себя братья. Повзрослевший и женившийся Мордекай воспользовался отменой закона о единонаследии и помог младшему брату обзавестись собственным земельным участком.

В 1803 году Томас стал полноправным гражданином: жителем штата Кентукки, землевладельцем и налогоплательщиком. С этого момента его имя появляется в официальных документах: вот Томас Линкольн служит в ополчении, вот патрулирует дороги, заседает в суде присяжных, сопровождает заключённых... Приходно-расходные книги местных торговцев показывают, что он получал приличный доход от своего фермерского труда. А в 1806 году Томас построил на заказ большой устойчивый плот с бортами, подобие плавучего сарая^[3], и отправился с грузом товаров на юг, к устью Миссисипи, в большой портовый город Новый Орлеан, в тысячемильное путешествие, описанное в 1847 году Генри Лонгфелло:

...вниз по Красивой реке, по Огайо,
Мимо устья Уобаша, мимо лесов ирокезских
И, наконец, по раздолью
Струй золотых Миссисипи...^[4]

Поездка в Новый Орлеан принесла Томасу несколько десятков фунтов прибыли — по тем временам ощутимый доход. 28-летний мужчина имел уважение в обществе, фермерское хозяйство и неплохую кредитную историю в местной лавке. Самое время подумать о женитьбе, закупать ткани для костюмов и постельного белья,

ленты и пуговицы, шляпу и подтяжки, телячью кожу для новых ботинок. Да, ещё парадную упряжь...

Избранницу звали Нэнси Хэнкс. Её семейную предысторию исследователи иногда называют «кошмаром для генеалога, сплетением мифов, легенд и загадок» (достаточно сказать, что в документах упоминаются как минимум восемь Нэнси Хэнкс, родившихся в 1780-х годах)^[1]. Более того, сохранилась легенда, идущая от самого Авраама Линкольна и окончательно запутывающая поиски. Однажды (это было уже в 1850-х годах) Линкольн разоткровенничался с близким другом и юридическим партнёром Уильямом Херндоном, с которым вёл дело о праве на наследство, — заметил, что, по его наблюдениям, незаконные дети часто оказываются ярче и талантливее, чем рождённые в браке, добавив, что его матушка Нэнси была незаконной дочерью какого-то состоятельного фермера или даже плантатора из Вирджинии. Именно от этого неизвестного деда он якобы унаследовал многие свои лучшие качества, отличающие его от рода Хэнксов, в том числе аналитические способности и амбициозность.

Правда, Томасу все эти тонкости родословной вряд ли были известны. Он брал в жёны 22-летнюю Нэнси, зная, что она прекрасно умеет прясть и управляться по хозяйству. Может, он знал также, что Нэнси рано осиротела и выросла у дяди.

Двенадцатого июня 1806 года Томас и Нэнси скрепили подписями брачный договор. Этот договор с солидными сургучными печатями дошёл до наших дней: подпись *Томас Линкольн* выведена не очень ровно, но уверенно^[5]. Под именем Нэнси Хэнкс стоит крестик.

Свадебный пир Томаса и Нэнси был типичным торжеством жителей фронта: медвежатина и баранина на вертеле, всевозможная дичь, мёд и леденцы из кленового сиропа в огромных количествах,

состязания на приз (бутылку виски), песни и танцы допоздна, грубоватые шутки о первой брачной ночи...

Линкольны перебрались в Элизабеттаун, типичный городок американского пограничья: бревенчатые хижины вокруг пары кирпичных строений, три лавки, три кузницы, один доктор, один портной, один мастер по изготовлению стульев, по совместительству учитель, несколько юристов... Здесь в феврале следующего года у Томаса и Нэнси родилась сероглазая девочка. По семейной традиции ей дали ветхозаветное имя Сара.

Ещё через полтора года Томас Линкольн навсегда расстался с прелестями «городской» жизни. Он купил новую ферму в 300 с лишним акров — на том месте, где когда-то индейцы выжгли лес под пастбища для бизонов. Ферму стали называть «Пропадающий источник» по примечательной природной диковинке: в пещере у подошвы холма выбивается на поверхность ручей с прозрачной вкусной водой, некоторое время бежит по каменистому руслу и пропадает в естественном колодце. На этой ферме и родился сын Томаса и Нэнси, названный в честь дедушки, капитана Линкольна, Авраамом.

Мальчик появился на свет 12 февраля 1809 года на ложе из кукурузной соломы и медвежьих шкур, в новом, пахнущем свежей древесиной бревенчатом домике. Когда много лет спустя этот домик (или очень похожий) выставили на всеобщее обозрение, время уже превратило его в развалюху. В 1909 году контраста добавил возведённый над местом рождения 16-го президента помпезный античный храм-саркофаг (колонны, мрамор, дети экскурсантов бегают вверх-вниз по ступенькам, ведущим к нему по холму: действительно ли их ровно 59, по числу лет жизни Линкольна?). Однако скромность — не синоним бедности. В начале XIX века в таких домах-хижинах жило более 80 процентов населения Соединённых Штатов. В похожей хижине в

100 милях от «Пропадающего источника» за семь месяцев до Авраама Линкольна родился его будущий антагонист, президент Конфедерации южных штатов Джефферсон Дэвис.

ДЕТСТВО

Место своего рождения Линкольн не помнил — семья переехала на новую ферму, когда ему было два года. Его первые воспоминания связаны именно с фермой «Нолин-Крик», названной по имени шустрой и чистой речушки, на берегу которой поселилось семейство Линкольн.

Авраам вглядывался в ранние туманные картины памяти: «Я хорошо помню старый дом. У нас было три поля, и всё хозяйство располагалось в речной долине, окружённой высокими холмами и глубокими оврагами. Иногда после сильного дождя вода сходила с холмов по оврагам и заливала всю ферму. Первое, что я помню, — это какой-то субботний день, и мы работаем на поле. Поле называли «Большим» — оно занимало семь акров. Я сею тыквенные семена: пристраиваю по два в каждое гнездо, перехожу от грядки к грядке. А наутро где-то над холмами проходит ливень. В долине не падает ни капли, но вода поднимается из оврагов и смывает все наши посадки — и тыквенные семена, и кукурузу; на поле не остаётся ничего»^[2].

Рядом с домом пролежала большая дорога федерального значения. Она пересекала Кентукки и соединяла Север и Юг: федеральные территории^[6] за рекой Огайо и штат Теннесси за рекой Камберленд. По ней мимо фермы Линкольнов грохотали фургоны, поднимали пыль стада, шли бродячие торговцы с фабричными товарами, речистые проповедники; слышались звяканье цепей скованных в одну связку рабов и окрики их надсмотрщиков. Шли по дороге и солдаты — сначала на войну 1812 года^[7], потом с войны (как-то щедрый Эйб отдал одному из солдат свой улов —

маленькую рыбку; это было всё, что он помнил о той войне).

По этой же большой дороге поздней осенью 1815 года шестилетний Эйб пошёл в школу. Его повела старшая сестра Сара, которой он должен был составить компанию. Это была «школа по подписке» — такие открывали в сезон, свободный от полевых работ, когда набиралось достаточное количество родителей, готовых платить учителю. «От учителей не требовали особой квалификации, — вспоминал Линкольн, — лишь бы они умели читать, писать и считать. А уж если учитель претендовал на то, что знает латынь, на него смотрели, как на кудесника»^{3}. Возможно, намёк на латынь — дань памяти первому учителю Эйба католику Закарии Рини. Несколько недель Эйб и Сара ходили в его школу за две с лишним мили от дома.

Школа представляла собой обычную бревенчатую хижину, где скамьёй служило слегка обтёсанное бревно. Ученики были самых разных возрастов и способностей; кто-то, как Эйб, являлся новичком, другие уже учились раньше. Чтобы заниматься со всеми одновременно, учитель велел каждому читать свой урок вслух и прохаживался по «классу». Гвалт стоял такой, какого не бывало ни до, ни после занятий. Это называли «болтливая школа».

Следующей осенью Эйб отправился в школу Калеба Хазеля. Калерб, сын владельца таверны, обладал одним несомненным достоинством: он был достаточно крупным и крепким для того, чтобы задать порядочную трёпку любому непослушному ученику, даже здоровому сельскому подростку. В этом смысле его можно было бы назвать сильным педагогом. В остальном Калерб полагался на надёжный учебник Дилуорта, английского священника, создавшего в XVIII веке целую систему обучения. Его учебник «Новое руководство к изучению английского языка», в обиходе просто «Дилуорт»,

выдержал десятки изданий по обе стороны Атлантического океана. Секрет успеха был в том, что автор объединил метод «от простого к сложному» с религиозными и моральными истинами.

Сначала ученики произносили буквы, потом слоги, далее наступал черёд коротких слов, которые сразу складывались в самые важные истины: «Вот наш Бог. Он дал нам Мир. Мой сын, не лги ему!»

Затем появлялись слова четырёхсложные: «Веры без Бога нет. Бог дал нам наш путь. Он выше всех. Он зрит наши дела. Он с нами весь день. Он с нами всю ночь. Путь к Богу — твой путь. Кто плох и зол — Богу враг».

Слова удлинялись, и мысли, выражаемые ими, удлинялись тоже: «Эта жизнь коротка, но та, которая грядёт за ней, не имеет конца. Мы должны возлюбить и тех, кто не любит нас, так, словно они нас любят. Мы должны молиться за тех, кто ненавидит нас».

К концу книги появлялись басни (каждая была украшена немудрёной гравюрой-иллюстрацией) с немедленным растолкованием их сути:

«Некая повозка застряла колесом в яме. Возница тут же спрыгнул на землю и опустился на колени, обращаясь с мольбой к Гераклу: помоги вытащить повозку. Геракл явился, но отвечал так:

— Глупец! Подстегни лошадей да поднажми плечом, тогда и Геракл тебе поможет.

Мораль: пожелания ленивых не приносят им помощи. Если же ты хочешь рассчитывать на Божью помощь в нужное время, не только моли о ней, но и делай всё, что можешь сделать сам!»

К семи годам Эйб выучился читать и немного писать. На какое-то время мальчик пристрастился к начертанию букв: он получал удовольствие от самого процесса вырисовывания этих волшебных говорящих знаков на снегу, на песке, прутиком на придорожной пыли и на стене угольком^{4}.

Однако второй период обучения оказался ещё короче первого. К концу 1816 года Томас Линкольн решил отправиться из Кентукки на северо-запад, за реку Огайо, в только что образованный штат Индиана. После войны 1812 года индейцы (воевавшие против американцев на стороне англичан) отказались от претензий на южные территории Индианы, и туда двинулись самые энергичные переселенцы.

Помимо тяги к перемене мест, у Томаса были и вполне прагматичные причины для нового переселения. Главной из них была утомительная череда споров из-за границ земельных владений, усиливавшихся по мере того, как каждый год на Запад прибывали десятки тысяч новых жителей. Тогда говорили: «Кто покупает в Кентукки землю — приобретает в придачу судебную тяжбу»^{5}. Несовершенное землеустройство в штате основывалось на старой традиции приблизительного описания владений. Частные лица и компании покупали бывшие земли индейцев и стремились поскорее перепродать их с выгодой. Проверкой границ участков заниматься было некогда. В результате, казалось бы, законно приобретённые участки либо залезали на земли соседей, либо оказывались обременены долгами прежних владельцев. Не избежал споров из-за земли и Томас Линкольн: все три его фермы так или иначе оказались предметами разбирательств.

А вот в Индиане, в отличие от Кентукки, земля была описана государственными землемерами и считалась собственностью правительства США, которое охотно продавало её переселенцам по скромной цене в два-три доллара за акр.

В пропагандистских биографиях Линкольна позже упоминалась ещё одна причина переезда — существование в Кентукки рабовладения. Однако сам Линкольн никогда о такой причине не упоминал, да и родственники считали, что этот вопрос не заботил

Томаса в то время: рабов во всей округе было крайне мало^{6}. Тем не менее действительно в Индиане, в отличие от Кентукки, рабовладение было запрещено. Пересекая пограничную реку Огайо, Линкольны покидали рабовладельческий Юг и оказывались на территории свободного Севера.

После переправы их путь лежал через густые заросли нетронутого леса: 16 миль они пробирались сквозь чащу, и Томас всё время шёл впереди, прокладывая дорогу с помощью топора. Чтобы прошёл фургон, ему приходилось расчищать густой подлесок, прорубаться сквозь заросли дикого винограда и порой даже валить деревья.

Индиана того времени, заметил один из путешественников, это «леса, леса, леса, насколько видит глаз». Другой вторил: «Если с какого-нибудь высокого каменистого холма вы попытаетесь как можно шире оглядеть округу, вы всё равно ничего не увидите, кроме густых лесов»^{7}. Леса в 1816 году ещё были полны всевозможной живности. С одной стороны, это облегчало переселенцам жизнь: охота была значительным подспорьем, особенно в первые годы, пока шла расчистка леса под поля. С другой стороны, фермерские семьи были вынуждены жить в постоянном беспокойстве. В памяти Авраама отложились пугающие пронзительные крики пантер по ночам, заунывный волчий вой, даже рёв медведей, приходивших поохотиться на фермерских свиней. Чтобы превратить уголок дикой природы в поселение с домашним названием Голубиный ручей, всей семье пришлось работать не покладая рук.

Сам Авраам вспоминал, что, хотя ему было всего восемь лет, он уже был достаточно крупным ребёнком, и отец впервые вложил в его руки топор. С этого момента и вплоть до 23-летнего возраста Эйб не расставался с этим инструментом — разве что на время пахоты и

уборки урожая^{8}. Главным делом с первого дня стало расчищать лес под пашню (подсечно-огневое земледелие). Однажды топор соскочил — и на левой руке остался шрам на всю жизнь. В другой раз старая, ленивая и с виду безобидная кобыла лягнула Эйба прямо в голову — слава богу, она не была подкована, и мальчик «только» потерял сознание. Как-то он чуть не утонул; его чудом вытащил приятель, сам не умеющий плавать. К счастью, серьёзные детские болезни миновали Эйба. Но однажды смертельная эпидемия прошла совсем близко от него, оставив след уже не на теле — в душе.

В конце лета 1818 года на юге Индианы вспыхнула непонятная и страшная хворь: люди неожиданно слабели, их бил озноб, начиналась тошнота, и через несколько дней они умирали. Когда заболели соседи Линкольнов, Нэнси, мать Эйба, отправилась за ними ухаживать, а вернувшись, слегла сама. Гораздо позже поняли, что болезнь разносится через коровье молоко, а ещё позже — что молоко становится отравой оттого, что коровы питаются растущим в тех краях ядовитым «змеиным корнем». Несколько дней девятилетний Эйб видел, как тяжело страдает матушка Нэнси (врача не было на 35 миль в округе). Потом он помог отцу сколотить гроб, и они похоронили Нэнси на склоне холма, рядом с тремя соседями. Только через несколько месяцев заезжий проповедник прочитал над могилами молитву.

Много лет спустя Авраам писал дочери погибшего друга: «В этом печальном мире скорбь рано или поздно приходит ко всем; но для юных она оказывается самой горькой, поскольку, в отличие от старших, застаёт их врасплох... Я, увы, знаю, о чём говорю, потому что тоже пережил такое...»^{9}

В канун зимних холодов они остались вчетвером: Томас, десятилетний Авраам, двенадцатилетняя Сара и их девятнадцатилетний кузен Дэннис Хэнкс. Наверное,

это была самая тяжёлая зима в их жизни. Саре пришлось выполнять всю работу по дому: готовить, убирать, стирать, прятать и шить, чинить одежду. Иногда она тихо плакала, отвернувшись к очагу. Эйб и Дэн, как могли, старались её утешить. Они притащили ей черепашку и маленького енота, хотели поймать ещё и оленёнка, но не смогли^{10}.

Недаром говорится: «без хозяйки дом сирота». Через год Томас отправился в Кентукки, в Элизабеттаун, где они с Нэнси начали семейную жизнь. Когда-то давно, ещё до Нэнси, он сватался к её подруге, дочери местного шерифа Саре Буш. Тогда Сара предпочла выйти замуж за некоего Джонсона, казавшегося более перспективным, поскольку занимал должность смотрителя местной тюрьмы. В 27 лет Сара стала вдовой, «бедной, но честной», как вспоминали о ней соседи. Ей приходилось обеспечивать жизнь троих своих детей. В декабре 1819 года Томас появился у неё без предупреждения и с фермерской прямоотой перешёл к главному вопросу:

— Сара, мы знаем друг друга много лет, и мы оба потеряли супругов. У меня нет времени на ухаживания, и, если ты не против, давай поскорее поженимся.

— Томми, — отвечала Сара, — я хорошо тебя знаю, и я не против выйти за тебя замуж, но прямо сейчас я сделать этого не могу: прежде чем переехать к тебе, мне нужно отдать кое-какие долги.

— Дай-ка мне список этих долгов...

Томас в тот же день обошёл всех кредиторов, расплатившись сполна. Уже на следующее утро был заключён официальный брак, и Томас повёз Сару и троих её детей в Голубиный ручей^{11}.

Сара взялась за наведение порядка решительно и энергично. Она убедила Томаса настелить дощатый пол, укрепить дверь и сделать полноценное окно. У входа в дом появились умывальник и мыло. Новая хозяйка

починила поистрепанную одежду Эйба, Сары и Дэнни, сшила недостающее, более того, «отмыла и оттерла» детей от грязи — по её собственным словам, «привела их в более человеческий вид»^{12}.

А ещё Сара привезла с собой удивительные вещи: стулья, стол, большой сундук для одежды и даже комод ценой в 45 долларов! В доме Линкольников появились настоящие столовые приборы и хорошее постельное бельё... Но для Эйба удивительнее всего были книги: «Грамматика» Уэбстера, «Робинзон Крузо» Дефо и феерическая «Тысяча и одна ночь». Про две последние Дэннис Хэнкс презрительно заявил: «Там одно враньё!» — «Но какое интересное враньё!» — отвечал Эйб.

Сара заметила тягу Эйба к чтению, и вскоре он снова отправился в школу (скорее всего, зимой 1819/20 года). С тех времён сохранились листы с первыми записанными или сочинёнными Эйбом школярскими виршами, чем-то вроде неистребимого «Кто писал, не знаю, а я, дурак, читаю»:

Авраам Линкольн меня зовут,
И я пишу об этом тут,
Чтобы о том, что это так,
Прочёл какой-нибудь дурак...

Авраам Линкольн пишет сюда.
Он будет хорошим
Бог знает когда...^{13}

Здесь, в школе, Эйб начал выделяться среди фермерской детворы. Это было удивительное сочетание: он не знал себе равных в беге и прыжках и при этом был одним из самых прилежных учеников. Вскоре он стал писать письма по просьбам членов своей большой семьи и соседей, а за это брал читать книги и перечитал всё,

«до чего смог дотянуться». Эйб читал за завтраком, брал книги в поле или в лес и припадал к ним при первой возможности. Он даже научился читать на ходу. Книги примиряли Авраама с необходимой, но монотонной работой. «Отец научил меня тяжёлому физическому труду, но не научил любить его»^{14}, — скажет он позже. По возвращении с работы, вспоминал кузен Дэннис, Эйб хватал с полки кусок кукурузной лепёшки и усаживался с книжкой, скрестив и высоко задрав длинные ноги^{15}. Когда темнело, он ложился на пол лицом к очагу и читал при отсветах пламени.

Авраам увлёкся биографией Джорджа Вашингтона, одолженной у соседа, всюду таскал её с собой, читал и перед сном, а поскольку спал на полатах, забираясь под самый потолок по вбитым между брёвнами колышкам, то на ночь засовывал книгу в щель под потолком. Однажды ночью прошёл такой сильный дождь, что крыша протекла, и книга была безнадёжно испорчена. Четыре дня Эйб расчищал соседское кукурузное поле, чтобы возместить ущерб, зато биография Вашингтона стала его собственностью. Проникшись подвигами героев Войны за независимость, он впервые задумался над тем, что «должно быть что-то особенное, необычное, ради чего эти люди так сражались».

Благодаря чтению Авраам выбирался из духовной бедности намного быстрее, чем из материальной. Его эрудиция была такова, что стихи, прочитанные им на свадьбе сестры, — восхваляющие Господа за то, что он создал Еву именно из ребра Адама, а не из головы, «чтобы не спорила», — приняли за его собственные.

Всё дело было в поразительной памяти Эйба. Он крепко запоминал прочитанное и услышанное, мог повторить воскресные проповеди почти слово в слово и иногда по возвращении домой собирал вокруг себя детвору, взбирался на пень или на бревно и изображал проповедника. Томас не одобрял такие развлечения,

если видел — немедленно прерывал представление и отправлял сына работать^{16}.

Круг работ Авраама всё расширялся по мере взросления: лет с тринадцати-четырнадцати отец сдавал его внаём соседям (за 10–20, редко 30 центов в день)^{17}. Эйб помогал строить дома и пахать землю, шелушить кукурузу и забивать свиней (и перечитал в соседских домах всё, что было напечатано на бумаге)... Существенным подспорьем для семейного бюджета стало умение быстро и ловко изготавливать изгороди для фермерских полей, садов и пастбищ. Население Индианы росло, и спрос на ограды был постоянным: нужно было не просто обозначать границы владений, но и защищать посевы и пастбища, «чтобы конь не перепрыгнул, чтобы бык не повалил и чтобы свинья не протиснулась». Ограда складывалась из расколотых стволов срубленных деревьев: сначала в них при помощи тяжёлого деревянного молота вгоняли один за другим два клина, потом с их помощью раскалывали бревно вдоль, потом каждую половину ещё пополам. В день, если позволяли сила и выносливость, можно было изготовить до четырёх сотен брусьев.

В августе 1826 года Аврааму и его друзьям пришла в голову идея не просто делать брусья для оград, но и попробовать продавать дрова для проходящих по Огайо пароходов. Вдоль реки в то время устраивали «дровяные станции», чтобы речные гиганты по мере необходимости пополняли запас топлива. На один из таких складов они и начали поставлять дрова. Оплата часто была не деньгами, а имевшимися в наличии товарами. Однажды Авраам получил девять ярдов белого полотна и вскоре обзавёлся первой в жизни белой рубашкой.

Затея с дровами не принесла больших доходов, но зато Эйб освоился на реке и вскоре попробовал себя в качестве помощника паромщика (20 центов в день). Потом он построил небольшую лодку. С этой лодкой он

связывал одно из важнейших событий в своей жизни, каким бы внешне незначительным оно ни казалось. Однажды два джентльмена попросили Эйба подбросить их на лодке к проходящему пароходу (причалов на реке не было, и такая доставка была обычным делом). Эйб отвёз пассажиров, помог им взобраться на борт и сильными руками перебросил следом их тяжёлые чемоданы. И каждый из джентльменов расплатился с Эйбом полудолларом! Даже через 40 лет Авраам помнил, как в ладони поблёскивали серебряные монеты, а он не мог поверить своим глазам: доллар за перевоз двоих пассажиров?! «Господа, вы можете подумать, что это сущая мелочь, но это было важнейшее событие в моей жизни. Я тогда и представить не мог, что такой бедный парень, как я, может честным трудом заработать доллар в день! Передо мной открылся иной мир — и он был шире и перспективнее прежнего, я стал смотреть на него с большей надеждой и уверенностью»^{18}. Где-то, куда ходят пароходы, есть мир, в котором можно честно заработать доллар в день, и там есть люди, готовые этот доллар в день платить!

Но на этом жизненный урок не закончился. Не успел Эйб освоить новое доходное занятие, как его вызвали к местному мировому судье. Паромщик из Кентукки обвинил Линкольна, что он занимается перевозом пассажиров, не получив лицензии! Удивлённый Эйб ответил, что он и не думал, что подвозить пассажиров к пароходу то же самое, что перевозить их через реку, тем более в случаях, когда паром находится на другой стороне, а пароходы не собираются ни причаливать, ни даже останавливаться. Можно сказать, это было первое выступление Линкольна в суде — и успешное! Судья решил дело в его пользу, отметив, что речь не шла о переправе пассажиров и соответствующие статуты нарушены не были.

Река по-прежнему открывала Эйбу новый мир. Следующей весной Джеймс Джентри, владелец местной лавки, предложил молодому человеку работу, которую когда-то прекрасно выполнял Томас Линкольн. Нужно было сопроводить груз мяса, окороков, зерна и муки на большом плоту «вниз по Красивой реке, по Огайо» — и дальше, до самого Нового Орлеана. Джеймс отправлял с Эйбом своего сына Аллена и платил восемь долларов в месяц! Он умел считать барыши, хотя специально этому не учился. Как-то Джеймса спросили, каков процент его прибыли. «Не знаю *про цент*, — отвечал торговец, — но за каждый доллар, потраченный на покупку товара в Луисвилле, я выручаю два в Джентривилле»^{19}. Какова же прибыль от товара, которому удастся добраться из Индианы в экзотический Новый Орлеан!

1220 миль с севера на юг, сначала по неспешным светлым водам Огайо, потом вниз по сильному и мутному потоку «отца вод» Миссисипи, по крупнейшей речной дороге страны. Стоя за тяжеленным рулевым веслом, обходя отмели и топляки, с опаской и восхищением наблюдая за двух- и даже трёхэтажными громадами пароходов, выменивая товары на сахар и табак с прибрежных плантаций, Эйб впитывал многообразный опыт. «Сахарный берег» в штате Луизиана запомнился ему весьма неприятным событием. Ночью на их стоянку напала банда — человек семь негров с дубинками, то ли беглых, то ли с ближайшей плантации. Грабители хотели поживиться товарами, но здоровенный Эйб и Аллен Джеймс сумели отбиться, отделавшись ушибами и царапинами.

А потом был Новый Орлеан, полный незнакомых лиц, звуков и даже запахов. Казалось, весь мир собрался в крупнейшем городе американского Юга, третьем по величине в Соединённых Штатах. Каждый день сюда приходило более сотни судов с разных концов света: из Гамбурга и Гаваны, Нью-Йорка и Нанта, Филадельфии и

Рио-Гранде, Портленда и Гибралтара, Балтимора и Абердина... Бриги и шхуны, океанские парусники и речные пароходы, не говоря уже о лодках всевозможных размеров, двигались по широкой реке, казалось, хаотично. С них разгружали всевозможные товары Старого и Нового Света, от берега к складам и обратно сновали фургоны, повозки, телеги и тележки. На прибрежных улицах громоздились кипы хлопка, бочки с табаком и сахаром. Ближе к центру улицы были мощены булыжником, а каждый дом представлял собой произведение искусства. Над городом высился грандиозный трёхглавый кафедральный собор Святого Людовика с часами на центральной башне. Повсюду звучала незнакомая речь: в Новом Орлеане говорили не только на английском, но и на испанском, французском, португальском, ирландском, а также на смеси сразу всех этих языков: за полтора века «Нувель Орлеан» побывал французским, испанским и снова французским владением.

Плот они, как было принято, продали на дрова, а вверх по Миссисипи возвращались на пароходе, но не праздными пассажирами, а кочегарами (чтобы не тратиться понапрасну). Линкольн заработал 24 доллара, но по закону и традиции весь заработок отдал отцу.

Огромная река и огромный город изменили представления Эйба о масштабах его жизни. После Нового Орлеана старый мир Голубинового ручья заметно уменьшился в размерах.

Двадцатилетний Эйб проводил дома всё меньше времени. В полутора милях от него вокруг лавки Джеймса Джентри вырос городок Джентривилл, и там Эйб постоянно находил себе приработок: то в лавке, то в качестве помощника местного кузнеца.

На некоторое время им овладела мечта поступить на один из больших речных пароходов. Уильям Вуд из

Джентривилла вспоминал, как однажды Эйб пришёл к нему домой и долго мялся, не решаясь заговорить.

— Эйб, что тебя так озаботило?

— Дядя Вилли, я бы хотел, чтобы ты дал мне рекомендацию для работы на каком-нибудь пароходе...

— Эйб, этого не позволяет твой возраст. Тебе ещё нет двадцати одного года.

— Я знаю, но я так хочу начать самостоятельную жизнь...[{20}](#)

Эйб жил в ожидании совершеннолетия, по достижении которого мужчина получал по закону полную независимость от отца в выборе занятий и в распоряжении доходами. Пока же сын Томаса Линкольна по-прежнему валил лес и ставил изгороди, пахал землю и убирал урожай. Он, как и раньше, много читал и вдобавок стремился услышать побольше учёных речей, теперь уже не только проповедей, но и тех, что произносились в местных судах. В свободное время Эйб ходил в близлежащие городки Рокпорт и Бунвилл, когда там происходили судебные заседания, слушал выступления юристов и делал пометки. Много позже Линкольн признался, что во время одного из судебных заседаний в Бунвилле был настолько поражён яркой, сильной и убедительной речью адвоката Джона Брекенриджа, что впервые задумался над тем, чтобы начать изучать право и стать профессиональным юристом. Он подумал тогда: «Ах, если бы я мог произнести такую же великолепную речь, как эта, душа моя была бы полностью удовлетворена». Эйб даже нашёл учителя, Джона Питчера из Рокпорта; но, как тот потом вспоминал, отец Линкольна был слишком беден, чтобы отпустить сына и тем самым лишиться добытчика и помощника в повседневных фермерских заботах.[{21}](#)

А в самый канун совершеннолетия Эйба Томас задумал новый бросок на запад, вдогонку за убегающим Фронтиром. Его привлекли плодородные земли прерий в

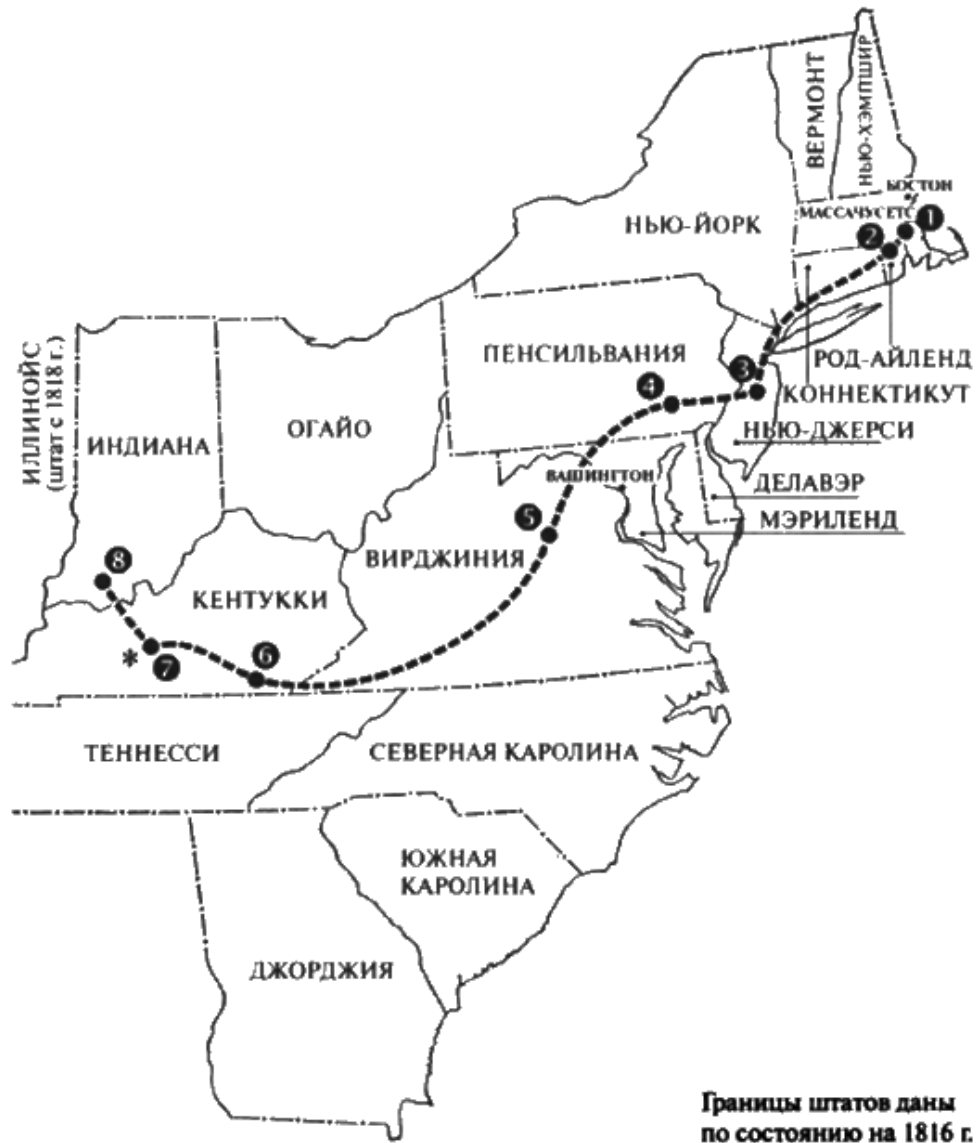
новом штате Иллинойс. Их достоинства расписывал Джон Хэнкс, обзаведшийся семьёй и поселившийся близ только что появившегося городка Декейтера. Кроме того, вся округа была напугана известиями о новой волне эпидемии «молочной болезни». В конце 1829 года Линкольны продали участок матушки Сары в Кентукки, а затем обратили в деньги земельную собственность и скот в Индиане. Эйб понимал, что его помощь действительно очень нужна семье, и поэтому остался с отцом и Сарой после 12 февраля 1830 года, когда ему наконец-то исполнился 21 год.

В понедельник 1 марта начался последний дальний переход потомков Сэмюэла Линкольна на Запад. К этому времени из одной семьи выросло три: Дэннис Хэнкс женился на дочери Сары, Элизабет, а вторая дочь, Матильда, вышла замуж за «сквайра» Левия Холла. Всего в путь отправилось 13 человек. Не было с ними только родной сестры Эйба, Сары. Несколько лет назад она вышла замуж, но осенью 1828 года умерла при родах. Эйб попрощался с её могилой, с могилой «матушки-ангела» Нэнси, и Линкольны — Хэнксы — Холлы тронулись в путь.

Это был непростой двухнедельный переход: тяжёлые фургоны, запряжённые быками, преодолевали в день не более 10–15 миль, ибо двигаться приходилось либо по бездорожью, либо по размытым подобиям дорог. В гигантских лужах, почти озёрах, отражалось высокое весеннее небо. Мостов не было, и студёную воду ручьёв и речушек переходили вброд, разламывая намерзающий за ночь тонкий лёд. Перед одной из таких переправ собака Линкольнов отстала от каравана и появилась, когда все уже переправились. Бедное животное лаяло с дальнего берега, но боялось лезть в перемешанную со льдом воду, а поворачивать и переправлять обратно тяжёлый фургон Томас не собирался. Тогда Эйб попросил подождать и начал разуваться. «Я не мог

представить, что мы бросим собаку, — рассказывал он много позже, — поэтому перешёл реку обратно и вернулся с дрожащим псом под мышкой. Прыжки радости и прочие изъявления собачьей благодарности стали достойным вознаграждением за этот неприятный дополнительный переход через реку».

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПРЕДКОВ А. ЛИНКОЛЬНА ВГЛУБЬ КОНТИНЕНТА В 1637—1836 ГОДАХ

① Сэмюэл (1622—1690)	⑥ Капитан Авраам (1744—1786)
② Мордекай 1-й (1657—1727)	⑦, ⑧ Томас (1778—1851)
③, ④ Мордекай 2-й (1686—1736)	* Место рождения Авраама Линкольна
⑤ Джон «Вирджинский» (1716—1788)	

К середине марта они достигли места, которое присмотрел для них Джон Хэнкс: в восьми милях от Декейтера, на высоком берегу реки Сангамон, на самой границе леса и степи. Пятеро мужчин быстро возвели надёжный сруб, амбар и коптильню, а потом расчистили 15 акров земли под пашню. К счастью, теперь не было необходимости сражаться с девственным лесом, как в Индиане, — нужно было «всего лишь» поднимать целину прерий. Впрочем, леса вокруг тоже было достаточно, и Эйбу пришлось вдоволь помахать топором и молотом. Спрос на изгороди был велик и в Иллинойсе, и расплачивались здесь, как и в Индиане, не деньгами: летом Эйб заработал выкрашенный корой ореха отрез грубой шерстяной ткани «джинс» на пошив штанов — по ярду^[8] за каждые 400 брусьев^{22}.

Но в такой привычной для фермера работе не было никаких признаков того, что перемена места приведёт к перемене образа жизни. Авраам чувствовал, что круговорот повседневных забот возвращает его в ту же сельскую жизнь, к которой он не испытывал тяги. Его отец принадлежал к поколению, в котором когда-то президент Томас Джефферсон видел опору и будущее нации: «Те, кто трудится на земле, — избранники Бога (если у него вообще есть избранники); их души он сделал хранилищем главной и истинной добродетели... Раз у нас есть земля, которую можно обрабатывать, пусть нам никогда не захочется, чтобы наши граждане становились к станку или становились за прялку»^{23}.

Но уже прошлёпал по Миссисипи первый пароход, и неловкий паровоз «Мальчик-с-пальчик» пробежал свои первые 13 миль прочь от Балтимора. Из Америки президента Джефферсона неумолимо вырастала Америка президента Джексона, страна рыночной торговли, промышленной революции и освоения Запада.

В октябре ферму заволокли сырые холодные туманы и испарения из заболоченных низин. Всё семейство слегло с простудой и лихорадкой. Счета из местной лавки показывают, что Линкольнам пришлось ощутимо потратиться на главное лекарство от простуды того времени — спиртовую настойку хинной коры^[24].

Не успели они оправиться от болезней, как на Иллинойс свалилась необычно холодная «зима больших сугробов». Снег пошёл на Рождество и вскоре покрыл землю на четыре фута^[9].

Томас Линкольн остался недоволен занятым участком и готовился по весне в очередной раз переехать на новое место. Авраам больше не собирался следовать за отцом. Дождавшись весеннего паводка, он отправился навстречу самостоятельной жизни — сидя в каноэ и выгребая веслом по большой воде. Как заметил один из известнейших биографов Линкольна Дэвид Дональд, «он ещё не знал, на что способен, куда направляется, но был точно уверен, что не хочет быть вторым Томасом Линкольном»^[25].

НЬЮ-САЛЕМ

Авраам, с его тягой к познанию мира, к книгам и дискуссиям, искал другой жизни, но какой — он, наверное, в то время не мог точно сказать. Главное — ухватиться за любую подходящую возможность вырваться из вечного сезонного круговорота фермерских забот. Такую возможность ему предоставил местный торговец Дентон Оффут, любитель выпить и поболтать, человек ловкий и изобретательный. Его можно было назвать предпринимателем — в том смысле, что он постоянно что-то предпринимал, чтобы разбогатеть. Весной 1831 года он взялся финансировать сплав большого «плавучего сарая» с товарами: сначала по речушке Сангамон, потом по реке Иллинойс и вниз по Миссисипи. Семейство Линкольн имело опыт в таких делах, и Авраам подрядился изготовить транспорт, сопроводить груз до Нового Орлеана и вернуться с выручкой.

Вояж Авраама мог закончиться в самом начале, ещё на Сангамоне, на мельничной дамбе у Нью-Салема. «Ковчег», перегруженный товарами, не смог перевалить через дамбу — поток воды, текущей поверх неё, был слишком слаб. Носовая часть зависла над пустотой, а кормовая стала заполняться речной водой. Казалось, груз потерян. Однако Линкольн удивил окружающих (на такое шоу сбежался весь городок) парадоксальным решением: перенёс часть бочек со свининой и мешки с зерном на берег, там попросил у кого-то коловорот и... пробуравил в зависшем над плотиной днище приличное отверстие. Вода, наполнившая лодку, вытекла, осадка стала заметно меньше, осталось только заткнуть отверстие и перевалить через препятствие.

Путешествие по Иллинойсу и Миссисипи прошло без особых приключений. Самым запоминающимся стал эпизод погрузки в «ковчег» очередной партии свиней. Никакими ухищрениями их не удавалось загнать на борт, пришлось каждую ловить, связывать и под истошный визг завозить по сходням в тачке.

В мае они были в Новом Орлеане. Теперь к прежнему восхищению городом добавился критический взгляд: это было ещё и место азартных игр, пьяных драк, воровских притонов и публичных домов, а кроме того, давний центр атлантической торговли рабами.

Как вспоминал Джон Хэнкс, Линкольн увидел «рабов, скованных цепью, с которыми обращались крайне жестоко: били кнутом и плетью. Сердце его обливалось кровью, и он был так потрясён, что не мог ничего сказать. Вид его был печален, настроение — подавленное». «Могу точно сказать, — добавлял Хэнкс, — что там и тогда сформировалось его отношение к рабству. Оно было выжжено в нём словно железом — именно в мае 1831 года»^{26}.

Это свидетельство часто оспаривается биографами Линкольна, однако юридический партнёр и весьма осведомлённый первый биограф Линкольна Хернодон также утверждал, что то, о чём говорил Хэнкс, он сам часто слышал от Линкольна в 1850-е годы^{27}.

В июле 1831 года Авраам вернулся, но уже не к отцу, а в Нью-Салем. Этот городок появился всего два года назад, по обычному для фронта сценарию. Некто Джеймс Ратледж, «старожил» Иллинойса, переселившийся из Кентукки 12 лет назад, поставил на высоком берегу Сангамона мельницу и лесопилку. Этого было достаточно, чтобы создать центр притяжения для окрестных фермеров. Вскоре Ратледж открыл таверну, дававшую приют приехавшим по делам. Рядом обосновались всегда нужные кузнец, бондарь, шляпник и сапожник, появились врач и учитель. Следом

открылись почтовый офис, лавки с набором ходовых товаров и, конечно, «салун», торгующий спиртным распивочно и навынос...

В течение двух лет на жительство в Нью-Салем перебрались более сотни человек, соорудивших две дюжины разнокалиберных строений: от солидной двухэтажной таверны до миниатюрных (8×12 футов — примерно 2,5×3,5 метра) жилых хижин.

Предприимчивый Оффут решил, что здесь будет весьма выгодно содержать лавку, и предложил Линкольну место приказчика: ему приглянулся сильный и находчивый молодой человек, столь ловко снявший лодку с мельничной дамбы. Для Линкольна это была долгожданная самостоятельная и в определённой степени стабильная работа (15 долларов в месяц!), и он, едва вернувшись из Нового Орлеана, согласился.

Поначалу Аврааму приходилось спать прямо в лавке, в кладовой, между ящиками и бочками. Позже он перенял обычную практику неженатых молодых людей, не имеющих собственного дома: устраивался на постой к какой-нибудь семье за небольшую плату либо за работу по хозяйству. По вечерам, примерно с восьми до одиннадцати часов, он обязательно выкраивал время для чтения.

Чтобы освоиться в Нью-Салеме, Аврааму пришлось пройти своеобразный обряд инициации. В Нью-Салеме и его окрестностях верховодила озорная компания парней, живших неподалёку, в селении Клари Гроув. Эти ребята с одинаково бурной энергией копали по просьбе соседей пруд или колодец — и заталкивали какого-нибудь бедолагу в пустую бочку, чтобы скатить его с горки; помогали бедной вдове — и незаметно связывали хвосты лошадей зазевавшихся путников. Они могли отдать последнее бедняку или сироте, а могли всё проиграть в карты. Жизненная сила у них была через край. Соревнование в любом виде притягивало их как

магнит, будь то бег, борьба, стрельба в цель, метание лома или молота, петушинные бои или такое популярное со времён европейского Средневековья развлечение, как «гандерпуллинг» — срывание на полном скаку привязанного к ветке дерева гуся, непременно за намазанную скользким салом шею.

А хвастливый Оффут стал расписывать клиентам, что Линкольн не имеет равных ни в беге, ни в борьбе, что он побеждал во многих состязаниях ещё в Индиане. «Парни из Клари Гроув» и сами были не прочь испытать нового долговязого приказчика Оффута, но теперь это стало делом принципа. Однажды осенним днём 1831 года Оффут стал в очередной раз расхваливать Линкольна, и один из покупателей предложил заменить слова делом. Он объявил, что готов поставить десять долларов на то, что Линкольн уступит в схватке предводителю ватаги из Клари Гроув Джеку Армстронгу. Авраам не хотел такой схватки на пари, но Оффут уговорил его: нужно поддерживать и свою репутацию, и популярность лавки.

Состязание было организовано по всем правилам: борьба без помощи ног, из определённой позиции, до тех пор, пока один из соперников не окажется прочно прижатым к земле.

Армстронг был крепко сложенным опытным бойцом. Однако Линкольн был выше его — шесть футов четыре дюйма (1,93 метра) и весил под 214 фунтов (97 килограммов). Он был не столько мускулистым, сколько, как свидетельствовал его давний друг Херндон, «жилистым» и в поединках умело использовал свои необычно длинные руки, почти 15 лет ежедневно «упражнявшиеся» с тяжёлым топором дровосека.

Казалось, весь Нью-Салем собрался поглазеть на схватку. Зрители заключали пари: на деньги, на виски, на полезные хозяйственные мелочи. Затем поединок начался.

В картинках и комиксах о жизни Линкольна будущий президент ловко проводит боковой захват и эффектно бросает соперника на землю: тот летит по широкой, впечатляющей зрителей дуге. Однако свидетельства сильно расходятся в деталях: то ли Линкольн выиграл по очкам, то ли была объявлена ничья, то ли Армстронг, чувствуя, что проигрывает, применил запрещённый приём... Несомненно только, что Авраам сумел завоевать симпатии противника, и с тех пор Джек Армстронг стал его близким приятелем, а «парни из Клари Гроув» — верным окружением, всегда готовым прийти на помощь.

Линкольн сумел расположить к себе почти всех жителей Нью-Салема в первые же месяцы жизни в городке. Его сочли усердным, покладистым, но при этом сильным и непохожим на других^{28}. Кроме того, за время работы в лавке Авраам заработал прозвище Честный Эйб. Сохранились истории, как, уже закрыв лавку и пересчитывая выручку, Авраам обнаружил, что взял с одной из покупательниц на шесть центов с четвертью больше положенного, и на ночь глядя отправился за три мили пешком, чтобы вернуть деньги. В другой раз Линкольн перепутал гирьки и взвесил покупателю не полфунта чая, а только четверть, и с раннего утра пустился в дальний путь, чтобы передать кулёк с недовешенным товаром.

Ещё одним выдающимся даром Линкольна оказалось умение рассказывать к месту разные забавные истории. Порой они были грубоваты, но в мужской компании вполне допустимы. В одной из них, например, действовал герой Войны за независимость полковник Итон Аллен. Приехав в Лондон после заключения мира с Британией, он был потрясён пренебрежительным отношением англичан к жителям бывших колоний, особенно к столь почитаемому там главнокомандующему Джорджу Вашингтону. Чтобы досадить Итону Аллену, хозяева одного из домов

повесили портрет Вашингтона в отхожем месте и с нетерпением ждали реакции американца. Аллен прокомментировал ситуацию так: «Вы нашли очень удачное место для портрета. Англичанам нужно держать его именно там. Ведь ничто не заставляет их проср...ся так быстро, как взгляд на генерала Вашингтона!»^{29}.

Но однажды, когда от Авраама ждали очередного забавного рассказа, он показал, что не только и не столько балагур и весельчак. Его всего-то попросили выступить с пародийной речью, чтобы осадить двух неопытных местных политиков, отказавшихся от традиции выставлять избирателям бочку эля. Готовились посмеяться, а услышали серьёзную речь о необходимости правительственных мер по постройке дорог и расчистке речных путей. И выслушали внимательно, хотя Авраам заметно волновался: то засовывал руки в карманы штанов, то вынимал и жестикулировал^{30}...

Так Авраам попал в дискуссионный клуб, в котором сходились «интеллектуалы» городка: учитель, доктор, мировой судья, почтмейстер... Впрочем, кавычки в определении этих уважаемых людей вовсе не обязательны. Доктор Джон Аллен, например, окончил Дартмутский колледж и организовывал в округе воскресные школы. Учитель Ментор Грэхем помогал соседям, в том числе и Аврааму, совершенствоваться в грамматике. Джек Келсоу, «местный самобытный и непрактичный гений», оказался большим поклонником Шекспира и Бёрнса — двух любимых авторов Линкольна, из которых оба могли цитировать наизусть большие куски.

Образованные друзья Линкольна решили, что ему вполне можно пойти в политику. Был в этом и определённый расчёт: Авраам мог стать представителем среднего класса, вырвавшегося или вырывающегося из

вечного сезонного круговорота сельской жизни. С их программой 23-летний Честный Эйб выступил в местной газете 15 марта 1832 года. Его обращение «К жителям графства Сангамон» было первым решительным шагом по дороге политика:

«Сограждане!

Как кандидат на почётную должность вашего представителя на предстоящей Генеральной ассамблее штата, в соответствии с установившейся традицией и с принципами настоящего республиканизма, я считаю себя обязанным известить вас — граждан, интересы которых я намереваюсь представлять, — о своём понимании наших насущных проблем.

Время и опыт доказали общественную пользу внутренних улучшений. Самые бедные и малонаселённые страны извлекают существенную пользу от устройства хороших дорог и расчистки рек для навигации — никто не будет этого отрицать. Однако было бы неразумно предпринимать любые работы такого рода без уверенности в том, что их удастся благополучно завершить. Никто не будет возражать против постройки железных дорог и каналов, да и против любых полезных новшеств — при условии, что это ничего не будет стоить. Единственное препятствие — необходимость за всё это платить...»^{31}

Обращение было длинным и чрезмерно подробным. Искусством политического убеждения молодой Линкольн владел не в полной мере. Грамматические ошибки он попросил поправить своего знакомого, коммерсанта Джона Макнамару.

Это определённно была программа национальных республиканцев (будущей партии вигов^[10]), программа известного политика, сенатора Клея, приложенная к местным проблемам и требованиям. Клей и его сторонники считали, что сильное федеральное правительство сможет направить страну по пути к всеобщему процветанию^{32}. Единый Государственный банк и федеральные пути сообщения должны связать отдельные штаты и территории в цельное могучее государство. Противостоящие вигам демократы были против правительственного вмешательства во внутренние дела. Как позже говорил Эндрю Джексон, он опирался на людей «неподкупных и не подкупающих», на «фермеров, механиков, рабочих», которые «любят свободу и хотят равных прав и общего равенства перед законом», «знают, что их успех зависит от их собственной предприимчивости»^{33}. Тот же единый федеральный банк казался Джексону и демократам монстром, подчиняющим себе свободных предпринимателей.

В завершающих строках послания Авраам объяснил мотивы своего «хождения в политику»:

«Говорят, что каждым человеком движут его собственные амбиции. Так это или нет, но я могу сказать одно: лично я не вижу ничего более великого, чем быть достойно оценённым своими собратьями и показать себя достойным их оценки. Насколько я преуспею в удовлетворении такого своего желания, ещё предстоит выяснить. Я молод и многим из вас неизвестен. Я родился и живу в скромных жизненных условиях, у меня нет связей и рекомендаций от преуспевающих людей. Я надеюсь на независимых избирателей нашего графства, и, если они окажут мне доверие и выберут меня, я

буду работать так, чтобы полностью оправдать их доверие. Однако если добрые люди решат, что будет более благоразумным попридержаться меня, я не буду сильно огорчаться: для этого я уже пережил достаточно разочарований»^{34}.

Словно в поддержку намерений молодого политика в Нью-Салем пришли известия из Цинциннати: местный предприниматель Винсент Бок объявил, что с началом навигации постарается провести пароход «Талисман» от реки Иллинойс вверх по её притоку Сангамон. Успех означал возможность регулярного сообщения городков, лежащих на этом пути, с «цивилизацией», то есть постоянный приток товаров из «центра», регулярную почтовую связь, гарантированный сбыт урожая за достойную цену, за звонкую монету... Одни только известия вызвали всплеск энтузиазма, а уж когда пришло сообщение о том, что пароход идёт, радости горожан не было предела. Газета «Дневник Сангамон» разразилась длинным, восторженным, хотя и довольно топорным стихотворением местного поэта — настолько топорным, что никто до сих пор не берётся доказывать резонное предположение об авторстве Эйба Линкольна.

Линкольн был первым среди тех, кто отправился к месту впадения Сангамон в Иллинойс, в городок Бёрдстаун: сопровождать пароход и «улучшать речной путь», не дожидаясь политических решений. Для этого вся компания вооружилась жердями и пилами на удлинённых ручках, чтобы расталкивать скапливающиеся у отмелей стволы упавших в воду деревьев и срезать свисающие над рекой и мешающие навигации ветви.

Пароход полз вверх по течению, проходя по четыре мили в сутки. По берегам его сопровождали толпы зрителей, скакали всадники, бежали крикливые мальчишки. Многие жители округа вообще видели такое

пыхтящее чудо первый раз в жизни; оно казалось триумфом цивилизации. Правда, много позже Линкольн говорил об этом пароходе как о курьёзе: «Шумные друзья порой напоминают мне пароход, ходивший некогда по реке Иллинойс. Когда его строили, то допустили одну серьёзную ошибку: сделали слишком маленький котёл и слишком мощный свисток. Поэтому, когда нужно было подать сигнал, пароход останавливался: весь пар уходил в свисток»^{35}.

«Талисман» добрался почти до Спрингфилда, где капитану и команде устроили праздничный приём — с танцами, развлечениями, выпивкой. Потом вода весеннего паводка стала заметно убывать, и пароход нужно было спешно выводить обратно. Чтобы вернуться к Бёрдстауну без приключений, капитан нанял лучших знатоков русла Сангамон, и Линкольн был одним из них.

Прибытие «Талисмана» было важным доводом, подтверждающим политическую правоту Линкольна, и к тому же важным жизненным подспорьем: за работу лоцмана Авраам получил целых 40 долларов. Это было очень кстати, потому что дела у Оффута не клеились, и магазин приходил в упадок. Фантазёр Оффут то строил (руками Линкольна) загон на тысячу свиней, собираясь выгодно продать их где-то на юге, то обещал местным фермерам, что закупит и привезёт огромную партию зерна по притягательно низким ценам, и собирал деньги вперёд. Наконец торговля Оффута, по выражению Линкольна, «сдулась и обмякла», и предприниматель расправился со всеми проблемами и долгами простым и распространённым на американском фронтире способом — просто исчез из Нью-Салема. А Линкольн остался без работы.

Сильно расстроиться он не успел — ему неожиданно нашлось дело особого рода. В апреле примчался гонец от губернатора с тревожными известиями: предводитель индейцев сауки Чёрный Ястреб попытался вернуться на

земли предков в Иллинойсе. Когда-то он заключил договор с губернатором, что уйдёт на запад и никогда не пересечёт пограничной реки Миссисипи. Однако страшная, непреодолимая сила — голод — погнала индейцев обратно. Весной 1832 года сотни воинов с жёнами и детьми переправились на каное на территорию Иллинойса и двинулись на родовые земли. Индейцы искренне не понимали, что такое частная собственность на землю, и собрались сажать кукурузу на своих старых угодьях. Это предвещало неизбежные конфликты с белыми поселенцами.

Губернатор Иллинойса должен был прогнать индейцев. Он немедленно объявил о наборе добровольцев для поддержки регулярных войск. Четверть из причисленных к ополчению (белых мужчин в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет) отозвалась на призыв. В основном это была молодёжь, не обременённая семьями и не слишком загруженная полевыми работами^{36}. В числе добровольцев был и Линкольн. 21 апреля 1832 года он был выдвинут на должность капитана, то есть командира роты из шестидесяти девяти ополченцев — в то время они сами выбирали себе начальников. Выборы проходили просто: кандидаты выступали перед строем, «рассказывая, какие они достойные люди, в каких войнах сражались, умирали и проливали кровь, и как они готовы снова, во славу отечества, возглавить новых бойцов»^{37}. После выступлений к каждому подходили те, кто признавал его командиром. Соперником Линкольна был зажиточный мельник Киркпатрик, но даже те, кто сначала вышел к Киркпатрику, поразмыслив, перешли на сторону Линкольна, где собралось очевидное большинство.

Первым сержантом выбрали Джека Армстронга, и неудивительно — костяком роты были озорные «парни из Клари Гроув». Это была первая победа Линкольна на

официальных выборах; потом он не раз говорил, что этот успех принёс ему больше удовлетворения, чем любой другой.

Впрочем, Линкольну пришлось на деле доказывать своё право командовать, а роте — учиться подчиняться. На первую попытку отдать команду, вспоминал Линкольн, ему ответили: «Идите к чёрту, сэр». Но постепенно капитан Авраам научился добиваться своего. Однажды в расположении роты оказался вполне лояльный индеец с рекомендательным письмом от командующего. Ополченцы приняли его за «проклятого шпиона» и собрались расстрелять, «раз уж мы сражаемся с индейцами». Линкольн буквально встал между жертвой и обвинителями и не дал свершиться несправедному суду. Когда же кто-то заявил, что капитан трусил, тот немедленно отреагировал: «Если кто-то сомневается в моей храбрости, пусть проверит прямо сейчас». Желающих не нашлось, индеец не тронули. В другой раз Линкольна вызвал на борцовский поединок могучий ополченец Томпсон из соседнего графства, и капитану пришлось поддерживать свою репутацию на глазах сразу у двух рот; ставкой в поединке было удобное место для ночлега.

Говорят, война — это месяцы скуки, перемежающиеся минутами ужаса. Война Чёрного Ястреба вылилась в рутину и трудности походной жизни: изнурительные переходы, несколько дней без подвоза продовольствия (в результате — засады на свиней и погони за курами), дисциплинарные взыскания. Капитану Линкольну приходилось отвечать за проступки своих парней. Однажды он попал под арест за то, что кто-то из подчинённых без его ведома стащил спиртное из офицерской части военного лагеря (бойцы провели такой весёлый вечер, что на утренней поверке были не в состоянии стоять в строю)[{38}](#).

Много позже Линкольн вспоминал о своём единственном военном опыте с иронией. Во время одного из выступлений в Конгрессе в 1848 году он критиковал попытки представить одного из кандидатов в президенты, Льюиса Касса, как военного героя. «В таком случае, — обращался Линкольн к конгрессменам, — я тоже военный герой. Я тоже сражался, проливал кровь и отступал. Как и Касс, я не участвовал в сражении, но, как и он, был рядом и видел поле боя — некоторое время спустя. Я, правда, не сломал свою шпагу в отчаянии от поражения, поскольку у меня не было шпаги, зато как-то раз я порядком попортил свой мушкет. Конечно, генерал Касс намного опередил меня в сборе черники, зато я, похоже, обошёл его в охоте за черемшой... Я тоже голодал и пролил немало крови в схватках — с москитами. Так что я не меньше, чем генерал Касс, могу претендовать на выдвижение в президенты»^{39}.

Впрочем, жестокие сцены Линкольну видеть приходилось. Однажды вечером он принимал участие в похоронах солдат, погибших в стычке с индейцами: «Красный свет от заходящего солнца освещал мёртвые тела. Они лежали головами к нам, и на макушке каждого отчётливо выделялось красное пятно размером с доллар — на том месте, с которого краснокожие сняли скальп. Это выглядело пугающе, к тому же красный солнечный свет, казалось, залил всё вокруг...»^{40}.

Ополчение тогда собиралось на 30 дней, и когда срок истёк, рота была распущена. Большинство отправилось по домам, но у Авраама не было своего дома в Нью-Салеме, и он записался на службу ещё на месяц — уже рядовым в отряд разведчиков, за 21 цент в день. Потом ещё на месяц, снова рядовым. Наконец исход войны стал ясен, надобность в помощи ополчения отпала, и в июле Линкольн окончательно расстался с военной службой. (Война закончится через три недели;

Чёрного Ястреба доставят к президенту Эндрю Джонсону, тот отправит вождя в почётную ссылку. Через 100 лет имя воинственного индейца и его портрет в качестве эмблемы возьмёт знаменитая хоккейная команда НХЛ «Чикаго Блэкхокс».)

Авраам возвращался, как сам потом писал, «вдохновлённый своей популярностью среди ближайших соседей». Кроме того, он обзавёлся новыми знакомствами. Одним из самых ценных приобретений на будущее стала дружба с Джоном Т. Стюартом (они вместе служили в отряде разведчиков^{41}), но всю его важность Линкольн поймёт только через несколько лет.

Нельзя также не упомянуть, что за службу Линкольну причиталось 124 доллара, что оказалось весьма кстати.

Однако была и обратная сторона долгого отсутствия Авраама в Нью-Салеме: выборы, на которые он так рассчитывал, проводились в начале августа, и на агитацию времени почти не оставалось. Линкольн пытался наверстать упущенное, выступал по всей округе, везде, где только мог найти собиравшихся людей — собиравшихся не ради него, но по вполне житейским поводам, вроде публичных торгов. Авраам ходил тогда в издавшей виды соломенной шляпе, грубом пальто с короткими рукавами и комично маленькими фалдами, коротких брюках и тяжёлых чёрных ботинках, которые в то время называли «чугунами» или «утюгами». Между брюками и ботинками были хорошо видны синие носки^{42}. Но, несмотря на такой внешний вид, он завоёвывал симпатии слушателей — и словом, и, случалось, делом.

На ярмарке в Папсвилле, в 11 милях от Нью-Салема, Линкольн прервал свою речь, как только увидел, что на одного из его друзей бросились несколько местных драчунов. Он спрыгнул с фургона, бывшего его трибуной, пробился сквозь толпу к главному зачинщику,

схватил его одной рукой за шиворот, другой за штаны и отшвырнул на «дюжину футов» (как утверждали очевидцы). «Мой друг, — объявил Линкольн нападавшим, — справится с любым из вас, но честно, один на один»^{43}. Желавших проверить не нашлось, конфликт угас, и Линкольн продолжил речь: «Сограждане! Друзья уговорили меня стать кандидатом в Законодательное собрание. Моя политика неспешна и приятна, как танец немолодой женщины. Я выступаю за национальный банк. Я сторонник усовершенствования местных путей сообщения и высокой ввозной пошлины. Это и есть мои политические принципы. Я буду признателен, если вы меня выберете. Если не выберете — тоже»^{44}.

Итог выборов одновременно огорчил и обрадовал его. Выбирали четверых представителей из тринадцати кандидатов; Авраам оказался восьмым. Зато в Нью-Салеме и окрестностях за него проголосовало 277 выборщиков из трёхсот! (Через три месяца на выборах президента США те же выборщики отдали всего 70 голосов за лидера национальных республиканцев сенатора Клея.) Стало понятно, что Линкольну не хватает известности; он прожил в Иллинойсе чуть более полутора лет, и всего в нескольких милях от Нью-Салема избиратели недоумённо говорили: «А кто такой этот Линкольн? Никогда о нём не слышали». Некоторые после объяснений припоминали: «А, это тот парень, что возил в Нью-Орлеан свиней Оффута...»^{45}. Зато Авраам приобрёл опыт участия в избирательной кампании и уверенность в своих силах. Политика казалась ему одновременно подходящим и почётным делом. И, кстати, достойно оплачиваемым. Но до новых выборов оставалось два года, и их нужно было как-то прожить, то есть найти средства к существованию.

Весьма привлекательной казалась Аврааму работа юриста: она была близка к политике и позволяла ему

реализовать свои достоинства — красноречие, ответственность, умение работать, любовь к книгам и память. Но ни достаточного опыта, ни необходимых знаний у него не было, только желание. Идею пришлось отложить до лучших времён. Куда более доступным было ремесло кузнеца, и здесь опыт у Авраама имелся, да и силы ему было не занимать. Однако для этого занятия Авраам не видел перспектив — это был для него только физический труд, близкий к повседневным заботам приземлённой фермерской жизни, словно возвращавший его в Индиану, под отцовское попечение...

«Он оказался без цели и без занятий, — писал пятидесятилетний Линкольн о себе тогдашнем, 23-летнем, — но стремился остаться рядом со своими друзьями... да и податься ему, собственно, было некуда»^{46}.

Это объясняет быстрое решение Линкольна воспользоваться первым подвернувшемся случаем заняться делом. Прежние хозяева местной торговой лавки бросали этот бизнес и хотели поскорее расстаться с остатками товаров. Они продали половину доли Уильяму Берри, капралу в роте Линкольна на недавней войне с Чёрным Ястребом, а вторую согласились уступить Линкольну в долг под расписку: имя Честного Эйба служило надёжной гарантией. Вскоре владелец ещё одной лавки, Рэдфорд, сильно испортил отношения с «парнями из Клари Гроув», и однажды вечером они разгромили его магазинчик. Рэдфорд, напуганный обещанием, что «в следующий раз его кости разделят участь оконных стёкол», немедленно продал руины лавки и товары чуть ли не первому встречному, некоему Грину, готовому заплатить 400 долларов, а тот сразу перепродал всё Линкольну и Берри, положив в карман 250 долларов разницы в цене. К скромным накоплениям Линкольна и Берри была прибавлена лошадь Линкольна

с седлом и упряжью, а на оставшуюся сумму составлена долговая расписка, снова скреплённая добрым именем Честного Эйба^{47}. Оставалось только преуспеть в торговле.

Ассортимент товаров был предназначен для удовлетворения элементарных нужд жителей городка и окрестностей: чай и кофе, соль и сахар, простые ткани вроде ситца и муслина, шляпы и шляпки, обувь. И ещё виски, который, по утверждению Берри, будет притягивать покупателей, «как мёд притягивает мух»^{48}. На беду трезвенника Линкольна главным потребителем запасов алкоголя стал сам капрал Берри, что стало заметно сокращать доходы. Но зато работа в лавке позволяла общаться с большим количеством людей и оставляла время для чтения, а значит, для дальнейшего самообразования.

Жители Нью-Салема запомнили характерную позу читающего Авраама: он располагался в тени дерева, ложился на спину, длинные ноги закидывал на ствол, а потом, словно стрелка солнечных часов, перемещался вокруг дерева вслед за тенью.

Не прошло и полугодя, как стало ясно, что партнёрство Линкольна и Берри не способствует процветанию дела. Союз любителя припасть к книге и любителя приложиться к бутылке оказался недолговечным. Вместо доходов росли долги. Уже в марте 1833 года Берри, не спросив Линкольна, выправил лицензию на торговлю спиртным не только «навынос», но и «распивочно». Лавка, таким образом, превращалась в кабак, и сколько ни говорил Берри, что видит в этом единственный способ получить хоть какую-то прибыль, Линкольн, неизменный противник употребления спиртного, отказывался поддерживать его затею. Вскоре он передал Берри свою долю и вышел из дела. К его сожалению, долги остались висеть на обоих партнёрах, а вот бизнес, по выражению Линкольна,

«слинял». Великодушные заимодавцы один раз перенесли оплату, но в 1834 году наступил крайний срок. Берри к тому времени окончательно спился, а Линкольну насчитали долгов на 1100 долларов — сумму по тем временам настолько гигантскую, что Авраам назвал её «национальным долгом». На расплату за попытку стать коммерсантом уйдёт не менее десяти лет^{49}. Однако само желание Линкольна полностью расквитаться с долгами, вместо того чтобы по примеру Оффута бежать «в неизвестном направлении», только усилило уважение друзей и соседей, поддержало репутацию Честного Эйба.

А между тем не истекло ещё и половины двухлетнего срока между выборами. Линкольн чувствовал себя на самом дне жизни: без постоянного занятия, без куска хлеба. Земля снова притягивала к себе: на фронтире всегда были востребованы люди, умеющие хорошо работать руками, и спрос на подёнщиков не иссякал. Но Авраам считал, что достоин работать головой, и принимался за привычные изготовление брусьев для ограды или шелушение кукурузы только в самом крайнем случае.

Выручила новая должность, которая была бы для Линкольна идеальной, если бы требовала полной занятости и соответственно оплачивалась. Это была должность почтмейстера — нижняя ступенька федеральной чиновничьей лестницы, восходившей от мелких провинциальных городков до президента США. Президентом тогда был Эндрю Джексон, демократ, при котором началась эпоха «дележа добычи» после выборов — вознаграждения партийных соратников разными по важности и доходам федеральными должностями. Линкольн был сторонником Клея и противником переизбрания Джексона; тем не менее демократы не противились его назначению почтмейстером, как он сам объяснял, «ввиду

незначительности должности». Действительно, доходы такого мелкого чиновника складывались из комиссионных за отправку и получение почтовых отправок (писем, газет, журналов, брошюр и т. п.) и зависели от интенсивности почтового оборота.

В Нью-Салем почту привозили раз в неделю в мешках, притороченных к седлу. Только этот единственный день требовал достаточно напряжённого труда, соответственно и доход составлял всего несколько десятков долларов в год. Зато это был гарантированный доход, причём всегда наличными, и Линкольн мог подрабатывать в округе только по мере необходимости. Были и другие преимущества. Свои письма почтмейстер отправлял и получал бесплатно, и так же бесплатно ему доставлялась одна ежедневная газета на выбор. Почтмейстер мог читать всю периодику, приходившую в его контору: подписчики частенько не спешили за своими газетами и журналами. Федеральная должность освобождала от необходимости тратить время на сборы ополчения и исполнение обязанностей присяжного заседателя в суде. Она придавала особый статус (правительственные чиновники были редкостью во всём графстве) и обеспечивала «офисом» — помещением в лавке самого успешного торговца Нью-Салема Сэма Хилла. Считается, что именно став почтмейстером, Линкольн впервые обзавёлся своим характерным символом — высоким цилиндром. С этого времени у него выработалась устойчивая привычка хранить в этом цилиндре важные бумаги («Он носит свой офис в шляпе», — стали говорить про Авраама). Значительно расширился круг общения Линкольна — в его контору приходила вся округа. Иногда Линкольн сам отправлялся доставлять письма, сложив их в свой цилиндр.

А ещё «неполная занятость» оставляла время для чтения. Линкольн по-прежнему выбирал те книги,

которые позволяли ему избавляться от самых заметных пробелов в образовании.

Как-то за завтраком Авраам признался своему наставнику, учителю Ментору Грэхему:

— Я бы хотел изучить грамматику...

— Если ты планируешь выступить перед публикой, то это первое из того, что нужно сделать.

— Если бы у меня был учебник, я бы начал прямо сейчас...

— Я знаю, у кого есть учебник: у одного из Вэнсов, но они живут в шести милях отсюда...

Грэхем ещё не закончил завтрак, когда Линкольн пустился в неблизкий путь (конечно, пешком). К вечеру он вернулся счастливым обладателем потрёпанного учебника Кирхэма.

«Через мои руки прошло четыре, а то и шесть тысяч учеников, — вспоминал Грэхем, — и ни один из них не мог сравниться с Авраамом в быстроте овладения основами английской грамматики»^{50}.

Справившись с грамматикой, Линкольн засел за геометрию. На это его подтолкнули совершенно конкретные причины: друзья нашли ему ещё одну работу — помощника землемера («геометра»), которая позволяла обеспечивать себе достойное существование, но требовала соответствующих навыков. Главный землемер графства Джон Кэлхун оказался перегружен заказами — настолько высоким был спрос на обустройство ферм, дорог и городских участков под застройку. Линкольн узнал, что его рекомендовали Кэлхуну в помощники, когда в лесу занимался привычной работой — заготавливал брусья для изгородей. Первым делом Авраам поинтересовался, не потребуют ли от него каких-либо перемен политических убеждений (его будущий начальник был демократом), и объявил, что будет работать, только если не надо будет поступаться ими^{51}. Обещание было дано, и Авраам,

вооружившись необходимыми книгами, стал денно и ночью штудировать основы нового ремесла.

К концу 1833 года 24-летний Авраам приобрёл (снова в долг) приличную лошадь и набор инструментов землемера: двадцатиметровую мерную цепь, железные колышки и подержанный компас.

Свои первые измерения Линкольн произвёл в январе 1834 года и получил за них две выделанные олени шкуры, которые жена Джека Армстронга Ханна использовала для укрепления рабочих штанов новоиспечённого помощника землемера («чтобы защитить самые уязвимые части тела от шипов и колючек»). Работы стало прибавляться — Кэлхун доверил помощнику всю северо-западную часть своих «владений». Линкольн проводил топографическую съёмку дорог и участков для школ, нарезал сотни акров фермерских земель, размечал лесные делянки, вымерял участки новых растущих городов, очередных Питсбурга, Олбани или Нового Бостона. Честность и ответственность Линкольна стали известны далеко за пределами Нью-Салема: «Когда возникали земельные споры, появлялся мистер Линкольн и своими цепью и компасом всё улаживал к общему удовлетворению»^{52}. Примечательно, что в 1835 году новый главный землемер графства, сменивший Кэлхуна, пожелал оставить Авраама своим помощником.

Вроде бы жизнь стала налаживаться: времени хватало и на работу, и на подработку, и на общение с жителями, и на чтение книг. «Такой способ зарабатывать на хлеб, — вспоминал позже Линкольн, — поддерживал гармонию души и тела»^{53}. Но тут один из владельцев долговых расписок через суд потребовал немедленных выплат по «национальному долгу». Линкольну пришлось продать всё, что он имел: и лошадь, и весь набор инструментов землемера. Это казалось катастрофой.

На помощь пришли друзья. Джеймс Шорт выкупил всё проданное на торгах и вернул Аврааму. Линкольн сможет отблагодарить Шорта через много лет, когда станет президентом: тогда уже «дядюшка Джимми» будет испытывать серьёзные финансовые трудности, и Линкольн сделает его своим доверенным лицом и назначит инспектором одной из индейских резерваций в Калифорнии с окладом 1800 долларов в год^{54}.

Между тем близился первый понедельник августа 1834 года — принятая тогда дата выборов в Законодательное собрание. 19 апреля имя Линкольна появилось в местной газете в коротком объявлении о выдвижении кандидатов. В последующие три с половиной месяца 13 претендентов на четыре желанных места затеяли нешуточную предвыборную борьбу. На этот раз Линкольн обходился без программных заявлений: в округе больше симпатизировали демократам. Как землемер он разъезжал по графству и заодно проводил «кампанию рукопожатий»: знакомился с избирателями, пожимал руки, рассказывал истории, шутил, а бывало, принимал участие в состязаниях.

В одном из селений Линкольн появился в самый разгар уборки хлеба. После того как его прямо в поле представили собравшимся (их было человек тридцать), кто-то произнёс:

— Мы будем голосовать только за кандидата, который умеет работать руками!

— Если это единственное условие, — отвечал Линкольн, — считайте, я уже заполучил ваши голоса.

Он взял косу и пошёл работать так ловко, что оставил позади всех работников. «Не думаю, что здесь он потерял хотя бы один голос», — заметил один из свидетелей этого импровизированного соревнования. На другой день Линкольн выступал в селении Берлин. При его первом появлении доктор Барретт смерил кандидата

взглядом и воскликнул: «Неужели не могли прислать никого получше?» Но сразу после речи Линкольна Барретт признал: «Этот парень великолепен! Он разбирается в делах лучше остальных кандидатов вместе взятых!»^{55}.

Иногда Авраама сопровождали «парни из Клари Гроув», готовые «пресечь любые обидные замечания в адрес их кумира»^{56}. Примечательно, что многие из этих парней были сторонниками демократов с их приоритетом индивидуальной свободы и личной инициативы. Но почти вся округа Нью-Салема готовилась голосовать за Линкольна, во-первых, потому что испытывала к нему личное расположение; во-вторых, потому что Авраам сумел увлечь всех идеей прокладки канала от реки Сангамон к Бёрдстауну, к реке Иллинойс, а значит, к транспортной артерии Миссисипи. В Нью-Салеме, со времён рейса «Талисмана» жаждавшем прочной связи с внешним миром, эта идея пользовалась поддержкой вне зависимости от партийных симпатий^{57}. Более того, местные демократы «говорили своим демократическим братьям в других частях графства, что те должны помочь выбрать Линкольна, иначе никакой поддержки своим кандидатам они не получают»^{58}. По всей видимости, именно в ответ на такое обращение демократы затеяли сложную политическую комбинацию: объявили Линкольту, что поддержат его, отказавшись от двух своих кандидатов, но только для того, чтобы отобрать голоса у самого опасного конкурента, лидера вигов Джона Стюарта. Авраам неожиданно оказался активной фигурой в политической игре: ради собственной победы он осложнял борьбу своему единомышленнику и хорошему знакомому. Но неужели нужно было отказаться от своей мечты?

О том, как Линкольн справился с этой моральной проблемой, вспоминал сам Джон Стюарт: «Помню, мы

были на соревнованиях по стрельбе. Претенденты выставляли приз (тушу быка, которую победители делили в соответствии с занятыми местами) и заодно проводили агитацию. Линкольн действовал честно и достойно, подойдя ко мне и сообщив о предложении демократов. По опыту предыдущей выборной гонки 1832 года я был совершенно уверен в своём успехе — видимо, чересчур, поскольку был молод, — и сказал Линкольну, что он может объявить демократам, что принимает их голоса... Теперь мы знали их тактику и сосредоточились на борьбе против только одного из них»^{59}.

Выборы состоялись 4 августа 1834 года. Линкольн (он получил 1376 голосов) пришёл вторым, отстав всего на один процент голосов от почтенного демократа Джона Доусона, израненного 42-летнего ветерана войны 1812 года, отца семерых детей (1390 голосов). Третьим стал демократ Уильям Карпентер (1170 голосов). Джон Стюарт зацепился за последнее проходное место (1164 голоса)^{60}.

Это была серьёзная победа. Но поначалу казалось, что жизнь не изменилась. До первой сессии Законодательного собрания оставалось несколько месяцев, и Авраам вернулся к привычным занятиям: принимал и отправлял почту, уезжал из Нью-Салема отмерять земельные участки, общался, шутил, рассказывал истории и, как всегда, много читал.

Характерная картина той осени: к Линкольну, свесившему босые ноги с каких-то брёвен и погрузившемуся в книгу, подходит знакомый фермер:

— Авраам, что ты читаешь?

— Я не читаю.

— А что же ты делаешь?

— Я изучаю право.

— Право! Господи всемогущий — он изучает право!

Это была настоятельная рекомендация Джона Стюарта, с которым Линкольна ещё более сблизили

выборы. Стюарт, уже тогда практикующий юрист, помог не только добрым советом, но и нужными книгами.

В ноябре книги пришлось отложить — пришла пора ехать в столицу штата Вандалию на заседания Законодательного собрания. Но прежде Линкольн отправился в гости к доброму знакомому, зажиточному фермеру Кольману Смуту.

— Кольман, скажи, ты голосовал за меня?

— Голосовал.

— Тогда одолжи своему избраннику 200 долларов. Мне нужно обзавестись подходящим костюмом, чтобы прилично выглядеть в собрании.

Смут одолжил деньги, а позже, вспоминая об этом, не забывал добавить, что Линкольн вернул их вовремя и сполна^{61}. А Линкольн приобрёл первый в своей жизни костюм (60 долларов — две годовые зарплаты почтмейстера!) и отправился в городок Вандалию, тогдашнюю «политическую Мекку» Иллинойса.

ВАНДАЛИЯ

В те времена верхом шика считалось разогнать дилижанс на подъезде к столице и влететь на улицы Вандалии с грохотом колёс, щёлканьем бича и криканьем рожка, потом сделать крутой поворот, резко затормозить перед почтовым офисом и доставить пассажирам одновременно чувство облегчения и удовольствия. Облегчения — оттого, что тряское 34-часовое путешествие наконец-то закончилось. Удовольствия — оттого, что дилижанс оказывался в плотной нетерпеливой толпе местных жителей, явно обрадованных его прибытием. Правда, вскоре выяснялось, что радость толпы вызвана вовсе не приездом политиков (к этому здесь привыкли), а прибытием долгожданной почты и свежих новостей. Народные избранники могли спокойно выйти, забрать багаж и отправиться в одну из близлежащих таверн, дающих стол и кров. Таверны могли носить громкие названия вроде «Отель Националь» или «Новый Белый дом», но при этом представляли собой двухэтажные бревенчатые строения и вмещали не более тридцатисорока постояльцев. Мы не знаем, где именно обосновалась спрингфилдская делегация, знаем только, что лидер вигов Джон Стюарт и Линкольн поселились в одном номере.

Благодаря этому Авраам сразу попал на политическую кухню штата. Делать политику было удобнее всего именно в дни работы Законодательного собрания: одновременно с депутатами в городок съезжались сенаторы, судьи и, соответственно, адвокаты, истцы и ответчики, а также лоббисты, многочисленные искатели должностей и просто

любопытные. Семейные люди привозили жён и взрослых дочерей — людей посмотреть и себя показать.

Вечерами таверны превращались в многолюдные клубы. В облаках сигарного дыма, под звон стаканов и хлопанье пробок шло живое общение, часто приправленное довольно крепкими словами. Впрочем, когда появлялись леди, манеры становились более изысканными. Всё-таки это было светское общество (насколько это возможно в пограничном штате): вместо меховых енотовых шапок с хвостами носили шляпы, вместо охотничьих курток — костюмы и фраки, вместо мокасин — ботинки, а вместо грубых домотканых джинсов или кожаных штанов — сшитые портным брюки.

Стюарт, уже живший и работавший в Вандалии, познакомил Авраама с городком, в котором им предстояло дважды провести по два — два с половиной месяца.

Вандалия существовала на картах 14 лет. Основанная специально как столица штата, она была когда-то построена на самой границе фронта, на окружённом лесами высоком холме над рекой. Однако к 1834 году цивилизация ушла далеко на север, и бывшая граница «обитаемого мира» стала обжитым пространством Южного Иллинойса. Путешественник из «внешнего мира» — с восточного побережья или даже из Европы (таких иногда заносило в эти края) — видел в Вандалии скромный городок в сотню строений с населением менее тысячи человек^{62}. Но для Линкольна столица казалась большим городом, по разительному контрасту с Нью-Салемом, который был раз в десять меньше. В Вандалии пересекались две большие дороги: та, по которой приехали делегаты графства Сангамон (она вела с юга, из Теннесси и Кентукки, на север Иллинойса, к Великим озёрам), и «Национальная дорога» от обжитого Атлантического побережья на

неизведанный Запад. Эта дорога должна была скоро превратиться в полноценное шоссе: специально для неё строили постоянные мосты и рубили деревья для превращения колеи в настоящую «проезжую часть». Дорога начиналась в 781 миле к востоку от Вандалии, в столице Соединённых Штатов Вашингтоне, и обрывалась через 80 миль к юго-западу, у вод грандиозной Миссисипи, у города Сент-Луис, прозванного «воротами на Запад».

Линкольна поражали широкие улицы и чёткий план города, а выдавший виды путешественник с востока отмечал, что на улицах нет тротуаров и они заполнены, в зависимости от сезона, то пылью, то грязью.

Город называли «бревенчатой столицей»^{63}: он был почти полностью построен из дерева. Деревянными были и губернаторский дом, и новая тюрьма. Но два общественных здания, собственность штата, были из кирпича: то, что поменьше, вмещало в себя местные присутственные места; то, что побольше, двухэтажное, было зданием Законодательного собрания, Капитолием Иллинойса^{64}.

В это здание 25-летний Линкольн вошёл в понедельник, 1 декабря 1834 года. Палата представителей, собравшая 55 депутатов, располагалась на первом этаже. Она была заставлена длинными столами (один на троих), на которых стояли пробковые чернильницы. Стол спикера располагался на небольшом возвышении. По краям палаты находились ящики с песком для промокания чернил; любители жевать табак использовали их как плевательницы. С края кадки с питьевой водой свешивались три лужёных черпака. Камин и чугунная печь согревали депутатов во время зимних заседаний; по вечерам в зале зажигали свечи в высоких подсвечниках. Время от времени с потолка падали куски штукатурки, прерывая, как вспоминал очевидец, «самых красноречивых ораторов».

Пятого декабря Линкольн выступил со своим первым законопроектом. Он поднялся с места и высоким голосом с характерным кентуккийским акцентом предложил билль об ограничении юрисдикции мировых судей. Борьба за это предложение показала ему, как непрост путь от законопроекта до закона. Билль утопили в бесконечных процедурах: передали на рассмотрение в один комитет, потом в другой, пока он незаметно не истёрся в пыль от бесконечных откладываний и проволочек.

Впрочем, у молодого депутата были и успехи: он добился для своего друга паромщика Сэмюэла Мьюзака официального разрешения построить платный мост через Солёный ручей в графстве Сангамон, а на следующей сессии провёл закон о переносе части главной дороги штата к этому мосту. Большинство биллей и принятых законов были такого же или даже более мелкого масштаба («о перемене имени Клайборн Белл на имя Клайборн Элдер Белл»), но именно на первые годы работы Линкольна в Законодательном собрании Иллинойса пришлось резкое ускорение шествия по США индустриальной революции. Линкольн голосовал за выделение средств штата на строительство канала между рекой Иллинойс и озером Мичиган — важнейшего отрезка системы, соединяющей Атлантическое побережье США через бассейн Миссисипи с Мексиканским заливом. А из «десятилетия каналов» уже вырывалась с лязгом и гудками эра паровозов и рельсов. На следующей сессии, зимой 1835/36 года, Линкольн голосовал за поддержку строительства железных дорог.

И всё-таки большую часть времени Линкольн смотрел и слушал: вбирал опыт, постигал премудрости парламентских процедур. По основным вопросам он голосовал вместе со своей фракцией, полагаясь на авторитет Стюарта, руководившего деятельностью

вигов на сессии так ловко, что его прозвали «Пронырливый Джерри». У Стюарта Линкольн учился искусству политического компромисса и даже бартера: «ты проголосуешь за моё предложение, а я проголосую за твоё». Однако Авраам, как специально подчеркнул его биограф и партнёр Херндон, установил для себя границы этических и неэтических политических манёвров: подкупить Честного Эйба с самого начала было невозможно^{65}.

О том, что Линкольн серьёзно относился к работе законодателя, свидетельствует статистика: он пропустил только восемь заседаний при средней цифре в 14 пропусков на депутата. Из 124 голосований без его участия прошли только семь^{66}. Свой двадцать шестой день рождения он провёл в заседаниях и голосованиях. А на следующий день, 13 февраля 1835 года, его первая сессия закончилась. Чуть ли не впервые Линкольн получил достойную оплату за свой труд: в общей сложности 258 долларов за два с половиной месяца работы. Правда, почти вся сумма ушла на уплату накопившихся долгов (в январе умер пьяница Берри, и все его долги по лавке перешли к Линкольну).

«В результате временного пребывания в Вандалии, — подводил итоги первой сессии Линкольна его биограф, сенатор Альберт Дж. Беверидж, — он обзавёлся новыми друзьями, получил представление о законотворчестве и о связанных с ним манипуляциях. Он видел, как реализуются на практике основные конституционные принципы. Он слышал, как насущные вопросы обсуждаются информированными и компетентными людьми. Он встречал образованных и воспитанных женщин. В общем, побывал в новом, ином мире, после которого бревенчатая избушка в селении над рекой Сангамон вряд ли могла оставаться столь привлекательной...»^{67}. Новый мир отличался ещё и необыкновенным пульсированием энергии, которой во

время сессий буквально захлёстывали столицу штата его самые энергичные и предприимчивые представители. Линкольн сумел заглянуть за неширокие рамки провинциального горизонта, и теперь жизнь Нью-Салема казалась ему слишком неспешной и приземлённой.

Друзья заметили, что по возвращении из Вандалии страсть к самосовершенствованию разгорелась в Аврааме с новой силой. Продолжая исполнять обязанности почтмейстера и землемера, он с головой погрузился в изучение права. Определённым стимулом стало поразившее его наблюдение, сделанное в Вандалии: многие юристы, заседавшие в Законодательном собрании, не оканчивали никаких специальных учебных заведений (в Иллинойсе того времени было негде и не у кого учиться на юриста). Они самостоятельно читали сборники актов и юридические справочники, откуда и получали знания, необходимые для сдачи экзамена и приобретения лицензии.

Годы спустя Линкольну довелось давать советы студентам-правоведам, и он поделился своими методами обучения: «Если вы окончательно решили стать юристом, считайте, что полдела уже сделано. Не столь важно, будете ли вы читать литературу с кем-то или самостоятельно. Я читал самостоятельно. Достаньте книги, читайте их, изучайте до тех пор, пока не поймёте заключённых в них основных принципов — это главное. Необязательно жить в большом городе — я занимался в Нью-Салеме, в котором никогда не жило более трёх сотен жителей. Книги, как и ваши способности их уразуметь, одинаковы везде... Всегда имейте в виду, что ваша решимость добиться успеха важнее всего остального»^{68}. Этот метод, по мнению Линкольна, «очень простой, хотя и трудоёмкий, утомительный и занудный. Достаточно раздобыть нужные книги и тщательно читать, изучать их... Работать, работать,

работать — вот главное». Линкольн приводит список самых нужных книг, по которым, как считается, занимался он сам^{69}.

Первыми в нём стоят классические «Комментарии к законам Англии» оксфордского профессора сэра Уильяма Блэкстоуна (Линкольн рекомендовал минимум дважды прочесть их от корки до корки). Этот увесистый том известный историк Дэниел Бурстин назвал «Самоучителем для будущих юристов». С момента первого выхода «Комментариев» (в последней трети XVIII века) их читали и заучивали близко к тексту многие будущие адвокаты. Сам президент Джефферсон рекомендовал этот логичный и ёмкий свод знаний^{70}. Вдобавок к этому теоретическому сочинению Линкольн получил от Стюарта несколько книг о юридической практике, дающих советы о поведении адвоката в различных судебных ситуациях, предупреждающих о тонкостях терминологии и словоупотребления. Большое влияние оказала на Авраама работа Джозефа Стори об особой традиции в английском и американском правосудии — «праве справедливости», используемом, если юридические нормы входят в противоречие с нормами справедливости. Наконец, Линкольн не мог не изучить свод действующих законов штата Иллинойс и четыре тома комментариев к американским законам.

У Линкольна была и своего рода правовая практика. Не обладая официальным статусом, он не имел права получать деньги за помощь в юридических вопросах, но накапливал опыт, знакомства и признание окружающих. Вооружившись сборником образцов для создания юридических документов, Авраам почти с самого начала жизни в Нью-Салеме помогал друзьям и соседям составлять контракты, оформлять сделки, соглашения, завещания и тому подобные юридические документы, требующие правильной формы. «В 1834 году, —

вспоминал один из жителей Нью-Салема, — мой отец собрался продать односельчанину большую партию товара. Я знал, насколько Линкольн искусен в таких делах, и предложил попросить его помочь с бумагами. Мы нашли его сидящим на каком-то пне и рассказали, чего хотим. Он ответил: «Хорошо. Если вы принесёте мне чернила, ручку и чистый лист, я напишу всё прямо здесь». Я принёс всё необходимое, а он поднял с земли обломок какой-то доски, положил на колено и на таком «столе» написал бумагу по сделке»^{71}. Порой Линкольн выступал представителем одной из сторон в каком-нибудь мелком деле (например, в споре, кому из двух соседей принадлежит свинья) перед местным совестным судьёй — тоже безвозмездно^{72}.

В конце концов настало время подводить итоги напряжённым двухлетним занятиям. В марте 1836 года Линкольн получил в местном суде обязательную справку, подтверждающую, что он является «человеком хороших моральных качеств»^{73}, и 9 сентября 1836 года выдержал у двух опытных судей экзамен на право заниматься юридической практикой во всех судах штата Иллинойс^{74}.

К тому времени Линкольну пришлось пройти через горнило предвыборной борьбы за сохранение своего места в Законодательном собрании, более жёсткой и напряжённой, чем в предыдущую кампанию. Это был год президентских выборов. Герой демократов Эндрю Джексон завершал второй президентский срок и по неписаной традиции не мог больше занимать пост главы государства^[11]. Он надеялся, что его заменит вице-президент, демократ Мартин Ван Бурен. Виги противопоставили ему сразу нескольких кандидатов, что в итоге распылило голоса их сторонников. Борьба на местных выборах развернулась от столицы до окраин. Партийная дисциплина стала настолько строгой, что

демократы Нью-Салема (и «парни из Клари Гроув», и даже близкий друг Армстронг) не могли голосовать за вига Линкольна. Более того, резко усилился накал словесных баталий между претендентами в депутаты.

Одним из соперников Линкольна был Джордж Форкер, бывший лидер вигов. В тот момент, когда Форкеру предложили стать демократом и получить за это уютную правительственную должность с годовым окладом три тысячи долларов, его политические взгляды изменились. Вскоре новоиспечённый демократ построил богатый дом в Спрингфилде и на зависть всем водрузил над ним громоотвод (на который ходили смотреть, как на музейную диковину). Форкер считался сильным оратором, мастером сарказма, и на митинге в Спрингфилде, где Линкольн выступил довольно успешно, взялся, как он сам выразился, «осадить этого молодого человека». Речь его была произнесена снисходительным тоном и основывалась на высмеивании конкурента, стоящего рядом со скрещенными руками и проявляющего достойную выдержку. Затем Линкольн взял слово для ответа.

Он сказал: «Этот джентльмен завершил выступление словами, что «молодого человека надо осадить» и что он «сожалеет, что эта задача выпала именно ему». Я не так молод по годам, как по искущённости в политических трюках и уловках; но, сколько бы мне ни было отмерено прожить, я скорее соглашусь умереть молодым, чем, как этот джентльмен, переменить свои убеждения и одновременно получить должность, приносящую три тысячи долларов в год, а затем устроить в доме громоотвод, чтобы защитит себя от Божьего гнева!»^{75}

Ответ был настолько удачным, что публика взорвалась смехом и овациями, а друзья унесли Авраама с места выступления на плечах. А дом с громоотводом надолго стал достопримечательностью: жители

Спрингфилда показывали его в связи с речью Линкольна даже много десятилетий спустя.

Были и более тонкие игры. Один из бизнесменов Спрингфилда, Роберт Аллен, публично заявил, что настолько уважает депутатов от виггов Авраама Линкольна и Нинью Эдвардса (сына сенатора), что, хотя и обладает компрометирующими фактами, способными полностью разрушить их шансы на предстоящих выборах, не будет предавать их огласке. Линкольн, как только узнал об этом, немедленно выступил на страницах «Ежедневника Сангамона» с резким обращением к Аллену:

«Вы хотите сделать мне любезность, но любезность ко мне оборачивается несправедливостью по отношению к нашим избирателям. Именно поэтому я прошу Вас избавить меня от такого одолжения. Жители Сангамона однажды уже продемонстрировали своё доверие ко мне, и если с тех пор появились факты, указывающие на то, что этого доверия я больше не заслуживаю, то тот, кто обладает этими фактами и скрывает их, является предателем по отношению к интересам нашей страны. Я совершенно не представляю, какие факты, реальные или вымышленные, Вы имели в виду, но моя уверенность в Вашей правдивости ни на секунду не позволяет мне сомневаться в том, что Вы верите в то, что говорите... Надеюсь, Вы примете во внимание общественные интересы и обнародуете всё худшее, что Вам известно. Я же уверяю Вас в том, что никакие известные Вам истинные факты, как бы глубоко они меня ни утопили, никогда не разорвут дружеские узы, связывающие нас. Я бы хотел

видеть Ваш ответ, равно и известные Вам факты опубликованными. С большим уважением,

А. Линкольн»^[76].

Надо ли говорить, что ни ответа, ни фактов опубликовано не было? В первый понедельник августа 1836 года Авраам Линкольн получил наибольшее число голосов из семнадцати кандидатов в депутаты и по-прежнему первенствовал в своём Нью-Салеме. В истории Иллинойса эти выборы запомнились ещё и тем, что все девять выбранных депутатов (семь членов собрания и два сенатора штата) были ростом выше шести футов (183 сантиметров). Всю компанию прозвали «Длинная девятка» по аналогии то ли со старой длинноствольной морской пушкой, то ли с популярным сортом длинных сигар. Линкольн был самым высоким из всех, но не это сделало его лидером фракции вигов. Прежний лидер, Стюарт, пытался пробиться в Конгресс США и счёл справедливым, что его преемником в Вандалии будет набравшийся опыта Линкольн.

Единственное, что могло серьёзно огорчать Линкольна, — это то, что он был лидером меньшинства Законодательного собрания. А большинство возглавил впервые избранный в собрание Стивен Арнольд Дуглас, 23-летний адвокат из Джексонвилла.

Биография Дугласа чем-то похожа на биографию Линкольна^[12]. Он рано лишился отца и вырос под присмотром дяди на ферме в штате Нью-Йорк. Школьное образование ограничивалось тремя месяцами в год — зимой, когда затихали полевые работы. К пятнадцати годам у Дугласа выработалась неприязнь к фермерскому труду, он считал, что заслуживает чего-то большего. Его увлекала политика, восхищал герой войны 1812 года и умелый государственный муж Эндрю Джексон. Матушка надеялась, что сын будет зарабатывать на жизнь

изготовлением мебели, но Стивен оказался слишком болезненным для такого ремесла. Он был отправлен учиться в академию (государственную школу), а потом поступил учеником в одну из юридических контор. Однако для получения профессии юриста законы штата Нью-Йорк требовали от соискателей семи лет образования и четырёх лет практики. Тогда Дуглас оставил родные места, отправившись на «великий Запад». Где конкретно искать благосклонность фортуны и место адвоката, он не знал. Но когда матушка при прощании спросила: «Когда же, сынок, мы снова увидим тебя?» — он уверенно ответил: «По дороге в Конгресс США, мама!»

В Иллинойс судьба привела Дугласа с последним долларом в кармане. Работы юриста не находилось, и он, чтобы иметь кусок хлеба, стал бродячим учителем (благо наступил зимний сезон и фермеры были готовы ненадолго отправить своих чад в поход за знаниями). Той же зимой 1833/34 года Стивен начал свою юридическую практику (ограниченную отсутствием лицензии) и заработал первые два доллара. Когда же школа закрылась, карьера Дугласа начала продвигаться с повышенной скоростью: 1 марта он смог сдать экзамен на юриста, тут же получил лицензию и начал работу в Джексонвилле (городе, названном в честь почитаемого им президента). Там же Дуглас продемонстрировал умение разбираться в политике и недюжинные ораторские способности, которых так не хватало местным демократам.

В 21 год Дуглас стал юристом и заметным (пока в местном масштабе) политиком. Он был ходячей демонстрацией идей демократического равенства: носил грубые кентуккийские джинсы, обращался к собеседникам по имени и был готов обсуждать политические вопросы со всеми желающими на улице или в салуне. В результате у каждого собеседника

складывалось впечатление, что Дуглас именно его близкий друг^{77}. Закалившись в избирательной кампании лета 1834 года и помогая затем депутатам-демократам писать впечатляющие билли (так же, как Линкольн помогал коллегам-вигам), Дуглас показал себя умелым организатором. В 1836 году он был назначен окружным прокурором, а потом стал депутатом Законодательного собрания и в своём графстве привёл демократов к победе^{78}. 5 декабря 1836 года Дуглас и Линкольн встретились в зале Законодательного собрания Иллинойса и с этого дня стали на многие десятилетия серьёзными политическими конкурентами.

«Команда Дугласа» пользовалась большинством голосов, чтобы, где возможно, взять верх над «командой Линкольна»: от выборов спикера собрания до выборов представителя Иллинойса в сенат США. (Демократ-победитель закатил такую вечеринку с шампанским, что заплатил 600 долларов за еду, спиртное и разбитую посуду. Говорили, что немало посуды побил Дуглас, устроивший под конец танцы на столах^{79}.)

Правда, в ту сессию вигов и демократов объединяло общее желание «внутренних улучшений». «Ежедневник Сангамона» писал: «Это не партийная программа! Все наши жители объединены искренним стремлением к введению в нашем штате внутренних улучшений, столь нужных, столь желанных, абсолютно необходимых для процветания»^{80}.

Именно Дуглас предложил не только построить канал, но и провести от места его окончания железную дорогу к Миссисипи да ещё соединить её двумя дополнительными ветками. Депутаты восхищались собственной смелостью: будущее казалось настолько многообещающим, что штат без всяких предварительных изысканий и экспертных заключений решил взять под залог ценных бумаг кредит в десять миллионов долларов! Сюда входили расходы на каналы,

и на целую сеть железных дорог, и на улучшение фарватера пяти важнейших рек, и 200 тысяч на компенсационные выплаты графствам, не получавшим прямой выгоды от всех этих вложений. Когда билль стал законом, Вандалия озарилась иллюминацией и загрохотала фейерверками.

Тогда никто не знал, что в ближайшее время разразится мощный экономический кризис и за четыре года долг Иллинойса увеличится в полтора раза, причём за долларовую акцию будут давать не более 15 центов. Одни только выплаты процентов будут в десять раз превышать годовой доход штата, а памятником идее всеобщих улучшений станут, по замечанию историка Пола Саймона, «мосты из ниоткуда в никуда, недорытые каналы, дороги, невесть где начинающиеся и непонятно куда пропадающие». Из всех проектов будет реализован только проект канала Мичиган — Иллинойс^{81}.

Впрочем, тогда мало кто думал и о том, какие масштабы приобретёт проблема рабовладения. Линкольн в то время был среди тех, кто верил в постепенное и неизбежное отмирание рабства в США, поэтому не уделял этой проблеме большого внимания. Его высказывания о рабовладении в тот период весьма немногочисленны, а официальное выражение мнения вообще сводится к одному протесту-обращению к Законодательному собранию от 3 марта 1837 года.

В тот день Линкольн и ещё один представитель «Длинной девятки», юрист Дэн Стоун, «коротко определили свою позицию по вопросу о рабстве», которой Авраам, по его собственному признанию, придерживался потом не менее двух десятков лет^{82}. Причиной официального выступления стала реакция собрания и сената на меморандумы, полученные от коллег из нескольких штатов. Встревоженные распространением аболиционизма — радикального движения за немедленную, всеобщую и безоговорочную

отмену рабовладения, — представители этих штатов попросили соседей высказать своё отношение к рабству, аболиционизму и проекту государственной отмены рабовладения на территории федерального округа Колумбия (он вместе со столицей США Вашингтоном находился в федеральном подчинении, поэтому там рабовладение могли отменить прямым решением американского Конгресса). Демократическое большинство Законодательного собрания Иллинойса, поддержанное многими вигами, приняло и отправило соседним штатам резолюцию: правительство США не властно вмешиваться в права собственности на территории отдельных штатов, в том числе и в право собственности на рабов в рабовладельческих штатах, освящённое Конституцией; собрание не одобряет создание обществ аболиционистов, равно как и проповедуемых ими доктрин; правительство США не может отменить рабство на территории округа Колумбия против воли его жителей.

Линкольн был одним из шестерых голосовавших против такого ответа («за» проголосовали 77 депутатов). Они с Дэном Стоуном предложили свой проект резолюции, отмежёвывающийся и от рабовладельческой, и от аболиционистской идеологии. Авторы считали:

«Институт рабства основан на несправедливости и политически вреден, хотя пропаганда аболиционистских доктрин ведёт скорее к усугублению, нежели к ослаблению этого зла. Конгресс Соединённых Штатов не имеет конституционной власти вмешиваться в институты рабовладения в отдельных штатах. Конгресс Соединённых Штатов имеет конституционную власть отменить рабство в округе Колумбия, хотя и не иначе как по

требованию населения вышеупомянутого округа»^{83}.

В таком изложении взглядов видна проблема, стоявшая перед Линкольном и другими противниками рабства: рабовладение — это моральное и политическое зло, но на его страже стоит священная Конституция. Борьба радикалов против рабовладения оказывается борьбой против Конституции, частной собственности, законности и порядка. При этом в позиции Линкольна и Стоуна в отношении отмены рабовладения в округе Колумбия видны пути разрешения этой проблемы в национальном масштабе: в принципе отмена возможна «сверху», но только по требованию населения.

Любопытно, что протест Линкольна и Стоуна был озвучен всего за день до окончания очередной сессии, через шесть недель после принятия резолюции о рабстве. Как считал историк и политик Пол Саймон, это был политический расчёт: протест стал известен только после того, как в Законодательном собрании был решён вопрос, считавшийся куда более важным, — о переносе столицы штата^{84}. «Длинная девятка» стояла за Спрингфилд, но у города была ещё дюжина конкурентов, в том числе и Вандалия, не желавшая признавать очевидное: она не удержалась в качестве центра освоенного Иллинойса.

Ещё в 1833 году в штате было проведено первое общее голосование о возможной будущей столице, но ни один из городов-кандидатов не получил очевидного преимущества. Лидировал с 7511 голосами Альтон, удачно расположенный на Миссисипи, ненамного отставали Вандалия (7148 голосов) и находящийся почти в самом центре штата Спрингфилд (7044 голоса). Значительное число сторонников имели и другие городки, в том числе небольшое селение с претенциозным названием Географический центр^{85}.

Вопрос снова встал на зимней сессии 1836/37 года, и разногласия оказались столь велики, что решение о переносе столицы едва не было отложено «до лучших времён», что означало «навсегда». Иногда всё держалось на перевесе в один-единственный голос. В такой сложной ситуации Линкольн показал себя знатоком парламентских процедур и умелым руководителем делегации. Его номер в таверне стал штабом, а «Длинная девятка» выступила ядром группы активных сторонников переноса столицы в Спрингфилд. Именно Линкольн сразу отсёк небогатые и малонаселённые городки, организовав принятие дополнительного условия: город-претендент должен быть в состоянии внести 50 тысяч долларов и предоставить два акра земли для обустройства новой столицы. Если же учесть, что многие сторонники «малых» городов считали Спрингфилд «претендентом номер два» после своего родного гнезда, эта мера пошла на пользу столице графства Сангамон. Затем, когда нависла угроза очередного откладывания слушаний, Линкольн отправил коллег на поиски депутатов-прогульщиков, чтобы доставить их к утреннему заседанию. Ещё пятерых депутатов смогли уговорить присоединиться к сторонникам Спрингфилда, пообещав поддержку в получении их графствами доли от финансирования «внутренних улучшений». В результате, когда собрание приступило к голосованию о переносе столицы, Спрингфилд уже не был «одним из»: в первом туре он опережал по числу голосов двух любых других конкурентов, вместе взятых (он имел 35 голосов, тогда как Джексонвилл и Вандалия — всего 30). А затем к Линкольну стали присоединяться те, кто в первом круге не мог этого сделать из-за обязательства перед избирателями голосовать за свой город. Оказавшись в очевидном меньшинстве, депутаты один за другим принимали сторону вероятного победителя. Только

сторонники Вандалии держались до последнего, но в итоге Спрингфилд получил 75 голосов, а все остальные участвовавшие во втором туре претенденты — 50.

Настал черёд пировать «Длинной девятке». В одну из таверн близ Капитолия были приглашены все депутаты; самый богатый из «Длинной девятки», сын сенатора и бывшего губернатора Нинья Эдвардс, взял на себя все расходы на угощение. 81 бутылка шампанского и неисчислимое количество сигар, устриц, миндаля и изюма обошлись ему в круглую сумму, зато праздник удался на славу^{86}.

Линкольн вернулся с сессии в Нью-Салем только для того, чтобы попрощаться с давними друзьями и знакомыми. Городок, в котором он научился зарабатывать на жизнь не только руками, но и головой, доживал свой век. Нью-Салем не смог одолеть законов экономической географии и после 1835 года уже не развивался, а боролся за выживание. Пароход «Талисман», чей громкий гудок весной 1832 года породил столько надежд и восторгов, сгорел на верфи в Сент-Луисе, а с ним и мечты о навигации и широкой торговле с «внешним миром». Гудок ушёл в пар. Жители стали перебираться в окрестные селения. Большинство переезжало за две мили вниз по реке, в недавно обмеренный землемером Линкольном Петербург. Туда же в 1836 году была перенесена почтовая контора, и Линкольн потерял должность почтмейстера. К 1840 году Нью-Салем стал городом-призраком с кучкой брошенных разваливающихся домов.

А возродит его почти век спустя... Авраам Линкольн. Именно благодаря его имени на высоком берегу Сангамона будет восстановлен деревянный городок эпохи освоения фронта. Американцы индустриальной эпохи будут пригибать головы, входя в «лавку Берри — Линкольна», с удивлением рассматривать забытые приспособления вроде устройства для сбора золы и

беседовать с «жителями» Нью-Салема, одетыми в домотканые костюмы и самодельную обувь по моде ушедшей эпохи.

Весной 1837 года адвокат Линкольн отправился на новое место жительства — в город, ставший с его помощью столицей Иллинойса. Стюарт, опытный политик и успешный адвокат, предложил ему место младшего партнёра в своей юридической конторе. Они стали сотрудничать ещё осенью, вскоре после получения Линкольном лицензии, но только 15 апреля 1837 года «Ежедневник Сангамона» официально сообщил: «Дж. Т. Стюарт и А. Линкольн, юристы, объявляют о начале совместной юридической практики. Обращаться в Спрингфилд, Хоффман Роу, второй этаж, офис № 4».

Считается, что именно 15 апреля 1837 года Линкольн появился в Спрингфилде, чтобы поселиться там (и прожить потом почти четверть века с небольшим перерывом). Большим везением для Авраама стало то, что первым, к кому он обратился в столице за помощью, оказался 23-летний Джошуа Спид. Они ещё не были лично знакомы, но Джошуа являлся большим почитателем Линкольна с того времени, как услышал и на всю жизнь запомнил его предвыборную речь про громоотвод. Вот как вспоминал сам Спид их встречу:

«Это было весной 1837 года. Он въехал в Спрингфилд на одолженной у кого-то кобыле, и вся его собственность помещалась в двух седельных сумках. Я был тогда в Спрингфилде торговцем и содержал большую лавку, где продавались мануфактура и бакалея, а также посуда, книги, лекарства, постельное бельё, матрасы — словом, ходовые товары для окрестных жителей. Линкольн вошёл в лавку с седельными сумками в руке и сказал, что хотел бы купить всё необходимое для того, чтобы обустроить спальное место для одного: матрас, наволочки,

простыни, пододеяльники, подушку, покрывало... Я насчитал товара на 17 долларов. Линкольн сказал, что это довольно дёшево, но какова бы ни была сумма, заплатить он не может. Вот если я открою ему кредит до Рождества и при этом его новая работа юриста будет приносить доход, тогда он непременно заплатит. А потом добавил самым печальным тоном: «Если же у меня ничего не получится, я не представляю, когда смогу заплатить». Когда я взглянул на него в тот момент, мне показалось, да и теперь кажется, что я никогда не видел более печального лица.

Я сказал: «Похоже, вы сильно переживаете от того, что вынуждены просить одолжения, но я могу предложить вам план, который поможет избежать долгов и при этом свести концы с концами. У меня наверху есть большая двуспальная кровать, и вы можете спать там рядом со мной». — «Где ваша комната?» — спросил он. «На втором этаже», — ответил я и указал на витую лестницу, поднимающуюся из лавки наверх.

Он подхватил свои седельные сумки, поднялся в комнату, бросил их там на пол и вернулся с явно переменившимся настроением. С нескрываемым удовольствием он воскликнул: «Что ж, Спид, вот я и переехал!» Ему было тогда 27 лет; юрист без клиентов и без денег, всё состояние которого умещалось в двух седельных сумках»^{87}.

С этого момента Спид стал ближайшим другом Линкольна — несмотря на серьёзные расхождения в политических взглядах, в том числе в вопросе о рабстве.

Нашёлся ещё один «добрый самаритянин», Уильям Батлер, клерк из местного суда. Из уважения к Линкольну он предложил ему столоваться у себя, ни словом не упоминая о плате. В результате Авраам почти на четыре года обеспечил себе минимум, необходимый для проживания в новой столице штата: стол и дом.

В том же году в Спрингфилде был устроен грандиозный банкет в честь успеха города в борьбе за право стать этой новой столицей. В одном из центральных отелей собралось шестьдесят-семьдесят самых уважаемых людей города. Среди музыки, песен, восторгов и восклицаний было произнесено несколько десятков тостов: за Иллинойс, достойный братского круга штатов великой республики, за его Законодательное собрание, отдельно за Северный и за Южный Иллинойс, за Спрингфилд; за «Длинную девятку», за губернатора, за всё и вся... (газетный репортёр сбился на двадцать втором тосте — наверное, перепил){88}.

Банкет был словно приурочен к началу практики Линкольна в Спрингфилде, к началу его большого пути... И к середине его жизни, пришедшейся на март 1837 года. Откроем толстый том хроники «Линкольн: день за днём» — на полдороге между февралём 1809 года и апрелем 1865-го.

Тринадцатого марта 1837 года начал весеннюю сессию суд графства Сангамон, и на следующий день Линкольн представлял там Дэвида Вулдриджа в двух делах: «Хоуторн против Вулдриджа» и «Вулдридж против Хоуторна». Это были его первые дела в качестве адвоката, начатые с подачи Стюарта ещё осенью 1836 года, довольно заурядные: один фермер (Вулдридж) попросил другого вспахать три десятка акров целины, пообещав заплатить и отдать часть пашни в пользование, а потом отказался от своих обещаний, припомнив, что когда-то Хоуторн, будучи арендатором, не вернул довольно приличную сумму, взятую в долг. Линкольн убедил стороны прийти к соглашению, не дожидаясь решения суда, и дело было снято со слушаний{89}. Линкольн не выиграл и не проиграл дело, но, скорее всего, остался доволен исходом. Много позже он советовал начинающим адвокатам по возможности не

доводить дело до суда: «Уговаривайте ближних своих решать дела компромиссом везде, где только это возможно. Обращайте их внимание на то, что номинальный победитель в суде на деле часто оказывается проигравшим — потерявшим слишком много времени и слишком много денег. Адвокат, выступающий миротворцем, получает прекрасную возможность быть действительно добрым человеком. Всё равно на его долю останется ещё очень много дел...»[{90}](#)

ЭНН, МЭРИ И... МЭРИ

Той же весной, когда Спрингфилд обзавёлся новым жителем, адвокатом Линкольном, сюда приехала в гости к родственникам восемнадцатилетняя южанка Мэри Тодд. С её появлением личная жизнь Авраама полностью переменялась. Однако сначала стоит поговорить о его прежних увлечениях и влюблённостях.

Подростком и даже молодым человеком в Индиане он, как вспоминала Сара Буш-Линкольн, «не очень увлекался девушками»^{91}. Ни о каких заслуживающих внимания ухаживаниях или привязанностях до переезда в Нью-Салем упоминаний не осталось. Правда, для себя Авраам выдумывал целые романтические приключения, вроде такого: «Однажды неподалёку от нашего дома сломался фургон переселенцев: муж, жена и две дочери. Пока чинился фургон, они готовили на нашей кухне, и мать семейства читала нам истории из книг, которые везла с собой. Одна из девочек мне очень понравилась, и как-то, когда я сидел у дома на солнышке, я сам сочинил историю. Я представил, как вскочил на отцовскую лошадь, бросился вдогонку за фургоном и, наконец, отыскал его. Все были мне очень удивлены. Потом я поговорил с понравившейся девочкой и убедил её бежать со мной. Ночью я посадил её с собой в седло, и мы помчались по прерии. Через несколько часов мы подъехали к какому-то лагерю, а когда приблизились, то обнаружили, что это тот, который мы недавно покинули. Мы остались в лагере и попробовали побег на следующую ночь. Снова случилась та же история: мы прискакали обратно в свой лагерь. Я оставался там до тех пор, пока не убедил отца отпустить дочь со мной... Думаю, так во мне пробуждалась любовь»^{92}.

Да и в Нью-Салеме, вспоминал доктор Джейсон Дункан, «он был очень сдержан по отношению к противоположному полу. В то время, когда я жил и столовался с ним в одном доме, я не припоминаю, чтобы он ухаживал за какой-нибудь юной леди, хотя я и знал, что он неравнодушен к Энн Ратледж»^{93}.

О эта загадочная Энн Ратледж! Её короткая история — словно жестокий романс XIX века: самая красивая девушка в селении, обручённая с богатым коммерсантом и брошенная им, влюбляется в бедного, но честного почтмейстера, уже давно и тайно страдающего по ней. Бедность мешает им пожениться, и он спешит освоить новую профессию адвоката. Но влюблённым не суждено быть вместе: она умирает во цвете лет, а её избранник, уже ставший респектабельным юристом, безутешно рыдает над её могилой.

Научная и уж тем более художественная литература долго принимала на веру эту историю и вдохновлялась ею. Трогательные стихи и эпитафии посвящались Энн и её нереализовавшейся любви. Сочинённая каким-то журналистом переписка влюблённых выжимала слёзы у читательниц в конце 1920-х годов. А потом грянула прагматичная эра «ревизии» истории, и признаком хорошего тона стало рассказывать об этом романе как о величайшей мистификации биографов Линкольна, начиная с его верного друга и партнёра Херндона. Херндон, как известно, никогда не ладил с женой Авраама Линкольна, и этим объясняли его «изобретение» единственной «настоящей», «подлинной» любви Линкольна^{94}. Даже авторитетная энциклопедия «Авраам Линкольн», вобравшая в себя итоги более чем столетних исследований, утверждала в 1982 году: «Этот роман ныне рассматривается как ничем не обоснованный, а доказательства его глубокого влияния на дальнейшую жизнь Линкольна полностью опровергнуты»^{95}.

И всё-таки на рубеже 1980—1990-х годов, когда историкам стала полностью доступна богатейшая коллекция устных свидетельств о молодом Линкольне, собранная ещё Херндоном, но волею закона надолго заключённая в закрытое хранилище, роману было возвращено право на существование. Стало понятно, что в общем скрупулёзный и честный юрист Херндон основывался на показаниях многочисленных «свидетелей», ни в чём между собой не сговаривавшихся. Анализ же всех этих показаний по трём принципиальным вопросам: «Ухаживал ли Авраам за Энн?», «Горевал ли после её смерти?», «Собирались ли они пожениться?» — показал, что свидетели в подавляющем большинстве отвечали на все вопросы «да» (кроме тех случаев, когда не высказывали никакого мнения)^{96}. Даже многие недавние критики стали признавать, что в общих чертах историю Авраама и Энн можно считать достоверной.

Дочка содержателя таверны и одного из основателей Нью-Салема, круглолицая, голубоглазая, с золотисто-каштановыми волосами, невысокая и приятно полноватая, считалась первой красавицей Нью-Салема. Более того, соседи вспоминали её как девушку «с сердцем ангела», умную, общительную и добрую. В год, когда в городке появился Авраам Линкольн, ей исполнилось 18 лет. Он жил в одном доме со всей многочисленной семьёй Ратледж, в их двухэтажной таверне, и у него на глазах лучшие ухажёры городка стремились обратить на себя внимание красавицы. Среди них были весьма перспективные женихи, вроде владельца лучшего магазина Хилла или его партнёра, удачливого коммерсанта из Нью-Йорка Макнила. Линкольну же, с его робостью в обращении с юными леди, приходилось прятать свои чувства — особенно с того момента, как его друг Джон Макнил сговорился с Энн о скором обручении. Правда, был у Макнила секрет,

который он открыл Энн уже после их уговора. Его настоящая фамилия была Макнамар, и он скрывал её, поскольку в Нью-Йорке его отец попал в крупные неприятности, а сын, чтобы спасти его, тайком отправился на Запад на заработки. Макнил боялся, что либо семья вытребует его обратно, либо до него доберутся заимодавцы отца. К осени 1833 года Джон благодаря магазину и ферме скопил более десяти тысяч долларов. Это означало, что ему пора отправляться в Нью-Йорк, откуда он собирался перевезти в Нью-Салем всю семью, после чего они с Энн смогли бы пожениться.

Однажды Макнил оседлал своего «героя войны с Чёрным Ястребом старину Чарли» и уехал. Некоторое время спустя почтмейстер Линкольн мог наблюдать, как постепенно иссякает переписка обручённых. Правда, уговор их оставался в силе, но, как заметил доктор Дункан, этот непреодолимый барьер к сближению с Энн парадоксальным образом сделал Авраама достаточно раскованным в отношениях с девушкой. Он мог позволить себе быть весёлым и общительным, шутить и рассуждать, понимая, что Энн не расценит это как попытку «заигрывания». Авраам стал появляться на молодёжных посиделках, где общие работы вроде шелушения кукурузы или шитья больших лоскутных одеял соединялись с развлечениями. Постепенно взаимная симпатия стала расти, и Авраам был счастлив, когда смог сказать Энн о своих чувствах^{97}.

Брат Энн, Роберт, вспоминал: «Мистер Линкольн стал проявлять интерес к Энн, постоянно приходил к нам, уделял ей внимание, и в результате дело дошло до предложения жениться, при условии, что будет расторгнута договорённость с Макнамаром. Я не сомневаюсь, что Энн полностью решила разорвать свой уговор с Макнамаром, но, видимо, хотела сделать это при личной встрече»^{98}. Была причина медлить и у Авраама. Он понимал, что с его долгами (даже с учётом

того, что он уже был избран в Законодательное собрание штата) содержать семью будет невозможно. Он пообещал Энн, что сдаст экзамен на адвоката и обеспечит себе и ей достаточный доход. Они уговорились, что подождут год; как раз за это время приедет и будет «отправлен в отставку» Макнил-Макнамар, а Линкольн получит адвокатскую лицензию. Уговор имел место, видимо, в середине 1835 года и стал для Авраама дополнительным стимулом погрузиться в учебники и кодексы.

А потом грянуло изнурительно знойное лето, одно из самых жарких в Иллинойсе — и самых душных из-за бесконечных ливней. Вода делала непроходимыми дороги и заливала колодцы. Последнее обстоятельство привело к тому, что по графству прокатилась вспышка заболеваний брюшным тифом. Однажды и у Энн обнаружилась горячка. Она слегла, а когда почувствовала себя совсем плохо, попросила послать за Авраамом. В её последние дни он был рядом, но помочь не мог. 25 августа 1835 года Энн Ратледж умерла.

Авраам потерял третью любимую женщину: сначала матушку, потом старшую сестру и вот теперь — первую возлюбленную... Он был безутешен, говорил окружающим: «Я никак не могу смириться с тем, что снег или дождь терзают её могилу...»^{99}. Потрясение было настолько велико, что некоторое время он не мог ни спать, ни есть, целыми днями до изнурения бродил по окрестным холмам и лесам. Друзья боялись, что либо «рассудок покинет свой трон в его голове», либо дело дойдёт до самоубийства. Они помогали Аврааму держаться, присматривали за ним, напоминали, что Господь предназначает его для чего-то более достойного, чем ранняя смерть^{100}.

Через несколько недель после похорон Энн вернулся Джон Макнамар, привёз матушку и родных, выгрузил из фургона магазинную мебель из Нью-Йорка. Оказалось,

его задержали смерть отца и необходимость улаживать семейные дела. Джон приехал жениться, а застал могилу... (Он навсегда поселится в окрестностях Нью-Салема, заведёт ферму, женится через 15 лет и доживёт до семидесяти восьми.)

Память об Энн останется с Линкольном до последних дней его жизни. Уже в Белом доме, когда зайдёт разговор о старых знакомых из Нью-Салема, один давний друг Авраама спросит, правда ли, что он был влюблён в дочку Ратледжа. «Это правда, я любил её, — ответит Линкольн. — Любил нежно и сильно. Она была красивой девушкой и стала бы любящей женой. Я любил её искренне, по-настоящему. Я часто, теперь особенно часто думаю о ней...»^{101} После случившегося потрясения мучительные приступы чёрной меланхолии будут терзать Авраама до конца жизни, и друзьям придётся не раз вытаскивать его из депрессии^{102}.

В те месяцы опеку над Линкольном взяло семейство Абел. Доктор Беннет и его супруга Элизабет (Бетси), как могли, старались утешить Авраама. Через несколько месяцев Бетси вознамерилась вылечить его меланхолию радикальным способом — устроить его личную жизнь. Едва Авраам немного пришёл в себя, как она напомнила ему о своей сестре Мэри Оуэнс, симпатичной девушке, гостившей у неё три года назад (её родительский дом был в Кентукки). Авраам припомнил симпатичную круглощёкую Мэри, и она ему заочно понравилась. Миссис Абел собиралась к родителям и пообещала Линкольну, что вернётся с сестрой — при условии, что Авраам женится на ней. После смерти Энн Линкольну показалось, что «брести по жизни рука об руку» он сможет с любой более или менее подходящей супругой, и согласие было дано. Правда, заботливость Бетси показалась Аврааму «несколько чрезмерно усердной»... В ноябре 1836 года миссис Абел привезла «погостить» Мэри.

О том, что было дальше, сам Линкольн рассказал в одном из исповедальных писем, которое позже просил не обнародовать до своей смерти. Авраам признался, что попал в ловушку. За три года Мэри сильно изменилась, причём не в лучшую сторону. «Я знал, что она крупновата, но теперь она была готова составить компанию Фальстафу!» Вольно или невольно Авраам сравнивал Мэри с Энн, и всегда сравнение было не в пользу последней. Так, её зубы казались ему какими-то «обветренными». Несмотря на то, что девушка была старше потенциального жениха лишь на несколько месяцев, у того сложилось впечатление, что она годится ему в матери. «Но что было делать, — вздыхал Линкольн, — я обещал её сестре, что возьму Мэри в жёны, и мне казалось, что придерживаться данного слова будет делом чести. Я пытался уверить себя, что внутренние достоинства куда важнее, чем внешний вид, а в этом смысле Мэри не уступала никому, с кем я был знаком». Но настоящего притяжения между молодыми людьми всё не возникало, и Авраам, как мог, откладывал объяснение.

В декабре 1836 года необходимость покинуть Нью-Салем для работы в Законодательном собрании дала Линкольну некоторую передышку. Затем он перебрался в Спрингфилд, встречи молодых людей сменились письмами, по мнению самого Линкольна, настолько «сухими и глупыми», что он отправлял их с большой неохотой. В письмах он говорил прежде всего о себе, о своей неустроенной жизни, о том, что его будущая супруга будет совершенно несчастлива, ибо бедность будет сказываться во всём. Считая, что слово, данное Бетси Абел, нельзя нарушить, Авраам пытался убедить Мэри прекратить отношения. Летом 1837 года он приехал в Нью-Салем и стал доказывать, что союз с ним будет пагубным и для её духовной жизни, и для её

физического состояния. Счастье Мэри, утверждал Линкольн, в том, чтобы не вступать с ним в брак.

Мэри уклонялась от определённого ответа. Тогда последовали новые письма из Спрингфилда, в которых Авраам просил девушку «принять самостоятельное решение», но при этом упоминал, что если она чувствует себя связанной с ним какими-то обязательствами или узами, то он охотно освободит её от них, потому что желает Мэри счастья: «Ничто не сделает меня более несчастным, чем знание того, что ты несчастлива, и ничто не сделает более счастливым, чем знание того, что счастлива ты».

Письменных ответов Мэри не сохранилось. По-видимому, она не давала никаких обещаний, но и бросать Авраама не собиралась. Внешне не очень привлекательная, Мэри была довольно умна и решила по-своему преподать Линкольну урок. Она дождалась того дня, когда Аврааму пришлось сдержать данное миссис Абел обещание — сделать довольно сухое «официальное» предложение руки и сердца. И вот тогда, к огромному удивлению Линкольна, последовал решительный отказ. Поражённый Линкольн повторил предложение и снова получил не менее твёрдый отказ. Сколько бы ни думали окружающие, что Мэри «старая дева», ловящая в 29 лет последний шанс выйти замуж, она пришла к тем же выводам, что и Линкольн, хотя и другим путём. Мэри поняла, что будет несчастлива в браке с Авраамом. Она, получившая в Кентукки весьма приличное образование, однажды призналась Бетси, что её поразило отсутствие у Линкольна «тех маленьких звеньев внимания, из которых складывается цепочка женского счастья». «Я понимаю, — говорила она, — что это вовсе не от отсутствия доброты в его сердце, а оттого, что его воспитание слишком отличается от моего... Он пишет, что его сердце и рука в моём

распоряжении, но чувства мои не позволяют соглашаться...»

Характерным примером их взаимного непонимания стало поведение Линкольна на одной из верховых прогулок. Молодая компания, в составе которой были Авраам и Мэри, должна была пересечь небольшой овраг с ручьём. Все джентльмены помогали своим дамам преодолевать препятствие, и только Линкольн перескочил на другой берег, даже не посмотрев, как это получится у его спутницы. «Ты очень любезен, Эйб, — съязвила Мэри, едва нагнав своего кавалера, — думаю, тебя совершенно не волновало, сломаю я шею или нет». «А он, — с досадой рассказывала Мэри сестре, — ответил с улыбкой (я уверена, думая, что делает комплимент), что знал, что я достаточно ловкая и легко справлюсь сама».

В другой раз Мэри была поражена, что Авраам не догадался помочь одной их знакомой, которой пришлось долго нести на руках своего тяжёлого ребёнка. Тогда Мэри, казалось, в шутку, заметила: «Из тебя не выйдет хорошего мужа, Эйб»^{103}.

В начале 1838 года Мэри Оуэнс уехала обратно в Кентукки. Через три года она вышла замуж, стала миссис Виньярд, потом родила пятерых детей и скончалась, немного не дожив до семидесяти лет. Она не держала обиды на Линкольна и охотно делилась воспоминаниями с его биографами. Именно поэтому всепрощающая река времени дала потомкам уникальную возможность увидеть историю несостоявшейся любви глазами и мужчины, и женщины.

Отказ Мэри, к удивлению самого Линкольна, принёс ему не чувство облегчения, на которое он рассчитывал, а ощущение уязвлённой гордости. Более того, именно после отказа он почувствовал, что, «кажется, немного влюблён в неё». Итог всей истории был для Линкольна неутешительным: «Я пришёл к выводу, что не должен и

думать о женитьбе, и вот по какой причине: меня не устроит ни одна дама, которая будет настолько тупа, чтобы выбрать меня в мужа»^{104}.

Это означало, что настал черёд появиться такой женщине, которая заставила бы Авраама забыть о зареке не жениться. Ею стала другая Мэри — Мэри Тодд из состоятельной семьи кентуккийских рабовладельцев, правнучка генерала, участника Войны за независимость, и дочь преуспевающего бизнесмена, банкира и политика.

Мэри получила редкое для американки той эпохи образование: в общей сложности она провела в частном пансионе и академии для девушек более десяти лет, тогда как многие юные леди (включая её старших сестёр) тратили на занятия в учебных заведениях вдвое меньше времени. Она одолела не только базовые предметы вроде грамматики и арифметики, но и географию, историю, астрономию, устный и письменный французский, поэзию и литературу, усвоила уроки «хороших манер», научилась весьма прилично петь и танцевать. Всё это позволяло Мэри непринуждённо поддерживать любой разговор (даже о политике). К тому же она обладала таким острым язычком, что «могла заставить епископа забыть о его проповедях»^{105}.

Кроме того, Мэри была весьма привлекательна: круглолицая, розовощёкая, со светло-каштановыми волосами, слегка отливающими бронзой, с пронзительными голубыми глазами, сияющими из-под длинных ресниц. Её лёгкая полнота не считалась в те времена недостатком — она позволяла следовать моде и смело оголять руки и шею^{106}.

Появление Мэри в Спрингфилде было частью общего движения населения страны на Запад. Семейство Тодд постепенно перебиралось из Кентукки в более перспективный Иллинойс. Первым здесь появился

дядюшка Мэри, Джон, во время войны 1812 года военный медик, а с 1827 года один из самых почтенных докторов Спрингфилда. Он стал патриархом влиятельного семейства в Иллинойсе. Джон Тодд Стюарт, старший партнёр Линкольна, приходился Джону Тодду племянником, а Мэри — двоюродным братом. Доктор и адвокат прочно обосновались в Иллинойсе, и дочери Тоддов начали одна за другой приезжать в Спрингфилд в надежде составить себе выгодную партию из числа представителей местного общества. Всех вдохновлял успех старшей сестры Мэри, Элизабет, вышедшей замуж за перспективного иллинойсского политика, губернаторского сына Нинью Эдвардса. С 1835 года всё большое семейство стали называть «кланом Тоддов — Стюартов-Эдвардсов» и местной «аристократией». Двухэтажный кирпичный дом Ниньи и Элизабет Эдвардс стал с того времени центром общественной и культурной жизни Спрингфилда. Здесь собирались молодые амбициозные профессионалы Иллинойса. Неудивительно, что приехавшая к Эдвардсам «на пансион» Фрэнсис Тодд благополучно вышла замуж за известного врача Уильяма Уоллиса. Новая семья временно обосновалась в таверне «Глоб», освободив место для следующей дочери Роберта Тодда. Это и была Мэри, которая впервые «присмотрелась» к городу в летние месяцы 1837 года. Тогда она пробыла в Спрингфилде недолго (Фрэнсис ещё не вышла замуж), и до нас не дошли сведения о каких-либо её контактах с Линкольном, как раз переживавшим развязку истории с Мэри Оуэнс. Второй раз Мэри приехала в мае 1839 года на свадьбу Фрэнсис и осталась у Эдвардсов надолго. Именно тем летом в День независимости губернатор Иллинойса официально объявил Спрингфилд новой столицей штата. А Линкольн приобрёл новую долю известности «Лицейской речью»^[13] о неизбежной смене поколений в политике, о том, что мало жить только

памятью о героических предках времён Войны за независимость: «Они были столпами Храма свободы, и теперь, когда время их искрошило, Храм может упасть, если мы, их потомки, не поставим на их места новые колонны, новые столпы»^{107}.

Авраам и Мэри увиделись на большой официальной вечеринке в конце 1839 года, организованной в честь важного по меркам Иллинойса события — открытия первой в Спрингфилде сессии Законодательного собрания штата. Линкольн заседал там уже третий срок и, более того, помог своему партнёру Стюарту победить демократа Дугласа в соперничестве за место в Конгрессе США. К тому же летом 1839 года Линкольн был избран в городской совет Спрингфилда. Таким образом, он утвердился в политической элите Иллинойса. Поэтому, даже не будучи «аристократом», как Эдвардс или Стюарт, он стал одним из распорядителей памятной декабрьской вечеринки-«котильона» (так в то время называли не только танец, но и целый танцевальный вечер с играми и прочими увеселениями). Там, в собрании первых лиц и первых красавиц столицы, тридцатилетний Авраам и заметил двадцатилетнюю Мэри. Согласно семейной легенде, именно тогда он пригласил очаровавшую его даму на танец, сразу признавшись, что танцует ужасно. «И он не обманул»^{108}, — с улыбкой заметила Мэри кузине. Кто-то из знакомых вспоминал, что среди танцующих длинный Линкольн напоминал бога Юпитера, свешивающегося из облаков, чтобы взглянуть на то, что делается на земле^{109}.

Худой долговязый Авраам и невысокая пухленькая Мэри будто символизировали весь контраст их положения. Как писал друг Линкольна Херндон, «по телосложению и физическим параметрам, по образованию, воспитанию, происхождению и темпераменту — по всему она была прямой

противоположностью Линкольну»^{110}. Однако довольно скоро стало ясно, что у них много общего, и силы притяжения начали брать верх над силами отталкивания. Как Авраам, так и Мэри происходили из Кентукки. Оба рано лишились матерей и воспитывались мачехами, оба с детства пристрастились к чтению, любили поэзию и знали наизусть одних и тех же авторов: Шекспира, Бёрнса... Оба были увлечены политикой, поддерживали вигов, и если Линкольн восхищался Генри Клеем, то для Мэри он был не только героем, но и соседом и другом семьи! Мэри любила поговорить, а Авраам, неискушённый в ведении светских разговоров с дамами, был готов её слушать. Она была экстравертом, а он интровертом. Сестра Мэри вспоминала, что не раз бывала свидетельницей их бесед: «Линкольн был весь внимание, он не мог отвести взгляд от Мэри. Казалось, его притягивала какая-то непреодолимая сверхъестественная сила. Он слушал и почти не мог вставить слово...»^{111}.

Но Мэри, с её интересом к политике, обращала внимание не столько на слова, сколько на дела. Она видела, насколько эффективна политическая деятельность Авраама. Наступивший 1840 год был годом президентских выборов, и впервые за много лет президентом стал не демократ — политический наследник Джексона Мартин Ван Бурен, а виг — Уильям Генри Гаррисон. Виги Иллинойса, в том числе Линкольн как один из их лидеров, были постоянно вовлечены в бурный поток парадов и собраний, острой полемики и громких речей, дружно скандируемых слоганов, немудрёных агитационных песен... Помимо шумной пропагандистской работы шла незаметная внешне организационная. По всем графствам штата Линкольн и его единомышленники рассылали письма-инструкции, в которых чётко прописывали, что нужно делать для привлечения избирателей. Это были весьма

практические меры: разделить графства на маленькие участки, закрепив за ними конкретных активистов для составления списков избирателей, среди которых особо отметить сомневающихся; последним постоянно уделять внимание, снабжать их литературой, «просвещать и оказывать влияние»; каждому участку не реже раза в месяц отчитываться о проделанной работе; собирать и присылать в Спрингфилд статистику вероятного исхода голосования, а в день выборов обеспечить явку всех виггов^{112}.

И виги торжествовали! При двухступенчатой системе выборов Линкольн был избран выборщиком президента. Кроме того, он в четвёртый раз стал депутатом Законодательного собрания штата. Как-то раз Авраам сделал Мэри необычный подарок, который только она могла оценить по достоинству: перевязанные розовой ленточкой листы с результатами последних трёх выборов — он везде был в числе победителей.

Старшая сестра поддерживала мнение Мэри о Линкольне как восходящей звезде на политическом небосклоне Америки. Для девушки это было очень важно: ещё подростком Мэри объявила, что однажды появится в Белом доме в качестве первой леди. И уже в Спрингфилде она несколько раз повторяла — вроде бы в шутку, — что ей назначено судьбой выйти замуж за будущего президента Соединённых Штатов^{113}.

Можно было бы назвать такое заявление слишком самоуверенным, а последующий ход событий случайным, но, удивительное дело, потенциальными претендентами на руку и сердце мисс Тодд побывали три кандидата в президенты избирательной кампании 1860 года: ещё в Кентукки — её земляк и кузен Джон Брекенридж, а в Спрингфилде — Авраам Линкольн и его постоянный соперник Стивен Дуглас.

Дуглас имел тогда больше общественного веса и был более бойким в обращении с дамами. Его видели

прогуливающимся под ручку с Мэри — иногда демонстративно прямо на глазах у Линкольна. Но Мэри позже признавалась, что Дуглас ей очень нравился, но не более. Для себя она совершенно определённо решила, что выйдет замуж по любви. Она отказала потомку одного из отцов-основателей США Патрика Генри, объяснив причину в одном из писем подруге: «Я его не люблю, а свою руку я никогда не отдам тому, кому не смогу отдать сердце»^{114}. Известны отказы Мэри и другим претендентам.

Между тем робкие ухаживания Линкольна постепенно перерастали во взаимную привязанность. Помимо политических пертурбаций, весь 1840 год их сводили вместе пикники летом, катания в санях зимой, вечеринки и танцы. Друзья вспоминали, что, когда Линкольн уезжал из Спрингфилда по политическим или адвокатским делам, они с Мэри обменивались тёплыми письмами (которые, увы, не сохранились)^{115}. К концу года привязанность переросла в любовь, и хотя официального предложения Линкольн не сделал, между ним и Мэри возникла договорённость о скорой свадьбе^{116}.

А потом наступил первый день 1841 года, после которого всё покатило под откос. В этот день, который сам Линкольн определил как «судьбоносное 1 января», произошёл решительный разрыв между влюблёнными. Биографы до сих пор гадают, что послужило его причиной^{117}. Источники весьма противоречивы: даже супруги Нинья и Элизабет Эдвардс, в чьём доме жила Мэри и на глазах которых произошёл разрыв, не сходятся во мнениях. Мистер Эдвардс позже вспоминал, что в самый разгар ухаживаний за Мэри Авраам вдруг вспылал любовью к Матильде Эдвардс (только что приехавшей в Спрингфилд племяннице Ниньи), и из-за этого его помолвка с мисс Тодд была расторгнута: Мэри сама освободила Линкольна от их договорённости,

оставив за ним право возобновить её при желании... «А Линкольн, которого разрывал конфликт между долгом-честью и любовью, попросту обезумел». Более обоснованной считается сейчас версия миссис Эдвардс, старшей сестры Мэри: «Мистер Линкольн любил Мэри, но, по-моему, его безумство (то есть разрыв. —Д. О.) было связано не с тем, что он, как иногда говорят, влюбился в мисс Эдвардс, а с тем, что его желание жениться омрачалось сомнениями в возможностях достойно удовлетворять материальные потребности будущей жены. Они уже были помолвлены, всё было готово к свадьбе, вплоть до меню праздничного ужина — и вдруг мистер Линкольн отказался встречаться со своей возлюбленной. Это было какое-то помешательство: он был явно не в себе, когда заявил, что любит не Мэри, а мисс Эдвардс... Но это не было его реальным чувством. Всё это ставило Мэри в неловкое положение. Тогда она объявила, что освобождает его от каких-либо обязательств»^{118}. Получалось, что Линкольн, прикинув свои финансовые возможности и припомнив «национальный долг», решил отказаться от возлюбленной ради её будущего счастья, дабы не ввергать девушку из богатой семьи в беспросветную бедность...^{119}

В результате Авраама снова захлестнула ипохондрия — трагическое состояние, описанное ещё в «Любовных элегиях» Овидия:

Так, не в силах я жить ни с тобой, ни в разлуке с тобою,
Сам я желаний своих не в состоянье постичь^[14].

Друзья убрали из его комнаты бритвы. Сам Авраам вспоминал, что боялся носить в кармане перочинный нож^{120}. Заседания Законодательного собрания были в

разгаре, но на перекличках депутатов после имени Линкольн ещё долго не звучало «присутствует». Когда же он вернулся, то некоторое время мог говорить только шёпотом^{121}.

Через три недели Авраам смог описать своё состояние в письме в Вашингтон, партнёру и другу конгрессмену Стюарту:

«Я теперь самый несчастный человек из всех живущих. Если все мои переживания поделить поровну на всё человечество, на земле не останется ни одного радостного лица. Не знаю, станет ли мне когда-нибудь лучше, с болью предчувствую, что нет. Но оставаться в таком состоянии я больше не могу. Мне кажется, я должен либо умереть, либо прийти в себя...»^{122}

Что удерживало Линкольна от отчаянного шага в небытие? Его лучший друг Джошуа Спид вспоминал: Авраам признался ему, что не боится умереть и даже в какой-то степени хочет этого, но одновременно испытывает непреодолимое желание жить до тех пор, пока не будет уверен, что мир стал немного лучше оттого, что он в нём жил^{123}.

К концу зимы Линкольн с удивлением обнаружил, что он «пока ещё не умер и не сошёл окончательно с ума»^{124}. Он снова рассказывал анекдоты, которыми заставлял «содрогаться от хохота» почтенное Законодательное собрание^{125}. Но ни в доме Эдвардсов, ни в весёлом кругу спрингфилдской молодёжи Линкольн не появлялся. С Мэри они не встречались, и если виделись, то случайно, раз в несколько месяцев.

Мэри делилась переживаниями с близкой подругой. В её письмах видны горечь от невозможности общаться с Авраамом и одновременно желание, чтобы всё пошло по-другому, чтобы «её «Ричард» снова стал самим

собой». «Ричард» — это Ричард II из шекспировской хроники, неоднозначная, трагическая фигура, король, уверенный в божественности своей власти, но совершивший много несправедливостей и в результате низложенный, пленённый и убитый. Возмущение поведением Ричарда-короля сменяется в конце хроники желанием вернуть его на трон, что перекликается и с прежним отчаянием Мэри, и с её желанием восстановить отношения.

Неизвестно, долго страдали бы они от разрыва и чем закончились бы эти переживания, если бы в начале 1842 года Элиза Фрэнсис, сорокалетняя жена издателя местной газеты, расположенная и к Мэри, и к Аврааму, не взяла ход событий под свой контроль. Однажды она пригласила в гости Авраама, не предупредив, что в доме будет Мэри, а та, в свою очередь, не подозревала, что встретится с Линкольном. Они увиделись в гостиной, и миссис Фрэнсис попросила их снова стать хотя бы друзьями. Встречи стали происходить в просторном доме бездетных Фрэнсисов. Начался новый роман — осторожный, утаённый от окружающих, даже от супругов Эдвардс, абсолютно уверенных после «судьбоносного первого января», что Линкольн не пара их Мэри. Очень не скоро Эдвардсы узнали о тайных встречах и... приняли их, согласившись, что пока всё должно быть спрятано от посторонних глаз и ушей. «Этот мир мужчин и женщин так зыбок и непрочен, — говорила Мэри сестре, — что лучше будет держать ухаживания в секрете»^{126}.

Неспешный ход событий форсировала... дуэль! Причиной её стала, конечно, политика.

В феврале 1842 года разорился и закрылся Банк штата Иллинойс, на поддержку которого виги потратили столько сил. В результате потеряли всякую ценность его кредитные билеты, которых на руках у жителей было на три миллиона долларов. Торговля и коммерция испытали

сильный удар, на рынке снова вернулись к бартеру, к натуральному обмену. В администрации штата в то время преобладали демократы, и один из них, финансовый контролёр Джеймс Шилдс, публично объявил, что банкноты разорившегося банка не будут приниматься для уплаты налогов. Штат отказывался признавать собственные ценные бумаги!

Виги возглавили кампанию протеста против таких мер, а поскольку Шилдс был крупной политической фигурой, второй по значимости после Дугласа, Линкольн решил высмеять его публично. 2 сентября 1842 года на страницах «Ежедневника Сангамона» появилось якобы пришедшее из захолустного «Затерянного местечка» письмо «вдовы Ребекки», грубоватой, необразованной, но обладающей практической смёткой^{127}. «Ребекка» подметила, что Шилдсу легко уничтожить ценность бумажных денег штата, поскольку сам он получает своё большое жалованье (24 сотни в год) серебром. Походя Шилдс был назван «столь же дураком, сколь и лжецом» и выставлен самодовольным и заносчивым болваном-богатеём.

Линкольн показал своё сочинение Мэри и её подруге Джулии Джейн, и те не просто пришли в восторг, но и взялись написать продолжение! 16 сентября они рассказали читателям ежедневника, что Шилдс счёл себя оскорблённым «тётушкой Бекки», «взбесился, как мартовский заяц», и вызвал её на дуэль. «Тётушка» соглашалась при условии, что Шилдс наденет для поединка юбку, а потом предлагала, чтобы этот известный холостяк на ней женился («мне нет и шестидесяти», и... «господин редактор, разве не лучше жениться, чем драться?»). В дополнение к последнему письму редакция приложила стихотворное сочинение некоей Кэтлин (снова дело рук Мэри и Джулии), в котором вся история приходила к неожиданному и с виду благополучному финалу: якобы Шилдс

действительно женился на вдове Ребекке: «Забыты старые любви, он прочно связан со вдовой...» и т. д. {128}

Шилдс, вспыльчивый ирландец, тщеславный и лишённый чувства юмора, потребовал от редактора газеты Фрэнсиса назвать имена авторов оскорбивших его «читательских писем». Линкольн, дабы прикрыть участие дам в этой истории, разрешил редакции сообщить, что это он написал первое письмо из «Затерянного местечка». Шилдс не стал отвечать ни опровержениями, ни встречными сатирами — бывший военный, меткий стрелок вызвал Линкольна на дуэль.

Ещё была возможность обойтись без схватки — если бы Линкольн публично полностью отказался от своих обвинений, однако его соратники увидели в требованиях Шилдса «унижение» и «попытки запугивания». Линкольну пришлось подбирать секундантов. Как вызываемая сторона, он имел право выбора оружия и решил не соревноваться с противником в стрельбе. Он вообще попробовал сначала отшутиться: «Может, будем кидаться друг в друга навозом с пяти шагов?» {129}. Всерьёз же Авраам предложил тяжёлые кавалерийские палаши, оружие, с которым имел дело во время войны с Чёрным Ястребом. Он не только рассчитывал на свой рост и длинные руки, но и справедливо полагал, что дуэли на холодном оружии редко заканчиваются смертельным исходом: поединки часто шли «до первой крови» и прекращались после нанесения даже не очень сильных ран. «Я не собирался ранить Шилдса, — говорил позже Линкольн, — разве только из необходимости защититься. Хотя я мог бы развалить его пополам, от макушки до копчика». Стрелок Шилдс пробовал возражать, предлагал пистолеты или ружья, называл палаши «варварским наследием минувших веков», на что Линкольн резонно отвечал, что и сама дуэль

является варварским наследием минувших веков, поэтому оружие вполне ей соответствует.^{130}

Препятствием к дуэли было законодательство штата, запрещавшее поединки и грозившее виновникам тюремным заключением от года до пяти лет. Обошли закон просто — местом дуэли выбрали остров на Миссисипи, принадлежавший соседнему штату Миссури (там за дуэли не наказывали, и остров пользовался такой большой популярностью у дуэлянтов, что его прозвали «Кровавый»). Надо было спешить, поскольку Спрингфилд уже шептался о предстоящем поединке и власти вполне могли арестовать подозреваемых в нарушении закона.

Обе команды дуэлянтов переправились через Миссисипи и встретились в условленном месте. Рассказывают, что накануне решительного момента Авраам не мог обойтись без очередного забавного рассказа: «Это напоминает мне историю об одном кентуккийском добровольце в войну 12-го года. Возлюбленная подарила ему патронташ, на котором вышла «Победи или умри!». Новобранец прокомментировал надпись так: «Ну зачем так категорично? Не лучше было бы «Победи или будь тяжело ранен?»»^{131}.

Секунданты, согласно правилам проведения дуэлей, в последний раз попробовали уговорить стороны примириться. Сторонники Линкольна потом рассказывали: чтобы сделать Шилдса уступчивее, Авраам одним махом срубил своим палашом толстую ветку ивы — и противник испугался. Демократы же утверждали, что Шилдс вовсе не испугался, а рассмеялся. Как бы то ни было, друзья дуэлянтов показали себя искусными политиками — добились примирения: Шилдс согласился отозвать свой чрезмерно оскорбительный вызов, а Линкольн — публично объявить о том, что не имел никаких намерений задеть личность

финансового контролёра, «человека и джентльмена», и все его корреспонденции из «Затерянного местечка» носили исключительно политический характер.

Линкольн не любил вспоминать эту дуэль, а саму статью, ставшую поводом к ней, считал «дурацкой»; он больше никогда не писал под псевдонимом. Однако рыцарское поведение Авраама ещё больше возвысило его в глазах Мэри: он принял на себя все обвинения и, таким образом, защитил честь своей дамы. И если этикет того времени требовал, чтобы дамы «испытали» избранников, то такое испытание дуэлью стоило всех остальных.

Последние сомнения Линкольна развеял Джошуа Спид: он ещё недавно боялся неизведанности семейной жизни, но в феврале 1842 года женился. Через какое-то время Авраам выпытывал у Джошуа, каково быть целых восемь месяцев женатым человеком:

«Я хочу задать очень важный вопрос. Теперь, когда ты можешь полагаться не только на эмоции, но и на разум, ответь: счастлив ли ты в браке? Со стороны любого другого это был бы нахальный, неприличный вопрос, но меня, я знаю, ты извинишь. Пожалуйста, отвечай поскорее, жду с нетерпением».

От этого ответа зависело решение Линкольна.

Спид ответил: «Я счастлив даже гораздо более, чем мог предполагать!» Позже он вспоминал: «Если бы я не был тогда женат и счастлив, он бы не женился».

Дату предстоящего бракосочетания Авраам и Мэри хранили в таком секрете, что даже преподобный Чарлз Дрессер узнал о том, что ему предстоит обвенчать молодых, только утром намеченного дня, в воскресенье 4 ноября 1842 года. По традиции обряд проходил в доме невесты. Элизабет Эдвардс получила на подготовку

церемонии всего несколько часов (когда подавали свадебный торт, он ещё не остыл). В просторной гостиной собрались только близкие друзья и родственники Мэри и Авраама (человек тридцать приглашённых, что, по мнению Мэри и её сестёр, было «скромным приватным бракосочетанием»^{132}). Со словами: «Этим кольцом беру тебя в жены, и всё, что имею в своей мирской жизни, тебе вверяю» — Авраам надел на палец Мэри золотое кольцо с надписью *Love is eternal* — «Любовь вечна». Пафос ситуации снизил один из гостей, престарелый судья Томас Браун. Услышав трафаретные слова «всё, что имею... тебе вверяю», он громко воскликнул: «Боже мой, Линкольн, ведь всё это будет внесено в протокол!»^{133}

Мистер и миссис Линкольн переехали в таверну «Глоб», освобождая место для «пансиона» следующей сестре Элизабет, Энн Тодд (она через несколько лет станет миссис Кларк Смит). Через девять месяцев у них родился первенец. Его назвали Робертом Тоддом в честь отца Мэри.

СПРИНГФИЛД

Насколько по-разному воспринимали они эту комнату размером 8×14 футов (чуть больше десяти квадратных метров) на втором этаже таверны «Глоб» за четыре доллара в неделю плюс ещё четыре за кое-какую стирку и общий со всеми постояльцами стол.

Для Авраама это было, возможно, самое комфортабельное собственное жильё, в котором ему пока доводилось жить, особенно по сравнению с временами, когда он спал на прилавке или между ящиками и бочками в кладовой нью-салемской лавочки. Для Мэри же, выросшей в двухэтажном доме с четырнадцатью комнатами, в окружении чернокожей прислуги, и ещё недавно считавшей своим домом роскошный кирпичный особняк «аристократов» Эдвардсов, такую перемену можно было бы назвать жертвой — в том смысле, в каком это слово употребляют шахматисты, подразумевая готовность поступиться меньшим в надежде на выигрыш большего. Теперь у неё не было прислуги, не было гостиной для встреч с визитёрами, столовую заменял шумный обеденный зал. Не было и няни для ребёнка. С рождением Роберта комнатка стала совсем тесной, к тому же ребёнок был голосистый, и соседи начали жаловаться на детский плач, не дающий спать по ночам.

И всё-таки рождение Роберта Тодда стало новой отправной точкой в истории семьи Линкольн. Отец Мэри, узнав, что внук назван в его честь (а эта традиция в то время уже почти отмерла), был растроган, приехал навестить дочь на Рождество 1843 года. Заодно зять помог ему с решением образовавшихся в Иллинойсе юридических дел. Роберт Тодд-старший подарил молодой семье 80 акров земли и объявил, что будет,

пока жив, выплачивать Мэри по 120 долларов в год. Это была как раз такая сумма, которая позволяла нанять служанку (за 1,5 доллара в неделю). Вскоре трое Линкольнов перебрались из таверны в арендованный домик, скромный, трёхкомнатный, но отдельный. Этому способствовала интенсивная адвокатская практика Авраама. Иногда ему приходилось неделями разъезжать по штату. Зато в 1844 году Линкольн не только рассчитался с «национальным долгом», напоминая о неудачных коммерческих экспериментах в Нью-Салеме, но и смог набрать денег, чтобы купить дом, стоящий на восьми акрах собственной земли!

Преподобный Чарлз Дрессер, венчавший Авраама и Мэри, продал им свой дом в семи кварталах от центральной площади, чтобы поправить своё пошатнувшееся финансовое положение. За покупку пришлось отдать сумму всего годового дохода Линкольна — 1200 долларов — и в придачу принадлежавший ему земельный участок. В мае 1844 года Мэри, Авраам и Роберт смогли въехать в свой дом на углу Восьмой и Джексон-стрит (все улицы Спрингфилда, идущие с востока на запад, носили тогда имена президентов США, тогда как перпендикулярные были просто пронумерованы). На двери появилась чёрная табличка с серебряными буквами «А. Линкольн».

Это был единственный собственный дом Авраама. Здесь он проживёт следующие 17 лет, сюда будет планировать вернуться по завершении президентского срока.

После женитьбы Линкольн отказался от очередного, пятого по счёту, похода за местом в Законодательном собрании штата. Не потому, что решил уйти в семейную жизнь, а потому, что его целью (не без влияния Мэри^{134}) стала более высокая ступень политической карьеры — место в Конгрессе США. Его обнадёживали успехи вигов в продвижении на этот пост Джона Тодда

Стюарта и подхлестывало соперничество с лидером демократов Дугласом. Правда, сразу же на пути стали возникать трудности. Сначала выборы в Конгресс «по техническим причинам» были перенесены с 1842 на 1843 год. Потом выяснилось, что главным соперником Линкольна в его собственном графстве Сангамон станет его соратник и друг Эдвард Бейкер, друг настолько близкий, что в его честь Линкольны позже назовут своего второго сына (Эдвард Бейкер Линкольн родится 10 марта 1846 года).

Накануне выборов кандидата Линкольн, ратуя за единство партии, напоминал согражданам слова «того, чья мудрость превышает мудрости всех философов»: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12:25)^{135}. Он объяснял всем и каждому, что соперники-демократы обладают значительным преимуществом, потому что выдвигают на партийных конвенциях единственного кандидата и потом все вместе помогают ему на выборах. Виги должны перенять этот опыт и не распылять голоса своих избирателей между несколькими достойными. Именно поэтому, когда на собрании вигов графства стало ясно, что лидирует Бейкер, Авраам не мог не подать пример дисциплины и снял свою кандидатуру. Его выбрали руководителем делегации из восьми представителей, поддерживающих Бейкера при выдвижении кандидатов в избирательном округе.

Партийная ответственность не заглушила личных переживаний. В письме Спиду Линкольн жаловался, что, отправляясь отстаивать номинацию Бейкера, он чувствовал себя в положении парня, у которого сначала отбили девушку, а потом пригласили на её свадьбу в качестве дружки жениха.

Впрочем, Бейкер не пробился даже на выборы в Конгресс. Виги избрали кандидатом по избирательному

округу Джона Хардина, сына сенатора от Кентукки, кузена Мэри Тодд-Линкольн. И Хардин, и Бейкер, и Линкольн имели значительное число сторонников, но победу над демократами на выборах могло обеспечить только единство вигов. Вот почему Линкольн предложил компромиссное решение: он принял выдвижение Хардина, но убедил партийный конвент объявить своего протеже Бейкера кандидатом для голосования на следующих выборах. Это решение (18 голосов «за», 14 «против») было закреплено резолюцией, опубликованной в партийной газете^{136}. Так Авраам не только добился ротации наиболее подходящих кандидатов, а значит, единства партии на выборах, но и негласного признания собственного права стать выдвиженцем в Конгресс США через два срока, в 1846 году.

Этот политический ход получил высокую оценку в книге Пола Финдли, историка и многолетнего депутата Конгресса США от того же избирательного округа, что и Линкольн, только уже во второй половине XX века. Политик-практик Финдли обратил внимание читателей на то, что Линкольн разработал свою линию поведения в ситуации, когда ни в графстве, ни тем более в избирательном округе ему не удалось стать фаворитом в предвыборной гонке. Суть её в том, что лучшим способом гарантированного достижения поставленной цели являются не попытка резкого рывка к ней любой ценой, не рискованные экстремальные меры в стремлении немедленно получить максимальный результат, а последовательное выполнение пусть даже самых малых, но реальных шагов в выбранном направлении. Именно такую тактику Финдли счёл одним из наиболее весомых вкладов Линкольна в арсенал средств государственного деятеля^{137}.

Сам Линкольн позже будет объяснять её при помощи понятного образа: он научился вести дела так, как

опытные лоцманы ведут суда по непредсказуемым западным рекам: от вехи к вехе, от пункта к пункту, прокладывая курс в зоне видимости, но не пытаясь сразу рассчитать весь маршрут.

Таким образом, для Линкольна неудачный исход выборов 1843 года стал не поражением, а отправной точкой для движения к следующей вехе — победе Бейкера на выборах 1844 года. Джон Хардин получил полную поддержку в графстве Сангамон, победил в округе и отправился в Вашингтон, а Линкольну пришлось сосредоточиться на адвокатской практике. Начиная с 1841 года он стал добиваться на этом поприще всё более заметных успехов. Этому сильно способствовал его новый старший партнёр Стефан Логан, в то время один из лучших адвокатов Иллинойса, к которому Авраам перешёл после того, как Стюарт отправился заседать в Конгрессе США и настолько углубился в большую политику, что на время оставил юриспруденцию.

Логан был старше Линкольна на девять лет и, как многие, переселился в Иллинойс из Кентукки, где уже работал на выборных юридических должностях. Его сильными сторонами были доскональное знание законодательства и умение выстраивать логически убедительные аргументы. Но вот публичные выступления Логан не любил: впечатление портили его трескучий голос и непрезентабельный внешний вид^{138}.

Из-за этих особенностей и установилось «разделение труда» между партнёрами: Логан проводил большую часть скрупулёзной исследовательской работы, Линкольн выступал перед судом, своим красноречием добиваясь благосклонности присяжных и судей, представлял всё больше дел перед Верховным судом Иллинойса, завоёвывал популярность и доверие коллег^{139}. Юристы из глубинки штата стали просить

Линкольна представлять перед Верховным судом и их дела.

За три года партнёрства Линкольн и Логан разобрали около 850 дел. Бывали дни, когда в суде приходилось представлять по полторы дюжины клиентов: землевладельцев, не поделивших участки, поставщиков товаров, не получивших условленную плату, разводящихся супругов и т. п.^{140} Постепенно Линкольн убеждался, что одним красноречием дела не выигрываются, и стал перенимать от Логана методичность и упорядоченность в их ведении.

Об успехе партнёрства говорит тот факт, что контора «Логан и Линкольн» переехала из заурядного квартала в новое здание на центральной площади Спрингфилда, помещение, выходившее окнами на Капитолий штата и располагавшееся прямо над залом заседаний федерального суда. Прямо из офиса Линкольн мог наблюдать за судебными заседаниями: нужно было только откинуть крышку двери-люка между этажами.

Расставание их в 1844 году имело чисто житейскую причину: Логан решил передать своё ремесло повзрослевшему сыну, для начала взяв его к себе в качестве младшего партнёра. Линкольн оставил партнёрство с Логаном дружески, благодарный за то, что прошёл под его руководством прекрасную школу. К тому же положение младшего партнёра уже не соответствовало знаниям и умениям 35-летнего политика. В конце 1844 года Линкольн открыл собственную юридическую фирму.

Совершенно неожиданно для всех Авраам выбрал в напарники выпускника иллинойсского колледжа Уильяма Херндона, начитанного, разговорчивого, но мало кому известного. Мало кому — но не Аврааму Линкольну. Билли Херндон служил в лавке Джошуа Спида и так же, как в своё время Линкольн, ночевал над ней на втором этаже. Он был «книжником» и читал

авторов, о которых в Иллинойсе никто не слышал: какие-то Фихте, Кант, Бокль, Ренан... С 1841 года он посвятил себя подготовке к юридическому будущему, а экзамен на адвоката сдал как раз в декабре 1844-го^{141}. Линкольн, решив начать своё дело, отправился прямо домой к Херндону и без обиняков предложил ему стать партнёром. 25-летний Уильям заговорил о неуверенности в своих силах, о недостатке практики и опыта, но Авраам заявил напрямую: «Билли, главное, что я могу доверять тебе, а ты мне».

«Всю свою жизнь, — вспоминал Херндон, — я гордился тем, что на протяжении всего нашего долгого партнёрства, вплоть до того, как смерть разлучила нас, у нас не было никаких личных разногласий и недопонимания. Я никогда не стремился пользоваться результатами его политической славы, не искал себе тёплого местечка, мы всегда ладили друг с другом. Позже, когда Линкольн стал более знаменитым, а наша практика приобрела внушительные размеры, многие пытались оттеснить меня от Линкольна, чтобы занять место партнёра. Один из таких претендентов попытался указать Линкольну, что присутствие Херндона ослабляет престиж фирмы. Я до сих пор вспоминаю как комплимент резкий ответ Линкольна: «Думаю, я хорошо разбираюсь в своём бизнесе. Я знаю Билли Херндона лучше, чем кто-либо, и даже если то, что вы говорите, правда, я предпочитаю работать с ним»^{142}.

Как и Логан, Билли проявил склонность к въедливой сидячей работе, к корпению над бумагами и сводами законов, освобождая для Линкольна ту часть работы, которую он любил и умел делать. Львиную долю её составлял так называемый объезд судебного округа. Эту сторону сотрудничества он унаследовал ещё от Стюарта, а Логан вообще полностью доверил её младшему партнёру. Штат Иллинойс был разделён на судебные округа, в каждый из которых входило

несколько графств. Окружные судьи и адвокаты должны были периодически приезжать в суды каждого графства и решать все накопившиеся к тому времени дела. Целая команда собиралась в центре графства, проводила выездную сессию суда, потом отправлялась в соседнее графство, потом дальше, по кругу, пока он не замыкался в Спрингфилде. Юристы проделывали более 800 миль по просёлкам Иллинойса. Спрингфилд принадлежал к Восьмому судебному округу, занимавшему территорию площадью более десяти тысяч квадратных миль. Его крайние точки отстояли друг от друга на 120–160 миль. В первый объезд Линкольн отправился ещё в 1839 году. С тех пор дважды в год, обычно в марте и сентябре, Авраам запрягал коня, клал в седельные сумки смену белья, пару-тройку юридических справочников и пускался в четырёхсотмильную «кругосветку». Это было нелёгким делом: ранней весной и осенью прерии продувались ветрами, в марте засыпавшими путников мокрым снегом, в сентябре беспрестанно орошавшими морозящим дождём. При благоприятных условиях за час удавалось проехать шесть-семь миль, за день — 35. По размытым дорогам, когда потоки уносили подобия мостов и ручьи приходилось преодолевать вброд, нормой считалась скорость в три-четыре мили в час.

Единственной защитой от дождя в дороге был большой тяжёлый плед, которым Линкольн укрывал и себя, и, насколько возможно, своего неказистого коня Старину Тома. При этом Иллинойс был ещё настолько мало заселён, что в дороге можно было часами не встретить жилья. Привередничать в выборе места для ночлега не приходилось. Бывало, после ночёвки в каком-нибудь фермерском доме Линкольн, выбравшийся из постели в своей жёлтой фланелевой ночной рубашке, обнаруживал, что вода в умывальнике покрылась корочкой льда.

Рассказывают, что как-то раз намёрзшийся за день Линкольн приехал в таверну, до того заполненную гостями, что пробиться к печке, чтобы отогреться, было совершенно невозможно. Тогда Авраам громко распорядился от порога: «Эй, хозяин! Пошли кого-нибудь накормить мою лошадь жареной рыбой!» Толпа зевак немедленно отправилась посмотреть, что это за чудо-лошадь, которая питается жареной рыбой, а Линкольн благополучно устроился на удобном месте у печки... [15]{143}

На судебных заседаниях старое прозвище Честный Эйб обрело новую грань: теперь речь шла не о честности лавочника, а о честности адвоката. Он никогда не брал с клиента лишней платы, никогда не брался защищать людей, если не верил в их правоту. И пусть основную долю забот отнимали мелкие провинциальные тяжбы: о краже скота, о разводе, об ущербе на несколько десятков, редко сотен долларов, о взыскании долгов и платы за товары и т. п. — забавными историями и сравнениями Линкольн умел привлечь внимание судей и присяжных даже к самым неинтересным делам. Он строил свои выступления намеренно упрощённо, без сложных юридических терминов и заковыристых метафор. Как вспоминал Херндон, старший партнёр наставлял его: «Билли, не стреляй слишком высоко — целься ниже, и простой народ будет тебя понимать. Ведь ты же выступаешь для них, а образованные и утончённые граждане поймут тебя в любом случае. Будешь целить слишком высоко — твои идеи пройдут над головами масс, а заденут только того, кого можно было и не задевать...» [144]

Впрочем, когда ситуация позволяла, Линкольн находил место даже для цитирования Шекспира. Однажды весной ему пришлось участвовать в «деле братьев Сноу». Два брата, немного не достигшие совершеннолетия, ловко смошенничали: взяли в

пользование пару упряжек волов и тяжёлый плуг, пообещав выплатить хозяину солидную сумму в 200 долларов, однако, когда пришёл срок расплачиваться, ловкачи отказались от своих обязательств, объявив, что, согласно закону, несовершеннолетние не могут совершать подобных сделок и их обещания не имеют силы. В руках суда была их долговая расписка, но ответчики и не отрицали, что написали её, а только утверждали, что истец знал, что они не достигли совершеннолетия, ещё до заключения сделки. По букве закона выходило, что братья Сноу не несут ответственности по заключённому ими контракту.

Линкольн начал свою речь в пользу истца смиренным признанием правоты закона: «Да, джентльмены, я признаю, что всё это так и есть». Свидетель выступления Линкольна вспоминал, что был потрясён свершающейся несправедливостью и кажущимся бессилием Линкольна. «Неужели, — думал он, — старый добрый фермер, доверившись обещаниям двух этих парней, останется обведённым вокруг пальца и даже защищающий его права мистер Линкольн на этот раз смолчит...» Однако Авраам не смолчал. Он медленно, сгорбившись, поднялся со своего места и неспешно начал, постепенно распрямляясь: «Всё это так и есть... Но, господа судьи! Неужели вы позволите этим двум молодым людям начать самостоятельную жизнь с такого позора и бесчестья, которые навсегда испортят их репутацию? Если вы и можете, то я не могу! Лучший знаток людских характеров оставил нам бессмертные слова, над которыми стоит задуматься:

Нетронутое имя, генерал,
Для женщин и мужчин всего дороже.
Кто тащит деньги — похищает тлен.
Что деньги? Были деньги, сплыли деньги.
Они прошли чрез много тысяч рук.

Иное — незапятнанное имя.
Кто нас его лишает, предаёт
Нас нищете, не сделавшись богаче»^[16].

Затем Линкольн выпрямился во весь рост и, взглянув с братским сочувствием на двух молодых людей, указал на них своей длинной рукой: «Господа судьи! Эти несчастные бедные парни никогда не выберутся из своего глубокого невежества без мудрого совета со стороны собравшегося сегодня суда!.. В вашей власти, господа судьи, вывести их на правильную дорогу!»

За всё недолгое, не более пяти минут, выступление Линкольн ни разу не упомянул своего клиента и его иск. Он словно выступал не в его защиту, а в защиту двух молодых парней. Суд даже не стал удаляться на совещание и немедленно решил, что обещанная сумма должна быть выплачена. Сами братья Сноу, расчувствовавшиеся сельские парни, раскаялись и высказали искреннее желание полностью расплатиться по контракту^{145}.

С каждым годом, с каждым «кругом» по Центральному Иллинойсу росли известность и популярность Линкольна. Примерно в это время репортёр «Бостонского курьера» побывал в тех краях и был потрясён известностью Линкольна: «Казалось, он знаком с каждым, кого мы встречали, знает имя владельца каждой фермы, каждого поля... Только его встречали такими сердечными приветствиями, такими крепкими рукопожатиями. Казалось, каждому встречному он был готов сказать тёплое слово, или улыбнуться, или хотя бы кивнуть — даже лошади, даже корове или свинье...»^{146}.

Растущая известность позволила Аврааму уверенно вступить в борьбу за место в Конгрессе США в 1846 году. За год до выборов Бейкер, которому Линкольн помог

пробиться в Конгресс в 1844 году, дал понять, что теперь в свою очередь поддержит его. Однако предшественник Бейкера Хардин, видимо, вошёл во вкус пребывания в Вашингтоне и решил выдвинуться в конгрессмены ещё раз. За шесть месяцев до съезда вигов сторонники Хардина попытались соблазнить Линкольна выдвижением на пост губернатора штата. Но всем было известно, что в борьбе за этот пост виги не смогут переиграть демократов, поэтому сторонники Линкольна выдвинули аналогичное встречное предложение Хардину. Сам Линкольн не стал строить свою кампанию на критике Хардина: он постоянно подчёркивал, что его партийный товарищ, несомненно, «талантлив, энергичен и благороден». Его лозунгом стало утверждение «Честно соблюдать очередь», которое он постоянно повторял и во время политических встреч, и во время объездов «по кругу». Утверждение запомнилось, появилось в переписке. «Хардин отличный парень и хорошо поработал для нас в Конгрессе, — писал один из корреспондентов самому Хардину, — но и Линкольн тоже отличный парень, и он тоже много и честно трудился на пользу нашей партии. Если он захочет быть номинированным в Конгресс, надо его поддержать. Будем честно соблюдать очередь»^{147}.

Понимая, что теряет сторонников, Хардин решился на неожиданный ход: написал Линкольну, что неплохо было бы изменить систему номинации кандидатов. Его адресат хладнокровно парировал: «Меня вполне устраивает та справедливая система, которая позволила Вам и Бейкеру быть номинированными и честно пробиться в Конгресс». Более того, он предложил не доводить спор до публичной ссоры на страницах газет, чтобы не испортить впечатления избирателей штата о единстве партии. Хардин понял, что проигрывает Линкольну, поддержанному конгрессменом Бейкером, и нашёл, как ему казалось, удачный выход из положения

— отказался претендовать на номинацию и вскоре ушёл во главе Первого полка иллинойских добровольцев на начавшуюся войну с Мексикой. Вместо политической славы Хардин надеялся обрести военную (а может, поработать на будущее и подкрепить свои политические позиции боевыми заслугами), но в феврале 1847 года в сражении при Буэна-Виста был убит.

Первого мая 1846 года партийный конвент вигов (секретарь — партнёр Линкольна Херндон, председатель комитета по резолюциям — недавний партнёр Логан) единогласно выдвинул Авраама Линкольна кандидатом на место в Конгрессе, объявив об «искренней и активной поддержке» его на выборах^{148}. Демократы, в свою очередь, выдвинули довольно известного проповедника методистской церкви, 62-летнего Питера Картрайта. Именно Картрайт когда-то обыграл Линкольна в Нью-Салеме, на первых для него выборах 1832 года. И если Линкольн завоёвывал популярность постоянными объездами округа в качестве адвоката, то Картрайт добивался известности объездами иллинойсской глубинки в качестве странствующего проповедника, противника рабства и виски. Блестящий проповедник, однако, явно проигрывал Линкольну как политический оратор. Сам Линкольн веселил слушателей (и завоёвывал голоса), сравнивая невнятную позицию Картрайта по наболевшим экономическим вопросам с положением охотника, который из-за очень дальней дистанции не мог определить, олень у него на мушке или соседский телёнок, и решил стрельнуть наудачу. Мол, пусть рассудит Господь: попаду — значит, олень, промажу — телёнок^{149}.

Понятно, почему священник попытался переиграть соперника не в дискуссиях о размере ввозных пошлин и линии государственной границы в Орегоне, а в религиозном вопросе. Удар Картрайта был прост и

крайне неприятен: проповедник стал распространять слухи, что Линкольн не верит в Бога, то есть, по меркам того времени, совершенно аморален.

Пришлось Аврааму определять свою религиозную позицию. Он написал нечто вроде листовки, отправил её друзьям и распространил в тех графствах, где слова Картрайта могли оказать определённое влияние:

«Сограждане! В некоторых частях нашего избирательного округа стали распространяться слухи о том, что я открыто надсмехаюсь над христианской верой. Вот почему я решил внять совету друзей и разъяснить свою позицию в этом вопросе. Я не являюсь прихожанином какой-то определённой церкви, это правда. Но правда и то, что я никогда не отрицал истину Священного Писания и никогда не высказывался неуважительно ни вообще о религии, ни о какой-либо отдельной ветви христианства...

Меня и самого не убедишь поддержать при выдвижении на государственную должность человека, который является открытым, глумящимся врагом религии. Оставляя вершить высшую справедливость в отношении такого человека Творцу, я всё-таки не думаю, что кто-либо имеет право оскорблять чувства и подрывать мораль общества, в котором он живёт... Я публично осуждаю того (кто бы это ни был), кто распускает подобные фальшивые слухи обо мне»^{150}.

Листовка сыграла свою роль, и отчаянная попытка религиозной дискредитации Линкольна если и удалась, то лишь отчасти. Выборы 3 августа 1846 года закончились уверенной победой кандидата вигов: 6340 голосов и девять графств за Линкольна против 4829

голосов и двух традиционно продемократских графств за Картрайта. Даже 14 лет спустя Авраам точно помнил, что его перевес был в 1511 голосов и что эта цифра в два раза превысила традиционное большинство, обеспечивавшее победы его предшественникам. Картрайт был настолько расстроен, что даже не упомянул о неудаче в «Автобиографии», опубликованной в 1857 году^{151}. Линкольн «отплатил» политическому сопернику по-своему: в 1859 году в трудном судебном процессе по обвинению внука Картрайта в убийстве добился его полного оправдания^{152}.

А в августе 1846-го Линкольн вернул своим сторонникам почти все деньги, собранные ими на ведение избирательной кампании. Из 200 долларов он возвратил 199 долларов 25 центов со следующим примечанием: «Я совершал поездки на собственной лошади, у меня не было дорожных расходов, поскольку проживание в домах друзей ничего мне не стоило; моей единственной тратой стали 75 центов за бочонок сидра, который от меня потребовали выставить какие-то наёмные рабочие»^{153}.

Новоизбранный конгрессмен счёл возможным оставить для истории своё первое фотографическое изображение, точнее говоря, дагеротип. Он и Мэри отправились в студию на главной площади Спрингфилда (северо-восточный угол, над аптекой) и выдержали непростую церемонию, включающую фиксацию головы модели и четверть часа неподвижного позирования перед камерой. Можно представить, как долго фотограф или его ассистент укрощали и приглаживали обычно торчащие, непослушные волосы Авраама... Улыбка, любые проявления эмоций не разрешались — изображение выходило смазанным. Оттого так серьёзен 37-летний Авраам Линкольн на своём первом портрете. И на всех остальных тоже.

Дагеротипы заняли почётное место на стене гостиной спрингфилдского дома Линкольнов. Много позже Мэри вспоминала: «Они мне очень дороги, поскольку сделаны в то время, когда мы были так молоды и так безоглядно влюблены»^{154}.

«ЗАПЯТНАННЫЙ» КОНГРЕССМЕН

Они собрали всю мебель в угловую комнату и сдали дом постояльцам — на год, за 90 долларов. В Вашингтон было решено отправиться заранее, кружным путём, чтобы навестить семью Мэри в Лексингтоне. Это был чуть ли не последний год, когда казна возмещала конгрессменам расходы на оплату проезда в столицу не по кратчайшему маршруту, а по любому. Паровоз дотащил Линкольнов до Миссисипи, пароход — до ещё одного парохода, идущего вверх по реке Теннесси, потом они опять пересели на поезд с пыхтящим паровозом, и вот — Лексингтон, штат Кентукки.

Эмили, единокровная сестра Мэри, вспоминала о приезде родственников из Иллинойса (в то время ей было 11 лет):

«Вся семья радушно встречала гостей у парадного входа. По традиции вся цветная прислуга собралась в холле, чтобы приветствовать давно не бывавшую дома Мэри и восхититься двумя её «бэби». Первой в дом вошла Мэри с маленьким Эдди на руках. Я помню её милой, свежей, с сияющими голубыми глазами, нежной белой кожей и румянцем цвета шиповника; её блестящие светло-коричневые волосы закрывали уши мягкими мелкими завитками. Тогда ей было лет 29.

За Мэри следовал мистер Линкольн. Он внёс на руках Роберта Тодда, наклонился и поставил его на пол. Когда же выпрямился, то показался мне похожим на великана из сказки о Джеке и гигантском бобовом стебле: настолько он был высок, к тому же казался очень крупным в большом чёрном плаще. На нём была меховая шапка с опущенными ушами, она закрывала большую часть лица, и мне показалось, он вот-вот заговорит, как

великан: «Фи-фай-фо-фут, дух ребёнка чую тут!» Я прижалась к матушке и зарылась в складках её юбки. Но после приветствий Линкольн подхватил меня на руки и воскликнул: «Так вот она какая, наша младшая сестрёнка!» От его голоса, от его улыбки все мои страхи испарились»^{155}.

Они потом станут большими друзьями — большой Авраам и «маленькая сестрёнка» Эмили.

А пока Линкольн практически впервые получил настоящий полноценный отпуск. Три ноябрьские недели 1847 года он мог использовать по своему усмотрению (если не считать неизменных визитов к многочисленным родственникам Мэри). К его услугам была замечательная библиотека Тоддов, и он предавался запойному чтению.

В череде визитов Аврааму доводилось посещать хлопкопрядильные предприятия Тодда-старшего. Это был пример «гуманного» рабовладения, при котором хозяева искренне заботились о своей «человеческой скотинке». Такое Авраам уже видел у своего друга Спида, когда гостил у него летом 1841 года. Но одновременно из усадьбы «бабушки Паркер», матери мачехи Мэри, Линкольн мог видеть тюрьму для провинившихся рабов и место для их публичных телесных наказаний. В местных газетах он регулярно наткался не только на объявления о продаже «человеческого материала», но и о его «утилизации»: «Всем плантаторам и рабовладельцам. Желающие избавиться от рабов, негодных к работе по причине золотухи, хронической диареи, чахотки, ревматизма и пр., и пристроить их на выгодных условиях могут обращаться к Дж. Кингу, Кэмпст-стрит, 29, Новый Орлеан»^{156}. Это объявление означало, что практически негодных к труду невольников скупают по дешёвке и отправят умирать под кнутами надсмотрщиков в мутных траншеях рисовых полей дальнего Юга.

Возможно, важнейшим событием лексингтонского отпуска стало посещение политического кумира Линкольна Генри Клея, давнего друга семьи Тодд. («На протяжении всей своей политической жизни я любил и почитал Клея как учителя и лидера», — напишет Линкольн в 1861 году^{157}.) Отец Мэри организовал митинг, на котором легендарный семидесятилетний сенатор держал длинную речь, осуждавшую победоносную войну с Мексикой (в сражении при Буэна-Виста погиб его сын, Генри Клей-младший). «Это не оборонительная война, — восклицал Клей, — это война агрессивная! Не мы, а Мексика защищает свои алтари и очаги...» Оратор обвинил президента-демократа Джеймса Полка в захватнических намерениях и закончил выступление призывом отречься от любых попыток присоединять чужую территорию, тем более вводить на ней рабовладение, повторив свою позицию относительно рабства: «Я всегда считал его большим злом, однако раз уж у нас есть рабы, их будущее должно быть определено с учётом всех условий, касающихся безопасности и счастья обеих рас»^{158}. Для Клея это было начало последней попытки пробиться в кандидаты на президентский пост на выборах 1849 года, для Линкольна — пример мужества: шутка ли — выразить непопулярную позицию в пору общего патриотического подъёма.

Приближалось время начала заседаний нового состава Конгресса. 25 ноября, в День благодарения, семья Линкольна отправилась в Вашингтон. На неспешно ползущем пароходе, на тряском почтовом дилижансе, в дребезжащих и тесных железнодорожных вагонах Линкольн почти повторил, только в противоположном направлении, тот путь, что прошли его предки: из Иллинойса в Кентукки, из Кентукки вдоль тропы Дэниела Буна в Вирджинию, потом в Мэриленд... Путь, на который первые американские Линкольны

потратили больше столетия, Авраам проделал за неделю. Поздно вечером 2 декабря 1847 года он впервые въехал в столицу Соединённых Штатов.

Вашингтон в то время больше всего напоминал провинциальный городок-переросток. Таким увидел его за несколько лет до приезда Линкольна придирчивый британский путешественник Чарлз Диккенс: «Его называют иногда Городом Грандиозных Расстояний, но гораздо резоннее было бы назвать его Городом Грандиозных Намерений, так как лишь взобравшись на Капитолий и взглянув оттуда на город с птичьего полёта, можно уразуметь обширные замыслы честолюбивого француза, который его планировал^[17]. Распростёртые авеню, начинающиеся неизвестно где и ведущие неизвестно куда; улицы длиной в милю, которым недостаёт только домов, мостовых и жителей; общественные здания, которым недостаёт лишь посетителей; украшения больших проспектов, которым не хватает лишь самих проспектов, где они могли бы красоваться, — таковы характерные черты этого города. Кажется, будто окончился сезон и большинство домов навсегда выехало за город вместе со своими владельцами. Для почитателей больших городов это великолепный мираж, широкий простор, где может вволю разыграться фантазия...»^{159}.

Город был недостроен, как и вся страна. Над Капитолием высился временный деревянный купол. Его было видно из новой резиденции Линкольна, если громким титулом «резиденция конгрессмена» можно именовать комнату в пансионе вдовы Спригг, традиционно сдававшей номера исключительно вигам. Здесь селились предшественники Линкольна Стюарт и Бейкер, жили и столовались ещё восемь политиков («приятная комната, хороший камин и вдоволь дров его топить»^{160}).

Один из постояльцев вспоминал, как быстро конгрессмен из Иллинойса сумел завоевать симпатии соседей: «Линкольн восхищал меня своими простыми и ненавязчивыми манерами, добродушием, забавными шутками и анекдотами. Когда он собирался рассказать за обедом какую-нибудь забавную историю, он откладывал нож и вилку, выставлял на стол локти, устраивал лицо между ладоней и начинал с фразы «Это напоминает мне...». Все заранее готовились к взрыву хохота, который просто не мог не последовать».

Примечательным было умение Линкольна разряжать уместной шуткой напряжение, порой возникавшее за столом из-за неизбежного обмена политическими мнениями.

Заметной фигурой был Линкольн и во время популярной среди конгрессменов игры в боулинг. Игрок азартный, хотя и не слишком умелый, он привлекал зрителей и слушателей забавными комментариями и репликами^{161}. Известный столичный журналист Бен Пуур вспоминал, что уже к Новому году Линкольн был признан «лучшим рассказчиком историй во всём Конгрессе». Он любил приходить в почтовый офис Капитолия, садиться в кресло у камина, вытягивать ноги к теплу и «выстреливать» целую обойму историй, ни разу не повторяясь и увлекая даже перекормленных информацией корреспондентов.

Ещё одним местом притяжения для Линкольна была Библиотека Конгресса: оттуда и туда он носил книги целыми стопками, перевязанными большим носовым платком, на палке, продетой в узел^{162}. Были среди книг и любимый Шекспир, и «Геометрия» Евклида...

Такая жизнь нравилась Аврааму, и он писал Херндону, что хотя не собирается, как и обещал, претендовать на новый срок в Конгрессе, «но если вдруг никто не захочет занять это место, я не буду возражать, чтобы меня отправили сюда снова»^{163}.

Насколько комфортно чувствовал себя в столице Линкольн, настолько же неуютно было здесь Мэри. Вместо просторного дома на углу Восьмой и Джексон-стрит у них снова была одна комната на четверых. Когда неугомонные дети вырывались из неё на свободу, они затеивали такую шумную возню, что это начинало раздражать других постояльцев. К тому же круг общения был для Мэри непомерно узок: немногие конгрессмены решались пускаться в дальний путь в сопровождении жён, а местная элита жила довольно замкнуто. Президент Полк не любил развлечений, на его приёмах не было ни музыки, ни угощения, разве что оркестр Военно-морского флота услаждал слух обитателей и гостей Белого дома дважды в неделю.

К весне Мэри решила переместиться в более тёплую родственную атмосферу — обратно в Лексингтон. Казалось, перегруженный делами Линкольн мог вздохнуть свободнее, целиком отдаться работе. Однако их с Мэри довольно интенсивная переписка показывает, что в разлуке обоим было не легче. Авраам признавался:

«В этом беспокойном мире нам не найти полного удовлетворения. Когда ты была здесь, ты порой мешала мне заниматься делами, но теперь, когда ничего, кроме дел, не осталось, они стали для меня какими-то безвкусными. Я ненавижу сидеть за бумагами, ненавижу находиться в одиночку в этой комнате».

Мэри отвечала, едва уложив детей спать: «Как бы я хотела этим вечером не писать письмо, а быть рядом. Вдали от тебя мне очень грустно». Переписка полна бытовых мелочей, просьб о покупках, частных известий о родственниках и знакомых; её пронизывает неподдельный интерес друг к другу и детям: «До тех пор, пока я не получил твоё письмо, меня мучил этот

дурацкий сон про нашего Бобби»; «Не позволяй мальчикам забывать отца»; «Вчера я отправился на охоту за вязаными чулками, о которых ты просила». — «Наш Эдди совершенно оправился от болезни»; «Не бойся, дети тебя не забывают: глаза маленького Эдди загораются при упоминании твоего имени»^{164}...

Конгрессмен Линкольн вставал в восемь утра, завтракал в общей столовой, отвечал на письма избирателей и читал свежие газеты (одну из них он выписал из Лексингтона, чтобы быть в курсе той жизни, которая окружала Мэри и сыновей). Незадолго до полудня он спускался вниз, пересекал Первую улицу и входил в здание Капитолия как раз перед началом заседания Конгресса.

Снова послушаем придирчивого Диккенса: «Палата представителей помещается в красивом, просторном зале полукруглой формы; потолок поддерживают чудесные колонны. Часть галереи отведена для дам, и там они сидят в первых рядах и входят и выходят, как в театре или на концерте. Кресло председателя стоит под балдахином на значительном возвышении; у каждого из членов палаты имеется своё кресло и собственный письменный стол. Кое-кто из непосвящённых порицает это как весьма неудачный и предосудительный порядок, располагающий к долгим заседаниям и скучным речам. Зал с виду изящен, но никуда не годится в отношении акустики».

Однако плохая акустика иногда выручала. Как замечала в письме домой жена конгрессмена Хорсфорда, «шум и беспорядок в палате представителей утомляют. Я никогда не видела, чтобы так гудели даже школьники, выбегающие на перемену, — будто сотни пчелиных роёв одновременно».

Похоже, именно в таком шуме прошло первое выступление Линкольна перед Конгрессом. Повод сам по себе был незначительным, но зато сразу излечил

начинающего конгрессмена от какой бы то ни было робости. «Выступать здесь всё равно что выступать где-либо ещё, — сообщал Линкольн Херндону. — Меня это напугало не больше, чем обычная речь в суде»^{165}.

После первого опыта Линкольн был готов к решительной попытке заговорить о серьёзных вопросах государственной политики. Тогда, на рубеже 1847–1848 годов, большинство этих вопросов было связано с мексиканской войной. Как Клей и большинство вигов, Линкольн считал, что президент-демократ намеренно втянул в неё страну, и поэтому война носит несправедливый, агрессивный характер. И хотя в мае 1846 года президент Полк объяснял своё решение тем, что мексиканское правительство «напало первым, пролило кровь наших сограждан на нашей собственной земле», Линкольн взялся оспорить это утверждение. Ещё 22 декабря он предложил, чтобы Полк предъявил Конгрессу конкретные факты, на основании которых было бы понятно, «где находится та пядь земли, на которой пролилась первая кровь наших сограждан, и является ли эта пядь нашей или не нашей землёй»^{166}. К голосу Линкольна стали присоединяться голоса других вигов-конгрессменов. 3 января 1848 года 85 из них голосовали за резолюцию, провозглашавшую, что президент Соединённых Штатов начал войну «без необходимости и неконституционно». Вскоре Линкольн выступил с тщательно подготовленной 45-минутной речью (а в те времена все речи произносились без бумажки). Он вновь требовал, чтобы президент «обстоятельно, честно и открыто» обосновал — «фактами, а не аргументами» — своё решение открыть военные действия против соседей.

Вопрос о поводе к войне остаётся запутанным до сих пор. Столкновение с Мексикой действительно началось с нападения мексиканских войск на американский патруль, в результате которого 16 американских

драгунов погибли (иногда говорят об одиннадцати убитых^{167}), несколько десятков были взяты в плен. Однако правительство Мексики уверяло, что заслуженно наказало вторгшихся в её пределы агрессоров, в то время как официальный Вашингтон утверждал, что американские войска находились на своей земле. Окропленная первой кровью «пядь» лежала на спорной территории между реками Рио-Гранде и Нуэсес. Каждая из стран считала эту территорию своей. Как замечал по поводу конфликта Линкольн, это напоминало ему слова одного иллинойского фермера, уверявшего: «Я вовсе не жаден до чужой земли. Я только всегда хочу ту, которая рядом с моей»^{168}.

«Если президент сможет доказать, что та земля, на которой пролилась кровь, наша, — восклицал с трибуны Конгресса Линкольн, — я целиком и полностью буду на его стороне! Я отзову свой голос за осуждающую его резолюцию». Но если он не захочет или не сможет дать достойный ответ, это будет свидетельствовать, что сам президент осознаёт свою неправоту, «чувствует, как кровь этой войны, будто кровь Авеля, громко обвиняет его прямо с небес»^{169}.

Казалось бы, после таких громких патетических заявлений Линкольн обеспечил себе место в истории Конгресса. Однако реакция общества не соответствовала ни его ожиданиям, ни затраченным на выступления энергии и красноречию. Президент не обратил на филиппики Линкольна никакого внимания. Ни в его речах, ни в довольно обширных дневниках, ни в переписке имя конгрессмена из Иллинойса не упоминается. Большинство политиков рассудили, что это искреннее выступление было лишь частью общей линии вигов на дискредитацию демократов в год президентских выборов. Главное же — война была практически выиграна, американские патрули уже шагали по улицам Мехико и патриотические восторги

заглушали попытки размышлять о причинах весьма масштабного по американским меркам кровопролития. Через шесть недель после речи Линкольна был подписан мирный договор, по которому Мексика лишалась почти половины своей территории, а США прирастали владениями (в том числе золотоносной Калифорнией), превышающими общую площадь Германии, Франции и Испании. Исполнительная власть удачно выдержала паузу, а вот соперники-демократы использовали идущее против общественного мнения выступление в полной мере.

Демократические газеты сумели обернуть против Линкольна частое повторение в предложенной им Конгрессу резолюции слова «пятно». С лёгкой и липкой руки газетчиков к Аврааму надолго приклеились прозвища «человек с пятнами» и «запятнанный конгрессмен». Как мог, возмущались демократы, выступить с такой антипатриотической речью человек, унаследовавший пост Джона Хардина, павшего в сражении при Буэна-Виста, и Эдварда Бейкера, героя боя при Серро-Гордо? Как мог он пренебречь доверием многих людей, отдавших ему свои голоса? В графстве Морган штата Иллинойс, где жил погибший Хардин, на специальном собрании даже была принята резолюция о «глубоком разочаровании» избирателей «низкими, подлыми и предательскими нападениями на президента Полка», именовавшая Линкольна «Бенедикт Арнольд^[18] нашего округа» и прочившая ему безвестность. «Из этого убогого кляузника-юриста никогда не выйдет серьёзного государственного мужа», — подхватывала газета «Иллинойс глоб» (конечно, орган демократов) ^{170}.

Верный друг Херндон писал Линкольну, что и в кругах вигов начал подниматься ропот разочарования. Херндон был сторонником войны, но уважал мнение партнёра, поэтому больше всего удивлялся, почему

Линкольн не придержал это мнение при себе, а в полной мере подставился. Авраам отвечал (но просил не делать письмо достоянием общественности):

«Я сожалею не о том, что у нас разные мнения... но о том, что если ты меня не понял, то тем более не поймут другие мои друзья... Это было голосование за то, чтобы считать, что президент начал необязательную войну неконституционным путём. Стал бы ты голосовать за то, что чувствуешь и считаешь ложью? Знаю, что нет. Ушёл бы ты из Конгресса, чтобы избежать участия в голосовании? Думаю, нет. Если уклонишься от одного голосования, придётся уклоняться и от множества других — и так до конца сессии. Ещё до того, как я предпринял какие-либо шаги, на голосование была внесена резолюция, ставившая вопрос о правомерности этой войны; поэтому никто не мог отмолчаться. А когда ты вынужден высказываться, у тебя единственный выбор: говорить правду или лгать. Я не сомневаюсь в том, как бы поступил ты»^{171}.

Позже в предвыборной «Автобиографии» 1860 года Линкольн постарался чётко разделить свою позицию: одно дело — считать поведение президента неконституционным (поскольку право начинать войну принадлежит не ему, а Конгрессу США), а войну «ненужной», и другое — проявлять патриотизм в те дни, когда война уже идёт. Достаточно просмотреть официальные отчёты о работе Конгресса, писал Линкольн, и увидеть, что он всегда голосовал за любые предложения по поддержке армии, за любые меры в пользу сражающихся офицеров, солдат и их семей^{172}.

Тем не менее обвинения в антипатриотизме и обидная кличка «запятнанный конгрессмен» оказались сильнее логических рассуждений и доводов. На ближайших выборах, 6 августа 1848 года, виги Иллинойса потеряли место в Конгрессе, почти «по наследству» переходившее от Хардина к Бейкеру, от Бейкера к Линкольну. Большинство винило Линкольна, как бы ни старался тот объяснить, что кандидат вигов, его давний партнёр Логан («трескучий голос, непрезентабельный внешний вид»), по всем статьям проигрывал герою мексиканской войны демократу Томасу Гаррису.

К тому времени стало ясно, что и на президентских выборах в дело будет пущен патриотический козырь. Виги учли это и вместо критика мексиканской авантюры Генри Клея выдвинули кандидатом в президенты героя недавней войны генерала Захарию Тейлора. Как бы ни уважал Линкольн Клея, он принял решение на партийной конвенции вигов поддержать триумфатора Тейлора. Это было решение опытного и практичного политика: вигам нужна была победа, а на волне патриотического восторга противник войны Клей имел ещё меньше шансов, чем на предыдущих выборах. При этом Линкольн по-прежнему считал, что Клей был бы лучшим президентом, нежели Тейлор, но беда была именно в предположительном и неосуществимом «был бы»^{173}.

Правда, Тейлор был южанин, и более сотни рабов на хлопковых и сахарных плантациях Луизианы и Миссисипи обеспечивали его благосостояние. Однако рабовладельцем он был «просвещённым»^{174}, а главное — только его кандидатура ещё могла объединить вигов Юга и Севера: южане хотели непременно голосовать за кандидата «из своих». Северные виги надеялись на перспективу партийного единства президента и Конгресса: виги провели бы в Конгрессе предложение о

нераспространении рабства на новые, прежде всего отнятые у Мексики территории, а президент Тейлор сделал бы его законом, поскольку публично объявил, что не будет налагать вето на волеизъявление народа^{175}.

Это и было главной целью агитационной работы Линкольна летом 1848 года: организовывать поддержку Тейлора, объяснять, что выбор нужно делать только между ним и ставленником демократов Льюисом Кассом, поскольку третий кандидат, Мартин Ван Бурен, выдвинутый немногочисленной партией фрисойлеров^[19], не имел никаких шансов. С одной стороны, поданные за него голоса могли выразить позицию фрисойлеров и сочувствующих им, продемонстрировать наличие в стране спектра общественного мнения; с другой стороны, именно эти голоса могли бы обеспечить победу одного из реальных кандидатов или предопределить поражение другого. Это была не политологическая гипотеза, а вывод из практики: именно так проиграл президентские выборы 1844 года Генри Клей — ему не хватило для победы над демократом Полком всего двух процентов голосов, тех, что антирабовладельческая «партия свободы» демонстративно отдала своему кандидату Джеймсу Бирни. В результате принципиальность антирабовладельцев привела в Белый дом самого нежелательного для них кандидата. Одну из самых решительных фракций даже прозвали барнбёрнерами (поджигателями амбаров)^[20], ибо их бескомпромиссность сравнивали с тем фермером из притчи, который решил сжечь свой амбар, чтобы избавиться от крыс.

Это был выход на общегосударственный уровень политической борьбы, и он удался — Линкольн снова показал, что умеет очень быстро учиться. Уже после первого публичного выступления в штате Делавэр, в некоторой степени пробного, его прозвали «одиноким звездой вигов из Иллинойса»^{176}.

На одном из последних заседаний сессии Конгресса «одинокая звезда» ярко сверкнула речью в поддержку генерала Тейлора и против ветерана войны 1812 года Льюиса Касса. В этой речи Линкольн вернулся к ироничному стилю своих давних политических выступлений в Иллинойсе («Буриданов осёл умрёт от голода, если его поставить между двух кормушек. Господин Касс будет, как он уже продемонстрировал, есть сразу из обеих»). И хотя Авраам выступал восьмым по счёту, зрители не оставляли переполненную галёрку, а газетчики поместили восхищённые отчёты о его речи: «Манеры мистера Линкольна были столь естественны, а стиль настолько своеобразен, что на протяжении всего выступления он держал Конгресс в каком-то приподнято-весёлом состоянии... Он мог начать очередную мысль в глубине одного из проходов и, продолжая говорить, жестиковать и двигаться, закончить её в самом центре зала, прямо перед столом секретаря; затем вернуться, начать развивать новую идею — и проделывать тот же путь снова и снова»^{177}.

Эту речь Линкольн положил в основу своих выступлений в городах и городках северо-восточного побережья, от Мэриленда до Массачусетса. Благодаря необычному представителю Запада, человеку «из-за гор», был гарантирован повышенный интерес публики к предвыборным митингам вигов, начинавших терять свои позиции под натиском фрисойлеров^{178}.

Снова и снова конгрессмен из Иллинойса критиковал Касса, защищал Тейлора и повторял, что благородное намерение голосовать за выдвиженца фрисойлеров Ван Бурена приведёт к победе худшего кандидата. Касс, убеждал Линкольн, — это новые войны, новые захваты территорий и ещё большее распространение рабовладения. Таким образом, с виду благородная позиция фрисойлеров грозит последствиями, прямо противоположными их намерениям^{179}.

«Аргументы и анекдоты, остроты и изречения, гимны и пророчества, предположения и силлогизмы вылетали перед аудиторией, будто многочисленная дичь из-под ног охотника в прериях, — писал один из репортёров. — Ни на каком другом партийном собрании региона аудитория не реагировала на выступление так сильно»^{180}. В конце одного выступления Линкольна аудитория с энтузиазмом трижды провозгласила: «Да здравствует штат Иллинойс!» — и ещё трижды: «Да здравствует красноречивый конгрессмен от этого штата!»^{181}. В другом месте оратора провожали до станции с оркестром^{182}.

Забираясь всё дальше на северо-восток, Линкольн прибыл в многолюдный Бостон, замкнув окружность, по которой начали двигаться его предки почти 200 лет назад. Председателем одного из митингов был экс-губернатор Массачусетса Левий Линкольн-младший. Авраам не знал, что оба они — потомки Сэмюэла Линкольна из Хингема. «Возможно, — говорил Авраам Левию, — мы оба, как говорят шотландцы, из одного клана. Но главное то, что мы оба — правильные виги». На одном из выступлений его представили как потомка Линкольнов из Хингема и к тому же родню знаменитого генерала времён Войны за независимость Бенджамена Линкольна. Авраам вежливо отклонил родство с героем, но отметил, что старается воплощать в Иллинойсе идеалы Линкольнов из Массачусетса^{183}.

Центральным событием тура стало массовое собрание вигов в Бостоне, на открытом воздухе. Перед Линкольном выступал куда более знаменитый в то время оратор — Уильям Сьюард. Он, как многие, пришёл в политику из адвокатуры. Сьюард окончил юридический колледж, практиковал более десяти лет, побывал сенатором и губернатором родного штата Нью-Йорк и уже в то время выступал за предоставление прав чернокожему населению. Среди его нашумевших дел —

защита перед Верховным судом адвоката-аболициониста Джона Ван Зандта, сделавшего свой дом приютом для беглых рабов с Юга (он стал прототипом доброго гиганта Джона Ван Тромпа, одного из героев «Хижины дяди Тома»).

Сьюард был настроен куда решительнее Линкольна. «Настанет день, — говорил он, — и свободные люди освободят рабов этой страны. Это должно быть осуществлено моральной силой, не допускающей несправедливости»^{184}. Речь произвела сильное впечатление. Сам Сьюард вспоминал, что после митинга будущий «великий эмансипатор» признался ему: «Я много думал о том, что вы говорили в своей речи, и признаю вашу правоту. Нам надо разобраться с вопросом о рабстве и уделять ему куда больше внимания, чем мы уделяли раньше». (Правда, некоторые современные биографы Сьюарда выражают сомнения в том, что это высказывание имело место.) Линкольн снова чувствовал себя учеником.

Между тем спрос на необычного оратора не иссякал, и бостонская газета «Атлас» была вынуждена поместить специальное объявление: «Поскольку мы ежедневно получаем из разных уголков штата множество пожеланий послушать этого джентльмена, мы с сожалением объявляем, что он покинул Бостон в субботу утром и направился домой в Иллинойс»^{185}.

Линкольн понимал, что дома придётся гораздо труднее. Но на обратном пути он на какое-то время отвлекся от предвыборной суеты на дорожные впечатления и однажды застыл, потрясённый величием Ниагарского водопада. Грандиозное зрелище вдохновило политика на философско-поэтические рассуждения, немедленно занесённые на бумагу:

«Если такая масса воды постоянно низвергается с высоты, то такую же массу столь

же постоянно солнце поднимает вверх... Созерцание огромной мощи солнца, осуществляющего эту спокойную, бесшумную операцию, ошеломляет... Более того, оно заставляет думать о бесконечности прошлого. Когда Колумб впервые увидел этот континент, когда Христос страдал на кресте, когда Моисей выводил народ Израиля через Красное море, нет, даже когда Адам вышел из рук Творца, — и тогда, как и сейчас, здесь рокотала Ниагара. Глаза исчезнувших гигантов, чьи кости тлеют в курганах Америки, смотрели на водопад, как наши смотрят сейчас. Мамонты и мастодонты, давно вымершие, чьи кости только и напоминают о том, что они когда-то жили, смотрели на Ниагару. И всё это долгое-долгое время водопад не замирал ни на мгновение.

Никогда не замерзая, никогда не засыхая, никогда не засыпая, никогда не отдыхая...»[{186}](#).

Рукопись обрывается: едва прибыв в Чикаго, Линкольн узнал, что объявлен главным докладчиком на съезде вигов, и снова окунулся в политику. Уже на следующий день он выступил с двухчасовой речью, агитируя за «старину Зака, по-солдатски прямолинейного, но эффективного» («Грубо, но эффективно» — это был предвыборный лозунг генерала Тейлора).

Демократическая пресса комментировала выступление Линкольна довольно ехидно: «Когда председатель указал «пятнистому» его место, мистер Л. прочистил нос, пригладил волосы, взмахнул фалдами сюртука и на протяжении двух часов извергал огромные потоки шума и ярости»[{187}](#).

...Именно с 1848 года президента стали выбирать в единый для всей страны день — первый вторник ноября.

Первым «красным днём календаря» стало 7 ноября. Тейлор не выиграл в Иллинойсе, хотя и ненамного отстал от Касса. Однако страна выбрала именно Тейлора (он получил 47,3 процента голосов избирателей, Касс — 42,5 процента, Ван Бурен — чуть более десяти процентов; на втором этапе 167 выборщиков проголосовали за Тейлора, 123 — за Касса, за Ван Бурена — никто).

Несмотря на локальное поражение, Линкольн мог считать свои труды не напрасными. Во-первых, на этот раз в Иллинойсе разрыв между демократами и вигами был почти вчетверо меньше, чем на предыдущих президентских выборах. Во-вторых, в Седьмом избирательном округе штата, к которому принадлежал и в котором много потрудился сам Линкольн, Тейлор набрал намного больше голосов, чем его противник. Всё это не только утешало Авраама, но и вселяло в него определённые надежды: когда окончится его уже недолгий срок в Конгрессе, новая президентская администрация сможет оценить усилия «одиноким звездой из Иллинойса» и найдёт ему место на политическом небосклоне федерального уровня. Оставалась вторая, короткая сессия Конгресса (начинаясь, как и первая, в декабре, она закрывалась уже в начале марта в канун инаугурации нового президента).

Эта сессия показала, что присоединение гигантских мексиканских территорий стало неотвратимо менять полюса политической жизни США. Из-за споров о будущем этих территорий партии, особенно партия вигов, начали расползаться по швам, соединявшим свободный Север и рабовладельческий Юг.

Камнем преткновения стал вопрос о том, будет или не будет разрешено рабовладение на гигантских присоединённых территориях. От его решения зависело, какая часть страны продолжится на Запад:

патриархальный рабовладельческий Юг или предприимчивый индустриальный Север? Еще до окончания мексиканской войны конгрессмен из Пенсильвании Дэвид Уилмот предложил поправку к биллю об ассигновании средств на проведение мирных переговоров, смысл которой был в том, что на всех новых территориях рабовладение нужно запретить. (Надо ли говорить, что Линкольн, по его собственному признанию, голосовал за эту поправку «раз пятьдесят».) Проект встретил столько противников, что был похоронен в сенате. Консервативный оптимист Джон Кэлхун, сутулый, седовласый, измученный чахоточным кашлем сенатор (ему оставалось жить два года), использовал весь свой политический талант, чтобы объединить южных вигов и южных демократов в новую партию рабовладельцев, которая должна была завладеть большинством голосов Конгресса и сената, дабы распространить рабовладение до самого Тихого океана. С точки зрения Кэлхуна, запрет рабовладения в будущих новых штатах был катастрофой для всей страны, поскольку означал переход законодательного большинства (за счёт представителей новых штатов) к «аболиционистам Севера», которые воспользуются этим, чтобы изменить Конституцию, освободить рабов, пополнить ими ряды своей партии и подчинить своей воле белое население Юга^{188}.

На другом полюсе воинствовал Джошуа Гиддингс, конгрессмен от свободного штата Огайо и один из будущих основателей Республиканской партии.

В этом споре Линкольн пытался найти свой путь, и на него сыпались оскорбления обеих разъярённых противоборством сторон. Кое-где на Юге конгрессмена из свободного штата проклинали как аболициониста, в то время как наэлектризованный эмоциями аболиционист Уэнделл Филипс однажды объявил Авраама «рабовладельческой ищейкой из

Иллинойса»^{189}. Линкольн не был ни тем, ни другим. Его позиция была такой же, как в 1837 году, когда они с Дэном Стоуном объявили, что институт рабства несправедлив и политически вреден, но не менее вреден и радикализм аболиционистов, лишь усугубляющий проблему, и хотя Конгресс не имеет права вмешиваться в институты рабовладения в отдельных штатах, он может отменить рабство в округе Колумбия^{190}.

Парадоксально, но тогда Линкольн считал, что для всего союза штатов и для самого дела свободы представителям северных штатов лучше не трогать рабство на Юге — так оно не станет цепляться за жизнь и быстрее умрёт естественной смертью. Конечно, при этом нельзя и помогать рабству выжить, позволяя распространяться на новые территории^{191}.

Основываясь на этих соображениях, Линкольн подготовил собственный законопроект. Ему не хотелось, чтобы он прозвучал с трибуны Конгресса только как риторическое заявление — подобные тирады неоднократно произносились противниками рабства, решительными, бескомпромиссными, а потому заранее обречёнными на поражение. Авраам построил под своим предложением серьёзный фундамент: согласовал его не только с коллегами, но и с влиятельными гражданами Вашингтона. Ставка была сделана на то, что многим не нравилось не столько рабовладение, сколько его открытая демонстрация всему цивилизованному миру прямо в столице Соединённых Штатов. Чего стоил приёмник-накопитель живого товара, принадлежавший крупнейшим работорговцам страны — фирме «Франклин и Армфилд»!^{192}

Десятого января 1849 года Линкольн поднялся со своего места в Конгрессе и объявил о намерении внести законопроект о ликвидации рабовладения в округе Колумбия (как мы помним, не являющемся территорией какого-либо штата и поэтому подвластном напрямую

федеральному правительству США). Суть предложения была в том, чтобы созвать референдум местных жителей (естественно, только «всех свободных белых мужчин»), на котором рабовладению в округе может быть положен конец. Государственное казначейство выкупит рабов у владельцев по «полной стоимости», а дети, рождённые после 1850 года, станут свободными. Чтобы подсластить южанам горькую пилюлю, Линкольн предлагал сохранить правительственным чиновникам из южных штатов право привозить с собой слуг-рабов. А главное, местные власти Вашингтона должны будут официально объявить о намерении «арестовывать и возвращать владельцам всех беглых рабов, укрывающихся в упомянутом округе»^{193}.

Увы, как только план был официально озвучен, он натолкнулся на мощное противодействие одновременно с двух сторон. Депутаты от южных штатов бросились к вашингтонским сторонникам идеи Линкольна, убеждая отказаться от поддержки очевидного первого шага к отмене рабовладения во всей стране. Джон Кэлхун использовал заявление «депутата от Иллинойса» (даже не назвав его по имени) для очередного всплеска агитации за объединение Юга ради «защиты своих священных и неотъемлемых прав».

Радикалы-аболиционисты были возмущены поддержкой правила о поимке беглых рабов на свободной территории (что дало им повод объявить Линкольна «рабовладельческой ищейкой»), а также самой идеей выкупа, означающей признание за рабами статуса собственности.

В итоге Линкольн сам отказался вносить свой законопроект. «Я понял, что потерял обещанную мне поддержку, — объяснял он потом своё решение, — а поскольку моё личное влияние было тогда ничтожным, все попытки продвигать идею были оставлены как совершенно бесполезные в то время»^{194}.

В воскресенье 4 марта Конгресс, набухший неразрешёнными противоречиями, завершил сессию. На следующий день — холодный, с порывистым ветром, приносящим то дождь, то снег, — состоялась инаугурация Захарии Тейлора. Генерал-президент произнёс самую короткую со времён Вашингтона и, возможно, самую бесцветную речь. Потом последовал традиционный бал для четырёх тысяч гостей. Когда к четырём утра гости стали расходиться по домам, то обнаружили, что прислуги уже нет, а пальто и шляпы по большей части свалены в гардеробе в одну большую грудку. В этой свалке Линкольн так и не смог найти свой «заветный» цилиндр.

Коллега-юрист вспоминал, как Авраам покидал бал — словно навсегда уходил из политики: с непокрытой головой, высокий, худой, в помятом пальто, брошенном на плечи, один, в предрассветный час, по направлению к Капитолийскому холму^{195}.

От Линкольна как «своего человека в Вашингтоне» в Иллинойсе теперь ожидали только одного: содействия в получении правительственных должностей (то есть гарантированных и приличных зарплат), распределение которых по давней традиции зависело от новой администрации. Письма знакомых, родственников и просто избирателей штата посыпались на Линкольна задолго до инаугурации. Тесть, например, хлопотал за дальнего родственника из Миссури, который оказался «в затруднённых обстоятельствах», и просил Авраама помочь в получении должности клерка в «каком-нибудь» правительственном департаменте. Некая дама, радевшая за мужа, заканчивала письмо словами: «Если Вы запомнили, кто я такая, спросите у своей Мэри»^{196}.

Многие не думали, что для исполнения даже самых скромных пожеланий мало было просто иметь представителя в Вашингтоне. Авраам не мог отказать,

писал и передавал нужным чиновникам свои рекомендации, но выполнить большинство просьб не мог. Смысл его стандартных ответов соискателям прост: «Сделаю всё, что могу, но ничего не обещаю». Это была позиция Честного Эйба — в мае 1849 года Линкольн в одном из писем признавался: «До сих пор никого из рекомендованных мной не назначили ни на одну должность, значительную или незначительную, за исключением разве что нескольких настолько скромных, что на них не было других претендентов»^{197}.

Да что говорить о других, если ему никак не удавалось определить собственное политическое будущее. Заслуженное вознаграждение за предвыборные труды представлялось Линкольну в виде должности комиссара Главного земельного управления США — руководителя крупного правительственного департамента, ведающего распределением государственных земель. В управление традиционно назначались представители Огайо, Индианы, Иллинойса, сведущие в законах и проблемах богатых землёй западных штатов. Должность гарантировала заметное влияние (комиссар, например, решал, кому и как продавать государственные земли) и к тому же жалованье в три тысячи долларов в год (губернатор Иллинойса получал тысячу, а член Верховного суда штата — 1200 долларов). Комиссар мог проводить возделенную партийную идею «внутренних улучшений» — например, способствовать выделению земель для набирающего темпы железнодорожного строительства. Наконец (а может, прежде всего), с этой ступеньки было удобнее шагнуть на новый политический уровень — в сенат. Именно таким путём пошёл предыдущий комиссар — знакомый по давней несостоявшейся дуэли демократ Джеймс Шилдс.

Проблема была в том, что у такой лакомой должности никак не могло быть единственного

соискателя (всё-таки не нью-салемский почтмейстер!). Из одного только Иллинойса виги прислали рекомендации для нескольких кандидатов. Все они были знакомы между собой, имели влиятельных ходатаев, и поток писем, встреч и совещаний создал патовую ситуацию. Линкольн решился на благородный и вместе с тем практичный ход: чтобы оставить должность за представителем Иллинойса, он согласился первым отказаться от претензий на неё, если место будет гарантировано кому-то одному из однопартийцев-соискателей. И вот тут в игре появилась «тёмная лошадка» — Джастин Баттерфилд, юрист из Чикаго, служивший федеральным прокурором ещё при президентах Гаррисоне и Тайлере. Он был сторонником Клея и мог предоставить рекомендации самых именитых политиков, включая одного из наиболее авторитетных конгрессменов Дэниела Уэбстера^{198}. Главное же — его хорошо знал министр внутренних ресурсов, монументальный Томас Юинг, в ведении которого и были все назначения в Главном земельном управлении. Юинг считал Баттерфилда «одним из самых серьёзных юристов штата, к тому же специалистом по земельному праву»^{199}.

«Как же так, — негодовал Линкольн, — этот претендент не ударил палец о палец, чтобы способствовать победе Тейлора! Более того, он до последнего противился его выдвижению в кандидаты в президенты от вигов, предпочитая Клея. А раз так, то сотни вигов Иллинойса имеют на должность больше прав, чем Баттерфилд». Авраам напряг все свои силы и задействовал все связи: для него назначение такого соперника означало не просто личное поражение — это был провал самой идеи стимулировать политическую активность коллег по партии надеждой на получение влиятельных должностей^{200}. К чему напрягать силы, если потом всё будет определять прочность личных

связей? Друзья Линкольна смогли добиться, чтобы президент Тейлор отложил окончательное назначение на три недели. Но потом сторонники Баттерфилда получили дополнительный козырь: перед администрацией президента — героя войны Линкольн снова был выставлен непатриотичным «запятнанным конгрессменом». Некая «группа вигов» из Спрингфилда прислала министру Юингу петицию с двадцатью восемью подписями. Подписанты заявляли, что разочарованы политикой, проводимой в Конгрессе избранным в их округе Авраамом Линкольном, и поэтому рекомендуют на место комиссара Главного земельного управления мистера Джастина Баттерфилда^{201}. И хотя всего в поддержку Линкольна было прислано 365 прошений и рекомендаций, а за Баттерфилда только 235^{202}, 21 июня комиссаром был назначен Баттерфилд.

Узнав о поражении, Линкольн пришёл в свой отель, рухнул ничком на кровать (длинные ноги свисали) и пролежал более часа^{203}.

Через полтора месяца ему предложили «утешительный приз» — должность первого заместителя губернатора в самом дальнем, глухом и малонаселённом углу на северо-западе страны, на ещё не оформившейся в штат Территории Орегон. Линкольн отказался. Ещё через месяц предложили уже пост губернатора — всё в том же Орегоне, в тысячах миль от Иллинойса и тем более от Вашингтона. Фактически это была мягкая форма политической ссылки — в земли перспективные, но в достаточно отдалённом будущем. К тому же политику там определяли находившиеся в большинстве демократы. Формально уважение к пламенному борцу за Тейлора было выказано, но когда Линкольн отказался от предложения, сославшись на нежелание супруги переезжать так далеко от дома, никто не стал ни сожалеть, ни настаивать. На должности легко нашли других, не столь щепетильных

соискателей, и началась работа нового аппарата президента. Например, Уильям Сьюард с его широкими связями оказался в кругу ближайших советников Тейлора.

Много позже, уже поселившись в Белом доме, Линкольн признавался, что мог бы через Орегон выбиться в сенаторы, но тогда не стал бы президентом^[204], и цитировал:

... нас безрассудство
Иной раз выручает там, где гибнет
Глубокий замысел; то божество
Намерения наши довершает,
Хотя бы ум наметил и не так^[21].

Но в 1849 году Авраам Линкольн не мог предвидеть результатов своего «безрассудства». Он, вспоминая Херндон, поставил крест на политической деятельности и вернулся в Спрингфилд, чтобы целиком посвятить себя юриспруденции. Правда, Линкольна, уже сорокалетнего, никак не оставлял в покое давний вопрос о смысле жизни. Однажды у него вырвалось: «Как же тяжело, о, как же тяжело будет умирать, зная, что не сделал страну лучше, чем она была до тебя, словно ты и не жил!»

ПОЧТИ ВНЕ ПОЛИТИКИ

Автобиографические заметки Линкольна о следующем пятилетии жизни крайне лаконичны: «С 1849 по 1854 год включительно занимался юриспруденцией — тщательнее, чем когда-либо»; «К 1854 году профессиональные занятия практически полностью вытеснили политику из моих мыслей»^{205}.

Страсти в Конгрессе теперь кипели без Линкольна. Конфликт вокруг судьбы присоединённых мексиканских территорий набух свинцовой грозовой тучей. Богатейшая Калифорния готовилась стать новым штатом США — штатом, не признающим рабства, а это полностью нарушало баланс сил между свободным Севером и рабовладельческим Югом. Всё громче стали звучать голоса о роспуске Союза штатов как единственном выходе из кризиса. Вот почему в феврале 1850 года сенатор Генри Клей обратился к коллегам и президенту, провозгласив простуженным, но громким голосом: «Распад Союза и война неотделимы друг от друга! Это будет война до полного изнеможения, до того момента, пока новый Филипп или Александр, Цезарь или Наполеон не разрубит гордиев узел и не решит вопрос, способны ли люди к самоуправлению, — уничтожив права и свободы в обеих распавшихся частях Союза. Я заклинаю вас, господа, — с Севера ли вы, с Юга ли, — всем что есть для вас дорогого в этом мире: любовью к свободе, памятью предков, заботой о потомках, благоговением перед Всевышним, долгом перед человечеством и обязательствами по отношению к себе, всем, чем только можно: остановитесь! Остановитесь на краю бездны, прежде чем сделать ужасный и погибельный шаг в её распахнутую пасть!»^{206} Генри Клей прослыл «великим

миротворцем». Он был делегатом ещё на заключении мирного договора с Британией после войны 1812 года, а потом дважды спасал Союз от угрозы распада. В 1820 году Клей добился Миссурийского компромисса, поддержавшего баланс сил между Севером и Югом, а в 1833-м помог сгладить конфликт между собравшейся отделяться Южной Каролиной и готовым удержать её силой федеральным правительством. В 1850 году 73-летнему Клею удалось сохранить целостность страны в третий раз. Его поддержали лучшие политики эпохи — знаменитый Дэниел Уэбстер и самый молодой сенатор Стивен Дуглас. Совместными усилиями после нескольких месяцев упорной политической борьбы они добились принятия «комплексного билля», пять отдельных актов которого в определённой степени решали самые наболевшие проблемы, разделявшие Север и Юг. Калифорния всё-таки принималась в Союз в качестве свободного штата, зато другие территориальные образования на бывшей мексиканской земле — Нью-Мексико и Юта — получали право «народного суверенитета»: само население должно было решить, допускать ли на своей земле рабовладение. Одновременно укреплялись права Юга: обновлённый закон о беглых рабах гарантировал возвращение сбежавшей «собственности» со всей территории США и жестоко наказывал тех, кто помогал беглецам. Компромиссным было и решение волновавшей конгрессмена Линкольна проблемы рабства в Вашингтоне: его не отменили, но запретили работорговлю, портившую имидж столицы.

Компромисс стал реальностью 7 сентября 1850 года. Этот день никак не отмечен в подробной «Биохронике» Линкольна. Известно только, что он в то время вёл какие-то дела по взысканию долгов в глубинке Иллинойса^{207}. А Вашингтон наполнился к вечеру шумными праздничными толпами. Люди кричали: «Союз

спасён!», осаждали резиденции сенаторов и конгрессменов, взрывались приветственными возгласами и требовали ответных речей. «Зима наших разногласий породила славное лето!» — импровизировал Дэниел Уэбстер. «Узы нашего союза прочны, как никогда! Мы едины от побережья до побережья; Запад остаётся связующим звеном между Севером и Югом!»^{208} — срывал аплодисменты Стивен Дуглас. Сияла иллюминация, вспыхивали фейерверки, грохотал салют из сотни орудий, ломались от угощения праздничные столы. В тот же вечер по столице промчался клич: тот не патриот, кто сегодня вечером не напьётся! Клич был подхвачен столькими народными избранниками, что многие сенаторы (в том числе Дуглас) наутро не явились на очередное заседание, объяснив отсутствие такими уважительными причинами, как головная боль, простуда, «диарея вследствие злоупотребления фруктами»^{209}.

Вошедший в историю «компромисс 1850 года» был последним политическим подвигом Генри Клея и Дэниела Уэбстера. Поколение политиков «джексоновской эры», «наследников революции», «первых собственно американцев»^[22], уходило с политической арены. Для Авраама это было поколение отцов: Клей был почти ровесником Томаса Линкольна. До последнего сражаясь за права рабовладельческого Юга, в марте 1850 года умер 76-летний Джон Кэлхун. Не дождавшись компромисса и уповая на военную силу как последний довод в защиту Союза, в июле 1850-го скоростижно скончался 65-летний президент Захария Тейлор.

Линкольн был в это время в Чикаго по судебным делам, и муниципальный совет попросил его выступить с речью. Торопливость в подготовке этой речи очевидна — у Авраама было только полтора дня. И всё-таки, помимо изложения почерпнутой из предвыборных

брошюр и преисполненной подвигов военной биографии 12-го президента США, Линкольн постарался отыскать черты, благодаря которым Тейлор занял высшую должность — «не ложе, устланное розами, но полное шипов». Генерал-президент, говорил Линкольн, впечатлял окружающих «неприхотливостью, самопожертвованием, стойким следованием своему долгу. Он не потакал праздным развлечениям, не появлялся в публичных местах в поисках оваций, но спокойно и уверенно, как Земля на своей орбите, всегда находился на посту». Умирая, он имел полное право сказать: «Я свой долг исполнил, я могу уйти». В жизни Тейлора Линкольн увидел иллюстрацию библейскому «унижающий себя возвысится» (Лк. 14:11), ибо страна обязательно отзовётся на самоотверженное служение — благодарностью и высокими почестями, чем «умягчит смертное ложе, словно пуховыми подушками»^[23]. То, что американский народ выбрал Тейлора президентом, даёт, помимо прочего, урок молодому поколению: «Важно знать, что столь непреклонная поступь по пути долга обязательно будет отмечена и приведёт к вершинам».

Затронув библейскую тему, Авраам поднялся до рассуждений о проблемах жизни и смерти, в те годы коснувшихся его особенно близко: «Смерть президента напоминает о том, что все мы смертны, ибо когда уходят обычные люди, мы не задумываемся об этом, но расставаясь с великими и знаменитыми, мы поневоле погружаемся в печальные рассуждения: «Так чем же, о смертный, гордиться тебе?»».

После этой поэтической строки Линкольн перешёл к чтению одного из своих самых любимых стихотворений, подходящего к печальному настроению аудитории: произведения шотландского поэта Уильяма Нокса «Смертность» («Mortality»), в котором рассуждения о бренности земного существования наталкивают на

вечный вопрос о смысле жизни, столь остро вставший тогда перед отставным политиком:

Надежда и отчаяние, радость и боль
Перемешиваются под солнцем и дождём,
И улыбка, и слеза, и песня, и плач
Идут друг за другом, как волна за волной...
От румянца жизни до бледности смерти,
От позлащённых чертогов до савана и гробовой
доски —
Лишь мгновение, лишь вздох.
Так чем же, о смертный, гордиться тебе?^{210}

А траурный список всё пополнялся. В 1852 году ушли из жизни семидесятилетний Дэниел Уэбстер (по оценке Линкольна, «один из величайших людей нации»^{211}) и 75-летний Генри Клей. Это были потери национального масштаба. В день поминаения Клея Спрингфилд погрузился в траур: остановился бизнес, закрылись лавки, печальная процессия прошла от епископальной церкви, в которой была отслужена панихида, к зданию Капитолия штата, где выступил Линкольн^{212}. Он не просто перечислял заслуги Клея — он словно отвечал на вопрос, чему он сам научился у знаменитого деятеля.

Это Клей, говорил Линкольн, своим примером «преподал нам как минимум один полезный урок: любой человек, как бы беден он ни был, если действительно захочет, сможет получить достойное образование и с его помощью заслужить уважение окружающих». Это Клей сумел сконцентрировать в себе качества политика — красноречие, умение трезво оценивать ситуацию, непреклонную волю, — которые по отдельности не редкость, но нечасто соединяются в одной личности. Клей сумел поставить эти качества на службу всеобщим, а не локальным интересам. Он любил свою страну не

столько потому, что это была *его* страна, сколько потому, что это была *свободная* страна, а все стремления Клея были посвящены делу свободы.

Может показаться парадоксальным, что Клей был одновременно рабовладельцем и противником рабства. Но, замечал Линкольн, Клей жил в стране, где рабство давно и прочно укоренилось, и поэтому выступал за постепенное освобождение рабов. Ему были чужды радикалы из обоих лагерей, ибо требовавшие во имя гуманизма немедленной ликвидации рабства «раскалывали на куски единый Союз», а стоявшие за неизменное сохранение рабства «разрывали на клочки Конституцию» с её принципом «Все люди рождены свободными и равными».

Политическим завещанием Клея по вопросу рабовладения Линкольн счёл его долгу поддержку Американского колонизационного общества. Деятели этой организации считали, что будет справедливо «вернуть Африке детей, оторванных от неё насилием и жестокостью, и тогда с ними на дикий континент придут богатые плоды религии, цивилизации, закона и свободы». Не в этом ли, вопрошал некогда Клей, замысел Творца вселенной (чьи пути неисповедимы и непонятны близоруким смертным): обратить изначальное зло в доброе дело для самой несчастливой части земного шара?

Продолжая мысли Клея, Линкольн высказал согласие с этой идеей организованного исхода, добровольного избавления Америки не только от рабства, но и от бывших рабов («да не обрушатся на нас бедствия, подобные библейским десяти казням египетским, павшим на фараона за отказ освободить порабождённых сынов Израилевых!»). Линкольн «образца 1852 года» видел решение проблемы в трудах «нынешнего и последующих поколений» по избавлению страны от рабства через возвращение порабождённых людей на

землю предков, «настолько постепенное, что никто — ни расы, ни отдельные личности — не пострадает от перемен». Этим, завершал свою речь Линкольн, мы лучше всего воздадим должное Генри Клею, ибо именно этого он желал наиболее страстно.^{213}.

Но не смерти президента Тейлора и Генри Клея принесли Линкольну самые трагические переживания. Рано утром 1 февраля 1850 года, измучившись от жара и кашля острой чахотки, умер, не дожив до четырёх лет, их с Мэри сын Эдди. Родители боролись за жизнь мальчика 52 дня. Авраам бегал в аптеку за всеми возможными лекарствами, дежурил ночами у постели, растирал слабую грудь настойками... Ничего не помогло.

Особенно страшным оказался удар для Мэри. За пол года до этого она потеряла отца, неожиданно скончавшегося от холеры, в январе — любимую бабушку, а теперь вот Эдди... В дождливый день похорон она была не в силах пойти на кладбище и даже встать с постели, рыдала и причитала так, что пугала шестилетнего Бобби. Некоторое время Мэри даже отказывалась от еды, и Авраам уговаривал её, словно маленькую: «Ешь, Мэри, ради жизни, нужно есть».

Письма Авраама о смерти сына скупы: «...мы очень скучаем по нему»; но сохранилось свидетельство, что вернувшись с похорон и взяв со стола уже бесполезный рецепт, Линкольн не смог удержаться от рыданий.^{214} И именно после смерти Эдди, как написала однажды Мэри, сердце её мужа стало «обращаться к религии».^{215}.

Некоторым утешением для родителей стало рождение через 11 месяцев, 21 декабря 1850 года, ещё одного сына, названного в честь свояка Мэри, доктора, пытавшегося спасти Эдди, Уильямом Уоллесом. Не успела Мэри оправиться от тяжёлых родов, как пришло письмо, извещавшее, что смертельно болен Томас, отец Авраама...

Отец прекратил свои «перекочёвки» в поисках идеальной фермерской жизни только на рубеже своего шестидесятилетия. В 1837 году Томас и Сара Линкольн окончательно осели на ферме в графстве Коулс — «пряжке на кукурузном поясе» Иллинойса, примерно в 80 милях на восток от Спрингфилда. Авраам помогал родителям, в том числе деньгами и по юридической части, а в 1841 году «купил» за внушительную сумму в 200 долларов треть их земельных владений, чем обеспечил Томасу и Саре спокойную жизнь на ближайшие годы. К тому же за ними присматривал не очень расторопный, не очень образованный, но преданный сводный брат Авраама Джон Джонстон.

Однажды, в конце мая 1849 года, он уже вызывал Линкольна тревожным письмом: «Дорогой брат! Твой отец тяжело болен, очень хочет видеть тебя, хочет, чтобы ты приехал, потому что ты его единственный сын, единственный плоть от плоти его, и поэтому он хочет, чтобы ты приехал, говорит, что почти отчаялся увидеть тебя до встречи в неизведанном мире, то есть в раю... я пишу это с разрывающимся сердцем, я ездил за доктором, и я бы хотел, чтобы ты приехал, если сможешь, и ещё он хочет, чтобы я передал твоей жене, как он её любит и хочет встретиться с ней на небесах... у нас всё хорошо...»^{216}. Получив письмо, Линкольн бросил все дела — а это был разгар хлопот о должности в Вашингтоне, решающий момент для его политического будущего, — немедленно примчался к отцу и провёл с ним три дня^{217}. Линкольн спешил на печальное прощание с отцом; но, оказалось, напуганный Джонстон отправил письмо, ещё не узнав мнение доктора; уже к приезду Авраама Томасу стало значительно лучше, и вскоре он поправился^{218}.

Может быть, поэтому, когда в конце 1850-го — начале 1851 года от Джона Джонстона снова пошли панические письма о тяжёлом положении Томаса,

Авраам решил, что сможет отложить поездку. 12 января он писал:

«Дорогой брат. Ты знаешь, что я хочу, чтобы отец и мать не нуждались и были здоровы; я уверен, что ты воспользуешься моим именем в случае необходимости пригласить доктора или сделать всё, чтобы облегчить болезнь отца. Но дела мои таковы, что я не могу сейчас оставить дом, к тому же жена моя больна, не может оправиться после родов, хотя, я уверен, всё обойдётся. Я очень надеюсь, что отец ещё поправится, но в любом случае скажи ему от меня, что нужно положиться на нашего великого, доброго и милосердного Творца... Скажи ему, что, если бы мы и встретились, это было бы более мучительно, нежели радостно; а если теперь настал его черёд уйти, то Там его ждёт радостное свидание со многими близкими людьми, ушедшими когда-то, и туда все мы, с Божьей помощью, попадём, чтобы увидеться с ним. Напиши мне ответ»^{219}.

В ответ пришла печальная весть: 17 января отец умер. Линкольн смог выбраться к нему на могилу только весной. Унаследованную от отца землю (80 акров) он продал Джону Джонстону за символическую сумму в один доллар, оговорив, что доходы с этой земли будут обращены на обеспечение матушки Сары, пожелавшей остаться доживать свой век в той же хижине, в которой она жила с покойным мужем^{220}.

В память об отце Авраам и Мэри назвали своего младшего сына, родившегося в апреле 1853 года. Большеголовый Томас рано получил семейное прозвище Тад, которое в семье практически заменило его имя.

С рождением Тада ушла в прошлое пора беспрестанных потрясений. Семейная жизнь стала входить в размеренный ритм стандартов среднего класса: доход Линкольна достигал четырёх-пяти тысяч долларов в год^{221}, тогда как для хорошей жизни в Спрингфилде того времени было достаточно 1500 долларов^{222}. Линкольны могли позволить себе держать прислугу, хотя Мэри относилась к ней требовательно до придирчивости и при этом была скуповата. Одной из помощниц по хозяйству Авраам втайне приплачивал 75 центов, чтобы та не перечила его супруге^{223}.

Впрочем, многое по дому приходилось делать самим: Мэри шила, готовила, убирала дом, а Авраам ходил в лавки, кормил и чистил лошадей, доил корову, содержащуюся на заднем дворе дома. Ему же «по старинке» приходилось пилить и колоть дрова. Один из соседей запомнил, как однажды стук топора разбудил его сильно за полночь. Сосед выглянул в окно и увидел, как при полной луне белеет рубашка Линкольна: известный юрист, вернувшийся из очередной поездки, засучив рукава, рубит дрова, чтобы приготовить себе поздний ужин^{224}.

Авраам удивлял жителей Спрингфилда особой, даже чрезмерной привязанностью к младшим сыновьям. Человеку его круга не пристало нянчиться с малышами — а он охотно нянчился, и за глаза его стали называть «наседкой»^{225}. Когда мальчики немного подросли, он катал их по улице вдоль дома в «повозке» наподобие детской коляски и при этом поглядывал в прихваченную с собой книгу. Как-то раз соседи видели, как, увлечшись чтением, Авраам не заметил, что один из малышей вывалился наружу. Позже Авраам брал детей в долгие прогулки за город: мальчики шли, ухватившись за огромные руки отца или за полы его пальто, и слушали

его рассказы и пояснения. Если младший, Тад, начинал хныкать, что устал, Авраам нёс его домой на шее или на плече.

— Мистер Линкольн, он уже большой мальчик, не пойти ли ему самому?

— Но его ножки так утомились!

В общем, как вспоминали соседи, «он был самым снисходительным из всех родителей: его дети буквально могли скакать по нему, а он совершенно не мог противостоять их надоедливости»^{226}.

Мэри была строже к детям, но гордилась ими не меньше. В 1853 году она хвалилась Робертом: «Наш старший в десять лет учит латинский и греческий!»^{227}. Линкольн, памятуя о своём детстве, стремился дать Бобу лучшее в Спрингфилде образование; он планировал отправить сына в знаменитый Гарвард. Младших же представляли гостям на сравнительно частых вечеринках с особой торжественностью: наряжали, а потом выводили к «публике», демонстрируя, как славно они умеют петь, танцевать, читать стихи... Потом мальчишки с удовольствием носились по пёстрому ковру гостиной, в которой в обычные дни матушка играть не разрешала^{228}. Когда же Тада и Вилли уводили, Мэри долго и неустанно их расхваливала, утомляя гостей и испытывая терпение Авраама, — к счастью, в этом вопросе безграничное.

Терпение, готовность к взаимным уступкам — важный секрет прочного супружества. В 1850-х годах Линкольну приходилось непросто: потрясения, пережитые Мэри после смерти отца и сына, сильно повлияли на её душевное состояние. Склонность к переживаниям вдруг стала прорываться страхами и фобиями: миссис Линкольн вскрикивала по ночам от кошмаров, боялась неожиданного пожара или проникновения в дом какого-нибудь незнакомца. Взрывы её чрезмерной эмоциональности могли закончиться

резкой депрессией или изматывающей истерикой. Через слуг и соседей распространились и осели в книгах рассказы вроде таких: однажды Мэри, рассерженная, что муж не реагирует на просьбы подбросить в камин дров, сунула полено ему под нос, да так резко, что разбила нос до крови; в другой раз супруга якобы погналась за Авраамом с кухонным ножом через палисадник на улицу, и только там, устыдившись соседей, мистер Линкольн подхватил свою миссис на руки и занёс обратно в дом со словами: «Чёрт возьми, сиди дома и не позорь нас перед всем светом!» Ещё как-то раз, пока Линкольн был в лавке, Мэри впала в неистовство и пару раз огрела рукояткой швабры его друга Якоба Таггерта, решившего попенять ей на неподобающее поведение. Якоб тут же отправился к Аврааму с требованиями извиниться за жену и как-то повлиять на неё. Линкольн же отвечал «спокойно, вежливо, очень дружелюбно, с примесью досады и печали: «Дружище Тайгер (то есть «тигр» — так Линкольн прозвал друга по созвучию с фамилией. — ДО.), может, во имя нашей дружбы ты стерпишь эту несправедливость, причинённую тебе потерявшей голову женщиной, ибо мне приходится терпеть такое без всяких жалоб и причитаний уже пятнадцать лет»^{229}.

На основании подобных «свидетельских показаний» друг и коллега Линкольна Херндон заложил в своём жизнеописании президента традицию негативного восприятия Мэри, оценив их брак как трудный и даже неудачный («Ему было нелегко нести такое тяжёлое бремя, и он нёс его с печалью, но без ропота»^{230}). Однако многие более поздние исследователи считают такое восприятие Херндонем миссис Линкольн следствием их извечной взаимной неприязни: Херндону раз и навсегда было отказано от дома Линкольнов, и он делал все выводы, основываясь на наблюдениях

исключительно «снаружи». Совершенно по-другому звучат отклики родственников, знавших семью «изнутри» и критически воспринимавших выводы Херндона. Сестра Мэри, Фрэнсис Уоллес, негодовала: «Не понимаю, почему люди берутся объявлять домашнюю жизнь Линкольна несчастной; лично я никогда не видела ничего, чтобы дало бы мне повод думать, что они несчастны. Он был привязан к своему дому, а для миссис Линкольн был буквально всем, она боготворила его, была целиком предана ему и детям. И он был для неё всем, чем должен быть муж»^{231}.

«Они понимали друг друга с полуслова, — свидетельствовала сестра Мэри, Эмили, а она не только тесно общалась с Линкольнами, но и прожила в их доме зиму 1854/55 года накануне замужества^{232}. — Мистер Линкольн умел смотреть поверх импульсивных слов и поступков, он знал, что жена предана ему и его интересам. Жили они спокойно, неброско. Мэри любила читать и сильно интересовалась политическими взглядами и стремлениями мужа. Она гордилась домом, сама шила на себя и на детей. Она была жизнерадостным человеком и интересным собеседником, была в курсе всех событий. Автор этих строк наблюдала мистера и миссис Линкольн на протяжении шести месяцев, изо дня в день, и не видела ничего, что бы говорило о их «несчастливой» семейной жизни»^{233}.

Более взвешенно и сдержанно мнение Джеймса Гурли, сапожника, ближайшего соседа Линкольнов: «Я прожил с ними дверь в дверь 19 лет, хорошо знал и его, и всю семью. Бывало, он приходил ко мне за молоком: в шлёпанцах и старых штанах с одной спущенной подтяжкой... С женой они ладили довольно неплохо — кроме тех случаев, когда в миссис Линкольн вселялся бес, и то Линкольн не обращал на это особого внимания, посмеивался или брал с собой одного из сыновей и

уходил гулять... Не думаю, что миссис Линкольн была такой плохой женщиной, как её иногда представляют; мы были с ней хорошими друзьями... Мистер и миссис Линкольн были хорошими соседями, а Линкольн вообще лучшим человеком из тех, кого я знал»^{234}.

Для самой Мэри годы в Спрингфилде были временем наибольшей близости с мужем. Она всегда вспоминала Авраама времён Спрингфилда, «в нашем собственном доме, свободным от забот, окружённым теми, кого он так любил и кто его так боготворил»^{235}. Для неё он был «самым нежным, самым любящим мужем и отцом во всём мире». «Он предоставлял нам неограниченную свободу, он говорил мне, если я о чём-то просила: «Ты же знаешь, чего хочешь, — иди и возьми», и никогда не спрашивал, так ли уж мне это нужно. Он был очень снисходителен к детям, всегда повторял: «Я рад, что мои дети свободны, счастливы и не знают родительской тирании. Любовь — вот что привязывает ребёнка к родителям»^{236}.

АДВОКАТ НА ВЫЕЗДЕ

В 1856 году дом Линкольнов на углу Восьмой и Джексон-стрит заметно подрос. Сохранилась не вполне правдоподобная история, как деятельная Мэри втайне от Авраама (пока тот был в очередной поездке по судебным делам) надстроила второй этаж. Потрясённый Линкольн, вернувшись, не узнал места и обратился к соседу с притворным удивлением: «Скажи мне, о незнакомец, здесь ли живёт мистер Линкольн?»^{237}. Надстроенный дом словно зрительно отобразил не только материальный, но и заметный профессиональный рост Линкольна-адвоката. Уже в первой половине 1850-х годов юридическая контора Линкольна и Херндона стала ведущей в Спрингфилде: ежегодно на её долю приходилось от 17 до 34 процентов всех дел суда графства Сангамон.^{238} Такой эффект приносило устоявшееся разделение труда: на долю усидчивого Херндона досталась большая часть бумажной работы с кодексами и юридическими справочниками, а энергичный Авраам общался с клиентами и выступал в суде. Партнёры не высчитывали долю участия каждого в навалившихся делах, а по-прежнему делили все доходы пополам.

Рабочие дни Линкольна стали походить один на другой. Вставал он не слишком рано — часов в семь, потом какое-то время возился или гулял со своими малышами, завтракал без особых изысков (никогда не уделял большого внимания своему рациону) и около восьми отправлялся в контору «Линкольн и Херндон». Долговязая, слегка сутулая фигура, увенчанная высоким цилиндром, стала своего рода достопримечательностью Спрингфилда. Мистер Линкольн шёл твёрдым шагом, ступая сразу на всю ступню, немного раскачиваясь.

Необычно длинные руки свисали по сторонам, как будто хозяин не знал, куда их пристроить. Лицо казалось меланхоличным, даже скорбным, взгляд был сосредоточен на чём-то внутри — но только до той поры, пока Авраам не встречал на улице знакомого и не расплывался в открытой улыбке^{239}.

Линкольн пожимал ему руку сразу двумя своими. «Привет! Мне тут вспомнилась история...» — и он, чтобы развеселить собеседника, рассказывал что-нибудь из коллекции историй, постоянно пополнявшейся во время объезда судебного округа: «Один фермер шёл по дороге с вилами на плече, как вдруг из чьего-то двора выскочил большой злой пёс и начал его кусать. Фермер ударил пса вилами и заколол насмерть. Когда же хозяин собаки, обвиняя фермера перед судом, воскликнул: «Ты бы мог ударить его другой стороной вил, рукояткой!» — тот ответил: «Я бы так и сделал, если бы пёс кусал меня своей другой стороной».

Бывало, Линкольн задавал загадки вроде такой: «Скажи, сколько ног будет у телёнка, если его хвост тоже назвать ногой? — Пять? — Нет, четыре! Хотя ты и назвал хвост ногой, но он всё равно остался хвостом!»^{240}.

Авраам входил в здание у центральной площади, поднимался на второй этаж и шёл по довольно тёмному и узкому коридору до самого конца, туда, где была дверь с большим стеклянным окошком (иногда для конфиденциальности изнутри задёргивали цветастую ситцевую занавеску). Дверь вела в офис — комнату средних размеров, окна которой «от сотворения мира не знали бесцеремонного вторжения воды и тряпки». В центре стояли два стола, составленные буквой «Т» и покрытые зелёным сукном. На краю одного из них лежала среди прочего пыльная гора бумаг с запиской Линкольна наверху: «Если не знаешь, где искать, ищи здесь». В один из углов комнаты втиснулся секретер,

вечно откинута крышка которого была завалена папками с делами. Рядом помещался книжный шкаф с сотнями книг. В другом углу, у окна, стоял видавший виды диван.

В холодные дни офис согревала круглая дровяная печь, чёрно-рыжая от копоти и ржавчины. Её причудливо изогнутая труба проходила под самым потолком. А пол, как вспоминает один из студентов, стажировавшихся в фирме в то время, зарастал пылью так, что однажды сквозь неё в углу проросли когда-то просыпавшиеся семена. Отчасти это можно объяснить тем, что если Линкольн брался за работу, то уходил в неё с головой. «Один из его секретов, — вспоминал ещё один бывший студент-стажёр, — был в умении полностью сосредоточиваться на трудной работе. Как только ему приходилось вести важное дело, он почти совсем отключался от внешнего мира и целиком посвящал себя решению задачи. В таких случаях он демонстрировал удивительную силу концентрации; порой казалось, что он впадает в транс»^{241}. Когда же работа была не такой напряжённой, Линкольн охотно общался с посетителями, будь то клиенты или коллеги.

Обычно Херндон и Линкольн работали, сидя по разным концам «короткой перекладки» «буквы Т», а за длинной частью стола принимали клиентов. Кроме того, Линкольн любил сесть с книгой или бумагами на один стул и протянуть длинные ноги на другой, а то и на подоконник. В свободные от посетителей часы, а также утром, в начале рабочего дня Авраам частенько принимал горизонтальное положение на диване («одна нога на стул, другая — на стол»^{242}) и углублялся в чтение газет. К постоянному неудовольствию Херндона, Линкольн имел привычку читать вслух, объясняя, что так он задействует два органа чувств вместо одного — не только видит текст, но и слышит, а значит, лучше запоминает. Бывало, Херндон терял терпение, срочно

находил дела вне офиса и покидал увлѐкшегося чтением партнёра.

Но чтение вслух было пустяком по сравнению с периодическими набегами на офис, устраиваемыми Вилли и Тадом. Обычно это случалось по воскресеньям, когда Мэри отправлялась в церковь и доверяла детей мужу. «Мальчишки, — вспоминал Херндон, — не знали удержу в своих забавах. Ни сброшенные на пол книжки, ни затупленные наконечники перьев, ни перевёрнутые чернильницы, ни разбросанные по полу деловые бумаги, ни карандаши, засунутые в плевательницы, не могли потревожить безмятежности их добродушного родителя. Если бы они наср...и ему в цилиндр и потом размазали содержимое по ботинкам, он бы рассмеялся и счёл это остроумным... Сколько раз во мне возникало желание свернуть шеи этим шалопаем и побросать их в окно, но из уважения к Линкольну я закрывал рот и стискивал зубы»^{243}.

К счастью, бывали в жизни Херндона и спокойные недели и даже месяцы — по старой доброй традиции его старший партнёр проводил по четыре месяца в году в традиционных «объездах» Восьмого округа. Правда, теперь он мог позволить себе перемещаться не верхом, а в лёгкой бричке, запряжённой Стариной Бобом, преемником Старины Тома. Иногда Линкольн брал в спутники одного из молодых коллег, и дорога «по пустынным и величественным прериям» проходила в интересных беседах; бывало, Линкольн читал стихи, например, из потрёпанного томика Байрона:

Всегда теснятся тучи вокруг вершин,
И ветры хлещут крутизну нагую.
Кто над людьми возвысится один,
Тому идти сквозь ненависть людскую.
У ног он видит землю, синь морскую
И солнце славы — над своим челом.

А вьюга свищет песню колдовскую,
И грозно тучи застыт окоём:
Так яростный, как смерч, вознаграждён
подъём^[24].

Эти стихи не однажды слушал в то время Генри Уитни, будущий друг, а потом и биограф Линкольна^{244}. Генри вспоминал, как впервые увидел Авраама, въехавшего в их городок в октябре 1854 года:

«У него был вид простого, но образованного фермера, причём впечатление усиливалось из-за его грубо сколоченной брички, запряжённой костлявой лошастью... Цилиндр его был потёрт, сапоги незнакомы с ваксой, одежда не встречалась со щёткой, его саквояж немало пережил; зонт был крепким, но сильно полинявшим, внутри его была нашита бирка «А. Линкольн». Сверху он набрасывал короткий синий плащ, купленный ещё в Вашингтоне и продержавшийся десять лет.

Но, хотя одежда его была непритязательной, он всегда был скрупулёзно опрятен и гладко выбрит... Улыбка его была тёплой и солнечной»^{245}.

К своему удивлению, Линкольн обнаружил, что теперь в компании «бродячих юристов» он чуть ли не самый старший. За глаза его называли «старина Эйб» (впервые эта кличка мелькнула ещё в 1847 году в Чикаго). Даже почтенный окружной судья Дэвид Дэвис, центральное действующее лицо всех выездных заседаний и душа «бродячей компании», был шестью годами младше.

Дэвис был крупной фигурой в юридических кругах штата, в том числе и в прямом смысле слова. Он весил больше 120 килограммов и был настолько объёмен, что в спальнях комнатах иллинойсских таверн ему выделяли отдельную кровать, поскольку никто из коллег рядом не

поместился бы. Объезд округа Дэвис совершал единственным седоком брички, которую тянули две крепкие лошади (одна бы не справилась). Однако как судья и как неформальный лидер компании «бродячих юристов» Дэвис пользовался непререкаемым авторитетом.

Только монументальный Дэвис и долговязый Линкольн (контрастная пара) объезжали 500-мильный круг целиком: первый — по обязанности, второй — по желанию. Они придерживались схожих политических взглядов, ночевали в одних комнатах, ели за одним столом, грелись у одного очага, провели бесчисленные часы на одних судебных заседаниях, а потому сблизились, стали ценить друг друга. Позже Дэвис вспоминал: «Мне посчастливилось дружить с Линкольном более двадцати лет»^{246}. При всём этом никто никогда не мог обвинить Дэвиса в предвзятости; подсчитано, что при председательстве в суде Дэвиса соотношение выигранных и проигранных Линкольном дел не выходит за рамки его общей статистики.

Дела эти, особенно в первой половине 1850-х годов, были в массе по-прежнему незначительными. «Как странно теперь осознавать, — писал через тридцать с лишним лет Генри Уитни, — что в то ещё недавнее, но немудрёное время всё внимание мистера Линкольна должно было быть поглощено мелкими ссорами и склоками, вспыхивавшими между соседями по пустякам; что ему приходилось занимать свой великий ум попытками вычислить, кому же принадлежит выводок поросят или кто виновен в том, что овцы запаршивели...»^{247}.

Но были у Линкольна и дела, которые запомнились надолго.

Защита 25-летнего Уильяма Армстронга, обвинённого в убийстве, стала одной из самых знаменитых в карьере адвоката Линкольна. Она легла в

основу известной киноистории об «адвокате из прерий» — вышедшего в 1939 году фильма «Молодой мистер Линкольн», претендовавшего на «Оскар» за лучший сюжет. В фильме, правда, дело перенесено во вторую половину 1830-х годов, тогда как в реальности судебное разбирательство проходило в мае 1858-го.

Уильям был заурядным сельским парнем, легкомысленным, любителем выпить, но он был сыном давнего нью-салемского приятеля Линкольна Джона Армстронга, умершего незадолго до трагедии. Молодого человека обвинили в том, что во время пьяной ссоры и драки он ударил некоего Джеймса Мецкера подобием кистеня прямо в глаз, чем нанёс «несовместимые с жизнью» телесные повреждения, от которых тот через три дня скончался. Уильям, как ни отпирался от таких обвинений, ничего не мог доказать, потому что против него свидетельствовал очевидец, который хорошо рассмотрел сцену с расстояния 150 футов. На вопросы, как же он рассмотрел детали в 11 часов вечера и с такого расстояния, свидетель упрямо повторял, что всё прекрасно видел под ярким лунным светом.

В решающий день суда Линкольн пообещал безутешной матери Уильяма, что к вечеру сын её будет оправдан. Он начал речь с того, что растрогал судей воспоминаниями: он говорил, что когда-то сам был юн, беден и не имел друзей, а супруги Армстронги дали ему кров, еду, одежду, и их дом стал его домом... Так он пробудил в суде и присяжных сочувствие к вдове своего давнего друга, матери обвиняемого.

Но самое главное — Авраам Линкольн несколько раз заставил свидетеля повторить на разные лады, что тот всё видел, потому что ярко светила полная луна. После этого адвокат поднял над головой астрономический календарь, из которого стало ясно, что в час драки луна была за горизонтом и не могла освещать место преступления (к тому же была не полной, а тонким

серпом). Затем Линкольн представил доказательство, что фигурировавший в обвинении кистень принадлежал другому человеку и тот никому его не передавал. В довершение последовало заключение врача, из которого было ясно, что умер несчастный Мецкер от удара затылком: после драки он ещё был в состоянии вернуться домой верхом, но поскольку был сильно пьян, то по дороге пару раз падал с лошади.

Вдова Джона Армстронга спросила Авраама после суда, сколько должна ему за спасение сына. «Послушай, Ханна, я не возьму с тебя ни цента, и если я ещё что-то могу для тебя сделать, я сделаю охотно и без всякой платы»^{248}.

История вошла в фольклор американского Запада под названием «Календарное дело». Современные американские школьники разыгрывают на её основе самодеятельные сценки «Линкольн в суде». А тогда, в 1850-е, газеты стали писать о Линкольне как о «главном профессионале штата»; возможно, «найдутся равные, но лучших отыскать нелегко»^{249}.

Нельзя умолчать и о слабой стороне Линкольна-адвоката: он плохо вёл дела, в которых его поручитель был действительно виновен. Правда, в одном деле, похоже, Авраам был рад проиграть. Это было дело, в котором будущий человек-символ борьбы с рабовладением защищал права рабовладельца на его живую собственность. Некий Матсон из штата Кентукки купил в Иллинойсе землю и нашёл лазейку в законах штата, чтобы иметь возможность обрабатывать эту землю руками рабов: использовал право провозить рабов через штат транзитом, а когда разрешённое время их пребывания в Иллинойсе истекало, доставлял из Кентукки новую партию. Одного из рабов Матсон освободил, чтобы использовать его в качестве надсмотрщика. Когда пришло время «ротации», Матсон собрался увезти семью этого надсмотрщика (жену и

четверых детей) обратно в Кентукки и даже хотел продать их на дальний Юг, на хлопковые поля. Семья бежала, получив помощь местных аболиционистов. На них-то и подал в суд ловкий рабовладелец, требуя возвращения рабов и взыскания по 500 долларов штрафа за каждого. Обе стороны решили пригласить в качестве адвоката Линкольна, но Матсон успел сделать это раньше. Линкольн защищал рабовладельца, упирая на «транзит», что позволяло применять к убежавшим закон о возвращении владельцам рабов, бежавших с Юга на свободный Север. Однако возобладало «право свободной земли», по которому раб, если он не был беглым, становился свободным, едва ступал на землю свободного штата. В иске рабовладельцу было отказано, семья надсмотрщика получила свободу и позже эмигрировала в Либерию. Матсон уехал из Иллинойса, не заплатив Линкольну ни цента гонорара^{250}.

Вопрос, почему Линкольн согласился защищать «неправое дело», не получил окончательного ответа. Выдвигаются версии о его финансовых трудностях, об игре самолюбия, о неприязни к радикалам-аболиционистам, нарушающим законы страны, о безразличии («нейтралитете») юриста-профессионала к вопросу рабовладения. Но наиболее устойчивой остаётся версия, что Линкольн знал, что дело рабовладельцу не выиграть, и согласился участвовать только для того, чтобы кто-то более изворотливый и беспринципный не занял его место^{251}.

Но на десятки известных, красивых, поучительных, даже смешных дел приходились сотни и сотни заурядных, скучных, проходных. В основном это претензии по мелким долгам и обязательствам, споры о собственности на скот или участки земли^{252}, дела, за которые Линкольн брал с клиентов крайне скромную плату (а получив больше, возвращал излишки). Приходилось трудиться не покладая рук. Автор

специального исследования о Линкольне-юристе Джон Франк писал, что тот обладал пятью важнейшими качествами, в совокупности столь ценными, «что лучший и учёнейший юрист Америки отдал бы за них все свои книги»:

личность, привлекающая клиентов и внушающая доверие судьям;

потрясающая способность подавать материал так, что он касался самой сути дела, и при этом лаконичность изложения;

сдержанная, но эффектная экспрессия выступлений; редкостная память;

постоянная работа^{253}.

Сам Линкольн в 1860 году написал одному из своих корреспондентов: «Дорогой сэръ! Вы спрашиваете, каким способом лучше всего получить глубокое знание юриспруденции... Работа, работа, работа — вот главное»^{254}.

Между тем промышленная революция всё сильнее захватывала американский Запад. Не успели в Спрингфилде наладить уличное освещение центра масляными лампами, как местная газовая компания перекопала улицы и аллеи для прокладки труб, и в центре засветились газовые фонари; состоятельные жители города расставались со свечами и коптящими сальными фитилями.

Население штата Иллинойс выросло в 1850-е годы в два раза — с 851 тысячи до 1711 тысяч жителей^{255}. Число обитателей Спрингфилда с 1840 по 1860 год увеличилось больше чем в семь раз — с 1300 до 9400 человек^{256}. В 1852 году столичные жители с восторгом приветствовали первый поезд, пришедший из Сент-Луиса, от великой реки Миссисипи. Через пару лет железная дорога соединила с главной водной артерией страны растущий Чикаго, город на Великих озёрах. Ещё одна ветка потянулась на восток, в штат Индиана.

Постепенно отдельные линии сплетались в целостную сеть: в 1850 году в Иллинойсе было 110 миль железных дорог, а в 1860-м — уже 2860^{257}. Увеселительные прогулки на «железных лошадках» сменились рутинными деловыми поездками, и всё реже статистика фиксировала трагические случаи столкновения поездов с упрямыми фермерскими коровами. Поезда — это прежде всего быстрое и недорогое перемещение рабочей силы и товаров на дальние расстояния, поэтому всё большая часть населения штата переставала считать роскошью кофе, чай, сахар, добротную фабричную одежду. Фермеры повезли зерно на дальние рынки, стали больше зарабатывать; земля подорожала, потому что стала приносить больше прибыли. Локальный бизнес включался в национальную экономику.

Теперь Линкольн объезжал округ не в бричке, а на поездах, и это давало ему возможность возвращаться на выходные домой, к Мэри и мальчикам, и не отсутствовать в Спрингфилде месяцами. Его одежда перестала напоминать наряд скромного и аккуратного фермера, а стала достойным облачением «юриста средней руки»^{258}: простой строгий чёрный костюм, приличные ботинки и непрременный высокий цилиндр, по-прежнему заменявший портфель для важных бумаг и документов.

Дело было не только в растущем достатке, но и в необходимости выглядеть солиднее^{259}. Линкольн всё чаще стал братья за более серьёзные (и более прибыльные) дела. Для него, давнего сторонника «внутренних улучшений», железные дороги были самым осязаемым, «великим внутренним улучшением», и всё большее место в его юридической практике стала занимать железнодорожная тематика. Выступая в 1851 году защитником интересов железной дороги «Альтон и Сангамон», он видел себя на стороне «звена великой

цепи железнодорожного сообщения, которая свяжет Бостон и Нью-Йорк с Миссисипи»^[260]. Решая вопрос о правах держателей акций железной дороги, Линкольн внёс заметный вклад в зарождавшееся железнодорожное право, создал прецедент, на который потом ссылались в десятках похожих случаев по всем Соединённым Штатам. Уже как авторитетный специалист, разбирающийся в железнодорожно-правовых проблемах, спрингфилдский юрист стал сотрудничать с могучей Центрально-Иллинойской железнодорожной компанией, чья магистраль должна была пересечь Соединённые Штаты с севера на юг: от стальных вод озера Мичиган до светло-бирюзового Мексиканского залива^[25]. В 1854-1855 годах Линкольн участвовал в тяжбе компании с властями графства Маклин, настаивавшими на праве вводить для железнодорожного строительства дополнительное налогообложение, помимо установленного штатом. Это не просто грозило разорить строительство. Это был очень важный для всего железнодорожного дела вопрос, который определял степень влияния местных властей на процесс общенационального масштаба. Херндон вспоминал, что это было, «возможно, важнейшее дело, которым мы с Линкольном занимались». Профессиональный вызов был ещё и в том, что интересы графства представляли бывшие «старшие» партнёры Линкольна Логан и Стюарт.

После долгого процесса, который пришлось выигрывать сначала в местном суде, а потом, после апелляции, ещё и в Верховном суде Иллинойса, Линкольн представил компании счёт за услуги на две тысячи долларов (без учёта аванса в 250 долларов). Кто-то из высшего руководства в Чикаго отказал: «Послушайте, сэр! Мы не можем позволить себе таких расходов. Вы просите столько, сколько мог бы просить сам Дэниел Уэбстер!» Линкольн был настолько

ошеломлён, что забрал свой счёт и уехал несолоно хлебавши. В компании друзей-юристов он пожаловался на несправедливость, а те, узнав, какую скромную сумму попросил коллега за такое важное дело, заставили его не просто повторить требование, но и повысить сумму до пяти тысяч. Ведь не выиграй Линкольн процесс, компания теряла бы ежегодно пол миллиона долларов на дополнительных налогах! На последовавшем судебном разбирательстве шестеро юристов засвидетельствовали, что новое требование за проделанную работу является вполне обоснованным. Вскоре Линкольн принёс в спрингфилдскую контору вся пять заработанных тысяч и честно отсчитал Херндону половину. «И мы вместе возблагодарили Бога за то, что он ниспослал нам Центральную Иллинойскую железнодорожную компанию!»^{261} — вспоминал Херндон.

После этого случая Центральная Иллинойсская только упрочила свои связи с Линкольном. Всего он представлял интересы железнодорожной компании в пяти десятках дел.^{262}

Впрочем, когда справедливость требовала, Линкольн выступал и на другой стороне. Например, в 1857 году они с Херндоном выиграли процесс против железнодорожной компании «Грейт Вестерн» в пользу пассажира, сломавшего ногу при аварии вагона. Суд присудил выплатить пострадавшему 500 долларов.

Ещё одна новая область, которой Линкольну пришлось заниматься, — дела о патентах на всевозможные механизмы, от усовершенствованных маслобоек и самокачающихся колыбелей до сложных сельскохозяйственных машин. Давно ли он махал косой, обгоняя фермеров на уборке хлеба и тем самым убеждая их голосовать за свою кандидатуру? А теперь на поток встали механические жатки и даже комбинированные жатки-молотилки, с тех пор известные как комбайны. В

годы, когда США покоряли мировой рынок хлеба, компания изобретателя Маккормика завоёвывала внутренний и внешний рынок комбайнов и одновременно всеми силами избавлялась от конкурентов. Одним из этапов такой борьбы стало дело Маккормика против Мэнни, ещё одного производителя механических жаток, которого обвинили в краже технологий.

В этом споре Линкольн вышел на федеральный уровень, ибо дело слушалось на выездной сессии Верховного суда США в Цинциннати (штат Огайо) в сентябре 1855 года. Обе стороны набрали целые команды юристов национального масштаба, а Линкольн попал на слушания в качестве «местного» представителя (ибо Мэнни был из Иллинойса). Он мечтал «скрестить шпаги» со знаменитыми юристами из Нью-Йорка и Балтимора. Но, добравшись до вершин профессионального мастерства, Авраам почувствовал острые локти коллег. Два других защитника Мэнни — Джордж Хардинг из Филадельфии и Эдвин Стэнтон из Питсбурга — не допустили его к выступлениям. 27-летний Хардинг считался тогда лучшим специалистом по патентам, а сорокалетний Стэнтон, уже собравшийся перебираться в Вашингтон в качестве признанного специалиста по серьёзным делам в Верховном суде США, был одним из самых известных судебных ораторов. Оба при первой встрече были шокированы видом своего иллинойсско-го коллеги, сразу запросто предложившего им «работать в одной упряжке» («Вот пусть он в упряжке и работает!»^{263}).

Через много лет Хардинг вспоминал «высокого костлявого лесоруба в грубой, плохо подогнанной одежде, коротких брюках, с синим полотняным зонтом в руках». Схожее впечатление было и у Стэнтона, который увидел перед собой «длинное, худое и костлявое создание из глубинки, одетое в пыльную льняную

тряпку в качестве пальто, со столь широкими разводами от пота на спине, что они напоминали карту континента». Линкольн услышал краем уха, как один шепнул другому: «Зачем вы притащили сюда эту чёртову длиннорукую обезьяну? Он ничего не понимает, и толку от него не будет никакого».[{264}](#).

С этого момента два блистательных юриста с Восточного побережья занимались судебным процессом, игнорируя «коллегу», а впавший в депрессию Линкольн слонялся по улицам Цинциннати. Ему дали понять, что он на процессе лишний, его разработки по делу даже не открывали, считая их макулатурой. Когда судья Маклин устроил обед для участников процесса, Авраама не пригласили. И всё-таки Линкольн не спешил уезжать: он ходил на заседания, он учился! Речь Стэнтона в защиту Мэнни действительно была великолепна, и Линкольн слушал её «с восторженным вниманием», восхищаясь искусным и тщательно подготовленным выступлением. Выйдя с заседания (суд в конце концов принял сторону Мэнни), Линкольн сказал своему спутнику:

— Возвращаюсь домой, буду учить право...

— Но зачем? Мистер Линкольн, вы же лучший адвокат Иллинойса!

— Да, там я и вправду на хорошем счету, но посмотрев на то, что происходит здесь, я понял, что могу остаться без работы. Это подготовленные в колледжах ребята, они всю жизнь посвятили изучению права, и они продвигаются на Запад. Они уже дошли до Огайо и скоро доберутся до Иллинойса. Нам надо хорошенько подготовиться. Я не хуже любого из них, но мне надо как следует изучить право![{265}](#)

Тяга к самосовершенствованию не оставляла Линкольна даже в годы, когда его признавали лучшим в штате. Однажды в его руках увидели томик «Начал» Евклида, классического систематического курса геометрии. Он читал его в дороге и на старом диване в

своей конторе, среди шумной компании спорящих коллег и в постели, при дрожащем свете свечи, установленной на стул у изголовья. И не просто читал, а изучал и через какое-то время мог доказать все изложенные в книге теоремы.^{266}

Недавно два исследователя, юрист Дэвид Хирш и инженер с математическим образованием Дан Ван Хаффен, взялись доказать, что именно изучение Евклида внесло в мышление Линкольна математическую силу доказательств и геометрическую модель их построения. «Каждый знает, что его речи полны поэзии. Но поэзия — лишь глазурь на пироге, испечённом по рецепту Евклида...»^{267} В 1850-х годах Линкольн публично говорил о несравнимой пользе чтения для профессионального самосовершенствования в самых разных областях, от юриспруденции до сельского хозяйства: «Не знаю большего удовольствия для ума, чем открытие чего-нибудь нового и стоящего — ничто не облегчает и не услаждает тяжёлую работу так, как ожидание таких открытий... Сколькому можно научиться из книг! Способность и вкус к чтению открывают доступ ко всему, что уже было открыто другими, дают доступ к решениям уже решённых проблем»^{268}. Впрочем, Херндон добавлял немаловажный нюанс: Линкольн не просто читал — он умел сосредоточиваться на том, что читает, и потом долго обдумывать прочитанное, приходя к неожиданным для других обобщениям и выводам.^{269}

Линкольн стал «юристом юристов» штата. Он имел право выступать даже в Верховном суде: последнее из своих значительных дел он завершил в Чикаго на выездном заседании Федерального суда США в апреле — мае 1860 года. Однако к тому времени он стал известен уже не столько как успешный адвокат, сколько как политик и кандидат в президенты США. А возвращение его в политику началось задолго до этого.

В единственной авторизованной биографии сказано: «...он почти оставил свои политические устремления. Успешный в своей профессии, счастливый дома, почитаемый соседями, с книгами и временем для досуга — он не поддавался соблазну амбиций. Для того чтобы вернуть в строй ветерана многих политических баталий, нужен был какой-то особый раскатистый призыв, голос, извещающий о том, что Свобода в опасности. И этот призыв раздался»[{270}](#).

ГОД 1854-Й: «ЛИНКОЛЬН ПРОВОДИТ ЧЕРТУ»

Город Пеория расположен на полдороге между Чикаго и Сент-Луисом, между Великими озёрами и «Воротами на запад» у вод Миссисипи. Он вполне может претендовать на звание столицы американской провинции. «Как это пойдёт в Пеории?» — задавались вопросом продюсеры пьес и мюзиклов в конце XIX века, имея в виду «Как это воспримет провинция?». За ними почин подхватили политики. Если мюзикл или политический лозунг «шли», то это странным образом становилось залогом их успеха во всей стране. До сих пор этот своего рода «американский Урюпинск» остаётся адресатом множества шуток: «Продавец, мне нужны самые лучшие экзотические духи! — Вот, «Вечер в Париже на Шаме Элизе», 60 долларов. — А за три бакса что есть? — «Полночь в Пеории на центральном перекрёстке».

В 1854 году Пеория стала для Линкольна перекрёстком истории. Здесь, на главной улице, около здания суда, стоит его скульптура в полный рост: адвокат из Иллинойса указывает на проведённую у его ног черту, которая отделяет рабство от свободы. Можно интерпретировать этот символ и иначе: 16 октября 1854 года Эйб Линкольн, адвокат из Иллинойса, остался по одну сторону этой черты, а перешагнув её и ушёл в бессмертие Авраам Линкольн, будущий президент США.

Вырвала же его из колеи размеренной жизни ударная волна от одного из самых «взрывных», по определению современного историка Льюиса Лермана, законодательных актов американского Конгресса. «Акт об организации территорий Канзас и Небраска» был утверждён президентом Франклином Пирсом 30 мая

1854 года, но его настоящим «отцом» был Стивен Дуглас, сенатор от Иллинойса. Дуглас очень гордился этим законопроектом: он был уверен, что решил замороженные «компромиссом 1850 года» споры Севера и Юга о судьбе гигантских территорий на Западе. Ради этого Дуглас возвёл в принцип понятие «народное самоопределение». Теперь ни Север, ни Юг, ни Конгресс США не могли определять, быть или не быть рабовладению в Канзасе и Небраске, протянувшихся от штата Миссури до самой границы с Канадой. Согласно «Акту», само население этих территорий — потенциальных штатов — определяло голосованием, допускать ли рабовладение. Внешне торжествовал принцип демократии, но в реальности «Акт Канзас — Небраска» подрывал всю систему компромиссов между Севером и Югом, на которой десятилетиями зиждилась политическая жизнь страны. Главной «жертвой» Дугласа стал легендарный Миссурийский компромисс 1820 года, установивший географическую границу между свободными и допускающими рабство землями США. Теперь линия, проведённая на Запад от южной границы штата Миссури, исчезала.

Дуглас не учёл, что теперь два потока переселенцев, с Юга и Севера, столкнутся на новых землях, прежде всего в прилегающем к линии Миссурийского компромисса Канзасе, и их борьба по вопросу о принятии рабовладения выльется в вооружённое противостояние. Всего через год в Канзасе появятся две столицы и две конституции, и между их сторонниками начнётся гражданская война в миниатюре, получившая название «кровапускание в Канзасе». Счёт убитых пойдёт на сотни; президент Пирс будет вынужден признать, что территорию охватил «революционный беспорядок»^{271}. Но ещё до того, как всё это случилось, знающие люди увидели опасность надвигающегося конфликта. Они сражались против законопроекта в

Конгрессе, они призывали выступать против «Акта» и его сторонников по всей стране. Дуглас отдавал себе отчёт, что начнётся «адская буря», но надеялся благополучно её пережить.

И буря началась. Линкольн узнал о принятии «Акта» во время очередного объезда округа. Вынырнув из груды мелких дел, он прочитал в газетах о победе законопроекта Дугласа и сначала «замер, как поражённый внезапным громом», но потом этот гром среди ясного неба что-то в нём пробудил. Такая же внезапная реакция «задремавших было политиков» началась по всей стране. Как писал Линкольн, все противники «Акта Канзас — Небраска» «поднялись на борьбу, похватав у кого что было под рукой: серп так серп, вилы так вилы, топор лесоруба, нож мясника... И неудивительно, что у нас не было единства ни в подготовке, ни в оружии, ни в униформе»^{272}.

В этой буре партийный корабль вигов раскололся, налетев на риф «Канзас — Небраска», и стал быстро тонуть. Линкольн какое-то время ещё оставался на этом корабле, но противники рабовладения стали искать новые формы объединения. Весной 1854 года в пылу борьбы против законопроекта Дугласа из всевозможных и пёстрых коалиций «анти-Небраска» стала складываться Республиканская партия. В июле она собралась на первый съезд.

Своё неприятие «Акта Канзас — Небраска» Линкольн поначалу объяснял с помощью «истории», похожей на басню. «Представьте, — говорил он слушателям, — что Авраам Линкольн — владелец прекрасной земли с душистыми лугами и чистыми источниками воды. Владение его отгорожено от владений соседа, Джона Кэлхуна, крепкой изгородью. Каждый с уважением относится к правам соседа на собственную территорию и признаёт нерушимость изгороди. Со временем Джон Кэлхун заводит большое стадо скота. Трава на его

участке иссякает, воды становится всё меньше. Кэлхун внимательно вглядывается во владения Линкольна, потом подходит к изгороди и ломает её. Ничто теперь не мешает его скоту вытоптать и съесть траву соседа, превратить в болотца его чистые источники. «Что ты, плут, сделал?! — кричит Линкольн. — Зачем?» — «Всё нормально, — отвечает Кэлхун. — Я просто устранил изгородь, только и всего. У меня нет намерений ни перегонять свой скот на твои луга, ни препятствовать ему идти туда, куда он хочет. Пусть они сами выбирают, на какие пастбища идти, где им есть, где пить»^{273}.

В те дни, когда Республиканская партия собиралась на съезд, в Спрингфилде выступал знаменитый аболиционист из Кентукки Кассиус Клей. Он призывал бороться за отмену закона «Канзас — Небраска» и для этого объединить усилия людей самых разных политических убеждений: фрисойлеров, вигов, демократов; оставить в прошлом разногласия и вместе отвратить гигантское зло, которое угрожает свободе.

Линкольн слушал его страстную речь, устроившись на травке неподалёку, тихо насвистывая и строгая прутик перочинным ножом. Он не спешил с публичными выступлениями, он думал... И только в августе 1854 года Авраам впервые публично заговорил о «великой лжи и несправедливости — аннулировании Миссурийского компромисса и распространении рабства на свободные территории». Цель этой речи, как говорил сам Линкольн, была достаточно прагматичной: помочь очередному переизбранию в Конгресс США Ричарда Йейтса, коллеги-ви́га. Йейтс был конгрессменом с 1850 года по тому избирательному округу, из которого когда-то в Вашингтон был отправлен сам Линкольн; именно победа Йейтса над кандидатом от демократов была в определённой степени реваншем «запятнанного конгрессмена».

Однако едва Линкольн решился снова окунуться в политические баталии, как его, судя по всему, охватило подзабытое упоение боем. Сначала он стал «менеджером» Йейтса, давал ему советы и пояснения, потом стал защищать его от нападков противников, распускавших беспочвенные слухи, что он из националистической партии «незнаек», и не очень беспочвенные, что он любитель выпить. Потом, делая ставку на борьбу с «Актом Канзас — Небраска», Линкольн углубился в изучение темы с той же основательностью, с какой исследовал свои юридические дела. Он проводил долгие часы и дни в библиотеке штата: как ехидничали газеты демократов, «накачивал мозги аргументами и фактами», «возил носом» по страницам книг, брошюр и газет, изучал данные статистики и отчёты о дебатах в Конгрессе. Сохранились выписки-размышления Линкольна того времени: «О правительстве», «О рабовладении»...[{274}](#). Возможно, именно в процессе этой работы летом 1854 года он подробно изучил проблему противостояния Севера и Юга, механизм непреодолимого конфликта свободных и рабовладельческих штатов.

Авторитетный историк Алан Невинс заметил: «Пятилетие после Конгресса Линкольн посвятил общекультурному и юридическому самосовершенствованию, размышлениям, напряжённой и постоянной работе за письменным столом. И в 1854 году стали появляться плоды этой работы: он смог возвыситься до того, чтобы бросить вызов «Акту Канзас — Небраска»».[{275}](#).

Вовлечённый в нешуточную борьбу, Линкольн вышел за рамки роли «политического менеджера». Для укрепления позиции вигов в родном графстве Сангамон он решил выдвинуть свою кандидатуру на предстоящих осенью выборах в Законодательное собрание штата. Это был дальновидный план: именно народные избранники

должны были потом решить, кого послать в сенат на замену демократу Шилдсу, кого противопоставить другому сенатору от штата — демократу Дугласу.

Стивен Дуглас вернулся в Иллинойс по окончании очередной сессии Конгресса в конце августа. В родном штате его встретили с такой зловещей неприязнью, что друзья начали бояться за его безопасность. Однако Дуглас сделал ставку на своё красноречие и уже вечером 1 сентября попробовал выступить в сердце ирландского квартала Чикаго. Многотысячная толпа освистала оратора и заставила убраться, не закончив речи. Сходя с платформы для выступлений, Дуглас погрозил толпе кулаком. Сдаваться он не собирался — наоборот, отправился в тур по штату, чтобы провести «разъяснительную работу». Он выступал в разных городках Иллинойса с одной и той же продуманной речью: что Запад важен для развития страны, что Миссурийский компромисс себя изжил, причём во многом благодаря тому, что разношёрстные противники демократов — все эти северные виги, фрисойлеры и аболиционисты — в штыки восприняли идею продолжить вплоть до Тихого океана черту, разграничивающую рабовладельческие и свободные штаты. Дуглас говорил, что именно поэтому компромисс 1850 года (сенатор им очень гордился) ввёл в практику иной подход: заменить географический принцип деления страны демократическим с идеей «народного суверенитета». Этот принцип, основанный на «великом праве самоуправления», успешно реализованный в штатах Нью-Мексико и Арканзас, будет работать на пользу всей страны в регионе Канзас — Небраска, тем более что климат и природа там таковы, что рабство никогда не приживётся.

Речи имели успех, и прежние сторонники Дугласа сохранили преданность своему любимцу. А вот оппоненты решились организовать «гонку с

преследованием». Куда бы он ни приехал, где бы ни выступал, сразу вслед за ним появлялся и держал речь тот или иной противник «Канзас — Небраски». 3 октября Дуглас добрался до Спрингфилда. Там как раз проходила традиционная ежегодная ярмарка. Идеальное место для произнесения речей: никого не надо собирать специально! Сенатор говорил долго, а на следующий день пришёл послушать ответное выступление Линкольна.

Дугласу предложили стул в первом ряду, прямо перед оратором, и он сидел, стараясь подавлять эмоциональные реакции на слова Линкольна. Правда, иногда это ему не удавалось, и он вставлял ехидные реплики; но Линкольн ловко находил точные и короткие ответы, не уклоняясь от главной темы. Например, когда Линкольн упомянул о том, что некогда сенатор Дуглас был сторонником продления линии Миссурийского компромисса до Тихого океана, последовала реплика: «А вы голосовали против этого!» Линкольн быстро парировал: «Совершенно верно! Я был за то, чтобы провести эту линию гораздо южнее!»

Шестнадцатого октября Дуглас и Линкольн снова сошлись, подновив своё ораторское оружие, — на этот раз в Пеории. Снова первым выступал Дуглас, а потом, после перерыва на обед, Линкольн. Речь в Пеории повторяла и расширяла спрингфилдскую речь Линкольна, но первое выступление было дано журналистами в изложении, а речь в Пеории полностью предоставлена прессе самим оратором. Она стала символом возвращения Линкольна в большую политику. Именно на месте произнесения этой речи стоит в Пеории памятник «Линкольн проводит черту».

Авраам выступил не с басней об изгороди, а с настоящим исследованием вопроса о распространении рабовладения. От него ждали забавных историй и анекдотов, а он заговорил об отцах-основателях и

Декларации независимости. Именно на этом фундаменте американской демократии построил Линкольн своё выступление против «народного самоуправления», каким его представил сенатор Дуглас: «Почти восемьдесят лет назад мы начали с того, что объявили, что все люди созданы равными; а теперь мы пришли к провозглашению другой декларации, по которой право некоторых людей порабощать других является «священным правом самоуправления». Но эти принципы не могут сосуществовать вместе!»

Молодой журналист Орас Уайт видел выступление Линкольна впервые и оставил довольно подробное его описание: «В тот тёплый октябрьский день мистер Линкольн вышел на помост в рубашке с короткими рукавами. Он показался мне несколько неуклюжим, но это не было следствием волнения перед выступлением. Начинал он медленно, сдержанно, но не ошибался ни в цифрах, ни в датах. Было очевидно, что он прекрасно владеет темой, знает то, о чём говорит, и знает, что прав. Развивая тему, Линкольн стал говорить быстрее, лицо его засияло, и жесты стали помогать мыслям. Слова проникали в сердца, потому что шли от сердца».

Линкольн говорил: «Когда белые управляют сами собой — это самоуправление; но когда они управляют собой и другими — это больше чем самоуправление, это деспотизм. Если негр — человек, моя старая вера учит меня, что «все люди созданы равными» и нет никакого морального права одному человеку делать другого своим рабом. Даже самый лучший человек недостаточно хорош для того, чтобы править другим человеком без его согласия. Это главный принцип американского республиканизма, его опора. Наша Декларация независимости гласит: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены Творцом определёнными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и

стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждаются правительства, ЧЕРПАЮЩИЕ СВОИ ЗАКОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ИЗ СОГЛАСИЯ УПРАВЛЯЕМЫХ».

Уайт признавался: «Я знал ораторов, которые срывали бурные аплодисменты, но не меняли мнения слушателей. Ораторский талант Линкольна был другим: он убеждал в том, в чём был убеждён сам. Слушатели верили каждому его слову и понимали, что он, как Мартин Лютер, скорее пойдёт на костёр, чем уступит хотя бы на йоту. В такие моменты он напоминал мне тип ветхозаветного пророка, из тех, о которых я читал в детстве в воскресной школе».

Линкольн: «Я ненавижу «Акт Канзас — Небраска» из-за ужасающей несправедливости рабства как такового. Я ненавижу его, потому что он лишает нашу республику возможности быть примером для всего мира, поскольку даёт врагам свободного правления основания обвинять нас в лицемерии и заставляет настоящих друзей свободы сомневаться в нашей искренности. Особенно я ненавижу его за то, что он заставляет слишком многих действительно хороших людей нашей страны идти открытой войной на фундаментальный принцип нашей свободы — критиковать Декларацию независимости и доказывать, что нет других истинных принципов деятельности, кроме личных интересов».[{276}](#).

Ответная речь Дугласа, как заметили газетчики, была произнесена «довольно ловко и внешне убедительно, но не содержала и грана логики». Впрочем, газета демократов была другого мнения: Дуглас раскрошил Линкольна «своей боевой палицей доказательств и опровержений».[{277}](#).

Решали не газетчики — решали осенние выборы. Их итоги показали, что большинство избирателей Севера не поддерживают Дугласа. Правда, «подопечный» Линкольна Йейтс проиграл кандидату от демократов, однако в целом из девяти мест в Конгрессе пять заняли

противники «Канзас — Небраски». Кроме того, в Законодательном собрании штата они составили хотя и небольшое, но большинство. Это, среди прочего, означало, что именно они определяют исход следующих выборов в сенат. Линкольн победил в графстве Сангамон довольно легко: там его авторитет был очень высок, он набрал больше всех голосов. И тогда Авраам решился на следующий шаг по политической лестнице. Уже через три дня после выборов он писал одному из своих юридических клиентов: «Некоторые мои друзья выдвигают меня в сенат США»^{278}. Ещё в одном письме Линкольн обращался с просьбой к члену Законодательного собрания (этот орган и выбирал сенатора): «Пришла пора, и один из вигов может быть избран в Конгресс США. Я бы хотел получить шанс стать этим вигом. Подумайте, не смогли бы Вы меня в этом поддержать?»^{279}.

Правда, в желании стать сенатором была одна немаловажная деталь. Члены Законодательного собрания штата не могли выбирать сенатора из своих рядов, и Линкольну приходилось решать, что лучше: синица в руках в Спрингфилде или журавль в небе в Вашингтоне. В отдалённом будущем среди семидесяти пяти представителей местной власти он видел только «десяток или дюжину» явных сторонников, «полсотни тайно выискивающих шансы» и демократов, готовых к отчаянной борьбе за высокий пост. Если уйти, то можно своими руками снять, возможно, решающий голос на предстоящих выборах... И всё-таки, подумав почти три недели, он добровольно отказался от места в Законодательном собрании Иллинойса. На его место был переизбран демократ, поскольку кое-кто из голосовавших счёл Линкольна «предателем»; противники объявили, что это ему «пощёчина от избирателей».

Но уже съезжались в Иллинойс давние друзья Линкольна по Восьмому судебному округу Дэвис, Логан, Светт, Ламон, уже начиналась кампания за избрание Линкольна сенатором США. На волне движения против «Канзас — Небраски» демократы Дугласа были обречены на поражение, а шансы Линкольна необыкновенно выросли. Мэри заранее торжествовала и в день выборов 8 февраля 1855 года пришла в Капитолий Иллинойса на заполненные зрителями галереи для публики. Ей хотелось видеть триумф мужа, она радовалась, когда тот стал лидером после первого круга голосования: 45 голосов, только в шести голосах от победы. За давнего соперника, демократа Шилдса, израненного на мексиканской войне, был подан 41 голос. Ещё пять — минимум — достались Лаймону Трамблу, тоже демократу, но противнику «Канзас — Небраски», к тому же другу семьи Линкольнов (Джулия Трамбл была давней подругой Мэри).

Во втором туре началась борьба за «сомневающих», но результаты менялись незначительно. К седьмому туру голосования демократы вместо Шилдса сделали ставку на богатого и популярного в штате Джоэла Маттисона, которому симпатизировали многие виги. Линкольн стал терять голоса, и накануне десятого тура голосования Маттисону для победы оставалось получить лишь четыре голоса. А немногочисленные сторонники Трамбла решительно объявили, что за вига Линкольна голосовать не будут принципиально. Друзья убеждали Авраама держаться, надеясь, что он вернёт лидерство.

Линкольн рассудил иначе: «Бросайте меня и голосуйте за Трамбла». Этим решением он отказывался от вождя места сенатора, но фактически признавал, что старые барьеры между вигами и демократами стёрлись. Важнейшим вопросом политики был вопрос о рабовладении на территориях, а значит, и

о том, кто будет в недалёком будущем решать вопросы всей страны: сенаторы от новых рабовладельческих или от новых свободных штатов. Поэтому крайне важно было послать в сенат противника, а не сторонника «Акта Канзас — Небраска». В решающем туре голосования Трамбл набрал 51 голос и стал сенатором.

Мэри была безутешна. Подруга Джулия в одночасье стала для неё госпожой Трамбл и личным врагом.

Но Линкольн считал, что победа общего дела важнее личных амбиций, и пришёл вечером чествовать Трамбла, сдержанного, хорошо образованного и гладко выбритого «янки из Коннектикута». Трамбл, в свою очередь, был настолько признателен Линкольну, что объявил о готовности прислушиваться к его советам по вопросам борьбы против рабовладения и «народного суверенитета». Более того, на этой вечеринке демократы — противники «Канзас — Небраски» в благодарность за джентльменское поведение Линкольна сами предложили ему поддержку на выборах 1858 года. Сам Трамбл позже подтвердил это письменно: «Я продолжаю поддерживать продвижение на место, ныне занятое Дугласом, моего друга, который столь способствовал моему избранию». Получалось, что поражение выводило Линкольна на прямое соперничество с Дугласом на следующих выборах сенатора. Всё это помогло Аврааму пережить сравнительно недолгий приступ меланхолии.

В марте 1855 года Линкольн признавался одному из клиентов: «Я погряз в политике и, соответственно, забросил дела. А теперь, после того как меня побили, я вернулся к работе». Это был год его не самого удачного выхода на большую юридическую арену в связи с делом о комбайнах Мэнни и Маккормика. Одновременно это был год серьёзного анализа положения в стране. Летом 1855 года Линкольн пришёл к выводу, что «мы не можем больше надеяться на мирное отмирание рабовладения»

и что «самодержавный правитель России скорее согласится отказаться от престола и провозгласить республику, чем наши американские рабовладельцы добровольно отпустят своих рабов». Теперь для Линкольна главный вопрос в политике формулировался так: «Можем ли мы как единая нация навечно оставаться полурабской, полусвободной?»^{280}.

Ответ на такой вопрос нужно было искать сообща. Но в составе какой партии? Линкольн делился сомнениями со своим другом Спидом: «К какой партии я принадлежу? Спорный вопрос. Я думаю, что я виг, но, говорят, партии вигов больше нет...» Осуждала рабовладение набиравшая силу партия «незнаек» (её члены на любой вопрос о деятельности партии отвечали: «Ничего не знаю»), но она была слишком националистическая, выступала против «понаехавших» иммигрантов и за «Америку для американцев». Для Линкольна это было ещё большим нарушением принципа всеобщего равенства: «Как нация мы начинали с декларации «все люди созданы равными». Теперь это читается как «все люди созданы равными, кроме негров». Когда власть возьмут «незнайки», это будет значить «все люди созданы равными, кроме негров, иностранцев и католиков»^{281}. «Незнайки» считали, что они «настоящие американцы», но Линкольн иронизировал: «А я думал, настоящие американцы ходят в набедренных повязках и с томагавками». Линкольну ничего не оставалось, как обратить внимание на набирающую силу Республиканскую партию.

Первый шаг в этом направлении был сделан в феврале 1856 года в Декейтере, где в день рождения первого президента США Джорджа Вашингтона собрался съезд редакторов газет, противостоящих «Акту Канзас — Небраска». Журналисты обсуждали общую политику подготовки к очередным президентским выборам. Единственным человеком, не принадлежащим

к журналистскому цеху, был Авраам Линкольн. Он помог выработать довольно консервативную декларацию, в которой намечалось призывать к восстановлению Миссурийского компромисса, поддерживать закон о беглых рабах и не вмешиваться в дела рабовладения в тех штатах, где оно существовало. Главное же — решено было созвать в мае съезд всех антирабовладельческих сил Иллинойса. Названием «Республиканская партия» здесь пока ещё не пользовались.

В вечер закрытия конференции Авраам блистал на банкете. В ответ звучали тосты за Линкольна — будущего губернатора штата (от этой чести Авраам немедленно отказался) и за Линкольна — будущего сенатора. Этот тост Линкольн принял, встал и под аплодисменты заявил, что такое пожелание ему очень по душе.

За подготовку съезда, намеченного на 29 мая 1856 года, взялись все антирабовладельческие силы штата. Херндон, ярый аболиционист, организовывал в графстве Сангамон собрания по выдвижению делегатов. Линкольн в это время был «в объезде округа», но его дружно выбрали одним из представителей.

Объединительный съезд собрался в городке Блумингтон, где жил судья Дэвис. В большом и богатом доме старого друга Авраам и поселился. Он серьёзно отнёсся к мероприятию и приехал заранее. Пока было время, сходил в местную ювелирную лавочку и за 37,5 цента купил себе очки — впервые в жизни, в 47 лет. Потом отправился на станцию встречать поезд из Чикаго, наполненный делегатами съезда.

Всего собралось 270 делегатов. Из них — консервативных вигов, сдержанно-патриотичных «незнаек», ярых аболиционистов и даже демократов, выступивших против «Канзас— Небраски», — и сложилась Республиканская партия Иллинойса.

Опытный юрист Орвил Браунинг долго совещался с двадцатью влиятельными политиками, представлявшими весь политический спектр, и предложил общую идейную платформу — умеренную, а потому устроившую всех. Почти каждое её положение начиналось с фразы «Несмотря на всю разницу наших взглядов на другие вопросы...». Единными делегатами были в оппозиционности существующему «недостойному» правительству по вопросу дальнейшего распространения рабовладения. По их мнению, Конгресс США имеет право и должен запретить рабовладение на всех новых территориях (доныне свободных), в том числе в Канзасе и Небраске. Кроме того, предполагалось противостоять всем попыткам разрушить Союз штатов, расколов его на «свободную» и «рабовладельческую» части.

На долю Линкольна выпало почётное право произнести заключительную речь. Ею он как бы прощался с ушедшей в прошлое партией вигов. Эту речь многие считают лучшей его речью, но, увы, она ушла в прошлое вместе с теми, кто её слышал. Текст не сохранился, и историки называют её «потерянной речью Линкольна». Выступление было по большей части импровизацией, и оратор ничего не записал заранее. Что же касается репортёров, обязанных фиксировать выступления политиков... «Как журналист я был обязан подробно передавать содержание речей в «Чикаго трибюн», — признавался один из делегатов конвента Джозеф Медилл. — Я законспектировал в нескольких абзацах то, что Линкольн произнёс в первые восемь — десять минут, но потом его выступление затянуло меня так, что я забыл делать хоть какие-то пометки; я вместе со всем залом вскакивал, хлопал, одобрительно восклицал — до самого конца его речи. Я прекрасно помню, как Линкольн закончил, сел и сдержанно переживал бурю оваций. Я очнулся от какого-то

гипнотического транса и тут же вспомнил о репортаже для «Трибюн». Увы, на листе были только несколько вводных абзацев. Некоторым удовлетворением стало то, что никто из присутствовавших газетчиков не смог послать в свои издания отчёты о речи: все они так же, как и я, были настолько захвачены эмоциями, что никто не оставил никаких заметок и набросков»^[282].

Каким-то чудом краткий отчёт о речи появился в еженедельнике «Альтонский курьер». Только из него и известно, о чём говорил Линкольн. Он назвал рабовладение главной причиной национальных проблем. Выступающий сослался на публицистов-южан вроде Джорджа Фицхью^[26], далеко ушедших от своего прежнего восхваления рабства как неоспоримого блага для чернокожих — теперь они говорили, что его пора распространить и на белых работников. Именно поэтому для борьбы с такой «ересью» все, кто готов противостоять рабовладельческой силе, должны объединиться в один союз. Если же южане начнут пугать жупелом распада Союза, то им нужно твёрдо ответить: «Союз должен быть сохранён во всей своей целостности и чистоте своих принципов». Линкольн закончил знаменитыми словами Дэниела Уэбстера, обращёнными когда-то к сторонникам отделения Южной Каролины от Соединённых Штатов: «Теперь и всегда, Свобода и Союз, единый и неделимый!»

Увы, пересказ не передаёт настроения речи Линкольна. Херндон, как и все, замороженно слушавший Авраама, отбросив карандаш и бумагу, вспоминал: «Его речь была преисполнена огня, энергии, силы. Там была логика — и был пафос, там был энтузиазм; там были справедливость, равенство, правда и право, раздувавшие божественное пламя негодования в душах людей, выведенных из себя несправедливостью. Его речь была жёсткой, колючей, вызывающей и яростной»^[283].

Но при всей ярости и негодовании молодая Республиканская партия была ещё слишком рыхлым образованием, объединённым общим «против» и не имеющим общего «за». В предстоящей уже осенью 1856 года борьбе за пост президента республиканцам предстояло соперничать с очень серьёзными конкурентами. Демократы благоразумно не стали выдвигать в кандидаты в президенты сенатора Дугласа — слишком многих он разозлил «Канзас — Небраской», вызвавшей «кровоупускание в Канзасе». Как и боялись наиболее проницательные умы, теоретические дебаты переросли на крайнем Западе в открытый конфликт и борьба за дугласовский «народный суверенитет» стала вооружённой. В мае 1856 года большой отряд сторонников рабовладения с пятью пушками устроил погром в оплоте фрисойлеров городе Лоуренс: сжёг редакции газет и гостиницу, разграбил жилые дома и резиденцию «свободного губернатора». В ответ радикальный аболиционист Джон Браун, бородатый старик с горящими глазами воинствующего пророка, провозгласил принцип «око за око», создал партизанский отряд и начал жестоко убивать безоружных поселенцев, поддерживающих рабство. В отместку была разорена усадьба Брауна... Счёт убитых пошёл на сотни. В том же мае конгрессмен из Южной Каролины Престон Брукс устроил «кровоупускание в Конгрессе» — прямо в Капитолии жестоко избил сенатора Чарлза Самнера, острого на язык противника рабовладения из Массачусетса, сломав о его голову трость с тяжёлым серебряным набалдашником. Окровавленный Самнер упал без сознания; три года он будет лечить и не залечит до конца полученные травмы. А Бруксу начнут приходить новые трости «от благодарных южан» с пожеланиями прибить побольше янки-аболиционистов. На заседания Конгресса народные избранники стали ходить вооружёнными.

Чтобы снизить градус общественного противостояния, демократы подобрали на пост президента нейтральную кандидатуру Джеймса Бьюкенена, бывшего госсекретаря, имевшего впечатляющий послужной список и удачно отсидевшегося за океаном, в качестве посла в Лондоне, в последние бурные годы. Националисты-«незнайки» объявили себя Американской партией и выдвинули кандидатом экс-президента Милларда Филмора, привлекавшего избирателей обещаниями «держат в рамках понаехавших».

Общенациональный партийный съезд республиканцев собрался 17 июня в просторном мюзик-холле Филадельфии. На роль первого кандидата-республиканца претендовали лидеры партии: энергичный сухопарый сенатор из Нью-Йорка Уильям Сьюард и широкоплечий губернатор Огайо Салмон Чейз. Но в итоге было решено выдвинуть не столько сильного политика, сколько яркую, привлекательную и положительную личность, известную всей стране. Кандидатом в президенты провозгласили «Следопыта дальнего Запада», красавца и смельчака Джона Фримонта, одного из первых сенаторов свободного штата Калифорния. Личные достоинства Фримонта были приумножены удачным браком, в котором — редкий случай — любовь переплелась с расчётом^{284}. Его жена Джесси, красавица и умница, была дочерью знаменитого сенатора Томаса Харта Бентона, многолетнего лидера Демократической партии и сторонника освоения Запада. Тесть, теоретик освоения Запада, помогал зятю-практику в организации наиболее громких экспедиций, чем немало способствовал его успеху и известности. Ко всему прочему, имя кандидата эффектно звучало продолжением девиза Республиканской партии: «Фри сойл, фри лэйбор, фри мен, Фримонт!» — «Свободная земля, свободный труд, свободные люди, Фримонт!».

Партийные поэты принялись строчить тексты агитационных песен вроде такой:

Так грянем же ура!
Так грянем же ура!
Храбрец Фримонт
Возглавит фронт,
Пришла его пора![{285}](#)

Вице-президентом многие видели Авраама Линкольна, хотя большинство склонялось к кандидатуре бывшего сенатора от Нью-Джерси Уильяма Дайтона. Он и набрал при окончательном голосовании большинство голосов — 253. Но даже тот факт, что на общенациональном партийном съезде кандидатуру Линкольна поначалу поддержали 110 делегатов, означал, что адвокат из Иллинойса стал общенациональной политической знаменитостью, пусть и не первой величины. Авраам был в очередном «объезде округа», когда друзья — судья Дэвис и адвокат Уитни — сообщили ему приятную и неожиданную новость о выдвижении его кандидатом в вице-президенты. Он сначала просто не поверил: «Полагаю, что не я. В Массачусетсе есть ещё один известный Линкольн; думаю, это он».

Линкольн взялся за организацию политической кампании Фримонта в Иллинойсе со всей энергией, хотя считал более приемлемой кандидатурой на президентский пост члена Верховного суда США, решительного противника рабства Джона Маклина. Главную свою задачу Авраам видел в том, чтобы перетянуть бывших вигов — сторонников Филмора на свою сторону. Он выступил более чем с пятьюдесятью речами, в которых доказывал необходимость объединения. Те, кто голосует за Филмора, убеждал

Линкольн, фактически голосуют за Бьюкенена. Туда, где Линкольн выступить не успевал, шли литографированные экземпляры его агитационной речи; от руки были проставлены только дата и подпись.

Линкольн предсказывал: «Если сторонники Фримонта и Филмора объединятся, то в Иллинойсе мы побьём Бьюкенена. А разделённых — он нас побьёт». Предсказание сбылось, но, увы, в пессимистической части.

Четвёртого ноября 1856 года в Иллинойсе за Фримонта проголосовало 96 180 избирателей, за Бьюкенена — 105 344, за Филмора — 37 451. В то же время претендент на пост губернатора Иллинойса от демократов ожидаемо проиграл единому кандидату. Схожая картина была и по всей стране: Бьюкенен набрал 45,3 процента голосов, в то время как сторонники Фримонта и Филмора поделили своё «большинство»: 33,1 и 21,6 процента соответственно [{286}](#).

И всё-таки республиканцы восприняли результаты выборов оптимистично. Они чувствовали себя не проигравшими, а чуть-чуть не выигравшими. Банкет республиканцев Чикаго меньше всего напоминал поминки по выборам. В заново сформировавшейся двухпартийной системе соперниками демократов стали они, а не растворившаяся партия вигов и не дышащая на ладан Американская партия. Один из партийных поэтов писал: «Если за несколько месяцев существования мы почти победили, / То что будет через четыре года?» [{287}](#).

«ДОМ РАЗДЕЛЁННЫЙ»

1857 год был для Линкольна-адвоката одним из самых удачных: много работы, много успехов, достойные заработки. В их доме, в большой гостиной с пёстрым ковром на полу, всё чаще собирались именитые люди города, политики, коллеги-юристы.

И всё больше Линкольн из юриста, занимающегося политикой, превращался в политика, всё ещё занимающегося юриспруденцией.

Этот год стал критическим для истории страны: именно тогда, по выражению историка Кеннета Стампа, «Север и Юг достигли политической точки невозврата»^{288}. Это был год жестокого экономического кризиса и год решительного наступления рабовладельческого Юга на права свободных северных штатов.

Наступление это началось уже в день вступления во власть нового президента, демократа Бьюкенена. В инаугурационной речи он объявил, что в ближайшее время Верховный суд США примет важное для политической ситуации в стране решение. Речь шла о деле Дреда Скотта, раба из Миссури, попытавшегося добиться свободы для себя и своей семьи на основании того, что он был вывезен хозяином в свободный штат Иллинойс.

Шестого марта 1857 года Верховный суд разрушил веру в то, что «воздух Севера делает человека свободным». Семью голосами против двух высшие хранители справедливости не просто отказали Скотту в иске — они объявили, что рабы вообще не могут претендовать на защиту Конституции США, ибо их юридический статус — это положение говорящей собственности, а хозяева вправе брать свою

собственность на любые территории страны (так же как, например, своих лошадей или свиней). Суд постановил, что даже свободный чернокожий не имеет права требовать гражданства. Более того, было официально объявлено, что Конгресс США не имеет права запрещать рабство на территориях, ещё не ставших штатами. Это делало неконституционным Миссурийский компромисс 1820 года, на котором десятилетиями зиждилось политическое равновесие. Невидимой границы между рабовладельческими и свободными от рабства землями Запада больше не было. Забор из притчи Линкольна рушился. Хозяин рабов получил защищённое законом право перемещаться вместе с ними к северу от магической разграничительной линии, проведённой некогда на запад от границы штатов Миссури и Арканзас.

Для Линкольна, с его уважением к законам и судебным постановлениям, решение Верховного суда стало ударом. Совсем недавно, во время избирательной кампании 1856 года, он говорил демократам во время споров о рабовладении: «Верховный суд США — вот трибунал, решающий такие вопросы... Мы подчинимся его решениям, и если вы, демократы, сделаете то же, вопрос будет снят»^{289}. Но теперь он уже не мог оставаться на такой позиции. Его беспокоило заявление председателя Верховного суда, восьмидесятилетнего ровесника революции Роджера Тони. Этот «столп власти» показал, что он прежде всего южанин, ибо объявил, что основополагающие документы политической системы США — Декларация независимости и Конституция — не имеют никакого отношения к чернокожему населению страны. Ситуацию в Иллинойсе накалила речь сенатора Стивена Дугласа, вернувшегося в Спрингфилд после очередной сессии Конгресса. Столичного гостя попросили высказать авторитетное мнение по поводу самых наболевших

вопросов современности. Дуглас не только провозгласил необходимость повиноваться решениям «высшей юридической инстанции на земле», но и повторил идею судьи Тони: Декларация независимости, начинающаяся со священных для каждого американца слов об очевидности той истины, что «все люди созданы равными и наделены Творцом определёнными неотъемлемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью», имеет в виду только белую расу и даже только выходцев из Британии.^{290}

Линкольну пришлось разрешать противоречие: самый справедливый суд вынес самое несправедливое решение... Две недели провёл он в библиотеке Конгресса Иллинойса, выискивая юридические и исторические ответы на поставленные вопросы, а потом на одном из митингов в Спрингфилде озвучил мнение Республиканской партии: «По нашему мнению, решение по делу Дреда Скотта ошибочно. Мы знаем, что Суд порой аннулирует свои решения, и мы будем делать всё возможное, чтобы повлиять на отмену решения по делу Дреда Скотта» — и тут же решительно отделил свою позицию от позиции радикалов: «Ни к какому сопротивлению этому решению мы не призываем».^{291}

Всё выступление Линкольна было хорошо выстроенной полемикой с Дугласом и остальными отказывавшими чернокожему населению в элементарных правах. По его мнению, авторы Декларации независимости вовсе не утверждали, что «все должны быть равны по цвету кожи, росту, интеллекту, моральным качествам или роли в обществе»; они лишь считали, что «все люди созданы равными в неотчуждаемых правах на жизнь, свободу и стремление к счастью». Утверждение, что «все» означает «не все», не просто логически абсурдно — оно несправедливо, ибо усиливает гнёт над и так

угнетёнными рабами: «Словно все силы мира объединились против негра. Они закрывают за ним сотни тяжёлых железных дверей, они запирают эти двери на сотни замков, открыть их можно только одновременным поворотом сотни ключей. Но ключи эти в руках сотен разных людей, разбросанных по сотне отдалённых друг от друга мест, а они по-прежнему ищут, что бы такое придумать, чтобы негр вообще не мог выйти наружу»^{292}.

Дуглас обвинял республиканцев, что они хотят свободы неграм, чтобы «с ними есть, пить, спать, вместе ходить на выборы, чтобы жениться на негритянках!». Последнее утверждение было особенно шокирующим: смешение рас (амальгамацию) Дуглас считал тяжёлым грехом, и большинство белого населения Иллинойса было с ним согласно. Но на руках у подготовившегося Линкольна была статистика, указывающая, что такое смешение давно имеет место — в рабовладельческих штатах, причём по «инициативе» (точнее, вине) рабовладельцев. Там, на Юге, живут 350 тысяч мулатов, в то время как на Севере почти в семь раз меньше, да и то многие приехали из южных штатов. Боятесь амальгамации, мистер Дуглас? Тогда все ваши страхи и упреки — к Югу и к рабовладельцам, ибо подавляющая часть мулатов рождена от белых хозяев и чёрных рабынь^{293}.

Кроме того, Линкольн решительно обвинил Дугласа в хитроумной софистике: «По какой странной логике из-за того, что я не хочу видеть чернокожую женщину рабыней, я должен непременно хотеть взять её в жёны?.. Да, во многих отношениях она мне не ровня, но в своём естественном праве есть хлеб, заработанный в поте лица своего, и не быть принуждённой с кем-либо им делиться она равна со мной и со всеми другими».

Полемика по поводу дела Дреда Скотта стала прологом решительной политической схватки

республиканцев и демократов в 1858 году. В борьбе за место в сенате США Авраам Линкольн стал соперником «самого» Стивена Дугласа, и это придавало схватке особую весомость. Задолго до официального начала предвыборной кампании, как минимум с августа 1857 года, Линкольн начал незаметно готовить почву для будущего успеха. Именно тогда он уговорил коллег-республиканцев начать действовать немедленно и непременно «так тихо, чтобы наши соперники ничего не заметили». Он начал собирать команду доверенных и умеющих работать советников. Ближайшими из них были коллеги: Херндон, чьи контакты с аболиционистами позволяли координировать действия с антирабовладельческими союзниками «слева», и всеми уважаемый судья Дэвид Дэвис. В Спрингфилде, в набирающем вес Чикаго, в городках и графствах Иллинойса начали действовать друзья и союзники Авраама, от местных политических знаменитостей до таких фигур, как сенатор штата Норман Джудд, блестящий организатор, видный юрист из Чикаго, председатель иллинойсского комитета партии республиканцев и член её национального комитета. Мощным козырем стал сенатор Трамбл: следуя принципам «честной игры», он хотел отблагодарить Линкольна за своё избрание в 1856 году. Такая сильная и деятельная команда сумела созвать представительную (578 делегатов) партийную конференцию по выдвижению кандидата в сенаторы от штата Иллинойс. Это была страховка от разногласий, подобных тем, из-за которых на предыдущих выборах лидер Линкольн уступил аутсайдеру Трамблу.

Шестнадцатого июня 1858 года в большом зале спрингфилдского Капитолия собрался съезд республиканцев Иллинойса. Он начался с выражения участниками симпатий своему лидеру: когда Норман Джудд и чикагская делегация вывесили большой белый

транспарант «Графство Кук за Авраама Линкольна», зал взорвался криками «ура!» и возгласами одобрения. А в самый канун голосования какой-то исполненный энтузиазма делегат приколот поверх надписи «Графство Кук» большую заплатку с печатными буквами «Иллинойс», и вышло: «Иллинойс за Авраама Линкольна»^{294}. Без всяких разногласий Линкольн был избран «первым и единственным представителем республиканцев Иллинойса, претендующим сменить Стивена А. Дугласа в сенате США». На завершающем вечернем заседании избранник решил не ограничиваться формальным благодарственным выступлением. Линкольн произнёс одну из своих самых знаменитых речей, программную, пророческую, полемическую, получившую название «Дом разделённый» по приведённой в ней библейской цитате.

Авраам обдумывал речь несколько недель, его цилиндр был забит черновыми записями на обрывках бумаги и конвертах. В узком кругу друзей он прочитал «Дом разделённый» по написанному, но выступал без бумажки. Опираясь на знакомую всем евангельскую цитату «Если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот» (Мф. 12:25), Линкольн говорил о неизбежности решения главного вопроса, разделяющего страну на Север и Юг: «Я уверен, что это правительство не может постоянно быть наполовину рабовладельческим, наполовину свободным. Я не думаю, что Союз распадётся, — не жду, что дом рухнет; я лишь уверен, что он перестанет быть разделён. Он станет целиком либо одним, либо другим. Либо противники рабства вернут его на тот путь, где общественное мнение не сомневается в его неизбежном исчезновении; либо защитники рабства добьются того, что оно станет законным во всех штатах, и в старых, и в новых, и на Севере, и на Юге». Кризис должен наступить — но, самое главное, миновать.

Когда Дуглас, сравнительно легко избравшийся в сенат на протяжении последних пятнадцати лет, узнал, кто будет его соперником в предстоящей предвыборной гонке, он встревожился: «Мне надо быть во всеоружии. Это сильный республиканец, лучший митинговый оратор Запада, полный фактов и цитат, дат и изречений, набитый анекдотами и забавными историями. Он честен; он быстро соображает. Если я и побью его, победа достанется нелегко»^{295}.

Трудность была ещё и в том, что в стане демократов не стихали разногласия. Яблоком раздора стала судьба всё ещё кровоточащего Канзаса. Там наконец-то состоялись выборы депутатов на съезд по выработке конституции будущего штата, но происходили они в его «проюжной» столице Лекомптоне. Фрисойлеры сочли это мероприятие фарсом и полностью бойкотировали его. Голосовать пришло меньше четверти правоспособных жителей, тем не менее делегаты были избраны. Собравшись, они сотворили «лекомптонскую конституцию», допускающую рабовладение на территории будущего штата, и отправили текст в Вашингтон. Президент Бьюкенен немедленно поддержал их инициативу. Оставалось только провести «лекомптонскую конституцию» через Конгресс США, и рабовладение получило бы «прописку» в Канзасе. Дуглас оказался в непростой ситуации, ведь он так долго убеждал избирателей, что его идея народного самоуправления, лежавшая в основе «Акта Канзас — Небраска», не имеет ничего общего с открытием дороги рабовладению, что всё решит народ штата... А теперь сам ход событий доказывал, что правы были его противники. Бойкот выборов большинством населения Канзаса обрушивал идею самоуправления, всё решалось «наверху», и рабовладение ползло на свободные земли, которые, божился Дуглас, «не благоприятствуют рабовладельческим способам ведения хозяйства».

Сенатору пришлось критиковать президента, и отношения между ними заметно охладились. Правда, ловкий Дуглас и на этом начал сколачивать политический капитал. Выставляя себя страдальцем, он надеялся заручиться поддержкой оппозиции, то есть республиканцев.

Линкольну противоречия между Дугласом и Бьюкененом «напоминали одну историю» о жене фермера из Кентукки, настолько настрадавшейся от мужа, что, когда на того напал медведь, она не знала, кому в завязавшейся схватке желать победы. Растерявшаяся женщина стояла в стороне, подбадривая обоих: «Давай, давай, муж! Давай, давай, медведь!» Когда же подоспевшие соседи хотели вмешаться, она их остановила: «Нет уж, пусть дерутся!»^{296} Вот так же и противостояние Дугласа с президентской администрацией, добавлял Линкольн; могу только порекомендовать: пусть дерутся, и пояростнее!

Для успешного соперничества с Дугласом нужна была продуманная стратегия. Она родилась почти спонтанно, после того как сенатор-демократ вышел на балкон чикагского отеля «Тремон» и произнёс первую предвыборную речь, раскритиковав Линкольна за его видение страны в образе «дома разделённого». На этом шоу Дугласа Линкольн сидел рядом с выступающим в качестве почётного гостя и даже был представлен сенатором как «дружелюбный, обходительный и интеллигентный джентльмен, порядочный гражданин и достойный оппонент». Впрочем, такая любезность не снимала полемической остроты речи. Суть выступления была в том, что «достойный оппонент» совершенно неправильно представляет основополагающие принципы американской демократии и его политика ведёт к расколу и войне Севера и Юга.

Линкольн ответил на следующий день с того же балкона, и с этого «парного выступления» началась

«гонка за лидером»: республиканский кандидат стал преследовать фаворита-демократа в его агитационном турне по Иллинойсу. Где бы ни выступал с программными речами Дуглас, через день-два там появлялся и опровергал их Линкольн. Газеты демократов пробовали высмеять такую тактику: «Дуглас собирает толпу, а Линкольн — тех, кто ещё не разошёлся»; «Это несчастное отчаявшееся создание не может собрать своей аудитории; так не лучше ли ему присоседиться к одному из бродячих цирков или зоопарков — они всегда собирают толпу — и включить свои речи в список их номеров?»

Республиканцам не нравилось, что их лидер выступает «вторым номером», по большей части отвечая на критику Дугласа. Было решено, что Линкольн лично обратится к сенатору с вызовом: провести серию дебатов по всему штату. Дуглас поначалу для приличия отказался^{297}, а потом выдвинул условия: дебаты не во всех запланированных местах его встреч с избирателями, а только в семи центрах избирательных округов (исключая Чикаго и Спрингфилд, где претенденты уже выступали); жёсткий регламент (час на выступление, полтора на ответное, полчаса на заключение первому выступавшему), а главное — он будет открывать дебаты, а значит, задавать тон, на четырёх встречах из семи.

Так было организовано центральное шоу шедшей по всему Иллинойсу агитационной кампании. Поскольку успех в борьбе за место в сенате зависел от исхода местных выборов в десятках графств штата, политические собрания проводились везде, где только можно, в том числе в местных школах и церквях. Подсчитано, что Дуглас за время кампании проехал более пяти тысяч миль и произнёс 59 больших речей, не считая кратких и трёх дюжин реплик и приветствий. Линкольн одолел почти четыре с половиной тысячи миль

— в основном на поездах — и выступил с шестьюдесятью тремя речами. Благодаря усилиям партийных активистов люди приходили послушать и Линкольна, и Дугласа, выступающих по отдельности; но самыми многолюдными стали дебаты, в которых сходились оба кандидата.

В те времена подобные политические поединки были такой редкостью, что для жителей иллинойсской глубинки были сравнимы с ярмарочным представлением. Центральный вопрос дебатов был тогда одним из самых острых: справедливо ли решение Верховного суда по делу Дреда Скотта и нужно ли допускать рабовладельцев на вновь осваиваемые западные территории, создавая тем самым жестокую конкуренцию дешёвого рабского труда с трудом свободных землевладельцев?

Публику не только привлекала противоположность политических взглядов республиканца и демократа, но и забавлял их внешний контраст. Гигантская разница в росте (около 30 сантиметров) и комплекции («толстый и тонкий») давала повод некоторым репортёрам видеть в невысоком крепком Дугласе «Шалтая-Болтая, наконец-то удачно спрыгнувшего со стены», а в долговязом худом Линкольне — ожившее «огородное пугало» или «скелет борзой»^{298}. Конечно, это были художественные преувеличения, но внешний вид претендентов действительно сильно отличался. Дуглас подчёркивал своё положение значительного государственного лица, появлялся на публике в дорогом, безупречно сшитом синем костюме с сияющими серебряными пуговицами, в рубашке с кружевами, в начищенных до блеска ботинках. Впечатляющий образ сенатора дополняла его красавица-жена Адель, настоящая благородная леди с Юга. Пара путешествовала от города к городу на собственном поезде, арендованном за круглую сумму у Центральной

Иллинойсской железной дороги, в роскошном вагоне-резиденции железнодорожного начальства. На специальной платформе была смонтирована толстая короткоствольная сигнальная пушка «Маленький Дуг». Когда поезд Дугласа приближался к очередному городу, к пушке выходили два нанятых артиллериста в красной униформе и церемонно производили выстрел.

Линкольн преодолевал расстояния между городами в обычном пассажирском вагоне и пользовался переездами, чтобы пообщаться с избирателями. Попутчики отмечали его доброжелательность и полное отсутствие претензий на превосходство. Мэри сопровождала мужа только во время последних дебатов — в его планы не входило хвастаться женой (как и Адель, южной аристократкой). На выступления Линкольн выходил в своей обычной повседневной одежде, что в определённой степени смущало даже преданных сторонников. «Рукава его потёртого чёрного фрака, — писал один из них, — могли бы быть и подлиннее, а чёрные брюки слишком явно позволяли разглядеть его крепкие голени».^{299}

В первый город, где состоялись дебаты, Оттаву, в 80 милях от Чикаго, железнодорожные билеты продавали за полцены, и десятки битком набитых вагонов, увешанных транспарантами и лозунгами, доставляли сторонников обеих партий. На ведущих в город дорогах клубились столбы пыли: тысячи людей тянулись со всех окрестностей — пешком, верхом, на воловьих упряжках, на повозках всех видов... В шеститысячный городок набилось 12 тысяч зрителей. Уже за день до начала дебатов в гостиницах, частных домах и конюшнях не осталось свободных мест. Вокруг города вечером полыхало столько костров, что, казалось, целая армия встала биваком.^{300}

Наутро на центральной площади, где должно было проходить действие, высилась дощатая платформа для

выступающих. Никаких скамеек для зрителей не планировалось: все три часа, пока шло представление, публика проводила на ногах. Стол и стулья (самые обычные, из близлежащих домов) были только на сцене — для участников дебатов, представителей оргкомитета и пары журналистов-стенографов: их бумаги немедленно передавались на ближайший поезд, уже в дороге расшифровывались и через несколько часов шли в набор самых читаемых газет. Во время одного из выступлений Линкольна прервали после первых же слов: «Сограждане, леди и джентльмены...» — «Погоди, погоди, Линкольн, ты ещё не можешь начинать, Хитт (стенографист) ещё не подошёл, а что толку в твоей речи, если газеты не получат о ней репортажа?»^{301}

Чудеса XIX века: железные дороги, стенографирование, массовые дешёвые газеты — делали дебаты событием, выходящим далеко за границы штата Иллинойс. Независимо от исхода дискуссий Линкольн оказывался в выигрыше, поскольку становился известен всей стране: поначалу как «соперник знаменитого Дугласа», но чем дальше, тем больше как «мистер Линкольн из Иллинойса», видный представитель Республиканской партии.

Но на первой встрече в роли лидера выступал Дуглас и справлялся с ней успешно. Выговорив себе право открывать дебаты, он с самого начала буквально набросился на соперника, засыпал его ворохом провокационных вопросов, припомнил ему все «грешки», от очень давней нью-салемской торговли спиртным до не очень давней «антипатриотичной» «пятнистой» позиции по мексиканской войне. Его главной задачей было выставить Линкольна маргиналом, радикалом-аболиционистом, сторонником решительного и не очень популярного в Иллинойсе движения за немедленную и окончательную отмену рабства, иными словами, — выразителем интересов непопулярного меньшинства.

Ценой за избрание такого в сенат, уверял Дуглас, будет либо разорение экономики трети страны, либо, что вероятнее, война между Севером и не желающим расставаться с рабством Югом.

Линкольну пришлось защищаться всеми возможными способами. Он ловил Дугласа на логических противоречиях, замечая, что оппонент передёргивает его позицию при помощи такой перестановки слов, при которой можно доказать, что конский каштан — это каштановый конь. Он поймал Дугласа на ошибке — тот утверждал, что Линкольн поддержал и даже подписал радикальные резолюции одного из съездов аболиционистов, в то время как Линкольна не было не только на съезде, но и вообще в городе, где он проходил, не было и его подписи. В последующих дебатах Авраам припоминал оппоненту эту подтасовку всегда, когда надо было поставить его утверждения под сомнение. Линкольн снова разъяснял свою позицию по войне с Мексикой, а по поводу давних нью-салемских дней позволил себе заметить, что если он и стоял по одну сторону стойки со спиртным, то Стивен Дуглас в то время с ещё большим удовольствием стоял по другую (то есть пока один торговал, другой неумеренно потреблял алкоголь).

По окончании первого тура дебатов обе стороны объявили о своей победе. Республиканские газеты рассказали, что Линкольну даже не дали сойти со сцены — тут же подхватили и понесли на руках, под оркестр, к месту торжественного обеда. Демократические газеты ехидничали: мол, оппонент великого Дугласа под конец совсем лишился сил, чуть не упал с платформы, и его пришлось уносить с места сражения.

Сам Линкольн больше был доволен тем, что устоял в первой схватке. «Вчера мы с Дугласом скрестили клинки, — писал он одному из сторонников, — и я рад осознавать, что пока ещё жив»^{302}. Однако в узком

кругу друзья пеняли Аврааму за то, что он больше защищался, чем наступал, просили быть агрессивнее, подбадривали цитатой из романтического «Мар-миона» Вальтера Скотта:

Меча обломок роковой
Подняв, он крикнул: «Честер, в бой!»

И на следующих дебатах, во Фрипорте, Линкольн перешёл в наступление. В ворох своих вопросов он упрятал один, неожиданно решивший всю дальнейшую политическую судьбу Дугласа. Дело в том, что Дуглас продолжал упорно разыгрывать свой главный демократический козырь: право народа на самоуправление. Но это право вступало в противоречие с решением Верховного суда по делу Дреда Скотта. Дуглас призывал подчиняться священному решению «высшего суда на земле» — и он же утверждал, что превыше всего ставит право жителей отдельных территорий решать, быть или не быть рабовладению на их земле. «Так могут ли жители территории США, — спрашивал Линкольн, — законным путём, но против желания жителей Соединённых Штатов, ещё до принятия Конституции и вступления в Союз в качестве штата, исключить рабовладение на своей Территории?»^{303}

«Неужто вы не слышали, мистер Линкольн? Сотни раз, на всех митингах Иллинойса говорил я — могут! — отвечал Дуглас с воодушевлением. — Жители Территории США могут законным путём отказаться от рабовладения ещё до того, как она станет штатом». Дуглас во всеуслышание объявил (а газеты тут же разнесли по стране), что поселенцы Запада могут остановить рабовладение законным путём, отказавшись принимать на своих территориях так называемый

Рабский кодекс. Кодекс был ключевым в правовой системе Юга, ибо защищал рабовладельцев от судебного преследования за использование насилия по отношению к своим рабам, их избиение и даже непредумышленное убийство. Без такого кодекса насилие над рабами становилось уголовным преступлением и держать их в повиновении оказывалось невозможным «ни дня, ни часа»^{304}.

Позиция Дугласа получила широкую известность как «фрипортская доктрина». Она позволила ему завоевать множество сторонников на Севере и Западе страны, обеспечила тысячи, если не десятки тысяч голосов в штате Иллинойс. Но в стратегическом отношении Дуглас лишил себя дальнейших перспектив. Получая сторонников на Севере, он как противник распространения рабовладения стремительно терял поддержку на Юге. Это ничего не значило в гонке за место сенатора от Иллинойса, но зато будет значить очень много в будущей, довольно скорой президентской гонке. «Фрипортская доктрина» расколет демократов на «южных» и «северных», и в результате тщетными окажутся старания Дугласа стать единым лидером и единым кандидатом в президенты от демократов всей страны. Озвучив во всеуслышание «фрипортскую доктрину», сенатор больше не мог одновременно обещать Северу, что народное самоуправление сможет справиться с рабовладением самостоятельно, а Югу — что народное самоуправление сможет допустить рабовладение на территориях.

Апологетически настроенные биографы Линкольна будут впоследствии утверждать, что Линкольн заранее и преднамеренно подготовил Дугласу такой «гамбит», силой мысли проникнув за завесу времени и «увидев» будущую президентскую гонку. Современные исследователи считают это преувеличением, хотя соглашаются, что вопрос оказался действительно очень

важным. Даже в рамках борьбы за избирателей штата Дуглас «фрипортской доктриной» сузил свою базу, отделил себя от демократов — сторонников президента Бьюкенена, показал себя представителем лишь части своей партии^{305}. Видимо, именно во Фрипорте — хотя тогда никто этого не заметил — Линкольн и совершил решительный рывок в своей тридцатилетней, почти вечной, политической гонке за Дугласом и стал лидером. Начиная с этого момента Дуглас всё чаще стал снимать стресс, прикладываясь к заветной бутылочке виски, и тем чаще, чем дальше шли дебаты.

После Фрипорта позиции сторон определились, и сценарий дебатов стал повторяться. 7 октября в Гейлсберге Линкольн даже начал выступление с фразы, что «большая часть произнесённой только что судьёй Дугласом речи давно уже напечатана в газетах». Именно в Гейлсберге, в кампусе Нокс-колледжа, собралась самая большая толпа зрителей — до двадцати пяти тысяч человек. Выход на дощатую платформу был устроен прямо из окна главного здания достопочтенного учебного заведения. Пройдя по коридору и уже выбираясь на платформу, Линкольн бросил реплику: «Ну наконец-то я прошёл через колледж!»

На дебаты в Куинси, стоящий на высоком берегу Миссисипи, пароходы доставляли зрителей-болельщиков из соседних штатов — Айовы и Миссури. Будто специально для них каждый из оппонентов повторил суть противоречий в их взглядах. Линкольн отметил, что это «противоречие между теми, кто считает рабство злом, и теми, кто рабство злом не считает»; что злом считали рабство ещё отцы-основатели, которые надеялись, что оно изживёт себя. Дуглас (с лицом, слегка опухшим от постоянного «лечения» спиртным) вновь провозгласил, что раз уж отцы-основатели нации создали республику, разделённую на свободные и

рабовладельческие штаты, то такой её нужно и сохранить, «дом разделённый» должен устоять!

После Куинси оба соперника погрузились на большой речной пароход, и он пошлёпал своими гигантскими колёсами вверх по Миссисипи, в городок Альтон, место финальной встречи 15 октября 1858 года. К этому времени Дуглас окончательно охрип, но упорно продолжал доказывать, что великие предки, подписавшие Декларацию независимости, «не имели в виду ни негров, ни дикарей-индейцев, ни островитян Фиджи, никаких вообще представителей варварских рас».

Споры о правах чернокожего населения США затрагивали куда более общую и очень важную проблему демократии как народного самоуправления. В них, как отметил один из лучших биографов Линкольна Дэвид Дональд, столкнулись позиция Дугласа как защитника прав большинства и позиция Линкольна как защитника прав меньшинства. По мнению Дугласа, большинство имеет право принимать и навязывать остальным любые свои решения; по мнению же Линкольна, большинство не имеет права нарушать принципиальные права каждого человека, увековеченные в Декларации независимости^{306}. Линкольн замечал: «Мы олицетворяем два принципа, которые стоят один против другого от начала времён и не перестают бороться друг с другом. Один принцип — всеобщее право человечества (на равенство), другой — «божественное право королей» (подчинять и эксплуатировать неравных себе)».

Дуглас в одной из речей подтверждал свою предрасположенность к «праву королей»: «Закон цивилизации гласит: «Там, где человек или раса демонстрируют свою несостоятельность в ведении собственных дел, они должны подчиниться власти тех, кто умеет управлять... В соответствии с этим принципом

я утверждаю, что негритянская раса всегда, везде и при всех обстоятельствах демонстрировала собственную неспособность к самоуправлению»^{307}.

Линкольн, отстаивая равенство, ни в коем случае не считал его уравниловкой. Во время дебатов он повторил как минимум пять раз: «Я не выступаю и никогда не выступал за то, чтобы между чёрной и белой расой установилось в какой бы то ни было форме социальное и политическое равенство! Я не выступаю и никогда не выступал за то, чтобы негры становились избирателями или присяжными, чтобы им позволялось занимать официальные должности или жениться на белых женщинах! Между белой и чёрной расой существуют физические различия, которые, как я считаю, навсегда исключают возможность сосуществования обеих рас на основе социального и политического равенства. И поскольку обе расы не могут жить в равенстве, но вынуждены пребывать рядом, подчиняясь или подчиняя, то я, равно как и всякий другой, выступаю за то, чтобы было гарантировано первенствующее положение белой расы. Однако я отнюдь не считаю, что из-за того, что белая раса превосходит чёрную, чёрным следует отказываться во всём. Я не понимаю, почему лишь из-за того, что я не хочу брать негритянку в рабыни, я обязан взять её в жёны. Я просто хочу оставить её в покое. Мне уже пятьдесят лет, и у меня вообще никогда не было ни негритянки-рабыни, ни негритянки-жены. Поэтому мне кажется, что мы можем обойтись и без чернокожих рабынь, и без чернокожих жён»^{308}.

Через столетие такие рассуждения Линкольна времён речи «Дом разделённый» легли в основу обвинения «великого освободителя» в расизме^{309}. Однако внимательные исследователи его выступлений второй половины 1850-х годов отмечают, что Линкольн уже тогда обращал внимание на динамику исторического процесса. Неизбежные перемены в

человеческих сообществах, в их духовном и культурном развитии ведут и к переменам по отношению к гражданским правам. Даже разделяя общие представления эпохи о неравенстве человеческих рас, Линкольн считал их преходящими, а не вечными, и, напротив, утверждал, что любое неравенство не исключает естественных прав, гарантированных Декларацией независимости. Следовательно, ни один «здравомыслящий человек не может отрицать, что африканец на своей собственной земле обладает всеми естественными правами, коими удостоено всё человечество»^{310}.

Итог дебатов каждая сторона трактовала в свою пользу, но объективной их оценкой стали выборы в Законодательное собрание штата. Как и в предыдущие годы, избиратели на севере штата поддерживали в основном республиканцев, на юге — демократов, в центральном поясе сторонников обеих партий было примерно поровну.

В мокрый и холодный день 2 ноября к местам голосования пришло больше избирателей, чем на предыдущих президентских выборах. Если бы сенатора тогда выбирали, как сейчас, непосредственным голосованием, Линкольн сразу победил бы, поскольку набрал не менее 52 процентов голосов при 45 процентах за Дугласа. Но в 1858 году это была только первая ступень выборов: непосредственно ни за Линкольна, ни за Дугласа избиратели не голосовали. Они выбирали депутатов Законодательного собрания, и только эти депутаты через три месяца — на первой сессии, открывшейся 5 января 1859 года, — голосовали за сенатора. Исход выборов 5 января зависел от числа мест, полученных республиканцами и демократами 2 ноября.

И тут злую шутку с Линкольном сыграл прогресс, чья неуклонная поступь привела к тому, что промышленный

север штата заселялся намного интенсивнее, чем фермерский юг. В результате со времени последнего определения пропорции представителей графств в Законодательном собрании южные графства стали населены меньше, но выставляли депутатов больше, чем северные. Вот почему, хотя Республиканская партия и Линкольн получили более 190 тысяч избирателей против 166 тысяч за Демократическую партию и Дугласа, подсчёт по графствам оказался в пользу демократов. В итоге 40 депутатов-демократов представляли около шестисот тысяч населения, а 33 депутата-республиканца — около семисот тысяч^{311}.

Можно было ещё помахать кулаками после драки — например, обвинить руководство Центральной Иллинойсской железной дороги в доставке к важнейшим избирательным участкам не имеющих права голоса «гастарбайтеров», чернорабочих-ирландцев из Филадельфии, Нью-Йорка и Сент-Луиса. Припомнить сенатору Джону Криттендену, обладающему влиянием на многих бывших вигов, что он наотрез отказался помогать «чёрным республиканцам» и объявил, что поддерживает Дугласа. Попенять влиятельнейшему газетчику Хорасу Грили, что он слишком рьяно агитировал за Дугласа как за пострадавшего от президента Бьюкенена союзника республиканцев и расположил к нему определённое число будущих выборщиков...

От неудачного исхода выборов Линкольн не мог не испытать очередного тяжёлого приступа меланхолии. В вечер, когда поражение стало очевидным, он долго сидел в своей юридической конторе «мрачный, как полночь», и сетовал, почему же его всегда выдвигают туда, где кому-то суждено быть побитым и принесённым в жертву во имя партии и общего блага. Он вздыхал: «Думаю, меня бросят все, кроме Билли [Херндона]». А когда несостоявшийся сенатор отправился домой по

мокрому от дождя и изрытому свиньями тротуару, он чуть не упал в лужу. Одна нога вдруг поскользнулась, подбила другую, и Авраам только чудом, извернувшись, удержал равновесие. Тут он сказал себе: «Поскользнуться — не значит упасть» — и понял, что вместе с этой фразой излечился от приступа меланхолии^{312}. Да, так и есть, поскользнуться — не значит упасть!

«ПОНЕМНОГУ ВХОЖУ ВО ВКУС...»

Густой снегопад начался в Спрингфилде вечером 5 января 1859 года и шёл, не переставая, 40 часов. Слово плотный белый занавес опускался над всеми прошлыми неудачами Авраама; словно чистый лист открывался в летописи его жизни после пятидесятилетия. Ещё днём заезжий репортёр из Огайо бранил бесснежную иллинойсскую зиму: «Вы только посмотрите на эту мрачную, удручающую, неопределимую и опасную для жизни пучину грязи! Болота Арканзаса по сравнению с ней — образец привлекательности!»^{313} Настроение Линкольна было под стать этой «мрачной пучине»: именно 5 января Генеральная ассамблея штата в очередной раз избрала Стивена Дугласа сенатором США. Когда коллега-республиканец принёс ожидаемую плохую новость в контору «Линкольн и Херндон», Авраам был один; он сидел посреди офиса за Т-образным столом и что-то писал. Из короткого диалога гостю стало понятно, что знаменитый адвокат не оставил надежд стать знаменитым политиком:

— Демократы устроили большой шум по поводу своей победы...

— Что ж, Дугласу хорошо удался этот конкретный трюк, но игра ещё не кончена^{314}.

Неудача была запланированной, ожидаемой после ноябрьских выборов. Линкольн научился отгонять привязчивую меланхолию. Он не раз отвечал на расспросы заготовленной шуткой: «Как я себя чувствую? Как тот подросток из Кентукки, который бежал на свидание с девушкой и сильно ушиб большой палец ноги. Ему слишком больно, чтобы смеяться, и он слишком взрослый, чтобы плакать». Если же его

расспрашивали всерьёз, он говорил, что для него важнее всего приобретённый неоценимый опыт. В одном из писем Линкольн признавался: «Я рад, что участвовал в этой гонке, ибо получил ни с чем не сравнимую возможность разобраться в самом главном вопросе эпохи. И пусть я буду забыт, пусть пропаду из виду — я верю, что высказал несколько важных замечаний, которые будут помогать борьбе за права и свободы людей, даже когда меня не станет». В другом письме звучало оптимистическое: «Борьба должна продолжаться. Дело гражданских прав и свобод не может быть оставлено ни после одного поражения, ни после сотни». В третьем: «Проиграли? — Что ж, следующий раз будем лучше готовиться»^{315}. А потом наступил вечер 5 января, затихли салюты и фейерверки ликующих демократов и начался снегопад...

На следующий день по схваченным неожиданно сильным морозом колеям и колдобинам улиц шли в Капитолий друзья и коллеги Линкольна по Республиканской партии. Дюжина единомышленников собралась на первом этаже, в библиотеке, чтобы определиться со стратегией на будущий год, — год, предшествующий президентским выборам. Все сошлись во мнении: неудачи минувшего 1858-го — только повод усилить работу по сплочению партии и чётко сформулировать основные принципы её программы.

Потом речь зашла о возможных кандидатах в президенты. Линкольн долго отмалчивался, выслушивая обсуждение сильных и слабых сторон претендентов. Его имя не упоминали (только вчера он второй раз проиграл сенатскую гонку), хотя кое-какие местные газеты ещё осенью выходили с шапками «Линкольна в президенты!», да и один из участников собрания, Джесси Фелл, пару месяцев назад уверял Линкольна, что из него вышел бы сильный кандидат на высшую должность. Через некоторое время Авраам сам вступил в

разговор: «Почему бы вам не выдвинуть меня? Я могу выиграть партийную номинацию, могу выиграть выборы и... могу руководить правительством». Судья Дэвис вспоминал: «Мы все посмотрели на него и увидели, что он не шутит». Тогда кто-то поддержал предложение: «Давайте выдвинем Авраама Линкольна в президенты». Потом разговор перешёл на возможность сделать Линкольна вице-президентом, и хотя какого-то общего решения принято не было, сама идея выдвижения закрепилась в кругу влиятельных республиканцев. В конце встречи Авраам поблагодарил товарищей: «Как я рад, что мы поговорили об этом; насколько лучше я себя чувствую!»^{316}.

Позже сам Линкольн не мог точно вспомнить, «когда его стал грызть этот червь президентства»^{317}. Ещё во времена полемики с Дугласом он признавался знакомому репортёру Генри Вилларду: «Мэри хочет, чтобы я стал сенатором или президентом... Подумать только: такой молокосос^[27], как я, — и президент!»^{318}. Та обстановка, при которой было сделано это признание, вполне убеждала в искренности слов Линкольна: собеседники коротали время на какой-то маленькой железнодорожной станции и в ожидании опаздывающего поезда прятались от дождя в пустом товарном вагоне. Президент? В товарном вагоне, в глубинке Иллинойса?

Тот же Генри Виллард посетил Линкольна на следующий день после конфиденциального собрания республиканцев. Он ничего не знал о предложении Линкольна, но был поражён, что всего через два дня после победы Дугласа его неудачливый соперник был полон жизнерадостной энергии и привычно отшучивался: «Я слишком большой, чтобы плакать, и мне слишком больно, чтобы смеяться».

Репортёр ждал сожалений об упущенном шансе, а Линкольн уже жил будущим. 29 января он имел все

основания написать сенатору Трамблу в Вашингтон: «Здесь наши друзья со всего штата едины в своей решимости и целеустремлённости, и я абсолютно уверен, что к 1860 году мы будем организованы намного лучше, чем когда-либо»^{319}. Его стратегическая программа на будущий год, видимо, уже была разработана. С одной стороны — добиваться консолидации Республиканской партии, с другой — приобрести большую известность вне Иллинойса в качестве политика (где он пока в лучшем случае был «тот-самый-Линкольн-что-тягался-с-сенатором-Дугласом»), при этом до последнего сохраняя в тайне свои намерения баллотироваться в президенты. Именно поэтому на все сторонние предложения выдвинуть свою кандидатуру на предстоящем в 1860 году съезде партии Линкольн отвечал дипломатически отработанной фразой: «Должен признаться, что не думаю, что гожусь в президенты», — а настаивавшим пояснял: «Я действительно считаю, что для нашего дела было бы лучше не предпринимать подобных попыток».

Высунуться слишком рано означало немедленно попасть под неприятельский обстрел, а этого желательно было избегать как можно дольше. Ведь признанные кандидаты не только завоёвывали себе сторонников, но и наживали изощрённых врагов. Позиция Линкольна понятна из одного из его писем: «Что касается лично меня, я сражаюсь за успех дела Республиканской партии; ради этого я буду честно работать в качестве одного из её рядовых бойцов, если, конечно (что, по-моему, невозможно), партия не решит назначить меня на какой-либо пост»^{320}.

Письма стали одной из важных форм партийной работы в ближайшие месяцы. Эта работа уже выходила за рамки штата — как и известность и авторитет Авраама Линкольна. Он писал в Канзас, давая советы местным республиканцам по выработке политической

платформы. Он стремился убедить знаменитого лидера республиканцев соседнего Огайо, губернатора Чейза, что один из пунктов их партийной программы — требование отмены закона о поимке беглых рабов — нельзя выносить на обсуждение на уровне национального съезда, ибо это противоречит Конституции, а значит, отшатнёт свято чтущих её консерваторов и в конце концов просто взорвёт изнутри и съезд, и партию. Партийному лидеру Индианы Скайлеру Колфаксу Авраам объяснял, что любые местные начинания должны предприниматься с осторожностью, ибо нельзя делать шагов, отпугивающих избирателей и вносивших несогласие в партийные ряды: «Всегда нужно смотреть дальше своего носа и хотя бы не говорить ничего о том, что могло бы стать основой наших разногласий»; одно только движение против иностранцев-иммигрантов в штате Массачусетс способно «взорвать десятки партийных съездов»^{321}. В мае Линкольн негласно оказал существенную помощь газете «Иллинойс штаат анцайгер», которая становилась проводником республиканских идей среди многочисленных немцев-иммигрантов.

Следом за сезоном писем наступил сезон поездок. Некоторые приглашения Линкольн отклонил из-за отдалённости: Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Пенсильвания... Но вот в Айову, в то время пограничный штат на западе страны (не считая достаточно автономного тихоокеанского побережья), поехал, объединив выступление по политическим вопросам с устройством личных земельных дел.

Теперь в Айове, в городе Каунсил-Блафс, установлен монумент — на высоком холме над рекой Миссури, на самой крайней западной точке Соединённых Штатов, до которой добрался потомок Линкольнов из Хингема, откуда 12 августа 1859 года он вглядывался в дали

будущего штата Небраска (невозделанная целина, густые травы и гигантские подсолнухи). Знал ли Линкольн, что более полувека назад с этого же холма тот же пейзаж осматривали первопроходцы Льюис и Кларк, первыми пересёкшие континент с востока на запад?

Линкольна волновал вопрос, возможно, второй по государственной важности после рабовладения. Он долго обсуждал со знающим инженером Гринвелом Доджем возможность постройки от Каунсил-Блафс первой трансконтинентальной железной дороги. Додж убедительно доказывал, что в инженерном отношении именно отсюда стальной путь на Запад наиболее удобен^{322}. Это не была беседа из вежливости, форма лицемерия политика, завоёвывающего голоса избирателей. Через три года, 1 июля 1862-го, президент США подпишет закон о Тихоокеанской железной дороге, техническом чуде Нового Света, и пройдёт она через Каунсил-Блафс!

После Айовы — штат Миссури и консультации с республиканскими лидерами в Сент-Джозефе. А потом, уже в сентябре, обширный вояж по штату Огайо, в определённой степени заочное продолжение дебатов с Дугласом. Здесь предстояли местные выборы, и извечный соперник Линкольна колесил по штату, агитируя за демократов. Авраам бросился в погоню, действуя по уже отработанному сценарию: появлялся везде через несколько дней после Дугласа и озвучивал отработанные и усовершенствованные доводы прошлогодних споров. Он говорил, что безразличие Дугласа к вопросам рабства проистекает из его натуры: «Ему больно, если секут его спину, но если секут спину кого-то другого — ему совсем не больно». Отсюда и «суверенитет» в понимании трижды сенатора: «Если один человек хочет сделать другого рабом, то ни этот

другой, ни кто-либо ещё не имеет права возражать»^{323}.

В Цинциннати Линкольну сообщили, что в зале присутствуют жители соседнего рабовладельческого штата Кентукки — они специально пересекли пограничную реку Огайо, чтобы послушать выступление знаменитого оратора, родившегося на их земле. Именно в Кентукки живёт, управляет обширным хозяйством и даже организует известные на всю страну скачки друг молодости Авраама, «просвещённый рабовладелец» Джошуа Спид. Линкольн воспользовался возможностью пояснить позицию своей партии по отношению к Югу и высказал её в форме обращения к людям «из-за реки»: «Что мы, республиканцы и вся нынешняя оппозиция будем делать, когда честно победим вас на выборах? А мы уверены, что победим и вас, и Дугласа. Так вот, от имени оппозиции я заявляю, что когда мы победим, мы будем относиться к вам по возможности так же, как относились президенты Вашингтон, Джефферсон, Мэдисон. Это значит: мы оставим вас в покое!» Линкольн снова и снова напоминал, что отцы-основатели и авторы компромиссов оставляли за южанами их освящённые Конституцией права, включая и право иметь рабов. «Мы никогда не забывали, что вы не хуже и не лучше нас, разница между нами — это лишь разница сложившихся условий и обстоятельств. Мы знаем и помним, что в вас бьются благородные и сострадательные сердца, как и у нас, и относимся к вам соответственно. Это значит, если кому-то из нас выпадет шанс жениться на вашей девушке — я говорю о белых (*смех в аудитории*), — он женится, и я имею честь сообщить вам, что и сам однажды воспользовался таким счастливым шансом» (*реверанс в сторону Мэри, которая сопровождала мужа в поездке по Огайо; в аудитории смех, реплика: «Повезло тебе!»; наблюдатели фиксируют: Линкольн завоевал симпатии слушателей*).

«Я сказал вам, что мы будем делать. А вот что будете делать вы? Мне приходилось слышать о вашем намерении отделиться от Союза сразу, как только какой-нибудь республиканец будет избран президентом Соединённых Штатов. *(Выкрик из зала: «Так и есть!»)* И как же вам поможет развал Союза? Это сейчас Конституция Соединённых Штатов гарантирует вам возвращение с Севера беглых рабов. Перестав быть Соединёнными Штатами, вы лишитесь этой конституционной гарантии, и никто не будет обязан по закону возвращать вам ваше убежавшее на Север «движимое имущество». Что вы будете делать? Выроете огромный ров? Возведёте стену? Или пойдёте на нас войной? Да, признаю, вы смелые и храбрые, но и мы не менее смелые и не менее храбрые. Поэтому потери в схватке будут один к одному, и поэтому мы победим вас, потому что мы — большинство! Подчинить нас вы не сможете, а значит, отделение и война — худшая из глупостей»^{324}.

Наутро после речи в Цинциннати к Линкольну в отель явился один из лидеров местных республиканцев и с ходу спросил: «Что если мы выдвинем вас в президенты?» А за день до того было выступление в Дейтоне, после которого бывший конгрессмен Шенк обратился уже не к Аврааму, а непосредственно к слушателям: «Если нам нужен честный и умный президент, давайте выдвинем кандидатом этого достойного джентльмена из Иллинойса!» Это было первое предложение, прозвучавшее перед широкой аудиторией 16 сентября 1859 года. А к концу октября в «каштановом штате» уже существовали клубы поддержки Линкольна. «Знаете ли Вы, что здесь всерьёз говорят о Вашем президентстве — ну, как минимум вице-президентстве?»^{325} — писал Линкольну один из его пламенных сторонников.

На ежегодной сельскохозяйственной ярмарке в штате Висконсин (к северу от Иллинойса) Линкольн поднял вопрос о труде и капитале, всё больше овладевавший умами в Европе и Америке. К тому же он полемизировал с теми апологетами рабовладения, которые воспевали «социальную защищённость» рабов по сравнению с «никому не нужными» северными «рабами за зарплату». Главная ошибка южан, говорил Линкольн, в том, что они считают положение наёмного рабочего пожизненно неизменным — таким же, как положение раба или старой слепой лошади, обречённой вечно вращать мельничное колесо. Но только слепая лошадь не видит ничего вокруг!

Свободный труд свободных людей отличается высокая социальная и экономическая мобильность. По мнению Линкольна, сложившемуся на основании его собственного опыта и опыта многих его друзей и знакомых, постоянного класса наёмных рабочих в Америке не существует. Он сам был наёмным рабочим, трудился за 12 долларов в месяц, но система свободного труда тем и хороша, что каждый может при желании выбиться в люди. Тот, чей капитал вначале составляют только крепкие руки, сам выбирает и работу, и такого работодателя, который будет платить достойную зарплату. «Вчерашний наёмный рабочий сегодня обзаводится сбережениями, а завтра сам нанимает кого-то на работу». Благодаря системе свободного труда человек бедный, но предприимчивый, честный и целеустремлённый имеет все шансы подняться. Тот же, кто остаётся наёмным рабочим, либо любит зависеть от других, либо нерадив, либо невезуч; но и для него дверь всегда остаётся открытой.

Здесь, объяснял Линкольн, кроется причина ненависти свободных людей к рабовладению: «Рабство лишено надежды». Раб на Юге обречён оставаться рабом и не имеет даже права на хлеб, заработанный в

поте лица своего. Это значит, что рабство не только перечёркивает идеалы Декларации независимости, но и нарушает важнейшие принципы республиканской идеологии: взаимопомощи, социальной мобильности, экономической независимости. А ведь именно эти принципы позволяют республиканцам надеяться на великую Америку будущего: страну процветающих ферм, кипящих деловой активностью городов и селений, страну «сделавших самих себя» аграриев, механиков, торговцев, подающих пример и дающих работу стремящимся к самосовершенствованию наёмным рабочим... Страну, в которой нет места рабству, кастовости и деспотизму^{326}.

В октябре созрели первые плоды политической активности республиканцев. 14 октября они победили на местных выборах в Огайо, Айове, Индиане, Миннесоте и Пенсильвании. Линкольн как один из «виновников» этой победы (он участвовал в кампании в первых трёх штатах) принимал поздравления. На следующий день спрингфилдская газета сообщала: «Мистер Линкольн, «укротитель гигантов», вернулся с судебного заседания в графстве Де Витт на вечернем поезде. Как только стало известно, что он в городе, несколько сотен республиканцев и духовой оркестр составили целую процессию, чтобы сопровождать его». Линкольну пришлось проследовать с процессией до Капитолия и выступить с небольшой приветственной речью^{327}.

Радость республиканцев была недолгой: почти сразу после выборов по престижу партии был нанесён сильнейший удар. 17 октября по стране разнеслась весть о нападении отряда аболиционистов (22 человека, в том числе пятеро чернокожих) на федеральный арсенал в городке Харперс-Ферри, штат Вирджиния. Командир отряда, один из активных участников «кровопускания в Канзасе» Джон Браун, надеялся таким образом поднять восстание рабов, которые, как он

думал, начнут массово стекаться к нему со всех сторон. Результат оказался плачевным: погибли невинные люди (первой жертвой пал негр-носильщик на станции); боевиков Брауна, прикрывшихся заложниками, частично перебили, частично загнали в пожарное депо, которое вскоре взяли штурмом прибывшие солдаты морской пехоты под командованием полковника Роберта Ли. Никакого восстания рабов не случилось. Выжившие бойцы Брауна и он сам, раненый, предстали перед судом.

Радикалы на Севере считали Джона Брауна мучеником великой идеи, благодаря которому «виселица станет таким же священным символом, как крест». Рабовладельцы Юга видели в нём посланца «чёрных республиканцев», составивших заговор с целью искоренения «южной цивилизации» с её «самобытным институтом» — так «политкорректно» было принято назвать рабство. Пока шёл судебный процесс (в вину Брауну вменялись заговор, вооружённый мятеж и убийства), пока Браун ждал исполнения приговора — «повешения за шею до наступления смерти», трещина между Севером и Югом становилась всё заметнее. Усиливалась агитация северных аболиционистов, указывающих на Джона Брауна как на пример деятельного следования высоким принципам («Когда он жил, то делал жизнь прекрасной, / А умирая, смерть обожествил», — отозвалась писательница-аболиционистка Луиза Мэй Олкотт). Южане со страхом ждали новых, ещё более страшных нападений вследствие аболиционистской агитации и пропаганды. В Вашингтоне конгрессмены-южане обвинили во всём конгрессменов-республиканцев, лидеров партии и — возможно по случайности — самых вероятных кандидатов в президенты (Линкольн в их число не попал). Сенатор от штата Миссисипи Джефферсон Дэвис заявлял с высокой трибуны, что раз уж Союз штатов не

может защитить Юг и его «собственность», настала пора этот союз разорвать и самим позаботиться о собственной безопасности, «даже если это ввергнет нас в море крови»^[328].

Дуглас и демократы не преминули включиться в травлю республиканцев, объявив, что события в Харперс-Ферри — «естественное» и «логическое» последствие учения и агитации их соперников. Одна из демократических газет Огайо прямо утверждала, что виноват не сумасшедший старик Браун — он лишь орудие, — а та партия, что убедила его поднять оружие ради претворения в жизнь своих политических схем. В этой партии и надо искать тех, кто должен отвечать перед страной за страшные события в Вирджинии. Республиканцы из всех сил стремились отмежеваться от Джона Брауна (на вопрос: «К какой партии принадлежите?» — тот ответил: «К партии Господа нашего»), утверждали, что он лишь фанатик-одиночка, которого никто не толкал на нападение^[28], что партия всегда проповедовала невмешательство в дела рабовладельцев на территории южных штатов. Один темпераментный редактор чикагской газеты писал Линкольну: «Какой чертовски страшный удар по моральному авторитету Республиканской партии нанесло фиаско Брауна! Старый идиот! Чем быстрее его повесят, чем быстрее от него избавятся, тем лучше».

Информационную войну выиграли противники республиканцев. Как заметил историк Стивен Оутс, южане пришли к выводу, что «чёрные республиканцы» запланировали повсеместные восстания рабов, чтобы затопить Юг кровью и потом задавить машиной («Джаггернаutom»^[29]) Севера. С того времени «Республиканская партия и Джон Браун сжимали сознание южан единым стальным кольцом»^[329]. Возможного президента-республиканца выставляли на Юге как грядущего Джона Брауна федерального

масштаба, получившего ещё и командование армией и флотом.

В день, когда террорист-мученик отправился к месту казни (сидя на собственном гробу и озирая голубые силуэты гор: «Какая прекрасная страна!»), Авраам Линкольн выступал в кругу республиканцев будущего штата Канзас. После нескольких лет «гражданской войны в миниатюре» здесь, несмотря на противодействие президентской администрации, взяли верх фрисойлеры. В их кругу Линкольн не мог не затронуть злободневной темы, взволновавшей всю страну. Он считал «дело при Харперс-Ферри» ошибкой по двум причинам: во-первых, оно было противозаконно; во-вторых, оказалось совершенно бесполезным для искоренения великого зла рабовладения. Да, Джон Браун показал пример редкого мужества и самопожертвования, но он совершил государственную измену. Ничто не может оправдать его действий: против рабства нужно бороться на избирательных участках. Север не может оспаривать приговор Брауну, ибо оппозиция рабству не может служить оправданием насилия, кровопролития и мятежа, а ощущение собственной правоты не может избавить от наказания. Тем не менее апологеты рабовладения должны извлечь из случившегося урок: если они после выбора республиканского президента попытаются нарушить закон, совершить государственную измену и разрушить Союз штатов, «нашим долгом будет поступить с ними так же, как они поступили с Джоном Брауном»^{330}.

Очевидцы вспоминали, что разговор с Линкольном зимним вечером в Ливенворсе так захватил собравшихся, что никто не подумал расходиться даже после того, как кончились дрова для согревавшей комнату печки^{331}...

Время неожиданно уплотнилось настолько, что Линкольн стал отказываться от части адвокатской

практики, от перспективных клиентов^[30], от некогда тщательно разработанных просветительских лекций «Об открытиях и изобретениях», от приглашения Спида погостить в Кентукки. Он отклонял даже некоторые предложения выступить на политические темы. Но было одно, отказаться от которого он не мог. Телеграмма из Нью-Йорка, дожидавшаяся его дома на вершине внушительной стопки накопившейся за время поездок корреспонденции, свидетельствовала о признании со стороны поднаторевшего в политических делах Северо-Востока: «Ув. А. Линкольн. Не согласились бы Вы выступить в церкви мистера Бичера (Бруклин) примерно 29 ноября? Тема на Ваше усмотрение. Гонорар 200 долларов»^{332}.

Дело было не в гонораре, хотя 200 долларов в то время были ощутимой суммой^[31]. Куда ценнее был приобретаемый политический капитал, огромное расширение аудитории: периодическая печать Нью-Йорка с её невиданными тиражами делала город «столицей общественного мнения». К тому же церковь мистера Бичера считалась «главным вокзалом подземной железной дороги», оплотом борьбы с рабовладением; выступление там было делом престижа (сестра Генри Бичера, Гарриет Бичер-Стоу, была автором нашумевшей «Хижина дяди Тома»).

У нью-йоркских политиков, организовавших приглашение, были свои расчёты: кому-то продвижение политика с Запада позволяло привлечь дополнительные голоса отвернувшегося от северян Юга; кто-то планировал приуменьшить престиж сенатора Уильяма Сьюарда — самого видного нью-йоркского республиканца, уверенного, что он является будущим президентом США. Кто-то прочил Линкольна в вице-президенты... Но сам Линкольн не просчитывал в тот момент такие сложные комбинации. Он обрадовался представившейся возможности: когда он вбежал в свой

офис, размахивая телеграммой из Нью-Йорка, Херндон был потрясён, насколько доволен и на редкость весел его старший партнёр.

У Линкольна была ещё одна веская причина поехать на восточное побережье. Авраам и Мэри очень скучали по старшему сыну Роберту, отправившемуся туда получать «настоящее» высшее образование. То, что на Западе это было пока невозможно, доказал сам Роберт, прилично подготовленный по спрингфилдским меркам. На экзаменах в Гарвард он успешно сдал только один экзамен из шестнадцати и поступил в Академию Филиппса в Эксетере, штат Нью-Гэмпшир, где «добирал» знания для нового штурма университетских вершин. Мэри писала своему первенцу такие длинные письма, что перед другими корреспондентами ей приходилось извиняться, что пишет им коротко — не остаётся времени.

Организаторы были настолько заинтересованы в приезде Линкольна в Нью-Йорк, что согласились и с тем, что выступление будет политическим, и с его переносом с ноября на февраль. Оставшиеся месяцы Авраам использовал для кропотливой исследовательской работы: он снова подолгу пропадал в библиотеке штата, листая пыльные подшивки официальной правительственной периодики вроде «Летописей Конгресса», накапливая выписки из старого многотомного издания «Дебаты о федеральной Конституции», делая наброски и исправляя черновики. Перед слушателями должен был предстать мыслящий политик, а не заезжий провинциальный куплетист.

Словно подгадав к отъезду Линкольна, именно в конце февраля наиболее влиятельная республиканская газета Иллинойса публично объявила его кандидатом на партийное выдвижение на высшую должность США. Уже не возможным, а вполне реальным участником президентской гонки Авраам отправился в путь. 25

февраля 1860 года, после трёх дней железнодорожного путешествия, шести пересадок (в том числе ночных) и паромной переправы через кишасий судами Гудзон, самый известный республиканец Иллинойса ступил на Манхэттен.

Ступил, чтобы узнать, что его выступление перенесено из церкви Бичера в новый светский «храм знаний» — в Купер-институт. В результате весь оставшийся день он избегал посетителей и приглашений, переделывая речь, ибо, как сам объяснял, «то, что приготовлено для прихожан, может не подойти для политически разношёрстной светской публики». Воскресным утром 26 февраля Линкольн уговорил сопровождавших его членов комитета всё-таки сходить с ним в церковь Бичера («Я ведь обещал Мэри там побывать!»). Однако когда проповедник объявил публике, какой знаменитый гость присутствует на службе, и к Линкольну выстроилась очередь из сотен желающих пожать ему руку, ему пришлось шепнуть сопровождающему: «Пожалуй, хватит с нас этого шоу. Готов следовать за вами»...

В день выступления Авраам сначала отправился посмотреть Нью-Йорк, прошёл по Бродвею, купил себе новый цилиндр, заглянул в «Галерею фотографий и амбротипий» признанного мастера Мэтью Брэди, автора «Галереи знаменитых американцев». В витринах красовались портреты «звёзд» конца 1850-х годов, в том числе сенаторов Дугласа и Сьюарда, которых чаще других прочили в президенты. Брэди охотно взялся за создание фотопортрета Линкольна. Он долго хлопотал над позой Авраама, поправлял его одежду, укрощал жёсткие непослушные волосы, прикрывал ими большие уши, поднимал воротник, пряча слишком длинную шею... Потом ретушировал портрет, смягчая резкие линии морщин, убирая тёмные круги под глазами, корректируя положение левого зрачка...

Благодаря фотохудожнику Брэди Авраама Линкольна вскоре увидят большинство избирателей: высокий подтянутый пятидесятилетний мужчина в плотном чёрном костюме-тройке, белой рубашке с чёрным галстуком. Безбородый, с густыми волосами, с родинкой на правой щеке. Взгляд строгий и внимательный. Левая рука лежит на стопке явно учёных книг... В общем, просвещённый и уверенный в себе государственный муж.

На самом деле оригинал не вполне соответствовал портрету — полной уверенности в себе у Линкольна не было. Он волновался так, словно не произнёс за последние пять лет более полутора сотен политических речей. Новый сто долларовый костюм сильно помялся в чемодане, новые ботинки неимоверно жали... Реальный Линкольн, вышедший в восемь вечера на чугунный подиум Купер-института, ещё должен был завоевать искушённую нью-йоркскую публику.

Член оргкомитета мероприятия, известный издатель Джордж Путнам привёл шестнадцатилетнего сына и усадил его в уголок у краешка сцены. Путнам-младший впервые стал свидетелем выступления такого известного политика, поэтому его образ врезался в память юноши весьма отчётливо. Первое впечатление было близко к разочарованию:

«Сначала ничто не противоречило ожиданиям, рисующим образ человека с Запада: чудного, грубого, неотёсанного. Длинная нескладная фигура, с которой свисала одежда хоть и новая, явно специально сшитая для этой поездки, но сработанная неискусным портным. Крупные ступни, нескладные руки, с которыми, по крайней мере поначалу, оратор не знал, как совладать; вытянутая угловатая голова, с нахлобученной сверху копной волос, которую, казалось, особо не причёсывали, — всё создавало картинку, никак не соответствующую нью-йоркским представлениям об

истинном государственном деятеле. Вот зазвучал голос — и он поначалу показался неприятным для уха — грубоватый, срывающийся вверх. <...>

Но по мере развития речи оратор, похоже, взял себя в руки, голос его нашёл естественный и гармоничный тон, жесты сделались уместными и выразительными, а слушатели попали под влияние пронзительного взгляда говорившего и его искренней преданности тем принципам, которые стояли за произносимыми словами. В речи не было грубого примитивизма, пересыпанного более-менее подходящими анекдотами и остротами. Более того, вместо отвлечённого морализаторства, пышущего пламенным протестом против надменного Юга, ньюйоркцы услышали спокойные, уверенные и логически выверенные рассуждения о том, на чём должны основываться их действия как граждан. Вдруг стало понятно, что этот человек с Запада действительно разбирается в истории страны, в её Конституции, что он серьёзно исследовал проблемы, вставшие в связи с рабовладением; что он понимает и уважает права своих политических противников и при этом не хуже понимает права тех, чьи взгляды призван выразить...»[\[333\]](#).

Это не было единичное мнение молодого человека. Из многих воспоминаний видно, что выступление покорило и более зрелых и опытных слушателей. Будущий известный политик, в ту пору 25-летний Джозеф Чоат вспоминал: «Он заговорил — и преобразился в наших глазах. Его взгляд светился, его голос звенел, его лицо сияло и, казалось, освещало электрическим светом весь зал. Больше часа он держал аудиторию в своей пригоршне. При этом и стиль, и манера речи были просты и строги — сродни простоте хорошо знакомой ему Библии. Без притязаний на стилистические узоры и риторические фигуры, без намерения покрасоваться он говорил строго по делу. Удивительно было наблюдать, как этот не получивший

формального образования человек путём самодисциплины и обуздания духа возвысился над всеми искусствами нарочитого украшения речи и отыскал собственный путь к величию — через ясность и простоту»^{334}.

За внешней простотой стояла долгая работа. Недаром Авраам постоянно держал перед собой синие листы с текстом: он не произносил экспромт — он исполнял произведение ораторского искусства, настоящий публицистический триптих.

Сначала было обращение к прошлому, к авторитету отцов-основателей, за наследие которых Линкольн столько сражался — с Дугласом и демократами. Слушателям были продемонстрированы итоги серьёзного исторического исследования, из которых было ясно видно, что великие предки предусмотрели право федерального правительства ограничивать распространение рабовладения и, таким образом, определять судьбу страны. Громкая риторическая фраза Дугласа, что отцы республики понимали вопросы управления страной «как мы и даже лучше нашего», была в итоге повернута против него.

Затем Линкольн обратился к Югу («если бы они ко мне прислушались — хотя я в это и не верю») с просьбой о терпении, взаимопонимании, миролюбии, без которых произойдёт распад Союза — ценнейшего завоевания революции, вина за который ляжет на нетерпимый Юг, а не на сдержанный Север (особенно если страну возглавят такие умеренные политики, как Линкольн). Шантаж со стороны рабовладельцев — мол, если победят республиканцы, они и будут виноваты в развале Союза — Линкольн уподобил словам грабителя, приставившего пистолет к голове путника и говорящего: «Стой смирно и раскошеливайся, иначе станешь убийцей, потому что я тебя убью»: «Угрозу расправой для вымогания денег и угрозу развалом США для

вымогания голосов едва ли можно отличить друг от друга».

После этого оратор заговорил с соратниками, попросив их проявлять терпимость к южанам, уступать им, где это позволяют долг и трезвый взгляд. В южных штатах рабовладение выросло из общегосударственной традиции и его нужно оставить в покое. «Как можем мы винить их за желание распространить то, что они считают правильным?!» — восклицал Линкольн, но тут же определял границу уступчивости: «Но как можем и мы сами сдаться тому, что считаем злом? Как можем мы голосовать за них и против себя? Как можем мы сделать такое, помня о наших моральной, социальной и политической обязанностях?» Уступки не могут быть бесконечными, уступки не могут быть односторонними.

Речь длилась уже больше часа, но голос Линкольна не ослабевал, звучал всё чётче и решительнее: «Считая рабство злом, мы всё-таки можем оставить ему статус-кво, ибо оно уже существует, уже находится среди нас; но можем ли мы, противостоя ему, в то же самое время позволить ему распространиться на свободные земли и проникнуть к нам сюда, в свободные штаты? Да не обманет нас ни один софизм, которыми нас так усердно засыпают и бьют: все эти попытки найти общую почву между верным и неверным, столь же бесплодные, как поиск живых мертвецов, все эти требования политики «наплевательства», призывы к подлинным сторонникам Союза сдаться его противникам, извращающим божественный закон; все эти попытки заставить каяться праведников, а не грешников; все эти заклинания, призывающие народ позабыть то, что говорил Джордж Вашингтон, и переделать то, что он сделал».

И вот прозвучали заключительные слова: «Да не покинет нас вера в то, что вся сила в правде, и с этой верой мы до конца исполним свой долг — так, как мы его понимаем!» [{335}](#).

Повисла пауза, а потом весь зал вскочил на ноги и устроил шумную овацию; мужчины махали шляпами, женщины — носовыми платками. Перекрывая незатихающий гул, председатель оргкомитета провозгласил, что теперь у Республиканской партии три знаменосца, ведущие её на штурм президентских вершин: вровень с двумя знаменитостями, сенатором Сьюардом и экс-губернатором Огайо Чейзом, теперь встаёт ранее «безвестный рыцарь из Иллинойса». У сцены выстроилась очередь — поздравить Линкольна с успехом, пожать ему руку.

Слушатели разошлись, ни капли не жалея о 25 центах, потраченных на билет. Для Линкольна же работа после произнесения речи не окончилась. Ботинки жали так сильно, что он попросил нанять кэб и отправился в редакцию одной из самых влиятельных газет. Там он надел очки и долго вычитывал подготовленный к публикации текст.

Наутро весь Нью-Йорк знал о выдающемся выступлении в Купер-институте, а потом о нём заговорила вся Новая Англия: общий тираж только первых утренних газет составлял 170 тысяч экземпляров, а от него пошла цепная реакция воспроизведения речи в местных газетах, в брошюрах и отдельных оттисках (оптовая цена доллар за сотню, восемь долларов за тысячу).

В результате поездка к сыну в колледж превратилась в политический вояж с массой выступлений — 12 речей за 13 дней. Авраам признался в письме Мэри: «Теперь мне не отвертеться. Знал бы заранее, ни за что не поехал бы на Восток. Речь в Нью-Йорке, к которой я готовился, не доставила мне проблем и прошла успешно. Проблемы начались, когда оказалось, что мне нужно произнести ещё девять, перед аудиторией, читающей прессу и уже знающей из неё все мои идеи»^{336}.

Он искал новые варианты, включил в текст рассуждения о рабочем и его праве на забастовку, перешёл на более приземлённый митинговый стиль, в речи 6 марта добавил новый образ — сравнил рабовладение с гремучей змеей: «Её не так-то просто убить, если она забралась в постель, где спят твои дети: если резко ударить палкой, можно либо покалечить детей, либо спровоцировать змею на смертельный укус. Если змея забралась в постель к детям соседа, а с соседом существует договорённость, что каждый сам решает, что делать в таком случае, то пусть сосед разбирается сам. Это и есть ситуация с южными штатами. Но если новая кровать только установлена и постель застелена, и вы намереваетесь уложить там своих детей на ночь, а вам предлагают взять выводок молодых змей и положить их рядом с детьми... Это и есть ситуация с новыми территориями на Западе, и ни один разумный человек не будет задаваться вопросом, соглашаться или нет»^{337}.

Двенадцать речей — и единственное свободное воскресенье, которое Авраам провёл с сыном. Они ходили в церковь, гуляли, общались с друзьями Роберта, один из них принёс банджо и довольно неплохо играл («Роберт, ты тоже должен обзавестись такой штукой!»).

Авраам Линкольн остался в памяти будущего профессора Маршалла Сноу безбородым «отцом Боба», выступавшим в городском зале заседаний 3 марта 1859 года. Поначалу, когда этот длинный дядька в чёрном пальто забрался на сцену и уселся, обвив ногами ножки стула, одноклассник Роберта шепнул соседке: «Как-то неловко за Боба...» В ответ последовало: «Да, обидно, что у него такой неприглядный отец...» Но потом, когда высокий гость поднялся, выпрямился, как стрела, и начал говорить, блестяще образованная аудитория университетского города была захвачена выступлением, хотя оно во многом повторяло знакомую по газетам речь

в институте Купера. Потом, после шквала аплодисментов, студенты побежали к сцене — пожать руку «отцу Боба» и искренне признаться, что они почитают за честь с ним познакомиться^{338}.

Восторженные встречи, а затем ещё более восторженные проводы ждали Линкольна по всей Новой Англии. В Вунсокете, Норвиче и Бриджпорте ему устраивали овации. В Нью-Хейвене провожали с оркестром. В Меридене, штат Коннектикут, организовали факельное шествие молодёжной республиканской организации «Бдящие» (*Wide Awake*) — новой полувоенной структуры, охраняющей и освещающей факелами вечерние митинги.

Дома, в Спрингфилде, председатель местного клуба республиканцев встречал Линкольна выпренной приветственной речью: «Немалое число жителей нашего графства выразило желание видеть вас кандидатом от Республиканской партии на пост президента... Вас, сэр, окружают те, кто стал свидетелем вашего восхождения от неизвестности к признанию, те, кто знает, каких сил вам это стоило. В нашей истории немало примеров, чего можно достичь сочетанием умения, настойчивости и порядочности, но во всём списке тех, кто поднялся из более чем скромных жизненных условий на заслуженные вершины признания, нет ни одного имени выше, чем имя Авраама Линкольна!»^{339}

Через некоторое время на вопрос сенатора Трамбла о том, как Линкольн чувствует себя в роли кандидата на пост президента, Авраам честно ответил: «Понемногу вхожу во вкус...»^{340}.

КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ

— Мне сообщили, что среди нас присутствует уважаемый гражданин Иллинойса, один из тех, кем Иллинойс будет гордиться всегда. Позвольте пригласить его занять почётное место на сцене...

Представитель оргкомитета выдержал паузу, и три тысячи зрителей и делегатов съезда республиканцев штата, плотно забивших рассчитанный на 900 человек «Вигвам» (временную конструкцию, возведённую специально для примечательного события), обернулись к задним рядам, откуда поднялся и попытался пробраться вперёд долговязый...

...Авраам Линкольн! — и вслед за этими словами зал взорвался радостными криками. Линкольна подхватили, подняли над густой толпой и стали передавать вперёд над головами, пока полдюжины депутатов не поставили «уважаемого гражданина» на сцену. Корреспондент запомнил овации, напоминающие рёв морского шторма, и шляпы, «летевшие вверх так интенсивно, что в качестве шляп их больше нельзя было использовать». Прежде чем продолжить работу съезда, тот же представитель оргкомитета снова попросил слова: «Позвольте одному старому местному демократу сделать съезду свой подарок». Толпа благодушно воскликнула: «Принимаем!» — и сзади по проходу двинулось к сцене удивительное сооружение из двух мощных, хотя и потемневших от времени брусьев от знакомой всем фермерской ограды. Между ними был натянут большой плакат:

АВРААМ ЛИНКОЛЬН
КАНДИДАТ ОТ ОГРАД.

Под слоганом было пояснение, что эти два бруса — из тех трёх тысяч, что накололи в 1830 году для

изгородей «Том Хэнкс и Эйб Линкольн, чей отец был первопроходцем графства Мейсон». Неважно, что Хэнкса звали Джон, а отец Линкольна не был «первопроходцем графства Мейсон». Главное — этот перформанс так наэлектризовал и без того восторженную толпу, что она разразилась возгласами «Лин-кольн! Линкольн!», от которых упала в зал часть потолка. Кандидат в кандидаты встал для ответной реплики. Он пощупал брусья и подтвердил, что в своё время наколот немало подобных и, пожалуй, даже получше...

Конструкцию эту соорудил кузен Линкольна, потрёпанный жизнью Джон Хэнкс, действительно бывший демократ. Он воспользовался тем, что съезд проходил в том самом Декейтере, через который в 1830 году прошла и остановилась неподалёку перебравшаяся в Иллинойс семья Линкольн. Хэнкс отыскал изгороди тридцатилетней давности и приволок осязаемые свидетельства того, что кандидат Эйб — свой, человек из народа, начинавший с привычного фермерского труда и выбившийся в люди. При помощи двух старых брусьев республиканцы устроили настоящее шоу, затмив попытки некоторых делегатов поддержать кандидатуры известных, но «чужих» республиканцев вроде Сьюарда.

Линкольн в зрелом возрасте не любил прозвище Эйб и не очень радовался, когда ему напоминали о тех давних временах, когда оно было получено. Он бежал от чисто физического труда, вырывался из глубинки изо всех сил: перебрался в город, освоил «интеллигентные» профессии, женился на девушке из семьи «аристократов Юга», заседал в Конгрессе и сражался за место в сенате... Кроме того, Авраам не любил постановочных театральных эффектов на съездах, но тем не менее смирился — они были в русле политической традиции. Линкольн сам приложил усилия для победы в 1840 году президента Гаррисона, избиравшегося под лозунгом «Бревенчатая хижина и домашний сидр», а потом и для

победы в 1848-м президента Тейлора, шедшего на выборы под лозунгом «Грубо, но эффективно». Наконец, это вписывалось в республиканские идеалы социальной мобильности, «свободной земли, свободного труда и свободных людей».

На следующий день съезд принимал резолюцию. Делегаты постановили, «что Иллинойс выбирает кандидатом в президенты Авраама Линкольна и что делегаты на Чикагский съезд обязаны сделать всё возможное для его номинации, а также голосовать за него все как один». Когда одинокий сторонник Сьюарда попробовал возразить, председатель решительно осадил его: «Да неужто вы настолько слепы и глухи, что не видите и не слышите, что наш съезд буквально сидит на вулкане энтузиазма в пользу Линкольна, что он только что извергнул троекратное «ура!» в его честь?» Резолюция была принята.

Это означало, что на съезде в Чикаго Линкольту будут гарантированы 22 голоса. Чтобы понять, что значили эти голоса, нужно иметь в виду, что претенденты Чейз, Бейтс и Кэмерон обеспечили себе примерно по 50 голосов, а массовая поддержка Сьюарда в густонаселённом Нью-Йорке и в целом на востоке страны сразу гарантировала ему 150 голосов.

Место проведения съезда Республиканской партии было определено задолго до Декейтера и до официального объявления о выдвижении Линкольна в число кандидатов. Норман Джудд ещё в декабре 1859 года предложил Чикаго (Иллинойс) в качестве «нейтральной» территории, одинаково благосклонной ко всем основным претендентам (ловкое слово «основным» — Линкольна к их числу тогда не относили). Идея была воспринята как разумная. За оставшееся время тот же Джудд убедил руководство железных дорог Иллинойса устроить огромные скидки на билеты в Чикаго, что значительно облегчало приток в город многочисленных

групп поддержки «кандидата от оград». К новому городу-гиганту (110 тысяч жителей) сходилось 15 железных дорог, его силуэт складывался из шпилей пятидесяти шести церквей и громад элеваторов. Чикагцы очень гордились наличием восьми десятков бальных залов и, возможно, не меньше гордились тысячей салунов и винных лавочек. Но даже большой город разбух от неимоверного числа гостей и делегатов, которые собрались здесь ради республиканского съезда, начинавшегося в среду 16 мая 1860 года. Специально для этого события был возведён свой «Вигвам»: деревянный, двухэтажный, расцвеченный флагами и баннерами, похожий на гигантский амбар с башенками по углам. Он был рассчитан на 12 тысяч человек, однако быстро стало ясно, что мест всем не хватит.

Гости съезжались целыми поездами. Только Нью-Йорк прислал две тысячи «болельщиков» за Сьюарда, Пенсильвания отрядила для группы поддержки 1500 человек, ещё сотни и сотни ехали самостоятельно из Новой Англии. Из Иллинойса и Индианы прибыли более десяти тысяч. Дудели и гремели оркестры, двигались туда и обратно бесконечные процессии с флагами и транспарантами, в барах и лобби отелей гудела густо набившаяся публика. Был потерян счёт отдавленным ногам, ушибленным рёбрам и ненароком разбитым носам; для ночёвки заняты даже бильярдные столы^{341}.

По сложившейся традиции сами кандидаты на номинацию в Чикаго не приехали. Общепризнанный фаворит Сьюард, например, ждал дома в штате Нью-Йорк (и даже, говорят, набрасывал письмо об официальном согласии на номинацию). Линкольн оставался в Спрингфилде, хотя и шутил: «Я не слишком кандидат, чтобы оставаться дома, но слишком кандидат, чтобы поехать в Чикаго». На съезде его представляли проверенные друзья во главе с судьёй Дэвидом Дэвисом; в основном юристы, коллеги по Восьмому судебному

округу. Не все они верили в успех своего протее, но работать предполагали честно, тем более что при всей популярности других претендентов не было ни одного, преимущества которого не имели бы оборотной стороны.

Не был исключением и сенатор, бывший губернатор Нью-Йорка Уильям Сьюард, признанный лидер партии, опытный и расчётливый, иногда до цинизма. У него был блестящий политический менеджер, богатый и ловкий манипулятор Тёрлоу Уид, за ним стояла многочисленная делегация Нью-Йорка. Тем не менее за долгую политическую карьеру Сьюард нажил немало врагов и соперников, в том числе из числа бывших друзей и союзников. Среди них был влиятельнейший журналист, мечтающий о карьере политика, Хорас Грили. Его не включили в нью-йоркскую делегацию, но он ловко оказался в Чикаго в качестве представителя далёкого Орегона и агитировал против Сьюарда. Сьюарда считали чересчур радикальным. Он часто говорил о «неразрешимом конфликте» между Севером и Югом, о существовании «высшего закона», стоящего над Конституцией США, что многие трактовали как неуважение к основному закону страны и претензию на то, чтобы самому решать, что значит этот «высший закон». Радикализм Сьюарда, даже при всех его попытках в последние перед съездом месяцы казаться более умеренным, мог привести партию к поражению на выборах в нескольких ключевых штатах, таких как Пенсильвания и Индиана. О той же проблеме говорили представители Иллинойса и Нью-Джерси. Выборы 1856 года показали, что победа республиканцев зависит от успеха в четырёх упомянутых штатах, а противники Сьюарда упирали на то, что он не добьётся успеха ни в одном из них.

По этой же причине проблематичны были шансы Салмона Чейза из Огайо, тоже сенатора и дважды губернатора своего штата, тоже излишне радикального.

Умеренный до консерватизма Эдвард Бейтс из штата Миссури был слишком тесно связан с движением против иммигрантов («незнайками»), чем вывел из себя недавних выходцев из Европы, особенно из Германии. Саймон Кэмерон из Пенсильвании имел противников даже в делегации своего штата и к тому же заработал сомнительную репутацию — многие говорили о его коррупционности. С точки зрения Линкольна неплохим кандидатом был бы Джон Маклин, один из двух членов Верховного суда, голосовавших против решения по делу Дреда Скотта, но теперь, в 75 лет, Маклин казался слишком дряхлым.

Линкольн не был фаворитом ни по одному из необходимых для выдвижения критериев. Но даже его сравнительно скромный послужной список в политике мог сыграть ему на руку: он не успел приобрести могущественных врагов.

В одном из писем Линкольн выразил суть стратегии предстоящей предвыборной борьбы: «Моё имя ново для мира большой политики, и, очевидно, поначалу его мало кто поддержит. Вот почему наша задача в том, чтобы избежать нападков на других и этим оставить им возможность перейти на нашу сторону в том случае, если они будут вынуждены отказаться от своей «первой любви». Это оправданно во всех случаях, в том числе тогда, когда нам придётся поддерживать выбранного кандидата»^{342}. Таким образом, стратегия была выработана: ни с кем не ссориться, стать для большинства делегаций «выбором номер два», чтобы по мере отпадения самых безнадёжных претендентов тур за туром подбирать их голоса.

Общим ходом негласных переговоров руководил судья Дэвис. Он отрядил посланцев к делегациям других штатов. К вермонтцам направился их земляк, делегацию штата Мэн посетил уроженец этого «кедрового штата». По той же схеме обрабатывались другие представители

Новой Англии. Конечно, не дремала и делегация Нью-Йорка. За день до открытия съезда ловкий Тёрлоу Уид прислал предложения иллинойсской делегации: если они согласятся выставить Линкольна в качестве вице-президента при Сьюарде, то за это получают 100 тысяч долларов на проведение избирательной кампании в своём штате и соседней Индиане. Однако ловкий судья Дэвис узнал, что похожие предложения получили и другие делегации. Это добавило энергии негласному движению «Остановить Сьюарда»^{343} и увеличило шансы: с теми, кто не хотел голосовать за Линкольна, можно было договориться хотя бы о том, чтобы не поддерживать Сьюарда.

Линкольну ушла телеграмма: «Дела идут, имейте только крепкие нервы и не удивляйтесь никаким результатам. Поверьте, Ваши шансы не хуже других. Мы работаем с делегациями аккуратно, без суеты, обсуждаем детали. Не ожидайте слишком многого, но доверьтесь нашему благоразумию. И снова повторю: держите себя в руках при любом результате».

Результаты были: практически удалось убедить делегатов от Индианы на первом же голосовании отдать за Линкольна свои 26 голосов. Во втором туре можно было рассчитывать на значительное число голосов от Пенсильвании при условии, что у представителя Иллинойса будут шансы на продолжение гонки. Ещё одним важным приёмом была раздача обещаний. И хотя Линкольн прислал из Спрингфилда записку: «Я не одобряю никаких посулов и не буду связан ими в будущем», Дэвис прокомментировал её: «Линкольн далеко, он не знает, с чем тут приходится сталкиваться. Будем двигаться дальше, как будто ничего не слышали, и он потом с нами согласится»^{344}. Кто-то предположил, что записка претендента сделана «на всякий случай», «для протокола» — иначе она слишком сковывала действия его «штаба». И делегатам от Индианы было

предложено место в будущем республиканском правительстве.

В день открытия съезда в «Вигваме» ещё пахло свежеструганой сосной. Тысячи делегатов и гостей набились внутрь, не оставив свободным «ни одного квадратного фута» (делегаты и партийные лидеры сидели в центре, на большой платформе; зрители с билетами — на галереях, зрители без билетов стояли на галёрке у дальней стены гигантского помещения). Вдвое больше народа осталось снаружи. «Сьюардитам» не терпелось начать с голосования, но общим решением первым делом съезд занялся выработкой единой партийной платформы. Днём выборов кандидата стала пятница, 18 мая.

В ночь накануне напряжение достигло предела. Никто не спал. Представители делегаций сновали от штаб-квартиры к штаб-квартире. Решительная борьба шла за голоса пенсильванцев. Тёрлоу Уид сулил им большие деньги «на проведение политической кампании» в случае их голосования за Сьюарда. Ни ему, ни судье Дэвису не удалось уговорить пенсильванцев отдать во втором туре голоса за своего кандидата (первый был отдан «обязательному» Кэмерону), но Дэвис добился поддержки в третьем туре после ещё одного голосования-«комплимента» за престарелого Маклина (если, конечно, Линкольн не сойдёт с дистанции, а Кэмерон получит в его будущем правительстве министерский пост). На ещё одном полуночном совещании Иллинойс заручился поддержкой делегатов от Нью-Джерси.

Особым направлением работы стала «борьба за массы». Учитывая, что на исход голосования может повлиять выражение симпатий и антипатий зрительской толпы, Ламон и Джесси Фелл воспользовались связями с организаторами (пригодился выбор Чикаго в качестве места съезда!) и напечатали дополнительный тираж

входных билетов. Сторонники Линкольна получили их вместе с распоряжением занять места в «Вигваме» как можно раньше: тогда значительная часть клакеров Сьюарда просто не попадёт внутрь. В группу поддержки включили горлопанов; говорили, что один житель Чикаго кричал так, что его было слышно на дальнем берегу озера Мичиган. «Дирижёром» был назначен Фелл: все должны были действовать по взмаху его носового платка.

Утро 18 мая почти сразу началось с номинации претендентов. Объявление имени Сьюарда сопровождалось громкими одобрительными криками («как клич команчей, как рёв пантер»). Но они не шли ни в какое сравнение с тем ураганом оваций, который устроили многочисленные сторонники Линкольна, едва было произнесено его имя и взметнулся платок Фелла. «Поднявшийся шум, — писал один из корреспондентов, — не поддаётся описанию. Представьте, что завизжали в ужасе сразу все свиньи, забитые когда-либо на бойнях Цинциннати, что взревели разом две дюжины самых мощных паровых гудков, — тогда вы сможете получить кое-какое представление о случившемся»^{345}. Десяток остальных номинантов был встречен гораздо скромнее.

Как и ожидалось, в первом туре никто не набрал необходимых для номинации 233 голосов из 465. Лидером предсказуемо стал Сьюард, получивший 173,5 голоса (депутат мог делить голос между двумя кандидатами). Линкольн неожиданно стал вторым со 102 голосами, затем шли Кэмерон (50,5 голоса), Чейз (49), Бейтс (48), Маклин (12). Фримонт, кандидат в президенты 1856 года, получил только один голос. Труды судьи Дэвиса и его команды не пропали даром: программа-минимум — пройти во второй тур с ощутимым числом голосов — была выполнена. Делегация Нью-Йорка имела похоронный вид:

сторонники Сьюарда моментально подсчитали, что по сумме голосов «антисьюардиты» лидируют.

Второй тур должен был показать итоги всех предыдущих переговоров. По мере того как представители делегаций вставали и объявляли, кому они отдадут свои голоса, сторонники Сьюарда мрачнели всё больше. Им удалось заработать только 11 дополнительных голосов, а «линкольниты» прибавили целых 79! Но и второй тур голосования не принёс решающего перевеса: Сьюард по-прежнему лидер (184,5 голоса), совсем близко Линкольн (181), за ним Чейз (42,5) и Бейтс (35).

От напряжения, казалось, загустел воздух. Клерк объявил третий тур голосования. Огромная аудитория притихла; было слышно, как шуршат по бумаге грифели карандашей и стрекочут поодаль телеграфные аппараты... Линкольн остановился в полушаге от номинации — он получил 231,5 голоса из необходимых 233. Но пока не было объявлено официальных результатов, ещё можно было что-то изменить. Сидевший вместе с делегацией из Огайо Джозеф Медилл, эмиссар Дэвиса, наклонился к руководителю делегации Дэвиду Картеру: «Если вы поддержите Линкольна, ваш Чейз может просить всё, что захочет!» Картер среагировал быстро и попросил слова. Все уже догадывались, зачем.

Этот большой угловатый человек поднялся с места и громко, хотя и заикаясь, произнёс: «Г-господин председатель! Я объявляю, что Огайо п-передает четыре голоса от ми-мистера Чейза мистеру Ли-Линкольну».

На мгновение повисла пауза, а потом Феллу даже не пришлось махать белым платком — так дружно и громко заревели многочисленные зрители. Люди танцевали, махали тростями, а если не хватало места, подпрыгивали. Шляпы летали над головами, «как рои

ос». Делегация Иллинойса вскочила на лавки. Делегация Нью-Йорка сидела с видом бледных мраморных статуй; у некоторых текли слёзы. С крыши «Вигвама» бабахнула сигнальная пушка, и в зале запахло порохом; с реки и с озера загудели пароходы, зазвенели колокола всех городских церквей, завывали заводские гудки... В общем шуме несколько делегаций поспешили также переменить голоса в пользу победителя; он набрал 354 голоса. А потом и приунывшие представители Нью-Йорка попросили отдать триумфатору все голоса Сьюарда, чтобы партийное решение было объявлено единогласным!{346}.

Линкольн ждал новостей в офисе спрингфилдской республиканской газеты. Туда ворвался, размахивая телеграммой, сияющий редактор и прокричал: «Трижды ура Аврааму Линкольну, следующему президенту Соединённых Штатов!» Линкольн выслушал троекратное «ура!», заглянул в телеграмму, выдержал шквал рукопожатий и сказал: «Мне надо домой; там ждёт одна маленькая женщина, которой эта новость интереснее, чем мне».

Вечером восторженные толпы, нагудевшиеся на улицах Спрингфилда и уже порядком «ратифицировавшие» номинацию, отправились к ставшему знаменитым дому на углу Восьмой и Джексон-стрит и устроили его обитателям то, что тогда называлось «серенадой» — пение и приветственные возгласы под окном знаменитости. Линкольн не мог не выйти и не сказать собравшимся нескольких прочувствованных слов. К кандидату в президенты направились многочисленные желающие пожать ему руку, и он пригласил их в дом, извинившись, что тот слишком скромно для такого события. Кто-то воскликнул: «Ничего! В будущем марте мы переселим тебя в домик побольше!»

На следующий день руку Линкольна буквально сводило от бесконечных рукопожатий. Дом был переполнен друзьями и знакомыми, из Чикаго прибыла делегация Республиканской партии — официально уведомить Линкольна, что он выдвинут кандидатом в президенты и что в вице-президенты номинирован Ганнибал Гэмлин из штата Мэн (для сохранения политического и географического баланса в пару к бывшему вигу с Запада выбрали кандидата из бывших демократов с Востока). Известный скульптор Леонард Волк терпеливо дожидался своего часа, чтобы начать увековечивать новую знаменитость. Потянулись за подробностями журналисты.

Пришла пора новых забот. Авраам засел за изучение принятой на съезде партийной платформы. Программа была составлена так, что выглядела привлекательно для самых разных социальных групп. В уступку консерваторам республиканцы смягчили формулировку пункта против распространения рабовладения на Территориях США: в программе 1856 года они собирались «безусловно обязать Конгресс» не пускать рабовладение на Территории, а в программе 1860-го — только запретить Конгрессу и местным законодательным органам разрешать рабовладение на Территориях. Для тех, кто собирался трудиться на собственной земле, планировалось провести особый закон — «Акт о гомстедах», позволяющий любому гражданину США приобретать за весьма умеренную цену участок принадлежавшей государству земли для её обработки. Желанное для Юга возобновление работорговли объявлялось преступлением (рабов тысячами ввозили контрабандой), однако право каждого штата на свои «самобытные институты» (Читай: право Юга на рабовладение) подтверждалось. Территорию Канзас предлагалось поскорее принять в Союз в качестве свободного штата. Ещё один волнующий всех

вопрос — о таможенных пошлинах — предлагалось решить в пользу сдержанно протекционистского тарифа. Это было на руку промышленникам Севера, однако «умеренность» позволяла успокоить и экспортёров сырья с Юга. Сам Линкольн ранее выступал за «умеренный, тщательно выверенный протекционистский тариф», который бы не стал «постоянным предметом политических склок, споров, неопределённостей и перемен», ведь именно из-за таможенных тарифов в 1832 году была предпринята первая серьёзная попытка южных штатов покинуть Союз. Иммигрантов должны были привлечь предложения не ограничивать въезд в страну и гарантировать приехавшим получение гражданства.

Линкольну как «старому вигу» было приятно увидеть специальные пункты о необходимых Северо-Западу «внутренних улучшениях», за которые он сражался ещё в начале своей политической карьеры. Помимо обустройства речных русел и берегов для навигации (где ты, гудок парохода «Талисман»?) предполагались организация регулярного почтового сообщения от океана до океана и, главное, строительство трансконтинентальной железной дороги. Это было принципиальное отличие от идей демократов, придерживавшихся в делах экономики принципа приоритета частной инициативы над государственным вмешательством.

Из программы партии было совершенно понятно, что её кандидат будет бороться за высший пост только от имени «свободной», нерабовладельческой части страны. Это вовсе не лишало его шансов. Очень много зависело от того, как пройдёт выдвижение главного конкурента, кандидата от правящей Демократической партии, которым, судя по всему, должен был стать сенатор Стивен Дуглас.

Сенатор был не на шутку обеспокоен. Раскол в Демократической партии был особенно заметен на фоне единства республиканцев. Как когда-то виги, демократы оказались разобщены проблемой рабовладения. К тому же Дуглас нажил себе врагов в лице президента Бьюкенена и его сторонников-«буканиров»: ему не могли простить противодействия проюжной «лекомптоновской конституции» для Канзаса. Более того, «фрипортская доктрина», обеспечившая Дугласу победу в недавней борьбе за место в сенате, теперь стала работать против своего автора. Как говорил один сенатор из Индианы: «Эту группу людей, именующих себя «антилекомптоновские демократы», я считаю и буду считать аболиционистами, прогневшими во всех смыслах этого слова. Мне претит оппозиция любого из них, начиная с лживого лицемерного демагога-предводителя Дугласа и заканчивая самым жалким щенком из их своры».

На Юге «фрипортская доктрина» вызывала неменьшую ненависть, чем республиканская идея о федеральном запрете на распространение рабовладения. Несмотря на то, что Дуглас имел здесь немало сторонников, радикальные апологеты рабовладения сделали ставку на принцип «всё или ничего»: либо захватить лидерство в демократической партии и поставить у руля «своего» президента, либо разрушить партию и, в случае вероятной после этого победы республиканцев, объявить о выходе из Союза. Одним из поборников лозунга «Нет доминированию Севера!» был Роберт Ретт из Южной Каролины, давний пламенный сторонник создания независимого государства южных штатов, другим — вспыльчивый Уильям Янси из Алабамы, обаянный мечтой «воспламенить сердца южан, наставить их умы, внушить смелость — и в нужный момент единой скоординированной акцией поднять хлопковые штаты

на революцию»^{347}. Их союз повлиял на исход партийной конференции демократов, собравшихся для выдвижения кандидата в президенты в Чарлстоне (Южная Каролина) 23 апреля 1860 года, на три недели раньше, чем республиканцы.

Стивен Дуглас резонно рассчитывал, что сможет добиться своего выдвижения в кандидаты (ставки за его выдвижение были десять к одному). Радикалы прибыли с планом, разработанным Янси: если при обсуждении партийной платформы не будет принят пункт о свободном и защищённом федеральным законодательством распространении рабовладения на все территории, то делегации «хлопкового Юга» покинут съезд. Дуглас предполагал обойти проблему, чтобы потом взвалить её решение на Верховный суд США. Ему было важно, чтобы на съезде сохранился кворум: по правилам демократов кандидат в президенты должен быть избран не менее чем двумя третями голосов. Всё зависело от того, скольких делегатов «уведут» Янси и его сторонники. Когда обсуждение дошло до «камня преткновения» и стало ясно, что большинство не на стороне радикалов, пламенный Янси обвинил северян (в том числе демократов) в стремлении поработить Юг. Он призвал всех участников съезда объединиться в признании рабовладения «позитивным добром», а белых — «господствующей расой, которая заставит негритянскую расу делать ту грязную работу, для которой негров и создал Господь»^{348}. Ему гневно ответил депутат из Огайо: «Вы хотите приковать всю партию к колесницам рабовладельцев!» Зал взорвался: депутаты вскочили на сиденья стульев, «крича, как пантеры, и жестикулируя, как обезьяны»; репортёры застрочили карандашами, зрители на галёрке восторженно встали в ожидании зрелища...

...которое состоялось лишь два дня спустя. Именно тогда в разгар обсуждения партийной программы одна

за другой стали подниматься и покидать зал делегации Алабамы, Миссисипи, Луизианы, Южной Каролины, Техаса, Флориды; заметно поредели ряды представителей Арканзаса, Миссури, Джорджии, Вирджинии и маленького Делавэра. А поскольку для выдвижения кандидата в президенты требовались голоса двух третей не от присутствующих, а от общего числа депутатов, выдвижение Дугласа (или кого-то ещё) было сорвано. Пятьдесят семь туров, два дня голосований и переголосований не принесли «маленькому гиганту» больше половины голосов. Съезд провалился. Оставшиеся делегаты договорились собраться 18 июня в Балтиморе.

Из Демократической партии образовались две. В июне демократы собрались на отдельные съезды, которые избрали двух кандидатов в президенты: помимо Стивена Дугласа с его «народным суверенитетом», ещё Джона Брекенриджа из Кентукки, признававшего рабовладение «несомненным добром» и принявшего в качестве программы введение Рабского кодекса и его распространение на все Территории.

Балтимор оказался урожайным на новых кандидатов: там же сформировалась новая партия — Конституционные юнионисты, — намеренная сохранить целостность страны на основе «среднего курса». Поскольку в партию вошли бывшие «незнайки» (*know-nothings*), требовавшие «оставить всё, как есть», республиканцы прозвали их «бездельниками» (*do-nothings*). Их кандидатом стал Джон Белл из «пограничного» штата^[32] Теннесси.

Появление троих претендентов-соперников вместо одного значительно облегчало задачу Линкольна. «Не хотелось бы говорить, — замечал он в одном из писем, — но теперь становится ясно, что успех республиканского кандидата неминуем». Тем не менее он делал ставку только на свободный Север, а Дуглас имел сторонников

по всей стране. К тому же сенатор-демократ переменял стратегию, заявляя на Юге, что его цель — прежде всего предотвратить раскол страны и спасти единый Союз.

Теперь всё зависело от исхода не одной, а трёх президентских схваток: противостояния Линкольн — Дуглас на Севере, Брекенридж — Дуглас на Юге и Белл — Дуглас в лежащих между ними «пограничных» штатах.

По существовавшей тогда традиции кандидат не участвовал — по крайней мере публично — в предвыборной борьбе; её вели доверенные лица, партийные штабы всех уровней, президентские клубы, пресса и книгоиздатели. Для них по настоянию издателя Скриппса Линкольн надиктовал наиболее полную автобиографию, хотя искренне не понимал, чем она может заинтересовать читателя. Диалогом со Скриппсом начинается не менее дюжины биографий Авраама Линкольна: «Да ладно, Скриппс, что можно выжать из моей ранней жизни... Её всю можно уместить в одну фразу из «Элегии» Грея: «Неброские и краткие анналы бедноты»^[33]. Тем не менее биография разошлась миллионным тиражом.

Дом Линкольников и офис юридической конторы «Линкольн-Херндон» превратились в места паломничества. Оставаясь доступным для всех желающих пообщаться со своим кандидатом (или поглазеть на достопримечательность Иллинойса), Линкольн видел, что дом нараспашку не очень вдохновляет Мэри, что Херндон изо всех сил терпит мешающую работать шумную толпу. Выручил губернатор Йейтс, выделивший свою приёмную на втором этаже Капитолия штата. У Авраама появился собственный секретарь, педантичный и ответственный 28-летний Джон Николаи (из немецких эмигрантов), в помощь которому позже отрядили 22-летнего знающего и щеголеватого Джона Хэя. Николаи и Хэю будет

суждено проработать с Линкольном практически до конца его дней.

Стол Николаи стоял прямо у двери приёмной, и на нём громоздились груды газет и самых разнообразных почтовых отправок. Помимо писем, книг и рисунков, кандидату в президенты присылали трости, топоры, деревянные молотки, куски старых изгородей, которые он якобы когда-то срубил, фрагменты брёвен хижин, где он якобы ночевал, цепи землемера. Одну большую цепь, выточенную из цельного куска дерева, Линкольн повесил на дальней стене за своим столом, там же приткнул в угол высокий брус от какой-то изгороди. Дарили что угодно, включая одежду, вязаные шерстяные носки и шёлковые шляпы. Авраам шутил: «Ну, Мэри, не выиграем выборы, так хоть гардеробчик обновим».[{349}](#).

Вскоре встала проблема, куда всё это складывать: приёмная была небольшая, 15 на 12 футов (меньше 17 квадратных метров), с диваном и несколькими стульями. Визитёров было множество, от фермеров до сенаторов, и Линкольн не мог никому отказать, приговаривая: «Я теперь общественная собственность; покорнейший слуга общества». Один из посетителей заметил: «С Линкольном чувствуешь себя не просто легко; он располагает к себе интересными и увлекательными историями и цитатами из классиков. Немногие согласятся поговорить с ним на литературные темы, хорошенько не подготовившись». Один южанин из Миссисипи был поражён, увидев не воинственного и невежественного фанатика, а дружелюбного и умного джентльмена и к тому же умеренного и мудрого политика.[{350}](#).

А Юг клеймил избирательную платформу республиканцев, увидев в протекционистском тарифе, «Акте о гомстедах» и «внутренних улучшениях» за счёт госбюджета явную попытку «ограбления» Юга Севером.

Сенатор Дуглас колесил по стране, объявляя, что только он сможет сохранить мир и неделимый Союз. И всё же Север, Запад и тихоокеанское побережье выказывали заметное предпочтение республиканцам, тем более что престиж демократов сильно подрывали бездеятельный и бесцветный президент Бьюкенен и его малоспособная, сильно приворовывающая администрация. Шансы на выигрыш были весьма велики. То, что очень многие возлагают надежды на репутацию Честного Эйба и на выдвинувшую его оппозицию, стало ясно после победы республиканцев на местных выборах: в августе 1860 года — в Вермонте и Мэне, в октябре — в Пенсильвании и Огайо.

Символом энергичной избирательной кампании 1860 года стали факельные марши «бдящих» из республиканских молодёжных клубов: многих привлекала особая униформа — кепи и короткие плащ-накидки, защищавшие от летевших с факелов искр и капающей горячей смолы. Маршировали «бдящие» особыми зигзагами, будто прочерчивая символ избирательной кампании — фермерскую изгородь из ставших популярными «линкольновских» брусьев.

Делом Линкольна было отслеживать ход кампании и руководить деятельностью коллег. Он анализировал события по всей стране и рассылал многочисленные рекомендации. Он предупреждал Уида и Сьюарда об усилении активности Дугласа в Нью-Йорке, просил Ганнибала Гэмлина тщательно готовить местные выборы в Мэне, ибо их исход повлияет на решение многих избирателей. А вот сам он публичных заявлений не делал. В то время правила требовали от кандидата в президенты хранить молчание по политическим вопросам: всё уже сказано, изложено в платформе партии, и не нужно было давать поводов к перетолкованию тех или иных положений. Тем не менее

письма с расспросами шли, и ответы на них рассылал Николай, изготовивший специальный шаблон:

«Уважаемый сэр! Ваше письмо мистеру Линкольну от —, где Вы просите его высказать некоторые мнения по политическим вопросам, получено. Он получает немало писем подобного характера, но помимо них, много писем, противоположных по содержанию. В них заключено требование ничего не писать и не высказывать по политическим вопросам, поскольку позиция Линкольна была хорошо известно ещё накануне номинации, и не нужно её никоим образом подправлять или менять. Мистер Линкольн сожалеет, что не может удовлетворять всем требованиям, и, надеюсь, Вы поймёте, что это невозможно».

Знакомым, просившим тех или иных политических разъяснений, Линкольн иногда отвечал и сам, но смысл ответа был примерно таким же:

22 сентября 1860 года, Спрингфилд

Мой дорогой сэр! Я получил Ваше письмо, в котором Вы спрашиваете: «Поддерживаете ли Вы протекционистский тариф для нашей промышленности?» Конвенция, которая номинировала меня, высказалась по этому вопросу в 12-м пункте своей политической платформы, а я, объявив, что принял номинацию, принял и эту платформу. Если я теперь публично изменю свою позицию, что-либо добавив или отняв, конвенция будет иметь право снять меня с позиции кандидата в президенты и, вероятно, так и сделает. Думаю также, что Вы, поразмыслив, не пожелаете, чтобы я делал

какие-либо приватные заявления, известные одним и скрытые от других.

С уважением,

А. Линкольн»[{351}](#).

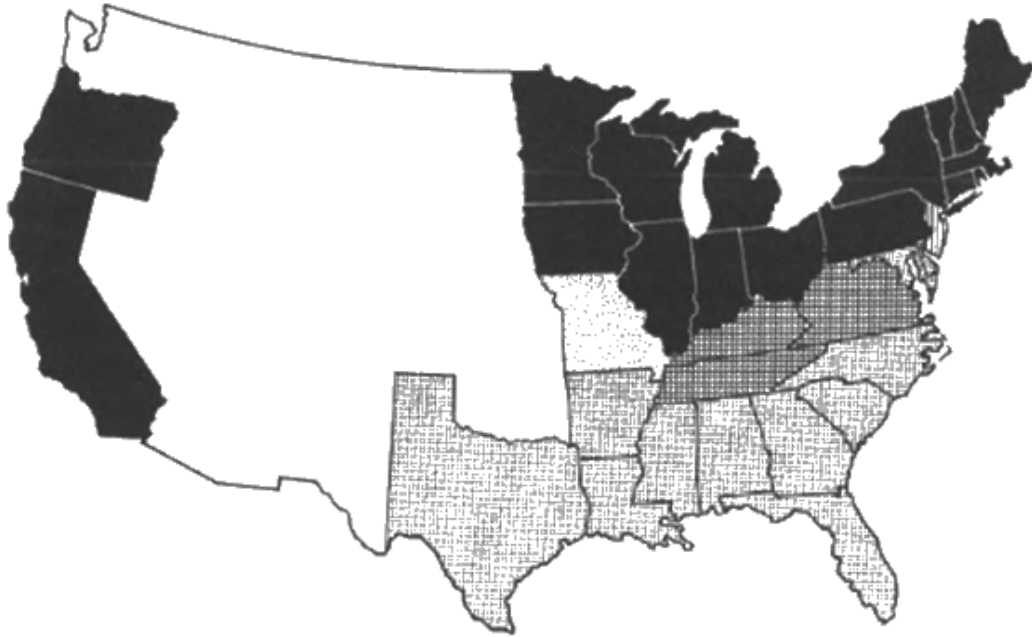
Но на некоторые послания просто невозможно было не ответить. В октябре одиннадцатилетняя Грейс Веддел из штата Нью-Йорк предложила кандидату в президенты отпустить бороду: «Все леди любят бородачей, а значит, уговорят своих мужей голосовать за Вас». Грейс обещала, что в благодарность уговорит голосовать за республиканца четверых своих братьев. Линкольн написал: «Что касается бороды, то поскольку я никогда её не носил, не покажется ли это смешным или слишком наигранным сейчас?»[{352}](#). Но совет Авраам не забыл и начал отращивать бороду сразу после выборов, состоявшихся 6 ноября 1860 года.

Большую часть этого дня Линкольн провёл в своей приёмной в Капитолии. Поначалу он считал неприличным голосовать за самого себя, но энергичный Херндон заметил, что в бюллетень для голосования включены депутаты местного уровня и лишать их даже одного голоса избирателя было бы несправедливо. Тогда кандидат в президенты аккуратно оторвал верхнюю часть бюллетеня со своим именем (тогда это не считалось порчей) и отправился на избирательный участок. Республиканцы встречали и провожали его овациями, и даже демократы уважительно приподнимали шляпы. Кто-то выкрикнул: «Мистер Линкольн, голосуйте за Дугласа, он столько для вас сделал!»

Потянулись часы ожидания результатов. Сначала пошли новости из графств Иллинойса, потом из соседних штатов, наконец из штатов более отдалённых, но самых необходимых для выигрыша кампании. Возможно,

важнейшей оказалась телеграмма от Саймона Кэмерона, пришедшая около полуночи: «Пенсильвания Ваша — 70 000 голосов! Нью-Йорк гарантирован. Как славно!» Вскоре, когда спрингфилдские дамы (Мэри, конечно, была в их числе) пригласили всю компанию перекусить, пришла телеграмма об окончательной победе и в Нью-Йорке. Поднялся шум восхищения, и прямо между столиками с кофе и сэндвичами запели одну из самых популярных агитационных песенок «Как хорошо быть республиканцем!». Линкольн с небольшой группой друзей ретировался непосредственно в телеграфную контору, чтобы читать телеграммы сразу с ленты. Через час, когда итоги окончательно обрисовались, Авраам отправился домой, но уснуть не мог. За окнами не прекращалось бурное веселье, в четыре утра гулко ухнула пушка; в душе избранного президента эмоциональный подъём всё решительнее сменялся ощущением груза ответственности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 1860 ГОДА

Распределение голосов коллегии выборщиков:

- Линкольн (Республиканская партия) — 180
- Брекенридж (Демократическая партия) — 72
- Белл (Партия конституционных юнионистов) — 39
- Дуглас (Демократическая партия) — 12
- Голоса разделились (между Линкольном и Дугласом) — 7

Итоговые результаты стали известны примерно через сутки. На первом этапе выборов Линкольн набрал 1 866 452 голоса, Дуглас — 1 376 957, Брекенридж — 849 781, Белл — 588 879. Раскол стоил Демократической партии поста президента: в сумме Дуглас и Брекенридж превосходили Линкольна по числу отданных за них голосов избирателей. Рабовладельцы Юга оказались в меньшинстве, значительно уступив сторонникам единой страны и противникам распространения рабовладения. А поскольку президента выбирала коллегия выборщиков, победа Линкольна была совершенно легитимна, ибо тут Линкольн получал абсолютное большинство: 180 голосов выборщиков за него против 123 за всех остальных (72 — за Брекенриджа, 39 — за Белла, 12 — за Дугласа). Кроме того, Линкольн обошёл Дугласа во всех северных штатах и на западном побережье (Калифорния, Орегон). Только в Нью-Джерси голоса разделились (четыре выборщика за Линкольна, три за Дугласа). На основе такой статистики никто не мог назвать Линкольна «случайно» выигравшим выборы, особенно если учесть, что в десяти южных штатах, вопреки идеалам свободы и демократии, его имя вообще не было включено в бюллетени для голосования.

НАПЕРЕГОНКИ С ВОЙНОЙ

Быть может, нигде не ждали победы Линкольна с таким нетерпением, как в штате Южная Каролина, самом рабовладельческом в стране (рабы составляли 57 процентов его населения). Победа «чёрного республиканца» казалась неизбежной и должна была стать сигналом и оправданием давно задуманного отделения от Союза. Ещё за два месяца до выборов богатые предприниматели Южной Каролины создали Ассоциацию 1860 года, которая наводнила штат агитационной литературой с названиями вроде «Право на отделение» или «Юг и только Юг должен управлять Югом»: «Не станем слушать банальных сентиментальностей о Союзе, «славном Союзе», спаянном кровью отцов, не будем лелеять «память о прошлом» и т. д. и т. п. Стряхнём прочь эту паутину! Будем смотреть на вещи как практичные и разумные люди. Будем реалистами и признаем очевидный факт: Союз потерян, душа его отлетела, и для пользы Юга больше о нём не заботиться»^{353}. А за месяц до выборов идеологов поддержали практики: 5 октября губернатор Южной Каролины Уильям Джист разослал коллегам из хлопковых штатов конфиденциальные письма примерно такого содержания: «Победа Линкольна на выборах более чем вероятна, поэтому южным, особенно хлопковым, штатам нужно заранее наладить взаимодействие своих исполнительных властей и обмен мнениями, чтобы добиться согласованных действий, необходимых для успеха. Южная Каролина в случае избрания Линкольна готова выйти из Союза первой или последовать за другим штатом, взявшим на себя такую инициативу. Если у Вас есть другие рецепты спасения Юга — пожалуйста, поделитесь ими и любыми другими

соображениями». На письма пришли сочувственные ответы, и возникла своего рода «тайная лига» губернаторов и высших чиновников южных штатов^{354}.

Седьмого ноября, когда страну облетели известия о победе республиканцев, над приморским Чарлстоном взвился флаг с пальмой, символом Южной Каролины. Лавки и магазины остались закрытыми; горожан охватила эйфория школьников, которым разрешили не ходить на уроки. Сердитая толпа прогнала прочь от арсенала армейского офицера, прибывшего за снаряжением. Судья объявил прямо в зале заседаний: «Храм правосудия, воздвигнутый согласно Конституции Соединённых штатов, закрыт. И если он никогда больше не откроется, возблагодарим Бога за то, что двери Храма были закрыты до того, как его Алтарь осквернили жертвы во имя Тирании»^{355}.

А вечером по улицам двинулось факельное шествие, перед которым несли большое соломенное чучело. Табличка поясняла, что это «Эйб Линкольн, первый президент Северной конфедерации штатов». Процессия дошла до специально построенной виселицы, два негра повесили на ней страшную куклу и подожгли. Под восторженные крики толпы огонь поглотил объект всеобщей ненависти^{356}. На следующий день одна из самых влиятельных газет провозгласила: «Чай выброшен за борт — революция 1860 года началась!» — тем самым проводя параллель со знаменитым «Бостонским чаепитием» 1773 года, одним из символов борьбы североамериканских колоний за независимость от Британской империи. Где-то щёлкнул невидимый таймер. Начался обратный отсчёт времени: «до начала войны — 155 дней».

Мог ли будущий президент остановить этот таймер?

Линкольн в первый день после выборов не раз повторял окружающим его журналистам: «Вам хорошо, ребята, ваши хлопоты закончились. А вот мои только

начинаются». Он пока был «президентом без президентства», поскольку по закону вступал в должность после торжественной инаугурации, проводившейся тогда в первый понедельник марта. Оставшиеся до неё 100 дней он, в отличие от действующего президента, официально именовался «президент-элект», «пока-ещё-не-президент».

Но что же президент действующий?

Долгожданное послание Джеймса Бьюкенена Конгрессу 3 декабря 1860 года вызвало почти всеобщие недовольство и разочарование. Смысл его сводился к тому, что, «с одной стороны, Южная Каролина имеет достаточные основания отделиться от Союза, с другой — не имеет права этого делать, а с третьей — мы не имеем права препятствовать её отделению...»^{357}. Чем меньше «старине Бьюку» оставалось руководить страной, тем чаще он стал повторять: «Я последний президент *Соединённых штатов!*»^{358}. 15-й президент всё больше показывал, что он «власть без силы», а республиканцы всё ещё оставались «силой без власти».

А не имея власти, полагал Линкольн, делать публичные заявления означает только повторять уже много раз сказанное и всем известное или, хуже того, давать повод цепляться к каждой фразе и находить новые причины для недовольства. Линкольн цитировал Евангелие: «Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему» (Мф. 16:4). Он отложил публичные заявления до инаугурации, полагая, что «повторение попыток умиротворить Юг одними только словами, без дополнительных гарантий какими-либо официальными актами, будет не только бесплодным, но и истолкованным как проявление страха и слабости»^{359}.

В частном же порядке Линкольн разъяснял ситуацию примерно так, как в письме конгрессмену-

республиканцу Джеймсу Хэйлу, выяснявшему возможности компромисса с покидающим Союз Югом:

«Конфиденциально.

Дорогой сэръ!

Ваше письмо от 6-го числа получено. Я отвечаю на него только потому, что опасаясь неверного истолкования моего молчания. Мы только что провели выборы, основанные на честных принципах, установленных народом. Теперь же нам заранее говорят: если мы не подчинимся тем, кого победили, правительство должно быть распущено ещё до того, как займёт свои офисы. То ли они шутят, то ли совершенно серьёзны. В любом случае, если мы подчинимся, это будет как нашим концом, так и концом всей нашей системы правления. Они будут снова и снова проделывать над нами свой эксперимент. Не пройдёт и года, как мы будем вынуждены присоединить Кубу, ибо это станет их условием сохранения Союза. Но у них есть Конституция, по которой мы живём уже 70 лет, есть акты Конгресса, которые принимали они сами, не собираясь их менять. У них никогда не было более незначительного, чем теперь, повода разрушать систему правления или вымогать компромисс. Компромисс, связанный с предоставлением новых территорий для рабовладения, невозможен.

Искренне Ваш

А. Линкольн»[{360}](#).

Из анализа подобных конфиденциальных писем и частных бесед вырисовывается позиция, на которой будущий президент стоял сам и которой советовал

придерживаться действующим политикам-республиканцам:

рабство — зло, и его распространение должно быть прекращено;

в связи с этим невозможен никакой компромисс по отношению к распространению рабства на новых территориях страны, в том числе тех, которые только ещё могут быть присоединены^{361};

не существует никаких причин бояться того, что республиканское правительство прямо или косвенно коснётся «самобытного института» рабовладельческих штатов^{362};

ни один штат не имеет права покинуть Союз, не получив согласия других штатов («Он избегает обсуждать этот деликатный вопрос в присутствии посетителей, — пишет информированный свидетель, — но когда касается его, в его словах ясно звучит твёрдое и обоснованное неприятие права на сецессию»^{363});

если отделившиеся штаты станут захватывать общенациональную собственность, в частности форты на границах и побережье, её нужно вернуть (в частной беседе Линкольн был куда более жёстким: «Если Бьюкенен намеревается сдать форты, его надо повесить»^{364}).

Самое важное, что мог сделать Линкольн, — подготовиться, собрать к дню инаугурации сильное правительство («мы не перепрыгнем этот ров, пока не подойдём к нему»). Он начал делать это прежде всех других дел, ещё ранним утром 7 ноября, когда шум ликующего Спрингфилда не давал уснуть.

На чистом листке бумаги Авраам набросал список будущего Кабинета. В центре написал три имени: Сьюард, Чейз, Бейтс. Три основных соперника в майской борьбе за номинацию. Три сильных союзника в президентской кампании. Три влиятельных политика, от позиции которых в будущем будет зависеть вся работа

нового правительства и, конечно, президента. Линкольн сделал решительный и смелый выбор: он составлял свой Кабинет из самых значимых республиканцев, каждый из которых в душе не оставил президентских амбиций и в лучшем случае считал Линкольна лишь наиболее удачливым, «первым среди равных». Работа с такой командой была вызовом для Линкольна (недаром одна из самых известных работ о его взаимоотношениях с недавними соперниками, ставшими подчинёнными, называется «Команда конкурентов»^{365}). Выигрыш в случае успеха был двояким: лучшие политики не только обеспечивали наиболее эффективную работу всей машины государственного управления, но и не становились в оппозицию вне правительства.

Риск при этом был немалым: добиться авторитета в кругу таких опытных и влиятельных деятелей было крайне трудно. Сьюард, например, продолжал считать себя лидером Республиканской партии, тем более что как сенатор он не должен был ждать инаугурации и вовсе действовал в Конгрессе по своему усмотрению. Линкольн учёл его амбиции — предложил недавнему сопернику пост государственного секретаря, самый важный после президентского. Причём предложил с особой церемонностью: в Вашингтон на имя сенатора Сьюарда были отправлены — и не почтой, а с доверенными лицами — сразу два письма. Вручал их лично будущий вице-президент Ганнибал Гэмлин. Первое было коротким официальным предложением должности. Второе, помеченное «Конфиденциально», содержало важные комментарии:

«Дорогой сэр! В приложении к официальному уведомлению я считаю необходимым обратиться к Вам дополнительно. В газетах циркулируют слухи, что моё предложение Вам должности — это только красивый жест в ожидании того, что

Вы от предложения откажетесь. Уверяю Вас, что я не давал к этому никаких поводов. Напротив, со дня моей номинации в Чикаго целью моей было вверить Вам именно этот пост; я только ждал правильного момента. Предлагаю Вам эту должность с надеждой, что Вы согласитесь её принять и с уверенностью в том, что Ваше положение в глазах общества, Ваши честность, компетентность, знания и большой опыт делают назначение совершенно уместным»^{366}.

Сьюард, в свою очередь, попросил время на размышления, а потом прислал к Линкольну своего политического менеджера Тёрлоу Уида. Уид провёл в беседах с будущим президентом целый день. Линкольн не стеснялся просить советов и интересоваться мнением опытного политика, откровенно обсуждал с ним будущие назначения и политическую ситуацию в стране. Уид убедился, что будущий президент вполне достоин находиться в кругу ведущих политиков, начиная, конечно, со Сьюарда.

Эта встреча произошла 20 декабря, в тот самый день, когда Южная Каролина объявила о своём выходе из Союза:

«Географическая линия пролегла через Союз, и все штаты к северу от этой линии объединились, чтобы избрать на высокую должность президента США человека, чьи мнения и цели враждебны рабовладению. Управление страной будет вверено тому, кто объявил, что она «не может постоянно оставаться наполовину рабовладельческой, наполовину свободной», что общественное мнение должно основываться на уверенности в том, что рабство обречено на окончательное исчезновение. Такая секционная комбинация по ниспровержению Конституции была нацелена в некоторых штатах на предоставление

гражданства лицам, которые по верховному закону страны неспособны быть её гражданами, с целью использовать их голоса для проведения в жизнь новой политики, враждебной Югу, разрушительной для его спокойствия и его рабовладения. 4 марта эта партия получит в свои руки управление страной. Она объявила, что не допустит Юг на территории, находящиеся в совместном владении, и что против рабовладения будет объявлена война вплоть до его полного истребления на территории Соединённых Штатов. Конституционных гарантий больше не существует; равенства штатов в правах больше нет. Рабовладельческие штаты больше не обладают правами на самоуправление и самозащиту, и Федеральное правительство стало их врагом. Секционные интересы и враждебность только усиливают раздражение, и все надежды на оздоровление ситуации оказались тщетны...

Исходя из этого, Мы, народ Южной Каролины, через своих делегатов, собравшихся на конвент, и призывая Высшего Судью в свидетели искренности своих намерений, торжественно объявляем, что союз, существовавший прежде между этим штатом и другими штатами Северной Америки, расторгнут и что штат Южная Каролина вновь занимает своё место в мире в кругу других наций в качестве независимого и суверенного государства, с полным правом объявлять войну и заключать мир, вступать в союзы, торговать и делать всё, что имеют право делать независимые государства»^{367}.

«Доброжелатели» отправили Линкольну экземпляр газеты «Чарлстонский Меркурий» с восторженно-кричащей надписью во всю полосу «Союз расторгнут!».

Ещё находились охотники шутить по этому поводу: «Южная Каролина слишком маленькая для независимого государства и слишком большая для сумасшедшего

дома», — но на невидимом таймере высветилось: «До начала войны — 112 дней».

Сьюард, потрясённый начавшимся отделением штатов, 28 декабря написал Линкольну, что как следует поразмыслив и посомневавшись (и, добавим, получив экспертное мнение Уида), пришёл к выводу, что принять пост — теперь его обязанность. Жене сенатор признался, что должен «спасать свободу и свою страну». Работу госсекретаря Сьюард начал немедленно: уже на следующий день он отправил Линкольну письмо с просьбой поскорее выбрать остальных министров, чтобы будущий Кабинет согласованно начал готовиться действовать^{368}.

Следующим в списке Линкольна шёл Салмон Чейз, лидер республиканцев Огайо, «самый радикальный из умеренных», решительный противник рабовладения^{369}. Чейза дважды избирали губернатором штата, а его абсолютная честность ценилась так высоко, что Линкольн предназначил для него должность министра финансов (вторую по значимости после госсекретаря). Более того, Линкольн сделал Чейзу тонкий комплимент, упомянув, что в случае отказа Сьюарда именно ему будет принадлежать должность госсекретаря.

Третьим в списке стоял Эдвард Бейтс, седовласый юрист из пограничного штата Миссури, человек сдержанный и неторопливый, но весьма последовательный в своих действиях. В канун чикагской конвенции Бейтс считал себя единственным достойным соперником Сьюарда в борьбе за выдвижение в президенты, но в декабре 1860-го, принимая предложенную Линкольном должность, он признался в собственном дневнике, что место генерального прокурора — это именно то, чего бы он действительно хотел^{370}.

Чтобы уравновесить Кабинет, Линкольн выбрал ещё одного представителя рабовладельческих пограничных штатов — выходца из известной семьи политиков Монтгомери Блэра (его отец был советником могучего Эндрю Джексона, одним из основателей Республиканской партии; брат стал лидером фрисойлеров в Миссури). Сам Блэр, видный юрист, вёл дела в Верховном суде США. Именно он защищал Дреда Скотта, а вместе с ним и гражданские права чернокожего населения. Блэр получил почётный пост генерального почтмейстера.

Новую Англию представлял в Кабинете Гидеон Уэллс из Коннектикута, некогда фрисойлер и сподвижник Ван Бурена, редактор влиятельной газеты. Уэллсу был доверен пост военно-морского министра, и все сразу заметили, что он напоминает Нептуна: тяжёлый, с большой бородой и пышным напомаженным париком. Враги называли Уэллса «старой бабкой», хотя ему не было и шестидесяти. Друзья ценили его за целеустремлённость и умение хорошо разбираться в деталях любого порученного дела. Линкольн не был хорошо знаком с Уэллсом, но доверился рекомендации своего вице-президента — и не прогадал.

Во исполнение обещания судьи Дэвиса, данного делегации штата Индиана в решающие дни чикагской конвенции, Линкольн назначил бывшего руководителя делегации Калеба Смита министром внутренних дел (в американской системе должностей занимавший этот пост ведал природными ресурсами и федеральными землями). Назначенный скорее в силу данного обещания, а не за выдающиеся качества, конгрессмен Смит был хорошим оратором с громким голосом, но как политик оставался заметен только на уровне своего штата. Пламенный сторонник единого Союза, он при этом не приветствовал идею освобождения рабов^{371}.

Труднее всего Линкольну пришлось с назначением Саймона Кэмерона из Пенсильвании. Кэмерон превратил политику в бизнес, стал преуспевающим и агрессивным дельцом, мастером закулисных игр, и поэтому имел как мощных союзников, так и влиятельных противников. Одни считали Кэмерона коррупционером, другие — честным предпринимателем, который «умеет делать деньги, но никогда их не крадёт»^{372}. В Чикаго судья Дэвис пообещал Кэмерону один из влиятельных постов, и тот, когда настал срок, попросил себе кресло министра финансов. Просители и письменные обращения как в поддержку Кэмерона, так и против него были настолько многочисленны, что Линкольн стал делать специальные записи, суммируя доводы и фиксируя «свидетелей» с обеих сторон. Это было очень похоже на судебный процесс, в котором будущий президент соединял в себе и жюри присяжных, и судью... Процесс был нелёгким, и в какой-то момент Линкольн даже просил Кэмерона отказаться от места в Кабинете, понимая, что наживает врага. Но практичность Кэмерона оказалась выше гордости: он усилил давление, в то время как его противники не смогли предоставить весомых доказательств махинаций сенатора. В конце концов, когда время на раздумья вышло и дальше откладывать решение было нельзя, стороны сошлись на должности военного министра.

Кабинет был составлен, но ещё до того, как его члены приступили к исполнению обязанностей, стала проявляться ещё одна особенность команды, собранной из ярких и амбициозных личностей: «конкурентам» было тесно рядом друг с другом. Сьюард и Кэмерон не принимали чрезмерный радикализм Чейза (Сьюард одно время даже капризничал: «Или я, или он», — настолько не хотел работать с Чейзом), Уэллс недолго любил Сьюарда и ревниво относился к Бейтсу; многих раздражал медлительный Блэр. Но Линкольн надеялся,

что сможет уравновесить возможные дисбалансы, как сделал это в отношении бывших вигов и бывших демократов. «Как же так, — удивлялись соратники Линкольна по партии вигов, — из семи членов Кабинета четверо (Чейз, Уэллс, Блэр и Кэмерон) — бывшие демократы?!» Линкольн отвечал: «Похоже, вы забыли, что там буду и я — бывший виг, так что баланс сохранён!»^{373}.

Единственной заметной неудачей в деле формирования Кабинета стало отсутствие в составе нового правительства представителя «настоящего» Юга. Такое назначение — жест доброй воли — укрепляло бы единство страны. Ради него Линкольн был готов лишиться портфеля Блэра или Бейтса. Какое-то время он надеялся, что в состав Кабинета войдёт его старый друг, рабовладелец из Кентукки Джошуа Спид. Они списались и встретились ещё в конце ноября 1860 года в Чикаго, куда Линкольн вырвался из спрингфилдского столпотворения, чтобы впервые увидеться и серьёзно поговорить со своим вице-президентом Ганнибалом Гэмлином. После этой официальной встречи Линкольн отставил все дела, чтобы пообщаться с одним из самых близких друзей. Отправив жён за покупками, они спрятались от посторонних в отеле в номере Спида и больше часа вспоминали «дела давно минувших дней». Потом Линкольн растянулся на кровати, уставился в какую-то точку на потолке и спросил:

— Скажи, Спид, как у тебя с финансами? Богат ты или беден?

Друзья не разучились понимать друг друга с полуслова.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, мистер президент. Скажу честно: с финансами у меня пока всё в порядке, даже можно сказать, хорошо. Так что никакой государственной должности мне от тебя не нужно^{374}.

Спид ценил дружбу выше должности и при этом остался на ближайшие годы неформальным «представителем президента» в штате Кентукки. С его помощью Линкольн попробовал пригласить в состав правительства видного демократа Джеймса Гатри из Кентукки, министра финансов в 1853–1857 годах, рабовладельца, но противника раскола страны. Однако ни Гатри, ни бывший виг, конгрессмен от Северной Каролины Джон Гилмер, тоже «юнионист» и просвещённый рабовладелец^{375}, не приняли предложения будущего президента. Гилмеру было суждено занять место в Конгрессе нового государственного образования, к созданию которого полным ходом шёл Юг.

С наступлением 1861 года там начался «парад суверенитетов». 9 января на специальном съезде штата Миссисипи было принято «Постановление об отделении от Союза» (иначе — «Ордонанс о сецессии»). На следующий день о выходе из Союза объявил штат Флорида, через день — штат Алабама. 19 января после долгих дебатов объявил о разрыве с Союзом штат Джорджия, ещё через неделю — штат Луизиана. До последнего сражался против сепаратистов губернатор Техаса Сэм Хьюстон, некогда герой войны за независимость республики Техас и её первый президент. Тем не менее 1 февраля Техас стал седьмым штатом, вышедшим из Союза. Таймер отщёлкал: «До начала войны — 71 день».

О том, насколько мучительно (и скрытно) Линкольн переживал сложившуюся ситуацию, оставил воспоминания его ровесник, соратник и друг Джозеф Гиллеспи. Однажды зимней ночью, после того как другие гости разошлись, Линкольн затеял с ним долгий и откровенный разговор. Авраам сидел в своей гостиной так, как любил сидеть в неформальной обстановке:

оседлав стул, обхватив руками его спинку и положив на неё сверху тяжёлую голову.

Друзьям было что вспомнить: и войну с Чёрным Ястребом, и первые заседания Законодательного собрания штата, и тот трагикомический момент, когда они хотели сорвать выгодное демократам голосование, а те закрыли двери, чтобы депутаты не разбежались, и тогда Авраам и Джозеф выпрыгнули в окно... Но всё равно всё сводилось к текущим событиям.

— Гиллеспи, как бы я хотел отдать несколько лет своей жизни за то, чтобы не ждать инаугурации и клятвы президента два мучительных месяца!

— Почему?

— Потому что с каждым часом те трудности, которые мне предстоит преодолеть, только прибывают, а нынешнее правительство не делает ничего, что может предотвратить распад страны. А я, призванный противостоять этому мучительному распаду, вынужден оставаться здесь, не имея возможности ни предотвратить его, ни хотя бы ослабить его силу... Сецессия не останавливается, она расширяется, и если захватит пограничные штаты, наша система правления просто взорвётся!

Джозеф почувствовал, сколько горечи в словах «ещё-пока-не-президента». А когда разговор коснулся не только сецессии, но и возможной войны, Авраам признался:

— Я перечитал молитву в Гефсиманском саду, в которой Сын Божий в отчаянии просит Создателя: «Да минует Меня чаша сия!» — и чувствую себя будто в Гефсиманском саду, и моя горькая чаша полна до краёв...

Гиллеспи вспоминал, как он принялся утешать друга, говоря, что хотя Моление о чаше и осталось без ответа, страдания, которые Иисус просил отвратить от него, привели к переходу от язычества к христианству, что

принесённые жертвы оказались не напрасными... Тогда ему показалось, что он хотя бы немного успокоил взволнованную душу друга. Но годы спустя Гиллеспи осознал, что слова о жертвах и страданиях оказались пророческими.

Прощаясь, Авраам припомнил давнюю историю: «Джо, думаю, ты не забыл то судебное заседание в графстве Монтгомери, когда твой напарник уже во вступительной речи угробил всё ваше дело. Я видел, как ты пытался исправить ситуацию и подавал коллеге всевозможные знаки, но не смог его остановить. Теперь примерно та же ситуация между мной и президентом Бьюкененом. Он заваливает всё дело, а я ничего не могу сказать и остановить его тоже не могу... Спокойной ночи!»[{376}](#).

А волны гостей, любопытных зевак («интересно, как он относится к посетителям?»), дальних знакомых и знакомых дальних знакомых с равномерностью и неуклонностью прибоа накатывались к дверям кабинета будущего президента. Число посетителей было таково, что в качестве временных гостиниц стали использовать пассажирские вагоны. В том же кабинете, что был предоставлен губернатором кандидату в президенты Линкольну, «пока-ещё-не-президент» принимал посетителей с десяти часов до полудня и с трёх до половины пятого («без каких-либо формальностей вроде предварительного вручения визитных карточек»[{377}](#)).

Он старался быть одинаково внимательным ко всем, будь то ватага сельских работников в домотканых штанах (пришли, пробрались сквозь толпу, пожали руку своему Эйбу и тут же ушли) или храбрый сецессионист из штата Миссисипи, явившийся с вызывающей синей кокардой, эмблемой сецессии, и ушедший с подписанным сборником дебатов Линкольна и Дугласа. Самыми назойливыми были искатели должностей. «Нью-Йоркский вестник» иронизировал: «Сюда приехал

Е. Коуч с желанием получить любую должность, за которую хорошо платят. Дж. Бронсон тоже приехал сюда, но сам не знает, чего хочет; а вот Г. Вуд знает, чего хочет: чего-нибудь».

Линкольну это вполне могло напомнить историю об одном митинговом агитаторе с Запада, который потребовал у президента Джексона место посла, потом постепенно снижал претензии и в конце концов был удовлетворён подарком в виде поношенных брюк^{378}.

Но если ограничить число посетителей было возможно хотя бы временными рамками, то остановить поток писем — никак. Николаи и Хэй сортировали содержимое ежедневно приходящих мешков: поздравления и просьбы о правительственных должностях — в архивную стопку, толстые многостраничные прожекты и памфлеты — в мусорную корзину. На стандартные просьбы (о высылке фото, автографа, биографии) секретари писали стандартные ответы. Особый разряд посланий составляли многочисленные оскорбления и угрозы. Они сохранились потому, что Линкольн сделал их предметом коллекционирования. Будущего президента называли обезьяной, бабуином, сатиром, шутком, негром, мулатом, монстром, идиотом, жертвой аборта; его следовало высечь, сжечь, повесить, посадить, пытать... От непонятных «священных братств» приходили рисунки виселиц и кинжалов. Были листы, заполненные ругательствами с орфографическими ошибками: одно такое послание состояло из десяти строк, в каждой только крупно выведенное «чёрттебявозьми». Были и такие, в которых художественно описывалось, как именно ружейный выстрел прервёт жизнь адресата ещё до или во время инаугурации. По сравнению со всем этим весьма добродушным выглядел пришедший из глубинки Иллинойса «Диплом Ордена уродов»^{379}. При этом и достойных прочтения писем оставалось столько,

что, как замечал Джон Хэй, Линкольн «занимался своей корреспонденцией постоянно: дома, в офисе, на улице и в кругу друзей... Разве что в церкви ему приходилось преодолевать этот сильный соблазн»^{380}.

Между тем уже был сшит лучшим портным Чикаго и выставлен в витрине на всеобщее обозрение костюм-тройка для инаугурации: кашемировая пара, шёлковая жилетка. «Сшит из лучшей ткани, которую можно купить, и сделан с таким вкусом и старанием, которые не купить ни за какие деньги!»^{381} Пришла пора сборов в дорогу и прощаний. Со многими — навсегда...

В самом конце января Линкольн незаметно исчез из города. Путь его лежал в графство Коулс, в Фармингтон, где в десяти милях от железнодорожной станции жила его матушка Сара. Эти десять миль Авраам проделал в лёгкой повозке, раскланиваясь и обмениваясь приветствиями со старыми знакомыми, как в прежние времена. Одет он был так, что никто бы и не подумал, что по просёлку катит будущий президент США, — так, городской юрист с саквояжем. Авраам обнял старую женщину, которую всегда считал своей второй матерью, пообщался с родственниками, Хэнксами и Джонсонами, на кладбище постоял у могилы отца. Попросил подобрать для неё подходящий надгробный камень.

Матушка Сара благословила Авраама в дальний путь. Со слезами говорила она о том, что никогда больше не увидит сына и что его убьют...

На прощальный приём, устроенный 6 февраля, за неделю до отъезда, ожидалось семь сотен гостей, но репортёры насчитали, что пришло более тысячи. Чтобы подойти пожать руку хозяину, приходилось выстаивать двадцатиминутную очередь от входной двери до гостиной. В прихожей гостей встречали нарядная Мэри (она совершила в январе вояж в Нью-Йорк за покупками, чтобы соответствовать представлениям о первой леди страны), три её сестры и Роберт, специально

приехавший из Гарварда^{382}. Вилли и Тад весь вечер резвились рядом с отцом, причём младший возился и шумел, «как молодой волчонок», пока Авраам его не унял. Приём затянулся за полночь.

В тот же день в Капитолии штата Алабама в городе Монтгомери шли закрытые заседания съезда отделившихся штатов Америки, начавшегося 4 февраля. Представители шести из семи штатов (техасцы опаздывали) объявили о создании нового государственного образования — Конфедеративных Штатов Америки. На четвёртый день работы была принята его конституция, скопированная с Конституции США, но признававшая независимость отдельных штатов и полную правомерность рабовладения. На пятый день был избран, поначалу временно, президент — им стал бывший сенатор США из Миссисипи, бывший военный министр Джефферсон Дэвис. Вице-президентом выбрали Александра Стивенса из Джорджии. Ещё в декабре Линкольн надеялся, что его «когда-то друг и теперь, надеюсь, не враг» Стивенс останется пламенным сторонником сохранения Союза, и затеял с ним переписку, в которой уверял, что не собирается посягать на рабовладение в существующих южных штатах^{383}. Но Стивенс поддерживал единство только такой страны, в которой ничто не будет препятствовать развитию рабовладения. Став вице-президентом Конфедерации, он произнёс 21 марта речь, считающуюся одним из самых ярких идеологических манифестов Конфедеративных Штатов Америки. Она вошла в историю под названием «Краеугольная речь», потому что Стивенс провозгласил, что прежние постулаты Декларации независимости Джефферсона «фундаментально ошибочны», поскольку основаны на «допущении» равенства всех рас, и что «краеугольным камнем», принципиальной основой новой формы правления является «великая истина, утверждающая,

что негр не равен белому человеку и что рабство, то есть подчинение высшей расе, представляет собой естественные и нормальные условия человеческого существования»^{384}.

А в Вашингтоне тонул в дискуссиях «Мирный конвент», собравшийся также 4 февраля под председательством престарелого экс-президента Джона Тайлера. Там не было ни одного делегата из отделившихся штатов, не было и представителей нескольких северных. Никаких принципиально новых идей примирения высказано не было. Резолюции этого «Конвента почтенных джентльменов» будут провалены Конгрессом.

На таймере быстро менялись цифры: «До начала войны — 64, 63, 62 дня...»

В Спрингфилде Линкольны распродали мебель, дом сдали внаём, ибо планировали рано или поздно вернуться, собаку Фидо оставили на попечении друживших с ней соседских мальчишек и переехали в съёмные апартаменты. На чемоданах и сундуках глава семьи своей рукой подписал таблички с адресом пункта назначения: «А. Линкольн, Белый дом, Вашингтон, округ Колумбия».

В последний день перед отъездом Линкольн зашёл попрощаться с Билли Херндоном и со ставшим таким привычным офисом. Разобравшись с накопившимися бумагами, обсудив с партнёром незавершённые дела, Авраам возлёг на свой любимый старый диван (ноги по привычке положил на приставленный стул) и некоторое время молчал, уставившись в потолок.

— Билли, сколько лет мы вместе?

— Лет шестнадцать.

— И за всё это время ни разу не поругались, не так ли?

— Выходит, что ни разу.

Перед уходом Линкольн собрал связку нужных ему книг и бумаг и попросил Херндона не снимать висящую у входа состаренную временем табличку «Линкольн и Херндон»: «Пусть наши клиенты знают, что выборы президента не повлияли на нашу фирму. Если я буду жив, я когда-нибудь вернусь сюда и мы продолжим свою практику, как прежде»^{385}.

В вокзальном зале ожидания Линкольн провёл почти полчаса, пожимая руки всем желающим попрощаться с ним лично. На путях уже пытел, пуская пары, паровоз, «запряжённый» в состав из трёх вагонов — персональный поезд будущего президента. Вокруг собралась толпа провожающих. Никто не расходился, хотя утро 11 февраля 1861 года было сырым и хмурым.

Линкольн поднялся на заднюю площадку последнего вагона, словно на трибуну, снял шляпу — и тут же, несмотря на дождь, сняли свои шляпы сотни людей вокруг. Вместо обычного «сограждане» Авраам начал с обращения «Друзья мои!»:

«Друзья мои! Невозможно передать, с каким грустным чувством я расстаюсь с вами. Этому городу, доброте его жителей я обязан всем. Здесь я прожил четверть века, здесь из молодого человека стал пожилым. Здесь родились мои дети, здесь один из них похоронен. Теперь я уезжаю. Не знаю, когда вернусь, да и вернусь ли. Передо мной стоит задача более великая, чем та, что когда-то стояла перед Вашингтоном. Без помощи Всевышнего, который когда-то помогал ему, я не добьюсь успеха. Но с Его помощью я не смогу проиграть. Вверяя себя тому, кто будет со мной и останется с вами, кто будет повсюду на стороне Добра, будем верить в то, что всё будет хорошо. Его заботам вверяю вас, как и вы, надеюсь, вверяете меня в своих молитвах, и от всей души прощаюсь с вами»^{386}.

В ответ раздалось: «Мы будем, мы будем молиться!» Под дождём можно было не прятать слёз.

Редактор местного журнала вспоминал: «Мы знали мистера Линкольна много лет, мы слышали его выступления сотни раз, по самым разным поводам, но никогда не видели его столь глубоко взволнованным. Никогда ещё он не обращался к нам с такими простыми и проникновенными словами, столь уместными и для оратора, и для места, и для случая. Когда он начал говорить, пошёл сильный дождь, но, несмотря на это, все шляпы остались снятыми и все слушатели продолжали тянуться вперёд, чтобы лучше уловить последние слова покидающего нас лидера. Когда он строго и прочувствованно сказал, что с Божьей помощью он не сможет проиграть, мы не смогли удержаться от аплодисментов»[{387}](#).

Потом поезд медленно тронулся, и мистер Линкольн покинул Спрингфилд, Иллинойс, Запад...

«Я ТЕПЕРЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ»

Двенадцать дней, 1904 мили, 18 железнодорожных веток, 19 остановок в шести штатах — за этой статистикой путешествия Линкольна в Вашингтон стоит намеренно выбранный долгий маршрут по большой дуге. Он позволял «уже почти президенту» ещё раз заручиться поддержкой избирателей и проявить уважение к тем, кто прислал официальные приглашения посетить лежащие на пути в Вашингтон города и городки. Линкольн прекрасно понимал, что он теперь «общественное достояние» (не от особого самомнения, а в силу сложившегося положения вещей), и все почести относил не на счёт своей персоны, а на счёт высокой должности президента Соединённых Штатов^{388}.

Как и подобает значительному государственному лицу, его сопровождала целая свита. Помимо Мэри, семнадцатилетнего Роберта, десятилетнего Вилли, семилетнего Тада, их няни, а также чернокожего слуги (конечно, свободного), к близкому кругу относились семейный врач и родственник Мэри Уильям Уоллес, друг Линкольна Роберт Ирвин, на время путешествия взявший на себя роль казначея, секретари Николаи и Хэй. Соратники-республиканцы Норман Джудд и судья Дэвид Дэвис хотя и не очень ладили между собой, но были одинаково незаменимы в качестве политических менеджеров и советников. Немного простодушный, но всецело преданный другу великан Уорд Хилл Ламон по его личной просьбе взял на себя роль телохранителя. Он прихватил с собой два больших пистолета, ещё два карманных, пару ножей, кастет и... банджо. На фоне Ламона довольно миниатюрным казался ловкий, молодой и весёлый Элмер Элсуорт. Ещё недавно он

практиковался в юриспруденции в офисе Линкольна — Херндона, и, поскольку Роберт был в далёком Гарварде, Мэри и Авраам относились к Элмеру, как к старшему сыну. Кроме того, в Чикаго Элсуорт набрал стрелковую роту для местного ополчения, организовав подобие молодёжного военно-спортивного клуба. Снаряжённая и обученная на манер популярных после Крымской войны французских зуавов, рота Элсуорта гастролировала по городам штата, одинаково привлекая внимание экзотической пёстрой униформой (чего стоили одни красные шаровары!) и акробатически ловкой выучкой. Теперь Элсуорт ехал в Вашингтон в красочном офицерском мундире «чикагских зуавов». Помимо двух охранников-друзей, добровольную обязанность военного эскорта взяли на себя ещё четверо армейских офицеров.

Кроме постоянных пассажиров, в вагонах время от времени появлялись гости, почитавшие за честь проделать хотя бы часть пути рядом с будущим президентом. Гости были самые разные: от губернатора Иллинойса и молодых друзей Роберта Линкольна до знаменитого газетчика Хораса Грили, где-то в Огайо «по ошибке» принявшего украшенный флагами и гирляндами поезд за регулярный пассажирский-^{389}...

Только первые девять часов компания наслаждалась давно забытым покоем. А потом началась трудная для всех работа: нескончаемые встречи-речи-церемонии-проводы.

Некоторые влиятельные историки считали предпринятое политическое турне просчётом, даже двойным. Во-первых, с точки зрения впечатления, произведённого на публику: Линкольн слишком часто избегал обострения ситуации и «позволял себе говорить о мелочах и банальностях». Во-вторых, с точки зрения безопасности будущего первого лица государства: при огромном количестве угроз расправиться с «чёрным республиканцем» осуществить хотя бы одну было

гораздо легче, имея на руках детальное, с точностью до минут, расписание передвижений Линкольна по стране^{390}.

Однако рассмотрение выступлений и поведения Линкольна не вполне подтверждает такую оценку. Николаи и Хэй не заметили особого разочарования у собиравшихся пожелать новому президенту счастливого пути, а, наоборот, увидели в поведении пришедших к поезду людей «нечто вроде религиозного восторга», «беспрецедентное излияние доброжелательных чувств по отношению к будущему главе государства»^{391}. К их мнению присоединился и Норман Джудд. Он утверждал, что каковы бы ни были предубеждения против практичности предпринятого путешествия, все они испарялись при виде того, как встречают будущего президента. Для укрепления поддержки Линкольна населением поездка сослужила неоценимую службу. Того же мнения был будущий президент Джеймс Гарфилд, видевший и слышавший Линкольна в то время^{392}.

Конечно, краткие остановки в небольших городках сопровождались — если вообще сопровождались — самыми общими приветствиями (иногда поезд стоял всего минуту). Уже через день-другой Линкольн признавался Ламону, что хотя и выполнял в своей жизни немало тяжёлой работы, труднее всего оказалось произносить изо дня в день речи ни о чём^{393}. Иногда в таких случаях Линкольн отделялся занятной историей, выводя из неё неожиданную мораль: «Я знал человека, который имел большие шансы быть выдвинутым партией на хорошую должность в графстве. Чтобы поскорее добраться до места партийного собрания, он одолжил лошадь и выехал заранее. Однако лошадь едва плелась, не обращая внимания ни на шпоры, ни на кнут. В результате соискатель прибыл на место, когда собрание уже закончилось. Номинацию он

не получил и, возвращая лошадь владельцу, заявил, что она ни на что не годна. «Отчего же? — возразил сосед. — Это отличная лошадь для похорон!» — «Нет, мой друг! — последовал ответ. — Никогда не запрягай эту лошадь в катафалк!» — «Отчего же?» — «Оттого, что Судный день настанет до того, как она довезёт гроб до кладбища!» Так и я, если буду останавливаться на каждой станции и произносить речь, то прибуду в Вашингтон только тогда, когда моя инаугурация закончится»^{394}.

Однако речи в больших городах и столицах штатов были вполне содержательны. Линкольн, хотя и высказывался очень дозированно, чтобы в условиях постоянно меняющейся политической ситуации не быть заранее связанным какими-либо заявлениями, внимательно следил за реакцией слушателей и прессы на те или иные положения своего будущего программного выступления 4 марта.

Речь в Индианаполисе оказалась слишком воинственной: «Сейчас любят слова «принуждение» и «вторжение». Давайте попробуем разобраться: что люди имеют в виду, когда их употребляют. Если армия двинется, например, по Южной Каролине, не спрашивая её жителей и совершая по отношению к ним враждебные действия — будет это «вторжением»? Будет «принуждением»? Конечно, будет, особенно если к жителям применят насилие. Но если федеральное правительство будет настаивать на том, чтобы, например, удерживать форты, находящиеся в его юрисдикции, или чтобы вернуть себе эти форты, кем-то захваченные? Или будет настаивать на исполнении законов Соединённых Штатов по взиманию таможенных сборов? Или хотя бы на восстановлении почтового сообщения там, где оно нарушено? Неужели сторонники Союза и это сочтут «принуждением» и «вторжением»? Если так, то для них сохранение Союза, который они, как

утверждают, так любят, носит призрачный характер. Они как больные, которые отказываются глотать крошечные пилюли гомеопата, потому что боятся подавиться. Для них Союз, если сравнить его с семейными отношениями, это не прочный законный брак, а свободная любовь, зависящая от того, что они называют «страстным влечением». «На основании чего, — спрашивал Линкольн, касаясь отпадения Юга, — штат, население и территория которого составляют не более одной пятидесятой части всей страны, имеет право разрушать всю нацию? Где те загадочные права, по которым часть страны со своим населением вдруг становится тираном по отношению ко всем гражданам и отказывается признавать авторитет чего-то, стоящего над ней?»^{395}.

Толпа восклицала: «Вот это разговор!», «Вот теперь у нас Президент!» В столице выступление восприняли как знак твёрдых намерений будущего главы государства, хотя кто-то из окружения Сьюарда прислал телеграмму с просьбой подтвердить подлинность опубликованного текста речи — настолько неожиданным был её тон. На Юге немедленно заговорили о «беспечной грубости», о «дыхании войны», о «стрельбе зажигательными снарядами по пороховому складу»^{396}.

Там, на Юге, по стечению обстоятельств также 11 февраля отправился на инаугурацию избранный президентом Конфедеративных Штатов Америки отставной сенатор Джефферсон Дэвис. Вечером того же дня он произносил речь в Джексоне, столице своего штата Миссисипи. Бывший военный министр рассуждал о войне куда более открыто: говорил, что осуждает войну, но встретит её «с суровым спокойствием человека, знающего свой долг и намеревающегося его исполнить». Он уверял густую толпу, собравшуюся в Капитолии штата, что Англия и Франция не потерпят

ограничения вывоза хлопка (то есть «заграница нам поможет»), и обещал идти вперёд «с твёрдым решением исполнять свой долг, как будто сам Господь вручил ему власть»^{397}.

А Линкольн учёл реакцию страны, и его следующая большая речь 12 февраля (уже в городе Цинциннати, штат Огайо) носила подчёркнуто примирительный характер. Линкольн говорил о том, что трудности временны, что наступит время, когда исчезнут различия с братьями «из-за реки» (то есть из рабовладельческих штатов), «навсегда забытые и унесённые ветром»^{398}. Он отмечал, что не отказывается от своих слов, сказанных здесь же два года назад жителям соседнего рабовладельческого штата Кентукки, и повторил их: «Что мы будем делать, когда честно победим вас на выборах, хотите вы знать? Когда мы победим, мы будем относиться к вам по возможности так же, как относились президенты Вашингтон, Джефферсон, Мэдисон. Это значит, мы оставим вас в покое и не будем вмешиваться в ваш «самобытный институт», будем соблюдать все и каждый компромисс Конституции. Мы будем помнить, что вы такие же, как и мы, не хуже и не лучше, и разница между нами — это лишь разница сложившихся условий и обстоятельств. Мы знаем и помним, что в вас бьются благородные и сострадательные сердца, как и у нас, и относимся к вам соответственно». Потом он снова обратился к «согражданам из Огайо»: «И почему бы нам, как и прежде, не жить в общем братстве, в гармонии и мире друг с другом?» Кто-то из толпы выкрикнул: «Мы будем!»^{399}.

На следующий день в столице Огайо Колумбусе Линкольн, похоже, сделал слишком сильный акцент на умиротворении. Его заключительные слова о том, что «существует чувство тревоги, но не более того», что «ничего непоправимого не случилось», что «при

внимательном рассмотрении нет ничего, что могло бы кого-нибудь действительно травмировать»^{400}, породили неоднозначную реакцию. Сторонники видели в таких словах намерение ослабить существующую напряжённость; противники искали в них подтверждение того, что будущий президент не имеет представления о реальном кризисе в стране. В тот же день Джефферсон Дэвис приехал в штат Алабама. В своей речи он пытался предсказывать будущее: уверял, что не пройдёт и шестидесяти дней, как «пограничные штаты» войдут в состав Конфедерации и «Англия нас признает, а проторенные торговые дорожки Севера зарастут травой»^{401}. Закончил он выступление утверждением, что надеется на мир, но готов и к войне.

А Линкольн постоянно работал над своими речами. Уже в Пенсильвании, в Питсбурге (потоки дождя, пять тысяч зонтов), он пояснил свою позицию, признавая, что страна в экстренном положении и это не может не вызывать тревогу и озабоченность каждого патриота. Но создавшийся кризис искусственно вызван политиками, и великому американскому народу по обе стороны разделившей его черты нужно только сдержать свой темперамент, поостыть, а там всколыхнувший страну вопрос будет решён, как раньше решались многие спорные вопросы. «Когда я ехал сюда и видел, что, несмотря на дождь, улицы заполнены народом, — говорил Линкольн, — я не переставал думать, что если все эти люди стоят за Союз, то ему не грозит большая опасность и он будет сохранён!»^{402}

В Стубенвилле на границе Огайо с Вирджинией немалое число жителей рабовладельческого штата пересекло пограничную реку, чтобы посмотреть на нового президента. Здесь Линкольн говорил о затронутых кризисом конституционных правах: «Народ избрал меня, чтобы сделать проводником своих чаяний... Мы повсюду говорим о своей приверженности

Конституции, и я надеюсь, что в этом отношении нет различий между жителями обоих берегов этого величественного потока. Я понимаю, что как бы ни были разочарованы наши братья [из рабовладельческих штатов], они разочарованы не Конституцией. Но какие права даёт Конституция? Кто по ней должен всё решать? Разве не народ, не большинство народа? Разве справедливо отдавать решение общих вопросов меньшинству? Конечно, нет! Да, большинство может ошибаться, и я даже не возьмусь утверждать, что оно не ошиблось, избрав меня. Но мы должны принять принцип правления большинства. Ведь по Конституции вы снова получите свой шанс через четыре года, а за это время много не напортить. Если что-то пойдёт не так и вы осознаете, что ошиблись, — вы выберете в следующий раз более достойного человека. У нас их достаточно»^{403}. А когда на какой-то краткой остановке кто-то выкрикнул из толпы прямой вопрос: «Что вы будете делать с сецессионистами?» — Линкольн признался: «Мой друг, это проблема, над которой я очень серьёзно работаю...»^{404}.

В городке Вестфилде, уже в штате Нью-Йорк, Линкольн поинтересовался, нет ли среди собравшихся той одиннадцатилетней девочки, что в прошлом октябре написала ему письмо с предложением отпустить бороду. «Она здесь!» — закричал какой-то мальчишка, указывая на симпатичную черноглазую Грейс, тут же потупившую взгляд. «Видишь, Грейс, я отрастил её для тебя», — доложил президент, потом сошёл с платформы, подошёл к девочке, наклонился и чмокнул её в зардевшуюся щёку (она была так смущена, что думала только о том, как бы поскорее убежать домой к маме)^{405}.

В тот же день Джефферсон Дэвис прибыл в Монтгомери, столицу Конфедерации. Сойдя со ступенек вагона и переждав артиллерийский салют, он объявил: «Мы совершенно отделились от старого Союза. Никаких

компромиссов, никакого воссоединения теперь не будет»[{406}](#).

Радуюсь встрече со своими сторонниками и одновременно изнемогая от произнесения и выслушивания речей, а особенно от церемоний, на пятый день охрипнув, Авраам двигался на восток и юго-восток. Дожди сменялись снегопадами, снегопады — дождями. После паровоза «Конституция» в состав впрягся паровоз «Союз». Николаи и Хэй вспоминали, как смешались в бесконечную цветную движущуюся картинку «две недели официальных встреч, комитетов, мэров, губернаторов, законодательных собраний; многолюдных вечерних приёмов и постоянных «на ходу» рукопожатий; импровизированных и формальных обращений на каждой церемонии; приветственных возгласов, пушечных салютов, фейерверков, военных парадов и процессий, зрителей, стоящих вдоль дороги на протяжении многих миль»[{407}](#). Уставший от всего этого семилетний Тад развлекался тем, что обращался к новым визитёрам: «Вы хотите видеть мистера Линкольна?» — и указывал на кого-нибудь другого... Во время одного из парадных обедов пушечный салют ударил так близко от отеля, что Мэри мгновенно оказалась осыпанной стёклами разбитого окна... Гигант Ламон, случалось, прикрывал своего друга и патрона в моменты невероятной давки на приёмах, а в свободное время развлекал всю свиту игрой на банджо и популярными песенками вроде «Сюзанны»:

Не плачь по мне, Сюзанна,
Любимая моя.
Из далёкой Алабамы
Я пришёл в твои края...[{408}](#)

А в «далёкой Алабаме» Джефферсон Дэвис уже принял присягу и призвал быть готовыми защищаться от «амбициозных штатов», дабы утвердить своё место в мире «с помощью меча», ведь воссоединение непрактично и невозможно... Штаты Конфедерации под весёлую мелодию своего нового гимна «Дикси» («Мы все поедem в Дикси — Ура! Ура!») — ничего, что сочинён в Нью-Йорке — вели активную делёжку федеральной собственности, не утруждаясь согласовывать свои действия с правительством США. То, что было нажито всем народом и по праву принадлежало всем штатам сообща, насильно забирала себе Конфедерация: федеральные арсеналы и склады, верфи и казармы, таможни и таможенные суда, пограничные посты и форты, даже федеральный морской госпиталь в Новом Орлеане... Семидесятилетний генерал Твигс, ветеран войны 1812 года, командовавший всем пограничным регионом на американо-мексиканской границе (20 процентов всей регулярной армии США и имущество на два миллиона долларов), по собственной инициативе сдал Конфедерации всё, что ему было подчинено. Твигс был уволен «за предательство», и ничего больше с ним сделать было нельзя: он тут же стал старейшим генералом Конфедерации. Началась эпидемия перехода кадровых офицеров армии США в вооружённые силы Конфедерации (из 925 человек перешло больше четверти). «Мы все поедem в Дикси — Ура! Ура!»...

Поздно вечером, после очередного приёма (уже в Филадельфии), Норман Джудд попросил Линкольна пройти в отдельный номер отеля для серьёзного разговора. За окном гремели оркестры и вспыхивали фейерверки. В номере ждал невысокий крепкий шотландец лет сорока. Это был детектив Алан Пинкертон, один из тех, кого наняло железнодорожное начальство для обеспечения безопасности проезда самого знаменитого пассажира. За праздничным

фасадом триумфального движения президентского каравана постоянно шла незаметная работа нескольких служб безопасности. Задолго до начала вояжа своих людей отрядили военный министр Скотт и местные власти. С итогами их работы Аврааму и пришлось познакомиться в этот вечер^{409}.

Пинкертон рассказал, что в Балтиморе, штат Мэриленд, действует несколько экстремистских групп и они внимательно следят за продвижением будущего президента. Главное же — сыщик располагал абсолютно достоверными доказательствами, что сторонники Юга решили убить Линкольна в тот момент, когда он будет вынужден сойти с поезда и проехать примерно милю с четвертью по улицам Балтимора (требовался переезд с одного вокзала на другой). Сценарий был уже расписан: когда Линкольн будет пробираться сквозь густую толпу к коляске, одна группа поднимет шум и отвлечёт полицейских и оцепление, а другая воспользуется суматохой и нанесёт удар^{410}. Детектив предложил немедленно изменить всем известный график движения и отбыть в Вашингтон ближайшим ночным поездом.

Джудд добавил: «Доказательства, предоставленные мистером Пинкертоном, мы не можем предавать гласности. Их публикация поставит под угрозу сотрудников мистера Пинкертона, особенно одного из них, поступившего на службу в кавалерийскую роту мятежников в Мэриленде. Последовать предложению отправиться в Вашингтон нынче же ночью означает подвергнуться насмешкам и издёвкам врагов, более того, вызвать разочарование друзей, ведь никому нельзя будет предоставить доказательств...»

Линкольн ответил: «Я весьма признателен за эти предложения и готов сделать всё, что необходимо». Но потом, немного подумав, поднялся с места и добавил, что исчезать с политической сцены накануне и в день одного из самых важных национальных праздников —

дня рождения Вашингтона — президент страны не имеет права: «Сегодня вечером я ехать не могу. Завтра я пообещал поднять новый американский флаг над Дворцом независимости, а днём побывать в Законодательном собрании штата. После этого я свободен. При составлении нового плана прошу всё это учесть. Утром жду ваших предложений».

Линкольн пожал руку Пинкертону и снова окунулся в шумную толпу гостей, заполнивших холл отеля, — здороваться, пожимать руки, улыбаться. Пинкертон заметил, что за всё время разговора президент не выказал ни страха, ни волнения — скорее, сожаление по поводу того, что сторонники Юга настолько поддались возбуждению и эмоциям, что считают политическое убийство серьёзным подспорьем своему делу. «Я никогда не видел его более хладнокровным, собранным и решительным, чем в тот вечер»^{411}, — вспоминал потом Пинкертон.

Торжественный приём был в разгаре, когда Ламон снова вызвал Линкольна для важного разговора: из Вашингтона примчался сын сенатора Сьюарда Фред со срочным секретным сообщением от отца и генерала Скотта. Их сведения, полученные от собственных агентов, совпадали с информацией команды Пинкертона. Аврааму пришлось решиться на нарушение расписания, обещаний, на риск быть обвинённым в трусости в такие нелёгкие дни. Как ни мечтала Мэри о церемониальном прибытии президентского кортежа в Вашингтон, им пришлось приехать в столицу отдельно и вовсе не торжественно.

Утром 22 февраля, на восходе, в присутствии тридцати тысяч зрителей Линкольн поднял над Дворцом независимости усыпанный звёздами флаг. Ветер развернул освещённое первыми утренними лучами полотнище. Теперь на нём было 34 звезды — меньше месяца назад многострадальный Канзас был принят в

Союз в качестве свободного от рабовладения штата. Когда же Линкольн выступил с речью в том самом зале, в котором была подписана Декларация независимости, лишь несколько человек поняли, что размышления о заговоре не оставляли его мыслей: президент вдруг сказал, что скорее предпочтёт пасть от руки убийцы, нежели откажется от принципов Декларации независимости!

Пока Джудд и Пинкертон корректировали планы доставки Линкольна в Вашингтон, тот отправился в столицу Пенсильвании Гаррисберг: это был намеренный стомильный крюк для встречи с политиками штата, во многом решившего исход недавних президентских выборов. Авраам уже знал, что произнесёт там последнюю речь в поездке (хорошо бы не последнюю в жизни), и постарался, чтобы её запомнили. Он поделился тем возвышенным чувством, которое охватило его утром на церемонии подъёма национального флага, и мыслями, которые пришли ему в голову: «Я не переставал думать о том, что вся торжественная церемония — нечто вроде символа того, что ждёт всех нас. Я думал и о том, что во всём этом торжестве я лишь скромный инструмент. Не я создал этот флаг. Не я организовал саму церемонию. Я лишь приложил некоторые усилия, чтобы поднять его. Я был целиком в распоряжении тех людей, которые всё приготовили. И если я буду опираться на такую же решительную и благородную помощь нашего народа, то, думаю, флаг так и будет гордо развеваться над страной»^{412}.

Короткий час дневного отдыха был потрачен на введение в курс дела ближайшего окружения Авраама и окончательное согласование разработанного Пинкертоном плана. Разгорелся спор: военная часть свиты сочла тайный переезд проявлением трусости, чреватый насмешками. Полковник Самнер объявил, что

приведёт кавалерийский эскадрон и, если надо, прорубится сквозь толпу до самого Вашингтона. Норман Джудд сдержанно заметил, что в этом случае президент может опоздать на инаугурацию. Судья Дэвис прервал начавшуюся перебранку, напомнив, что решающее слово за самим президентом, и попросил его высказаться^{413}. Линкольн объявил, что много думал над сложившейся ситуацией, и если боязнь быть высмеянным — единственное возражение, он принимает план тайного переезда в Вашингтон, пусть даже «аки тать в ночи».

Оставалось всё рассказать Мэри. Авраам не представлял, как можно вдруг исчезнуть, не предупредив жену, и понимал, что придётся выдержать семейную сцену. Мэри подняла шум: она была напугана, но при этом порывалась разделить с мужем опасное путешествие. Однако механизм уже был запущен, любые перемены усиливали опасность быть раскрытыми, и Мэри в конце концов буквально затолкали в её номер и закрыли снаружи на ключ.

Вечером, во время торжественного ужина, большому числу гостей стало известно, что губернатор пригласил Линкольна провести ночь в его доме. Поэтому никто не удивился, когда почётный гость, сославшись на усталость, покинул собрание.

В своём номере Авраам сменил привычный всем цилиндр на низкую широкополую фетровую шляпу, накинул на плечи издававшее виды пальто и прихватил шаль, кутаясь в которую, можно было прикрыть лицо и бороду. Когда сгустились сумерки, он смешался с группой посвящённых, вышел с ними через боковую дверь и тут же нырнул в карету, где его поджидал вооружённый до зубов Ламон. Карета направилась к дому губернатора, но не остановилась, а покатила на окраину. Оттуда короткий состав — паровоз и неосвещённый вагон — помчал странного долговязого пассажира и его спутников в Филадельфию. Как только

поезд отошёл, люди Пинкертона перерезали телеграфные провода.

Сам Пинкертон ждал в Филадельфии. Почти до момента отправления поезда на Балтимор они кружили вокруг станции в закрытой карете. К тому времени агент Кейт Уорн приобрела билеты на целый блок спальных мест в хвостовом вагоне поезда и попросила у кондуктора ключ от задней двери, чтобы было удобнее посадить «брата-инвалида», следующего в столичный госпиталь. За считанные минуты до отправления поезда задняя дверь открылась, впустила пассажира в длинном пальто и мягкой широкополой шляпе и почти сразу снова была заперта.

За час до полуночи поезд уже катил в сторону Мэриленда, к давней границе между свободными и рабовладельческими штатами. За ней начиналась территория, на которой большинство проголосовало за южного демократа Брекенриджа. Мэриленд был единственным штатом на пути Линкольна, который не прислал приглашение выступить перед его гражданами.

Авраам всю дорогу лежал на спальном месте за задёрнутой занавеской — рост не давал ему как следует вытянуться. Рядом постоянно находился Ламон. Пинкертон то и дело выходил на открытую площадку и вглядывался в ночь. Перед всеми мостами невидимые в темноте агенты подавали сигнал белым светом ламп: «Всё в порядке!»

«Всё в порядке», — шепнул Пинкертону посвящённый в тайну железнодорожный чиновник, поднявшийся в вагон в Балтиморе. Поезд прибыл туда в четвёртом часу ночи, когда вероятные конспираторы спали, набираясь сил перед предстоящим нападением. Вагон, как тогда было заведено из-за отсутствия сообщения между северной и южной станциями города, протаскивали по улицам на гужевой тяге и прицепили к поезду на Вашингтон. Отправление задержалось;

получасовое ожидание заставляло прислушиваться к любому шуму. Неподадалёку какой-то могучий ирландец тяжело стучал в закрытое окошко билетной кассы и кричал: «Начальник! Уже четыре! Начальник! Уже четыре!» Пьяная компания вдохновенно горланила «Дикси». Наконец раздался свисток. Поезд тронулся и начал набирать скорость. Мелькнули окраины Балтимора, и Ламон почувствовал, что чем чаще становится перестук колёс, тем спокойнее делается на душе...

В шесть утра они были в Вашингтоне. Можно было подумать, что по перрону идёт зажиточный фермер, приехавший из глубинки оформить бумаги на землю и заодно посмотреть столицу... Пинкертон уже собрался облегчённо выдохнуть, как вдруг справа из-за колонны появился какой-то джентльмен, пристально посмотрел на Линкольна и потянулся к нему: «Эйб, меня-то ты не проведёшь!» Пинкертон попытался отпихнуть пронизательного господина локтем, потом стал отводить руку для удара. В этот миг вмешался Линкольн: «Алан, не трогай его — это мой друг! Знакомьтесь, сенатор Уошберн!»^{414} Сенатор входил в узкий круг уведомлённых вернувшимся в Вашингтон Фредом Сьюардом о тайном приезде Линкольна и пришёл хотя бы изобразить торжественную встречу.

Вся компания погрузилась в карету сенатора и довольно быстро прибыла в отель Уилларда, временную резиденцию Линкольнов до въезда в Белый дом. Туда же немедленно примчался сенатор Сьюард. В Филадельфию, Чикаго и Нью-Йорк ушли закодированные телеграммы вроде такой: «Чернослив и орехи прибыли в Вашингтон утром», — что означало: «Опасность миновала».

Осталось только пережить издёвки, усмешки и карикатуры, которыми наполнился город, а затем и страна: никаких оправданий действий Пинкертона

общественность не получила. Только много позже существование реального заговора будет признано. На могиле Пинкертона напишут: «В тяжёлый час он благополучно провёл Линкольна через опасности к сцене его первой инаугурации»^{415}.

Мэри с детьми и официальная свита Линкольна выехали из Гаррисберга в девять утра. Когда пересекали линию Мейсона-Диксона, историческую границу между свободными и рабовладельческими штатами, Роберт затянул «Усыпанный звёздами флаг» — будущий гимн США. Переезд прошёл без особых инцидентов, если не считать встречу в Балтиморе с толпой зрителей, в большинстве своём не проявлявших радости от проезда президентского поезда. Впрочем, все уже знали, что сам Линкольн находится в столице, поэтому дело ограничилось несколькими недовольными выкриками и требованиями выдать «чёрного республиканца».

К вечеру Мэри уже распаковывала вещи в шестом номере отеля Уилларда: с помощью компаньонки она подбирала наряд для первого из череды предстоящих приёмов. Роберт убежал осматривать столицу, зато Вилли и Тад с удовольствием карабкались вверх и вниз по пытающемуся отдохнуть в кресле Аврааму. А в лобби отеля собиралась толпа посетителей, пришедших кто просить, кто поздравлять, кто просто поглазеть на будущего президента...

ЕДИНСТВЕННЫЙ МИРНЫЙ МЕСЯЦ

Девять дней от приезда до инаугурации промчались в спешке и заботах. Нужно было нанести несколько официальных визитов: выразить почтение «пока-ещё-президенту» Бьюкенену, побывать в Капитолии и пообщаться там с заканчивающими сессию конгрессменами, продемонстрировать должное уважение Верховному суду, появиться на званных обедах. Когда не было визитов, время отнимали приёмы не только отдельных посетителей, но и целых делегаций и всевозможных комитетов. В шестой номер на втором этаже отеля Уилларда поднимались весьма значительные гости. Явился при всех регалиях престарелый, но по-прежнему монументальный главнокомандующий генерал Уинфилд Скотт (рост два метра, вес под 150 килограммов). Продемонстрировали уважение недавние соперники — бывшие кандидаты в президенты.

Больше всего тронула Авраама встреча со Стивенем Дугласом, нещадно тратившим последнее здоровье в политических баталиях «зимы раскола»: сильно постаревшее лицо, синяки под впавшими глазами; главное лекарство от стрессов — по-прежнему виски. Поддерживая Линкольна в борьбе за целостность страны, лидер демократов Севера открыто заявлял: «Я на его стороне»; теперь в откровенной личной беседе он заверил давнего оппонента, что не собирается сколачивать политический капитал за счёт наступившего кризиса: «Главное — сохранить Союз, и партийные пристрастия должны уступить место патриотизму. Я с вами, мистер президент, и да поможет

вам Бог!» Когда Дуглас ушёл, Линкольн не удержался от восклицания: «Какой благородный человек!»^{416}.

Самым трудным в приёмах было то, что паузы между действительно необходимыми встречами заполняли разномастные просители и ходатаи. Ведь Линкольн, соглашаясь с тем, что местом его временного пребывания будет не частный дом (очень хороший, давно приготовленный и арендованный друзьями), а отель, сам объявил: «Теперь я общественная собственность, поэтому гостиница — то место, где люди будут иметь ко мне свободный доступ»^{417}.

Сенатор Гарлан, побывавший у Линкольна в день его приезда, 23 февраля, вспоминал, что тот «был ошеломлён количеством просителей»: «Не только сам номер, но все коридоры и лестницы, ведущие к нему, все холлы были переполнены толпами людей, и каждый претендовал сказать Линкольну хотя бы пару слов наедине»^{418}. Что это была за публика, вспоминал два десятилетия спустя секретарь Хэй, у которого «от контактов с жадными и самолюбивыми искателями должностей» остались самые неприятные впечатления: «Для того чтобы выдержать постоянное общение с завистливыми, низкими, глупыми и до предела эгоистичными людьми, нужно быть крепким духом и обладать устойчивой нервной системой»^{419}.

Осаждали резиденцию не только представители многочисленного отряда просителей мелких должностей. Клубилась и не думала улегаться борьба партийных фракций. Радикалы и консерваторы пытались в последний раз повлиять на назначения в Кабинет. Сторонники Чейза всё ещё просили отказаться от Сьюарда. Сьюард решительно не хотел работать рядом с Чейзом. Не останавливался штурм мест Кэмерона и Смита...

Линкольн всех выслушивал и никого не слушался. Вопрос с Кабинетом он для себя уже решил. Главным

делом для него стала в это время окончательная отделка инаугурационной речи, которую он однажды определил как свой выставяемый на всеобщее обозрение «сертификат моральных качеств»^{420}. Пауза от выборов до вступления в должность была такой долгой, что требовала особо ответственного отношения к первому за многие месяцы официальному заявлению.

Подготовка речи началась ещё в Спрингфилде. Линкольн снова обложился книгами, углубился в Конституцию, перечитал важнейшие политические речи, связанные с проблемой раскола между штатами. Иногда он вдруг исчезал из офиса и в спокойном месте набрасывал на бумаге слова, которые считал самыми важными для страны. Тогда об этом знали очень немногие. Именно для них в январе были тайно отпечатаны копии первого варианта выступления. В Спрингфилде их прочитали только те друзья, чьим мнением Авраам особенно дорожил (одним из первых — судья Дэвис).

Работа продолжалась по дороге в Вашингтон и могла быть сведена на нет в тот вечер, когда Роберт едва не потерял доверенный ему отцом саквояж с оригиналом и несколькими копиями будущей речи. Это был единственный случай, когда более чем терпимый к сыновьям Авраам всерьёз рассердился (благо саквояж нашёлся в куче безнадзорно сваленного в отеле багажа). В Вашингтоне, запомнили секретари Линкольна, он отдавал работе над речью каждый свободный момент днём и многие часы ночью^{421}.

Из избранных «рецензентов» больше всего поправок внёс Уильям Сьюард. Он получил текст сразу по приезде Линкольна в Вашингтон и буквально через день вернул весь испещрённый пометками, с несколькими страницами комментариев и предложений. Линкольн принял 27 из 49 пометок Сьюарда и согласился с пожеланием, уже высказывавшимся другими

«рецензентами»: «умягчить» текст, чтобы успокоить общественное мнение^{422}.

Даже 4 марта, в день инаугурации, Авраам, поднявшийся в пять утра, ещё вносил в речь последние изменения и обсуждал их с соратниками. Наконец Роберт прочитал вслух окончательный вариант. Текст выступления занял семь листов и весь состоял из зачёркиваний и правок, вставок и дополнений, клапанов и вклеек: переписать всё набело времени не оставалось^{423}.

К полудню на улице запели флейты и застучали барабаны. Началось торжественное шествие. К отелю Уилларда подкатила открытая коляска: прибыл президент Бьюкенен. Протокольная встреча в лобби — и коляска с двумя чинно беседующими президентами двинулась по заполненной народом Пенсильвания-авеню в сторону Капитолия. Конный эскорт окружал собеседников так плотно, что разглядеть их с тротуара было практически невозможно. Это была намеренная предосторожность генерала Скотта: слухи, что Линкольна застрелят в день инаугурации, были известны всему городу. Вдоль маршрута стояли цепи солдат, на самых высоких зданиях были размещены снайперы, по прилегающим улицам разъезжали кавалерийские патрули. В сорокатысячной толпе сновали переодетые полицейские. Две артиллерийские батареи стояли наизготовку у Капитолия не только для салюта.

Место торжественной клятвы — свежесколоченная крытая платформа — находилось у восточного фронтона Капитолия. Капитолий был недостроен, как сама страна: вместо купола над его центральной ротондой на фоне пасмурного неба торчали металлический каркас и подъёмный кран. Когда сенатор Бейкер объявил своим знаменитым звучным голосом: «Сограждане! Представляю вам Авраама Линкольна, нового

президента Соединённых Штатов!» — тучи начали расступаться.

Линкольн, до этого момента исполненный спокойствия, на мгновение заволновался. Он посмотрел по сторонам, ища, куда бы пристроить на время произнесения речи свой цилиндр. Выручил стоявший рядом Стивен Дуглас: принял цилиндр и держал его всё время, пока длилась инаугурационная речь. Многие сочли это символическим жестом. А Линкольн надел очки в круглой металлической оправе и расправил правленные-переправленные листы.

«Граждане Соединённых Штатов!» — начал он с заметным ударением на слове «Соединённых», и слушатели взорвались аплодисментами. Почти сразу речь пошла о самом наболевшем: «Судя по всему, среди жителей южных штатов существуют опасения, что с приходом республиканской администрации их собственность, мирная жизнь и личная безопасность могут оказаться под угрозой...»

«Южных штатов», говорил Линкольн, не упоминая, что уже почти месяц как семь штатов объявили о формировании особого государства. Он стремился объяснить, что «большая паника», «большой страх», подтолкнувшие южан к отделению, напрасны: «Для подобных опасений не было и нет никаких разумных оснований. В действительности всегда были и есть убедительные доказательства, свидетельствующие об обратном, и их легко проверить. Их можно найти фактически во всех опубликованных речах того, кто сейчас выступает перед вами. Приведу лишь высказывание, содержащееся в одном из моих выступлений: «У меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где он существует». Я считаю, что не имею законного права делать это, и не склонен делать».

Линкольн постоянно подчёркивал свой консерватизм: упирал на намерение «не отречься», «сохранять», «предоставлять защиту», «выполнять и соблюдать» вместо того, чтобы «нарушать».

Выступление слушали с вниманием и серьёзностью; стояла тишина, но настолько напряжённая, что сидевший рядом с Линкольном Хорас Грили признавался потом, что всё время ждал, что вдруг сухо треснет ружейный выстрел...^{424} Но сухо и громко треснула только ветка дерева — и один из слушателей, недавно гордившийся удобным насестом, свалился на землю.

Ни кентуккийский акцент президента, ни его высокий голос не резали слух — аудитория ловила идеи, и они успокаивали: «Я считаю, что с точки зрения универсального права и Конституции Союз этих штатов вечен (после этих слов аудитория взорвалась громкими приветственными криками). Вечность, даже если она не выражена прямо, подразумевается в основном законе всех государственных форм правления. Можно с уверенностью утверждать, что никакая система правления как таковая никогда не имела в своём основном законе положения о прекращении собственного существования».

Единство Союза — вот центральная тема речи, задуманная ещё в Спрингфилде. Она объединяла большинство, и слова о единстве страны были встречены возгласами одобрения. После них можно было обосновать незаконность сецессии. Линкольн стал приводить логичные доводы: даже если Соединённые Штаты не особая система правления, а только ассоциация договорившихся между собой штатов, как можно расторгнуть договор без участия всех сторон, его заключавших? Разорвать его только по заявлению одной стороны — разве не означает нарушить? А для законной отмены разве не требуется согласие всех сторон? В самом начале Конституции США говорится, что народ

объединился, чтобы «образовать более совершенный Союз». «Но, — продолжал Линкольн, — если разрушение Союза одним или только частью штатов станет возможным по закону, то тогда Союз будет менее совершенным, чем до принятия Конституции». Следовательно, такое разрушение противоречит основному закону страны. Значит, «ни один из штатов не вправе сугубо по собственной инициативе выйти из Союза, а принимаемые с этой целью решения и постановления не имеют юридической силы, и акты насилия в пределах любого штата или штатов, направленные против правительства Соединённых Штатов, приобретают, в зависимости от обстоятельств, повстанческий или революционный характер».

Из этих рассуждений видно, что Линкольн для выработки своей позиции воспользовался юридическими прецедентами, в частности давним решением Верховного суда США, его легендарного судьи Маршалла: «Народ создал Конституцию, и только народ может её отменить. Это порождение его воли, и по его воле оно живёт. Эта верховная и непреодолимая власть создавать и отменять принадлежит только всему народу, а не какой-то его части. Любая попытка какой-то части народа применить эту власть есть узурпация и должна быть пресечена теми, кому народ делегировал свои права на это. Тот факт, что правительство не может действовать наперекор воле народа и не может ни силой, ни как-либо ещё контролировать всю нацию, не является аргументом в пользу того, что это правительство не имеет конституционных прав сохранять существующую систему правления, выступая против части нации, действующей вопреки общей воле народа» (дело 1821 года «Коэн против Вирджинии») [{425}](#).

Здесь Линкольн коснулся самого пугающего вопроса: не грозят ли стране насилие и кровопролитие? Его

ответ: со стороны федерального правительства не грозят, «если их не навяжут общенациональным органам власти». При этом не отменяется задача президента «контролировать, занимать и владеть» объектами собственности и территориями, принадлежащими правительству, равно как собирать пошлины и налоги.

Ещё одним наболевшим вопросом был вопрос о правах меньшинства, якобы (по заявлению сецессионистов) нарушенных выигравшим президентскую гонку большинством. Позиция Линкольна была предельно конкретна: есть права меньшинства, закреплённые в Конституции, и никто их не нарушил, не нарушит и не имеет права нарушать. «Вспомните, если сможете, хотя бы один случай, когда ясно записанное положение Конституции было отвергнуто. Если бы большинство просто в силу своего численного превосходства лишило меньшинство любого ясно записанного конституционного права, это могло бы с моральной точки зрения оправдать революцию, при том условии, конечно, что такое право имело бы жизненно важное значение. Но в нашем случае это не так. Все жизненно важные права меньшинств и индивидов столь явно обеспечены содержащимися в Конституции утверждениями и отрицаниями, гарантиями и запрещениями, что относительно их никогда не возникнет споров». Есть, конечно, вопросы, не записанные в Конституции; их решением призван заниматься Конгресс. Такие вопросы приходится решать большинством голосов, иначе несогласие меньшинства породит анархию: «Если меньшинство не примет решение большинства, а вместо этого отколется от него, оно создаст прецедент, который, в свою очередь, и его раскол и погубит, поскольку всякое возникающее в его собственной среде меньшинство будет откалываться от него всякий раз, когда большинство откажется быть

контролируемым таким меньшинством. Почему бы, например, через два-три года какой угодно части новой конфедерации не отколоться снова, точно так же, как части существующего ныне Союза пытаются выйти из его состава?» (Меньше чем через два года от Вирджинии отколется не согласная с сецессией Западная Вирджиния.)

Линкольн объясняет, казалось бы, понятные всем азы демократии: «Единственным истинным сувереном свободного народа является большинство, которое удерживается в определённых рамках посредством конституционных сдержек и противовесов. Это большинство постоянно меняется вместе с изменением мнений и чувств народа. Всякий, кто отвергает это, неизбежно скатывается или к анархии, или к деспотизму. Единодушие невозможно; правление меньшинства как постоянное устройство совершенно недопустимо. Значит, если отклонить принцип большинства, кроме анархии или деспотизма в той или иной форме ничего не остаётся».

И снова Линкольн подчёркивает, что всё решает народ: «Президент США получает все свои полномочия от народа, и ни в одном из них ему не поручено ставить условия разъединения штатов. Народ сам может сделать это, если, конечно, придёт к такому решению... Почему бы нам не сохранять терпеливо веру в конечную справедливость народного решения?»

Линкольн прекрасно понимал, что сторонники раскола верят в свою правоту, но пытался объяснить, что «народ, проявляя мудрость, предоставил своим государственным чиновникам слишком малые полномочия для совершения зла и столь же мудро предусмотрел возвращение этого малого в свои собственные руки через очень короткие интервалы». Именно поэтому президент призывал не торопиться с выводами, ведь новое правительство ещё ничего не

сделало и «для поспешных действий нет ни одной уважительной причины». В его словах сквозил призыв: подождите, и вы увидите, что для страхов не было оснований, с вашей поспешностью вы помешаете осуществлению добрых намерений... А если основания появятся — ничто не мешает народу сменить президента на новых выборах.

И вот финал, самые основные итоги речи: «В ваших руках, мои неудовлетворённые соотечественники, а не в моих, важнейшая проблема гражданской войны. Правительство не собирается нападать на вас. Не будет конфликта, если вы не нападёте сами. Вы не связаны никакой зарегистрированной на небесах клятвой уничтожить существующую систему правления, в то время как я буду связан самой торжественной клятвой «поддерживать, охранять и защищать» её».

После этих слов одобрительные возгласы раздавались дольше и громче всего.

Президент должен был закончить фразой «Вам, а не мне отвечать на вопрос: «Будет это мир или меч?». Но Сьюард, прочитав речь, предложил не обрывать её так жёстко, а добавить что-то обнадеживающее, и даже набросал два варианта. Линкольн превратил идею Сьюарда в образец ораторской «поэзии в прозе»^{426}: «Я не хочу так завершать свою речь. Мы не враги, а друзья. Мы не должны быть врагами. Хотя страсти, возможно, чрезмерно натянули узы нашей взаимной привязанности, они не должны разрывать их. Есть мистические струны памяти, которые тянутся над просторами всей страны от каждого поля битвы, от каждой могилы патриота ко всем живущим, ко всем домашним очагам. Они ещё зазвучат в единой гармонии Союза, когда к ним прикоснутся — и это наверняка произойдёт — лучшие ангелы нашей человеческой природы»^{427}.

Нью-йоркский корреспондент заметил, что у многих присутствовавших выступили слёзы^{428}.

Линкольн умолк, и со своего места поднялся престарелый верховный судья Роджер Тони, тот самый, который после предыдущей инаугурации вернул Дреда Скотта в состояние раба, а всех чернокожих лишил прав на гражданство.

В этот момент кому-то пришло в голову, что сморщенный «кадавр в чёрных шелках», принимавший высшую присягу в седьмой раз, и один из самых молодых на тот момент президентов США были будто два мира, старый и новый, встретившиеся лицом к лицу и разделённые только лежавшей между ними Библией в тёмно-красном бархате с позолоченной застёжкой^{429}.

Сторонники каждого из этих миров по-разному восприняли одни и те же слова инаугурационной речи 16-го президента. Её читали повсеместно. Кто-то запомнил, как утром 5 марта в Нью-Йорке почти все прохожие шли по Бродвею, уткнувшись в газеты, и от этого постоянно сталкивались друг с другом^{430}. «Нью-Йорк тайме» уверяла, что «большинство американского народа всем сердцем одобрило инаугурационную речь, преисполненную интеллектуальной и моральной энергии и вдохнувшую новые надежды в сердца американцев»^{431}. «Нью-Йорк трибюн» радовалась, что в стране снова появилось федеральное правительство во главе с настоящим лидером, который «наведёт порядок в кажущемся хаосе, и вместо глупости восторжествует разум, вместо опасности — надёжность». В Плимуте (Массачусетс) газета восхищалась «мудрым, рассудительным и бесстрашным президентом, не подверженным фанатизму своей партии»^{432}. Сенатор из Массачусетса Самнер увидел в выступлении «железную руку в бархатной перчатке». Сенатор из Вермонта Морилл заметил, что «все

воспринимают речь как документ необыкновенно удачный, а относительно сложных тем — как необыкновенно тактичный».

Точнее было бы сказать «многие», но отнюдь не «все». В Южной Каролине чарлстонский «Меркурий» сделал совершенно иной вывод: «Президент Северных Штатов Америки... озвучил объявление войны!» К нему присоединился сенатор из Техаса: «Инаугурация означает войну, войну не на жизнь, а на смерть!» Президент Конфедерации Дэвис хранил молчание^{433}; Конгресс Конфедерации через день ответил по-своему: объявил о наборе в армию ста тысяч добровольцев^{434}.

Вскоре молодой карикатурист Томас Наст изобразил, насколько противоположно воспринимают инаугурацию в двух несхожих регионах страны. В глазах Севера Линкольн с его речью — доброжелательный миротворец в лавровом венке, с пальмовой ветвью в одной руке и весами в другой (в чашах уравнивают друг друга характерные южанин и северянин). В глазах Юга тот же Линкольн после инаугурационного выступления — ощерившийся злобой бог Марс в римском шлеме и с окровавленным мечом, грубо попирающий опрокинутого наземь Джефферсона Дэвиса, изображённого в виде пытающегося махать плёткой и сжимающего револьвер надсмотрщика^{435}.

Как видят инаугурационную речь президента на Севере...

...и на Юге». Карикатура Т. Наста. 21 марта 1861 г.

Но 4 марта всю палитру последующей реакции можно было только предсказывать. После инаугурации открытая коляска с двумя президентами покатила под восторженные возгласы обратно по Пенсильвания-авеню по направлению к Белому дому. У главного входа

Бьюкенен пожал руку преемнику и, по легенде, сказал, сдавая хозяйство: «Если вы так же радуетесь, вступая в Белый дом, как радуюсь я, покидая его, то вы самый счастливый в мире человек!»

Поздним вечером в просторном зале специально возведённого деревянного павильона, прозванного за белую муслиновую драпировку «дворцом Аладдина», в сиянии многочисленных газовых светильников состоялся блистательный инаугурационный бал. Мэри была центром внимания. В шёлковом лавандовом платье, украшенном цветами, с богатым, но строгим бриллиантовым ожерельем, она производила впечатление «утончённой леди, исполненной вкуса и такта»^[436]. В полночь, в разгар праздника, Мэри танцевала кадрили с сенатором Дугласом. А Авраам, отбыв положенное по этикету время, в первый же час первого дня своего президентского срока отправился в Белый дом, на рабочее место.

В кабинете, пропахшем дымом сигар Бьюкенена, его ждали бумаги, оставленные предшественником. Были среди них и курьёзные, вроде предложения короля Сиамы прислать слонов для разведения в Америке; но большинство касалось весьма серьёзных проблем. Самым первым попало в руки Линкольна донесение о ситуации вокруг форта Самтер, всё ещё остававшегося под контролем федеральных сил.

Этот мощный форт, предназначенный для обороны входа в гавань важного атлантического порта Чарлстон в Южной Каролине, считался собственностью федерального правительства, то есть всех США^[34]. Он даже построен был на искусственном острове из гранитных блоков, доставленных с Севера, из каменоломен Новой Англии. К моменту вступления Линкольна в высшую должность только Самтер и ещё один форт, Пикенс, далеко на юге, на острове у берегов Флориды, не были захвачены конфедератами

(формально не сданные тexasские форты были обречены).

Ежеутренняя церемония подъёма над Самтером государственного флага США становилась вызовом для жителей Чарлстона и всей Конфедерации. Командующий гарнизоном Самтера майор Роберт Андерсон, южанин из семьи рабовладельцев Кентукки, оставался верным Союзу и не думал покидать свой искусственный остров. «Я не собираюсь, — говорил он, — после тридцати с лишним лет службы быть обвинённым в предательском оставлении вверенной моей охране общественной собственности»^{437}. Тем временем по Чарлстону и окрестностям маршировали тысячи и тысячи воинственно настроенных вооружённых конфедератов. На береговых батареях расставляли орудия и направляли их стволы на непокорный форт.

Положение Андерсона было отчаянным, и он откровенно писал об этом в донесениях. Форт Самтер нельзя было ни защитить имеющимся гарнизоном (около восьмидесяти человек вместо штатных 650), ни усилить подкреплениями (все подходы с моря простреливались береговыми батареями). Запас продовольствия быстро уменьшался: местные власти давно уже не позволяли закупать провизию на берегу, а однажды даже отогнали огнём мирный пароход, пытавшийся доставить припасы морем. Линкольн запросил экспертное мнение генерала Скотта: сколько сможет продержаться Андерсон? Возможно ли за это время послать ему припасы или подкрепление? Какими силами можно обеспечить контроль над «крепостью»? Скотт отвечал, что продовольствия у Андерсона недель на шесть, в существующей ситуации ни подкрепить его, ни снабдить припасами невозможно, решить проблему можно, имея мощный флот и 25-тысячное войско (вся регулярная армия США в то время составляла 16 тысяч человек, расплётённых по всей стране), а его формирование

потребуется специальных решений Конгресса (который ещё надо собрать) и времени на набор и обучение войск, а значит, растянется на шесть — восемь месяцев^{438}.

Так сдавать форт или держать любой ценой?

Единства не было даже у членов правительства. Президент попросил каждого высказать своё мнение письменно. Четверо склонялись к тому, чтобы эвакуировать форт: любая его поддержка спровоцирует войну. Осторожный Сьюард считал, что если возможность мирно доставить продовольствие существует, не сделать этого было бы «немудро и негуманно», но при этом любое использование для этого вооружённых сил начнёт гражданскую войну, а её никоим образом нельзя провоцировать. Двое — Чейз с оговорками и Блэр решительно — стояли за посылку подкреплений для Самтера. Блэр объяснял это тем, что сдача форта подорвёт авторитет правительства как у сторонников Союза на Юге, так и у сторонников Линкольна на Севере^{439}.

Действительно, то большинство, которое проголосовало за Линкольна и единую страну, уже ждало, что президент начнёт доказывать делом свои слова об обязанности «поддерживать, охранять и защищать» федеральную собственность. Недавние избиратели без конца писали, что проблема лежит далеко не в абстрактно-правовой сфере. Республиканец из Нью-Йорка негодовал: «Если Вы, сэр, сдадите форт Самтер — Вы будете мертвы политически так же, как Джон Браун физически... Вы должны сражаться! Если Вы не будете делать этого, сэр, страна сделает это без Вас. Неужели Вы думаете, что Нью-Йорк будет тихо сидеть и наблюдать, как вся торговля перемещается к южным портам, весь импорт, предназначенный для Запада и Северо-Запада, проходит через порты Юга из-за того, что они предложили беспошлинную торговлю? Либо

действуйте немедленно и решительно, либо уходите в отставку и отправляйтесь домой».

Ему вторил республиканец из Цинциннати: «Ещё 30 дней «мирной» политики, и развалится не только Республиканская партия, но и само правительство. Нас уже побили на городских выборах, а также в Сент-Луисе, Кливленде, Род-Айленде, Бруклине; мы потеряли два места в Конгрессе от Коннектикута — всё это от деморализующего эффекта кажущегося бездействия и умиротворяющей политики президентской администрации, от впечатления, что форт Пикенс собираются сдать мятежникам! Единственно возможный способ сохранить администрацию — и правительство, и Союз! — состоит в твёрдом противостоянии расколу. Прежде всего, и любой ценой — укрепление и сохранение за собой форта Пикенс... Форт Самтер должен быть снабжён продовольствием (неважно, ценой денег или жизнью)... Усиьте форт Пикенс — и пусть они его атакуют (кто знает, станут ли?). Если станут — все ядра, выпущенные против его стен, срикошетят и ударят по ним же, их же и погубят!.. Пятьсот тысяч человек, которые голосовали за Вас, готовы и страстно хотят поддержать Вас в борьбе за сохранение целостности Союза, старой Конституции, как она есть, за торжество законности»^{440}.

Наиболее авторитетные деятели являлись к президенту лично. Блэр-старший, глава влиятельного политического клана, не смог сдержаться: «Сдача форта — это сдача Союза, это предательство!» Конгрессмены-республиканцы добавляли: «Сдача форта — это гибель Республиканской партии»^{441}.

В подобных случаях Линкольну приходила на память история о ссоре двух его младших сыновей. Одному из них принадлежала игрушка, которую другой хотел настолько страстно, что поднял из-за этого невыносимый вой. Но когда счастливому владельцу было

сказано: «Отдай ему игрушку, чтобы он так не орал», — ответ был: «Я оставляю её себе, чтобы я так не орал!» Мораль для Линкольна была очевидна: бессмысленно успокаивать Юг за счёт раздражения Севера^{442}...

Север и так был раздражён. Газеты выходили с заголовками «Ближе к делу, мистер Линкольн!» или «Есть ли у нас правительство?», а правительство только формировалось. Наверху всё шла и шла борьба за «внутренние форты» — должности в практически заново создаваемом госаппарате. Назначения делались через президента, и эта работа съедала большую часть его времени. Вполне лояльная газета из Огайо отмечала: «Вопрос, надо ли подкрепить или сдать форт Самтер, создаёт меньше шума, чем вопрос о том, «сдать» ли посты на нью-йоркской таможне и в почтовых офисах «непримиримым» или удерживать их для консерваторов». Линкольну постоянно приходилось считаться с требованиями сторонников Чейза и Сьюарда. Он даже завёл специальную записную книжку, чтобы следить за балансом должностей для представителей разных фракций. Бейтс записывал в дневнике, что Кабинет постоянно спорил, как «поделить пять хлебов и две рыбы». Три месяца спустя Линкольн признался, что ни одна проблема не доставила ему в начале президентства столько забот, сколько проблема выбора главного инспектора нью-йоркской таможни. Он сравнивал себя с домовладельцем, который «настолько занят сдачей внаём комнат в одном крыле своего дома, что ему некогда гасить пожар, начавшийся в другом крыле». «Обустройству комнат» не было видно конца, и вскоре Линкольн отчётливо дал понять окружающим: хотя Вашингтон наводнён тридцатью тысячами искателей должностей, которые съедают всё рабочее время президента, есть ещё 30 миллионов жителей страны, которые ничего не просят, но ждут ответов на самые наболевшие вопросы^{443}. Он сократил приёмные

часы (не с девяти утра до ночи, а с десяти утра до трёх, а потом и до часу пополудни), научился говорить решительное «нет» даже родственникам Мэри. Приближался апрель, запасы форта Самтер подходили к концу, и надо было принимать окончательное решение.

Положение усложняла позиция «верхнего Юга» — восьми пограничных рабовладельческих штатов, пока не спешивших присоединиться к Конфедерации. Характерна была ситуация в одном из ключевых штатов, густонаселённой и процветающей Вирджинии, чья территория простиралась к югу и западу от столичного округа Колумбия. В столице штата Ричмонде с середины февраля непрерывно заседала «конвенция об отделении». Там с пламенными речами выступали эмиссары-пропагандисты Конфедерации, им не менее страстно отвечали защитники целостного Союза с гарантиями рабовладения. На решительном голосовании 4 апреля немедленная сессия была отвергнута соотношением голосов два к одному, но после этого конвенция не спешила расходиться: окончательное решение напрямую зависело от судьбы форта Самтер, от того, Север или Юг первым перейдёт к открытому насилию. Чтобы удержать Вирджинию в Союзе, Линкольн был готов на компромисс: он несколько раз встречался с представителями штата, прозванного «родиной президентов», неоднократно заявлял, что не хочет кровопролития, и если для Вирджинии именно Самтер является главной болевой точкой, проблему решить можно. Не раз Линкольн предлагал сделку: он готов эвакуировать гарнизон форта при условии, что Вирджиния распустил «конвенцию об отделении», сохранив в качестве окончательного решение не присоединяться к Конфедерации. Он даже пробовал шутить: «Форт на штат — неплохой бизнес!» Но представители Вирджинии всё время уходили от ответа^{444}. Как и в предыдущих случаях предложения

компромиссов, все были полны идей, но никто не брал на себя ответственность за их воплощение в жизнь, не давал гарантий.

Ход событий форсировали два послания президенту. Автор первого, главнокомандующий федеральной армией генерал Скотт, уроженец Вирджинии, неожиданно выступил не как военный, а как политик и явно патриот родного штата: 28 марта он предложил эвакуировать оба форта, Самтер и Пикенс, исходя не из военной необходимости, а из предположения, что этот шаг «немедленно сгладит противоречия внутри оставшихся восьми рабовладельческих штатов, придаст им уверенности и укрепит их сердечную привязанность к Союзу».

Кабинет (за исключением Сьюарда и Смита) был потрясён, что военный эксперт начал оказывать давление на политиков. Возникло подозрение, что и предыдущие рекомендации Скотта были продиктованы не военным анализом ситуации, а симпатиями к Югу. На этот раз на заседании Кабинета большинство высказалось за помощь фортам, тем более что нашёлся знающий человек, который, в отличие от Скотта, считал, что экспедиция по помощи Самтеру может быть удачной. Это был рекомендованный неугомонным Блэром специалист по береговой обороне, некогда флотский офицер, а позже заместитель военно-морского министра Густав Ваза Фокс. Он, как и ещё несколько доверенных лиц Линкольна (в том числе преданный Ламон), побывал в Чарлстоне, пообщался с Андерсоном и изучил обстановку на месте. Несмотря на береговые батареи, он брался доставить в Самтер необходимый груз на кораблях, подойдя ночью со стороны открытого моря.

Автором второго послания, озаглавленного «Некоторые размышления для рассмотрения президентом», был Уильям Сьюард. Несмотря на

«несерьёзный» день 1 апреля, его записка была совершенно серьёзна. Государственный секретарь сразу брал быка за рога: «Кончается месяц, а у нас нет никакой политики, ни внутренней, ни внешней». За словами «у нас» явно читалось «у Вас, господин президент». Сьюард выступал с позиции более опытного и мудрого политика, чьим советам необходимо следовать, чтобы наладить политический процесс в стране. Советы были самые разные, и среди них — предложение отказаться от Самтера. Особо был представлен экзотический план придраться к агрессивной политике европейских держав в Латинской Америке и объявить войну одновременно Испании и Франции (а то и Англии). Войной и вызванным ею патриотическим порывом, верил Сьюард, можно снова объединить нацию, и она забудет внутренние распри. В заключение Сьюард предлагал немедленно и энергично начать претворение в жизнь неотложных мер и объявлял, что готов заняться этим лично вместо президента, ибо «не бежит и не боится ответственности».

Реакция Линкольна позже вошла в учебники для будущих политиков. Сначала он написал Сьюарду короткий, но очень жёсткий и конкретный ответ, в котором объявил: правительственная политика была определена в инаугурационной речи, которую Вы, мистер Сьюард, одобрили, а раз так, данное тогда обещание «поддерживать, охранять и защищать» распространяется и на форт Самтер; о наличии же внешней политики свидетельствуют подготовленные для послов циркуляры по текущим проблемам. А главное не нужно претендовать на чужое место: «Всё, что должно делать, обязан делать я», советуясь не с одним «визирем», а со всем правительственным Кабинетом^{445}.

Письмо Линкольн написал, но не отправил. Дав выход нахлынувшим эмоциям, он спрятал свидетельство своего гнева в архиве и нашёл способ поговорить лично и намного сдержаннее (так он нередко будет поступать и в дальнейшем). В результате напряжение в отношениях президента и госсекретаря миновало кризисную точку. После этого решительного «приступа» к высшей должности Сьюард стал всё больше признавать политическое мастерство Линкольна («Президент лучший из нас», — скажет он через два месяца). Началось их сближение, во многом ставшее возможным ещё и потому, что Линкольн начал действовать.

Он пришёл к парадоксальному выводу: решение вопроса о применении или неприменении насилия нужно переложить на Конфедерацию. Если она действительно столь миролюбива по отношению к своим «братьям с Севера», то не начнёт убивать своих сограждан первой. Линкольн решил не оказывать Самтеру военной поддержки, но при этом не сдавать форт и не заставлять Андерсона покидать его из-за голода. Он распорядился направить в Самтер только продовольствие для гарнизона и официально объявить об этом руководству Чарлстона (а значит, Конфедерации). Как замечали потом историки, Линкольн словно бросал монетку и говорил Джефферсону Дэвису: «Смотри: если орёл — я выиграл, а если решка — ты проиграл!»^{446}. Если продовольствие пропустят, то форт будет держаться сколь угодно долго, президент выполнит обещание удерживать и защищать федеральную собственность, к тому же без кровопролития, избежит войны и сохранит авторитет. Если же южане откроют огонь по мирным судам (заведомо зная, что это мирные суда), ответственность за начало враждебных действий ляжет на них и Север поддержит правительство в обязательных ответных

мерах. Линкольн ещё надеялся на мирный исход, но на встрече с губернаторами штатов Индиана, Мэн, Иллинойс, Висконсин, Мичиган и Огайо не мог не предупредить их, что «вероятность необходимости сбора воинского ополчения штатов заметно увеличилась».

По приказу президента в начале апреля в Нью-Йорке снарядили две морские экспедиции: одна направилась к форту Пикенс (там ситуация была спокойнее: форт остался неприступен), другая, возглавленная Фоксом, к Самтеру.

Одновременно губернатору штата Южная Каролина Фрэнсису Пикенсу^[35] курьером было направлено уведомление, что федеральная власть собирается прислать в форт Самтер провизию и только провизию; если это предприятие не встретит сопротивления, «никаких попыток усилить форт войсками, оружием или амуницией без соответствующего уведомления предприниматься не будет — при условии, что форт не подвергнется нападению»^{447}.

Уведомление делалось с президентским достоинством: федеральная власть просто ставила губернатора в известность; посланец «не был уполномочен» принимать какой-либо ответ. Губернатор увидел в таком отношении и в таком сообщении долгожданный знак «принуждения силой» и немедленно отправил телеграмму в столицу Конфедерации.

Восьмого апреля об этом уведомлении (а благодаря доброжелателям с Севера и об экспедициях из Нью-Йорка) узнал Джефферсон Дэвис (ах, как в те дни раскалывалась от мигрени его голова!) и собрал свой Кабинет. Для него вопрос об атаке фортов был уже решён: ещё третьего числа, не зная о планах Линкольна, он дал разрешение бомбардировать форт Пикенс в случае, если после этого его можно будет легко захватить. Конечно, пояснял Дэвис свою позицию,

идеально было бы, чтобы первый выстрел прозвучал с Севера, «однако когда мы готовимся освободить нашу территорию от присутствия иностранных гарнизонов, такое преимущество не может перевесить другие доводы»^{448}. Под «другими доводами» большинство комментаторов этого письма подразумевают стремление привлечь на свою сторону восемь рабовладельческих штатов «Верхнего Юга». Командующий войсками конфедератов, старый друг Дэвиса Брэкстон Брэгг, отказался от обстрела форта Пикенс исключительно из практических соображений: быстро взять его было невозможно. Теперь обстоятельства сами диктовали место первого удара: форт Самтер. Подавляющее большинство членов правительства южан поддержали переход к агрессивной политике. За ней стояли надежды перетянуть к себе восемь рабовладельческих штатов и после этого добиться признания со стороны ведущих иностранных держав.

С энергичным протестом выступил только один из отцов-основателей Конфедерации, её госсекретарь Роберт Тумбс. Плантадор из Джорджии и недавний сенатор-демократ долго мерил шагами кабинет, в котором шло совещание, а потом резко повернулся к Дэвису: «Господин президент, это самоубийство, которое лишит нас всех друзей на Севере; если вы безрассудно разворошите это огромное, от гор до океана, осиное гнездо, поднимется гигантский рой и зажалит нас до смерти. Это не нужно, это ошибочно, это фатально...»^{449}.

Дэвис не послушал Тумбса, как Линкольн не послушал Сьюарда. 10 апреля военный министр Конфедерации Уолкер телеграфировал в Чарлстон, приказав генералу Борегару немедленно потребовать сдачи форта, а в случае отказа атаковать. Борегар, выходец из семьи владельцев сахарных плантаций под Новым Орлеаном, должен был преодолеть

определённый моральный барьер: когда-то майор Андерсон был его любимым преподавателем артиллерийской науки в военной академии Вест-Пойнт. Они порой обедали вместе; Борегар настолько хорошо освоил курс, что некоторое время даже ассистировал учителю^{450}.

Тем не менее 11 апреля к форту Самтер подгрехала лодка под белым флагом. Три парламентаря передали майору Андерсону требование покинуть форт и обещание обеспечить максимально комфортную эвакуацию на территорию Союза. Майор отказался и, проводив парламентарей до лодки, добавил: «Джентльмены, если вы не разнесёте форт на куски, нас всё равно через несколько дней выгонит голод». Он тянул время, а дозорные на стенах форта всё вглядывались в горизонт, надеясь увидеть спасительные корабли с Севера.

Время было выиграно, но корабли не пришли. После нового обмена телеграммами с Дэвисом Борегар предпринял последнюю попытку заполучить Самтер целёхоньким и без кровопролития. Уже глубокой ночью лодка с парламентарями и хорошо заметным белым флагом снова преодолела три мили между Чарлстоном и Самтером. Борегар просил уточнить, когда именно «голод выгонит» гарнизон, и разрешал Андерсону самому назвать дату эвакуации. Андерсон ответил, что сделает это через три дня, добавив: «Если до этого времени я не получу никаких распоряжений или поддержки от правительства».

Это «если» и стало гранью между миром и войной. Бывший сенатор, а в те дни полковник Конфедерации Джеймс Чеснат объявил от имени командующего Борегара, что никакие условия и никакие «если» с предложенным ультиматумом несовместимы. Делегация тут же составила, подписала и передала Андерсону благородное извещение, что огонь по Самтеру будет

открыт ровно через час. Проводив парламентёров и пожал им на прощание руки, Андерсон приказал немедленно поднять над фортом спущенный на ночь звёздно-полосатый флаг и велел не отвечать на обстрел до окончания завтрака.

САМТЕР

Бомба неспешно прочертила по предрассветному небу светящуюся дугу и лопнула над серым силуэтом форта Самтер. Во все стороны полетели жёлтые и оранжевые искры. Кто-то усмотрел в форме взрыва почти идеальную макушку пальмы, символ Южной Каролины.

«Красиво. Слово салют на 4 июля», — подумал капитан Джордж Джеймс, отдавший приказ сделать первый выстрел^{451}. Через полтора года пуля пробьёт его молодецкую грудь где-то в горах Мэриленда.

Помощь с моря опоздала из-за жестокого атлантического шторма. Флотилия Фокса подошла утром 12 апреля, но могла только наблюдать издалека, как с четырёх сторон летят на Самтер сотни снарядов и бомб, как там поднимается дым пожара и вспыхивают молнии ответных выстрелов. Удивительным образом после тридцати четырёх часов обстрела и нескольких тысяч выпущенных снарядов стороны не потеряли убитыми ни одного человека. Андерсон помнил о депеше, пришедшей в Самтер в последний момент перед началом полной блокады: Линкольн разрешал, если заставят обстоятельства, капитулировать и этим спасти жизни солдат и офицеров^{452}. Днём 13 апреля над фортом поднялся белый флаг. Спустя сутки гарнизон покинул форт под марш «Янки Дудль», в форме, с оружием, сохранив изодранный звёздно-полосатый флаг. Корабли Фокса пригодились для того, чтобы принять солдат Андерсона и эвакуировать их в Нью-Йорк.

Для Линкольна день эвакуации форта начался в церкви (сосредоточенная Мэри, серьёзный Вилли, неугомонный Тад, играющий у ног родителей с

перочинным ножом). В пресвитерианском храме пастор читал воскресную проповедь, уповая, что «милосердное Провидение Господне» ещё даст шанс «одуматься, остановиться, обратиться за Божьей помощью, прежде чем обрушит на людей страшный Бич Господень — гражданскую войну»^{453}. Но газеты уже разносили тревожную новость о первых выстрелах по американскому флагу, и члены правительства собирались на экстренное заседание, чтобы принять неотложные меры. На заседании была составлена прокламация, объявляющая о созыве 4 июля внеочередной сессии Конгресса и немедленном призыве семидесяти пяти тысяч добровольцев в армию сроком на три месяца. Последнее означало, что добиваться исполнения законов страны в отделившихся штатах только юридическими процедурами стало невозможно.

«Я обращаюсь ко всем верным закону гражданам, — взывал президент, — чтобы они всеми силами помогли делу сохранения целостности нашего Союза и деятельности нашей системы народоправства, стремлению исправить то зло, которое и так приходилось слишком долго терпеть». Целью сбора такого внушительного войска было возвращение контроля над захваченной федеральной собственностью, поэтому в обращении специально подчёркивалось, что эти силы не будут посягать на частные владения и нарушать права и спокойствие граждан страны (подразумевалось — единой). Всем противникам Союза предлагалось «мирно разойтись» в течение двадцати дней^{454}.

Вечером Линкольн почти два часа беседовал с сенатором Дугласом. Для президента было крайне важно, что скажет его старый знакомец и вечный политический соперник. Сам визит лидера демократов в Белый дом был свидетельством поддержки. Республиканец и демократ говорили, как потом писал

Дуглас, «о настоящем и будущем, безотносительно прошлого». Более того, когда Авраам показал Стивену проект прокламации с призывом семидесяти пяти тысяч добровольцев, тот сказал, что лучше было бы призвать 200 тысяч. Затем они долго обсуждали у карты, какие пункты могут подвергнуться первым атакам с юга, какие нужно укрепить в первую очередь. Вскоре газеты сообщили не только о «дружеской атмосфере встречи», но и о готовности Дугласа, хотя и остававшегося в оппозиции к нынешнему правительству по всем политическим вопросам, «решительно и твёрдо поддержать президента в выполнении возложенных на него Конституцией обязанностей по сохранению Союза, управлению страной и защите федеральной столицы».

— Что же нам теперь делать? — спросил Дугласа после встречи соратник-демократ.

— Сражаться за страну и забыть о разногласиях!^{455}
— последовал ответ.

В понедельник 15 апреля прокламация была опубликована. Взрыв возмущения, потрясший Север после известий о падении форта Самтер, сменился пожаром патриотического воодушевления. Шумели невиданные по масштабам митинги (Нью-Йорк, например, встретил защитников Самтера с их потрёпанным флагом толпой не менее чем в 150 тысяч манифестантов), произносились прочувствованные речи, проводились парады, играли оркестры. «Союз должен быть сохранён, и ни одной звезды не погаснет на нашем флаге, и ни одна полоса не будет с него стёрта!» — кричал двадцатитысячной толпе бывший сенатор от штата Миссисипи и бывший губернатор Канзаса Роберт Уолкер. Толпа взрывалась аплодисментами.

Вскоре засвистели флейты, забили барабаны, по улицам американских городов зашагали многочисленные отряды добровольцев. «Какую часть из семидесятипяти тысячного ополчения вы можете

представить?» — запрашивал Вашингтон губернаторов. «Больше остальных!» — отвечал губернатор Огайо. «Пятьдесят тысяч, если нужно», — отзывался губернатор Мичигана. Индиана призвала вдвое больше выделенной ей квоты. Губернатор Массачусетса вообще ответил вопросом: «В каком направлении высылать войска?» — в предчувствии неизбежного конфликта он готовился к войне с января и теперь первым направил в Вашингтон полностью укомплектованный и экипированный 6-й Массачусетский полк.

Не менее воинственное настроение царило и на Юге. Ещё вечером 12 апреля, пока в ожидании взятия форта Самтер Джефферсон Дэвис лежал на диване и пытался прогнать мигрень крепкой сигарой, его военный министр Уолкер обратился к воодушевлённой толпе с восторженной речью, в которой «предрекал», что меньше чем через три месяца флаг великой Конфедерации будет развеваться над Вашингтоном, а может быть, и над Фанел-холлом, «колыбелью американской свободы» в Бостоне^{456}. Доблесть Юга в те дни особенно противопоставлялась торгашеству Севера: «Если врезать янки по морде, он не даст сдачи, а побежит подавать в суд»; «Если навести на янки ружьё, он спросит «почём продаёшь?». Под стать этой бравате были и обещание сенатора от Южной Каролины Чесната выпить всю кровь, которая прольётся в результате сецессии, и расхожая поговорка «Вся пролитая кровь уместится в напёрстке домохозяйки»^{457}.

Подобные «пророчества» и похвалы не только усилили возмущение Севера, но и вдохновили сторонников раскола в пограничных рабовладельческих штатах. Самым сильным ударом по Союзу стало известие, что уже во вторник 17 апреля в Вирджинии так и не распущенной конвенцией был одобрен свой «ордонанс о сецессии», ставший следствием резкого

всплеска эмоций в ответ на прокламацию о семидесяти пяти тысячах добровольцев (как будто не было призванных ещё в марте ста тысяч южан!).

Важнейший в стратегическом, экономическом, культурном отношении штат стал новым центром резко усилившейся Конфедерации. Вскоре её столицу перенесут в Ричмонд (всего в 100 милях к югу от Вашингтона!). Сразу после отделения будут захвачены находящиеся на территории штата стратегически важная верфь в Норфолке и тот самый арсенал в Харперс-Ферри, который некогда атаковал Джон Браун. Тогда нападение на федеральную собственность было квалифицировано в Вирджинии как государственная измена, теперь — как патриотический порыв. С уходом Вирджинии территория Союза стала заканчиваться сразу за рекой Потомак, и Линкольн мог наблюдать флаги Конфедерации прямо из окон Белого дома. Заразительному примеру последовали другие штаты «Верхнего Юга»: Арканзас, Северная Каролина и Теннесси.

Неспокойно стало и в Мэриленде, земли которого окружали Вашингтон с трёх сторон и отделяли его от Севера, от свободного штата Пенсильвания. Мэриленд был рабовладельческим, голосовал в основном за «южного» демократа Брекенриджа и держался за Союз во многом стараниями губернатора. Активные сторонники отделения хотя и были в меньшинстве^[36], но собирались такими заметными и шумными толпами, что могли произвести впечатление большинства.

Одна из таких толп осыпала не только ругательствами, но и камнями пять сотен практически безоружных добровольцев из Пенсильвании, строем преодолевавших милю с четвертью между двумя вокзалами Балтимора. А днём 19 апреля тот же маршрут стал ареной жестокого побоища. По нему в вагонах на конной тяге перевозили 6-й Массачусеттский полк.

Толпа, разогретая митингом «Не пустим ни одного янки в Вашингтон!», снова швыряла камни, бутылки и палки, кричала «белые ниггеры!», «подонки!», «головорезы!»... Звенели разбитые стёкла, осколки впивались в кожу, офицеры требовали не поддаваться на провокации. Часть вагонов была остановлена баррикадой из огромных якорей, притащенных из порта. Солдаты двинулись дальше пешком, а толпа придвинулась так близко, что попробовала выдергивать рядовых из строя и отбирать их ружья. Когда захлопали пистолетные выстрелы и первый убитый солдат упал на мостовую, командиры отдали приказ открыть огонь на поражение. Массачусеттский полк пробился к станции, потеряв пятерых человек убитыми и более трёх десятков серьёзно ранеными и покалеченными. Горожане насчитали не менее одиннадцати убитых (в том числе двое зевак) и около сотни раненых.

Линкольн лично встречал посланцев Массачусетса на вашингтонском вокзале. Он пожал руку командиру полка: «Слава богу, вы прибыли!» Но губернатор Мэриленда прислал телеграмму с мольбой не перемещать больше войска «во избежание кровопролития». Активные сторонники сецессии сожгли железнодорожные мосты на пути с Севера в Вашингтон, перерезали телеграфные провода и срубили часть телеграфных столбов. Сообщение через Мэриленд оказалось прерванным. В то же время губернатор Вирджинии разрешил проход войск Конфедерации через территорию своего штата! Линкольн крутил в руках очки и говорил генералу Скотту: «Если бы я был генералом Борегаром, я бы немедленно пошёл на Вашингтон!» Газеты и частные письма были переполнены слухами о наступлении южан на столицу. Дни после 19 апреля стали временем напряжённого ожидания: кто войдёт в город первым — отряды Конфедерации или полки Союза?

Столица казалась островом, потерявшим связь с «материком». Невесть куда разлетелись искатели должностей: из тысячи постояльцев отеля «Уиллард» осталось не более полусотни. Многие магазины и офисы закрылись. Пустоту вечно оживлённой Пенсильвания-авеню подчёркивали одинокие патрули. Вокруг правительственных учреждений спешно возводились баррикады из булыжников, бочек с цементом и мешков с песком. Часовые стали принадлежностью городского пейзажа.

Успевшие добраться до Вашингтона полки поселили в Капитолии; на брюссельских коврах лежали армейские одеяла и заменявшие подушки ранцы. 6-й Массачусеттский расквартировался прямо в зале заседаний сената, солдаты развлекались произнесением речей с трибуны; пенсильванцы жили в северном крыле, где обычно заседали парламентские комиссии. В Белом доме, в его самом просторном Восточном зале, традиционном месте приёмов, разместилась рота охраны, сформированная из... просителей должностей. Огромные, в золочёных рамах зеркала отражали не только громадные вазы, богатые портьеры и стенные росписи, но и ружья в козлах, ящики с патронами, барабаны, ранцы, волонтёров, коротающих время за игрой в карты.

Секретари запомнили, как Линкольн из окон Белого дома высматривал в речной дали Потомака корабли, как мерил шагами свой кабинет и повторял: «Почему же они не приходят?» 24 апреля, принимая солдат и офицеров 6-го Массачусеттского полка, пострадавших в Балтиморе, президент горько иронизировал: «Мне кажется, никакого Севера вообще нет. 7-й полк — это миф. Род-Айленд больше неизвестен в географии. Вы, только вы — настоящий, реальный Север»^{458}.

Тем не менее тревога не сменилась отчаянием. Решительность Линкольна в те дни видна из его ответа

делегации от Мэриленда, прибывшей 22 апреля не просто просить не вводить туда федеральные войска, дабы «не допустить кровопролития», но и требовать признать независимость южных штатов. Ответ президента был весьма жёстким: «Вы, господа, пришли ко мне просить мира любой ценой, но пока не произнесли ни слова в осуждение тех, кто развязал эту войну против нас. Вы говорите, что ужасаетесь кровопролитию, но пока не положили и соломинки поперёк дороги тех, кто в Вирджинии и других местах собирается захватить этот город. Мятежники атаковали форт Самтер, ваши сограждане набросились на войска, направленные в Вашингтон для защиты правительства, собственности и жизней людей, а вы ещё будете уговаривать меня нарушить клятву и распустить правительство, не оказывая сопротивления?.. Мне нужны войска для защиты столицы. Географически она окружена землёй Мэриленда, так что войска вынуждены пройти по его территории. Наши люди не кроты, чтобы прорыть себе дорогу под землёй, и не птицы, чтобы пролететь над ней. Войска могут только пройти по земле, и они должны это сделать. Можно обойтись без столкновений: просто сдержите своих забияк в Балтиморе, и не будет никакого кровопролития. Возвращайтесь домой и объявите своим людям, что, если они не будут нападать первыми, мы их трогать не будем; но если попытаются — мы ответим, и ответим очень жёстко!»^{459}.

А 25 апреля притихший город был взбудоражен гудком прибывающего поезда. Из вагонов начали высаживаться солдаты. Это оказался 7-й Нью-Йоркский полк: он добрался обходным путём — морем, затем по железной дороге: призванные на службу инженеры и строители восстановили разрушенные мосты, а механики починили испорченный паровоз («Да его же собирали в нашей мастерской!»). Под музыку полкового

оркестра ньюйоркцы промаршировали по Пенсильвания-авеню, потом разместились в палате представителей Конгресса. Вскоре прибыла ещё бригада из Массачусетса, за ней войска из Пенсильвании и Род-Айленда. К 27 апреля в столице расположился десятитысячный гарнизон, почти столько же сил было на подходе.

Наступала пора решительных действий. Линкольн объявил о морской блокаде побережья Конфедерации. Флот США, оставшийся преимущественно на стороне Союза, получил приказ препятствовать любой торговле, любой связи, идущей через порты Юга. Теперь рабовладельческие штаты не могли рассчитывать ни на то, что разорят порты Севера, переманив их клиентов беспошлинной торговлей, ни на экспорт «царь-хлопка» — главного источника доходов, опоры своей экономики. Решение о блокаде было ещё и ответом на разрешение Джефферсона Дэвиса всем желающим грабить в открытом море торговые суда США от имени и по поручению правительства Конфедерации.^{460}.

Третьего мая последовала прокламация о наборе дополнительных сорока двух тысяч волонтеров сроком уже не на три месяца, а на три года. Кроме того, на шесть тысяч человек увеличивалась регулярная армия, а на флот дополнительно призывались 18 тысяч матросов и офицеров.^{461} В тот же день Конгресс Конфедерации объявил, что считает себя «в состоянии войны с США».

Теперь очень многое зависело от того, какую из воюющих сторон поддержат пограничные штаты. Их положение между Севером и Югом влекло за собой неотвратимое разделение мнений и симпатий. В Мэриленде, где шумные толпы сторонников Конфедерации могли создать видимость проконфедератского большинства, заседание Законодательного собрания штата продемонстрировало реальные настроения населения: 29 апреля против

выхода из Союза было подано 53 голоса, а за него — лишь 13. Нужно было только обеспечить права большинства. И Линкольн, во-первых, отправил войска взять под контроль дороги и транспортные узлы Мэриленда, а во-вторых, решился на шаг, за который противники будут называть его «тираном»: обеспечил коммуникационную линию между северными штатами и Вашингтоном, приостановив на ней действие старого, пришедшего ещё из Британии, юридического правила «хабеас корпус». По нему законность любого ареста должна быть обязательно подтверждена судом. Теперь же военные получали право арестовывать и содержать под стражей всех, «признанных опасными для общественного порядка», не предавая их суду и не дожидаясь сбора достаточного количества улик^{462}. Первым таким арестантом стал Джон Мерримен, землевладелец из Мэриленда и лейтенант кавалерийской роты сторонников сецессии, уничтожавшей мосты и телеграфные линии вокруг Балтимора. Требуя защиты «хабеас корпус», Мерримен обратился в Верховный суд. В его поддержку выступил главный судья страны Роджер Тони, объявив, что президент превысил свои полномочия. Да, президент ссылаясь на соответствующий раздел первой статьи Конституции США: «Действие «хабеас корпус» не может быть приостановлено, если только того не потребует общественная безопасность в случае мятежа или вторжения»; но этот раздел относится к правам исключительно Конгресса.

Линкольн парировал: в Конституции не сказано, кто именно должен действовать в случае необходимости, а время не терпит. Пока Конгресс не созван, все безотлагательные меры должен принимать президент. «Сейчас почти в трети штатов, — говорил он, — законов не исполняют, законам сопротивляются. Так позволим ли мы рухнуть всей системе законности только оттого, что

нарушим один закон, да и то частично и временно?»^{463}. Позже Линкольн нашёл для объяснения своих действий подходящую метафору: «Можно ли потерять нацию, но спасти Конституцию? Говоря в общем, нужно защищать и жизнь человека, и целостность его конечностей; однако иногда приходится ампутировать конечность, чтобы спасти жизнь. Но разве можно спасти конечность, отняв жизнь? По-моему, принятые меры, в другой ситуации неконституционные, могут стать законно оправданными в случае жизненной необходимости спасти Конституцию, спасти нацию!»

Мерримен остался под стражей, а в июле был отпущен под залог. Постепенно приостановка «хабеас корпус» расширяла границы своего действия, а в критическом сентябре 1862 года была распространена на всю страну. В марте 1863-го Конгресс одобрил эти действия президента «на всё время мятежа». Стоит отметить, что Конфедерация была вынуждена прибегнуть к таким же мерам в феврале 1862 года^{464}.

Мэриленд удалось удержать в Союзе, однако оставались ещё Кентукки, Миссури и Делавэр.

Крошечный Делавэр был самым номинальным рабовладельческим штатом — рабы составляли не более двух процентов его населения. Несмотря на старательную обработку миссионерами Конфедерации, Законодательное собрание решительно отвергло идею сецессии ещё в январе. А в кризисные апрельские дни сыграли роль не столько симпатии к республиканцам, сколько любовь к Союзу: Делавэр гордился тем, что в 1787 году первым ратифицировал Конституцию страны. Бывший конгрессмен от Делавэра Джон Хьюстон выражал взгляды большинства жителей штата, когда говорил: «Будем оставаться дома, в Союзе, пусть он даже трещит по швам и рассыпается на куски! Пусть мы даже останемся одинокими, единственными, кто будет стоять на скале нашей Конституции, — будем

последними в Федерации американских штатов!» В мае 1861 года первый полк «первого штата» выступил на защиту единства страны (хотя справедливости ради надо сказать, что несколько сотен молодых людей бежали на Юг сражаться за Конфедерацию){465}.

Куда сложнее обстояло дело в Кентукки, родном штате Авраама и Мэри (но и Джефферсона Дэвиса тоже!). Губернатор Магоффин ответил на призыв семидесяти пяти тысяч добровольцев резкой отповедью: «Кентукки не будет собирать войска ради несправедливой цели подчинения братских рабовладельческих штатов!» Однако через неделю он дал отрицательный ответ и на подобный призыв с Юга{466}. Штат занял уникальную позицию нейтралитета.

«Нейтралитет! — возмущался в письме Линкольну один решительный сторонник Союза. — Господин президент! Это же не что иное, как объявление о суверенитете штата, это именно тот принцип, используя который, отделились Южная Каролина и прочие!»{467}. Но Линкольн видел, что это был совершенно другой нейтралитет, попытка быть «американской Швейцарией», быть вне братоубийственной войны. Он понял, что не нужно форсировать события там, где не было нарушений федеральных законов и захватов федеральной собственности. Если нельзя сделать Кентукки союзником, можно не делать его врагом — вот стратегический подход президента к решению проблемы. «Потерять Кентукки — это практически то же, что проиграть всю игру, — признавался Линкольн. — Без Кентукки мы не сможем удержать ни Миссури, ни, видимо, Мэриленд. Если все они будут против нас, мы не вытянем. Лучше сразу согласиться на раздел, сразу отдать Капитолий»{468}.

Нейтралитет штата не означал нейтралитета его жителей. «Юнионисты» и «конфедераты» (в примерной пропорции три к двум) собирались в вооружённые

отряды, которые, случилось, ехали на сборы в соседних вагонах поезда или шагали на учения по разным сторонам одной улицы. Мнения и силы стягивались к полюсам Гражданской войны, и Линкольн готовился к тому, что рано или поздно политика нейтралитета себя изживёт. У самых границ Кентукки, в Цинциннати (Огайо) командированный президентом герой Самтера Андерсон, земляк Линкольна и Дэвиса, набирал кентуккийских добровольцев для защиты Союза. Джошуа Спид оказывал другу-президенту неоценимую помощь в делах внутренней политики штата. Более того, он способствовал пересылке с Севера нескольких тысяч ружей для вооружения поддерживающих Союз отрядов «народной самообороны» — необходимого противовеса ополчению, собранному симпатизирующим Югу губернатором Магоффином. Это сильно укрепило уверенность сторонников Союза в собственных силах^{469}.

Выдержка Линкольна даст результаты. Постепенно в Законодательном собрании образуется проюнионистское большинство, и в начале сентября первыми не выдержат южане. Несмотря на все свои заявления об «оборонительной» войне, они выступят агрессорами, вторгнутся на территорию Кентукки... и окончательно потеряют этот пограничный штат. Над Законодательным собранием взвьётся флаг Союза, и его члены трёхкратным перевесом голосов примут постановление, что штат Кентукки «захвачен силами так называемых Конфедеративных Штатов» и что «захватчики должны быть изгнаны».

Дальше к западу, в стратегически важном Миссури, опорой Линкольна стало семейство Блэр. Они составили противовес губернатору, объявившему президентский призыв добровольцев «незаконным, неконституционным и революционным». Практика снова подтвердила правильность решения Линкольна о включении в

Кабинет сильнейших политиков, пусть даже конкурентов во внутривластной борьбе. Блэры создали свои вооружённые формирования, чтобы противопоставить их ополчению, уже созванному «для защиты от фанатиков Севера и насилия со стороны федерального правительства». Они нашли энергичного и находчивого командира, капитана Натаниела Лайона, и сделали его генералом. Линкольн поручил ему призвать в армию десять тысяч миссурийцев для защиты собственности и самих сторонников Союза. Вскоре решительные действия Лайона, поддержанные Блэрами, смогут сдвинуть баланс сил в пользу Союза. Миссури останется в составе США, хотя противники федеральных властей начнут здесь долгую и жестокую партизанскую войну, а конфедераты создадут «правительство штата в изгнании» и на этом основании «примут» штат в свой состав.

Раскол прошёл не только по границам штатов — он разделит сами штаты, и небольшие городки, и семьи, в том числе семью Линкольн — Тодд. Идиллия далёкого ноября 1847 года, когда Авраам провёл три недели в Кентукки, в Лексингтоне, в доме родителей Мэри, осталась в прошлом. «Младшая сестрёнка» Эмили стала миссис Хелм: в 1856 году она вышла замуж за адвоката, выпускника военной академии в Вест-Пойнте, сына бывшего губернатора Кентукки. У её мужа сложились довольно неплохие отношения с Линкольнами, поэтому, когда Авраам стал президентом, он имел основания надеяться на помощь свояка. Вскоре после падения Самтера президент решил доверить ему ответственную должность в военном казначействе — самую высокую, какую он мог дать без одобрения Конгресса. Хелм ответил: «Пост, который вы мне предлагаете, лучше всего, о чём я только мог мечтать... Это место идеально бы мне подошло... Но я предпочитаю идти своим путём»^{470}. После долгих и мучительных размышлений

он принял предложение президента Конфедерации Дэвиса: «неустанно работать в Кентукки» на благо сецессии. После того как штат отказался от этого «блага», тридцатилетний Хелм ушёл в кавалерию Конфедерации.

Родные сёстры Мэри — Элизабет, Фанни и Энн — остались вместе с мужьями верны Союзу, как и брат Левий, на следующих выборах даже агитировавший за Линкольна. Только брат Джордж стал военным хирургом в войсках Конфедерации.

Единокровные сёстры и братья Мэри почти все выбрали сторону Юга и рабовладения. Сэм и всеобщий любимец Алек (Александр) с войны не вернутся. Дэвид станет недоброй памяти комендантом тюрьмы в Ричмонде, и его узники запомнят возглас: «Я бы вырвал старине Эйбу сердце!» Жестокого Дэвида уберут из тюремщиков и отправят сражаться на Запад, где он будет тяжело ранен^[37].

Труднее всего придётся самой младшей из Тоддов, Китти (Катрине). В 1860 году она приехала покорять общество Спрингфилда по примеру старших сестёр (Линкольн тогда уже был избран президентом). Китти влюбилась в командира зуавов красавца Элсуорта. Ей было 19, ему 23, и на них поглядывали как на красивую и перспективную пару. Но Элсуорт стал полковником армии Союза, а Китти отправилась к матушке и сёстрам — сторонницам Конфедерации, переехавшим из нейтрального Кентукки на дальний Юг, в Алабаму. Война ещё не разгорелась, и Китти в шутку попросила мужа своей сестры Элоди, Натаниела Доусона, капитана армии Конфедерации, отправляющегося воевать в Вирджинию: «Если вы возьмёте в плен моего милого полковника Элсуорта, пришлите его сюда, и я позабочусь, чтобы он отсюда никуда не сбежал». Но Натаниелу было не до шуток. «Передайте Китти, — написал он Элоди, — о моём особом желании убить

полковника Элсуорта, поскольку я не считаю его достойным ни одной из ваших сестёр»^[38].

Натаниела опередили. Полковник Элмер Элсуорт был убит уже в мае 1861 года, во время первого наступательного движения войск Союза на территорию Вирджинии. Для обеспечения безопасности Вашингтона было решено занять противоположный берег реки Потомак, ибо расположенные на нём высоты были удобны для размещения артиллерийских батарей. Там располагался городок Александрия. Энергичный Элсуорт во главе полка «огненных зуавов» (составленного из нью-йоркских пожарных) оказался в Александрии одним из первых. Над одной из гостиниц города развевался огромный флаг Конфедерации. Его было хорошо видно из Белого дома и отовсюду из Вашингтона, и он был напоминанием о медлительности администрации в деле борьбы с сецессией. Элсуорт легко взбежал по лестнице, сорвал флаг, спустился вниз и... был застрелен в упор разъярённым владельцем гостиницы. Ответным выстрелом сопровождавшего Элсуорта солдата напавший также был убит.

Линкольн был потрясён трагическим известием. Он стоял у окна своего кабинета, смотрел на воды Потомака и даже не замечал входящих посетителей. Когда один из сенаторов приблизился, президент повернулся к нему: «Простите, я не в состоянии говорить». Голос Авраама срывался, лицо было в слезах, и он утирал их платком: «Не буду извиняться, джентльмены, за эту слабость, я хорошо знал бедного Элсуорта и очень уважал его; капитан Фокс только что рассказал мне подробности этой несчастной смерти».

Первого павшего в бою офицера хоронили с особыми почестями. Сначала с ним прощались в Западном зале Белого дома, затем четвёрка белых лошадей отвезла катафалк с покрытым флагом гробом на вокзал: Элсуорт возвращался домой, в штат Нью-Йорк. За катафалком

шли «огненные зуавы» и президент с непокрытой головой. Ему выпала тяжёлая обязанность написать родителям Элмера — это было первое из предстоящей череды писем-соболезнований семьям погибших.

Похоронная процессия стала ещё одной патриотической демонстрацией. Элсуорт стал мучеником идеи Союза, за него клялись отомстить. Один нью-йоркский полк назвал себя «Мстители за Элсуорта». А на Юге с равным рвением клялись отомстить за павшего «в окружении волчьей стаи» убийцу Элсуорта. В этом эпизоде отразилась трагедия гражданской войны: одно насилие неизбежно влекло за собой следующее, и прервать эту цепную реакцию с каждой смертью становилось всё сложнее.

Вскоре пришли известия о ещё одной смерти. 3 июня в Чикаго умер от «острой ревматической лихорадки» сенатор Стивен Дуглас. Ему было 48 лет... Линкольн, узнав печальную новость, объявил официальный траур: чёрная драпировка в правительственных учреждениях и Белом доме, траурные значки на униформе военных, закрытые на день правительственные офисы.

Дуглас износился в бесконечных выступлениях в поддержку не просто Союза, но самой демократической системы правления. «Объединяйтесь и спасайте своё народовластие!» — повторял он на бесконечных митингах конца апреля — мая 1861 года. «Прежде всего, — обращался он к демократам, — дайте моим детям жить в мире, сохраните страну, иначе нам будет негде бороться за правоту нашей партии!»^{471}

Шаги навстречу недавним политическим противникам делал и Линкольн. Он пошёл на назначение в армию, увеличившуюся в десять раз, «политических генералов», по характеристике историка Томаса Гарри Уильямса, «амбициозных политических вождей, имеющих большое число сторонников»^{472}, и в их числе демократов. Решение было противоречивым, ибо

создавало в командном составе и так на 90 процентов дилетантской армии целую прослойку командиров с сомнительным уровнем компетентности, однако это была цена сплочённости общества.

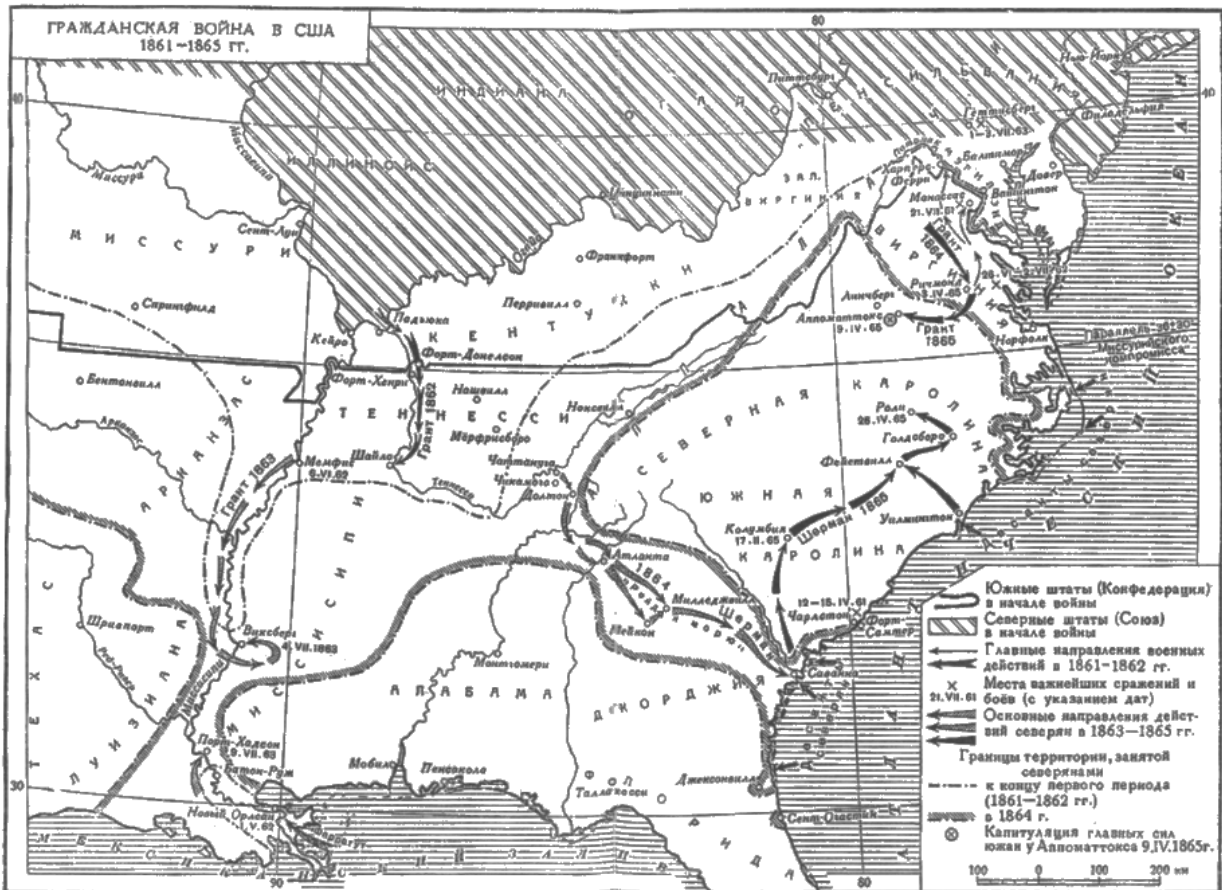
Сплочённость была крайне важна в преддверии внеочередной сессии Конгресса, обычно в июле в столице не собиравшегося — из-за удушающей влажной жары, несносного запаха стоячей болотной воды, густых туч мух и moskitov. Но Конгресс должен был утвердить принятые президентом решения по борьбе с мятежом и выполнить свои законодательные обязанности относительно призыва, вооружения и финансирования армии и флота. Задачей Линкольна было убедить представителей штатов в правомочности предпринятых и предпринимаемых им шагов, найти общие основания для ведения военных действий и закамуфлировать причины войны — прежде всего вопрос о рабовладении, — обнаружение которых грозило расколом.

По существовавшей тогда традиции президент не обращался к Конгрессу лично — его послание читал секретарь. И хотя читал он довольно монотонно, конгрессмены слушали очень внимательно. Это было послание не только Конгрессу, не только Северу, не только стране:

«Проблема касается не только судьбы Соединённых Штатов. Перед всем человечеством поставлен вопрос: может ли конституционная республика, демократия — правительство народное и из народа — сохранить свою территориальную целостность в борьбе с внутренними врагами... Нашу систему народного представительства часто называют экспериментом. Мы уже прошли два важных этапа этого эксперимента: система создана и

успешно работает. Но остаётся ещё один этап: нужно продемонстрировать, что мы способны противостоять сильнейшей попытке разрушить эту систему изнутри. Настало время продемонстрировать всему миру, что те, кто успешно провёл честные выборы, могут не менее успешно справиться с мятежом; что избирательные бюллетени — это справедливые и мирные преемники пуль и штыков; что если что-то честно и в соответствии с Конституцией решено при помощи бюллетеней, то любая попытка пересмотреть решение, вновь обращаясь к штыкам и пулям, бесполезна. Не может быть иной апелляции, кроме апелляции к бюллетеням и выборам. Таков должен быть главный урок мирного времени: люди должны понять, что того, чего они не добились выборами, они тем более не добьются войной; они должны понять, что затевать войну бессмысленно»^{473}.

Ответ на послание показал, что самые разные политические течения объединились для поддержки президента. Кабинет предполагал, что для успешного ведения войны нужно призвать 400 тысяч бойцов и выделить для этого 400 миллионов долларов. Конгресс решил, что этого недостаточно, и проголосовал за призыв полумиллиона человек и выделение 500 миллионов долларов.

Вскоре Вашингтон стал самым укреплённым городом Америки: его опоясывали 37 миль укреплений с семьюдесятью четырьмя фортами и двадцатью двумя батареями. Окрестности столицы покрылись аккуратными прямоугольниками палаточных лагерей. Солдаты маршировали под переделанный методистский гимн, распевая вместо «О, братья, ждите нас на Ханаанских берегах»:

Тело Джона Брауна лежит в земле сырой,
 А душа зовёт нас в бой!

А газеты уже звали: «На Ричмонд! На Ричмонд!» — и конгрессмены жаждали стать очевидцами первых

больших побед ещё до окончания внеочередной сессии и отъезда из столицы.

ВОЙНА ДИЛЕТАНТОВ

«Вперёд, на Ричмонд! Вперёд, на Ричмонд!» — день за днём на протяжении двух недель кричали заголовки газеты Хораса Грили «Нью-Йорк трибюн».

И внешняя, и внутренняя политика требовала как можно скорее продемонстрировать твёрдость, решительность, силу федерального правительства. Группа нетерпеливых конгрессменов (в том числе Трамбл) даже внесла законопроект о немедленном наступлении на столицу Конфедерации. Военные не хотели торопиться, и у них были веские доводы. Мало только собрать большую армию, её нужно где-то поселить, обмундировать и вооружить. Нужно подготовить и грамотно расставить офицеров, которые будут учить бывших фермеров и мастеровых ходить строем, быстро и без суеты маневрировать, строиться и перестраиваться в боевые порядки, заряжать, целиться, стрелять и при этом попадать. Нужно наладить снабжение и подвоз продовольствия... На всё это требовались месяцы непрерывной работы, а тут Монтгомери Блэр объявил генералу Скотту, что может добраться до Ричмонда с десятью тысячами людей, вооружённых палками. «Конечно, можете, — незлобиво отвечал Скотт, — в качестве военнопленных...»^{474}.

У Скотта был свой неспешный план победы, прозванный журналистами «Анаконда»: к ноябрю подготовить войска и флот, весной следующего года начать наступление и взять под вооружённый контроль всю Миссисипи до самого Нового Орлеана, одновременно заблокировать все морские порты Конфедерации и через год победить «удушающим приёмом». Но целый год... Такой срок почти всем казался утомительно долгим.

Линкольну гораздо больше нравился план другого военного специалиста, Ирвина Макдауэлла. Этот командующий войсками, сосредоточенными вокруг Вашингтона («Армией Северо-Восточной Вирджинии»), предложил и подкрепил своим авторитетом как раз то, чего хотели больше всего: решительное наступление на те войска конфедератов, которые угрожали Вашингтону и одновременно прикрывали дорогу на Ричмонд. Целью наступления должен был стать захват важной узловой железнодорожной станции Манассас. Однако и МакДауэлл считал, что наступление нужно готовить и готовить.

Противоречие между политиками и военными пришлось решать на расширенном заседании Кабинета. 29 июня в Белом доме у огромной карты собрались министры и генералы, чтобы понять друг друга. Макдауэлл показал, как будет наступать, но попытался объяснить, что войска для этого ещё не готовы. «Они пока зелены», — говорил Макдауэлл, а Линкольн, казалось бы, логично отвечал: «Наши войска зелены, но и их тоже зелены, так что они стоят друг друга». Скотт пытался отстаивать свою «Анаконду», указывая, что план Макдауэлла чрезмерно «академичен» и не защищён от возможных непредвиденных обстоятельств. Однако когда карты были свёрнуты и генералы ушли, президент объявил о своём окончательном решении: наступать «по Макдауэллу», но как можно скорее, пока не закончился срок службы призванных на 90 дней ополченцев. Скорый и очевидный военный успех был политически необходим, к тому же Линкольн верил в быструю победу. Наступление было намечено на вторую неделю июля, когда соберётся и втянется в работу жаждающий видимых успехов Конгресс. Макдауэлл оттягивал сроки сколько мог: работа машины военного снабжения действительно пока не наладилась, не хватало даже мулов и лошадей для обозов.

Только в воскресное утро 21 июля, когда Линкольн по традиции отправился в церковь, армия генерала Макдауэлла атаковала позиции мятежников за речушкой Булл Ран, в 25 милях к юго-западу от Вашингтона.

Генерал нанёс быстрый и неожиданный «хук справа» и к полудню заставил левый фланг конфедератов отступить и повернуться на 90 градусов. К тому времени, когда президент пришёл за свежими новостями прямо в тесный телеграфный офис военного министерства, федеральные войска атаковали уже новые оборонительные позиции южан. Впрочем, из телеграмм, приходивших в Вашингтон каждые 15 минут, ход боя был совершенно неясен. Телеграфист сидел в трёх-четырёх милях от поля сражения и передавал всё, что привозили курьеры: «Идёт интенсивный бой»; «слышны выстрелы артиллерии и частые ружейные залпы»; «ружейная стрельба стала интенсивнее и сместилась левее». Нетерпеливый Линкольн отправился с загадочными телеграммами прямо к генералу Скотту и оторвал его от послеобеденного сна. «Всё будет в порядке!» — уверил президента главнокомандующий, всем своим видом показывая, что едва гость уйдёт, он вернётся к прерванному занятию. Уверения старого генерала нашли подтверждение в новых телеграммах: «Судя по всему, наши войска как минимум удерживают свои позиции»^{475}. К половине шестого вечера Линкольн устал ждать ясных результатов, велел подать коляску, усадил в неё Вилли, Тада и отправился на привычную прогулку до военной верфи и обратно.

Едва он уехал, в Белый дом примчался госсекретарь Сьюард с бледным осунувшимся лицом. Он бросился к секретарям Линкольна:

- Где президент?
- На прогулке.
- Знаете последние новости?

Николаи начал читать старые туманные сообщения, но Сьюард торопливо сказал:

— Только никому не говорите! Сражение проиграно, Макдауэлл отступает и призывает генерала Скотта спасти столицу. Немедленно найдите президента, и пусть он как можно скорее прибедет к главнокомандующему.

Через полчаса Линкольн был у Скотта и читал неутешительные телеграммы от Макдауэлла: «Спасайте Вашингтон и остатки армии. Я не в состоянии организовать отступающие части»^{476}. Старый приятель Линкольна ещё по «Длинной девятке» Роберт Уилсон вспоминал, что в тот вечер он единственный раз слышал, как Авраам ругается (на вопрос, каковы новости, тот шепнул Уилсону: «Чертовски плохие»)^{477}.

В ночной тьме на город хлынули потоки ливня. Стали возвращаться очевидцы поражения. Линкольн принимал их у себя — спать он не мог, иногда успевал вздремнуть на диване в своём кабинете и снова поднимался навстречу очередному сенатору или конгрессмену. Можно представить себе подавленное состояние визитёров: утром они, как и сотни других жителей Вашингтона, отправились к месту сражения, чтобы наблюдать за боем как за развлекательным зрелищем. Кареты, приличная публика, нарядные дамы с театральными биноклями, чернокожие слуги, корзинки для пикника — ни дать ни взять воскресная прогулка на природу. И через восемь часов всё это общество спасалось бегством, перемешавшись с солдатами разных полков, побросавшими ранцы, шинели, а иногда и тяжёлые десятифунтовые ружья...

План Макдауэлла оказался хорош только на бумаге. Выяснилось, что «зелёные» бойцы гораздо лучше стоят и обороняются, чем маневрируют и наступают. Выяснилось, что дослуживающие последние дни «девятистодневные добровольцы» не хотят погибать

накануне демобилизации, что цветастые опереточные мундиры красавцев-зуавов — прекрасная мишень. Выяснилось, что Макдауэлл не рассчитал, что противник сможет осуществить (впервые в истории) массовую и быструю переброску подкреплений по железной дороге: их контрудар и помог решить исход битвы в пользу южан.

В ту же ночь главнокомандующий Скотт потребовал, чтобы миссис Линкольн и её мальчики поскорее отправились на Север, подальше от опасности, надвигавшейся на столицу.

— Ты едешь с нами? — спросила Мэри мужа.

— Как я могу в такую минуту!

— Тогда и я не могу покинуть тебя в такую минуту!

И семейство осталось в напрягшейся от ожидания столице^{478}.

К счастью, мятежники не захватили Вашингтон и даже не предприняли никаких попыток это сделать. По признанию их генералов, войска победителей были сильно измучены боем и находились в неменьшем расстройстве, чем войска побеждённых. Главным итогом сражения стал моральный подъём в Конфедерации и моральный упадок в Союзе.

Хорас Грили, по-журналистски неудержимо переменчивый в своих эмоциях, уже не звал на Ричмонд. Он пережил сильнейший шок. «Седьмой подряд бессонной ночью» после «страшного поражения» он разразился паническим письмом Линкольну, в котором признавался, насколько разочаровался в президенте и в возможности победы... Грили писал об охватившем «всех» «жгучем и чёрном отчаянии», вопрошал: «Не лучше ли будет для страны и для всего человечества заключить с мятежниками мир, и на их условиях, пока не стало хуже?»^{479}.

Линкольн в те же семь дней после Булл Рана вёл себя по-другому. Он объехал войска и убедился, что

солдаты устали, расстроены, но не сломлены. Войска же убедились, что не сломлен их президент. Позже Уолт Уитмен напишет: «Линкольн мог бы остаться в памяти будущих поколений хотя бы только тем, что вынес всю тяжесть того мучительного, горче желчи, дня, прошёл через него, не сломавшись, и, выбравшись, смог вывести и весь Союз»^{480}.

Одним из главных выводов из поражения стал тот, что девятистодневной войны не получится и нужно готовиться к длительному противоборству. Конкретным ответом на провал прежнего плана стал новый, изложенный в написанном Линкольном уже 23 июля «Меморандуме о ведении войны»: решительнее проводить план блокады побережья; интенсифицировать обучение войск; контролировать Балтимор «заботливой, но твёрдой рукой»; усилить войска в Восточной Вирджинии; как можно скорее подготовиться к ведению боевых действий на Западе, особенно в Миссури; в окрестностях Вашингтона поскорее отпустить домой всех призывавшихся на 90 дней и переформировать остальные части; сюда же перебросить новые формирования. Через четыре дня «Меморандум» был дополнен требованием занять злосчастную узловую станцию Манассас и начать наступление на Западе: в Теннесси и вдоль Миссисипи^{481}.

Для осуществления нового плана президент подписал билль о призыве в армию — теперь на три года — полумиллиона добровольцев. Новым командующим главной ударной армией Вашингтона, армией «Потомак», он назначил 34-летнего генерала Джорджа Макклеллана, добившегося тем летом хотя и скромных, но очевидных успехов в Западной Вирджинии. Это был профессиональный военный, один из лучших в своём выпуске в Военной академии в Вест-Пойнте, герой мексиканской войны, наблюдатель Крымской кампании,

автор учебника по тактике. Невысокий, энергичный и самолюбивый Макклеллан был поклонником Наполеона. Он любил позировать для фотографий в «наполеоновской» позе — с правой рукой, заложенной за лацкан мундира.

Двадцать шестого июля новый командующий писал жене из Вашингтона: «Я оказался здесь в новой и непривычной позиции: президент, Кабинет, генерал Скотт — все полагаются на меня, и по какому-то странному волшебству я оказался прямо солью земли. Я почти уверен, что добейся я теперь хотя бы небольшого успеха — стану диктатором или кем захочу; благо я не хочу и не буду диктатором: достойное восхищения самоотречение!»^{482}.

Макклеллан излучал уверенность, которая передавалась войскам. Более того, он оказался блестящим и неутомимым организатором (проводил в седле по 12 часов в день, а потом мог работать в офисе до трёх утра). Результаты трудов нового командующего стали заметны очень скоро: моральный дух армии восстановился, наладилась дисциплина, исчезли слоняющиеся по улицам солдаты-одиночки, опустели прежде переполненные армейскими пивные и бары. Обучение неопытных новобранцев и младших офицеров было приведено в систему. Один из солдат писал домой в Пенсильванию: «Утро начинается со строевой подготовки, затем опять строевая, потом снова строевая. После этого строевая, строевая и немного строевой. После этого строевая и, наконец, строевая. Между ними мы занимаемся строевой подготовкой и иногда ненадолго прерываемся на приём пищи и поверку»^{483}.

А Линкольн, обжѣгшись на недавнем нетерпеливом наступлении, внял призывам нового генерала «не спешить», «подготовиться» и только потом покончить с мятежниками мощным и решительным ударом.

Президент решил максимально полагаться на профессиональные навыки военных специалистов.

Стоически пережил поражение и Конгресс (он тоже понёс потери у Булл Рана: конгрессмена Альфреда Или любопытство завело так далеко, что он попал в плен и чуть не был пристрелен разъярённым офицером конфедератов: «Все беды из-за вас, политиков!»). На другой день после битвы высший законодательный орган страны принял решительную резолюцию (так называемую резолюцию Криттендена — Джонсона), в которой не было никаких намерений признавать мятежников. Конгресс объявлял, что цель войны — «защитить верховенство Конституции и сохранить Союз, не задевая достоинства и прав нескольких мятежных штатов», и повторял, что у правительства нет намерений подчинить или завоевать эти штаты, что оно не собирается нарушать права их жителей и вмешиваться в устоявшиеся «самобытные институты».

Однако в те же дни в Конгрессе обсудили, а потом приняли (с несколькими поправками) «Первый конфискационный акт», по которому военные имели право отбирать и освобождать рабов, используемых Конфедерацией для военных целей. Линкольн утвердил этот закон 6 августа, и война за сохранение Союза «как он был» начала постепенно, сначала довольно медленно, становиться войной за Союз, «каким он может стать», за ликвидацию глубинной причины конфликта Севера и Юга — рабовладения.

Ещё в день поражения при Булл Ране к Линкольну дважды приходил один из «якобинцев», сенатор Чарлз Самнер, всем своим видом демонстрируя, что намеревается сказать нечто важное. Через два дня он решился объявить президенту, что хочет дать важную рекомендацию относительно методов ведения войны. Линкольн ответил, что и сам занят этим вопросом и придумал кое-что новое... «Вы собираетесь выступить

против рабства?!» — восхищённо воскликнул Самнер, но Линкольн... смутился: «Нет, сейчас я думал не об этом»... Президент напомнил, что они уже обсуждали этот вопрос и Самнер согласился поддержать именно осторожный курс. Пришлось уже Самнеру смущаться и просить прощения. Сенатор уверил, что и сейчас одобряет этот курс, но теперь настал подходящий момент ударить по рабовладению во всей стране. Он долго приводил доводы, но на немедленные действия Линкольн не соглашался. (В декабре президент скажет: «Мистер Самнер! Вся разница между нашими мнениями по этому вопросу только в том, что вы забегаете вперёд: может, на месяц, может, на шесть недель»^{484}.)

Президент понимал, что нетерпение радикалов может дорого обойтись в шаткой ситуации борьбы за пограничные штаты. Ему приходилось вести тонкую игру, основанную на убеждённости рабовладельцев, что их рабы — такая же собственность, как скот или рабочий инструмент; в результате этой политической игры и был принят акт о конфискации «имущества» мятежников, в том числе и рабов. Вся страна повторяла удачно брошенное словцо «трофеи». Оно возникло после того, как в конце мая трое рабов из Вирджинии бежали с фортификационных работ в твердыню Союза, форт Монро. Когда их владелец, офицер Конфедерации, явился под белым флагом и потребовал вернуть свою собственность согласно довоенному закону о возврате беглых рабов, генерал Батлер ответил: «Это трофеи»^{485} — и отправил беглецов на строительство своих укреплений. Через неделю число перебежчиков достигло сотни, в июле — тысячи, с осени им стали платить за работу и организовали первые школы. С тех пор повсюду, от Вирджинии до Теннесси, пробиравшиеся к расположению войск Союза беглые рабы кричали передовым постам: «Мы — трофеи!»

Но одно дело конфискованная «собственность» мятежников, используемая для ведения войны, и совсем другое — полная отмена рабовладения. Не дожидаясь правительственных мер, первый приступ к этому решительному повороту сделал командующий войсками Союза на Западе, кандидат в президенты от республиканцев в 1856 году, а ныне «политический генерал» Джон Фримонт. Бремя военного лидерства свалилось на него после того, как храбрый генерал Лайон погиб в первом же сражении за Миссури. Не уступая Лайону в личной храбрости, Фримонт явно уступал ему в военном и организаторском талантах. Он постепенно стал терять контроль над штатом, более того, настроил против себя значительную часть своего окружения, даже изначально благоволивших ему Блэров. Тогда генерал решил «закрутить гайки» и выпустил грозную прокламацию, где среди прочего объявлял о введении во всём штате законов военного времени, по которым пойманные с оружием в руках гражданские лица будут осуждены и расстреляны, а главное — что рабы всех врагов Соединённых Штатов в Миссури получают полную и окончательную свободу.

«Лучше несколько Булл Ранов, чем дурацкий акт этого воинственного попугая», — писал Линкольну потрясённый экспромтом «Следопыта» Джошуа Спид, объясняя: «Эта глупая прокламация окончательно сокрушает сторонников республиканцев в нашем штате. С таким же успехом можно наброситься на свободу вероисповедания или на право родителей учить своих детей читать и писать». О том же предупреждал Роберт Андерсон, возглавлявший военный округ Кентукки: «Если прокламацию немедленно не аннулировать, Кентукки будет потерян для Союза». Он же сообщил, что целая рота солдат-добровольцев, едва узнав о прокламации, побросала оружие и разошлась [{486}](#).

Линкольн не хотел портить отношения с видным республиканским деятелем и поначалу обратился к нему с «советом»: не поднимая шума, сделать формулировки более умеренными, то есть привести их в соответствие с тем, что принятым конфискационным законом (конфискуются не все рабы южан, а только захваченные при использовании в военных целях). Иначе Север начнёт массово терять союзников как среди лояльных граждан пограничных штатов, так и среди тех демократов, которые выступают за Союз, но не являются противниками рабовладения. Более того, «расстрельный закон» как излишняя жестокость по отношению к населению штата вызовет ответное ожесточение, поэтому президент просил никого не казнить без его санкции (и так один из вожаков партизан уже объявил, что за каждого расстрелянного согласно указу Фримонта будет нещадно «вешать, потрошить и четвертовать» сторонников Линкольна)^{487}.

Гордый Фримонт ответил не сразу, а в ответе объявил, что не собирается менять в своей прокламации ни слова, ибо считает её столь же важной для достижения общего успеха, сколь и победу в сражении. Если же президент настаивает, то пусть не «советует», а берёт на себя ответственность и официально во всеуслышание отдаёт приказ. Послание Линкольну повезла супруга Фримонта Джесси, обаятельная и умная дочь некогда известного и влиятельного сенатора Бентона, уже получившая прозвание «генерал Джесси». Миссис Фримонт явилась в Белый дом запылённая, после двухдневной тряски в душных прокуренных вагонах, не успев ни принять ванну, ни переменить одежду. Президент согласился на встречу немедленно, несмотря на поздний вечер. Однако откровенного обмена мнениями не получилось. Историк Джеймс Макферсон считает: «Джесси Фримонт уязвила президента намёками на интеллектуальное превосходство и

большой авторитет её мужа, нанеся тем самым делу Фримонта значительный ущерб». Линкольн сдерживался изо всех сил, стараясь, чтобы энергичный натиск Джесси не обернулся скандалом^{488}. В прошедшие годы храбрая супруга многое сделала для продвижения мужа, но на этот раз ничего не добилась. На следующий день Фримонту был отправлен курьером чёткий приказ: привести свою прокламацию в соответствие с законом Конгресса от 6 августа. Копия приказа была передана для публикации в прессе.

Огласка конфликта вызвала вздох облегчения в пограничных штатах, но погасила вспыхнувшую было радость радикальных сторонников отмены рабовладения. На Линкольна посыпались обвинения — не все могли понять, как трудно президенту проводить грань между возможным и желаемым. Негодовали старые друзья, в том числе Херндон в Спрингфилде.

В письме соратнику ещё по партии вигов Орвилу Браунингу Линкольн ещё раз объяснил причины своего решения: главная ошибка Фримонта — самовольный выход за рамки Конституции. Генерал мог действовать в пределах военного законодательства, но был не вправе вмешиваться в политический процесс. Военная необходимость даёт командующему полномочия использовать чужую частную собственность (например, занимать фермерские земли под военный лагерь или для строительства укреплений), но только временно. Изменять статус чужой собственности, в том числе рабов, никакой военачальник права не имеет — это дело законодательных органов, а не прокламаций, иначе генерал вводит на своей территории диктатуру, при которой ничто не может помешать ему править по собственному желанию, конфисковывать земли, рабов и другую собственность лояльных граждан. Тот факт, что не правительство, а диктатор хочет изменить статус собственности простой прокламацией, вовсе не

укрепляет существующую систему правления, а, напротив, разрушает её.

К этим общим рассуждениям Линкольн добавил объяснение конкретной сложившейся в пограничных штатах ситуации, при которой объявление об освобождении рабов означает почти гарантированную потерю пока ещё союзных Кентукки, Миссури, Мэриленда и поражение в главном деле сохранения Союза^{489}. В частном же разговоре с одним из сторонников Фримонта Линкольн заметил по поводу освобождения рабов: «Мы должны подождать с этим до тех пор, пока все остальные средства [сохранить Союз] не будут исчерпаны»^{490}.

А между тем Фримонт не только не мог справиться с натиском конфедератов, но и вступил в открытый конфликт с политическими лидерами штата Миссури. Раздор с Блэрами дошёл до того, что Фримонт закрыл поддерживавшую линию Блэров газету и арестовал младшего брата генерального почтмейстера, полковника Фрэнка Блэра, «за тайные и бесчестные попытки подорвать мой авторитет в глазах правительства»^{491} (дескать, Фрэнк использовал семейные связи, чтобы через голову Фримонта отправлять президенту частные письма, в которых компрометировал своего начальника). Только благодаря давлению из Вашингтона Фрэнка отпустили, причём тот поначалу не соглашался выходить из-под ареста до суда, надеясь, что в ходе судебного разбирательства будет доказана, мягко говоря, неправота Фримонта^{492}.

Однако Линкольн устроил разбирательство другого рода. Он отправил в Сент-Луис, где была штаб-квартира Фримонта, серьёзную правительственную комиссию во главе с военным министром Кэмероном, подстраховав её командировкой своего доверенного лица Николаи. Письма Николаи отражают сложившееся у посланцев мнение о Фримонте. В докладе президенту его

секретарь сдержан: «Общее мнение таково: он совершенно не справился со своими обязанностями и должен быть смещён; любая замена будет к лучшему». В дружеском письме Хэю Николаи более откровенен: «Фримонт доигрался. Этот ч[ёрто]в дурак загубил блистательный шанс обесмертить своё имя, предоставленный человеку со скромным опытом»^{493}.

В конце концов Фримонт был смещён, став в глазах радикальных противников рабства и некоторых своих поклонников «мучеником идеи» (на основании его прокламации даже успели освободить двоих рабов^{494}). Но Линкольн сумел склонить общественное мнение на свою сторону. Через редакторов центральных газет, в том числе Хораса Грили, он упорно разъяснял, что сместил «Следопыта» не за прокламацию, не за попытку освободить рабов, а за неумение ужиться со сторонниками Союза в Миссури, за отсутствие военного таланта, за то, что эти качества ставили всё дело под угрозу. Правота президента стала очевидной в следующем году, когда Фримонт попробовал свои силы на менее ответственном посту командующего в горном департаменте Вирджинии. Там он испытал очередной приступ своеволия и сильно поспособствовал очередному поражению сил Союза в долине Шенандоа. В конце концов летом 1862 года Фримонт подал в отставку и занялся прибыльным бизнесом в железнодорожном строительстве.

Но если бы все проблемы состояли только в действиях Фримонта! Мы имеем возможность заглянуть в один из многих конфиденциальных меморандумов, составленных секретарём Николаи по итогам рабочих встреч с президентом:

«2 октября 1861 года. Разговор с президентом.

Политика

Фримонт на грани неповиновения.

[Министр финансов] Чейз в отчаянии.

[Военный министр] Кэмерон крайне невежествен и не обращает внимания на то, что происходит, — и вероятный итог этого (скорее всего имеются в виду планы сместить Кэмерона с поста. — *Д. О.*).

Кэмерон:

Самовлюблён и проявляет открытое неуважение к президенту.

Приносит стране вред.

Не в состоянии ни разрабатывать и обсуждать общие планы, ни организовывать их исполнение в деталях.

Финансы

Кредиты отправлены в Сент-Луис

в Цинциннати

в Спрингфилд.

Перерасход средств на сегодня, 2 октября 1861 года — 12 000 000.

Чейз говорит, что новый заём будет израсходован за 11 дней.

Непомерные требования оставить до Конгресса.

Война

Мятежники вторглись в Кентукки.

Пытаются захватить контроль над Миссури.

Октябрь уже наступил, но вместо наступления вниз по Миссисипи армия Запада, вероятно, сможет только оборонять Сент-Луис.

Доводы Чейза, Бейтса, Блэров, Томаса (генерал-адъютанта, направленного инспектировать Запад. — *Д. О.*) в пользу того, что на Западе и армия, и финансы — всё в безнадёжном расстройстве»^{495}.

Однако все непростые хлопоты из-за командующего и обстановки на Западе можно было бы пережить куда легче, если бы не неожиданно возникшие проблемы с командующим на Востоке. Ещё в разгар лета, 2 августа, Макклеллан обещал правительству, что решит исход войны одним мощным ударом, для которого нужно собрать и подготовить двухсоттысячную армию с

шестью сотнями орудий, инженерным и понтонным парками, хорошо организованным транспортом при полной поддержке флота. Тогда можно будет обезопасить Вашингтон и Балтимор и при этом начать наступление на Ричмонд, а также вниз по Миссисипи и в Северный Техас. По мнению генерала, в этом случае «борьба будет недолгой, хотя и отчаянной». Он просил Линкольна и правительство только подождать, когда армия будет готова.

— Только не позволяйте меня подгонять!

Линкольн обещал:

— Уверяю, вы всё будете решать сами.

Армия получила имя «Потомак» и стала неуклонно расти: «в наследство» от Макдауэлла Макклеллану осталась 51 тысяча человек, к середине сентября генерал имел уже 122 тысячи, ещё через месяц — 133 тысячи, к 1 декабря — 170 тысяч, к концу года — 192 тысячи. Частью рутинной работы президента стало присутствие на многочисленных парадах и смотрах, благо он хорошо держался в седле и производил этим благоприятное впечатление на войска. Иногда он отправлялся на смотры в компании с Мэри и мальчиками и тогда ехал в открытой коляске.

«Армия «Потомак» — это моя армия, поскольку я её создал», — гордо заявлял Макклеллан. «Ты не представляешь, — писал он жене, — как сияют солдаты, когда я проезжаю мимо строя, как блещут их глаза! Ты бы слышала, каким криком они меня приветствуют!.. Не думаю, что это нравится президенту». Очевидцы действительно отмечали любовь солдат к своему «маленькому Маку». «Вокруг него действительно что-то вроде ауры успеха», — писал один; другой добавлял: «Войска приветствуют его с таким же энтузиазмом, с каким французские солдаты некогда приветствовали Наполеона»^{496}.

Для полного сходства с «маленьким капралом» «маленькому Маку» не хватало только решительных побед. Но он готовился к ним, пытаясь учесть все возможные сложности. Готовился настолько тщательно, что постоянно перестраховывался. В августе он не мог наступать, потому что намеревался отражать казавшееся неизбежным нападение мятежников на Вашингтон и удивлялся, почему те медлят. В сентябре рапортовал, что неприятель сосредоточил против него заметно превосходящие силы^{497}. Это была двойная ошибка: военной разведки (к сожалению, возглавивший её Алан Пинкертон оказался столь же неопытен в сборе и интерпретации разведывательной информации, сколь был хорош в области конспирации и сыска) и самого командующего как аналитика (он считал, что сведения о слабости противника — намеренная дезинформация^{498}). Макклеллан видел то, что хотел видеть, и пытался убедить окружающих, что нужно ещё готовиться и готовиться... В октябре он рапортовал, что будет готов наступать не позднее 25 ноября^{499}...

Восхищение общества «маленьким Маком» постепенно стало переходить в недовольный ропот, а из недели в неделю, из месяца в месяц повторявшееся газетное клише «На Потомаке всё спокойно» сначала надоело публике, потом стало её раздражать и, наконец, превратилось в предмет иронии и насмешек.

Пиком общего недовольства медлительностью вооружённых сил стало 21 октября. В тот день состоялось первое после Булл Рана серьёзное столкновение с противником. В 34 милях от Вашингтона, выше по течению Потомака, у Боллс-Блаффа, федеральные войска попытались переправиться и атаковать мятежников. Неожиданного нападения не получилось — конфедераты успели организовать оборону, а затем контратаковали и буквально сбросили нападавших обратно в реку. Потери федералов были

всемеро больше, чем у противника. «Казалось, вокруг голов плывущих солдат вода кипит от пуль», — вспоминал очевидец. На следующий день у мостов Вашингтона вылавливали принесённые Потомаком трупы...

Для Линкольна это поражение обернулось личной трагедией: в бою погиб его давний близкий друг, сенатор от Орегона полковник Эдвард (Нед) Бейкер, тот самый, что в день инаугурации торжественно представил публике нового президента. Воскресным днём накануне боя Авраам и Нед сидели на лужайке у Белого дома, наслаждались сухой и ясной погодой, разговаривали о том о сём, возможно, вспоминали давние иллинойсские баталии за место в Конгрессе США с их слоганом «Честно соблюдать очередь»; неподалёку бегал Вилли, шурша разноцветной палой листвой. Мэри вышла проводить Неда с букетиком осенних цветов. «Какие они красивые! — воскликнул Бейкер. — Будете вспоминать обо мне — вспоминайте и об этих цветах». На прощание полковник поднял десятилетнего Вилли на руки и поцеловал его...

На следующий день Авраам вспоминал, что ещё в июне Бейкер предсказал свою «геройскую смерть» на войне. Удар от этого сбывшегося предчувствия был таким сильным, что президент не прятал слёз и отменил на день все визиты и приёмы. А Вилли был настолько потрясён, что написал первые стихи, прочувствованные, хотя и по-детски наивные:

Нет равных патриоту,
Каким наш Бейкер был.
Он пал в бою геройски
Под небом голубым...

Макклеллан отвёл от себя все обвинения в поражении, свалив вину на непосредственного командира, генерала Стоуна, а тот — на погибшего Бейкера. Но поражение «подготовленных» войск оставалось поражением, и разгневанные сенаторы-республиканцы потребовали от Макклеллана объяснений.

Генерал оправдывался, что ему «мешает» престарелый Скотт с его «ревностью», даже «смертельной враждой». Скотт давно чувствовал неприязнь Макклеллана и даже подавал в отставку, но Линкольн его не отпустил. Теперь же президент дал понять, что отставка главнокомандующего будет принята, причём на самых почётных условиях, с сохранением жалованья и прочих привилегий. 1 ноября 1861 года прошение Скотта об увольнении было получено, и тут же весь Кабинет во главе с президентом отправился домой к командующему для проведения торжественной церемонии отставки. Генерал принял делегацию в полной парадной форме, но лёжа на диване — сил у него было немного. Вскоре Скотт покинет Вашингтон, но останется советником президента. Он ещё будет писать мемуары и даже переживёт Линкольна...

Макклеллан встретил объявление о своём назначении словами: «Какое облегчение! Слово несколько тонн груза свалилось с моих плеч!» — и воспарил так, что начал воспринимать себя поднявшимся над всеми «спасителем Отечества». «Я призван! — восторженно сообщал он жене в день назначения. — Вся моя прежняя жизнь неволью вела к этому великому финалу»^{500}. В ночь после назначения влюблённые в Макклеллана войска устроили в Вашингтоне шумную демонстрацию с факелами и фейерверками. Новый командующий кланялся толпам с

балкона своего дома, но никаких программных речей не произносил.

Самоуверенность генерала переросла в чувство собственной исключительности. Вокруг, казалось ему, толпились и только мешали «жалкие политики» и «слабоумная администрация»: «типичный павиан» (он же «в натуре горилла») Линкольн, «назойливый приставучий несмышлёный щенок» Сьюард, «болтливая старуха» Уэллс, «старый дурак» Бейтс, «плут» Кэмерон^{501}.

За словами следовали поступки. Когда 13 ноября президент Линкольн и госсекретарь Сьюард в сопровождении секретаря Хэя пришли в особняк Макклеллана, где располагалась его штаб-квартира, им было велено подождать в гостиной: генерал на свадьбе. Примерно через час Макклеллан вернулся, узнал, что его ждут высокопоставленные визитёры, прошёл мимо гостиной к себе, а ещё через полчаса спустился... слуга и объявил, что генерал «легли почивать». Линкольн сумел вытерпеть и такое («не время рассуждать об этикете и личной гордости»), разве что отказался ходить на совещания к Макклеллану и стал вызывать его к себе. Впрочем, порой Макклеллан мог позволить себе не приходить в Белый дом без объяснений. После одного такого случая (главнокомандующий не счёл нужным явиться на совещание с участием губернаторов) Линкольн вынужден был ответить на упрёки: «Я готов держать под уздцы коня Макклеллана, лишь бы он добился успеха!»

Однако президенту надоело оправдываться незнанием военной науки, и он прибегнул к испытанному приёму: углубился в книги по интересовавшей его теме. Из Библиотеки Конгресса ему стали носить литературу по военному делу, от учебника по военному искусству до справочника по военному праву^{502}.

Между тем миновал обещанный Макклелланом срок начала наступления — 25 ноября, и политики стали съезжаться в Вашингтон на очередную сессию Конгресса. К 1 декабря уставший ждать президент (и по Конституции Верховный главнокомандующий вооружёнными силами США) объявил, что не считает нужным отпускать армию на отдых на зимние квартиры, то есть прекращать активные действия до весны. Он отослал Макклеллану свой план скорейшего наступления на ключевой Манассас: успех должен был быть достигнут благодаря скоординированному удару армии, речного флота и десанта с тыла^{503}. Много позже выяснилось, что командующий войсками южан на этом участке, опытный генерал Джозеф Джонстон, больше всего опасался именно такого развития событий^{504}.

Главнокомандующий рассматривал предложения президента больше недели, потом вернул с карандашными заметками, из которых было ясно, что план не годится, ибо при его осуществлении «враг встретит нас почти равными силами». Макклеллан сказал, что активно обдумывает другой план кампании, неожиданный «не только для врагов, но и для друзей». А ещё через несколько дней он заболел «тифоидной горячкой», по-нынешнему брюшным тифом, и до следующего года вообще ни с кем не общался и ничего не предпринимал.

Пошёл снег, армия стала строить бревенчатые хижины для долгой зимовки. При этом война съедала уже более миллиона долларов в день; ведущие банки прекратили обменивать бумажные деньги на золото; европейские кредиторы настолько взвинтили ставки по кредитам, что от их услуг пришлось отказаться... Нуждавшиеся в южном хлопке Англия и Франция были готовы признать Конфедерацию в качестве независимого государства. Премьер-министр

Великобритании лорд Пальмерстон считал весьма желательным распад растущего заокеанского конкурента на несколько враждующих государств. Хуже того, в канун Рождества британцы были готовы использовать в качестве предлога для войны с США инцидент с захватом эмиссаров южан на борту английского корабля «Трент». Идею охотно поддержал император Франции Наполеон III. Инцидент еле удалось уладить.

Близился 1862 год, и не было видно даже «начала того конца, которым оканчивается начало».

УДАЧИ И НЕУДАЧИ

Первый день 1862 года был настолько тёплым и солнечным, что несколько тысяч приглашённых на приём в Белый дом могли не прятать под пальто и шинели свои парадные костюмы и мундиры. Особенно выделялся дипломатический корпус — золотым мундирным шитьём и орденскими звёздами. С некоторым напряжением ждали появления английского посла лорда Лайонса, но его хорошее настроение внушило оптимизм. К половине двенадцатого прибыли строгие члены Верховного суда в мантиях, ещё через пять минут — генералы и адмиралы при всех регалиях, сенаторы, конгрессмены, офицеры и чиновники. «Впервые с тех пор, как мы здесь, — писала сестре супруга Сьюарда, — экипажи катили по улицам, как в старые добрые времена»^{505}. Оркестр военных моряков исполнял бравурные марши.

В полдень распахнулись ворота и через них хлынула шумная многотысячная публика. Полиция захлопотала около колоннады, выстраивая желающих попасть в дом президента в подобие организованной очереди. Аврааму пришлось в очередной раз выдержать церемонию бесконечных рукопожатий, растянувшуюся на час с лишним. Сенатор Браунинг заметил, что для ускорения процедуры хозяин Белого дома отработал необычный жест, напоминающий движение руки с пилой: такое рукопожатие словно тянуло гостя мимо президента, не давая шанса задержаться рядом^{506}.

Следом за президентом гостей встречала Мэри в парчовом чёрно-пурпурном облачении. Рядом пытались сохранять спокойствие нарядные, отмытые и причёсанные Вилли и Тад. Где-то вдали от президентских глаз пожелавшие остаться неизвестными

визитёры срезали на сувениры золочёные кисти и пряди бахромы от занавесок и штор, но в целом праздник сочли удавшимся.

Мэри очень гордилась приёмом: весь прошлый год она потратила на приведение в порядок своего нового дома. Он достался ей похожим на потрёпанную второсортную гостиницу: потёртые и драные обои, рваные занавески, расшатанная мебель, ковры в пятнах от табачной слюны... Её целью стало превратить это временное пристанище в настоящую резиденцию верховной власти, в центр светской жизни столицы, в демонстрацию того, что «эта парочка с Запада» обладает достойным вкусом. Начались поездки в Филадельфию и Нью-Йорк, закупки парижских драпировок, брюссельских ковров, швейцарских занавесей, богемского стекла, резной мебели, тысячедолларового сервиза с национальным гербом, уникальных ваз. Заодно были приобретены представительский экипаж за 900 долларов, а также украшения от Тиффани и самые модные наряды. Одновременно был затеян полномасштабный ремонт Белого дома. Он начался летом, когда президент перебрался за город, в резиденцию, известную как Солдатский дом (там, на холмах, было не так жарко и душно, как в городе), а Мэри с детьми уехала на побережье, в Нью-Джерси.

Правда, к удивлению Мэри, 20 тысяч долларов, отпущенных Конгрессом на обновление резиденции главы государства, закончились раньше, чем она это осознала. А поскольку торговцы охотно отпускали первой леди товары в кредит, она остановилась только тогда, когда перерасходы приблизились к семи тысячам долларов. Мэри боялась признаться в этом мужу до самой зимы, но ничего, кроме распродажи старой мебели (окончившейся неудачей), не приходило ей в голову. Она обратилась за помощью к управляющему

общественными зданиями Бенджамину Френчу, чтобы тот убедил Линкольна согласиться на все столь необходимые траты и подписать выставленные счета. Авраам, узнав о перерасходах, вышел из себя: «Я не буду ничего подписывать! Я буду платить из своего кармана! Каково будет американцам узнать, что их президент потратил двадцать тысяч долларов на всякие финтифлюшки для этого проклятого старого дома, в то время как наши несчастные солдаты мёрзнут без одеял?» Особенно президента разозлил счёт на две тысячи долларов за огромный цельнотканый брюссельский ковёр для Восточного зала. Правда, сам вид этого шедевра цвета морской волны, напоминавшего гостям «океан, нежащий розы на своих водах», немного его успокоил. В конце концов честь президента спас Конгресс, решивший выделить ещё 14 тысяч долларов на «дополнительные расходы» по Белому дому, дабы, как приватно разъяснял один сенатор из Мэриленда, не унижать президента расплатой за «неразумное и тщеславное» поведение его жены.[{507}](#).

К зимнему светскому сезону, совпадающему с началом заседаний Конгресса и, соответственно, наплывом почтенной публики со всей страны, большая часть работ была завершена. Теперь можно было объявить о журфиксах по вторникам (с половины девятого до половины одиннадцатого вечера), подготовить большой новогодний приём, а к февралю вместо чопорных «государственных обедов» организовать большой бал на шесть сотен гостей.

Семейный спор по поводу этого мероприятия подслушала Элизабет Кекли, чернокожая модистка Мэри, ставшая ей близкой подругой.

— Матушка, боюсь, твой план не удастся. Он нарушает сложившийся обычай.

— Ты забыл, отец, что время военное и нужно расставаться со старыми обычаями. К тому же эта идея позволит нам быть экономнее.

— Но мы должны думать ещё кое о чём, кроме экономии.

— Но я и думаю! Такие приёмы демократичнее этих дурацких государственных обедов, больше соответствуют духу нашей страны, как ты сам мог бы сказать на митинге. В городе столько гостей, которых не вместят государственные обеды, — те же иностранцы, а наш приём даст возможность уделить им внимание.

— Ты, матушка, хорошо защищаешь свою позицию, может, ты и права. Попробуем...{508}

Сошлись на том, что этот грандиозный приём чета Линкольн оплатит из личного бюджета, выделив на него круглую сумму в тысячу долларов (как раз 6 января Авраам получил президентское жалование за декабрь: 2083 доллара 33 цента{509}). По столице было заранее разослано 500 приглашений.

Обрадовались не все. Радикальный сенатор Бенджамин Уэйд отреагировал резко: «Знают ли мистер президент и миссис Линкольн, что у нас идёт гражданская война? Если и нет, это понимают мистер и миссис Уэйд, и по этой причине они отказываются участвовать в увеселениях и танцах».

Такая позиция была понятна Линкольну. Он и сам пребывал не в лучшем расположении духа. Начало января — «точка замерзания» военной активности, однако ежедневные траты на войну не уменьшились. Нельзя сказать, что ничего не делалось: по приказу президента генерал Батлер собирал войска для экспедиции по захвату стратегически важного Нового Орлеана, генерал Бёрнсайд готовил полки для высадки на побережье Северной Каролины, дивизия генерала Томаса ползла в наступление по расхлябанным дорогам Кентукки; но масштаб был не тот, да и предугадать

результаты было невозможно. Линкольн подгонял генералов: «Крайне важно, чтобы вы начали действовать как можно скорее. Промедление смерти подобно»^{510}. В ответ шли доклады, что не готовы канонерские лодки, что погода не благоприятствует... В том же тоне отвечали командующие на западном театре войны: нет координации, не хватает оружия, у противника сил вдвое больше (та же перестраховка, что и у Макклеллана). Генерал Бьюэлл, которого Линкольн побуждал действовать в критически важном штате Теннесси, жаловался: «Я нахожусь в положении плотника, у которого требуют построить мост из гнилого дерева при помощи тупого топора и сломанной пилы»^{511}. При всём этом главная ударная сила — армия «Потомак» на востоке — была парализована из-за болезни Макклеллана. Удачливые офицеры и солдаты разъезжались по отпускам, неудачливые продолжали рыть укрепления вокруг Вашингтона.

Генерал-квартирмейстер Монтгомери Мейгс надолго запомнил сырой туманный вечер 10 января 1862 года, когда президент пришёл к нему в офис, придвинул кресло к пышущему теплом камину, сел и начал то ли жаловаться, то ли рассуждать вслух: «Что же мне делать, генерал? Люди нетерпеливы. У Чейза нет денег, и он говорит, что не знает, откуда их взять. Командующий в горячке. Это какая-то бездонная бочка... Что делать?»

Мейгс гордился тем, что именно он подал президенту важный совет: не дожидаться выздоровления Макклеллана, собрать у себя тех генералов, которым в случае начала активных действий на востоке придётся брать на себя руководство войсками. Среди них и найдётся тот, кто заменит больного командующего^{512}. Об этом в тот же день долго и много говорил на заседании Кабинета Эдвард Бейтс: раз волею Конституции президент является

Верховным главнокомандующим, он должен начать энергично «командовать командирами»^{513}. Похоже, Линкольн и сам понял, что война слишком серьёзное дело, чтобы полностью доверять его военным, и перешёл к активным действиям.

Следующий день президент начал с того, что неожиданно для всех отправил в отставку военного министра Кэмерона. В официальном письме Линкольн, к немалому удивлению адресата, сообщал, что «неоднократные пожелания» бывшего министра занять какой-нибудь другой пост будут удовлетворены. Он получит место... посла в России^{514}.

Истинные причины отставки лежали гораздо глубже, но обнародовать их было неудобно, хотя хаотическое функционирование важнейшего министерства обсуждалось открыто. Старое уязвимое место Кэмерона снова находилось под ударами критиков, говоривших о расцветшей на военных поставках коррупции, которая выливалась в чрезмерные траты, неисправное оружие, прогнившую ткань, негодную обувь и испорченный провиант. «Обувь пехотинцев разваливается в лужах? — удивлялся один торговец. — Но я-то продавал её для кавалерии!»

Кэмерон мог только пытаться сохранить лицо: упросил Линкольна назначить на его место представителя Пенсильвании, дабы поддержать в правительстве престиж штата — «замкового камня», и при этом человека дружественного или хотя бы нейтрального к своему предшественнику, надеясь этим пресечь разговоры о вражде в «верхах».

Таким человеком оказался Эдвин Стэнтон, тот самый резкий в выражениях и необыкновенно талантливый юрист, который в казавшемся уже далёком 1855 году бесцеремонно отодвинул адвоката Линкольна от участия в громком судебном процессе «Маккормик против Мэнни». Но президент обратил внимание не на это

обстоятельство (к слову сказать, партнёра Стэнтона по делу 1855 года Джорджа Хардинга Линкольн поставил во главе Патентного офиса). В 1860 году Стэнтон поднялся до поста генерального прокурора в правительстве Бьюкенена, боролся, как мог, за сохранение Союза и показал себя не только как юрист и оратор, но и как блестящий организатор. В первый год войны он был советником Кэмерона и как демократ был дружественно настроен к Макклеллану. Кроме того, Линкольн учёл редкое единодушие Кабинета: кандидат устраивал одновременно и Кэмерона, и вечно противостоявших друг другу Чейза и Сьюарда.

Жена Стэнтона Элен отговаривала мужа принимать новую должность: на министерском посту его годовой доход уменьшался вчетверо^{515}. Тем не менее долг и честь оказались крайне важны для этого с виду не очень героического человека (его, 47-летнего, сильно старила большая, слегка раздвоенная и тронутая сединой борода, непременные круглые очки визуально сильно уменьшали глаза; карикатуристы вообще любили изображать Стэнтона гномом-переростком). «Он был человеком деятельным, преданным и честным. Подрядчики не могли им манипулировать, предатели не могли обмануть, — характеризовал нового министра современник. — Порой импульсивный, но правдивый; своенравный — возможно, но незлобивый; нетерпеливый, но последовательный и знающий дело...»

Сразу после назначения Стэнтон взялся за работу с такой энергией, что Линкольн припомнил очередную занятую историю. «Будем относиться к Стэнтону, — говорил он коллегам, — как относились к одному методистскому проповеднику на Западе. В своих проповедях и молитвах он возносился столь высоко, что прихожане клали ему в карманы кирпичи, чтобы совсем не улетел. Нам придётся придерживать Стэнтона

похожим образом, но думаю, поначалу дадим ему немного попрыгать»^{516}.

«Со временем их отношения стали неожиданно тёплыми и полными взаимного уважения, — пишет историк Д. Макферсон. — Они начали практиковать в делах управления своего рода игру в «доброе и злого копа»: Линкольн отправлял политиков и других просителей, которым не мог лично отказать в просьбе, к Стэнтону, который, как он знал, был способен сказать твёрдое «нет». Разочарованные просители уходили, проклиная военного министра, и это спасало президента от негативных политических последствий»^{517}.

Двенадцатого января в Белом доме собрался военный совет: уже без Кэмерона, пока без Стэнтона и всё ещё больного Макклеллана. Линкольн прямо сказал министрам и военным: «Раз генерал Макклеллан не собирается пользоваться своей армией, я бы хотел одолжить её для своих надобностей»^{518}. Следующие за «Маком» по субординации генералы получили авральную работу: за день разработать и немедленно представить план первоочередных действий гигантской армии, план наступления. Но главным результатом собрания стало чудо исцеления: вести о нём подняли с одра Макклеллана — практически здоровым. Уже на следующий день командующий явился в Белый дом обсуждать вместе со своими подчинёнными будущие планы. Он выслушал спешно разработанные варианты наступления его армии, но всем своим видом дал понять, что имеет кое-что получше, просто не хочет раскрывать секрет.

— Президент ждёт от вас хоть каких-то разъяснений, — шепнул Макклеллану генерал-квартирмейстер Мейгс.

— Если я раскрою ему свои планы, завтра утром они будут напечатаны в «Нью-Йорк геральд», — последовал

ответ, тоже шёпотом. — Президент не умеет хранить тайну, он расскажет даже своему Таду^{519}.

В конце концов Линкольн получил только уверения в том, что кое-где уже можно начинать наступать и что «Мак» назначит точную дату начала реализации своего плана — даже это показалось президенту достижением. Он понял к тому же, что при всей самоуверенности Макклеллан всё-таки боится остаться не у дел.

Двадцать седьмого января последовал решительный президентский «Приказ № 1»:

«Приказываю: 22 февраля (день рождения Джорджа Вашингтона. — *Д. О.*) будет днём общего наступления всех сухопутных и морских сил против мятежников. Прежде всего в этот день должны быть готовы к выступлению войска, расположенные у форта Монро, армия «Потомак», армия Западной Вирджинии, армия в Кентукки, армия и флотилия в Каире (город на Миссисипи на самом юге штата Иллинойс. — *Д. О.*) и морские силы в Мексиканском заливе. Все остальные силы и их командиры должны выполнять полученные к тому времени приказы и быть готовы получить дополнительные распоряжения. Полную ответственность за выполнение данного приказа несут главы департаментов, особенно военный и морской министры со всеми их подчинёнными, а также главнокомандующий и подчинённые ему командиры сухопутных и морских сил»^{520}.

Макклеллан не мог больше скрывать свой «неожиданный для всех» план. Он сообщил-таки президенту, что задумал гигантскую десантную операцию. Её смысл состоял в быстрой переброске громадной армии «Потомак» морем к юго-востоку от

Ричмонда с последующим наступлением и взятием столицы мятежников с фланга и тыла. Линкольн согласился на рискованное на первый взгляд предприятие, только получив подробные и убедительные обоснования того, что оно надёжнее и эффективнее традиционного наступления в лоб. Стэнтон начал собирать невиданную по числу судов транспортную флотилию.

Правда, план Макклеллана имел заметный недостаток: он снова отодвигал сроки главного наступления, которое должно было решить исход войны. Но дело (во многом благодаря энергичному Стэнтону) продвигалось, а из других районов боевых действий стали приходить рапорты о долгожданных военных успехах. Ещё 19 января генерал Томас одержал первую ощутимую победу над мятежниками в Кентукки и заставил конфедератов отступать обратно в Теннесси. Тогда же достигла побережья Северной Каролины экспедиция генерала Бёрнсайда, вышедшая в море в день снятия Кэмерона. 8 февраля Бёрнсайд взял под контроль стратегически важный остров Роанок, захватив четыре форта, 2500 пленных и около двух тысяч «трофеев», а два дня спустя занял Элизабет-сити, город у южных границ Вирджинии. Блокада побережья Конфедерации, задуманная ещё Скоттом с его «Анакондой», становилась всё жёстче.

Особенно радовалась пресса достижениям главных сил на Западе. «Сегодня утром мы получили ободряющие новости из штата Теннесси, — писала 8 февраля «Нью-Йорк тайме». — Солдаты и матросы Соединённых Штатов наконец-то вступили на его территорию и утвердились там после блистательной речной операции». Это было известие о взятии форта Генри на реке Теннесси. Оно означало, что канонерки и броненосцы Союза «распечатали» тысячекилометровую речную дорогу для наступления вглубь Конфедерации.

Через неделю была снята и вторая «печать», на реке Камберленд. На этот раз отличились сухопутные части под командой малоизвестного генерала Гранта, заставившего после трудного боя капитулировать форт Донельсон. Грант взял не менее двенадцати тысяч пленных, в том числе генерала, причём на предложение обсудить условия сдачи ответил: «Никаких условий, только немедленная и безоговорочная капитуляция». С тех пор его инициалы (*US* — Улисс Симпсон) превратились в аббревиатуру прозвища Безоговорочная Капитуляция (*Ultimate Surrender*), Грант стал новым героем Союза на зависть его непосредственному начальнику генералу Халлеку. А победы у Генри и Донельсона перенесли театр боевых действий на юг, в Теннесси. Уже 25 февраля федеральные войска заняли первую из столиц штатов Конфедерации Нашвилл и больше уже никогда его не отдавали.

Все эти события разворачивались на фоне семейной драмы Линкольнов. Затеянный Мэри президентский приём 5 февраля оказался удачным и ярким, но не принёс супругам радости. Пока внизу в просторном Восточном зале играли то «Марсельезу», то написанную специально по случаю приёма «Польку Мэри Линкольн», наверху метался в жару заболевший в конце января Вилли. То Авраам, то Мэри оставляли гостей, чтобы подняться к сыну. Они бы совсем отменили давно задуманный бал, но доктор пообещал, что мальчик пойдёт на поправку. Ограничились тем, что обошлись без танцев.

Доктор ошибался. Вслед за Вилли заболел и Тад. Скорее всего, у обоих был брюшной тиф (санитарное состояние водопровода и канализации столицы точнее было бы назвать антисанитарным). Мэри проводила рядом с детьми всё время, отменив все приёмы и вечеринки. Авраам стремился к мальчикам при первой возможности. Какими беспомощными стали два

сорванца, совсем недавно сеявшие панику среди обитателей и гостей президентского дома! Все их прежние проделки вспоминались только как забавные проказы: беготня по крыше Белого дома (то «форта», то «палубы корабля»); отысканная на чердаке система шнурков от колокольчиков для слуг, связанная воедино и вызвавшая трезвон и суматоху во всём доме; грохот барабанов и визг горнов в коридорах («парад!»); «первый снег» из ключьев накопившихся визитных карточек; «пропажа» всей клубники, приготовленной для десерта званого президентского ужина; пост у дверей отцовского кабинета с игрушечной пушкой (вход для посетителей — пять центов); устроенный дома зверинец; скачки по Белому дому на стуле с запряжённой козой [{521}](#)...

Тад постепенно выкарабкивался, а Вилли становилось всё хуже. Его положили в лучшей гостевой комнате на гигантскую кровать с изголовьем из резного палисандра. Доктора перебрали весь спектр тогдашних примитивных лекарств, от крепкого мясного бульона до хины. Мальчик стал бледным и лёгким, как тень, всё чаще терял сознание. Однажды, придя в себя, он попросил передать все его сбережения — шесть долларов — миссионерскому обществу для вечерней школы.

Рано утром в четверг 20 февраля Вилли умер.

Элизабет Кекли запомнила, как Авраам держал в руках голову сына и его большое угловатое тело содрогалось от рыданий: «Мой бедный мальчик, он был слишком хорош для этого мира, поэтому Господь призвал его к себе. Да, я знаю, там, на небесах, ему будет гораздо лучше... но мы его так любили, так не хотели, чтобы он умирал!» Линкольн разбудил секретаря Николаи, задремавшего на диване в своём кабинете: «Моего мальчика больше нет... Его действительно больше нет...» Потом, чтобы спрятать слёзы, он

закрылся в собственном кабинете, а через какое-то время пошёл в спальню к Таду, лёг рядом и обнял своего младшего...

Всё тот же Восточный зал Белого дома, побывавший и биваком, и местом блистательных приёмов, облачился в траур; зеркала были укрыты чёрным крепом, многие из тех, кто две недели назад блистал на президентском приёме, собрались на траурную церемонию. Все правительственные учреждения были закрыты, Конгресс приостановил свои заседания.

После церемонии прощания Авраам и Роберт сопровождали гроб на кладбище Джорджтауна, а у безутешной Мэри уже не было на это сил. Она слегла на три недели. Одно упоминание имени Вилли вызывало у неё слёзы; она попросила убрать все игрушки, всю одежду мальчика, запретила приходить в Белый дом детям, с которыми играли её сыновья. От замкнутого молчания она переходила к таким душераздирающим рыданиям, что поправлявшийся Тад просил из-за стены: «Мама, не надо так плакать...» Из Спрингфилда приехала Элизабет Тодд-Эдвардс, чтобы помочь младшей сестре справиться с горем, и не отходила от неё, пока та немного не пришла в себя.

В конце марта Мэри стала появляться на людях, часто с отсутствующим, обращённым куда-то вперёд и вдаль взглядом. Она ещё долго носила траурные одежды, тяжёлый чёрный капор с чёрной вуалью, камеи из чёрного оникса; её бумага для писем была обведена траурной рамкой. Вилли являлся ей во сне, стоял у самой кровати. Мэри обратилась к медиуму, чтобы получить возможность разговаривать с мальчиком, которому «без материнской ласки так одиноко».

Авраам не мог позволить себе так глубоко погрузиться в личную трагедию. Не только потому, что ему нужно было поддерживать Мэри, вытаскивать её из депрессии. В ещё большей степени потому, что вокруг

тысячи ежедневных личных трагедий сплетались в одну огромную под названием «Гражданская война». Он пытался утешить себя словами Констанции из шекспировского «Короля Джона»:

Отец наш кардинал, вы говорили,
Что с близкими мы свидимся в раю:
Раз так, я сына своего увижу!^[39]

На каминной полке кабинета Авраам поставил фотографию Вилли и частенько ловил себя на том, что разговаривает с ушедшим сыном. Первое время он каждый четверг надолго оставался один в той комнате, из которой мальчик отправился в свой последний путь.

Но через три дня после смерти сына Авраам вернулся к исполнению президентских обязанностей. 25 февраля президент Линкольн инструктировал генерала Батлера, отправлявшегося с экспедицией к Новому Орлеану у устья Миссисипи, и просил «переломить хребет мятежа». В тот же день он одобрил выпуск государственных банковских билетов, получивших по характерному цвету их оборотной стороны прозвище «гринбаксы», то есть «зелёноспинки» (потом просто «баксы»). Закон обязывал принимать эти деньги при расчётах за долги, товары и услуги, и сотни миллионов «баксов» пошли в уплату войскам и поставщикам. Союзу стало легче переносить экономические тяготы войны, в то время как доллар Конфедерации по-прежнему скользил в бездну инфляции.

В те же дни миновал срок, назначенный «Приказом № 1», — 22 февраля. Западная военная машина федералов стала набирать обороты: 28 февраля началась успешная операция по взятию под контроль большого участка реки Миссисипи — практически всей западной границы штата Теннесси. По ту сторону

Миссисипи, на дальнем Западе, федеральные войска генерала Кёртиса вошли в штат Арканзас. 7–8 марта на склонах горного хребта Пи-Ридж они не только выдержали все атаки превосходящих сил конфедератов, поддержанных индейцами чероки, но и рассеяли войска противника. Из штата Миссури военные действия переместились на юг, на территорию Конфедерации.

А «маленький Мак»... Для него словно не существовало срока 22 февраля. Всё, что он предпринял, — это попытка переправить одну дивизию в Вирджинию у ставшего знаменитым городка Харперс-Ферри. Несмотря на то, что командующий лично контролировал ход операции, она провалилась. Переправа должна была быть осуществлена с помощью наплавного моста, понтоны для которого шли водой по каналу Чесапик — Огайо. И эти понтоны, как выяснилось в последний момент, оказались настолько широки, что не пролезли через выходной шлюз из канала в реку! Телеграмму о неудаче «Мак» отправил Стэнтону, тот показал её Линкольну. «Что это значит?» — спросил президент. «Это значит, — ответил военный министр, — что он вообще ничего не хочет делать!»^{522}

В кругу республиканцев поползли слухи, что демократ Макклеллан вовсе не горит желанием расправиться с мятежом, намеренно тянет время. В письмах президенту стали появляться обвинения генерала в предательстве, в частных беседах республиканские конгрессмены стали говорить о том же. Радикальные республиканские сенаторы Бенджамин Уэйд и Захария Чандлер особенно остро переживали бездействие «Мака»: ведь это они способствовали отставке Скотта и этим, как казалось четыре месяца назад, освобождали дорогу молодому и талантливому честолюбцу. 3 марта на встрече Линкольна с Комитетом конгресса по ведению войны Уэйд, его председатель, стал настаивать на отставке Макклеллана. «Но кем я его

замену?» — резонно спросил президент. «Да хоть кем-нибудь!» — ответил Уэйд. «Это вам, Уэйд, достаточно «кого-нибудь», а мне обязательно нужен конкретный человек. Вот и приходится обходиться тем инструментом, который есть», — отреагировал Линкольн. В качестве замены тогда не видели никого лучше проигравшего сражение при Булл Ране и едва не сдавшего Вашингтон Макдауэлла либо своевольного и чуть не потерявшего Миссури Фримонта.

Линкольн надеялся, что его главнокомандующий, хотя и медлителен, доведёт начатое до конца. Однако он не стал скрывать от него неприятные отзывы. Президент решил сыграть на самолюбии генерала, расшевелить его надменную самоуверенность. В разговорах, которые могли дойти до генерала, Линкольн стал как бы невзначай отмечать, что если Макклеллан не начнёт шевелиться, его заменят. Стэнтон довольно открыто поинтересовался у 63-летнего генерала Хичкока, знаменитого разве что тем, что был внуком героя Войны за независимость Итана Аллена, не хотел бы он занять место Макклеллана.

Главнокомандующий впитывал слухи до тех пор, пока Линкольн не вызвал его к себе для разговора с глазу на глаз. Президент доверительно сообщил генералу: «Некоторые влиятельные люди подозревают, что настоящая цель плана наступления на Ричмонд с тыла состоит в намерении отвести войска подальше от Вашингтона, чтобы его беспрепятственно захватили мятежники». «Маленький Наполеон» предсказуемо возмутился, бросился доказывать свою правоту, а Линкольн ещё подстегнул его приказом от 11 марта, освобождавшим генерала от общего командования всеми сухопутными силами и передававшим западный театр военных действий уже добившемуся успехов Халлеку. Макклеллан должен был сосредоточиться только на восточном театре.

Вдобавок газеты зашумели по поводу ещё одного прокола уже бывшего главнокомандующего. Железнодорожный узел Манассас, взять который Линкольн требовал ещё прошлым летом, а Макклеллан всю осень отказывался атаковать из-за «численного превосходства» противника, был вместе со всеми укреплениями добровольно оставлен конфедератами (они опасались как раз того обходного манёвра, который предлагал Линкольн и отверг «Мак»). На неприятельских укреплениях, объявленных командующим армией «Потомак» неприступными, были захвачены крупнокалиберные, выкрашенные в чёрный цвет... брёвна, которые тут же окрестили «квакерскими пушками»^[40]. Более того, по размерам лагеря конфедератов можно было определить их реальную численность: около сорока пяти тысяч человек. Это сделало общеизвестным главное заблуждение Макклеллана: его выпестованной 112-тысячной армии «Потомак» полгода противостоял не равный по силам противник, ошетинившийся грозной артиллерией, а более чем вдвое слабый, с «квакерскими пушками» на укреплениях. Подмоченную репутацию можно было спасти только немедленным действием.

И «Мак» двинулся в наступление! 17 марта он обратился к войскам, черпая вдохновение из речей Наполеона: «Солдаты! Я поведу вас туда, где вы окажетесь лицом к лицу с мятежниками, и судьба моя будет неразрывно связана с вами... А когда закончится эта несчастная война и мы вернёмся домой, не будет для нас большей чести, чем гордое осознание: «И я был в великой армии «Потомак!»»^{523}.

С этого дня и до конца марта более четырёхсот речных, морских, озёрных судов, колёсных и винтовых пароходов, шхун, барков и барж перевезли на 200 миль к югу от Вашингтона 121 500 человек, 44 артиллерийские батареи, 1150 повозок, почти 15 600

лошадей и мулов, а также неисчислимое количество амуниции и снаряжения, начиная с понтонов и заканчивая телеграфной проволокой. В очередь на высадку выстраивались десятки судов.

Второго апреля Макклеллан прибыл к войскам, и армия тронулась в наступление... чтобы через пару дней застрять перед наспех возведёнными укреплениями у исторического городка Йорктаун (здесь 80 лет назад сдалась английская армия и фактически закончилась Война за независимость). Огромной военной машине федералов противостоял только тринадцатитысячный корпус конфедератов. Его командир Джон Макгрудер увлекался любительским театром и устроил своего рода спектакль для главного зрителя Макклеллана: целыми днями немногочисленные полки южан маршировали в виду противника в разных направлениях, целыми ночами полыхали мириады костров, изображавших биваки несуществующих частей. И «Мак» клюнул: позабыв о желании неожиданно появиться на улицах Ричмонда, он приказал готовить долгую обстоятельную осаду, вроде той, которую он изучал, будучи военным наблюдателем под Севастополем в Крымскую войну. Из Вашингтона были затребованы тяжёлые осадные орудия и, конечно, резервы. Встревоженный Линкольн начал поторапливать Макклеллана: «Теперь у Вас более ста тысяч войска! Думаю, Вам лучше немедленно прорвать линию обороны от Йорктауна до реки Уорвик. Они, похоже, тянут время». Тот в ответ завёл прежнюю песню: «Я думаю, что столкнусь со всей силой мятежников, так не заставляйте меня делать это с меньшим по численности войском»^{524}... Жене же он признался, что едва удержался от едкой реплики, «что если он (президент. — Д. О.) лучше всё знает, пусть сам приезжает и всё делает»^{525}.

Тщетно Линкольн продолжал увещевать: «...самое время нанести удар, с течением времени противник

будет укрепляться и получать подкрепления быстрее Вас»; «...и снова позвольте сказать, что необходимо нанести удар, ведь Вы переносили боевые действия от Манассаса, чтобы найти чистое поле для боя; трудности скоро станут теми же: тот же враг в таких же укреплениях, разве что в другом месте. Не тот же ли Манассас?»; «Я никогда не писал Вам с большим расположением, с большим желанием поддержать... *Но Вы должны действовать!*»^{526} В ответ следовали уже набившие оскомину требования: враг слишком силён, слишком много войск оставлено для защиты Вашингтона, как раз их мне здесь и не хватает...

«Мак» застрял у укреплений Йорктауна почти на месяц! Его нерасторопность становилась ещё заметнее на фоне новых успехов на Западе. Там снова проявил себя генерал Улисс Грант, уверенно наступавший в южном направлении. Конфедераты стянули против него все наличные силы и внезапно атаковали лагерь федералов у небольшой пристани на реке Теннесси. Попавшая в центр боёв церквушка немецких поселенцев-баптистов с именем библейского города Силома (по-английски Шайло), что означает «мир», «спокойствие», дала название одному из самых ожесточённых сражений Гражданской войны. За два дня боёв потери сторон при Шайло (более 23,5 тысячи человек, в том числе около 3,5 тысячи убитыми) превысили общие потери США во всех остальных войнах XIX века. В первый день ошеломлённые войска федералов были отброшены и почти прижаты к реке; только хладнокровие Гранта позволило им удержаться. Рано утром следующего дня на пристани стали высаживаться подоспевшие на помощь войска генерала Бьюэлла. Федералы перешли в наступление и заставили южан отойти к Коринфу, штат Миссисипи, то есть на «дальний Юг». (В этот день и погиб Сэмюэл Тодд.)

Через три дня пал после тридцатичасовой бомбардировки форт Пуласки, прикрывавший устье реки Саванны у побережья Джорджии. Начинало сказываться технологическое превосходство индустриального Севера: при осаде были успешно применены новые дальнобойные стальные нарезные орудия, по имени изобретателя называемые «пэрроты». Но эту морскую победу вскоре затмил успех адмирала Дэвида Фаррагута в Новом Орлеане. Жители крупнейшего города Конфедерации, важнейшего торгового центра всей Америки с огромным портом, были уверены, что с суши его не взять из-за непроходимых болот вокруг устья Миссисипи, а по реке к нему не пробиться мимо двух мощных фортов. Однако в ночь на 24 апреля Фаррагут повёл свои корабли на прорыв. «Казалось, артиллерия была прямо с неба, поливая нашу грешную землю», — вспоминал адмирал. Помимо фортов, огрызались выстрелами немногочисленные корабли южан, шли на таран горящие брандеры... Очевидцы сравнивали ночной бой с гигантским адским фейерверком. К утру Фаррагут пробился и двинулся на беззащитный Новый Орлеан, над которым плыл дым от горящих складов с хлопком и табаком. Город капитулировал без единого выстрела. Форты сдались. Под недовольный гул толпы в Новый Орлеан вошёл пятнадцатитысячный корпус генерала Батлера. «И дядя Сэм, — сказал один из офицеров-южан, — снова положил ключ от долины Миссисипи в свой карман»^{527}. Корабли Фаррагута получили возможность подниматься по реке далеко на север и однажды встретились с эскадрой северян, идущей по реке вниз. Летом конфедераты контролировали только двухсотмильный участок жизненно важной артерии страны близ Виксберга. Этот город стоял на высоком холме, поэтому одним флотом, без армии взять его было нельзя. «Как жаль, что мои корабли не умеют ползать вверх по склонам»^{528}, — писал в рапорте Фаррагуту

возглавлявший флотилию канонерок командор Дэвид Портер.

Тем временем Макклеллан всё осаждал неприятельские позиции у Йорктауна. Почти весь апрель ушёл на устройство осадных батарей, но в начале мая, когда можно было начать регулярные бомбардировки, конфедераты отступили на подготовленные рубежи у Ричмонда. Они выиграли драгоценное время, стянули войска к столице и основательно окопались.

В целом ситуация в конце весны 1862 года была обнадеживающей для Союза и пугающей для Конфедерации. Гигантская армия Макклеллана наконец-то вытягивалась в широкую охватывающую дугу всего в шести милях от столицы Конфедерации. С холмов были видны шпили ричмондских церквей, слышны их колокола. Джефферсон Дэвис эвакуировал из Ричмонда свою семью и поставил на военном совете вопрос об оставлении города^{529}. Одновременно успех на Западе позволил войскам Союза взять под контроль 50 тысяч квадратных миль территории и тысячу миль судоходных рек, занять столицы двух мятежных штатов и в придачу крупнейший город и жизненно важный торговый порт Нью-Орлеан. Контроль над Миссисипи грозил окончательно разрезать Конфедерацию пополам. Счёт потерь южан шёл уже на десятки тысяч, и Конгресс в Ричмонде объявил (впервые в истории Америки!) о всеобщей воинской повинности и о введении военного положения^{530}.

С другой стороны, победное шествие федералов очевидно затормозилось, а ожесточение боёв лишало общество надежды на скорую капитуляцию мятежников. Генерал Грант после битвы при Шайло потерял уверенность в том, что одна решительная победа быстро покончит с мятежом; теперь он считал, что «ничто, кроме полного завоевания Юга, не сможет спасти

Союз»[{531}](#). Помимо военных мер, нужны были политические. Их ждали от президента Линкольна.

РОСЧЕРК ПЕРА

«Опять эти трое несносных парней!» — воскликнул президент, увидев в окно, как к Белому дому подходят радикальные конгрессмены-республиканцы Чарлз Самнер, Тадеус Стивенс и Генри Уилсон. Смысл восклицания Линкольн пояснил своему гостю, конгрессмену Хендерсону: «Школа, в которую я ходил, была в простой бревенчатой хижине, а чтению и грамматике мы учились по Священному Писанию. Учитель выстраивал нас в один ряд и заставлял по очереди читать книги Ветхого Завета. Как-то раз нам досталась история о том, как царь Навуходоносор свергнул в печь огненную трёх отроков, которых звали Седрах, Мисах и Авденаго. Первый раз прочесть эти имена досталось одному из самых младших. Он споткнулся на Седрахе, запутался в Мисахе и окончательно замолк на Авденаго. За что немедленно получил от учителя затрещину и своими всхлипываниями сопровождал чтение остальных. Через некоторое время парень успокоился, но когда снова подошла его очередь читать, он вдруг замер как вкопанный, всхлипнул и ткнул пальцем в книгу: «Смотрите, учитель, опять эти трое несносных парней!»^{532}.

«Несносные» республиканцы являлись тогда в Белый дом, чтобы снова и снова говорить с президентом о необходимости решения самой насущной, на их взгляд, политической проблемы страны — проблемы рабовладения. Они хотели действовать немедленно, решительно, революционно, и их активность в Конгрессе привела к тому, что, по замечанию историка Д. Макферсона, «законопроекты против рабства

сыпались в разбухавшие папки конгрессменов, как осенью листья с деревьев»^{533}.

Однако помимо давления слева, президент испытывал и давление справа, со стороны не только демократов, представителей пограничных штатов, но и коллег-республиканцев, среди которых было немало сторонников «консервативного лечения» с принципом «прежде всего не навреди». Они не сомневались, что рабство обречено на отмирание, но считали, что достаточно не мешать ему исчезнуть естественным путём.

В первый год войны Линкольн находился в кругу умеренных республиканцев: его отвращение к рабству было не меньшим, чем у аболиционистов, но приверженность закону и необходимость защищать Конституцию, да ещё во время войны, сдерживали чувства. Осторожность Линкольна была видна ещё осенью 1861 года — и в конфликте с Фремонтом, и в переписке с Джорджем Банкрофтом, видным учёным, много лет писавшим монументальную историю США. Банкрофт убеждал президента, что происходящее обречено занять видное место в будущих исторических сочинениях: «Ваше президентство пришлось на времена, которые навсегда останутся в истории человечества. Гражданская война — это инструмент Провидения, которым будет выкорчёвано рабство. Потомки не поймут, если в результате войны не вырастет число свободных штатов. Этого ждут с надеждой представители всех партий». Линкольн ответил очень аккуратно, словно опасаясь, что письмо перехватят и опубликуют: «К тому, о чём Вы пишете, я должен подходить со всей осторожностью и взвешенностью суждений»^{534}.

Президент не мог себе позволить открыто признаться, что уже действует в этом направлении. Именно тогда Линкольн начал консультации с сенатором

из Делавэра Джорджем Фишером, республиканцем и рабовладельцем, обсуждая с ним возможности начать освобождение рабов с самого нерабовладельческого из рабовладельческих штатов (в Делавэре на 600 рабовладельцев приходилось 1798 рабов). По закону первый шаг к этому мог быть сделан только Законодательным собранием штата, поэтому Фишер должен был стать инициатором проекта постепенного освобождения всех невольников с последующей компенсацией хозяевам со стороны государства, на что должна была быть потрачена сумма в 719 200 долларов, по 400 долларов за человека (изначально Линкольн предлагал 300, Фишер хотел 500), выплачиваемая на протяжении тридцати лет.

Попытка Фишера не удалась — левые хотели эмансипации безденежного возмещения, правые не знали, как регулировать межрасовые отношения после отмены рабства^{535}. Тогда в марте 1862 года Линкольн предложил проводить идею освобождения за компенсацию под эгидой правительства США. Он предложил Конгрессу выдвинуть законопроект, по которому «Соединённые Штаты намерены сотрудничать с каждым штатом, который примет решение о постепенной отмене рабства, предоставив такому штату финансовую помощь для выплаты компенсации за неудобства, частные и общественные, вызванные изменениями в его устройстве». Такой поворот позволял соблюсти конституционные нормы: федеральные власти не вмешивались в дела, относящиеся к компетенции штатов, не оказывали давления и предоставляли каждому штату свободу принимать или не принимать предложение. Главной оставалась военная необходимость: ликвидация рабовладения устраняла соблазн присоединиться к Конфедерации. В конце обращения Линкольна звучало аккуратное предупреждение консерваторам: при продолжении

войны «невозможно будет учесть все обстоятельства, все потери и разрушения, которые могут последовать»^{536}.

В поддержку своего предложения Линкольн предоставил всем заинтересованным членам Конгресса и влиятельным журналистам финансовые расчёты:

«Что же касается чрезмерных затрат на план постепенного освобождения за компенсацию, позвольте мне привести пару примеров. Расходы меньшие, чем на полдня войны, покрывают стоимость всех рабов Делавэра при цене 400 долларов за человека:

стоимость рабов — 719 200 долларов;

один день войны — 2 000 000 долларов.

Соответственно, расходы меньшие, чем на 87 дней войны, при той же цене покрывают стоимость всех рабов в Делавэре, Мэриленде, округе Колумбия, Кентукки и Миссури:

стоимость рабов — 173 048 800 долларов;

стоимость 87 дней войны — 174 000 000

долларов»^{537}.

Больше всего Линкольна волновала реакция представителей «пограничных» штатов. Он собрал их в Белом доме с целью «разъяснить своё послание от 6 марта»^{538} и снова говорил о пользе, о патриотизме, об отсутствии принуждения. Реакция оказалась более чем сдержанной. Встреча закончилась вежливыми, напыщенными и ни к чему не обязывающими уверениями сенатора Криттендена в убеждённости всех конгрессменов в том, что президентом «движут возвышенный патриотизм и абсолютная преданность делу служения на счастье и во славу страны»^{539}.

Резолюция о государственном финансировании освобождения прошла палату представителей (89

голосов «за», 31 «против»), сенат (32 голоса «за», 10 «против») и 10 апреля была подписана президентом. Однако протянутая федеральным правительством рука повисла в воздухе: ни один «пограничный» штат на инициативу не откликнулся. А Конгресс США смог использовать свою власть только для отмены рабовладения в округе Колумбия. Мера, которой тщетно пытался добиться конгрессмен Линкольн в 1849 году, была утверждена президентом Линкольном 16 апреля 1862-го. За каждого освобождённого раба хозяева получали от государства 300 долларов. Ещё 100 тысяч долларов выделялось для тех бывших рабов, кто решит добровольно эмигрировать на Гаити или в Либерию.

Девятнадцатого июня Линкольн одобрил принятый Конгрессом закон о запрещении рабовладения на территориях США — «как существующих, так и образованных в дальнейшем». В ведение федерального правительства передавалось также разрешение всем гражданам США и претендентам на гражданство старше двадцати одного года покупать незанятые земли из государственного фонда: за небольшую сумму можно было оформить в полную собственность 160 акров (64 гектара). Это был знаменитый Закон о гомстедах, по оценке известного американиста В. В. Согрина, «самый выдающийся и самый демократический аграрный закон за всю историю США»^{540}. Подписав его 20 мая, Линкольн закончил старый спор Севера и Юга о судьбе гигантских западных земель, ещё не ставших штатами, и отправил в прошлое концепцию Дугласа о «народном суверенитете». Были аннулированы и последствия решения по делу Дреда Скотта, формально допускавшие рабовладение туда, где оно не было укоренившейся традицией. Право свободного получения земли и гарантия отсутствия конкуренции с дешёвым рабским трудом укрепляли поддержку республиканского правительства, привлекали иммигрантов. Это были

«позитивные» законы, направленные на освоение Запада и вообще на развитие страны наиболее передовым для того времени фермерским путём. На индустриальное будущее страны работали подписанный Линкольном 1 июля Закон о Тихоокеанской железной дороге, давший старт строительству первой трансконтинентальной магистрали, а также подписанный на следующий день Закон о выделении государственных земель для развития сельскохозяйственных и технических колледжей. Война не остановила выполнение созидательных пунктов республиканской программы, а в определённой степени и облегчила его, ибо Конгресс голосовал в отсутствие покинувших его южан-консерваторов.

Новый шаг был сделан Конгрессом и президентом относительно рабовладения на Юге. 17 июля был принят «Второй конфискационный акт», ужесточивший позицию федерального правительства по отношению к рабовладельцам Конфедерации, над которыми оно не имело фактической власти. Если принятый год назад «Первый акт» освобождал («конфисковывал») только рабов, использовавшихся на работах, связанных с ведением войны, то новый закон лишал собственности (а значит, и рабов) всех активных сторонников Конфедерации («лиц, виновных в государственной измене»). Своего рода обратной стороной конфискационного акта стал подписанный в тот же день Линкольном-главнокомандующим приказ, допускавший привлечение для работ на нужды армии и флота «лиц африканского происхождения» из мятежных штатов («трофеев») — «сколько потребуется» и за «разумную плату».

И всё же Линкольну эти меры казались недостаточными, и он уже готовил новый решительный шаг в отношении рабовладения на Юге. Президенту стало понятно, что на фоне таких ожесточённых и не

имеющих перспектив скорого окончания боевых действий его прежняя идея принудить мятежные штаты к миру и возвращению в Союз, «каким он был», с прежним рабовладением, всё больше теряет смысл, особенно с началом претворения в жизнь республиканской программы по освоению Запада. Говоря словами Линкольна, «разбитое яйцо не собрать обратно». Свои рассуждения президент изложил в письмах сторонникам возвращения в Союз из Луизианы:

«Наше правительство не может больше вести игру, в которой оно поставило на кон всё, а его противники — ничего. Наши противники должны понять, что они больше не смогут до бесконечности проводить эксперименты по разрушению нашей системы правления в надежде, что в случае неудачи всегда можно безнаказанно вернуться в Союз, «каким он был»... Истинное средство от войны — не в скруглении её острых углов, а в избавлении от самой необходимости войны. Если жители Луизианы... предпочитают поставить всё на кон ради разрушения нашей системы правления, пусть подумают: стану ли я жертвовать этой системой только для того, чтобы они это своё «всё» не потеряли? Что бы вы делали на моём месте? Остановили бы войну? Или стали бы её вести, поливая друг друга розовой водой из детских брызгалок? Я не смогу сделать больше, чем в моих силах, но я сделаю всё, чтобы сохранить нашу систему правления. Я поклялся делать это как президент, я буду это делать в силу своих личных убеждений. Это будет сделано не от злости. Для злости задача слишком грандиозна»[{541}](#).

Тринадцатого июля 1862 года главное предложение Линкольна зафиксировал в дневнике министр Уэллс. Он, президент и Сьюард ехали в коляске по городу, и в отсутствие лишних ушей Линкольн «впервые сказал... об освобождении рабов специальным законодательным актом — в случае, если мятежники не прекратят своей войны против правительства и Союза. Он подробно объяснял, что это будет важно, но сложно сделать, рассказывал, как много он об этом думал, как пришёл к выводу, что это военная необходимость, без которой не спасти Союз, что мы должны освободить рабов, чтобы самим не оказаться порабощёнными, и т. д. и т. п. Он признался, что впервые делится своим замыслом с кем бы то ни было, и попросил, чтобы мы откровенно высказались о его предложении»^{542}. И Сьюард, и Уэллс объявили в ответ, что последствия такого акта будут настолько гигантскими, что, прежде чем высказывать своё мнение, они должны серьёзно подумать, хотя мера кажется им вполне оправданной.

Серьёзно подумать пришлось и Джошуа Спиду. Неизвестно, намеренно ли Линкольн вызвал старого друга в столицу или обстоятельства совпали, но Спид одним из первых прочитал черновик «Прокламации об освобождении рабов». Авраам хотел услышать непредвзятое мнение друга и при этом «просвещённого рабовладельца», сторонника Союза из «пограничного» штата. Сначала Джошуа был против, но Авраам убедительно говорил о том, что прокламация затрагивает только мятежные штаты, что он долго старался обойтись без таких крайних мер, но они необходимы с военной точки зрения: мятежники будут терять рабочие руки, а Союз приобретёт немало хороших бойцов.

Много позже Спид вспоминал: «Хорошо помню наш разговор о прокламации. Он уверял, что я не могу не признать её мудрость, что я увижу, как в скором

будущем мы будем пожинать посеянный ею урожай добра. В том же разговоре он вспоминал тот давний случай в его жизни, когда, охваченный отчаянием, он подумывал о самоубийстве. Тогда он сказал мне, что не сделал ничего, чтобы о нём помнил хотя бы один человек. Вот это желание связать своё имя с деяниями своей эпохи и своего поколения указало ему на то, ради чего стоит жить дальше. Напомнив об этом давнем нашем разговоре, он сказал с воодушевлением: «Я верю, что с обнародованием этой прокламации мои сокровенные надежды станут реальностью!»^{543}.

Президент собрал членов Кабинета 22 июля. Знаменитая картина Фрэнсиса Карпентера «Первое чтение «Прокламации об освобождении», написанная в 1864 году, носит почти документальный характер: художник работал над полотном в Белом доме, и лично президент Линкольн указывал ему, кто из членов Кабинета где располагался («Как вы думаете, мистер Карпентер, а меня вы сможете изобразить привлекательным?»).

Взгляд художника сразу уловил символику даже в расположении членов правительства: «Кабинет состоял из радикалов и консерваторов. Мистер Линкольн сидел во главе стола, как раз между двумя группами, ближе к радикалам, но объединяя всех. Ведущие силы правительства — военный министр и министр финансов — расположились справа от него. На переднем плане военный министр Стэнтон как символ непрекращающейся великой борьбы. Около президента — активно поддерживающий новую политику министр финансов Чейз. Если армия — правая рука президента, то левая рука — флот, поэтому по левую руку Линкольна, в глубине, расположился морской министр Уэллс. Одна из центральных фигур — госсекретарь Сьюард, главный толкователь принципов Республиканской партии; он привлекает к себе много

внимания. Эти четверо высших чиновников — ближайшее окружение президента... На дальнем конце стола — генеральный прокурор Бейтс со скрещенными руками; его беспокоит соответствие документа нормам Конституции. Министр внутренних дел Смит и генеральный почтмейстер Блэр занимают не самые заметные места в правительстве — и, соответственно, на картине»^{544}.

У правого края полотна — изображение бывшего военного министра Кэмерона, в центре на стене — портрет президента Эндрю Джексона, ставшего символом сохранения единого Союза в условиях первой серьезной угрозы раскола страны. Кабинет завален документами и картами — всё «со значением». У ног Стэнтонна — рупор радикальных республиканцев «Нью-Йорк трибюн» Хораса Грили. На столе — пергамент с Конституцией, под столом — выпуски официального издания Конгресса «Глоб». Вокруг Бейтса — карты боевых действий и плотности населения рабов в южных штатах, комментарии к Конституции, объёмистая папка с бумагами военного ведомства. Хорошо видно новейшее сочинение конгрессмена Уайтинга «Военные полномочия президента и законодательные полномочия Конгресса по отношению к мятежу, государственной измене и рабовладению», которое, как считается, помогло Линкольну найти юридические основания для решительных действий.^{545}

Президент только что прочитал черновик прокламации, сидит с рукописью в руке и слушает государственного секретаря Сьюарда. Его слова стали неожиданными для Линкольна, которому казалось, что он предугадал все мнения и поправки подчинённых...

Сьюард обратил внимание президента на существенную деталь: такая важная прокламация может быть объявлена только на фоне военных успехов Союза, иначе её воспримут как «крик о помощи», как

последнюю попытку отчаявшегося правительства переломить неблагоприятный ход событий и обратиться за спасением к «Эфиопии», когда больше не к кому... Когда через несколько дней Чарлз Самнер потребовал от Линкольна немедленного обнародования долгожданного документа, президент ответил, что не может этого сделать, пока не будет одержана существенная военная победа.

В то время военные события как-то неожиданно приняли неблагоприятный оборот. Надежды на скорый успех в войне начали улетучиваться с начала лета. 31 мая около самого Ричмонда командующий силами Конфедерации генерал Джозеф Джонстон атаковал войска Макклеллана, воспользовавшись тем, что они разделены рекой Чикахомини с труднопроходимыми заболоченными берегами. Сражение длилось два дня. Атаки южан в конце концов были отбиты, а их командующий ранен пулей и осколком, но, как позже сказал он сам, «это было самое полезное для Конфедерации ранение»^{546}. Вместо него командовать армией южан был назначен военный советник президента Дэвиса Роберт Ли, который в 1859 году взял в плен Джона Брауна, в 1861-м отказался возглавить федеральные войска в Вашингтоне и, будучи противником рабства и сецессии, выбрал службу родному штату — Вирджинии. В начале войны Ли себя особенно не проявил, но, сменив Джонстона, начал уверенно завоёвывать славу самого знаменитого и почитаемого полководца Конфедерации.

Как по-разному провели три первые летние недели командующие армиями, противостоявшими у Ричмонда! Макклеллан жаловался на погоду (ливни, раскисшие дороги) и требовал новых подкреплений, будучи уверен, что силы Конфедерации намного превосходят силы северян (раз уж его атаковал даже осторожный Джонстон). Ли по таким же раскисшим дорогам стягивал

войска, чтобы добиться хотя бы сопоставимого баланса, и собрал 90 тысяч человек против 115 тысяч. Макклеллан радовался, что его новый визави «чрезмерно осторожен, слаб под давлением ответственности, робок и нерешителен в бою»^{547}, но окапывался так, словно собирался не наступать, а обороняться. Ли придерживался принципа «лучшая оборона — нападение» и, понимая, что численного перевеса ему не создать, готовился атаковать, несмотря на ливни и распутицу.

Столкновение принципов привело к начавшейся 25 июня 1862 года Семидневной битве — шести последовательным сражениям, за неделю решившим исход прежде неторопливой «Полуостровной кампании». После незначительной «ничейной» схватки в первый день войска Ли решительно атаковали более слабый правый фланг Макклеллана, отрезанный от основных сил всё той же рекой с индейским названием Чикахомини. Северяне отбили все атаки, потеряли вчетверо меньше бойцов, но... осторожный Макклеллан, решив подстраховаться, приказал отвести свой правый фланг назад, на казавшуюся ему более удобной позицию на высотах. Эту позицию Ли атаковал 27-го числа — и испуганный Макклеллан приказал своему правому флангу отступить за реку, к основным силам. Ли нёс тяжёлые потери, но продолжал наступать, а Макклеллан успешно отбивался, но предпочёл снять осаду Ричмонда. Он приказал отвести штаб, обозы и осадную артиллерию под защиту флота, завуалировав это отступление ловким военным термином «перемена операционной линии».

В ночь на 28 июня измученный бессонницей и диареей Макклеллан отправил Стэнтону и Линкольну паническую телеграмму: «Я потерпел поражение в этом сражении, потому что у меня было слишком мало сил. Я снова повторяю, что не несу за это ответственность, и

говорю об этом со всей серьёзностью генерала, который в душе переживает потерю каждого храброго солдата, принесённого сегодня в жертву без необходимости. Я видел достаточно много убитых и раненых товарищей, чтобы понять, что правительство не поддержало этой армии. Если вы не сделаете этого и сейчас, вся игра проиграна. Если я и спасу армию, то прямо заявляю: благодарности за это не заслуживаете ни вы, ни кто другой в Вашингтоне — вы сделали всё, чтобы принести эту армию в жертву»^{548}. Офицер, возглавлявший телеграфный офис в Вашингтоне, чтобы смягчить резкость телеграммы, вручил ее Стэнтону (а тот доложил Линкольну) без последних фраз.

Возможно, это спасло «Мака» от немедленной отставки, но в остальных боях Семидневной битвы снова и снова повторялся тот же сценарий: северяне занимали удобные позиции, отбивали все атаки, противник нёс жестокие потери, но Макклеллан, вместо того чтобы думать о перехвате инициативы, приказывал отходить на «более надёжные» позиции. 29-го числа янки отбились у Сэвиджис стейшн, но ночью по приказу командующего отступили, оставив на милость противника свой главный госпиталь (2500 больных и раненых и несколько не пожелавших оставить их врачей). 30 июня — снова бой и отступление. На следующий день федеральные войска укрепились на господствующем Малвернском холме, уставили его артиллерией и 1 июля отбили все попытки противника приблизиться. «Это была не война, это было побоище», — вспоминал потом один из генералов-южан, чья дивизия за несколько часов потеряла в бесплодных атаках около 20 процентов численного состава. «Вперёд, парни! Вы что, хотите жить вечно?!» — кричал своим солдатам один из конфедератов-офицеров. Но в итоге Ли не продвинулся ни на дюйм. Тем не менее Макклеллан приказал отступить под покровом темноты

— в последний раз, потому что больше отступить было некуда: дальше была широкая судоходная река Джеймс, на её берегу — главная база снабжения армии и рядом — военный флот Союза, чьи мощные орудия делали дальнейшее продвижение конфедератов невозможным.

Линкольну и Стэнтону ушло очередное требование пятидесятитысячного подкрепления, с которым можно будет «всё исправить»^{549}. Следом был отправлен рапорт, лучившийся оптимизмом: «Я благополучно привёл свою армию на берега реки Джеймс. Потеряно только одно орудие, и то неисправное, брошен только один фургон. Мы снова выдержали вчера жестокую битву и снова сильно побили врага; бойцы сражались даже лучше, чем обычно. Офицеры и солдаты устали от ежедневных сражений, но они в прекрасном расположении духа и, немного отдохнув, смогут сражаться лучше, чем раньше... Я не отдал ни дюйма земли без необходимости, но отступил, чтобы не дать превосходящим силам врага меня отрезать. Благодарю за подкрепления...»^{550}.

В реальности армия «Потомак» сгрудилась на защищённом флотом пятачке прибрежной территории Вирджинии, перестав представлять опасность для столицы Конфедерации. Ли даже отвёл войска обратно к Ричмонду. Линкольн не мог не отправиться к армии Макклеллана в надежде разобраться в ситуации на месте. Фотографы запечатлели встречу президента и командующего как довольно доброжелательную, но на деле Линкольн испытал глубокое разочарование: «Мак» продолжал твердить о превосходстве противника, а вместо обещанного плана дальнейших военных действий вручил Линкольну политический меморандум, вполне соответствующий программе умеренных демократов: мол, нужно проводить «конституционную и консервативную» политику, уважать чужую собственность (читай — рабовладение), поумерить пыл

аболиционистов — в противном случае армия откажется воевать; нельзя ограничивать свободы и т. п. Линкольн молча прочитал письмо, в котором генерал поучал его, «как спасти наше бедное Отечество», какой политики придерживаться и чего избегать, и никак не отреагировал — просто сложил и спрятал в карман. Если верить секретарям Линкольна, он догадался, что «маленький Наполеон» решил прыгнуть из военных в политики и начал строить свою политическую карьеру как сторонник оппозиционной Демократической партии^{551}.

К утешению высокого гостя, войска оказались в бодром расположении духа. Солдаты верили, что Макклеллан благополучно вывел их из-под удара превосходящих сил противника, и наслаждались «заслуженным отдыхом»^{552}. На смотрах полки воодушевлённо приветствовали криками «ура!» и генерала, и президента («Меня — заметно громче», — хвастался Макклеллан жене). Парадоксальное впечатление войск от Линкольна (верхом на лошади похожего на «восклицательный знак на букве т») описал один капеллан в письме другу: «Казалось, что в любой момент ноги президента и ноги лошади переплетутся и оба свалятся. Когда при подъезде к очередному полку Линкольн снимал шляпу, нельзя было не рассмеяться: кони шли рысью, и нужно было большое искусство, чтобы удержать шляпу на весу, а себя в седле. Положение президента выглядело ненадёжным... Но парням он нравится, фактически в армии он стал общим любимцем»^{553}.

Почти сразу по возвращении Линкольн подчинил Макклеллана новому главнокомандующему, генералу Генри Халлеку, под чьим руководством федеральные войска на западном направлении добились значительных успехов. Халлек по кличке Старый Умник был автором военного учебника, который штудировал

Линкольн в начале года. Несколько раньше один из подчинённых Халлека, генерал Поуп, был вызван с Запада, чтобы принять командование частями, прикрывавшими Вашингтон. Как многие генералы мирного времени, больше всего Поуп проявил себя в деле саморекламы, раздувая свои не самые заметные успехи. Зато он был республиканец и противник рабовладения.

Макклеллан был унижен и раздавлен, но продолжал торговаться за подкрепления, необходимые для начала новой успешной кампании. Однако Линкольн, Стэнтон, Халлек уже составили мнение об этих вечных просьбах. «Предположим, — говорил президент сенатору Браунингу, — я каким-то чудом смогу сегодня отправить Маку стотысячное подкрепление с условием, что завтра он двинется на Ричмонд. Он придёт в экстаз и будет благодарить, но когда наступит завтра, он пришлёт телеграмму о том, что обнаружил, что у противника 400 тысяч войска и наступление без новых подкреплений невозможно»^{554}.

Больше месяца гигантская армия «Потомак» сидела в ожидании подкреплений вокруг базы на реке Джеймс. Наконец — удивительное дело — «маленький Мак» поверил данным разведки, что вокруг Ричмонда оставалось всего 36 тысяч защитников (остальных Ли увёл на север, на более опасное направление), и испросил разрешение атаковать неприятеля имеющимися силами. Но веры ему больше не было. Приказ об эвакуации бездельничающей на полуострове армии был уже отдан, и Макклеллан мог только потянуть время, чтобы свыкнуться с мыслью о неудаче своей столь блестяще задуманной кампании. 14 августа начался исход армии «Потомак» на прежние позиции у Вашингтона.

Ожидаемой победы не случилось, а общественное мнение Севера всё настойчивее повторяло те самые

доводы о необходимости вести войну по-новому, которые Линкольн уже озвучил, когда убеждал себя и своё окружение в готовности обнародовать «Прокламацию об освобождении рабов». 20 августа с редакторской полосы «Нью-Йорк трибюн» грянула «Мольба двадцати миллионов». Хорас Грили, как всегда нетерпеливый и переполненный эмоциями, возмущался — от имени всех северян, от имени «разочарованных избирателей» — политикой, которую «как бы проводит» президент по отношению к мятежникам и рабовладельцам. Слишком много внимания советам «ископаемых политиков» рабовладельческих пограничных штатов, слишком мало действий по отношению к рабовладению! В результате сторонники Союза считают «нелепым и бессмысленным» сражаться против мятежа и не сражаться против рабства.

Линкольн не мог не ответить на громкий возглас самой популярной республиканской газеты. Он намеренно подчеркнул, что не собирается оправдываться и спорить с возможными «ошибочными фактами» и «неверными выводами» в крике души своего старого друга, не будет возмущаться его «нетерпеливым и диктаторским тоном». Главное — изложить важнейшую цель своей деятельности, чтобы были понятны как его действия, так и бездействие.

«Я бы хотел, чтобы ни у кого не оставалось сомнений относительно политики, которую я, как вы говорите, «как бы провожу». Моя главная цель в этой борьбе — спасение Союза, а не сохранение или уничтожение рабства. Если я смогу спасти Союз, не освободив ни одного раба, я сделаю это. Если я смогу сохранить Союз, освободив всех рабов, — я сделаю это. А если я смогу спасти его, некоторых рабов освободив, а некоторых нет, — я так и поступлю. То, что я

делаю по отношению к рабовладению и к цветной расе, я делаю, потому что верю, что это поможет спасти Союз. Если я от чего-то воздерживаюсь, я воздерживаюсь, потому что не вижу, как это может спасти Союз. Я пытаюсь исправлять ошибки, если вижу, что это ошибки; я приму новую точку зрения, если увижу, что она очевидно ближе к истине.

Я изложил свои намерения в соответствии со своими представлениями о своём долге и не намереваюсь менять своего неоднократно высказанного личного желания добиваться того, чтобы везде все люди были свободны.

Ваш А. Линкольн»[{555}](#).

Письмо, в котором пульсировали слова «спасти» и «сохранить», было растиражировано всеми мало-мальски известными газетами. Сам Грили прокомментировал ответ Линкольна с большим пиететом, но оставил за собой (по крайней мере, в собственной газете) последнее слово: «Я никогда не сомневался в Вашем стремлении восстановить ныне пошатнувшийся авторитет Республики... Я только хотел выяснить, собираетесь ли Вы это делать путём исполнения законов или путём их нарушения».

Лучшим и окончательным ответом на «Мольбу» должна была бы стать уже подготовленная «Прокламация об освобождении рабов» (слухи о ней кружили по Вашингтону)[{556}](#), но Кабинет ждал важного повода для её публикации: существенного военного успеха. Однако вместо этого по всем надеждам и чаяниям ударили подзабытые страшные слова «Булл Ран».

Запоздалая эвакуации армии Макклеллана развязала руки Роберту Ли. Поняв, что никакой опасности для

Ричмонда с юго-востока больше нет, он двинул свои силы на север и обрушился на армию генерала Поупа, прикрывавшую кратчайшую дорогу от Ричмонда на Вашингтон. Ли нанёс удар в самом конце августа, когда девяностотысячная армия Макклеллана переправлялась обратно и временно потеряла боеспособность, оказавшись в «разобранном» состоянии (отдельно перевозили личный состав, артиллерию, амуницию, боеприпасы, лошадей, мулов). Такая армия могла оказать Поупу только минимальную поддержку. В ожесточённом трёхдневном сражении почти на том же месте, где год назад потерпел поражение генерал Макдауэлл, силы Конфедерации снова торжествовали победу. Секретарь Хэй запомнил потерянный вид Линкольна, вошедшего в его комнату вечером 30 августа: «Ну вот, Джон, нас опять выпороли...»^{557}. Разбитые части сползались к Вашингтону. Выходило какое-то дежавю: снова лето, снова поражение при Булл Ране, бегство к Вашингтону, рухнувшие надежды, и... снова генерал Макклеллан призван спасти положение.

Это было решение Линкольна. В то время как члены его администрации были уверены, что дни Макклеллана как командующего сочтены, что в дополнение к неудаче под Ричмондом он виноват в том, что, желая поражения Поупа, не оказал ему немедленной поддержки, президент высказался: «Мы должны использовать то, что имеем. В нашей армии нет никого, кто мог бы приводить войска в надлежащий вид так, как умеет Макклеллан. Пусть он не способен сражаться сам — он способен готовить к сражениям других». Жаркие споры на заседании Кабинета Линкольн решительно прекратил: «Я сделал то, что счёл необходимым, и буду нести за это ответственность перед страной»^{558}. Поуп был отправлен на Дальний Запад, отбиваться от индейцев сиу.

Приунывший, хотя и злорадствующий по поводу осрамившегося Поупа «Мак» получил из рук президента командование всеми войсками, расположенными близ Вашингтона, снова ощутил себя «спасителем» и выехал к армии.

Картина возвращения «маленького Наполеона» стала солдатской легендой. Даже четверть века спустя ветераны любили вспоминать, как промозглым дождливым вечером навстречу деморализованным солдатам, тащившимся по разбитым дорогам в сторону Вашингтона, скакал одинокий всадник на большом чёрном коне, в полной генеральской форме, перепоясанный золочёным шарфом, с саблей на боку. Подъезжая к унылым походным колоннам, он срывал с головы кепи и кричал слова ободрения, как раз такие, которые возвращали солдатам надежду, уверенность, энтузиазм, порождали чувство, что теперь все невзгоды позади, что всё будет как надо. Нестройная толпа снова превращалась в строй и отзывалась долгими криками приветствия. От колонны к колонне перекатывалось: «Маленький Мак снова с нами!» Кричали до хрипоты.^{559}

Макклеллан сделал то, что умел делать лучше всех: собрал, воодушевил, дисциплинировал понёсшую потери армию и уже 7 сентября бросился в погоню за Ли, уходящим от Вашингтона вглубь Союза. Президент Конфедерации Дэвис решил, что не нужно пытаться взять сильно укреплённую столицу страны, и приказал генералу Ли двигаться мимо неё на север по земле Мэриленда. Конфедераты верили, что несут «братскому штату» освобождение от деспотизма «торгашей-янки», а заодно надеялись подкормить оголодавших солдат на фермах, нетронутых войной. Всё большую популярность среди солдат приобретал будущий гимн штата, исполнявшийся на мотив сентиментальной немецкой песни о рождественской ёлке:

Ты погран деспота пятой,
Мэриленд, мой Мэриленд.
Так подними свой меч златой,
Мэриленд, мой Мэриленд...

На западе армия генерала Конфедерации Брэгга шагала по Кентукки, обещая населению «вернуть свободу», которой оно было лишено «под гнётом жестокого и беспощадного врага». Правда, там ситуация больше напоминала не наступление, а набег; после первого же серьёзного боя Брэгг побежал уже из Кентукки.

А на востоке вся надежда была на Макклеллана, постепенно нагонявшего армию Ли. Линкольн стал завсегдаем телеграфного офиса Министерства обороны, немедленно реагируя на каждое сообщение из действующей армии. Напряжённое ожидание порождало бессонницу; 12 сентября телеграмма президента со словами «Как дела?» была отправлена в четыре утра^{560}. Утром 15-го числа пришла телеграмма от Макклеллана, рапортующего о «славной победе» и «отступлении противника в панике». Однако поводом для такого ликования стало всего лишь оттеснение арьергардов, прикрывавших армию Ли, готовившуюся к генеральному сражению. Главные силы южан, развернувшиеся в ожидании боя, Макклеллан увидел только днём, и у него тут же начался приступ старой болезни: во-первых, генерал был убеждён, что у Ли двойное численное превосходство (хотя в тот день вдвое больше войск было как раз у северян^{561}); во-вторых, он не хотел атаковать без тщательно разработанного плана и потратил более суток, за которые к Ли подошли резервы.

Сражение при реке Антиетаме началось только 17 сентября. Вместо одновременного удара

превосходящими силами с разных направлений наступление корпусов и дивизий шло поочерёдно и было плохо скоординированно, что позволяло Ли перебрасывать подкрепления со спокойных участков на угрожаемые и отбивать атаки. Впрочем, удавалось это с трудом: солдаты с обеих сторон весь день сражались с редким ожесточением. Этот день стал самым кровавым не только за время Гражданской войны, но и за всю историю США: не менее шести тысяч убитых, около семнадцати тысяч раненых (вчетверо больше, чем в день эпической высадки в Нормандии 6 июня 1944 года).

Ли отодвинулся, но удержал фронт. Туманным утром 18 сентября командующий северян ещё не знал, кто победил в отчаянной битве. Он докладывал в Вашингтон, что намеревается продолжить атаки, потом решил, что сделает это на следующий день... Но в ночь на 19-е число Ли приказал своим сильно поредевшим войскам возвращаться в Вирджинию. «Мэриленд, мой Мэриленд» больше не пели.

У Макклеллана был приказ Линкольна «уничтожить армию мятежников», по крайней мере гнать её на юг, навязывая новое сражение; но генерал настолько гордился тем, что заставил Ли отступить, что и без этой «детали» объявил свой успех грандиозным. Преследование южан было недолгим и символическим; армия с удовольствием выполнила приказ отдыхать. В письмах жене «Мак» выставлял себя великим полководцем, проведшим блестящее сражение, создавшим «произведение военного искусства», спасшим страну, побившим Ли с помощью «разбитой, деморализованной армии»^{562}. Изголодавшиеся по хорошим новостям газеты также поспешили объявить о «славной победе», о «великой победе», о «наконец-то победе в великой битве»^{563}. В реальности это был «выигрыш по очкам». Но даже такая неявная победа оказалась поворотным пунктом в истории всей войны.

В понедельник 22 сентября в полдень президент Линкольн созвал членов своего Кабинета. В ожидании, пока все рассядутся, он обсуждал новую книгу знаменитого тогда писателя-юмориста Артемуса Уорда. Президент даже прочёл вслух короткий рассказ о «долгоруком мстителе» из провинциального городка, обрушившем свой гнев на восковую фигуру Иуды из передвижной выставки «Тайная вечеря». Все, кроме вечно сосредоточенного Стэнтона, рассмеялись.

А потом президент вдруг взял совершенно серьёзный тон: «Джентльмены! Вы знаете, как много я размышлял о соотношении этой войны и рабства, и вы помните о воззвании, с которым я познакомил вас несколько недель назад. Тогда по предложению некоторых из вас оно было отложено... Теперь, я думаю, время пришло. Я бы хотел, чтобы это было более благоприятное время. Я бы хотел, чтобы условия были более подходящими... Но когда мятежники вторглись в Мэриленд, я дал себе слово, что как только мы их оттуда выгоним, я обнародую «Прокламацию об освобождении рабов». Я пообещал это себе и (после некоторых колебаний) нашему Творцу. Армия мятежников отступает, и я выполню это обещание».

Судя по дневниковой записи «Нептуна» Уэллса, для Линкольна обещание Творцу было способом понять Его волю: если после этого Всевышний дарует победу в предстоящем сражении, значит, благословляет дело освобождения рабов. Господь рассудил «в пользу рабов», что ещё больше укрепило президента в его намерениях^{564}.

В заключение Линкольн добавил: «Я не сомневаюсь, что многие сделали бы эту работу лучше меня, однако раз уж я занимаю этот пост, я должен сделать всё, что могу, и принять на себя всю ответственность за курс, которым считаю необходимым следовать»^{565}. Потом Линкольн взял четыре странички своего черновика и

начал читать вслух, чтобы дать возможность членам Кабинета внести поправки:

«В первый день января, в год от Рождества Христова одна тысяча восемьсот шестьдесят третий, все лица, содержащиеся как рабы на территории любого штата или определённой части штата, население которого находится в состоянии мятежа против Соединённых Штатов, отныне и навечно объявляются свободными.

Исполнительная власть Соединённых Штатов, включая её военные и военно-морские органы, будет признавать и содействовать свободе этих лиц и не будет совершать никаких действий, направленных на подавление этих лиц или любого из них в случае совершения ими попытки обрести истинную свободу...»^[566].

У секретаря Стоддарта, который копировал текст для Конгресса и официальной публикации, руки от волнения дрожали так, что он испортил пару листов бумаги.

На следующий день телеграф разнёс слова по всей стране. Они легли на сотни тысяч газетных листов, иногда под чрезмерно оптимистическими заголовками вроде «Рабовладение практически истреблено». Меру радости сторонников освобождения рабов на Севере можно сравнить только с силой гнева рабовладельцев на Юге. Здесь Линкольна называли «дикарём», «одержимым демонами», «разбойником с большой дороги». «Преступная» прокламация означала, что в новогоднюю ночь 1863 года вместе с двенадцатым ударом часов рабовладельцы Конфедерации лишатся, пусть пока номинально, собственности на фантастическую сумму в четыре миллиарда долларов^[41] — и это только стоимость рабов, без учёта созданной

для обеспечения подневольного труда инфраструктуры, потери всех запланированных доходов. Вся социальная и экономическая система Конфедерации окажется вне закона, и в случае поражения её «самобытный институт» исчезнет навсегда. Джефферсон Дэвис объявил, что республиканцы наконец-то сорвали «конституционную маску» и приступили к тому разрушению страны, которое задумали ещё до президентских выборов 1861 года. Генерал Макклеллан решительно отмежевался от республиканской администрации, правда, пока в частном письме, в котором написал, что вместе с «Прокламацией об освобождении рабов» Линкольн превратил систему народоправства в тиранию^{567}, подтвердив тем самым характеристику, данную ему министром Чейзом: генерал, без сомнения, вполне лоялен к стране, но совершенно нелоялен к её правительству^{568}.

А в окружении президента, заметил секретарь Джон Хэй, «все были в приподнятом настроении, все будто начали жить заново. Свободнее дышалось: Прокламация освободила их так же, как и рабов. Они весело, с радостью называли друг друга аболиционистами и, казалось, наслаждались тем, что приняли такое прежде пугающее наименование»^{569}.

Война становилась революцией.

«GO DOWN, MOSES!» [\[42\]](#)

Ах, если бы сам по себе выпуск прокламации мог выиграть войну! Никакого единого Севера не было, и предстояло пережить предсказанную консерваторами реакцию общества на резкую перемену в политике.

Линкольн понимал это. Он говорил близким соратникам: «Я не согласен с теми, кто считает, что рабство уже умерло. Мы похожи на китобоев, которые после долгого преследования наконец-то всадили в монстра свой гарпун, но ещё нужно следить за курсом корабля, иначе одним махом хвоста чудище сможет отправить нас в бездну» [\[570\]](#).

Политический шторм после обнародования прокламации разразился, когда во многих штатах готовились и проходили выборы губернаторов и членов Законодательных собраний. Они приходились на середину президентского срока и представляли собой своего рода опрос общественного мнения: «Что приобрели и что потеряли республиканцы за полтора года у власти». Демократы предприняли все усилия, чтобы извлечь выгоды не только из «неконституционной» прокламации, но и из войны, не приводившей к очевидным успехам, из подвешенного «хабеас корпус» и арестов нелояльных лиц, из всех накопившихся ошибок президентской администрации.

В результате в Нью-Йорке, Пенсильвании, Огайо, Индиане, Иллинойсе — штатах, приведших Линкольна и республиканцев к победе в 1860 году, — торжествовали демократы. Вместе с успехом в Нью-Джерси и ничьей в Висконсине это позволило оппозиционной партии увеличить число мест в Конгрессе с сорока четырёх до семидесяти пяти (из 184). В жесточайшей борьбе за ключевой пост губернатора Нью-Йорка победил

кандидат от демократов Горадио Сеймур. В Иллинойсе и Индиане губернаторы остались республиканскими, но теперь им пришлось иметь дело с Законодательным собранием, в котором демократы завоевали большинство. В важном для Линкольна Восьмом избирательном округе Иллинойса соревновались два его давних друга: первый юридический партнёр (к тому же кузен Мэри) демократ Джон Тодд Стюарт и республиканец Леонард Светт (он когда-то колесил по судебному округу вместе с весёлой компанией судьи Дэвиса, а в 1860-м хлопотал за Авраама на съезде в Чикаго). Светт встречался с избирателями, объезжал дома, много говорил в защиту прокламации как военной необходимости. А его чаще спрашивали (особенно женщины): «Когда же кончится война?»

Стюарт ловко обходил щекотливый вопрос о прокламации, не поддерживал и не порицал эту меру президента. В итоге перевесили, хотя и не сильно (12 808 голосов против 11 443), осторожность и избирательный бюджет Стюарта^{571}. Сенатору-республиканцу Браунингу предстояло уступить место от Иллинойса демократу. Утешало, что общее большинство в сенате не просто сохранилось за республиканцами, но даже возросло: из пятидесяти двух мест демократы имели только десять, а республиканцы — 33 (до этого соотношение было 15 к 31 при пятидесяти местах).

«Мы проиграли эти выборы», — признал Линкольн 10 ноября 1862 года в одном из личных конфиденциальных писем и назвал главные причины: неудачно идёт война, многие политики-республиканцы ушли воевать, облегчив демократам агитацию в тылу, к тому же с помощью охотно обвиняющих и осуждающих власти газет^{572}.

Республиканцы проиграли эти конкретные промежуточные выборы по очкам, но удержали

большинство в Конгрессе, а главное — сохранили поддержку большинства на Севере в целом...

Когда выборы прошли, Линкольн наконец-то позволил себе сбросить с плеч давний тяжёлый груз. Поздним вечером 7 ноября, когда армию «Потомак» накрыл сильнейший снегопад, в деревянную стойку палатки генерала Макклеллана постучался белобородый генерал Бекингом, посланец из Вашингтона. «Маленький Мак» оторвался от очередного письма жене, чтобы прочесть два послания: от Линкольна и от Халлека. Более не связанный предвыборной борьбой президент отстранял генерала-демократа от командования армией, а главнокомандующий предписывал ему немедленно отправляться домой, в Нью-Джерси, до дальнейших распоряжений (о прибытии доложить). Вместе с Бекингом в палатку шагнул из снегопада генерал с большой залысиной и пышными бакенбардами Эмброуз Бёрнсайд — ему было приказано принять армию. Бёрнсайд страшно волновался: он боготворил «Мака» и не мог представить себе, как будет управляться с его «хозяйством».

Макклеллан нашёл в себе силы встретить и проводить гостей максимально вежливо. Эмоции прорвались потом, когда он снова засел за письмо жене: «Они совершили большую ошибку — увы моей бедной стране, я-то знаю, что у неё не было более преданного слуги, чем я. Можно лишь утешаться тем, что мы пытались делать то, что считали правильным, и если нам это не удалось — не наша вина...»^{573}.

Через два дня бывший командующий простился с армией, выслушал приветствия растянувшихся на три мили полков — иногда горячие, иногда сдержанные. На приёме для офицеров он поднял бокал с шампанским, предложив выпить за армию «Потомак» и тот благословенный день, когда он к ней вернётся^{574}. Он

уже примерял роль «полководца в изгнании», которая могла пригодиться в предстоявших политических играх.

Линкольн ясно видел, что Макклеллан — «замечательный инженер, но, похоже, с особым талантом создавать неподвижные машины». Поэтому от нового командующего Эмброуза Бёрнсайда он требовал, чтобы военная машина начала двигаться как можно скорее. Бёрнсайд в три дня составил план наступления на Ричмонд: собрать стотысячную армию в один кулак, которым пробить растянувшуюся линию обороны южан у городка Фредериксберг, после чего решительно наступать на юг, на Ричмонд, вдоль единственной тамошней железной дороги. Войска Ли, сосредоточенные северо-западнее, оказались бы отрезаны от своей столицы. «Старый умник» Халлек был исполнен скептицизма, но предоставил всё решать Линкольну. Тот ответил: «План сработает, если вы будете действовать очень быстро, иначе ничего не выйдет»^{575}.

Бёрнсайд понимал, что для прорыва у Фредериксберга нужно быстро переправить гигантскую армию через широкую реку Раппаханнок. Он рассчитывал, что сможет подвести свои войска к месту переправы раньше, чем туда придут главные силы южан. К этому времени армию должны были ждать заранее пригнанные и собранные понтоны в количестве, достаточном для преодоления водной преграды. Останется переправиться, смять слабые заслоны конфедератов и идти вперёд.

Но Бёрнсайд не мог предположить, что срок ожидания средств для переправы затянется больше чем на неделю. К 27 ноября, когда понтоны прибыли в достаточном количестве, дорогу на Ричмонд уже перекрывала армия генерала Ли. Понимая всю серьёзность ситуации, Линкольн пустился на пароходике вверх по Потомаку, чтобы встретиться с

Бёрнсайдом. Он надеялся отговорить генерала от прямого удара, предложив взамен известную по военным учебникам идею использовать перевес в силах для атаки сразу в нескольких пунктах, чтобы взять армию Ли в клещи... Но ни Бёрнсайд, ни Халлек не согласились с таким планом, объявив, что его подготовка потребует слишком много времени. Было решено атаковать в лоб, уповая на перевес в силах, высокий боевой дух и хорошую подготовку войск^{576}. Кроме того, Бёрнсайд считал, что именно «простого» прямого удара Ли ждёт меньше, чем обходных манёвров (для Ли это действительно была неожиданность, но неожиданность приятная).

В первый день декабря 1862 года в ожидании атаки Бёрнсайда Линкольн обратился с ежегодным посланием к Конгрессу, в котором объяснял необходимость всех недавних перемен, от «Прокламации об освобождении рабов» до смены командующих (на восточном театре 24 октября медлительного Бьюэлла заменил многообещающий Уильям Роузкранс). «Догмы спокойного прошлого неприменимы к бурному настоящему, — писал президент. — Занимаясь новым делом, мы должны думать и действовать по-новому». Он предложил внести решительные конституционные поправки: по одной из них всем рабовладельческим штатам, которые добровольно освободят рабов, должна была быть выплачена достойная компенсация из государственного бюджета; по другой — все рабы, получившие свободу в годы войны, оставались свободными навечно. Обращение заканчивалось словами:

«Сограждане! Нам не убежать из истории. И этот Конгресс, и эту администрацию будут помнить независимо ни от нашего желания, ни от личного значения того или другого человека.

То испытание огнём, через которое мы проходим, высветит перед взором будущих поколений каждого из нас, и в чести, и в бесчестье... На нас — на тех, кто здесь — лежат власть и груз ответственности. Давая свободу рабам, мы обеспечиваем свободу свободных людей. Мы либо спасём, либо окончательно потеряем последнюю, лучшую надежду на земле. Наш путь прям, благороден и ясен, и мы пойдём по нему под одобрение всего мира и с благословения Божьего!»[{577}](#).

Однако прямого пути не получалось. 13 декабря волны лобовых атак армии Бёрнсайда разбились об укреплённые высоты конфедератов сразу за Фредериксбергом, тысячи убитых и раненых усыпали склоны. Отчаявшийся командующий собирался наутро лично повести солдат под пули и снаряды южан, чтобы кровью смыть позор. Генералы еле отговорили его от самоубийства, за которое заплатят жизнями ещё тысячи людей. Армия отступила.

— Губернатор, — спросил Линкольн свидетеля сражения Эндрю Кёртина, губернатора Пенсильвании, — вы были на поле боя?

— На поле боя? На бойне! На ужасной бойне, господин президент.

Журналист Ной Брукс помнил Линкольна с 1856 года. В начале декабря 1862-го он был потрясён внешним видом президента: «К моему прискорбию, его лицо уже не было счастливым лицом адвоката из Спрингфилда. Он ссутулился, волосы поседели, лицо стало землистым, глаза впали, а взгляд был каким-то траурным»[{578}](#).

Линкольн нашёл в себе силы подбодрить деморализованную армию открытым письмом, поблагодарил солдат за мужество и умение, которые «ещё принесут победу», но сам изо всех сил боролся с

депрессией. «Если где-то есть место похуже ада, — говорил он в те дни, — я нахожусь именно в нём!»^{579} Бёрнсайд, в отличие от Макклеллана, не боялся принять на себя ответственность за поражение, но Линкольн понимал, что в конечном итоге за все напрасные потери отвечает он сам. Близкому другу судье Дэвису Авраам признавался, что напоминает себе одну старушку, застигнутую наводнением. Та встала на пороге собственного дома со шваброй в руках и стала гнать воду обратно за порог. Вода всё прибывала: по колени, по пояс, по грудь, по шею. Но сердитая старушка активно работала шваброй и повторяла: «Мы ещё посмотрим, что дольше продержится, наводнение или моя швабра!»^{580}

В невесёлый канун Рождества Авраам продолжал утешать и подбадривать окружающих. Весь рождественский день они с Мэри провели в военных госпиталях.

В те же дни Линкольн искал утешительные слова для дочери погибшего кавалерийского подполковника Уильяма МакКаллоу, которого когда-то хорошо знал по «круговым поездкам» в Иллинойсе:

«Дорогая Фанни!

С глубоким прискорбием узнал я о смерти твоего отца, человека доброго и храброго, и особенно о том, что твоё юное сердце поражено намного сильнее, чем это бывает. В нашем брэнном мире скорбь приходит к каждому; но для молодых она оказывается намного горше, потому что застаёт их врасплох. Те, кто старше, уже знают, чего ожидать. Я бы хотел хоть немного смягчить твои переживания, ибо полное освобождение от них невозможно, разве что со временем. Сейчас ты даже не можешь представить, что станет легче, не так ли?

Поверь, легче будет, и ты ещё сможешь испытывать радость. Пусть осознание этой истины сделает тебя не такой несчастной. Я пережил достаточно и знаю, что говорю; ты должна просто поверить — и тебе уже станет легче. Память о твоём дорогом отце будет не мучением, а чувством светлой печали, более чистой и священной, чем ты когда-либо испытывала.

Пожалуйста, передай матушке мои соболезнования. Твой преданный друг

А. Линкольн»[{581}](#).

Вслед за поражением и вследствие него начались раздоры в Кабинете. Вскоре они вылились в серьёзный политический кризис. Поиски виноватых привели к тому, что в сенате заговорили о «злом гении» президентской администрации, госсекретаре Сьюарде, чуть ли не «президенте де-факто», держащем у носа Линкольна усыпляющую «тряпочку с хлороформом». Радикалы были уверены, что Сьюардом руководит «невидимая рука» консерваторов и что из-за этого была затянута история с выпуском «Прокламации об освобождении» и Макклеллан слишком долго оставался командующим. На двух собраниях республиканской фракции сената 16 и 17 декабря было решено давить на правительство с целью его реорганизации и достижения единства слова и дела. В определённой степени кипение возмущённого разума сенаторов поддерживалось стараниями Чейза, подтверждавшего версию об особом влиянии Сьюарда на Линкольна. Частные письма министра финансов разносили известия, что президент принимает решения, касающиеся спасения страны, ни с кем не советуясь [{582}](#). И вот уже поползли слухи о грядущей смене всего Кабинета, а может, и президента. Не

выдержав давления, Сьюард решил любой ценой остановить кризис и подал прошение об отставке...

Но для Линкольна уступить давлению сенаторов означало существенно ослабить не только контроль над Кабинетом, но и свои позиции лидера партии, главы администрации, наконец, главнокомандующего, а кроме того, нарушить принципиальное достоинство американской политической системы: допустить вмешательство законодательной власти в сферу деятельности власти исполнительной. Но он не мог не принять однопартийцев, не мог не выслушать их речи о «равнодушии мистера Сьюарда к вопросам ведения войны».

Скрыв, что получил прошение Сьюарда об отставке, Линкольн пригласил делегатов ещё на одну встречу, где... устроил им очную ставку со своим якобы «раздираемым противоречиями Кабинетом». В отсутствие госсекретаря президент выступил в его защиту. Он признал, что устраивал заседания Кабинета нерегулярно, но мотивировал это тем, что в главном правительстве заодно, а время требует реагировать быстро. Кроме того, президент в присутствии своих министров объявил, что все важнейшие решения тщательно обсуждаются и, будучи приняты, проводятся в жизнь общими усилиями. Затем Линкольн обратился к членам Кабинета за подтверждением его слов. Один за другим это сделали Блэр, Бейтс и Уэллс. Чейз, главный поставщик информации о раздорах, был вынужден присоединиться к ним, чем сильно обескуражил воинственно настроенных сенаторов — у них не осталось достаточных оснований для требования перестановок.

Но в результате на следующий день у Линкольна в руках оказалось ещё одно прошение об отставке — Чейза. Министр финансов полагал, что в случае ухода Сьюарда его роль в этом будет понятна слишком

многим, а значит, он обретёт уйму новых врагов, отставка же обоих министров сохранит равновесие. Но Линкольн нашёл более полезную форму баланса. Его будто обрадовало прошение Чейза. «Теперь я смогу разрубить гордиев узел!» — заявил президент и написал одинаковые официальные письма государственному секретарю Сьюарду и министру финансов Чейзу:

«Господа! Вы оба попросили меня об отставке. Я проинформирован об обстоятельствах, по которым каждый из вас счёл такой шаг уместным. Однако, тщательно рассмотрев ваши просьбы, я пришёл к выводу, что удовлетворить их мне не позволяют общественные интересы. Вследствие этого я не могу не потребовать от вас вернуться к исполнению своих обязанностей. Ваш покорный слуга

А. Линкольн»^{583}.

И оба возмутителя спокойствия вернулись к работе в своих департаментах. Одним письмом президент отнёс обвинения в узурпации власти в адрес умеренного Сьюарда и подозрения в интригах по отношению к радикальному Чейзу. По собственному выражению Линкольна, он сохранил политический баланс и мог «ехать дальше, свесив два мешка с тыквами по разные стороны седла». Баланс был крайне необходим: близилось 1 января 1863 года — срок, объявленный в «Прокламации об освобождении». Многих терзали сомнения: вдруг президент, известный своей осторожностью, испугается, вдруг не посмеет?

Последние дни кануна 1863 года Линкольн провёл в обсуждении «Прокламации об освобождении» с оправившимся от встряски правительством.

Окончательный текст президент готовил особенно тщательно: на заседании Кабинета 29 декабря он прочитал вслух свой вариант, 30-го дал каждому по экземпляру «для критики», чтобы уже на следующий день прямо с утра все собрались для принятия окончательного решения. Никакой сенатский комитет не смог бы говорить ни о произволе Линкольна, ни о самоуправстве Сьюарда. К вечеру было предложено немало поправок, но сути документа они не меняли. До 1 января оставалась ещё целая ночь.

Авраам так и не смог уснуть, а рано утром пришёл в кабинет и проработал прокламацию ещё раз. Наконец, секретарь унёс готовый текст, чтобы в Госдепартаменте превратили правленную рукопись в белой официальный документ для подписания.

Без четверти одиннадцать в кабинет президента торжественно вошли Сьюард и его сын и помощник Фредерик. Они принесли готовый документ на широких листах пергамента. Линкольн положил его на стол, взял перо и... поправил какую-то неточность в тексте. Сьюарды отправились за новым экземпляром, а президенту пришлось покинуть кабинет, чтобы присутствовать на обязательном новогоднем приёме.

Приём начинался в 11 утра и имел для Линкольна особое личное значение: впервые за много месяцев на официальном мероприятии должна была появиться Мэри. Пусть чёрный бархат её платья контрастировал с сияющими парадными мундирами дипломатического корпуса и с цветными нарядами супругов и дочерей президентского окружения — Мэри наконец-то вышла в свет. Для Авраама это, возможно, стало бы самым важным событием дня, если бы не прокламация, которая почти три часа ждала, когда президент освободится. Протокол требовал его присутствия на приёме до двух часов пополудни, и почти всё это время ушло на церемонию рукопожатий: тонкая, но бесконечная

вереница гостей всё тянулась и тянулась через Синий зал...

Наконец, казавшаяся нескончаемой череда официальных и неофициальных лиц, чиновников, ветеранов войны 1812 года, посланцев всех штатов, от Мэна до Калифорнии, иссякла. Президент поднялся в кабинет, и Сьюарды снова извлекли из портфолио пять листов прокламации.

Его рука подрагивала, и уже обмакнутое в чернила золотое перо на мгновение застыло над бумагой — неужели от неуверенности? Линкольн взглянул на окружающих. «Никогда в жизни я не чувствовал себя более уверенным в своей правоте, чем в минуту подписания этого документа. Но с девяти утра я пожал столько рук, что моя кисть просто одеревенела. А эту мою подпись будут тщательно рассматривать. И если увидят, что рука дрогнула, немедленно скажут: «В чём-то он сомневался!»^{584}. Рука перестала дрожать, перо уверенно коснулось бумаги, и под документом, изменившим ход американской истории, Линкольн вывел необыкновенно чёткую и ясную подпись. Сьюард заверил её, Госдепартамент поставил Большую печать, и к вечеру печатные копии посыпались из-под типографских станков по всей стране:

«Двадцать второго сентября в год от Рождества Христова одна тысяча восемьсот шестьдесят второй Президентом Соединённых Штатов была выпущена прокламация, содержащая объявление:

«Что в первый день января в год от Рождества Христова одна тысяча восемьсот шестьдесят третий все лица, содержащиеся как рабы на территории любого штата или определённой части штата, население которого находится в состоянии мятежа против

Соединённых Штатов, отныне и навечно объявляются свободными. Исполнительная власть Соединённых Штатов, включая её военные и военно-морские органы, будет признавать и содействовать свободе этих лиц и не будет совершать никаких действий, направленных на подавление этих лиц или любого из них в случае совершения ими попытки обрести истинную свободу...»

В силу указанного выше я, Авраам Линкольн, Президент Соединённых Штатов, на основании предоставленных мне полномочий главнокомандующего Армией и Военно-морским флотом Соединённых Штатов на время фактического вооружённого восстания против власти и Правительства Соединённых Штатов, в качестве отвечающей требованиям и необходимой военной меры для подавления указанного выше восстания и в соответствии с моей решимостью поступить таким образом, в этот день первого января года от Рождества Христова одна тысяча восемьсот шестьдесят третьего... отныне объявляю свободными всех лиц, содержащихся как рабы в указанных штатах и их частях, и заявляю, что исполнительная власть Соединённых Штатов, включая её военные и военно-морские органы, будет признавать свободу указанных лиц и содействовать ей...»

Критики Линкольна до сих пор повторяют вслед за авторитетным американским политологом Ричардом Хофстадте-ром: «Прокламация не освободила ни одного раба»^{585}. Но так ли это? По самым скромным подсчётам свободу немедленно обрели 20 тысяч рабов на подконтрольной федеральным войскам территории

Конфедерации (на севере Арканзаса, Миссисипи и Алабамы, на океанском побережье Вирджинии, части побережья обеих Каролин, Джорджии и Флориды); по умеренным — таких рабов было 50 тысяч, по оптимистическим — 100 тысяч.^{586}.

Но это только статика положения дел в начале 1863 года. А была ещё и динамика. Где-то близ Миссисипи, на дальних подступах к Виксбергу, нащупывали пути наступления генералы Шерман и Грант. В штате Теннесси, у Мёрфрисборо, федеральная армия генерала Роузкранса схлестнулась в трёхдневном жестоком сражении с конфедератами генерала Брэгга — и устояла. Упорный Бёрнсайд планировал новое наступление и обсуждал его с президентом в самый день подписания «Прокламации об освобождении».^{587} Весы военной удачи ещё колебались, но любое грядущее наступление федеральной армии вглубь рабовладельческих территорий и вызванный им растущий встречный поток беглых рабов означали, что ежедневно свободу будут обретать тысячи и десятки тысяч людей — именно вследствие «Прокламации об освобождении». Одна негритянка вспоминала:

«Я была маленькой девочкой лет десяти, когда мы услышали, что Линкольн собирается освободить ниггеров. Наша миссис сказала, что ничего подобного не будет. Потом солдат-янки сообщил кому-то, что Линкольн подписал «мансипацию». Это было зимой, по ночам стояли сильные холода, но все начали собираться уходить. Никому не было дела до миссис — все уходили к Армии Союза. И всю ночь ниггеры танцевали и пели прямо на холоде. На следующее утро, на рассвете, мы все тронулись в путь, взгромоздив на спины одеяла, одежду, горшки и сковородки, кур, потому что миссис сказала, что нам нельзя забрать лошадей или повозки. И когда солнце показалось из-за деревьев, ниггеры начали петь:

Солнце, ты остаёшься здесь, а я уйду,
Солнце, ты остаёшься здесь, а я уйду,
Прощай, прощай, не скорби обо мне,
Даже с тобой я не поменяюсь местами,
Прощай, прощай, не скорби обо мне,
Ведь ты остаёшься здесь, а я уйду»^{588}.

Убежало даже несколько рабов из прислуги президента Конфедерации Джефферсона Дэвиса^{589}. Всего же число бросивших хозяев рабов составляло к концу войны не менее полумиллиона, а то и до 750 тысяч человек (из трёх с половиной миллионов)^{590}.

Более того, после совещания с Кабинетом Линкольн внёс в окончательный текст прокламации весьма существенную поправку. Теперь после знакомых слов «я призываю упомянутых лиц воздерживаться от какого-либо насилия, не вызываемого необходимостью самообороны, и рекомендую во всех разрешённых им случаях честно трудиться, получая за это приемлемую заработную плату» стоял решительный призыв:

«Заявляю и сообщаю, что указанные лица, находящиеся в хорошей физической форме, будут приниматься на военную службу Соединённых Штатов для пополнения гарнизонов фортов, военных позиций постов и иных пунктов и экипажей военных судов всех категорий, принадлежащих к указанной выше службе».

Война белых становилась и войной чернокожих. Позже Линкольн прокомментировал своё решение: «Насколько чернокожие солдаты укрепляют наши силы, настолько же они одновременно ослабляют неприятельские»^{591}. Уже к середине 1863 года первые

негритянские полки доказали свою боеспособность. К концу войны на службе в армии и на флоте Соединённых Штатов состояло около двухсот тысяч негров, из них более половины были из южных штатов; ещё столько же было занято в службах обеспечения (санитары, погонщики, повара и т. п.). Конфедерация была поставлена перед выбором: смириться с «утечкой» рабов к федералам или создать и отправить в бой собственные негритянские полки. Последнее означало своими руками выкорчевать «краеугольный камень» рабовладельческой идеологии, признать право «неполноценной» расы на свободу («Если из невольников получатся хорошие солдаты, то вся наша теория о рабстве неверна»). Выстраивался порочный круг: Конфедерация боролась за независимость ради сохранения рабовладения, но для достижения независимости должна была рабовладением пожертвовать [{592}](#).

После «Прокламации об освобождении» качественно изменились перспективы войны. Теперь восстановление Союза означало неминуемую трансформацию американского Юга. «Самобытные институты» обрекались на участь быть унесёнными ветром перемен. Рабовладельцы лишались (пусть пока по большей части де-юре, а не де-факто) своей главной производительной силы, «говорящей собственности», общая стоимость которой — миллиарды долларов — превышала стоимость продукции годового промышленного производства самой развитой страны — Великобритании, и это без учёта приносимой бесплатным рабским трудом прибыли! [{593}](#) С утратой рабов и самого права на владение ими рушилась вся экономическая система рабовладельческого Юга. Более того, рушилась и «южная» модификация «американской мечты»: многие из не имевших рабов мелких фермеров жили надеждой на приобретение собственных «говорящих орудий труда» и сражались за это. Как заметил историк Ричард

Слоткин, «Прокламация об освобождении» означала переворот (пусть и незавершённый) в «непрестанной борьбе между действительно демократической идеологией и культурой расового превосходства белого человека»^{594}.

Росчерком пера под пятистраничным документом совершилась настоящая революция, о которой на Севере заговорили сразу же^[43], хотя и не всегда одобрительно. В наше время у историков принято говорить о «второй американской революции», считая первой Войну за независимость и образование США^{595}.

Судьбу этой революции Линкольн вверял воле Всевышнего. Он завершил прокламацию словами:

«Принимая это решение, искренне рассматриваемое как справедливое и предусмотренное Конституцией в случае военной необходимости, я взываю к благосклонному суду человечества и великодушному расположению Всемогущего Господа Бога»^{596}.

В Вашингтоне вокруг редакции вечерней газеты, в которой прокламацию публиковали раньше других, сгрудилась в ожидании такая тесная толпа, что чернокожему пастору Генри Тёрнеру пришлось протискиваться к дверям. Он успел как раз к раздаче свежего номера. Первый брошенный в толпу экземпляр схватили сразу трое, следующий — несколько человек, и газета была разодрана на куски. Третью Тёрнер выхватил — и побежал что было силы по Пенсильвания-авеню к своей церкви. Толпа прихожан увидела, как бегущий пастор машет большим белым листом, и взорвалась восторженными криками. Тёрнера подняли на платформу, но он никак не мог отдышаться и передал газету мистеру Холтону, обладателю громкого и чёткого

голоса. Пока Холтон читал, Тёрнер наблюдал за реакцией собравшихся: «Мужчины пронзительно кричали, женщины падали в обморок, собаки лаяли... Белые и чёрные пожимали друг другу руки, кто-то запел, и тут вдалеке, на военной верфи, грянули пушки». Лица сияли улыбками, в районе поселения «трофеев» пели «Go down, Moses!», мимо Белого дома шли и шли праздничные процессии белых и чернокожих. Президент появился в окне и раскланивался перед тысячами восторженных сограждан, а если бы вышел к толпе, отметил Тёрнер, его от избытка чувств задушили бы в объятиях [{597}](#).

Далеко на севере, в Бостоне, сторонники освобождения рабов, белые и чёрные, ждали вестей в большом Мюзик-холле и расположенной неподалёку церкви Тремонта — первой, чьи служители отказались разделять прихожан по расам. Ждали к полудню, к восьми вечера, к девяти, к десяти. Уже произнесли громкие слова о заре нового дня, об ожидании трубного гласа, о громе, грянувшем с небес. Когда напряжение стало сменяться отчаянием, появился вестник с сияющим лицом: «Её передают! Она уже на телеграфе!» Фредерик Дуглас стал свидетелем того, как в один миг зал взорвался криками ликования, шумом неопишуемого веселья и радости. Незнакомые люди обнимались и плакали. Слезы текли у Фредерика Дугласа, у Уильяма Гаррисона, основателя Американского общества борьбы с рабством и проповедника ненасилия, у Гарриет Бичер-Стоу, автора «Хижины дяди Тома». Прокламацию слушали примолкнув, а когда её чтение закончилось, чернокожий священник Чарлз Рей запел густым голосом гимн о библейском Исходе:

Бьют тимпаны над гладью Египетских тёмных вод.

Иегова ликует — свободен Его народ! —

и собравшиеся подхватили припев.

Для кого-то из ликующих «трофеев» свобода сразу обрела конкретный смысл: он вспоминал, как продали его дочь, и благодарил Всевышнего: «Они никогда больше не продадут ни мою жену, ни моих детей!»

Какой контраст с сентиментальными переживаниями девушки-южанки из Луизианы, предчувствующей конец прекрасной эпохи: «Мне кажется, старина Эйб хочет лишить нас всех удовольствий! Больше никакого хлопка, сахарного тростника, риса! Больше никаких чернокожих мамок и дядек! Никаких катаний на упряжках мулов, песен во время уборки тростника, никаких белозубых улыбок на чёрных лицах, собравшихся вокруг очагов с дышащими паром котлами! Если бы Линкольн провёл на нашей плантации сезон сбора урожая, он бы отозвал свою прокламацию»^{598}.

«Взрослый» Юг реагировал совсем по-другому. В январском послании Конгрессу Конфедеративных штатов президент Джефферсон Дэвис заявил, что «Прокламация об освобождении» — «мера, из-за которой несколько миллионов человеческих существ низшей расы, миролюбивых и старательных работников, обречены на исчезновение. При этом их толкают на убийство своих хозяев коварной рекомендацией «воздерживаться от какого-либо насилия, не вызываемого необходимостью самообороны». Дэвис сказал, что испытывает омерзение к тем, «кто обратился к самым отвратительным мерам в истории греховного людского рода», и одновременно «глубокое презрение ко всем их бесплодным потугам реализации этих мер». Тем не менее он объявил, что отныне «все офицеры США, пленённые в Штатах, на которые распространяется Прокламация», перестают считаться

военнопленными, а будут «рассматриваться как преступники, участвующие в мятеже рабов». Меняя местами причину и следствие, Дэвис говорил, что наконец-то «чёрные республиканцы» открыли своё истинное лицо, что они проводят в жизнь политику деспотизма, ради которой два года назад избрали Линкольна, чья инаугурационная речь об отсутствии намерений вмешиваться прямо или косвенно в вопросы рабовладения в южных штатах была лицемерием. Меры федерального правительства на рубеже военных 1862–1863 годов Дэвис объявил оправданием «прозорливого» отделения южных штатов в мирную зиму 1860/61 года, как будто не южане начали самую кровавую и разрушительную в истории Америки войну. Дэвис попытался пророчествовать, объявив, что теперь возможны три её финала: «либо полное истребление всех рабов, либо высылка всего белого населения Конфедерации, либо полное и абсолютное отделение южных штатов от США». Как известно, он не угадал.

Конгресс Конфедерации поддержал идею «достойного возмездия» за «Прокламацию об освобождении» как за «нарушение обычаев войны», попытку «освободить либо насильно увести рабов, либо спровоцировать их на мятеж, либо вовлечь в боевые действия против Конфедеративных штатов, либо ниспровергнуть сам институт африканского рабства». Любого офицера армии США, командующего неграми или мулатами, вооружающего их или склоняющего к боевым действиям против Конфедерации, объявляли подстрекателем к мятежу рабов и в случае пленения считали не военнопленным, а преступником, которому по законам южных штатов полагалась смертная казнь. Взятые в плен негры и мулаты также представляли перед гражданскими судами как мятежники, и их ждали либо смертная казнь, либо возвращение хозяевам, либо (для свободных) продажа в рабство^{599}.

Однако Линкольн не дал провести в жизнь законы рабовладельческого общества в отношении своих сограждан. За его подписью вышел жёсткий «Приказ № 252», где угрозы конфедератов расценивались как нарушение международных правил и обычаев ведения войны, по которым «в отношении к пленным нет различия по цвету кожи»: «Продать или обратить в раба пленного значит снова впасть в варварство, совершить преступление против цивилизации нашего века». Самое же главное — от имени правительства Соединённых Штатов Линкольн объявил, что за любую попытку обратить пленного в рабство будут отвечать пленённые федеральными силами солдаты-южане. За каждого пленного из армии Соединённых Штатов, убитого в нарушение законов войны, будет казнён пленный мятежник. За каждого проданного или обращённого в рабство пленный мятежник будет отправлен на тяжёлые каторжные работы до тех пор, пока федералу не вернут статус военнопленного.^{600}.

На практике конфликт правительств вылился в дело о чернокожих солдатах 54-го Массачусеттского полка, попавших в плен в ходе боёв за морские форты Южной Каролины. Четверо бывших рабов и 20 свободных предстали перед судом Чарлстона. Перед тюрьмой уже построили виселицы, а «Чарлстонский Меркурий» призывал пожертвовать двадцатью четырьмя южанами (которых в качестве возмездия убьют северяне) «во имя справедливости»... Однако суд постановил относиться к чернокожим как к военнопленным.^{601}. Таким образом, на официальном уровне идея «возмездия» провалилась. Увы, это не значило, что от неё отказались полевые командиры мятежников. В апреле 1864 года всю страну, от газетчиков до Конгресса, ужаснуло известие, что солдаты генерала Форреста (будущего лидера ку-клукс-клана) захватили форт Пиллоу на реке Миссисипи и перебили сотни сдавшихся в плен чернокожих северян.

Форрест хвастался, что «после бойни река окрасилась кровью на две сотни ярдов»^{602}. И это был не единичный случай.

Через много лет бывший президент несостоявшегося рабовладельческого государства в самой большой в мире оправдательной записке — тысячестраничных мемуарах «Взлёт и падение Конфедерации» — будет обвинять Север, якобы обрёкший на гибель несчастных, рождённых, чтобы быть рабами. Их предки, дескать, были спасены белыми людьми от варварства, вывезены из знойных пустынь и малярийных болот Африки, приобщены к культуре и цивилизации, просвещены лучами христианства. Но прежде терпеливые и благодарные хозяевам негры были соблазнены волшебным словом «свобода» и пустыми обещаниями. В их руки вложили оружие и приучили эти «скромные, но эмоциональные» натуры к насилию и жестокости. Дэвис будет выносить на суд «христианских народов» такое «недостойное» поведение президента Соединённых Штатов Америки^{603}. Однако именно после выхода «Прокламации об освобождении» «христианские народы» склонились к позиции Севера. Если осенью 1862 года Англия и Франция собирались вместе надавить на США с целью проведения мирных переговоров и признания Конфедерации как самостоятельного государства (Россия симпатизировала Северу и отказалась участвовать в подобных акциях), то теперь Британия, известная как оплот борьбы с рабовладением во всём мире, не могла выступить в поддержку мятежников-рабовладельцев^{604}.

Посол США в Британии Чарлз Фрэнсис Адамс сообщал в Вашингтон о гигантской роли президентской прокламации в исчезновении всякой пропаганды за признание Конфедерации. А его сын и секретарь Генри Адамс писал брату, капитану-кавалеристу федеральной армии Чарлзу Фрэнсису-младшему: «Прокламация об

освобождении сделала для нашего дела больше, чем все наши прошлые победы и усилия дипломатов. Она вызвала почти судорожную реакцию по всей стране — в нашу пользу... Очевидно, что общественное мнение сильно взбудоражено и проявляет себя в митингах, адресах Линкольну, депутациях к нам, создании комитетов по агитации и прочих признаках мощного общественного движения. <...> Мы воодушевлены и воспрянули духом. Если у вас наладятся дела на фронте, мы покончим здесь со всеми надеждами мятежников на зарубежное признание»^{605}.

ВЕСНА 1863 ГОДА

Оставалось добиться, чтобы «наладились дела на фронте». Но зима 1862/63 года недаром получила название «зима Вэлли-Фордж»: её сравнивали с тяжелейшим периодом выживания армии Джорджа Вашингтона во время Войны за независимость. К холоду и плохим санитарным условиям прибавлялся упадок духа. Один офицер-доброволец писал домой: «Ещё одна неудача, ещё одна кровавая демонстрация храбрости. У наших солдат крепкие ноги, чтобы маршировать и устоять при встрече с неприятелем, сильные руки, чтобы наносить тяжёлые удары, храбрые сердца... Но мозги, мозги! Неужели у нас недостаёт мозгов использовать крепкие ноги, сильные руки и храбрые сердца с умом? Может, старина Эйб припомнит по этому случаю какую-нибудь забавную историю?»^{606}

«Старина Эйб» считал, что «из-за поражений и неудач на полях сражений всё кажется неправильным»^{607}. Именно поэтому значительная часть солдат и офицеров не испытывала радости от новостей о грядущем освобождении рабов и призыве чернокожих на военную службу. Трудно было ожидать, чтобы реакция общества на «Прокламацию об освобождении» слилась в единый хор всеобщего ликования. Многоголосье больше напоминало торговую площадь или провинциальное Законодательное собрание. Характерна реакция армии — слепка общества, удобного объекта для историко-социологического исследования. Анализ солдатских и офицерских писем показал, что поначалу, зимой 1862/63 года, число выражавших неприязнь к прокламации даже несколько превосходило число тех, кто её поддерживал; однако постепенно армия оправлялась от поражений и

уже весной в пользу прокламации высказывалось вдвое больше корреспондентов, чем против неё^{608}. Это была та динамика, на которую рассчитывал Линкольн. Он проводил чёткую линию убеждения консервативных, расово предвзятых сторонников Союза: война против рабовладения не противоречит войне за сохранение целостности страны, более того, является оправданной прагматической мерой, ослабляющей Конфедерацию, приближающей конец измучившего страну противостояния^{609}.

Показательна позиция «Блэк Джека» Логана, политического генерала, хорошо знакомого Линкольну демократа из Южного Иллинойса. В начале 1863 года тот выступил на дивизионном митинге, где признался, что война изменила его взгляды на рабовладение: раньше Логан считал его допустимым, но теперь готов пожертвовать им, чтобы сохранить единую страну. Пользу призыва чернокожих в армию он объяснял своим солдатам из Иллинойса до вульгарности просто: «Если рабовладельцы нанесли удар по Союзу, мы должны нанести удар по рабовладельцам! Мы должны бить по ним всем, что у нас есть: снарядами, пулями, «ниггерами». Заберём у них полевых рабочих и строителей фортов, пусть они грудью останавливают летящие в нас пули — и дело сделано! Выступим единым фронтом, поставим невольных виновников войны в первые ряды наступающих — и добьёмся победы!»^{610}. Отсюда и армейский куплет: «Я не против, чтобы негр разделил со мною право на смерть, и готов отдать ему большую часть»^{611}.

Не менее радикальной и противоречивой мерой стал и первый в истории США указ от 3 марта 1863 года о призыве на воинскую службу. Все годные по здоровью мужчины от двадцати до сорока пяти лет должны были тянуть жребий, чтобы заполнить выделенные каждому штату квоты. Квоты эти были связаны с тем, что в армии

стало не хватать добровольцев, хотя в целом призывники составили не более шести процентов численного состава армии северян: один призывник приходился примерно на 16 добровольцев^{612}. Состоятельные граждане могли откупиться от призыва, предоставив вместо себя человека, которому были готовы уплатить не менее 300 долларов (для кого-то это была сумма годового дохода).

Линкольн как главнокомандующий, да и по возрасту, не подлежал призыву на военную службу, однако счёл необходимым подать пример и найти себе «заместителя». Уплатив 500 долларов и ещё 60 — рекруту на карманные расходы, президент представил на воинскую службу девятнадцатилетнего Джона Стаплса из Пенсильвании, уже отслужившего год добровольцем. Стаплс переживёт войну, вернётся домой, обзаведётся семьёй^{613}...

В середине июля неприятие «войны за негров» и нежелание идти на службу создали критическую массу недовольства, в дни объявления призыва взорвавшуюся бунтами в бедных рабочих кварталах нескольких крупных городов. В Нью-Йорке иммигранты-ирландцы, не имеющие 300 долларов для покупки «заместителя» и недовольные использованием негров в качестве штрейкбрехеров во время забастовок, устроили жестокий погром с поджогами и убийствами. Предметами особой ненависти были чернокожие и... редактор «Нью-Йорк трибюн» Хорас Грили. 11 негров были растерзаны толпой прямо там, где их поймали. Были сожжены офисы призывного пункта и полицейских участков, а также несколько домов известных аболиционистов и республиканцев. Предали огню и отель, отказавшийся продавать толпе алкоголь, и подвернувшийся под руку приют для чернокожих сирот на Пятой авеню (полиция успела вывести детей). Бунт бушевал пять дней, подавить его удалось только

введением регулярной армии и использованием артиллерии. Погибло более сотни человек, пострадало около двух тысяч.

Губернатор-демократ Сеймур (победитель осенних выборов) потребовал от Линкольна отменить призыв в Нью-Йорке, иначе город будет захвачен разгневанной толпой. Президенту пришлось принимать непростое решение: отмена призыва создавала прецедент для всей страны. Его позицию проиллюстрировала газета «Харперс уикли»: подпись «Хорошее средство избежать призыва» стоит под картинкой, на которой вооружённые дубинками молодцы избивают негра, прижавшего к груди маленькую дочь. Кроме того, как объяснял Линкольн Сеймуру, южане ввели призыв уже год назад и теперь, «обшарив колыбели и могилы», гонят на фронт всех, способных держать оружие, «как мясник гонит на бойню скот». Противостоять этой волне можно, только своевременно пополняя свою армию^{614}. Ради этого, ради будущей победы, президент ввёл в Нью-Йорк дополнительные войска и ополчение.

Сеймур напрасно пугал президента: призывная кампания в Нью-Йорке завершилась благополучно. Но недовольство войной с её лишениями и страданиями не могло никуда исчезнуть. Его пытались использовать в своих политических целях та часть Демократической партии, которую называли «мирные демократы», и среди них губернатор Сеймур. «Мирные демократы» составили оппозицию, нападающую на «Конгресс предателей и предателя-президента»^{615}. Противники наделили оппозиционеров кличкой «медноголовые», сравнивая их с медноголовыми щитомордниками — змеями, имеющими обыкновение нападать внезапно и без повода.

Именно «медноголовых» имел в виду Линкольн, когда в начале 1863 года, после обнародования

«Прокламации об освобождении», сказал, что «пожара в тылу» опасается больше, чем военных неудач.

Уже в унылом январе 1863 года статный конгрессмен из Огайо Клемент Валландигэм «кусался» в палате представителей: «К чему привела эта несчастная война? Пусть вам ответят мёртвые с полей Фредериксберга и Виксберга! Юг не завоевать никогда; все наши «завоевания» — это поражения, долги, налоги, могилы... поруганный «хабеас корпус», нарушение свободы печати и свободы слова — всё, что в последние 12 месяцев превратило эту страну в худшую деспотию на земле».

Что же предлагал конгрессмен? Прекратить воевать. Объявить перемирие. Вывести войска с территории отделившихся штатов и начать переговоры о мирном воссоединении. Пусть аболиционисты кричат сколько хотят о варварстве сохранения рабовладения. «Тысячекратно большим варварством и грехом являются продолжение войны и порабощение белой расы долгами, налогами и неконтролируемой властью... Мы должны руководствоваться благополучием, миром и безопасностью белой расы и не обращать внимания на то, как наши договорённости с Югом повлияют на «африканцев»^{616}.

Немедленный мир и «восстановление Союза, каким он был, и Конституции, какая она есть» — вот лозунги, под которыми из-за недовольства и разочарования части общества росли силы «мирных демократов».

Именно поэтому Линкольн поддержал законодательную инициативу Конгресса, и приостановка действия «хабеас корпус» на всё время мятежа стала теперь не инициативой исполнительной власти, а полновесным законом, принятым демократическим путём голосования и подписанным президентом 3 марта 1863 года.

Эго ещё более обозлило оппозицию. Весна прошла в перемежающихся противоположных митингах: там

хвалили правительство и президента, тут их обвиняли во всех свалившихся на страну бедах. Там говорили о поддержке прокламации и роли освобождения негров в скором окончании мятежа, тут — о необходимости прекратить бессмысленную бойню и поскорее заключить мир... Где-то призывали поскорее победить, где-то — демобилизовать армию или по крайней мере бойкотировать призыв и дезертировать с фронта. Не менее противоречивы были мнения партийных газет и письма солдатам из дома.

Под влиянием антивоенной агитации командующий военным округом Огайо издал приказ № 38, которым запрещались любые проявления «измены, тайной или явной», в том числе «открытое высказывание симпатий к врагу». Нарушителей ждали арест, суд и высылка за линию фронта в распоряжение воинских частей их «друзей»^{617}. Это подстегнуло Валландигэма, уже бывшего конгрессмена, проигравшего выборы республиканцу, броситься на штурм кресла губернатора Огайо с залпами антивоенной риторики и под знаменем защиты свободы слова. 1 мая на одном из митингов Валландигэм прямо заявил, что ведущаяся война «безнравственна, жестока и не нужна», не имеет никакого отношения к восстановлению Союза, а преследует цель освобождения рабов и, значит, порабощения белого человека. «Король Линкольн» намеренно затягивает войну, ибо для него это удобный предлог, чтобы нарушать демократические законы и строить монархию и деспотизм на обломках свободного правительства. А значит, восклицал лидер «медноголовых», чем скорее люди объявят узурпатору-президенту и его приспешникам, что они не потерпят нарушения их свобод, тем лучше! Наконец, он объявлял приказ № 38 нарушением свободы слова и провозглашал, что «плевать он хотел» на этот приказ...

У края платформы, всего в шести футах от оратора, стоял и делал заметки армейский капитан в гражданской одежде^{618}. Не прошло и пяти дней, как Валландигэма арестовали прямо дома, посреди ночи, на глазах жены и племянницы. Он предстал перед военным трибуналом как нарушитель «оплётанного» им приказа. Напрасно «медноголовый» демократ отвергал право военных судить гражданского человека — он был обвинён в «открытом высказывании симпатий к поднявшим оружие против Соединённых Штатов, в декларировании нелояльных чувств и мнений с целью ослабления усилий правительства по подавлению противозаконного мятежа» и приговорён к двухлетнему заключению.

Линкольн не захотел делать из Валландигэма мученика идеи. Данной ему властью он отменил приговор и приказал депортировать «мирного демократа» к южанам, чётко указывая, кто для этого крыла оппозиционной партии «свои». Но и южанам не был нужен такой «подарок», и его поскорее спровадили в эмиграцию в Канаду.

В результате возмущение демократов вышло на новый виток. К Линкольну пошли письма и петиции, в том числе от демократов Огайо и «военных демократов» штата Нью-Йорк: можно ли человека арестовать только «за слова, произнесённые на общественном митинге», за выражение собственного мнения? имеют ли военные право судить гражданского? как подавление свобод на Севере связано с искоренением мятежа на Юге? не станут ли временные военные меры постоянными?

В ответ президент написал открытые письма — демократам из Огайо и Нью-Йорка с объяснением своей позиции. Они были опубликованы и сыграли большую роль в борьбе за общественное мнение. Линкольн снова и снова объяснял, что его действия не выходят за рамки Конституции, которая предполагает особые полномочия

исполнительной власти в случае вооружённого мятежа. Принципиальное отличие арестов в военное время состоит в том, что они являются не столько наказанием за причинённый вред, сколько вынужденной мерой по предотвращению вреда возможного и куда более опасного. Президент задавал риторические вопросы: какого ущерба стране можно было бы избежать, заранее арестовав предавших Союз нынешних командующих мятежными армиями? насколько слабее был бы мятеж, насколько меньше число его жертв, если бы его руководители оказались под стражей? А ведь ни один из офицеров-предателей тогда ещё не совершил ничего криминального...

«Господин В.» арестован именно для предотвращения ущерба вооружённым силам, ибо «пытался, и безуспешно, помешать призыву в войска, поощрял дезертирство», причём сопротивление призыву, как известно, уже привело к нескольким убийствам рекрутёров, к появлению банд дезертиров — и к соответствующей, ведущей к новой крови и жертвам, реакции вооружённых сил.

Во втором письме ответ Линкольна был куда более эмоциональным. Неужели, спрашивал он, «господин В.» был арестован всего лишь за слова на митинге, за критику администрации? Нет, такой арест был бы неправомерен. Он арестован за слова, которые побуждали к действиям! За слова, призывавшие бросить воинскую службу, бойкотировать призыв, дезертировать, то есть лишить армию возможности эффективно бороться с мятежом. Критика администрации или отдельных личностей — личное дело каждого. Но очевидный вред армии, от деятельности которой зависит существование нации, — совсем другое, поэтому принёсшим этот вред гражданским лицом занимается именно военный трибунал. Президент негодовал:

«Как я могу расстрелять молодого простодушного солдата за дезертирство, если я не могу тронуть и волоска на голове ловкого агитатора, склонившего его к этому? Разве не приносят вреда те, кто собирает на митинги отцов, братьев, друзей, будоражит их чувства до тех пор, пока не убедит написать молодому солдату в армию, что он сражается за несправедливое дело, за презренное правительство, слишком слабое для того, чтобы арестовать и наказать его в случае дезертирства? Заткнуть рот такому агитатору и спасти жизнь парню — это не просто дозволено Конституцией, это и есть настоящее милосердие».

Наконец, на опасения, не станет ли временное ограничение гражданских свобод постоянным после войны, Линкольн ответил понятной метафорой:

«Я верю в это не больше, чем в то, что человек, вынужденный во время болезни принимать рвотное, захочет принимать его и после выздоровления»^{619}.

И вновь выборы стали индикатором общественного мнения и общественных настроений. По традиции весной выбирали губернаторов Коннектикута и Нью-Гэмпшира, и в обоих штатах демократы выдвинули «мирных» кандидатов, сторонников Валландигэма. На стороне Союза работали организованные патриотично настроенными гражданами Общество лояльных издателей с его гигантскими тиражами агитационной литературы, Юнионистские лиги с их многочисленными клубами. Стэнтон учёл уроки осенних выборов и намеренно отправил в отпуски солдат из голосующих штатов — предполагалось, что они поддержат линию

правительства. В итоге в Коннектикуте победил республиканец (набрав, правда, 52 процента голосов), а в Нью-Гэмпшире голоса «мирных демократов», «военных демократов» и республиканцев разделились и решение принимало Законодательное собрание — его республиканское большинство назначило своего представителя.

На фоне политических бурь семейные дела Линкольна возвращались в привычное русло. Ещё 13 февраля Мэри впервые сменила траурные одежды на розовое шёлковое платье с низким вырезом. В тот вечер в Белый дом пригласили чету актёров-лилипотов из знаменитого шоу Финеаса Барнума. Девяностосантиметровый Чарлз Шервуд Страттон — «генерал Том-Там» («мальчик с пальчик») и его супруга Лавиния приехали в Вашингтон на медовый месяц, и это стало главной новостью в уставшей от войны и политики столице. Недавнее венчание забавной и трогательной пары в Нью-Йорке было главным шоу сезона. Не посмотреть на неё означало отстать от моды (когда-то Том-Тама принимала сама королева Виктория), и Мэри сама попросила устроить приём для молодожёнов. Одна из приглашённых, писательница Грейс Гринвуд, удивлялась, с какой важностью эти «голубки в свадебных одеждах» подошли почти к самым ступням президента и с каким уважением смотрели они, задрав головы, в его доброжелательные глаза. Президенту пришлось как следует нагнуться, чтобы взять руку мадам Лавинии в свою огромную ладонь (с такой осторожностью, будто это было перепелиное яйцо), подвести её к миссис Линкольн и представить. Потом президент пригласил гостей на диван и сам поднял Том-Тама на сиденье, а Мэри подняла Лавинию. «Знаешь, матушка, — сказал Авраам, — будь ты такой же маленькой, как миссис Лавиния, ты была бы точь-в-точь как она», — и все, включая Мэри, рассмеялись. Более

всего гостей поразило то, что во всей церемонии, в учтивых комплиментах и поздравлениях молодожёнам не было никакого гротеска, «к которому не преминул бы обратиться человек меньшего достоинства, чтобы потешить окружающих»^{620}.

За год, прошедший после смерти Вилли, Мэри сильно изменилась. Она увидела себя скорбящей среди скорбящих и всё больше времени уделяла военным госпиталям: посылала туда цветы и еду из Белого дома, собирала деньги, например, на покупку фруктов для больных цингой, помогала проводить благотворительные ярмарки на нужды раненых. Её всё чаще можно было видеть в каком-нибудь из многочисленных вашингтонских госпиталей. Она участвовала в организации литературных и музыкальных вечеров, просто разговаривала с ранеными, читала им, писала письма домой под их диктовку или от своего имени:

«Дорогая миссис Эйген! Я сижу рядом с Вашим сыном-солдатом. Он был болен, но теперь идёт на поправку и просит меня передать Вам, что теперь с ним всё в порядке. Со всем уважением к солдатской матери

Миссис Авраам Линкольн».

Когда солдат попал домой и прочитал письмо, он признался, что понятия не имел, что эта дама, сидевшая у его кровати, была Мэри Линкольн.

Насмотревшись на страдания молодых людей, Мэри с ужасом осознала, что вскоре настанет срок и её старшему двадцатилетнему сыну отправляться на военную службу. Правда, пока Роберт учился в Гарварде, и беспокойство доставляли разве что жалобы педагогов на дисциплинарные проступки Линкольна-младшего

вроде запрещённого студентам курения в общественных местах.

Вся родительская любовь обрушилась на девятилетнего Тада, тем более что его нельзя было не жалеть: мальчик родился с дефектом верхней губы, отчего зубы росли неправильно и он шепелявил. Иногда только Авраам мог понять, что говорит младший сын. Однако Тад, похоже, не особенно комплексовал. Секретарь Хэй вспоминал:

«Мальчик был переполнен жизненной энергией, буквальной брызжущей через край, да так, что от его проказ и фантастических предприятий весь дом ходил ходуном. Он всегда пользовался абсолютной свободой и после смерти Вилли и отъезда Роберта стал абсолютным тираном Белого дома. И мать, и отец боготворили Тада, учителя его баловали, многочисленные искатели должностей любили приласкать этого оленёнка, любившего бродить по шумной переполненной приёмной. Книги он почти не любил, дисциплину не любил совсем и ни во что не ставил тех воспитателей, которые не разделяли с ним удовольствие запрячь в стул пару ручных коз или побегать с собаками по Южной лужайке. Он был очень сообразительным, но настолько же и ленивым, быстро смекал, сможет подчинить себе воспитателя или нет. От воспитателя, настаивавшего на странной идее, что грамматика доставляет больше удовольствия, чем запуск воздушного змея, Тад стремился избавиться. У него было столько дел, что времени на учёбу не оставалось. Рано утром пронзительное гудение его дудки разрывало унылую тишину коридоров главного офиса страны. День проходил в черед сменяющих друг друга выдумок и шалостей, а когда ближе к полуночи президент наконец-то откладывал перо, он обнаруживал своего баламута уснувшим прямо под рабочим столом, а то и у открытого камина, курчавой головой, естественно, к самому огню.

Тогда этот высокий человек брал сына на руки и нёс по коридору в спальню, уклоняясь от светильников.

Президенту нравилось в сыне всё, вплоть до неконтролируемых всплесков энергии. Ему нравилось даже то, что Тад рос, отвергая книжное знание, но с довольно развитым здравым смыслом. Может, это объясняет и любовь мальчика к животным, и любовь животных к нему (дар, часто свойственный добрым и необразованным натурам). Он мог без устали ездить верхом, хотя был так мал, что ноги его торчали перпендикулярно седлу. «Пусть резвится, — добродушно реагировал на всё президент. — У него будет достаточно времени освоить грамматику и посерьёзнеть. Боб был таким же маленьким сорванцом, а теперь он вполне благопристойный молодой человек»^{621}.

Как-то раз Тад пожалел некую делегацию из Кентукки, ожидавшую в приёмной несколько часов. Воспользовавшись отстоянным в борьбе правом беспрепятственно проходить в президентский кабинет, он вошёл и попросил позволения представить отцу своих друзей. Авраам согласился, и Тад ввёл в кабинет делегацию, представил её главу, а тот представил остальных. Оказалось, правда, что это именно та делегация, встречи с которой Линкольн избегал уже неделю. После церемонии представления Авраам посадил сына на колени, поцеловал и сказал, что тот всё сделал правильно и представил своих друзей именно так, как подобает юному джентльмену. Тад потом объяснял, что он назвал этих господ «друзьями», потому что они выглядели благородными и печальными и к тому же были из родного для отца Кентукки! Авраам ответил: «Всё правильно, сынок. Я бы хотел, чтобы все люди были твоими друзьями и моими, по возможности, тоже»^{622}.

Любовь Тада к военным была такова, что он просился в армию «хотя бы майором» и с удовольствием носил сшитый для него армейский мундир. Во время прогулок

родителей он никогда не садился с ними в коляску, но надевал мундир, седлал пони и ехал рядом в качестве охраны.

Неудивительно, что лучшим подарком на десятилетие Тада (его отмечали 4 апреля) стала поездка на смотр гигантской армии «Потомак», пробудившейся от тяжёлой зимовки и изжившей депрессию декабрьского поражения. «Зима Вэлли-Фордж» прошла, кончалось время дождей и весенней распутицы. «Драчун Джо Хукер» сменил Бёрнсайда, отставленного в январе после провала одного из самых бездарных и бесплодных манёвров кампании — обходного «марша по грязи», над которым свои потешались не меньше, чем противник.

Генерал Хукер сумел привести армию в порядок. Президент, хотевший в этом убедиться, отправился вниз по Потомаку в очень небольшой компании: Мэри, Тад, пара друзей и генеральный прокурор Бейтс, воспользовавшийся возможностью навестить сына. Дорога была для Линкольна формой отдыха от перегрузок ещё со времён разъездов по Иллинойсу. А тут, словно в подарок, закрутилась такая метель, что пароход встал на ночёвку в какой-то тихой бухте Потомака. Никакой охраны, никакой прислуги, узкий семейный и дружеский круг, тёплая каюта и вьющийся за окном снег. Тад вырвался на палубу поудить рыбу, чтобы снабдить компанию достойным ужином.

Снегопад продолжался и на следующий день — в Пасхальное воскресенье. Делегация сменила пароход на поезд (украшенный флагами и лентами товарный вагон с деревянными скамьями), а потом на закрытый экипаж (санитарная карета), в котором и въехала в расположение армии. Это был выросший за зиму город с населением около 150 тысяч человек, со своими пекарнями, типографиями, телеграфом и капитально обустроенными палатками с деревянным полом и жаркими печами. В конце одной из импровизированных

улиц стоял в ожидании президента высокий, широкоплечий, рыжий и голубоглазый командующий Джо Хукер.

В понедельник утром пушки возвестили о начале «большого смотра». Войска выстроились по окрестным холмам на многие мили. Несколько дней оттуда мимо президента, Хукера, их свиты (и Тада) тянулась бесконечная змея кавалерии, пехоты и артиллерии. Сверкала сталь, плескали знамёна, сменялись бравурные военные марши. Как минимум 17 тысяч человек кавалерии и 60 тысяч пехоты прошло перед Линкольном, внушая гордость за пополненную, заново обмундированную, снаряжённую, вооружённую, накормленную и вылеченную от физических и душевных ран армию. Присутствующий на смотре корреспондент отметил, что в ответ на салют офицеров Линкольн часто просто прикладывал руку к краю цилиндра, а перед солдатами обнажал голову.

Много времени Авраам и Мэри провели в госпиталях. Они прошли все санитарные палатки одного из армейских корпусов. Авраам расспрашивал больных и раненых, говорил ободряющие и утешающие слова, многим пожимал руки. Сопровождавший Линкольна репортёр не раз замечал слёзы на лицах растроганных солдат.

Тад, кажется, побывал вообще везде, не пропустил ни одного смотра, а в перерывах мотался на своём пони по лагерю в сопровождении одного из ординарцев Хукера. Потом его познакомили с тринадцатилетним «ветераном», прошедшим полуостровную кампанию горнистом Густавом Шуманом, и мальчики стали неразлучны^{623}. Особым подвигом явилась поездка к разрушенному Фредериксбергу, на линию пикетов, посмотреть на мятежников. Впрочем, тогда это было время не просто затишья, а ещё и массового доверительного обмена. «Джонни Рэб» и «Билли Янк»

(прозвища солдат — южан и северян соответственно) вовсю меняли лишнее на недостающее: «северный» кофе на «южный» табак, вашингтонские газеты на ричмондские.

Мэри также была в настроении. Очевидцы вспоминали её остроумную шуточную перепалку с мужем по поводу надписи на обороте фотографии офицера-южанина (тот просил переслать её школьному другу на Севере, переправив её тем же методом обмена на пикетах). Надпись гласила: *A rebellious rebel* (буквально «мятежный мятежник»). Мэри взялась доказывать, что это значит «поднявший мятеж против мятежников». Авраам считал, что это «мятежник в квадрате», «мятежник двойной выдержки», «мятежник из мятежников».

Несколько насторожил Линкольна Хукер, к месту и не к месту вворачивающий в разговорах: «Когда я возьму Ричмонд...» или «После того как мы возьмём Ричмонд...» «Что больше всего смущает меня в Хукере, — потихоньку признался президент одному из сопровождающих, — так это чрезмерная самоуверенность».

В один из дней экипаж Линкольна заехал в примыкавшее к лагерю поселение бывших «трофеев», освобождённых его прокламацией. Негры и мулаты всех оттенков смуглости кожи окружили президента и устроили ему овацию: «Ура массе Линкуму!» Авраама потрясло невероятное количество детей. Мэри поинтересовалась у мужа, скольких малышей, по его мнению, здесь назвали именем Авраам Линкольн. «Думаю, из тех, кто младше двух лет, не менее двух третей»^{624}.

Они покинули расположение армии вечером в пятницу 10 апреля 1863 года. Это была ровно середина войны. За ней лежала решающая кампания 1863 года.

ГЕТТИСБЕРГ И ВИКСБЕРГ

Однажды в Белый дом пришёл человек, объявивший, что он «Сын Божий» и хочет сообщить Линкольну, как окончить войну. Секретарь Хэй попросил визитёра прийти на следующий день «с рекомендательным письмом от вашего Отца», и больше тот не появлялся. Впрочем, упование на Бога в деле окончания войны в такой религиозной стране, какой в середине XIX века были Соединённые Штаты, нельзя сбрасывать со счетов. Линкольн не раз задавался вопросом: «Почему все говорят: «Бог на нашей стороне» и никто не говорит: «Мы на стороне Бога?»»^{625}. Но главную проблему он видел в другом. В президентской прокламации, выпущенной 30 марта 1863 года, 30 апреля было объявлено «Днём смирения, поста и молитвы». Соавторы прокламации, президент и госсекретарь Сьюард, высказали в ней взгляд на Гражданскую войну с религиозной точки зрения:

«Ужасное бедствие, постигшее ныне страну, есть не что иное, как наказание за наши дерзкие грехи перед завершением столь необходимого процесса формирования нас как единого народа... На нас потоками изливались щедроты неба. В течение многих лет мы были хранимы в мире и благополучии. Мы умножились числом и возросли в богатстве и силе как ни один народ в истории. Но мы забыли Бога, забыли милосердную руку, которая хранила нас в мире, умножала, обогащала и укрепляла нас. <...> Мы самонадеянно вообразили, что все эти благословения мы обрели благодаря своей собственной мудрости и добродетелям. И сейчас

нам следует смириться перед оскорблённым нами Спасителем, исповедать наши национальные грехи и умолять о милости и прощении.

Будем пребывать в надежде на то, что единодушный вопль народа будет услышан на небе, а ответом станет прощение грехов нашего народа и возвращение прежнего состояния мира и единства в нашей разделённой и страдающей стране».

Авторы призывали весь народ «воздержаться в этот день от своих обычных мирских занятий и провести служения в установленных местах общественных собраний и в своих домах, соблюдая себя в святости для Господа и посвящая день смиренному исполнению религиозных обязанностей»^{626}.

Джефферсон Дэвис также объявил «День смирения и молитвы» — 27 марта. Но он говорил совсем о другом — «призывал Бога на свою сторону», говорил Всевышнему, что надо делать: «Пусть Господь снова проучит наших врагов, окруживших нас со всех сторон и жаждущих нашего уничтожения, ибо «не сильным достаётся победа», но тем, кого Он хочет возвеличить. Снова враг, громко хвастаясь силой, своими воинами и броненосцами, грозит подчинить нас, снова строит злоешие планы, намереваясь в наших собственных домах, у наших очагов превратить наших слуг и наших служанок в объект своих безнравственных намерений»^{627}.

Помолясь, нация начинала летнюю кампанию 1863 года. Три главные армии северян: на Миссисипи — генерала Гранта, в Теннесси — генерала Роузкранса, в Вирджинии — генерала Хукера (на него Линкольн возлагал главные надежды) должны были наступать на Юг.

Хукер начинал там же, где в конце минувшего года начинал Бёрнсайд. Однако он учёл уроки неудач предшественника и при планировании операции принял во внимание советы Линкольна. Имея огромную армию, почти вдвое превосходившую по численности ту, что смог подготовить к весенне-летней кампании Роберт Ли, Хукер решил ударить сразу в нескольких местах. В конце апреля он разделил свои силы. Меньшая их часть оставалась у печальной памяти позиций близ Фредериксберга для вспомогательного удара, а с большей генерал переправился выше по реке. Густые колонны федеральных войск и сотни артиллерийских орудий потянулись через гигантский старый лес, именуемый «Глушь» («Wilderness»), чтобы обойти с фланга хорошо укрепленные позиции южан у Фредериксберга.

Ли, обнаружив обход, также разделил армию и с большей её частью бросился на перехват противника. 1 мая 1863 года главные силы сошлись в бою почти у самой окраины «Глуши», неподалёку от усадьбы Чанселорсвилл, давшей название сражению.

Первый день не принёс никому успеха: Хукер поосторожничал — оттянул войска на оборонительные позиции на окраине леса и там, за засеками, вырыв окопы, ждал новых атак уступающих в численности сил конфедератов.

Решающие события произошли 2 мая. Ли пошёл против всех военных законов и ещё раз разделил свои главные силы. Его лучший генерал Джексон «Каменная стена» обошёл неподвижную позицию Хукера по дальним лесным тропам и обрушился на неё с тыла, со стороны палаточных лагерей. Северяне сели ужинать, как вдруг из колючих зарослей выскочили толпы южан в изодранной серой униформе. Началась паника, и к ночи весь правый фланг армии Хукера был смят.

Хукер совсем забыл о своём численном превосходстве. На следующий день он начал медленно отходить, пытаясь выстроить новую оборонительную линию. Его надежды были на то, что Ли увязнет в его обороне, а тем временем оставленные у Фредериксберга дивизии прорвут заслоны и выйдут южанам в тыл. Но прорыва не случилось. Пассивность Хукера позволила Ли ещё раз разделить свои войска. Он успел перебросить нужные резервы обратно к Фредериксбергу, отбиться там и вернуть части к Чанселорсвиллу. Напрасно генералы просили Хукера начать наступление. «Драчун Джо» потом признался: «Я и сам потерял веру в Джо Хукера». Он приказал отводить войска обратно за реку. Триумфатор Ли въехал на пепелище Чанселорсвилла.

С какой жаждой Линкольн ждал известий с поля боя! Все дни сражения он проводил в телеграфном офисе, бомбардируя штаб армии «Потомак» запросами: «Где генерал Хукер?», «Где генерал Седжвик?», «Где Стоунман?», «Правда ли, что противник снова занял высоты у Фредериксберга?»

«Два дня мы провели в жутком напряжении в ожидании результатов сражения»^{628}, — признавался в одном из писем Хэй. Вести пришли 6 мая. За сдержанным сообщением «войска переправились обратно через реку и вернулись в лагеря» стояло признание очередного поражения. Линкольн был просто подавлен^{629}. Репортёра Брукса потрясло его мертвенно-бледное лицо, по которому текли слёзы. «Боже мой! Боже мой! Что скажет страна? Что скажет страна?» — повторял президент. Одному из посетителей он признался: «Я самый одинокий человек в Америке»^{630}. Утешало, что войска не бежали, а только отошли на прежние позиции, что Ли не бросился преследовать и добивать поверженного противника, что, наконец, дух армии не был сломлен — в этом Авраам убедился лично, ибо почти сразу после

получения шокирующих известий помчался в уже знакомый лагерь Хукера и провёл там весь следующий день. Затяжной депрессии не случилось. «Армия готова к кампании не хуже, чем прежде»^{631}, — был вывод президента. Хукера он увольнять не собирался — по крайней мере сразу. «Мы же не выбрасываем ружьё из-за единственной осечки, — возражал Линкольн обвинявшим Хукера генералам, — мы просто взводим курок и пробуем снова». «Я давал Макклеллану двадцать шансов, — говорил он самому Хукеру, — почему бы не дать вам хотя бы два?»^{632}

Но пока вся надежда была на генерала Гранта. В дни, когда Хукер зализывал раны, с Миссисипи пришли хорошие вести: Улисс Грант Безоговорочная Капитуляция разбил войска Конфедерации на подступах к Виксбергу — «Севастополю на Миссисипи». Конгрессмен Джордж Баутвелл (в будущем министр финансов) запомнил тот поздний майский вечер, когда Линкольн вернулся в Белый дом из телеграфного офиса с обнадеживающими новостями: «Президент заметно повеселел, в его голосе появились новые нотки: облегчения, оживлённого и радостного возбуждения. Стало очевидно, что его вера в наш окончательный успех с этого момента стала абсолютной»^{633}.

Когда в апреле главные силы Гранта двинулись по правому берегу Миссисипи вниз по её течению, все, в том числе и Линкольн, решили, что генерал оставил великую твердыню Юга на потом и решил прежде всего соединиться с силами, контролирующими низовья великой реки. Когда в мае Грант оказался на левом берегу и пошёл не на юг, а на северо-восток, все, в том числе и Линкольн, были уверены, что это наступление направлено в обход неприступного Виксберга на главные силы конфедератов. Но в середине мая армия Гранта снова повернула, теперь на запад, и пошла прямо на Виксберг, разбив по пути пытавшиеся

перегородить ей дорогу части южан. Только теперь замысел командующего северян стал понятен.

Манёвр Гранта был настолько неожиданным, что Линкольн позже написал генералу: «Тогда я боялся, что это ошибка, а теперь признаю, что Вы были правы, а я нет»^{634}. На заседаниях Кабинета зазвучали слова уверенности в грядущем успехе. Правда, Виксберг успел обрасти серьёзными укреплениями и первые штурмы «с ходу» были отбиты, однако после 25 мая началась регулярная осада города с воды и суши, и его падение стало делом времени, ибо реальной помощи извне не предвиделось.

Взятие Виксберга означало, что Союз получал под контроль всё течение Миссисипи, а иллинойские фермеры вновь обретали возможность беспрепятственно отправлять свои товары вниз по великой реке до самого Нового Орлеана. Более того, поскольку географически Миссисипи разрезала Конфедерацию на две части, мятежные штаты Арканзас, Луизиана и гигантский Техас фактически оставались вне игры.

Всё это понимал и Джефферсон Дэвис. Он запланировал переброску войск с восточного направления на западное, чтобы сорвать осаду Виксберга, но Роберт Ли разработал другой план кампании. Лучший генерал Юга решил наступать из Вирджинии вглубь Севера, обходя не только укрепленные лагеря армии Хукера, но и оцетинившийся форты Вашингтон. Это позволяло создать угрозу Балтимору, «колыбели независимости» — Филадельфии и вынудить войска федералов дать сражение в чистом поле. Ставка делалась на то, что мораль северян не выдержит ещё одного поражения и агитация «мирных демократов» наконец-то перевесит доводы правительства. Тогда Север будет готов к мирным переговорам и признанию независимой Конфедерации.

Вот почему к наступлению армии Ли была приурочена поездка на Север, к Линкольну, вице-президента Стивенса с мирными инициативами.

Вторжение началось в начале июня 1863 года. Ли обтёк позиции федеральной армии с запада, спрятался за лесистыми горами Голубого хребта и быстро пошёл на север по плодородной долине Шенандоа. «Драчливый» Хукер предложил не интересоваться, куда направляется Ли, а немедленно броситься по прямой на Ричмонд. Линкольну пришлось остужать пыл командующего: «Это будет очень невыгодный размен: Вашингтон на Ричмонд». Президент ещё раз объяснил своё понимание стратегии: «Ваша цель — не Ричмонд, а армия Ли. Если он пойдёт к верховьям Потомака, преследуйте его с флангов и тыла, укорачивайте свои операционные линии, пока он растягивает свои. Сразитесь с ним, как только обстоятельства позволят. Если он остался там, где был, — беспокойте его. Беспокойте его!»^{635}. С некоторым опозданием Хукер двинулся в погоню за Ли, держась между армией южан и Вашингтоном. Его войска шли по короткой дуге, повторяя изгиб длинной дуги маршрута Ли, поэтому постепенно расстояние между армиями сокращалось.

Тем не менее 22 июня передовые части Ли были уже в Пенсильвании, на земле «свободных штатов». Партии фуражиров рыскали по окрестностям в поисках продовольствия, скота и мелкой живности. Сильно обносившиеся войска очищали склады обуви и одежды, расплачиваясь (или только обещая расплатиться) бессмысленными на территории Союза бумажками Конфедерации. На торговцев и банки попадавшихся по дороге городков накладывалась «контрибуция» (с маленького Йорка, например, взяли 28 тысяч «гринбаксов»). Более того, южане стали брать в плен и отправлять на юг попадавшихся им негров, объявляя беглыми рабами даже свободных^{636}.

Чем больше армия «Потомак» сближалась с армией Ли, тем больше Хукер терял «веру в Хукера». Линкольн, сохранивший командующего после поражения под Чанселорсвиллом, стал наблюдать, как в «драчуне» развиваются худшие пороки Макклеллана. Генерал начал жаловаться на недостаток войск и численное превосходство южан, принялся ссориться со своим непосредственным начальником генералом Халлеком и т. п. Во время одной из таких ссор запальчивый Хукер, словно копируя Макклеллана, подал в отставку — в разгар решающей кампании! Но Линкольн... отставку принял. Командующим стал один из подчинённых Хукера, генерал Мид, человек ответственный, хотя и не очень любимый солдатами, прозванными его из-за характерной внешности «старая пучеглазая черепаха». Зато генерал был пенсильванцем, и Линкольн считал, что на родной земле тот будет сражаться изо всех сил. Всего на четвёртый день командования Мида две главные армии Севера и Юга сошлись у городка Геттисберга. Встреча была неизбежной, но место оказалось случайным. 1 июля бригада южан, надеявшаяся захватить в Геттисберге склад с обувью, натолкнулась на передовые части федеральной кавалерии. Стычка переросла в бой, с обеих сторон стали подтягиваться резервы, бой превратился в сражение, а сражение стало решающей битвой войны. Любопытно, что северяне подошли к месту схватки с юга, а южане наступали с севера и запада.

В первый день боёв войска Ли захватили Геттисберг, но северяне прочно укрепились южнее, на высотах с не очень оптимистичным названием Кладбищенская гряда. Во второй день они сорвали попытки Ли охватить с флангов их позиции, по форме напоминающие рыболовный крючок. «Неприятель отбит во всех пунктах»^{637}, — рапортовал Мид вечером. Все ждали, что принесёт решающий третий день сражения.

Линкольн снова не выходил из помещения военного телеграфа. Мерил комнату шагами, читал сообщения и депеши, отдыхал на диване, снова читал новости. Свидетели вспоминали атмосферу «нездоровой суеты». Вдобавок утром 2 июля Мэри сильно разбилась по дороге в Вашингтон: кто-то вытащил болты, крепившие сиденье возницы, на резком повороте тот вместе с сиденьем упал на землю, лошади понесли, и миссис Линкольн пришлось прыгать из экипажа на полном ходу. Она упала на спину и ударилась головой о камень. (Мэри приходила в себя три недели, но окончательно преодолеть последствия аварии не удалось: усилились мигрени, психика стала ещё менее стабильной, участились неожиданные вспышки гнева, публичные выплески эмоций.)

Днём 3 июля генерал Ли собрал самые боеспособные части в плотную многотысячную массу и бросил её в лобовую атаку на центр северян — в тридцатиградусную жару, по открытому полю.

Эта «атака Пикетта» (по имени одного из возглавлявших её генералов) войдёт в учебники, будет увековечена в романах и кинофильмах. Уильям Фолкнер напишет: «Для каждого четырнадцатилетнего подростка-южанина не однажды, а когда бы он ни пожелал, наступает минута, когда ещё не пробило два часа в тот июльский день 1863 года: дивизии за изгородью наготове, пушки, укрытые в лесу, наведены, свёрнутые знамёна распущены, чтобы сразу взвиться, и сам Пикетт в своём завитом парике с длинными напомаженными локонами, в одной руке шляпа, в другой шпага, стоит, глядя на гребень холма, и ждёт команды — и всё сейчас на весах, это ещё не произошло, даже не началось, и не только не началось, но ещё есть время не начинать... и всё же оно начнётся, мы все знаем это, мы слишком далеко зашли и слишком много поставили на карту, в эту минуту даже и

четырнадцатилетний подросток, не задумываясь, скажет: «Вот сейчас. Быть может, как раз сейчас», — когда можно столько потерять или столько выиграть — Пенсильванию, Мэриленд, весь мир; и золотой купол самого Вашингтона увенчает безумную, немислимую победу, отчаянную игру на ставку двухлетней давности»[{638}](#).

Редеющие линии южан дошли под огнём до укреплений федералов, до каменных изгородей и залпов в упор, но на большее их сил не хватило. Пикетт вернулся, потеряв убитыми и ранеными больше половины своих подчинённых, в том числе всех полковых и бригадных командиров: «Генерал Ли, у меня больше нет дивизии»[{639}](#).

К четырём часам пополудни 3 июля 1863 года в миле к югу от Геттисберга, штат Пенсильвания, была пройдена «высшая точка прилива Конфедерации». Ли потерял треть своей армии и приказал отходить.

День независимости 4 июля Линкольн встретил в телеграфном офисе. В десять утра он прямо оттуда разослал по всей стране пресс-релиз, ставший лучшим поздравлением сторонников единой страны:

«Новости из армии «Потомак», поступившие к 10 вечера 3 июля, покрывают её великой славой. Это обещает успех всему делу Союза. Почтим память павших храбрецов и всемерно возблагодарим Того, чья воля (а не наша!) да исполнится всегда»[{640}](#).

Не вовремя всплывшему у границ Союза вице-президенту Конфедерации Стивенсу с его мирными инициативами было сдержанно указано на дверь. Кабинет сообща решил, что появление в Вашингтоне вице-президента непризнанной страны неприемлемо, ибо и без того достаточно способов поддерживать

сношения между Соединёнными Штатами и мятежниками^{641}.

Через несколько дней после вдохновляющих новостей из Геттисберга пришли вести о ещё одной победе, одержанной как раз в праздник. После почти полуторамесячной осады генерал Грант принудил «неприступный» Виксберг с его тридцатитысячным гарнизоном к безоговорочной капитуляции. Вскоре солдаты Союза раздавали оголодавшим горожанам продукты из захваченных лавок ненавистных спекулянтов («Эй, мятежники! Угощайтесь!»). С июля 1863 года Конфедерация была разрезана на две части полностью взятой северянами под контроль Миссисипи. Линкольн увидел в этом что-то эпическое: «Отец вод вновь беспрепятственно катит свои волны до самого моря» — и назвал кампанию Гранта «одной из самых блестящих в мире»^{642}.

К той же знаменательной дате, только как-то непразднично, незаметно и неспешно, без громких кровопролитных сражений, одними маршами и манёврами, генерал Роузкранс выдвинул армию конфедератов из штата Теннесси и подошёл к границам Джорджии и Алабамы, «сердцевины» мятежного Юга.

В какой-то момент Аврааму показалось, что с мятежом уже покончено. Нужно лишь догнать, атаковать и пленить деморализованную армию противника.

Этого не случилось. Мид и его генералы, хотя и отведали вкус большой победы, не сочли возможным атаковать южан, не будучи уверены в успехе. Армия потеряла четверть личного состава, Ли отгородился сильными полевыми укреплениями, а фальшивый дезертир из стана южан признался, что их армия преисполнена воинственного духа и жаждет схватки.

Четырнадцатого июля в Вашингтоне узнали, что армия Ли ушла, не преследуемая федералами. Уэллс

записал в дневнике: «Всего только раз или два я видел президента столь же расстроенным и разочарованным». Сам Линкольн говорил: «Мы вложили столько труда, чтобы взрастить этот богатый урожай, но когда он созрел, мы не убрали его». Халлек сообщил Миду о недовольстве президента, и он тут же подал прошение об отставке. Линкольн отставку не принял, но написал генералу полное горечи письмо, в котором упрекал в упущенной «золотой возможности» закончить войну, а потом, выговорившись на бумаге, письмо не отправил. Наоборот, уже 15 июля президент объявил о Дне благодарения и молитвы в ознаменование одержанных побед. Ещё через несколько дней он даже напевал «куплеты генерала Ли» собственного сочинения:

Я и Дэвис наметили ясную цель:
С важным видом пошли разгромить «Филадельф».
Янки дали нам жару,
И с Джеффом на пару
Мы удрали, забыв разгромить «Филадельф».

Стране предстояло пережить ещё немало волнений. В сентябре успешно начатая Роузкрансом кампания в Теннесси вдруг привела его на грань поражения. Генерал взял под контроль важнейший железнодорожный узел с индейским названием Чаттануга и перерезал единственную железную дорогу, соединявшую восток и запад Конфедерации. Он уже миновал горные проходы Камберленда и вступил в Джорджию, на земли дальнего Юга... Но тут неделями отступавшие конфедераты получили подкрепления с востока (это были недобитые после Геттисберга части армии Ли) и отчаянно атаковали северян у ручья с ещё одним индейским названием — Чикамога (что на языке чероки означало «река смерти»). После ожесточенного

двухдневного сражения Роузкранс, дабы избежать разгрома, отвёл войска назад в Теннесси и укрепился в Чаттануге. Конфедераты, наконец-то получившие численный перевес, блокировали город с трёх сторон, в надежде устроить здесь свой Виксберг.

В этой тревожной обстановке Линкольн решился на перемены в командовании. Специальный поезд помчал на запад военного министра Стэнтона, и тот на личной встрече с генералом Грантом передал ему решение президента. На огромном пространстве от Миссисипи на западе до Аллеганских гор на востоке создавался единый фронт — Военный округ Миссисипи, командовать которым было поручено победоносному Гранту. Со всех сторон к Чаттануге двинулись подкрепления, причём с востока был прислан двадцатитысячный экспедиционный корпус под началом «драчуна» Джо Хукера. Это огромное войско со всем снаряжением, лошадьми и артиллерией за 11 дней преодолело по железной дороге 1233 мили. По мнению историка Д. Макферсона, «этот анабазис был настоящим подвигом тыловых служб: до XX столетия никакая столь же крупная группировка войск не проделывала такой долгий путь так быстро»^{643}.

Серией ударов Грант сначала деблокировал армию в Чаттануге, потом выбил южан с крепких позиций на господствующих над городом высотах и, наконец, заставил отступать обратно в Джорджию. «Это катастрофа, и незачем смягчать определения»^{644}, — признавался в частном письме Джефферсону Дэвису командовавший южанами генерал Брегг. А Линкольн отправил Гранту телеграмму: «Спасибо! Отличная работа!»

Он наконец-то обрёл генерала, на которого мог положиться: «Он не докучает мне беспокойными просьбами, не клянчит бесконечно подкреплений. Он берёт те войска, что у него есть, и с ними делает

максимум того, на что способен... Грант — мой человек, а я — его, на всю оставшуюся войну»^{645}. Ходила история о том, что когда до Линкольна дошли устойчивые слухи о привязанности Гранта к спиртному, он поинтересовался: «А какой сорт виски он пьёт? Я прикажу разослать по бочонку каждому нашему генералу»^{646}.

Военные победы сильно ослабили голос оппозиции, и это показали очередные осенние выборы. В Огайо победил представитель республиканцев, обошедший Валландигэма на 100 тысяч голосов. Даже в мятежном Ричмонде, в тюрьме для военнопленных, победу одержали республиканцы. Пленные солдаты создали Комитет по проведению выборов, и 13 октября 1863 года 162 из 163 проголосовавших высказались за республиканского кандидата и никто — за оппозиционера Валландигэма!^{647}

Линкольн вскоре подвёл итоги: «Меры правительства серьёзно обсуждали, поддерживали, критиковали, отвергали, но прошедшие выборы сильно воодушевили тех, чьей обязанностью является благополучно провести страну через тяжёлые испытания. Мы снова получили народное признание. Кризис, грозивший разделить сторонников Союза, миновал»^{648}.

272 СЛОВА

Всё заметнее стало проступать из-за горизонта неясное «после войны». Заглядывая туда, президент задумывался о судьбе будущих освобождённых рабов. Его «Прокламация об освобождении» была защищена законом только на время ведения боевых действий, но что будет потом?

Более года назад, 14 августа 1862-го, в Белом доме президент уверял членов Комитета чернокожих, что лучшим решением вопроса о будущем американских негров было бы их переселение за пределы Соединённых Штатов, туда, «где климат им более привычен». Под влиянием давних идей своего бывшего политического кумира Генри Клея Линкольн как минимум с начала 1850-х годов верил, что добровольный отъезд свободных негров стал бы лучшим выходом и для белых, и для чернокожих. Линкольн утверждал на встрече, что очевидное неравенство рас делает невозможным их сосуществование в одной стране без ущерба друг для друга, что успехи Либерии (с президентом которой он встречался и беседовал) убеждают в возможности создания чернокожими своей страны где-то в тропиках, благо Конгресс выделяет деньги для такого начинания.^{649}

Однако ход событий заставил Линкольна переменить точку зрения. Реакция членов Комитета чернокожих оказалась сдержанно негативной. Решительнее отозвались свободные негры Севера. Их позиция была выражена в опубликованном «Воззвании чернокожих Филадельфии к президенту Соединённых Штатов»: «Да, мы не можем не сожалеть о необразованности и бедности нашей расы. Но как ей не быть бедной и униженной, если нас попирает железная пята хозяина,

не знающего иного закона, кроме стремления возвыситься и разбогатеть за наш счёт? Многие из нас здесь, в Пенсильвании, владеют своими домами и иной собственностью, в целом составляющей миллионы долларов. Зачем же нам жертвовать всем этим, бросать свои дома и отречься от родных мест, зачем бежать в незнакомую землю? Только для того, чтобы умиротворить злобствующих и предубеждённых предателей, поднявших оружие против правительства, их приспешников и помощников?» Со страниц «Нью-Йорк трибюн» к президенту обратился с открытым письмом преуспевающий филладельфиец Роберт Первис, один из лидеров негритянского движения: «Напрасно Вы говорите мне о «двух расах» и их «взаимном антагонизме». С точки зрения человеческих прав существует только одна раса — это *человеческая* раса. Бог создал все нации, заселившие землю, с одной кровью. Сэр! Эта земля наша столько же, сколько и ваша, и мы её не покинем!» Среди членов правительства Чейз считал, что куда мудрее будет постараться преодолеть расовые убеждения и сделать Америку домом для освобождённых негров^{650}.

Вдобавок эксперимент с колонизацией провалился. Идея отправить 500 поселенцев в провинцию Чирики на Панамском перешейке и положить начало новой стране «Линконии» была встречена в штыки её будущими соседями: уже в сентябре 1862 года Сьюард докладывал президенту, что Гондурас, а затем Никарагуа и Коста-Рика объявили, что не только не приветствуют негритянских поселений, но и применят силу в случае их появления^{651}. Не удалась и попытка 453 негров обосноваться на острове вблизи Гаити: отвратительная организация переселения и разразившаяся эпидемия вынудили Линкольна отдать приказ о выделении транспорта на эвакуацию выживших горе-колонистов.

Через какое-то время Хэй зафиксировал: «Идею колонизации президент отбросил»^{652}.

Наконец (но не в последнюю очередь), свою роль сыграли мужество и патриотизм, проявленные сформированными в 1863 году негритянскими воинскими частями — они нанесли сильный удар как по уверенности в «неполноценности» чернокожих воинов, так и по убеждённости в их «чуждости» Соединённым Штатам. Куда менее патриотичными и более «чуждыми» оказались в глазах Линкольна «мирные демократы». 26 августа 1863 года в открытом письме землякам из Иллинойса президент обращался к оппонентам:

«Вы говорите, что не хотите сражаться за негров. Некоторые из них хотят сражаться за вас, но не в этом суть. Негры, как и все люди, имеют свои мотивы. Почему они должны сражаться за нас, если мы ничего для них не сделаем? Если они жертвуют жизнями ради нас, они, должно быть, руководствуются сильными побуждениями — хотя бы обещанием свободы. А данные обещания надо выполнять!

Мир уже не так далёк, как казалось... Когда он наступит, в нём будут жить те чернокожие, которые никогда не забудут, как молча, со сжатыми зубами и сосредоточенным взглядом, шли в штыки ради приближения этого мира»^{653}.

Чуть позже Линкольн утверждал, что негры будут среди тех, кто поможет хранить «алмаз свободы в свободном отечестве».

Но перемена взглядов требовала идеи, способной объединить всю страну. В поисках такой идеи Линкольн провёл немало времени и исписал немало бумаги. Возможно, лучше всего ему удалось изложить свои

мысли и чувства всего в десяти предложениях, включающих 272 слова, — в двухминутной речи, произнесённой 19 ноября 1863 года на освящении военного кладбища у Геттисберга. Хотя Грант ещё не решил судьбу войск у Чаттануги, торжественная церемония стала символической точкой в победной кампании 1863 года.

Присутствие главы государства на митинге долгое время было под вопросом, поэтому главным оратором был назначен седовласый Эдвард Эверетт, некогда президент Гарварда и известнейший мастер слова. В печально-торжественный день, «один из прекраснейших дней индейского лета»^{654}, он два часа со всеми нужными интонациями и жестами детально описывал героическую битву и делал надлежащие выводы. Как заметил один из репортёров: «Слов было много, но сердца они не затронули. Он говорил как учёный, как энциклопедист, но не как оратор».

Линкольн выступил следом с такой короткой речью, что заслушавшийся фотограф щёлкнул наведённой на подиум камерой только тогда, когда президент уже спускался вниз и надевал обвязанный чёрной траурной лентой цилиндр. Речь увлекла многих. Она оказалась одновременно такой простой, что её легко учат наизусть американские школьники, и такой сложной, что её анализ не завершён даже после выхода нескольких специальных монографий^{655}. Одной только проблеме перевода 272 слов на русский язык посвящена почти трёхсотстраничная диссертация^{656}.

Возможно, права переводчица Мишель Верди, призывающая сбросить оковы прозы и переводить Геттисбергскую речь в стихах, чтобы не читать её, а декламировать речитативом. Тогда величие идеи, за которую шла война и гибли люди, поднимается до уровня ответственности за судьбы мира^{657}.

— Леди и джентльмены! Президент Соединённых Штатов! — объявил друг и телохранитель Линкольна Уорд Ламон.

Линкольн поднялся с места, надел очки и вытащил из кармана небольшой лист бумаги. Всё, о чём его просили устроители, — это «сказать несколько подходящих к случаю слов»^{658}.

«Минуло восемьдесят семь лет с тех пор, как отцы наши основали на этом континенте новую нацию, рождением своим обязанную свободе; нацию, посвятившую себя доказательству того, что все люди сотворены равными. Сейчас мы проходим через великое испытание гражданской войной, которым решается, способна ли выстоять эта нация или любая другая нация, рождённая подобным образом.

Мы собрались на поле битвы этой великой войны, чтобы выполнить свой долг, чтобы освятить место, где обретут покой отдавшие жизнь свою ради жизни нашего народа. То, что мы делаем, вполне уместно и достойно. Однако, по большому счёту, не нам эту землю освящать, не нам её благословлять, не нам делать её святыней. Те храбрецы, что сражались здесь, павшие и живые, уже совершили этот обряд, так что не в наших силах что-либо добавить или убавить. Мир вряд ли заметит, вряд ли надолго запомнит то, что мы здесь говорим; но то, что они здесь свершили, он не забудет никогда.

Если мы хотим действительно почтить память погибших, мы должны посвятить себя завершению того благородного дела, за которое они сражались. Так посвятим же себя той великой работе, которая всем нам предстоит, преисполнимся решимости отдать себя

достижению той цели, ради которой они заплатили полной мерой.

Давайте поклянёмся в том, что смерть их не станет напрасной, что эта хранимая Богом нация обретёт возрождённую свободу и что власть народа, из народа и для народа не исчезнет с лица земли».

Поражённый Эверетт не удержится от признания: «То, к чему я подводил слушателей в течение двух часов, вы прояснили за две минуты!»^{659}

Газеты оценили выступление президента согласно цветам своего партийного спектра: «глупое», «провальное», «безвкусное», «скучное», «никакое», «простое и уместное», «исполненное вкуса и элегантности», «трогательное», «глубокое», «блистательное», «идеальное», «бессмертное»^{660}... Но когда не комментарии, а сам текст станет распространяться, в него начнут вчитываться. Историк Национального парка «Геттисберг» Д. Скотт-Хартвиг заметил: «Нация не была внезапно трансформирована речью Линкольна в Геттисберге, и её болезни не исчезли магическим образом. Однако его речь постепенно стала Полярной звездой для страны, направлением, к которому стоит стремиться и ради которого работать». Грубая сила не может быть сильнее свободы, равенства и народовластия. То, чего удалось добиться на мирных выборах, никак нельзя позволить вырвать насильем и войной!

Линкольну поездка далась непросто: его не оставляло беспокойство за Тада. Мальчик плохо себя чувствовал, отказывался есть, а врачи пытались определить, что за болезнь его поразила. Когда Авраам вернулся из Геттисберга, сыну было уже легче (у него оказалась «всего лишь» скарлатина). А вот сам президент слёг с температурой. Сначала думали, что это

простуда, но когда на теле появились красные язвы, врачи сделали окончательный вывод: вариолоид, облегчённая форма оспы. Линкольн шутил: «Неприятная штука, но у неё есть и свои преимущества. Впервые после вступления на должность у меня появилось то, чем я могу поделиться со всеми желающими!»

Из-за заразности болезни Линкольн находился в карантине и должен был соблюдать постельный режим. Он извлёк из этого максимум пользы — использовал неожиданно появившееся свободное от посетителей время для работы и размышлений. Ему было о чём подумать: будущее казалось неясным, вопросы о столь желанном «после войны» громоздились один на другой: будут ли покорённые штаты считаться завоёванными? на каких условиях побеждённая Конфедерация будет воссоединена с Союзом? кто эти условия установит — президент или Конгресс? можно ли будет объявить амнистию и на кого она будет распространяться?

Понятно было, что новый Юг должен жить без рабовладения. Но появлялись новые и новые вопросы: какая система труда придёт на смену плантационному рабству? как обеспечить права освобождённых рабов? какое место займут чернокожие в политической и социальной жизни Юга и всей страны в целом? получат ли они избирательные права? наконец, нужно ли дожидаться конца войны или стоит сразу начинать обустраивать уже взятые под контроль территории мятежных штатов?

Итогом размышлений стали важнейшие документы: ежегодное послание Конгрессу и «Прокламация об амнистии и реконструкции».

В послании Конгрессу Линкольн говорил: «Теперь я смотрю в будущее, вперёд, во времена, когда авторитет правительства Соединённых Штатов будет восстановлен там, где он был поколеблен». Уже можно было задумываться о грандиозных мирных проектах, от

разработки полезных ископаемых в Колорадо, Айдахо, Неваде и Аризоне до прокладки транстихоокеанского телеграфного кабеля в Российскую империю^{661}.

В докладе прозвучало то название послевоенного периода, под которым он и войдёт в историю: реконструкция.

Для проведения этой реконструкции законодатели разрабатывали три разных плана.

Демократы надеялись вернуть «Союз, каким он был»: отменить «Прокламацию об освобождении» как не соответствующую мирному времени, объявить всеобщую амнистию и, поскольку формально мятежные штаты никогда не покидали Союз, провести там обычные очередные выборы в Конгресс США.

Радикальные республиканцы настаивали на полной трансформации Юга вплоть до признания «совершивших самоубийство» штатов «территориями США», которым надо заново заслужить право проситься в состав Союза. Рабов следовало конфисковать, равно как и собственность рабовладельцев, участников мятежа лишить политических прав.

Умеренные республиканцы хотя и считали, что возвращение в Союз возможно только при условии полного освобождения рабов, но полагали, что в остальном довоенное устройство мятежных штатов может быть сохранено. Сдержанное, терпимое отношение к конфедератам сыграло бы свою роль при убеждении их капитулировать быстрее. Именно эта позиция была Линкольну ближе всего.

В концентрированном виде идеи президента о грядущем восстановлении страны были выражены в опубликованной в день обращения к Конгрессу «Прокламации об амнистии и реконструкции». В ней президент Соединённых Штатов объявлял о полном прощении (после войны) всех участников мятежа, за исключением высокопоставленных политиков,

федеральных чиновников, нарушивших присягу, старших офицеров и генералов, а также лиц, причастных к противозаконному обращению с пленными — как белыми, так и чернокожими. Амнистированным восстанавливали все права собственности, кроме собственности на рабов, на условиях принесения клятвы верности Союзу и Конституции США, а также признания принятых во время войны законов о рабах. Кроме того, прокламация объявляла о возможности восстановления деятельности правительств одиннадцати причастных к мятежу штатов. Для этого выдвигалось условие: новые правительства будут выбраны не менее чем десятью процентами от числа участников выборов 1860 года, принявших присягу верности Союзу, получивших помилование президента и согласившихся принять «Прокламацию об освобождении рабов» и другие законодательные акты Конгресса о рабовладении. Такая схема станет известна как «десятипроцентный план»^{662}.

Джон Хэй записал в дневнике, что никогда не видел, чтобы официальный документ производил такой сильный и немедленный эффект: «...люди вели себя так, словно уже наступило тысячелетнее царство Христово»^{663}. Сенатор Самнер «сиял», да и на другом краю политического спектра сенаторы Диксон и Джонсон признавали, что прокламация «весьма удовлетворительна»^{664}. Конгрессмен Келлог из Мичигана объявил, что президент Линкольн «великий человек нашего века: он видит яснее и дальше, чем кто-либо»; даже скептик Хорас Грили признал, что документ «чертовски хорош»^{665}.

Через какое-то время Линкольну удалось узнать, что думают о его плане примирения южане. Вместо со Стэнтоном он посетил ближайший к столице лагерь для военнопленных Пойнт-Лукаут. Довоенный морской курорт около устья реки Потомак стал крупнейшим

местом заключения южан и приобрёл самую плохую репутацию. Тем не менее даже там каждый десятый узник (а всего не менее тысячи человек) выразил готовность поступить на службу Соединённым Штатам^{666}.

Символом непростого семейного примирения стал приезд в Вашингтон Эмили, сестры Мэри. Её муж, генерал Конфедерации Бен Хардин Хелм, погиб в сражении под Чаттанугой, и Эмили решила вернуться домой, в Кентукки. Линкольн выписал «маленькой сестрёнке» паспорт для въезда на территорию Союза, но, когда она достигла форта Монро, «ворот» на Север, от неё потребовали либо поклясться в верности Союзу, либо отправляться обратно на Юг. Для Эмили клятва казалась предательством памяти мужа, и она отказалась. Только из уважения к Линкольну в Белый дом отправили телеграмму: как поступать со свояченицей президента? Через несколько часов ожидания довольный офицер протянул Эмили телеграмму: «Пришлите её ко мне. А. Линкольн». Авраам принял «мятежницу» под свою ответственность. Можно представить, как при встрече огорчил его вид некогда розовощёкой смешливой Эмили: он увидел молодую печальную женщину в траурном платье: сжатые губы, впалые щёки, скорбный взгляд... У Мэри глаза наполнились слезами...

В дневниковых записях, сделанных Эмили в то время, много горечи, но не от встречи, а от обстоятельств, при которых она произошла:

«Сестра и мистер Линкольн встретили меня очень тепло, но от чувства взаимного горя мы сначала не могли начать разговор. Я потеряла мужа, они потеряли маленького сына. Мэри и я лишились на войне трёх братьев-конфедератов; мы с ней смогли только обняться и заплакать.

Обедали мы с сестрой одни; молчали, катились слёзы. Потом сдавленными голосами мы заговорили о нематериальных вещах, потом о друзьях в Спрингфилде и Кентукки... После ужина сестра зажгла для меня свет в Восточном, Зелёном и Синем залах Белого дома. Она делает всё, чтобы отвлечь меня от ужасных мыслей, но это не всегда получается. С мистером Линкольном она всегда старается быть любезной, улыбается, подбадривает: он кажется очень исхудавшим и озабоченным, и вид расстроенной жены только добавил бы ему забот.

Мы избегаем разговоров о войне, чтобы не ранить друг друга из-за моих симпатий к Югу. Удивительный такт и деликатность Мэри восхищают меня. Она умело переводит опасные темы в безопасное русло... Я тронута чуткостью и добротой сестры. Она и брат Линкольн относятся ко мне, как к ребёнку, и стараются, чтобы мне было уютно»[{667}](#).

Но в Белом доме, полном посетителей и гостей всех мастей, Эмили не могло быть уютно. Экстравагантный генерал Дэн Сиклс, потерявший ногу под Геттисбергом, однажды громко и безапелляционно заявил Аврааму: «В этом доме не должно быть места мятежникам!» Ответ последовал немедленно: «Моя жена и я привыкли сами выбирать гостей, господин генерал, и мы не нуждаемся в чьих-либо советах и помощи. Кроме того, «маленькая мятежница» прибыла сюда не добровольно, а по моему письменному распоряжению!» Сенатор Гаррис с восторгом сообщал Эмили: «Мы славно поколотили мятежников под Чаттанугой! Говорят, они бежали, как зайцы!» — и тут же поворачивался к Мэри: «А почему Роберт всё ещё не в армии? По возрасту и здоровью ему уже пора послужить стране...»

Даже дети переходили от мирных игр на ковре к спорам. Тад показывал фото из своей коллекции: «Вот президент!»; дочка Эмили возражала: «Вовсе нет!

Мистер Дэвис президент!» Тад кричал: «Ура мистеру Линкольну!» — а в ответ раздавалось: «Ура Джеффу Дэвису!» Авраам вмешивался: «Ладно, Тад, ты знаешь, кто твой президент, а для твоей маленькой кузины я дядюшка Линкольн», — потом сажал детей на колени, и спор утихал. Как бы ни хотел Линкольн, чтобы Эмили осталась рядом с Мэри, «сестрёнка» решила отправиться в Кентукки^{668}. Она не призналась даже в дневнике, но документы свидетельствуют: перед отъездом Линкольн уговорил её дать клятву на лояльность Союзу в соответствии с «Прокламацией об амнистии»: «Я, Эмили Хелм, торжественно клянусь перед Богом, что с этого момента буду честно поддерживать, сохранять и защищать Конституцию Соединённых Штатов и, в силу этого, Союз штатов, и что я буду также соблюдать и искренне поддерживать все законодательные акты Конгресса, принятые во время нынешнего мятежа и имеющие отношение к рабам, до тех пор, пока эти акты не будут отменены, изменены или приостановлены Конгрессом или решением Верховного суда, и что я буду также соблюдать и искренне поддерживать все прокламации Президента, выпущенные во время нынешнего мятежа и относящиеся к рабам, — до тех пор, пока они не будут изменены или объявлены Верховным судом не имеющими юридической силы. И да поможет мне Бог»^{669}.

Эту клятву, отпечатанную на правительственном бланке, с пробелами, оставленными для даты и имени, будут давать сотни тысяч простых южан. О них, о их будущем думал Линкольн в конце 1863 года. Может быть, поэтому в канун Рождества президенту приснился сон, о котором он впоследствии любил рассказывать: будто он пришёл на вечеринку и кто-то, взглянув на него, воскликнул: «Да он самый обыкновенный человек!» Линкольн же отреагировал: «Обыкновенные люди —

лучшие в мире, вот почему Господь сотворил их больше
всех»[{670}](#).

КОНЕЙ НА ПЕРЕПРАВЕ НЕ МЕНЯЮТ

— Надеюсь, господин президент, что на следующем новогоднем приёме я буду иметь удовольствие поздравить вас со всеми тремя ожидаемыми событиями, — сказал конгрессмен Айзек Арнольд, ощущая крепость линкольновского рукопожатия.

— С какими же?

— Во-первых, с триумфальным окончанием войны; во-вторых, с отменой рабовладения и его запретом Конституцией; в-третьих, с переизбранием президентом Авраама Линкольна.

— Мой друг, думаю, в качестве компромисса я соглашусь на первые два...[{671}](#)

«Моё мнение о том, кто будет следующим президентом, — говорил Линкольн ещё в начале 1863 года, — похоже на мнение ирландца Пата, который как-то стоял на центральной площади Спрингфилда с короткой трубкой в зубах и наблюдал за похоронной процессией.

«Пат, кого это хоронят?» — спросил его старина Миллер.

«Ваша честь, — ответил Пат, вынув трубку изо рта, — могу точно сказать, что не меня, и смею вас уверить, что хоронят леди или джентльмена, который лежит в гробу».

Так вот и я — не могу сказать, каков будет народный выбор, но уверен, что это будет тот кандидат, который добьётся наибольшего успеха»[{672}](#).

У Мэри Линкольн на этот счёт сомнений не было. Новогодний приём 1 января 1864 года должен был дать старт серии светских мероприятий, направленных на поддержку имиджа её супруга. В первые четыре месяца

ей предстояло провести 29 журфиксов, званых ужинов и приёмов, собиравших до восьми тысяч визитёров. Траурный наряд скорбящей матери был сменён на пурпурные и белые платья миссис президент, посещение театра (с неизменными приветствиями со стороны зрителей) стало частью программы «социализации» первой четы государства^{673}.

Перед глазами 54-летней Мэри стояла изящная фигура 23-летней Кейт Чейз, дочери министра финансов. Кейт считали первой красавицей Вашингтона, если не всего Севера. Она была не прочь стать новой хозяйкой Белого дома (её отец был вдовцом). Ради осуществления законсервированных в 1860 году планов Чейза эта молодая и обаятельная женщина решилась на брак по расчёту. Её избранником стал 34-летний сенатор Уильям Спрэг, текстильный магнат и любитель выпить. «Свадьба десятилетия» состоялась в ноябре 1863 года. (Линкольн на ней присутствовал, а Мэри не пошла; потом в списке приглашённых на новогодний приём она лично вычеркнула имена молодожёнов.) Деньги Спрэга оченьгодились для начала агитационной газетной кампании в пользу Чейза — пока в форме восхваления его мудрой финансовой политики^{674}.

Президент знал о планах Чейза как минимум с осени 1863 года. Но когда секретарь Хэй сообщил ему, что Чейз рассылает своим потенциальным сторонникам письма, в которых говорится, что «страной должен руководить человек с глубоким, целеустремлённым, провидческим и деятельным умом, с честным и горячим сердцем», Линкольн отозвался очередной историей. Давным-давно на ферме в Кентукки во время пахоты на его лошадь сел огромный овод. Старший товарищ посоветовал не сгонять насекомое. Действительно, овод кусал лошадь так, что она ревно шла до самого конца борозды. «Сейчас, — вывел мораль истории Линкольн, — президентство для мистера Чейза тот же кусачий овод,

и я не буду его отгонять, потому что он помогает ему пахать в своём департаменте».

Линкольн не предполагал, что сторонники Чейза в рьяном стремлении продвинуть его на высший пост в государстве перейдут в решительное наступление заблаговременно, а точнее, преждевременно. Уже в конце 1863 года густобородый сенатор Сэмюэл Помрой из Канзаса возглавил Комитет по продвижению Чейза в президенты. В январе комитет начал публикацию хвалебных биографических очерков о своём кандидате, а в феврале 1864-го Помрой разослал сотне самых влиятельных республиканцев «строго конфиденциальный» политический циркуляр, «случайно» просочившийся в печать. Среди адресатов были и сторонники Линкольна, которых возмутило открытое нападение на президента со стороны его сотрудника и подчинённого (в том, что за спиной Помроя стоял сам Чейз, никто не сомневался^{675}). Циркуляр объявлял, что перевыборы Линкольна «практически невозможны из-за союза противостоящих ему сил и движений»; что в случае его повторного президентства политика компромиссов и уступок, характерная для его администрации, затянет войну на всё его последующее правление — до того момента, когда тяжесть государственного долга станет нестерпимой; что принцип «один человек — один срок» должен строго соблюдаться, дабы не плодить коррупцию; что (самое главное!) среди кандидатов лучшими качествами будущего президента обладает Салмон П. Чейз, чей послужной список демонстрирует «редкие способности государственного человека», «управленца высшего класса», а личные качества гарантируют экономное и «прозрачное» управление общественными делами. Что, наконец, дискуссия о будущем президентстве, поднятая сторонниками Линкольна, «раскрыла популярность и силу мистера Чейза, удивившую даже его сторонников».

Вывод циркуляра был однозначен: у Чейза повсюду друзья, так давайте объединимся и приведём его в президенты^{676}.

Мудрый Гидеон Уэллс прокомментировал в дневнике этот документ: «Отдача от этого выстрела будет опаснее, чем выпущенный снаряд». Противников Чейза оказалось намного больше, чем сторонников, — это показала немедленно последовавшая атака со стороны консервативного семейства Блэр. Фрэнсис, младший брат генерального почтмейстера, побывавший конгрессменом, потом генералом под Висксбергом и Чаттанугой и снова, по личной просьбе Линкольна, вернувшийся в политику, взорвался в Конгрессе резкой обвинительной речью. Он говорил о политическом фаворитизме в Министерстве финансов, о коррупции, позволяющей наживаться на хлопке, доставляемом из оккупированных районов Юга, о контроле агентов из ведомства Чейза над экономикой плодородной долины Миссисипи до самого Нового Орлеана. «Эти коррупционеры, — восклицал Блэр, — и распространяют «строго конфиденциальный циркуляр», создают предвыборные «клубы Чейза»! Следовательно, дело нечисто, и надо заняться его расследованием».

В Конгрессе развернулась схватка радикальных сторонников Чейза и консервативных сторонников Блэров, но контрудар был нанесён со всей мощью. Чейз осознал, что подставил себя в качестве виновника раскола сразу в двух ветвях власти, проявил себя нелояльным к тому правительству, в которое входил сам. А самое главное, «циркуляр Помроя» сплотил не столько сторонников Чейза, сколько сторонников Линкольна.

Быстро просчитав ситуацию, Чейз обратился к президенту с покаянным письмом, в котором полностью отрекся от инициатив Помроя и для подкрепления своей приверженности делу Союза даже попросился в

отставку: «Если, по Вашему мнению, хоть что-то в моих действиях или в моей позиции нарушает вверенные мне общественные интересы, прошу сказать об этом. Без Вашего полного доверия я не могу управлять Министерством финансов ни одного дня».

Линкольн отставку не принял, показав тем самым полное доверие к Чейзу как к министру финансов (и, добавим в скобках, считая, что в составе правительства Чейз менее опасен и более контролируем, чем вне его). При этом в ответном письме он тонко намекнул, что сильно сомневается в неосведомлённости Чейза о действиях его друзей, поскольку сам благодаря своим друзьям уже давно знал про циркуляр и прочие попытки пододвинуть Чейза к номинации в президенты. Впрочем, он дал понять, что не имеет отношения к инициативам Блэров в той же степени, в какой Чейз к инициативам Помроя:

«...Полностью согласен с Вами: никто из нас не вправе отвечать за то, что предпринимают наши уважаемые друзья без нашего ведома и одобрения; уверяю Вас, как и Вы уверяли меня, что никаких нападков на Вас ни по моей инициативе, ни с моего одобрения не совершалось»^{677}.

Критика Чейза в Конгрессе продолжалась.

Министр финансов понял, что снова, как и в конце 1862 года, Линкольн его переиграл, и публично заявил, что не хотел бы, чтобы его имя рассматривалось далее в качестве кандидата на президентское кресло. Уже в начала марта партийный организатор из Огайо, штата Чейза, писал Помрою, что тамошние республиканцы действуют в гармонии с политическим течением всей страны и совершенно очевидно, что на партийном съезде кандидатом в президенты выдвинут Линкольна.

Так и вышло. «Не взошёл пудинг Чейза на помроевских дрожжах!»^{678} — заметил один из корреспондентов президента.

Не вышло с Чейзом — попробуем с другим популярным кандидатом, решили сторонники радикальных мер. В феврале-марте 1864 года на политические подмости снова поднялся Джон Фримонт, затаивший обиду на «недооценившего» его президента. Позже был даже созван съезд радикальных республиканцев, готовых объединиться с частью демократов для создания «третьей партии» — «радикально-демократической». Съезд этот выдвинул Фримонта кандидатом в президенты, но, судя по составу делегатов, событие было фарсом: влиятельных политиков среди них не было. Когда Линкольн узнал, что выдвигать Фримонта вместо заявленных нескольких тысяч собрались менее четырёхсот человек, он тут же взял Библию и процитировал из Книги Царств: «И собрались к нему все притеснённые и все должники и все огорчённые душою, и сделался он начальником над ними, и было их около четырёхсот человек» (1 Цар. 22:2). Фримонт притянул к себе радикалов и некоторых аболиционистов (в том числе Фредерика Дугласа), но раскол партии никак не грозил.

Серьёзнее обстояло дело с героем войны генералом Грантом. Имя его на слуху, рассуждали авторы идеи о номинации Гранта, оно ассоциируется с успехами и дарит надежду на долгожданное окончание войны. Свои виды на Гранта имели и демократы, отложившие съезд до конца лета, чтобы точнее сориентироваться в обстановке^{679}.

Когда Линкольна спросили, не боится ли он, что Грант летом возьмёт Ричмонд, приблизит мир и вследствие этого станет его опасным конкурентом, кандидатом в президенты от демократов, тот ответил: «Мои чувства похожи на чувства одного человека,

сказавшего как-то, что, в общем, он не хочет умирать, но если уж выбирать, от какой болезни, то именно от этой»^{680}.

Вот только сам Грант в то время совершенно не намеревался менять военную карьеру на политическую. Линкольн вздохнул с облегчением, когда узнал наверняка, что его лучший командующий не имеет особого интереса к политике. Генерал написал в нескольких частных письмах друзьям, что президентство — последнее, чего бы он хотел, потому что считает, что это не пойдёт на пользу ни ему, ни стране. «Я не политик, никогда им не был и, надеюсь, не буду, — заявлял генерал. — Никто не убедит меня даже задуматься о выдвижении своей кандидатуры в президенты, по крайней мере, до тех пор, пока будет сохраняться возможность перевыбрать мистера Линкольна»^{681}. Грант не возражал, чтобы его высказывания стали известны президенту. Он хотел оставаться на военном посту, делать то, что умеет лучше всего, и довести войну до победного конца. Линкольн поддержал такое желание и выступил инициатором присвоения полководцу самого высокого для Америки тех лет звания генерал-лейтенанта (раньше его получали только Джордж Вашингтон в годы Войны за независимость и Уинфрид Скотт в признание заслуг в войнах 1812 года и с Мексикой). Сенат звание утвердил, и Грант был вызван в столицу для официального назначения на пост главнокомандующего.

Во вторник 8 марта 1864 года никто в отеле Уилларда в Вашингтоне не обратил внимания на идущего по лобби коренастого, помятого после дальней дороги генерала в парусиновом пыльнике. Никаких адъютантов за спиной — только подросток волочил большой тяжёлый саквояж. Портье выписал путешественнику самый маленький и неудобный номер, но, когда прочитал запись в гостевой книге: «У. С. Грант

с сыном. Галена, Иллинойс», — сам потащил генеральский багаж в лучшие апартаменты. В столицу прибыл самый знаменитый генерал Союза, что предвещало неминуемые перемены на фронте, а в итоге — приближение конца войны. Вести о прибытии Гранта Безоговорочная Капитуляция обогнали генерала, хотя ему предстояло пройти всего два квартала между отелом и Белым домом. Президент Линкольн встретил гостя крепким рукопожатием: «Вот и генерал Грант! Очень рад вас видеть!» И даже первая леди, не увидев в неприятязательном генерале соперника мужу, была весьма радушна. Линкольн провёл Гранта в Восточный зал, где собравшаяся на приём публика разразилась овацией. Чтобы невысокого Гранта было лучше видно, его уговорили встать на диван у стены. Грант невозмутимо забрался туда и в течение часа пожимал руки президентским гостям^{682}.

Джон Николаи свидетельствовал, что и на торжественных приёмах Линкольн не только демонстрировал себя публике, но и работал. Переждав бурю восхищения, президент увёл Гранта из шумного Восточного зала в Синюю комнату и там, уже в присутствии военного министра Стэнтона, перешёл к текущим делам: «Завтра, в час, который вы согласуете с военным министром, я намереваюсь официально представить вас Кабинету в качестве генерал-лейтенанта. После этого я произнесу небольшую речь в вашу честь, и мне бы хотелось услышать от вас небольшой ответ. Чтобы вы как следует подготовились, я напишу вам содержание своей речи. Это всего четыре предложения, и я прочитаю их с бумажки, чтобы и вы могли сделать то же самое: всё-таки вы не настолько поднаторели в произнесении речей, как я. В своём ответе вы сможете учесть то, о чём я говорил, но есть два пункта, которые я бы хотел, чтобы вы в своём выступлении отметили обязательно. Во-первых, скажите

что-то, что предотвратит или устранил всякую зависть к вам остальных генералов. Во-вторых, скажите что-то, что вызовет симпатии к вам со стороны армии «Потомак»... Подробности вы сможете позже оговорить с военным министром». В ответ Грант только деловито, по-военному, спросил, на который час будет назначена презентация (сошлись на часе дня){683}.

Новый главнокомандующий на торжественном представлении его Кабинету стоически выдержал непростую для него процедуру зачитывания ответной речи.{684}. Потом наступило время тщательного военного планирования. Линкольн чётко разграничил полномочия: «Детали вашего плана меня не интересуют, я их не знаю и не пытаюсь узнать. Вы прозорливы и уверены в себе, и, зная это, я не собираюсь так или иначе ограничивать ваши действия. Чтобы помочь вам, я буду делать всё, что в моей власти, не стесняйтесь обращаться ко мне с просьбами»{685}. Гранту запомнилась фраза, которой Линкольн приправил свои серьёзные рассуждения: «Как говорили у нас на Западе: «Не умеешь снимать шкуру — хотя бы держи за ногу»{686}. Линкольн сказал, что Грант его первый «настоящий генерал»: «Знаете, как было до этого со всеми остальными? Они хотели, чтобы я был генералом за них. Я рад, что нашёл человека, который готов наступать без меня»{687}.

Сближало президента и главнокомандующего общее понимание стратегии ведения войны. Грант думал так же, как и Линкольн: «Раньше армии Союза на разных театрах военных действий поступали несогласованно и своевольно, будто норовистые кони в упряжке, никогда не тянувшие дружно». Теперь пять отдельных армий должны были нанести пять ударов одновременно, ибо когда Конфедерация запылывает сразу со всех концов, у Джефферсона Дэвиса не будет возможности перебрасывать резервы со спокойного участка на

угрожаемый. Кроме того, Грант определял главную задачу наступления так же, как и Линкольн: целью должны быть не географические пункты, а армии южан. Не на Ричмонд, а на генерала Ли должна двигаться армия «Потомак», ибо разгром защитников столицы Конфедерации сделает её падение неотвратимым. Не захватывать территорию Джорджии, а атаковать и громить генерала Джонстона должна была армия, оставленная Грантом на попечение его друга и соратника Шермана. Эти два главных удара должны были решить судьбу войны, а три вспомогательных — сковать силы мятежников. Следуя совету Линкольна, Грант всячески подчёркивал, что грядущие победы на востоке будут одержаны умением и доблестью солдат, офицеров и генералов армии «Потомак». На первом же смотре он начал завоёвывать симпатии войск, ревниво относившихся к «пришельцам с запада». «Вид генерала меня разочаровал, но взгляд очень понравился», — записал в дневнике один из участников смотра, лейтенант Элайша Хант Роудз^{688}.

Дороги просохли к концу апреля, и в начале мая началось общее наступление. Армия «Потомак» снова вошла в заросли Глуши — сплошные леса, покрывавшие площадь почти в 200 квадратных километров. В окрестностях Чанселорсвилла дожди и талые снега вымыли из земли неглубоко зарытые кости погибших в сражении год назад. Чуть южнее армия Гранта столкнулась с идущей на перехват армией Ли.

Начались трёхдневные бои в густых зарослях. К артиллерийскому и ружейному огню добавился огонь лесных пожаров. В нём гибли беспомощные раненые, а уцелевшие задохнулись от едкого дыма.

В Вашингтоне Линкольн изнывал в ожидании известий. Президент знал, что для обеспечения секретности Грант удалил из армии всех военных корреспондентов; он говорил, что генерал «заполз в

Глушь, как в нору, и затащил за собой лестницу», так что пока он не выползет, никто не узнает результата^{689}. Днём Авраам нетерпеливо мерил шагами кабинет или телеграфный офис Военного министерства, ночью бродил по коридорам Белого дома, и секретари слышали из своих спален, как мерно стучат его шлёпанцы. Несколько свидетелей отметили, какими тёмными стали круги под глазами президента. Потом начали приходить известия.

Грант не смог разбить Ли, но и Ли не смог одолеть Гранта. Позиции обросли окопами, и последующие атаки любой стороны могли привести только к огромным жертвам. В Вашингтоне взволнованно обсуждали письмо Гранта с требованием подготовить ещё восемь тысяч мест для раненых. И всё-таки Грант написал президенту: «Обратной дороги нет», — а через два дня добавил: «Я доведу схватку до конца, даже если на это потребуются всё лето»^{690}. Эти слова обошли все газеты.

Решимость Гранта объяснил историк Брюс Каттон: «Битва в Глуши не была поражением просто потому, что Грант отказался признать её поражением... Происходило нечто ужасное и безжалостное, и старые слова, такие, как «победа» или «поражение», утратили своё значение. Неуклюжий невысокий человек с рыжей щетинистой бородой намеревался продолжить движение вперёд, и теперь вся война была одной непрерывной битвой. Если не удавался один удар, то немедленно следовал другой»^{691}.

Линкольн ждал такого поведения, даже надеялся на него: «Как близко мы подошли к поражению! Я уверен, что любой другой генерал, окажись он во главе армии, уже давно бы отвёл её на безопасную сторону реки Рапидан. Большие достоинства Гранта — его абсолютное хладнокровие и настойчивость в достижении цели. У него бульдожья хватка: если вцепится — его уже никогда не стряхнуть!»^{692}

Так же думали и солдаты его армии, пережившей битву в Глуши. «Если бы на месте Гранта был любой другой генерал, — записал в дневнике Элайша Хант Роудз, — я бы готовился к отступлению. Но Грант — солдат, слепленный из другого теста, и мы чувствуем, что можем ему доверять»^{693}.

Грант заметил, что окопавшиеся конфедераты хорошо защищены, но потеряли подвижность. Армия «Потомак» воспользовалась этим, описала дугу и снова устремилась на юг. Ли снова успел перегородить дорогу и окопаться. Опять потянулись дни непрерывных атак, доходящих до ожесточённых рукопашных схваток — то в полумночной темноте, то в утреннем тумане, под струями ливня, в непролазной грязи. В местах самых ожесточённых боёв пули срезали с деревьев всю листву и даже мелкие ветки. Снова «ничья», и снова армия Гранта описывает дугу, обходя застывший правый фланг Ли и устремляясь на юг. И снова... И снова...

Санитар из Вашингтона Уолт Уитмен очень переживал за брата, участвовавшего во всех этих боях, и писал родителям: «Я верю в конечный успех Гранта, верю, что мы будем в Ричмонде... Но какой ценой! Число прибывающих раненых, жестокость их ранений превосходят всё, что мы видели раньше»^{694}. С паровозов сгружали и сгружали раненых на бесконечную ленту повозок. Грант шёл вперёд и выбивал живую силу Ли. Он ежедневно терял в среднем по две тысячи человек убитыми и ранеными, расплачиваясь по страшному «счёту мясника» в жестокой пропорции пять к трём.

Однако в результате к началу лета армия Гранта стояла всего в девяти милях от Ричмонда, касаясь левым флангом тех же позиций, на которых два года назад стояла армия Макклеллана. В Джорджии Шерман ловкими манёврами неумолимо отжимал Джонстона к Атланте.

Всё это было ещё не успехом, но обещанием успеха — и в очень подходящее время: в Вашингтон, а потом в Балтимор стали съезжаться делегаты Республиканского съезда, назначенного на 7 июня. Для обеспечения единства избирателей и привлечения «военных демократов» Республиканская партия была временно переименована в «Партию общенационального союза».

Дэвид Дэвис, режиссёр победы 1860 года, был настолько уверен в исходе голосования, что решил не приезжать, объяснив Линкольну: «Я посчитал голоса штатов, уполномоченных голосовать за Вас, — похоже, Вас номинируют с всеобщего одобрения. Если же будет хотя бы видимость оппозиции — я приеду, однако и тогда борьба будет даже неинтересной». О том же заявлял и официальный Комитет по выдвижению кандидата в президенты: похоже, вся работа конвенции сведётся к оформлению «воли народа»^{695}.

Так и вышло. Чтобы продемонстрировать единство страны, решили голосовать по штатам. Первым имя Линкольна произнёс представитель Иллинойса, и зал взорвался аплодисментами. Только когда дело дошло до Миссури, представитель делегации, составленной из республиканцев-радикалов, выступил с явно извинительным тоном: мол, делегация поддержит любого избранного депутата, но уполномочена в первом туре голосования отдать 22 голоса за генерала Гранта. Стон разочарования (как жаль, что не единогласно!) пронёсся над залом, но ненадолго: не успел секретарь объявить, что Линкольн побеждает подавляющим большинством голосов (за него было подано 494 голоса, остальные 22 — за Гранта), руководитель оппозиционной делегации попросил отдать все голоса Линкольну. Теперь можно было объявлять, что кандидат в президенты от Республиканской партии избран единогласно^{696}. А вот Ганнибал Гэмлин уступил номинацию кандидата в вице-президенты «военному

демократу» из Теннесси Эндрю Джонсону, на посту военного губернатора многое сделавшему для сохранения штата в составе Союза. Джонсон ненавидел рабовладельческую аристократию и был сторонником развития Юга по фермерскому пути, ненавидел рабство как институт, хотя и не симпатизировал неграм. Так был соблюден баланс партийных и региональных интересов.

Осталось только принять программу. И здесь Линкольн настоял на одном принципиальном пункте: на съезде в программу партии должен быть включён пункт о поддержке конституционной поправки, отменяющей рабовладение. В Чикаго в 1860 году это было бы немыслимо. Теперь, в 1864-м в Балтиморе, продолжительные рукоплескания делегатов сопровождали чтение третьего пункта партийной программы: «Постановили: поскольку рабовладение было причиной мятежа и до сих пор составляет основу его силы, поскольку оно всегда враждебно принципам республиканского правления, справедливости и национальной безопасности, требовать его полного и окончательного уничтожения на территории республики»^{697}.

Четырьмя годами ранее Авраам и Мэри принимали официальную делегацию съезда в тесных комнатах дома в Спрингфилде. Теперь в их распоряжении был Восточный зал Белого дома. Там же был устроен приём для депутатов нового политического образования, призванного объединить республиканцев и «военных демократов», — Лиги общенационального союза. После этой встречи получил широкое распространение главный лозунг избирательной кампании Линкольна. 10 июня газеты разнесли по всей стране:

«Я, джентльмены, никогда не позволял себе считать себя лучше всех в стране. Но мне приходит на ум один старый фермер-голландец,

который как-то сказал приятелю: «*Коней на переправе не меняют*»^{698}.

А 9-го вечером делегация из Огайо, поддержанная духовым оркестром, явилась под окна Белого дома для очередной «серенады». Линкольн не мог не повторить слова благодарности, но обратил внимание собравшихся (в том числе непременных газетчиков) на самую насущную проблему: «Больше, чем итоги номинации, больше, чем итоги президентских выборов, нас должны волновать успехи генерала Гранта (крики «Верно!» и аплодисменты). Я бы хотел, чтобы вы всё время помнили, что важнее всего сейчас ваша поддержка солдат и офицеров действующей армии. На это нам нужно направить всю свою энергию. Не смею вас больше задерживать и прошу в завершение моего выступления поддержать солдат и офицеров армии генерала Гранта троекратным «ура!»^{699}.

И трижды грянуло «ура!», и газеты разнесли его по всей стране в дни, когда Гранту больше всего нужна была поддержка президента и общества. В самый канун съезда в Балтиморе, в страшном сражении при Колд-Харборе, почти на том же месте, где два года назад начались бои Семидневной битвы за Ричмонд, генерал двинул свои войска в лобовую атаку на полевые укрепления южан. Получилось хуже, чем при Фредериксберге: всего за полчаса под ружейным и артиллерийским огнём были безрезультатно потеряны несколько тысяч человек убитыми и ранеными.

Позже в своих мемуарах Грант сознался, что Колд-Харбор был его ошибкой: «Я всегда жалел, что последняя атака при Колд-Харборе вообще была предпринята... При Колд-Харборе не удалось добиться никаких преимуществ, чтобы компенсировать наши тяжёлые потери».

И всё-таки даже в таком непростом положении был отдан приказ наступать! Снова в обход закопавшейся в землю армии Ли, снова на юг, к Питерсбергу. Там сходились железные дороги, связывавшие Ричмонд с остальным Югом. Перерезать их означало оставить столицу Конфедерации без резервов, продовольствия и снаряжения. Манёвр Гранта стал для Ли неожиданностью: дальнейшее движение северян на юг слишком напоминало отступательный манёвр Макклеллана в давишной Семидневной битве. Тогда командующий северянами шёл к широкой реке Джеймс, к стоящему на ней флоту, к безопасности и потом к эвакуации морем. Но Грант не остановил армию «Потомак» у реки. Через неё инженеры уложили прочный и длинный (более полукилометра) понтонный мост, по которому поползли длинные армейские колонны, чтобы после переправы двинуться по новой дуге, на юго-запад — запад. Так же неожиданно для противника, как год назад под Вилксбергом, войска Гранта появились перед укреплениями Питерсберга. В какой-то момент город мог быть взят одной решительной атакой передовых частей. Но их командиры переосторожничали (кровавый призрак Колд-Харбора?), и Ли успел перебросить резервы, опять сведя на нет выигранное было Грантом время.

Позиции стали обрастать укреплениями и окопами на десятки миль в ширину и глубину. Лобовая атака стала бы повторением мясорубки Колд-Харбора, и Грант приступил к обстоятельной осаде. Кончался июнь, и никто не мог сказать, сколько эта осада продлится. Всё лето? До выборов? До Рождества?

Не было решительного перелома и на западе: Шерман медленно двигался к Атланте, но не мог разбить противостоящую ему армию осторожного Джонстона. А вспомогательный удар в плодородной долине Шенандоа вообще вылился в военную тревогу,

достигшую Вашингтона и приведшую под неприятельские выстрелы самого Линкольна. В начале июля пятнадцатитысячный корпус конфедератов под командованием Джубала Эрли смял северян в долине и знакомым путём, под прикрытием Голубого хребта, двинулся в обход Вашингтона с запада, а потом вдруг повернул на восток и устремился прямо на столицу.

Грант был далеко, но отправил морем на помощь лучшие части. Началась гонка — кто успеет к столице раньше. Конечно, это уже не был беззащитный город весны 1861 года. Теперь Вашингтон был самым укреплённым городом Соединённых Штатов, подступы к которому в несколько рядов прикрывали форты с тяжёлой артиллерией. Эрли не надеялся захватить столицу, но не попробовать не мог. Каждый, даже временный, успех конфедератов носил политический характер, ибо добавлял очков сторонникам немедленного мира.

В один и тот же день, 11 июля, передовые части южан предприняли обстрел форта Стивенс, находящегося в пяти милях от Белого дома, а резервы от Гранта начали прибывать в столицу. Линкольн не мог не отправиться в форт Стивенс, а оказавшись там, не подняться на парапет, чтобы посмотреть на перестрелку с неприятелем. Это была не бравада, а стремление предотвратить панику в городе: если президент на передовой, значит, ничего опасного. Но опасность была — лично для Линкольна. Стрелки противника в момент его прибытия находились всего в 150 ярдах от стен, а длинная фигура в гражданском плаще и цилиндре была довольно заметной мишенью. Линкольна дважды просили уйти — он отказывался, высматривая что-то в подзорную трубу. Но вскоре стоявший рядом офицер вскрикнул от боли — пуля попала ему в ногу; тогда какой-то пехотный капитан, потеряв выдержку, крикнул президенту: «Пригнись, дурень! Ведь башку снесут!»

Только тогда Верховный главнокомандующий проследовал обратно к экипажу, к изволновавшейся Мэри, и отправился в порт, чтобы приветствовать выгружающиеся подкрепления. Но на следующий день Линкольн снова отправился к форту — и снова его пришлось уговаривать выйти из-под обстрела^{700}. А потом корпус Эрли ушёл, чтобы не попасть в окружение. Главная цель набега, не столько военная, сколько политическая, была достигнута: отсутствие очевидных побед и растущие потери, давшие повод прозвать Гранта «мясником», играли на руку противникам Линкольна по избирательной кампании.

Впечатлительный Хорас Грили был настолько измучен затянувшейся войной, что по собственной инициативе выступил посредником в организации мирных переговоров с Конфедерацией. В начале июля он переслал президенту письмо, извещавшее о прибытии в Канаду двух эмиссаров Джефферсона Дэвиса, готовых вести переговоры о прекращении войны («наша истекающая кровью, разорванная, умирающая страна жаждет мира!»). Линкольн не хотел инициировать переговоры по той причине, что это означало бы признание мятежников воюющей стороной со всеми юридическими правами. Но общая усталость от войны была такова, что прямой отказ от ведения переговоров сильно подорвал бы авторитет президента: в такой тяжёлый момент он не хочет остановить братоубийство! Влиятельная газета Грили не преминула бы разнести такую новость по всей стране. Весьма вероятно, что вся комбинация Юга с появлением переговорщиков на это и была рассчитана — лишний груз на чашу весов противников Линкольна в канун выборов^{701}.

Но президент нашёл выход: поручил самому Грили стать переговорщиком от Севера и в письме с этим предложением объявил, что хочет мира, но на ясных условиях:

«Если Вам удастся найти где угодно и кого угодно, имеющего письменные предложения Джефферсона Дэвиса о заключении мира на условиях воссоздания Союза и отмены рабовладения, передайте ему, что он (или они) могут вместе с Вами приехать ко мне и, по крайней мере, получить письменные гарантии безопасности и, если нужно, неразглашения».

Грилли замялся, понимая, что если переговорщики — самозванцы, никого не представляют или не имеют полномочий, то в лужу сядет он. А Линкольн усилил нажим в следующем послании, удивляясь, почему Грилли не везёт эмиссаров, прибытие которых обещал почти неделю назад:

«Я собираюсь не только продемонстрировать своё стремление заключить мир, но и сделать Вас личным свидетелем этого».

Грилли попытался отписаться, но Линкольн настаивал:

«Не писем жду я от Вас, а человека или людей, которых Вы мне привезёте»^{702}.

В Нью-Йорк был отправлен Джон Хэй; он явился на встречу с Грилли сразу с поезда, рано утром, с необходимыми пропусками и письмом президента. Грилли пришлось ехать на границу с Канадой, к Ниагарскому водопаду. Хэй вооружил его серьёзной бумагой на официальном бланке, подписанной Линкольном:

«Тому, кого это касается. Любые предложения, включающие восстановление мира, воссоздание целостного Союза и отмену рабовладения, исходящие от авторитетного

лица, контролирующего армии, воюющие сейчас против Соединённых Штатов, будут рассмотрены Правительством Соединённых Штатов... а лица или лица, их доставившие, получат право беспрепятственного проезда в обе стороны»[{703}](#).

И только в Ниагаре дипломат-любитель Грили с ужасом осознал, что навыдумывал официальную мирную делегацию с Юга. На встрече с теми, кого он выставил Линкольну в качестве уполномоченных переговорщиков, выяснилось, что они не имеют никаких полномочий из Ричмонда; реальной же их задачей были финансирование оппозиции и проведение спецопераций на территории США[{704}](#). Сконфуженный Грили на ближайшем поезде помчался обратно в Нью-Йорк[{705}](#).

В завершение истории Линкольн решил предать огласке результат визита в Ричмонд неофициальной миссии жаждущих мира северян. Джефферсон Дэвис дал на их предложения ясный ответ: «Война должна продолжаться до тех пор, пока не падёт в бою последний из наших рядов или пока вы не признаете наше право на самоуправление. Мы не сражаемся за рабовладение. Мы сражаемся за Независимость — и мы получим её или погибнем»[{706}](#). Стало понятно, что при невозможности договориться в главном желание мира не значит ничего.

Но пока военное решение вопроса не сдвигалось с места, а страсти внутри страны накалялись. Инфляция летом 1864 года достигла рекордной отметки: в июне после Колд-Харбора золотой доллар стоил почти три «гринбакса»[{707}](#). Чейз, хотя и снялся с президентской гонки, продолжал критиковать президента в кругу радикальных республиканцев и при этом всё более болезненно относился к его попыткам вмешиваться в

дела финансового департамента. Когда Линкольн, следуя своим политическим расчётам, не утвердил одно из важных назначений Чейза, это стало основанием для очередного, четвёртого прошения Чейза об отставке. В предыдущих случаях Линкольн отставку не утверждал и отношения президента и министра на какое-то время нормализовывались. В этот раз ответ на прошение Чейза стал для него потрясением:

«Ваша отставка принята. Не возьму назад ни слова из сказанного мной о Вашей честности и профессионализме, но Вы и я достигли во взаимоотношениях таких трудностей, что ни преодолеть, ни выдержать их при сохранении Вас на должности, похоже, не получится»^{708}.

Друзья Чейза из Конгресса, особенно председатель сенатского комитета по финансовым вопросам Уильям Фессенден, подняли недовольный шум, но Линкольн унял его, назначив новым министром финансов... самого Фессендена. Так он сохранял в Кабинете баланс либералов и консерваторов, получал компетентного советника, приглушал недовольство Чейза и усиливал позиции своих сторонников в Конгрессе в момент развернувшейся баталии вокруг будущей реконструкции.

Именно в середине лета 1864 года начался один из первых раундов длительного соперничества двух планов восстановления страны: «мягкого» президентского, намеченного в выступлении перед Конгрессом в декабре 1863 года, и «жёсткого», за который стояли радикальные конгрессмены-республиканцы. Его бросились проводить в жизнь конгрессмен из Мэриленда Генри Дэвис (давний политический соперник клана Блэров) и последовательный критик Линкольна «слева», радикальный сенатор из Огайо Бенджамин Уэйд. Их

предложения по воссоединению Юга и Севера были куда более безжалостными по отношению к соотечественникам. Они хотели «наказания» Юга, Линкольн — его скорейшего возвращения, восстановления сотрудничества умеренных сил с обеих сторон. Линкольн уже начал проводить в жизнь свой «десятипроцентный план» в штатах, полностью взятых под контроль федеральными войсками, а билль Уэйда — Дэвиса приостанавливал реконструкцию даже там до прекращения сопротивления Конфедерации. Радикалы к тому же требовали принесения «железной» (безоговорочной) присяги на верность Соединённым Штатам большинством (а не десятью процентами, как у Линкольна) белого населения, и присягу эту должен был принимать назначенный президентом и утверждённый сенатом представитель правительства США. Линкольн требовал только обещания с момента клятвы «честно поддерживать, сохранять и защищать Конституцию Соединённых Штатов и, в силу этого, Союз штатов»; Уэйд и Дэвис настаивали на клятве присягающих, что они не поднимали оружия против Союза, что сразу ограничивало число избирателей и кандидатов на правительственные должности. Линкольн считал, что в Союз штаты возвращаются на условии отказа от рабовладения, Уэйд и Дэвис требовали приёма их заново, с новой Конституцией. Кроме того, Уэйд и Дэвис хотели отменить рабовладение решением федеральной власти, что не предусматривалось Конституцией.

В знаменательный день 4 июля, последний день сессии Конгресса, когда по-праздничному звонили колокола, гроыхали пушки и звучали характерные «уиз-уиз снап-снап» фейерверков, президента завалили законопроектами, поданными на подпись в последний момент. В отведённую для этой торжественной процедуры комнату в Капитолии то и дело заглядывали любопытные конгрессмены: как продвигаются их дела?

К ужасу радикалов, дойдя до билля Уэйда — Дэвиса, президент отложил его в сторону...

Решительный сенатор Чандлер, «которого не смущало присутствие никого из смертных», оторвал Линкольна от работы вопросом: собирается ли он подписывать билль?

— Его положили передо мной за несколько мгновений до закрытия Конгресса, — последовал ответ. — А вопрос настолько важный, что походя его не решишь.

— Но если вы наложите вето, это нанесёт по нам удар на всём Северо-Востоке! — воскликнул Чандлер. — Здесь же запрещается рабовладение в реконструируемых штатах!

— Вот меня и смущает право Конгресса делать это таким путём.

— Не в большей степени, чем ваше право.

— Как я понимаю, моё право основано на вызванных военной необходимостью мерах, которые Конгресс не может осуществлять на основании Конституции.

Раздосадованный Чандлер почти выбежал из комнаты... А Линкольн обратился к присутствовавшему при разговоре Хэю, словно продолжая рассуждения на поднятую Чандлером тему. Принимать штаты заново — значит признать их право на отделение. Но это самоубийственно и для президента, и для Конгресса. Лучше вообще не поднимать «метафизического» вопроса, были или не были штаты в составе Союза во время войны, — это только приведёт к ненужным ссорам. Что же касается отмены рабства, то это можно сделать только через принятие поправки к Конституции, а провести её через Конгресс пока не удаётся^{709}.

Линкольн поднялся из-за стола и отправился домой. Сессия Конгресса завершилась. Билль остался неподписанным и при этом не был немедленно заблокирован президентским решением. Он был

«отложен в долгий ящик» и по закону через десять дней автоматически становился отвергнутым. Два плана восстановления страны столкнулись так резко в первый и, увы, не в последний раз. Линкольн вскоре выступил с официальной прокламацией, где объяснял, что не готов к принятию единого жестокого плана реконструкции, но не может позволить отменить уже идущую по его декабрьскому плану реконструкцию в Луизиане и Арканзасе. Президент повторял, что надеется на законную отмену рабовладения через принятие поправки к Конституции, и при этом предлагал полное содействие тем южанам, кто захочет проводить реконструкцию по плану Уэйда — Дэвиса^{710}. Таковых не нашлось, но соавторы, сенатор и конгрессмен, разразились «Манифестом», в очередной раз обвиняющим Линкольна в узурпации власти и вмешательстве в дела законодателей.

Демократы радовались раздорам у конкурентов. На публику Линкольн приготовил очередную историю — «припомнил» одного знакомого, купившего своему сыну микроскоп, чтобы приобщать его к науке. Сын стал разглядывать всё, что попадётся под руку. Как-то за обедом, когда отец взял кусок сыра, сын воскликнул: «Папа, не ешь его! На нём полно *копошилок!*» — «Сынок, — отвечал джентльмен, закусывая изрядным куском сыра. — Пусть себе *копоятся*. Я выдержу; посмотрим, как они»^{711}. Но в близком кругу Линкольн сравнивал «Манифест» с болезненной раной, неожиданно полученной в доме друзей.

А военных успехов всё не было. 30 июля Грант попытался прорвать оборону южан у Питерсберга при помощи подземного взрыва, подготовленного солдатами — бывшими пенсильванскими шахтёрами. Рано утром раздался ужасный грохот, страшная сила взметнула в воздух брёвна и доски укреплений южан, пушки, людей... потом швырнула оземь, и на месте важного

участка обороны образовалась гигантская воронка девятиметровой глубины. Однако она стала основным препятствием и даже ловушкой для пошедших в атаку северян, и оправившиеся от потрясения конфедераты восстановили линию обороны. Очередная неудача федеральных войск с потерями восемь к трём.

Линкольн ободрял Гранта, желая ему и дальше держать армию Ли удушающей бульдожьей хваткой, чтобы дать возможность действовать Шерману на направлении второго главного удара^{712}. Но пока Шерман только кружил вокруг Атланты, выискивая возможность её взять. Из Вашингтона казалось, что и в Джорджии вскоре вырастут друг напротив друга две линии неприступных полевых укреплений и две бесконечные осады продлятся до самых выборов. Преданный товарищ Линкольна Дэвид Дэвис, не выдержав напряжения, писал президенту, что «народ устал от войны», что если Север «не добьётся вскоре военных успехов, а демократы на своём съезде умно распорядятся ситуацией, то нам грозит опасность проиграть президентские выборы»^{713}. А демократы, как стало известно, извлекли из полузабвения и приготвили выдвигать в президенты героя войны, «обиженного» Линкольном генерала Джорджа Макклеллана. Формально выдвижение любимца армии «Потомак» должно было состояться 30 августа, но агитационная кампания уже шумела в городах многотысячными митингами.

В последнюю неделю августа 1864 года отчаяние и депрессия Авраама Линкольна достигли крайней точки. Ему казалось, что у него и правительства просто не осталось друзей. Он уже про себя проговаривал своё обращение к победившему на выборах Макклеллану: «Генерал! Выборы показали, что вы сильнее меня и имеете большее влияние на американский народ. Давайте же вместе, вы с вашим влиянием и я со всей

силой исполнительной власти, постараемся спасти страну. Вы соберёте столько войска, сколько вам нужно для финального усилия, а я приложу все свои силы для помощи вам в деле завершения войны»^{714}.

Двадцать третьего августа Линкольн взял лист бумаги и написал письмо на случай поражения в выборах:

«Весьма вероятно, что это правительство не будет перевыбрано. Если это случится, моей обязанностью станет тесно взаимодействовать с новым президентом для того, чтобы спасти Союз в период между выборами и инаугурацией».

Не показывая текст (чтобы избежать утечки информации), Линкольн попросил всех членов Кабинета расписаться на обороте^{715}.

Ещё более отчаянным стало письмо, написанное президентом на следующий день видному деятелю Республиканской партии, основателю газеты «Нью-Йорк тайме» Генри Раймонду. Именно Раймонд охотно передавал Линкольну новости о разочарованных сторонниках в разных штатах. Он же говорил, что, раз уж нельзя надеяться на скорый военный успех, нужно немедленно отправлять к Джефферсону Дэвису посланника, имеющего полномочия договариваться о мире без разговоров о рабовладении. Линкольн обратился к самому Раймонду с просьбой быть таким мирным посланником. Он просил вести переговоры о возможности прекращения огня в обмен только на возвращение Юга в Союз и признание им федерального правительства. Вопрос о рабах и рабовладении откладывался для решения «в мирных условиях». Если условие восстановления Союза не будет принято, Раймонд должен узнать и передать правительству требования мятежников.

Однако письмо отправлено не было. 25 августа Раймонд был вызван на заседание правительства, и там было решено, что факт отправки почти покаянного посольства в Ричмонд «будет хуже, чем само поражение в схватке за пост президента, ибо станет унижительной капитуляцией загодя»^{716}. Последний рубеж «обороны» был установлен: не уступать в главном, ради чего Линкольн снова идёт в президенты.

А вот демократам ради возможности выдвинуть именно знаменитого Макклеллана пришлось уступить самому генералу. Собравшись на съезд в Чикаго, демократы планировали включить в программу пункт о «скорейшем мире любой ценой», написанный вернувшимся в страну Валландигэмом. Но Макклеллан заявил, что с таким пунктом программы не сможет смотреть в глаза своим бывшим солдатам и офицерам. Сошлись на формулировке «Мир как можно скорее» на условиях восстановления Союза, «каким он был», с теми же штатами и с тем же рабовладением, как до войны.

Заведённая машина предвыборной пропаганды начала рассыпать по стране стандартный набор обвинений против действующего президента: диктатор, сторонник смешения рас (на карикатурах толстогубый негр смачно целовал юную белокожую девицу), бессердечный политикан, распевающий весёлые песенки и рассказывающий анекдоты среди павших на поле брани. «Выбери ЛИНКОЛЬНА и республиканцев, — кричали со стен агитационные плакаты, — и ты получишь равенство с неграми, рост долгов, тяжёлые времена, ещё один ПРИЗЫВ В АРМИЮ! всеобщую анархию и полную РАЗРУХУ. Выбери Макклеллана — и негр не будет тебе ровней, ты восстановишь процветание, вернёшь СОЮЗ! и почётный, постоянный и счастливый МИР!»^{717}.

Оставалось размышлять о неисповедимости путей Господних:

«Цели Всевышнего совершенны и будут достигнуты, хотя мы, грешные смертные, можем не понять их заранее. Как давно мы надеялись, что эта ужасная война благополучно закончится; но Богу виднее, и он распорядился по-другому. Нам остаётся только смириться перед его мудростью и, соответственно, своей недалёковидностью. Будем же пока старательно делать то, что, как мы понимаем, Он требует от нас, будем верить, что труд наш поспособствует тому великому финалу, который Он predeterminedил»^{718}.

...И вдруг — кончилось лето тревог. Кончилось, как и положено, в ночь на 1 сентября, когда гулкие взрывы воинских складов и железнодорожного депо Атланты возвестили, что армия южан оставляет сердце хлопкового Юга. 2 сентября войска Шермана вошли в Атланту и словно стёрли один из важнейших символов сопротивления Конфедерации. В Вашингтон ушёл короткий и весомый рапорт: «Итак, Атланта безусловно наша».

Север преобразился в один день. Духовые оркестры разучивали марш «Атланта безусловно наша», из окон вывешивали звёздно-полосатые флаги, на Шермана обрушился, по его собственному признанию, «ливень поздравительных телеграмм». В Вашингтоне, Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Питсбурге, Балтиморе, Сент-Луисе и Новом Орлеане загремели стоорудийные салюты, а под Питерсбергом практичный генерал Грант приказал «салютовать» боевыми снарядами по позициям конфедератов. Секретарь Николаи написал своей племяннице: «Уже шесть месяцев политическая ситуация не была столь обнадеживающей, как сейчас. Происходит буквально революция в умах. Три недели назад наши друзья повсюду были в унынии, доходящем

до отчаяния, до готовности отказаться от дальнейшей борьбы. А теперь все полны радости и надежд, усердно взялись за работу и уверены в конечном успехе»^{719}.

Со временем успехи умножились: в долине Шенандоа генерал Шеридан выиграл целую серию сражений у недавно стоявшего под Вашингтоном Джубала Эрли. Попытка Эрли «поквитаться» и неожиданной атакой опрокинуть войска Шеридана 19 октября завершилась тяжёлым поражением. Линкольн добродушно шутил: «Хорошо, что Шеридан такой маленький. Что бы он сотворил с мятежниками, если бы был повыше ростом!»

Президент, следуя традиции, не произносил официальные предвыборные речи, но его голос был слышен в газетных публикациях и в выступлениях его союзников, которых становилось всё больше. Как можно теперь, после таких звучных побед, подписывать перемирие и перечёркивать всё, ради чего погибло столько сторонников Союза? Как можно отказаться от политики, проводимой по отношению к рабам и вообще чернокожему населению, отказаться от десятков тысяч чернокожих солдат в синих мундирах, от десятков тысяч помощников на Юге, не надевших мундиры? Всё это будет означать предательство и гибель Союза, гибель той идеи, которую Линкольн ещё раз сформулировал в обращении к отслужившим положенный срок солдатам одного из полков:

«Так вышло, что я временно занял этот большой Белый дом. Я — живое доказательство того, что любой из ваших сыновей может оказаться здесь, как оказался сын моего отца. И это в порядке вещей: с помощью нашей системы правления каждый из вас может проявить свои способности, предприимчивость и ум; каждый имеет равные возможности в этой жизненной

гонке. За всё это, принадлежащее нам по праву рождения, мы и продолжим сражаться»[{720}](#).

На политической шахматной доске вовсю разворачивалась сложная игра с манёврами и многоходовыми комбинациями. Снова раздавались обещания должностей на всех уровнях, к которым добавились угрозы лишиться должностей уже полученных. Иногда сами «фигуры» предлагали принести себя в жертву ради успеха общего дела. Чтобы заручиться поддержкой радикальных республиканцев и не потерять голоса их сторонников, Линкольн решился на непростой обмен. Радикалы пообещали, что их ставленник Фримонт снимется с президентской гонки (а, значит, голоса его сторонников перейдут к Линкольну), если Линкольн удалит из Кабинета агрессивного по отношению к ним консерватора Блэра. Блэру ушло письмо президента:

«Вы не раз великодушно заявляли мне, что, когда мне для пользы дела понадобится Ваша отставка, Вы готовы её попросить. Такое время пришло. Вы хорошо знаете, что причина не кроется в моём недовольстве Вами — ни в личном, ни по службе».

Блэр ответил немедленно: «Я получил Вашу записку, связанную с моим предложением покинуть пост в случае, если этого потребуют общественные интересы, и указанием на то, что, по Вашему мнению, время для этого настало. В связи с этим я официально предлагаю свою отставку с поста генерального почтмейстера»[{721}](#).

Блэр ушёл без скандала, с незапятнанной репутацией, и весь его клан понимал, что этот поступок вызван желанием общей политической победы. В результате Фримонт снял свою кандидатуру, объяснив это желанием не столько помочь Линкольну, сколько

помешать Макклеллану, намеревавшемуся в случае победы сохранить рабовладение. Шаг этот вызвал цепную реакцию радикалов: те, кто недавно собирался созвать конвенцию по замене Линкольна иным претендентом, один за другим объявляли о поддержке «единого кандидата». Лозунг «Коней на переправе не меняют» объединил самых разных политиков. Даже сенатор Бенджамин Уэйд, один из авторов «положенного в карман» билля о реконструкции, сказал, что будет делать для Линкольна всё, что делал бы для «лучшего» избранника. Хорас Грили пообещал Николаи, что будет «как бешеный» сражаться за Линкольна, потому что ненавидит Макклеллана. Чейз отправился в турне по стране, выступая с речами в поддержку лучшего из республиканских кандидатов, и на этот раз он имел в виду не себя. Людей на его выступления набивалось столько, что, как написала одна газета, «ни одного дополнительного слушателя нельзя было втиснуть в зал даже гидравлическим прессом».

Усердствовали и демократы, упирая на усталость от войны и растравляя расистский зуд. На их плакатах мужественный Макклеллан мирил расшалившихся Линкольна и Джефа Дэвиса, раздирающих карту страны. В их журналах высмеивался грязный толстогубый вождь «Абрам Африканус Первый». На мотивы популярных песен распевались агитки о том, как «Честный Эйб, плодящий вдов, решил освободить рабов».

Выборы осени 1864 года стали своего рода референдумом американского народа по самым насущным вопросам: о войне и мире, о цене мира, о правах человека, а также о том, стоило ли избирать Линкольна в 1860 году и стоит ли его переизбирать в 1864-м.

Первыми ответили Индиана, Огайо и Пенсильвания. Там по традиции губернаторов и конгрессменов выбирали в октябре и результаты позволяли

спрогнозировать исход предстоящих президентских выборов. Республиканцы уверенно победили в первых двух «октябрьских» штатах, но наиболее показательными для прогнозов считались результаты Пенсильвании. Там победа также досталась республиканцам, но демократы показали, что очень влиятельны. Линкольн попытался составить свой прогноз на 8 ноября. На бланке телеграфной конторы он набросал колонки с цифрами. С учётом самых пессимистических вариантов («потеря» девяти штатов) он мог рассчитывать на 120 голосов выборщиков при 114 голосах за Макклеллана. Разрыв получался неубедительным...

День выборов выдался в Вашингтоне хмурым. Город заметно опустел: многие госслужащие, вплоть до членов Кабинета, разъехались на «ежечетырёхлетний хадж» — голосовать на своих участках. С утра Авраам испытал приступ сомнений: «Насколько я был уверен в исходе Балтиморского съезда, настолько не уверен сейчас в исходе выборов». В 1858 году в похожий пасмурный день он проиграл выборы Дугласу. Прибежал Тад и потащил отца к окну на южную лужайку: там голосовали расквартированные у Белого дома солдаты-пенсильванцы. Среди них важно расхаживал ручной индюк Тада (в канун предыдущего Рождества Тад добился от отца его официального, именем президента, помилования). «Что, он тоже голосует?» — «Нет, ему пока нельзя по возрасту!»^{722}

Началось томительное ожидание — новости должны были начать поступать только вечером. Около семи часов пошёл сильный дождь, и Линкольн с Хэем и Ноем Бруксом пошлёпал по лужам в телеграфный офис. У входа их приветствовал часовой, укрытый прорезиненным плащом, от которого шёл пар. Внутри уже стучали аппараты: в Филадельфии победа с перевесом в 10 тысяч голосов — настолько выше

ожиданий Линкольна, что он усомнился, не преувеличена ли цифра. Но потом пришли сведения из Балтимора: перевес в 15 тысяч в городе и пять тысяч во всём штате Мэриленд! Следом — Бостон, и опять большой перевес в голосах: на четыре тысячи. «Не на 40, не на 400?» — усомнился президент. Потом кто-то пошутил: «Уж не Всемогущий ли набивает урны для голосования?»

Пришёл начальник телеграфного офиса — весь в грязи, потому что споткнулся и упал по дороге. Линкольну вспомнилось: «Поскользнуться — не значит упасть».

А данные почти отовсюду превышали ожидания. «Октябрьские штаты» подтвердили репутацию барометров президентских выборов. «Как говорится, как голосует Пенсильвания, так голосует страна», — заметил Линкольн и попросил сообщить полученные результаты Мэри: «Она волнуется больше меня». Потом пришли вести, что Нью-Йорк, где в день выборов ожидалось сильные беспорядки и куда были направлены дополнительные воинские части, проголосовал без инцидентов — за Линкольна, а не за ожидаемого многими Мака, хотя и небольшим большинством^{723}. В общем, победа в двадцати двух штатах из двадцати пяти (за исключением родного для Мака Нью-Джерси и «пограничных» Делавэра и Кентукки).

Потом всё будет посчитано точно: Линкольн победил с заметным перевесом: «за» — 2 218 388 голосов, «против» — 1 812 807 при 4 031 887 голосовавших. В отличие от 1860 года за него проголосовало равное большинство, обеспечившее 212 выборщиков из 233.

Морально сокрушительными для Макклеллана оказались результаты голосования в действующей армии, на которую делали ставку его сторонники: 78 процентов голосов было отдано Линкольну, а в бывшей

«макклеллановской» армии «Потомак» — семь голосов из десяти. Солдаты в большинстве рассуждали просто: они уважают «маленького Мака» как генерала, но не собираются голосовать за программу, написанную для него демократами. И снова в ричмондской тюрьме для военнопленных, мрачной «Либби-призон», истощённые узники, знавшие, что правительство Союза уже пол года как приостановило обмен пленными, провели свои выборы и «избрали» Линкольна соотношением три голоса к одному. Конечно, в общий зачёт эти голоса не пошли, но, когда сведения о «тюремных выборах» стали известны президенту, он сказал, что во всей избирательной кампании это событие удовлетворило и вдохновило его больше всего^{724}. Неудивительно, что в ночь после выборов Макклеллан написал прошение о полной отставке и вскоре отплыл с женой в путешествие по Европе.

В два часа ночи Линкольн очень усталый, но очень довольный отправился домой. Дождь прошёл. Уже у дверей президента ожидала первая «серенада» с духовым оркестром. От краткой речи отказаться было невозможно: «Я благодарю Господа за сделанный людьми выбор, но, при всей благодарности за этот знак доверия ко мне, я не чувствую в душе даже признаков чувства превосходства. Для меня нет никакого удовольствия в ощущении триумфа над кем бы то ни было. Я просто благодарю Бога за эти доказательства того, что народ принял решение выбрать сторону свободного правительства и прав человека»^{725}.

Об остатке ночи рассказано в дневнике Хэя: «Уорд Хилл Ламон пришёл в мой кабинет и затеял разговор... Он выпил стакан виски, отказался от постели, которую я ему предложил, вышел в коридор и, завернувшись в свой плащ, улёгся у дверей президента; так он провёл ночь. Это было выражение трогательной и немой преданности. У него был небольшой арсенал пистолетов

и длинных охотничьих ножей, которыми он обложился. Рано утром, ещё до того, как я и президент проснулись, он ушёл, бросив у моей двери одеяла, полученные у меня накануне»[{726}](#).

ГОД 1865-й

Последнюю сессию Конгресса называли «сессией подбитых уток»^{727} — из-за множества политиков, которым предстояло уступить свои места вновь избранным. Уходящие народные избранники могли действовать без оглядки на избирателей и без опасений за свои будущие законопроекты. Более чем на две трети «подбитыми утками» были демократы. Этим и хотел воспользоваться Линкольн, чтобы добиться принятия важнейшего закона всего его президентства — закона об отмене рабовладения.

Настойчивость президента была понятна: «Прокламация об освобождении рабов» от 1 января 1863 года была мерой экстраординарной, ограниченной военным временем, стремительно приближавшимся к концу. Постоянной мерой могла стать только принятая Конгрессом поправка к Конституции — неотъемлемая часть основного закона страны.

Сама поправка почти весь 1864 год плыла по федеральному законодательному руслу, но застряла в пути. Законопроект, в январе «спущенный на воду» сенатором от Иллинойса Лаймоном Трамблом, прошёл буруны обсуждений в сенате и был одобрен 8 апреля, однако в июне остановлен «плотиной» палаты представителей, поскольку не набрал необходимых двух третей голосов. Из семидесяти двух демократов «за» проголосовали только четверо. 25 конгрессменов не явились: многие просто испугались голосовать «за», посчитав, что такой радикальный шаг повредит им в глазах избирателей и поставит под угрозу само их пребывание в Конгрессе^{728}. В итоге для прохождения поправки не хватило одиннадцати голосов. На этом Конгресс и закрыл сессию.

Но когда он в декабре собрался снова, Линкольн в ежегодном обращении попросил вернуться к обсуждению этого вопроса:

«На предыдущей сессии Конгресса поправка, отменяющая рабовладение на всей территории Соединённых Штатов, была одобрена сенатом, но не получила необходимых двух третей голосов палаты представителей. Хотя сейчас собрался тот же самый Конгресс с теми же самыми конгрессменами... я бы рекомендовал ещё раз рассмотреть предложенную на предыдущей сессии меру. Прошедшие выборы показали, что следующий Конгресс, скорее всего, примет закон, если этого не сделает нынешний (в результате прошедших выборов число демократов в Конгрессе сокращалось до тридцати пяти. — *Д. О.*). Так что вопрос о том, когда предложенная поправка пойдёт на утверждение Штатам, — это только вопрос времени. А если так — не лучше ли согласиться с тем, что чем скорее это сделать, тем лучше?.. Наша общая цель — восстановление Союза, и среди мер для её достижения, как показали прошедшие выборы, общая воля провозгласила необходимость указанной поправки к Конституции»^{729}.

Это должна была быть 13-я поправка к Конституции (предыдущая была принята 60 лет назад!). А тремя годами ранее, в феврале — марте 1861-го, Конгресс проводил в жизнь совершенно противоположную 13-ю поправку — она должна была навсегда запретить Конгрессу США принимать какие-либо поправки, касающиеся «самобытных институтов» и «лиц, удерживаемых в труде и услужении» во всех штатах, то

есть гарантировать законность и нерушимость рабовладения на Юге. Конгресс принял её за два дня до первой инаугурации Линкольна; дело оставалось за ратификацией штатами. Сорвал ратификацию Юг, начавший войну. Из-за неё «поправка Корвина», навсегда лишаящая Конгресс права вмешиваться в дела рабовладения, до сих пор остаётся ни живой ни мёртвой — «подвешенной».

Весомым основанием для нового выдвижения на обсуждение поправки об отмене рабовладения стали новые успехи армии северян на западе. Джефферсон Дэвис вознамерился устроить Шерману из Атланты «вторую Москву»: уцелевшая армия южан должна была перерезать единственную железную дорогу на север, лишить противника резервов, боеприпасов и подвоза продовольствия, тем самым вынудить к «бесславному отступлению» на манер Наполеона обратно в Теннесси, а потом и в Огайо. Дэвис уже «предвидел» народное восстание в Теннесси, «предвкушал» долгожданный мир и независимость... Когда с его речами ознакомился Грант, он только спросил: «А кто обеспечит снег для «отступления из Москвы»?»^{730}.

У Шермана были другие планы: оставить силы прикрытия в тылу, на севере, пойти на юг, бросив коммуникации, кормить армию за счёт местного населения, «прорубить дорогу к океану, разделить территорию Конфедерации на две части и выйти Ли в тыл». «Джорджию оккупировать бесполезно, — объяснял Шерман свои намерения, — нужно подорвать её военные ресурсы, полностью уничтожая дороги, дома и живую силу. Я пройду таким маршем, что Джорджия взвоят»^{731}.

И Джорджия взвыла. 16 ноября солдаты Шермана разрушили и подожгли в Атланте всё, что представляло хоть какую-то военную и стратегическую ценность. Грандиозный пожар не мог не захватить сотни

гражданских построек. Армия уходила на юг, к Атлантике, оставляя за спиной дым и развалины. Оркестры воодушевлённо играли «Тело Джона Брауна лежит в земле сырой, /А душа зовёт нас в бой!». Шерман объявил, что докажет силой, что его солдаты как граждане Соединённых Штатов Америки имеют право как угодно перемещаться по своей стране.

Командующий южан генерал Худ решил, что лучшая защита — это нападение, и двинулся на север, в Теннесси. Он надеялся, что Шерман бросится вдогонку, спасти свои коммуникации. Если же нет, то не позже чем через месяц южане будут в Нэшвилле, столице стратегически важного пограничного штата.

Две армии шли в противоположные стороны — и результаты оказались противоположными. Армия Худа заставила отступать передовые части северян, но к зиме уткнулась в вожделенный Нэшвилл — второй после Вашингтона город США по мощности укреплений, за которыми её ждали превосходящие силы генерала Томаса. Работал фактор, о котором Линкольн предупреждал южан ещё в 1859 году: «Да, признаю, вы смелые и храбрые, но и мы не менее смелые и не менее храбрые. Поэтому потери в схватке будут один к одному, и поэтому мы победим вас, потому что мы — большинство!»

Томас атаковал первым. Двухдневное сражение 15-16 декабря шло под непрерывным дождём, в вязкой грязи. Северяне буквально распылили 28-тысячную армию конфедератов. Южане сдавались в плен, дезертировали, просто бежали... Фантазии Дэвиса развеялись вместе с облаками порохового дыма под Нэшвиллом. Из трёх больших боеспособных армий южан осталось две, причём одна из них ничего не могла поделать с продвигающимся на юг Шерманом.

За колоннами идущих по Джорджии войск кочевали постоянно растущие в размерах таборы беглых рабов.

После колонн оставалась выжженная земля: полностью разрушенные железные дороги, уничтоженные фабрики и мастерские, сожжённый хлопок, разорённые имения, озлобленное население. Солдаты варили кофе на кострах из банкнот Конфедерации и объедались мясными деликатесами. Шерман знал, насколько жесток его марш, и на это был его расчёт — благодушные жители сытого тыла должны были на собственной шкуре почувствовать, какого монстра вызвали к жизни их правители: «Мы не можем изменить души жителей Юга, но мы можем вести войну с такой жестокостью, что они возненавидят её, и сменится не одно поколение, прежде чем они захотят вновь к ней прибегнуть».

«Прорубленная» сквозь Джорджию полоса запустения длиной почти в 300 миль и шириной от 25 до 60 миль уткнулась в побережье у города Саванны. По выражению историка Д. Макферсона, «защищавшие её 10 тысяч мятежников решили, что осмотрительность — лучший вид храбрости, и спаслись бегством, чтобы не попасть в ловушку»^{732}. 21 декабря Шерман стоял на крыше портовой таможни Саванны и обозревал город, в котором бывал молодым офицером. Вечнозелёные дубы создавали ощущение лета. Река была усыпана поплавками с красно-белыми флажками — так флотские обозначили мины. За рекой, к северу, за кривыми линиями каналов и рисовыми полями, лежали земли Южной Каролины, зачинщицы мятежа. От Саванны до Чарлстона — не более сотни миль.

Президенту ушла телеграмма: «Прошу принять в качестве рождественского подарка город Саванну со 150 тяжёлыми орудиями, множеством боеприпасов и добавок примерно с 25 тысячами кип хлопка». Линкольн ответил немедленно:

«Премного благодарен за Ваш рождественский подарок — взятие Саванны.

Когда Вы собирались выступить из Атланты к Атлантическому побережью, я был в сомнениях, чтобы не сказать в страхе; но, чувствуя, что Вам на месте виднее, и понимая, что «кто не рискует, тот ничего не получает», я не вмешивался. Теперь Ваше предприятие обернулось успехом, и вся честь, бесспорно, принадлежит Вам. Что теперь? Думаю, решать Вам и генералу Гранту»^{733}.

Недоволен был только ворчливый Стэнтон: «Я горько разочарован тем, что Харди с его пятнадцатью тысячами удалось уйти от шестидесяти тысяч Шермана. Из-за того, что армии противника уходят от разгрома, война продлится ещё долгое время»^{734}.

Военные успехи ускорили ход политических дел. 6 января 1865 года Конгресс принял резолюцию о выражении благодарности генералу Шерману и начал обсуждение 13-й поправки^{735}. Вновь внёсший проект на рассмотрение конгрессмен Джеймс Эшли начал с давних слов Линкольна: «Если рабовладение не зло, то что тогда зло?» Эшли был одним из организаторов той огромной подготовительной работы, которая должна была обеспечить недостающие голоса — по большей части из числа демократов — «подбитых уток». Роль президента в привлечении новых голосов всеми доступными способами до конца не выяснена. Есть противники «обвинений», суть которых выражена в парадоксе радикального республиканца Тадеуса Стивенса: «Величайшее дело XIX века было сделано при помощи коррупции, организованной и поддержанной честнейшим человеком Америки»^{736}. Есть точка зрения, что всем процессом руководил госсекретарь Сьюард^{737}. Некоторые историки (на их работах основан недавний фильм Стивена Спилберга «Линкольн») считают организатором и руководителем процесса

самого Линкольна^{738}. Одним из его важнейших доводов было:

«Я как президент Соединённых Штатов облечён огромной властью. Отмена рабовладения на конституционном уровне решит судьбу не только миллионов угнетённых в настоящее время, но и миллионов ещё не родившихся — навсегда! Это мера такой важности, что эти голоса должны быть добыты! Как это сделать — ваше дело, но помните, что я как Президент Соединённых Штатов облечён огромной властью»^{739}.

За работу принялась чуть ли не вся Республиканская партия, бросившая в бой полный арсенал охоты за голосами: назначения на хлебные государственные должности проигравших выборы «подбитых уток» и обещания этих назначений друзьям и родственникам голосующих; помилования; внесение средств на политические кампании в избирательных округах; «политический бартер», когда, например, за обещание голоса тормозился законопроект о ликвидации монополии на железнодорожное строительство в нужном регионе. Когда не могли уговорить подать голос «за», пытались добыть хотя бы обещание не прийти на голосование.

Какова была личная роль Линкольна? Известно, что он встречался как минимум с шестью демократами, голосовавшими в июне против поправки, но если и раздавал какие-либо обещания, письменных свидетельств тому не осталось. Из устных же сохранился рассказ миссурийского рабовладельца Джеймса Роллинза. Линкольн вроде бы только взывал к нему как к бывшему соратнику по партии вигов и почитателю Генри Клея, указывал, что именно голос из

Миссури покажет Югу, что «пограничные» штаты больше не хотят рабовладения, и этим приблизит конец войны. При этом неизвестно, от кого Роллинз получил обещание в случае поддержки поправки дать ему право решать, кто будет назначен на вакантное место федерального судьи в Миссури. В конце концов Роллинз шокировал коллег заявлением, что будет голосовать «за» и что «даже если бы он имел тысячу рабов, он отдал бы их за блага Союза, за мир и за Конституцию»^{740}. (Характерный пример запутанной политической игры, где так и остаётся неизвестным соотношение убеждения и покупки, «посула» и «благодарности».)

Ещё одним ловким политическим трюком Линкольн отразил сильный удар ведущих свою кампанию демократов — противников поправки. Они объявили, что в Вашингтон тайно прибыли делегаты Конфедерации для переговоров о заключении мира. Мир с Югом прежде всего остального был главной идеей демократов. Принятие поправки, очевидно, срывало мирные переговоры и отдаляло сам мир. Это было весомое основание для многих конгрессменов голосовать «против». Линкольн опроверг заявление демократов: «Насколько мне известно, никакой мирной делегации в Вашингтоне нет, и вряд ли она здесь будет». Это была правда, но не вся. Мирная делегация находилась по дороге из осаждённого Питерсберга в форт Монро, твердыню северян в 180 милях от Вашингтона и 80 милях от Ричмонда (Линкольн разрешил пропустить её только туда)^{741}. Демократы этого не знали, а президент лишил их важного повода для агитации за голосование «против». Он не стал долго и подробно объяснять, что никаких уступок Юг всё равно не получит, а пошёл более прагматичным и эффективным путём.

Тридцать первого января 1865 года решающий день голосования по 13-й поправке настал. Галёрка и вестибюли были переполнены. Задолго до назначенных трёх часов пополудни пришли сенаторы, члены Верховного суда, министры (Линкольн ждал результатов в Белом доме), послы иностранных государств.

Волнение было невероятное — все понимали, что вопрос будет решён перевесом всего в несколько голосов. Обстоятельная процедура поимённого голосования долго оставляла результат неясным. «За» республиканцев публика воспринимала как должное. Первое же «за» демократа вызвало довольный гул галёрки, второе было встречено аплодисментами, третье — аплодисментами ещё более дружными, к которым присоединились конгрессмены. Спикер не раз просил их уgomониться, мол, «могли бы подать лучший пример зрителям на галерее». Но шум всё усиливался, пока, наконец, не объявили итоги.

«За» проголосовали 119 конгрессменов, «против» — 56. Всего три голоса «против» вместо «за» — и необходимые две трети не были бы набраны. Но республиканцы поработали на славу: к четверым демократам, голосовавшим «за» в июне, добавились ещё 13. К тому же ещё восемь человек не явились на голосование «не совсем случайно», как заметили секретари Линкольна Николаи и Хэй; если хотя бы четверо пришли и проголосовали «против», все труды были бы напрасны.

13-я поправка стала неотъемлемой частью Конституции США: «В Соединённых Штатах или в каком-либо месте, подчинённом их юрисдикции, не должно существовать ни рабство, ни подневольное услужение, кроме тех случаев, когда это является наказанием за преступление, за которое лицо было надлежащим образом осуждено».

Можно представить себе взрыв восторга в наэлектризованном зале, если эмоции не сдержал даже составитель канцелярски сухого информационного бюллетеня Конгресса: «Члены республиканской фракции Конгресса внезапно вскочили со своих мест и, вопреки всем парламентским правилам, начали аплодировать и кричать от радости. Их примеру последовали мужчины на донельзя заполненных народом галереях, они также принялись громко и долго кричать, махать шляпами. За ними поднялись на ноги леди — а их были сотни — и принялись махать носовыми платками, дополняя сцену всеобщего радостного возбуждения»^{742}. Среди радующихся, плачущих, обнимающихся на галереях было много чернокожих (до 1864 года их вовсе не пускали в Конгресс!), в том числе сын знаменитого Фредерика Дугласа. «Словно перемешали соль и перец», — заметил один из очевидцев.

В городе грянул артиллерийский салют из ста орудий. Когда же военному министру Стэнтону принесли список голосовавших, он приказал присоединиться к салюту ещё трём батареям «с самыми мощными зарядами» и под эти улаждавшие его слух звуки стал читать вслух все имена голосовавших «за». Один из свидетелей и участников проявления всеобщей радости заметил: «Стоило жить в тот день!»^{743}.

Президент также поставил свою подпись под историческим документом: «Одобрено. А. Линкольн», — хотя по процедуре этого не требовалось. Он, как и все, был преисполнен радости, но призывал не расслабляться: ещё нужно добиться, чтобы полное освобождение одобрили Штаты. И уже на следующий день президента порадовало известие из родного Иллинойса — штат первым ратифицировал поправку. К концу 1865 года то же сделали необходимые две трети всех штатов, и рабовладение в США будет законным образом истреблено. (Кентукки ратифицировал

поправку только в 1976 году, а Миссисипи — аж в 2013-м!^{744}) Рабовладельцы Юга заплатят за развязанную войну потерей частной «говорящей» собственности минимум на три миллиарда долларов. Право каждого человека на жизнь, свободу и стремление к счастью будет поставлено выше «священного» права частной собственности.^{745}

Теперь Линкольн мог говорить с южанами по-другому. Уже 2 февраля он тайно покинул Вашингтон и поспешил на встречу с не допущенной в столицу делегацией Юга. Из членов Кабинета о поездке заранее знал только Сьюард, да и то потому, что принимал участие в самой встрече. Осторожность президента понятна — факт ведения переговоров о мире был обоюдоострым политическим оружием: если президент их вёл, его обвиняли в готовности пойти на уступки рабовладельцам Юга, если не вёл — в нежелании скорейшего мира и поддержке кровопролития. Однако когда после падения Саванны глава клана Блэров упросил Линкольна отпустить его в Ричмонд, дабы уговорить Джефферсона Дэвиса хотя бы прислать делегацию, президент дал согласие. «Ради мира в нашей общей стране»^{746}, — писал Линкольн Блэру. «Ради мира между нашими странами»^{747}, — отвечал Блэру Джефферсон Дэвис и соответственно инструктировал свою делегацию. Она считалась неофициальной, но возглавлял её вице-президент Александр Стивенс, в далёком 1847 году хороший знакомый (если не сказать друг) Линкольна по работе в Конгрессе. Два бывших вига, некогда сообща осуждавших несправедливую войну с Мексикой, встретились 3 февраля под защитой пушек форта Монро на пароходе «Королева рек» — тогдашнем президентском «борте номер один».

Линкольн попытался начать с шутки. Увидев, как в натопленном салоне щуплый и остроносый, как

воробышек, Стивенс разматывает длинный шарф и снимает огромное шерстяное пальто, он заметил: «Никогда не видел, чтобы из такого гигантского кукурузного початка появлялись такие маленькие зёрна». Стивенс благодушно засмеялся и ответил какой-то шуткой времён их давнего общего прошлого. Все охотно окунулись в атмосферу, напоминавшую довоенную, когда два федерала и три конфедерата были друзьями или добрыми знакомыми. Разногласия сторон были понятны, но все искренне попытались найти точки соприкосновения.

Беседа длилась около четырёх часов. Козырной картой, припрятанной конфедератами, стала циркулировавшая по обе стороны фронта идея «остудить страсти» и объединить усилия «двух стран» для общего наступления против французов, хозяйничавших в Мексике. Таким образом, примирение достигалось на основе поддержки давней «доктрины Монро» с её лозунгом «Америка для американцев».

Однако фраза о «двух странах» оставалась камнем преткновения. Линкольн сформулировал три обязательных пункта мирного соглашения, без которых не видел смысла обсуждать какие-либо «совместные» планы:

1. Восстановление общенационального правительства для всех штатов.
2. Никаких откатов назад от уже принятых документов по вопросу рабовладения.
3. Немедленное прекращение всех враждебных действий и роспуск всех антиправительственных сил [{748}](#).

Стивенс же, в полном соответствии с инструкциями Джефферсона Дэвиса, настаивал на необходимости заключения мира между «двумя нашими пострадавшими странами» и — возможно от себя — добавлял, что это «весьма вероятно» могло бы в

будущем способствовать воссоединению. Но Линкольн не признавал никаких условных наклонений. «Доктрина Монро» и французская интервенция в Мексике были для него вторичны по отношению к единому Союзу и отмене рабовладения. Тщетно взывал один из переговорщиков к историческим примерам: мол, во время гражданской войны в Англии король Карл I заключал соглашения с мятежниками. Реакция Линкольна была молниеносной: «О примерах из истории Вам лучше поговорить со Сьюардом, но, сколько я помню, Карлу I отрубили голову»^{749}.

Единственным позитивным результатом встречи стала предварительная договорённость о возобновлении обмена пленными. Линкольн обратился к Стивенсу: «Что ж, раз уж мы ничего не смогли сделать для нашей страны, что я могу сделать лично для вас?» — «Ничего», — сказал Стивенс, но тут же поправился: «Вы можете вернуть мне племянника, который находится в плену уже двадцать месяцев». — «Буду рад, — ответил Линкольн, — но взамен пришлите мне одного из наших пленных в том же звании. Напишите имя».

Точку во встрече поставил Сьюард. Когда пароход с посланниками уже отвалил от «Королевы рек», к нему подгрёб на лодке чернокожий матрос с корзиной шампанского. Стивене и компания благодарно помахали платками Сьюарду, стоявшему на палубе, а тот на прощание крикнул в боцманский рупор: «Шампанское забирайте, но негра верните!»^{750}.

Джефферсон Дэвис был недоволен переговорщиками, и 9 февраля отчаявшийся Александр Стивенс оставил Ричмонд и уехал домой в Джорджию — ждать конца войны в качестве частного лица. На следующий день Линкольн отправил к Стивенсу освобождённого племянника, попросив передать дяде свою фотографию с надписью: «Надеюсь, Вы её сохраните. На Юге таких немного». В тот же день

Конгресс США ревниво рассмотрел строго документированный отчёт Линкольна о прошедших переговорах и остался вполне удовлетворён. Дело снова было предоставлено военным.

Ко времени переговоров на борту «Королевы рек» войска Шермана уже третий день шли по Южной Каролине, оттесняя слабые заслоны южан. «Каким-то образом, — вспоминал Шерман, — нашими людьми овладела идея, что именно Южная Каролина первопричина всех наших бед. Это её жители открыли огонь по форту Самтер в торопливом желании ввергнуть страну в гражданскую войну, а стало быть, им и придётся испытать военные бедствия в самой тяжёлой форме»^{751}.

В ночь на 16 февраля губернатор Южной Каролины бежал из столицы штата, Колумбии, и больше никогда не смог собрать правительство. На следующий день в Колумбию вошли войска Шермана, а к ночи город запылял.

Споры о том, кто сжёг Колумбию, напоминают споры о том, кто устроил пожар Москвы в 1812 году: то ли войска Шермана выжгли дотла «гнездо мятежа», то ли жители запалили город, чтобы он не достался врагу, то ли были оставлены без внимания обречённые на уничтожение кипы хлопка^{752}.

В связи с падением Колумбии конфедераты увели войска из обречённого Чарлстона, и по его улицам прошли, распевая «Тело Джона Брауна лежит в земле сырой», чернокожие солдаты 55-го Массачусеттского цветного полка. К руинам форта Самтер потянулись экскурсанты и фотографы. Прошло ещё две недели энергичного и жестокого марша, и войска Шермана вышли к границе с Северной Каролиной. 3 марта в одном из приграничных городков они захватили 25 пушек. На следующий день из исправных стволов был произведён салют в честь второй инаугурации Авраама Линкольна.

В Вашингтоне утро 4 марта, как и четыре года назад, выдалось пасмурным. Тучи чуть ли не цеплялись за наконец-то достроенный чугунный купол Конгресса с венчавшей его шестиметровой статуей «Свобода вооружённая». Журналист Ной Брукс вспоминал, что такой весенней грязи, как в тот день, он больше не видел ни до, ни после дня инаугурации, но толпы зрителей и гостей не обращали на неё внимания, а множество женщин решились на «крайнее проявление героизма» — запачкать и вымочить края своих юбок, лишь бы не пропустить знаменательное событие [{753}](#).

Трагикомической прелюдией к выступлению президента стало принятие присяги вице-президентом Эндрю Джонсоном. Он вышел на публику ровно в полдень с подозрительно красным лицом, а когда стал произносить речь, выяснилось, что он пьян. Считать ли оправданием то, что этот джентльмен был сильно болен и много дней подряд лечился с помощью виски, не жалея лекарства? Накануне самого ответственного в жизни выхода вице-президент взбодрил себя парой стаканчиков, потом, уже в отведённой для него комнате сената, принял для храбрости ещё порцию «противопростудного» — и разомлел от жары.

Джонсон махал руками, грозно оборачивался в сторону правительства («Вы, мистер Сьюард, вы, мистер Стэнтон, и вы, мистер э-э-э... как зовут морского министра?») и долго не реагировал на знаки, дающие понять, что время его речи закончилось.

...Когда Авраам Линкольн поднялся на инаугурационную платформу у восточной стороны Капитолия, он увидел перед собой море голов до самого края площади. Море это колыхалось и шумело, но шумело одобрительно. Когда президент вышел вперёд, надел очки и приготовил лист с напечатанной в две колонки инаугурационной речью, волна криков и аплодисментов промчалась от передних рядов к задним.

В этот самый момент солнце пробилось из-за туч и залило светом площадь, зрителей, гостей, платформу и стоящего на ней президента. И все затихли, чтобы услышать речь, ставшую одной из самых знаменитых речей Линкольна и, возможно, самой важной^{754}. Линкольн начал, словно поясняя, что о войне он будет говорить только в связи с тем, что она скоро закончится:

«Теперь, по прошествии четырёх лет, в течение которых постоянно делались публичные заявления по каждому пункту и периоду великого конфликта, который продолжает приковывать к себе внимание и поглощает силы нации, трудно найти что-либо новое, о чём можно было бы заявить...»

Отбыв «военный срок» президентства, он строил планы на «гражданский срок», целью которого видел примирение воссоединённой нации. Ради этого примирения он представил уходящий в прошлое жестокий конфликт как исполнение стоящей над мирской суетой Божьей воли, а не как столкновение человеческих принципов. Ради этого примирения он много раз употреблял в своей речи слова «все» и «обе» и совсем отказался от слов «мятежники» и «изменники»:

«Обе стороны искали лёгкой победы... Обе пользовались одной и той же Библией и верили в одного и того же Бога, и каждая надеялась на Его помощь в своей борьбе... Молитвы каждой из сторон не были услышаны. По крайней мере они не исполнились до конца».

Не исполнились, потому что война была Божьей карой за Богом же ниспосланный всей стране соблазн рабовладения, время которого прошло. Развивая

евангельское «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит!», Линкольн предположил, что рабство в Америке — «один из тех соблазнов, который, по Божьей воле, должен был прийти, но который, по окончании отмеренного срока, Господь намерен уничтожить». Страшная война наслана и на Север, и на Юг «как горе для тех, через кого этот соблазн пришёл».

«Как трепетно мы надеемся, как пылко молимся мы, чтобы это тяжёлое наказание войны поскорее прошло! Однако если Богу угодно, чтобы оно продолжалось, покуда богатство, накопленное невольниками за двести пятьдесят лет неоплаченного труда, не исчезнет и пока каждая капля крови, выбитая ударом кнута, не будет оплачена другой каплей, пролитой ударом меча, то, как было сказано три тысячи лет назад и как должно быть сказано и сегодня: «Суды Господни истина, все праведны».

Наконец, прозвучали слова, уступающие в известности разве что последней фразе Геттисбергской речи. Линкольн призвал не к сплочению для скорейшего достижения победы — он не сомневался, что конец её предрешён, — а к милосердию ко всем пострадавшим от войны:

«Ни к кому не испытывая злобы, с милосердием ко всем, с непоколебимой верой в свою правоту, как Господь даёт нам видеть её, приложим все усилия, чтобы закончить начатую работу и перебинтовать раны нации. Позаботимся о тех, на кого ляжет бремя битвы, о вдовах и о сиротах. Сделаем всё, чтобы получить

и сохранить справедливый и долгий мир как внутри страны, так и со всеми другими странами»[{755}](#).

Речь длилась не больше семи минут. Концовка заставляла задуматься, а не ликовать, поэтому только после паузы раздались аплодисменты и грянули оружейные салюты.

Линкольн повернулся к председателю Верховного суда, чтобы принести присягу. Её принимал уже не Тони (старый сторонник рабовладения отошёл в мир иной осенью 1864 года), а... Салмон Чейз! Главного судью по Конституции США выдвигает президент, и Линкольн нашёл, как использовать честолюбивого и масштабного государственного деятеля на благо страны. По его расчёту, назначение на высший пост на «соседней» ветви государственной власти могло удовлетворить политические амбиции Чейза и при этом сохранить его, сторонника прав освобождённых рабов, в качестве союзника.

...Авраам поцеловал раскрытую Библию. Чейз заметил, какого места коснулись уста президента. Это была Книга пророка Исаии: «Не будет у него ни усталого, ни изнемогающего; ни один не задремлет и не заснёт... Стрелы его заострены и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колёса его как вихрь» (Исаия, 25:27, 28).

Это был знак решающего усилия для окончания войны. Грант неослабевающей бульдожьей хваткой держал генерала Ли с главными силами конфедератов у Ричмонда и Питерсберга, да так, что Ли признавался президенту Дэвису в полной невозможности послать подкрепления в обе Каролины. За месяц с середины февраля по середину марта из его армии дезертировала десятая часть бойцов. Особенно много бежало жителей Северной Каролины^{[{756}](#)}. — Уильям Шерман уже шёл по

этому штату к южной границе Вирджинии. Теперь «дядя Билл» мог опираться на флот, господствующий в Атлантике, и вбирал в себя части, давно контролировавшие важнейшие участки побережья. 19 марта у городка Бентонвилл южане отчаянно бросились на левый фланг наступавших колонн Шермана, но не справились с ним до наступления ночи. Силы Шермана, втрое превосходившие силы противника, в следующие два дня заставили его отступить. Вторая из трёх больших армий конфедератов потеряла возможность противостоять Шерману в открытом бою и могла только следить за его неумолимым движением на Ричмонд... После войны Шермана критиковали за то, что он не бросился добивать неприятеля в решающем большом сражении, а пошёл дальше на Вирджинию. Защитники генерала говорили, что он понимал, насколько близок конец войны, и не хотел излишнего кровопролития.

Линкольн тоже предвидел скорый конец войны. На 14 апреля 1865 года он назначил торжественный подъём флага над фортом Самтер — того самого изодранного осколками флага, который с его разрешения был спущен 14 апреля 1861 года, и тем же самым Робертом Андерсоном, теперь генералом^{757}. А в последнюю неделю марта Линкольн отправился на фронт, к генералу Гранту. По официальной версии утомлённый, недавно перенёсший грипп президент уезжал от столичных хлопот и орд искателей должностей для проведения смотра — это была единственная форма «отпуска», которую он тогда мог себе позволить. Кроме того, они с Мэри хотели навестить Роберта, окончившего Гарвард и поступившего на воинскую службу — помощником адъютанта при штабе генерала Гранта. Капитан Роберт Линкольн встретил родителей прямо у пристани сияющего огнями города Сити Пойнт — эта громада

выросла вокруг главной квартиры армии «Потомак» всего за восемь месяцев.

Будущее показало, что президент был приглашён присутствовать при решающих событиях войны. К тому же накануне, 27 и 28 марта, на борту «Королевы рек» состоялось совещание Линкольна и его командующих. Эту встречу в 1868 году запечатлел по воспоминаниям участников художник Джордж Хили. Его картина «Миротворцы», изображающая встречу президента с генералом Шерманом, генералом Грантом и адмиралом Портером, висит в Белом доме со времён Джона Кеннеди. Шерман считал: «Линкольн на этой картине изображён лучше, чем я видел где-нибудь ещё, да и мы с генералом Грантом и адмиралом Портером вышли неплохо. Думаю, адмирал Портер дал художнику письменное описание того, где кто сидел, каковы были мебель и размеры зала «Королевы рек». Разве что радуга за окном — фантазия Хили, символ приближающегося мира. На этой картине говорю я, остальные внимательно слушают. Думаю, художник попытался отобразить мою фразу, что если Ли останется в Ричмонде, а я достигну Берксвилла, то мы зажмём его между большим и указательным пальцами. Неважно, какое значение пытался Хили придать нашей группе, но мы сидели именно так, как изображено, и вели важный разговор 28 марта; я расстался с Линкольном, чтобы больше никогда не увидеться»^{758}. Шерман уехал готовить марш на Ричмонд, но Грант уже мог позволить себе его не дожидаться. Он ждал только момента, когда стихнут весенние ливни. Линкольн отправил Мэри обратно в столицу, но Тада оставил при себе.

Утром 31 марта с борта «Королевы рек» Линкольн услышал канонаду и ружейную трескотню со стороны Питерсберга. Грант начал хорошо подготовленное наступление, бросив в обход зарывшейся в траншеи армии Ли недавно пришедшие на помощь войска

генерала Шеридана. Они зачистили «шермановскими» методами некогда плодородную долину Шенандоа и после этого соединились с главной армией. Шеридан был той гирей, которой Грант нарушал равновесие на фронте.

«Понимаю, что должен вернуться, — телеграфировал Линкольн военному министру, — но не могу не остаться, чтобы увидеть итоги наступления генерала Гранта».

Стэнтон отвечал немедленно: «Надеюсь, Вы останетесь, чтобы увидеть, как всё закончится, — хотя бы на несколько дней. Я уверен, что Ваше присутствие окажет огромное влияние на то, чтобы предпринятые усилия окончились падением Ричмонда, — по сравнению с этим груз остальных обязанностей не тяжелее пёрышка. Здесь делать особенно нечего, а мелкими заботами не стоит Вас беспокоить. Задержка в наступлении нанесёт наибольший вред, а пока Вы там, задержки не будет!»^{759}.

И задержки не было. 1 апреля Шеридан разорвал оборону конфедератов у стратегического перекрёстка дорог, известного как «Пять развилок», и на следующее утро Грант скомандовал общий штурм Питерсберга. Вскоре западный участок обороны южан был прорван.

Ещё до полудня во время воскресной службы президенту Джефферсону Дэвису прямо в храм принесли телеграмму от генерала Ли: «Не думаю, что сумею удержать позицию дольше, чем до темноты. Советую всё приготовить для эвакуации Ричмонда сегодня же ночью». Поздно вечером Дэвис, правительство и золотой запас Конфедерации были вывезены на запад от города. Ночью туда же, вдоль реки Аппоматтокс, ушли из Питерсберга остатки армии генерала Ли. Оставалась последняя надежда — на соединение Ли с частями, противостоящими Шерману, и создание из двух побитых армий одной боеспособной.

Третьего апреля Грант известил Линкольна, что Питерсберг взят, и пригласил приехать. У фортов, прозванных солдатами «Ад» и «Проклятие», лежали тела погибших. Сопровождавший президента телохранитель запомнил, каким печальным и осунувшимся стало его лицо^{760}. Линкольн проехал по пустынным улицам, поздравил Гранта с победой, проговорил с ним полтора часа и вернулся назад. Едва он покинул город, Гранту принесли депешу о вступлении федеральных войск в горящий Ричмонд.

Уже к восьми утра 4 апреля Линкольн был готов к поездке в недавнюю столицу Конфедерации («Слава богу, я дожил до этого дня!»). Военный министр Стэнтон, узнав о таком намерении, прислал предостерегающую телеграмму: «Прошу Вас подумать: стоит ли наносить ущерб нации, подставляя себя под опасность?.. Одно дело — генералы, чья обязанность быть с войсками и подвергать себя подобному риску. Другое дело — политик, глава государства». Линкольн ответил успокаивающей телеграммой: «Спасибо за тревогу. Я буду осторожен»^{761} — и взял с собой Тада, которому в этот день исполнилось 12 лет.

Канонерка ползла к Ричмонду, огибая полузатонувшие корабли и помеченные флажками мины, расталкивая трупы лошадей и всевозможные обломки. Наконец стала видна бывшая столица Конфедерации. Над ней поднимались столбы дыма: уходя, южане подожгли всё, что смогли.

Линкольн, держа Тада за руку, сошёл на берег. Вся его охрана состояла из дюжины военных моряков, вооружённых карабинами. Они так и шли в центр города подобием сэндвича: полдюжины моряков спереди, полдюжины сзади, в центре Линкольна, старший и младший, адмирал Портер и телохранитель Крук. Президента узнали, к компании присоединился чернокожий «гид», и постепенно вокруг собралась целая

толпа негров и негритянок, кричавших «Слава!», «Аллилуйя!», «Президент Линкум приехал!» и пытавшихся коснуться своего освободителя. По легенде, один из освобождённых рабов бросился Линкольну в ноги, но тот сказал: «Не нужно вставать передо мной на колени — только перед Господом! Его благодарите за навек дарованную свободу». Ещё один седовласый негр в лохмотьях снял свою изодранную соломенную шляпу: «Да хранит вас Господь, масса президент Линкум!» — и Линкольн поднял цилиндр и наклонил голову в ответном приветствии. Снял шляпу перед негром! Простой жест ломал устои, больше двух столетий выстраивавшиеся белой аристократией Юга.

Сбегались на шум и белые бедняки, пережившие в городе четыре тяжёлых года. Какая-то девочка выскочила из толпы и вручила президенту букет роз^{762}. Белое население кварталов побогаче либо смотрело в окна, либо демонстративно захлопывало ставни. Телохранителя Крука потряс контраст: шумная, восторженная, поющая и танцующая толпа вокруг и молчаливые головы, сотнями выглядывающие из окон. Казалось, вот-вот в одном из окон появится солдат в сером мундире и прицелится из ружья...

Они дошли до выгоревшего делового центра; здесь к охране присоединился кавалерийский эскорт. В Белом доме Конфедерации был теперь штаб федералов. Линкольн прошёл по брошенным впопыхах комнатам, а в кабинете Джефферсона Дэвиса сел за всё ещё заваленный документами стол, покинутый хозяином 48 часов назад, — не как триумфатор, заметил один из очевидцев, а как усталый измотанный человек, чувствующий, что конец работы близок. От него ждали исторической фразы — а он попросил стакан воды. Потом, уже в коляске, Линкольн проехал мимо тюрьмы для военнопленных Либби (теперь её постояльцами были конфедераты), мимо десятков разрушенных

зданий и остановился у Капитолия, в котором собирался Конгресс мятежников. Внутри царил хаос: разбросанные бумаги и ставшие ненужными облигации Конфедерации, поломанная мебель, следы паники и спешной эвакуации. Не стал уезжать только помощник военного министра южан (один из трёх участников переговоров у форта Монро). Ему были продиктованы ещё раз те же, что и в феврале, условия мира:

1. Восстановление общенационального правительства для всех штатов.
2. Никаких откатов назад от уже принятых документов по вопросу рабовладения.
3. Немедленное прекращение всех враждебных действий и роспуск всех антиправительственных сил.[{763}](#).

Кроме того, поскольку для Вирджинии война фактически закончилась, президент предложил созвать Законодательное собрание штата, если оно согласится отозвать и распустить по домам всё ещё воюющие на стороне мятежников войска. («Впрочем, — говорил он в кругу приближённых, — мне кажется, что генерал Шеридан сделает это быстрее»[{764}](#).) Когда президент возвращался на корабль и катер отваливал от берега, какая-то негритянка крикнула вслед: «Ради бога не утоните, масса Эйб!»

В Сити Пойнте Линкольна ждали новости, хорошие и плохие. К западу от Ричмонда Шеридан отрезал войскам Ли дорогу в Северную Каролину; в арьергардных боях южане потеряли, в том числе пленными и разбежавшимися, половину оставшейся армии. Их окончательное поражение было неминуемо. А в Вашингтоне госсекретарь Сьюард попал в аварию и получил серьёзные травмы; домой его принесли без сознания. И то и другое обстоятельство подчёркивали необходимость вернуться в столицу и заняться управлением всей страной. Но прежде Линкольн не мог

не посетить раненых солдат: «Джентльмены! Вы знаете лучше меня, как правильно вести себя в госпиталях, но я пришёл сюда, чтобы пожать руки людям, которые принесли нам победу». И он шёл по палаткам и баракам, пожимая руки раненым — пять часов, пять тысяч рукопожатий.

— Мистер президент! Туда вам не захочется заходить...

— Почему?

— Там больные пленные мятежники.

— Вот туда-то мне точно нужно!

И президент вошёл в палатку с пленными и пожал руки им — соотечественникам^{765}.

Незадолго до того, как «Королева рек» подняла якорь, Линкольн отправил Гранту телеграмму: «Генерал Шеридан говорит, что, если немного поднажать, Ли капитулирует. Поднажмите!»^{766}.

Они сошли на вашингтонский берег перед закатом 9 апреля. Столица захлёбывалась от праздничного настроения, не проходящего со дня известий о падении Ричмонда. Телеграммы обогнали пароход, и Стэнтон сообщил президенту, что в половине пятого пополудни генерал Грант прислал сообщение о капитуляции генерала Ли и его армии в местечке Аппоматтокс-Кортхаус. Президент и военный министр обнялись. «Мы пережили в тот день один из счастливейших моментов в жизни»^{767}, — вспоминал Стэнтон. Это не был конец войны, но это был конец Конфедерации: её правительство было в бегах, и, хотя разрозненные очаги сопротивления ещё существовали, оставалось дожидаться только капитуляции последней крупной силы южан — армии генерала Джонстона. Сьюард лежал дома весь перебинтованный, закованный в стальной каркас, со сломанной рукой, раздробленной челюстью и пытался улыбаться. Линкольн склонился над ним и почти шёпотом рассказывал новости.

Утро 10 апреля было встречено залпами орудийных салютов, перемежающихся раскатистым «ура!». День был объявлен выходным. Несмотря на дождь, на домах появились многочисленные флаги. Звенели колокола, играла музыка, улицы заполнили возбуждённые толпы, раздавались восторженные речи и приветственные крики. К вечеру затрещали фейерверки, загорелись праздничные костры. И весь день многочисленные группы визитёров и целые процессии с оркестрами в своём неугомонном желании видеть, а лучше ещё и слышать возвратившегося президента срывали работу Белого дома. Тад махал в окно подаренным ему трофейным флагом Конфедерации. Когда от особенно настойчивых «серенад» было не отделаться, президент выходил с короткими общими словами, а один раз попросил оркестр сыграть одну из своих самых любимых мелодий, «Дикси», ибо теперь это «законная собственность Союза». В конце концов Линкольн обнадёжил собравшихся, что завтра выступит с «настоящей речью».

Эту речь 11 апреля он произносил уже в сумерках, из окна второго этажа, и репортёр Брукс держал свечу, освещающую бумаги с текстом. Прочитав страницу, Линкольн ронял её на пол, зная, что там ползает Тад с ответственным поручением: собирать падающие листы. Мэри стояла у соседнего открытого окна.

Внизу снова волновалось людское море, гомонящее, время от времени взрывающееся радостными криками и раскатами аплодисментов. Ждали большой хвалебной речи в честь победоносных армии и флота. Но лицо Линкольна было слишком строгим, и заговорил он о другом — о том, что будет со страной, когда отгремят выстрелы и встанет проблема экономического, политического, культурного воссоединения с Югом. Президент начал вычерчивать новую линию политики: «реконструкцию по-президентски», которая уже

натолкнулась на «реконструкцию по-конгрессменски», чересчур враждебную к бывшим мятежным штатам. Он рассказывал о попытках построить модель жизни Юга в штате Луизиана, объяснял, почему так важен вопрос, считать ли мятежные штаты частью Союза или принимать их заново. Новостью для всех стало первое публичное объявление Линкольном о поддержке избирательных прав чернокожих, пусть хотя бы только имеющих достаточное образование или отслуживших в федеральной армии.

Это был шаг навстречу радикалам, и они научились понимать политические методы президента. В их среде появился образ, позже зафиксированный Фредериком Дугласом: Линкольн учился политическому ремеслу, ещё когда расщеплял брёвна, ибо уже тогда он вставлял клин в щель узким концом и постепенно загонял более широкую часть. Таким же приёмом он вбивал клин в рабовладение: от рекомендаций пограничным штатам провести постепенное освобождение рабов за компенсацию в 1862 году через «Прокламацию об освобождении» в 1863-м к 13-й поправке в 1865-м. Подобным же способом он взялся за избирательные права...[{768}](#)

Намерения Линкольна поняли не только сторонники прав чернокожих. Симпатичный, хотя немного нервный 26-летний зритель повернулся к соседу: «Это значит гражданство для ниггеров» — и добавил: «Это будет последняя речь, которую он произнёс». Звали зрителя Джон Уилкс Бут.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Увы, события нельзя повернуть вспять. Куда бы ни направлялся президент, он делал шаг к собственной гибели — и к бессмертию.

Было 14 апреля 1865 года, Страстная пятница.

Ночью Аврааму приснился сон — из тех, что он считал пророческими. Будто он на каком-то судне быстро плывёт к неведомому берегу. Этот сон часто снился ему накануне решающих, поворотных событий войны: падения Самтера, битвы при Антиетаме, взятия Виксберга, битвы под Геттисбергом. Для себя Авраам решил, что в этот день от Шермана придёт давно ожидаемое известие о капитуляции армии Джонстона в Северной Каролине — фактическом конце войны.

К восьми утра он уже был в кабинете, просмотрел наиболее влиятельные газеты, разобрал почту (ежедневно секретари отбирали из нескольких мешков писем около пятидесяти — ста более или менее важных) и написал несколько служебных записок. Назначил заседание Кабинета на 11 утра и пригласил на него только что приехавшего в столицу Гранта. Линкольн был бы рад видеть генерала-победителя как можно раньше, но не хотел комкать семейный завтрак.

Это был тот редкий случай, когда все четверо наконец-то собрались за одним столом: Авраам, Мэри, Тад и, главное, возвратившийся с войны Роберт. Старший сын стал центром внимания — он, очевидец капитуляции генерала Ли, рассказывал о том, что видел. Роберт передал отцу редкий трофей — фотографию Ли, и Авраам без всяких шуток заметил: «Какое благородное лицо. До чего же я рад, что война наконец-то кончилась»^{769}.

За разговорами почти незамеченной проскочила реплика Мэри: мол, хотя им и прислали билеты в театр Гровера, она предпочитает ещё раз насладиться игрой Лоры Кин в комедии «Наш американский кузен» в театре Форда. Роберт извинился, что не сможет пойти с родителями, — он уже обещал друзьям провести вечер с ними^{770}. (По другой версии, он хотел наконец-то выспаться и отдохнуть после вечных тревог армейской службы^{771}.) Тад надулся — его мнения даже не спросили (в качестве компенсации его с воспитателем отправят к Гроверу смотреть «Волшебную лампу Аладдина»). Было решено позвать в театр генерала Гранта с супругой. Мэри отправила к Форду президентского посыльного, и директор устроил из хорошей новости шумную рекламную кампанию: именно в его театре нынче вечером будут одновременно и президент, и только что проездом прибывший в столицу победитель грозного Ли генерал Грант Безоговорочная Капитуляция! Форд прекрасно знал, что многие купят билеты, чтобы поглядеть не на Лору Кин, а на пару самых известных героев победной войны да ещё будут просить те места, с которых лучше всего видно не сцену, а правительственную ложу.

Одним из первых о новости узнал актёр Джон Уилкс Бут (он по совпадению зашёл в театр Форда за письмами, приходившими ему туда до востребования). Для него эта весть означала, что до мгновения мировой славы ему осталось всего несколько часов.

Бут принадлежал к одной из самых известных актёрских династий Америки того времени. Его отец Джуниус и старший брат Эдвин особенно прославились исполнением трагических ролей в пьесах любимого Линкольнами Шекспира. Президентская чета ещё в 1863 году аплодировала Джону Буту в театре Форда. Бут уже тогда был яркой звездой сцены и зарабатывал в год не

меньше президента — около 20 тысяч долларов, что в нынешних ценах составило бы более полумиллиона^{772}.

Но Джон ещё подростком заявил, что его цель не в том, чтобы стать таким же хорошим актёром, как отец. Он хочет остаться в памяти поколений. «Ты читал про семь чудес света? — объяснял он давнему приятелю. — Представь себе, скажем, статую Колосса Родосского. Если я найду способ разрушить её, моё имя не будет забыто, сохранится навечно, и его будут поминать во всех историях всех времён. И никакой умник, никакой праведник не сможет его вычеркнуть из всех этих историй»^{773}.

Гражданская война помогла ему выбрать объект. Бут вырос в Мэриленде, был сторонником рабовладения и в целом образа жизни плантаторского Юга, считал, что Америка создана для белых, а не для чёрных. Главная причина всех постигших страну бед, был убеждён Бут, — тирания Линкольна. Когда в 1864 году стало ясно, что Север побеждает, актёр решил помочь Югу разом решить все проблемы. Он собрал банду из старых приятелей и вознамерился похитить Линкольна во время его поездки из Белого дома в загородную резиденцию, затем доставить трофей в Ричмонд и передать правительству Конфедерации. Богатая фантазия рисовала Буту триумф Юга, обмен опозоренного Линкольна на пленников-конфедератов, победу на Севере нового президента — выдвиженца партии немедленного мира. Война заканчивалась, Юг побеждал, а он, Бут, становился творцом истории! Актёр даже отправил весь свой театральный гардероб через Канаду в Ричмонд. Вот только перехватить президента не удалось, а зимой поездки Линкольна за город прекратились. 17 марта 1865 года Бут с сообщниками попробовал устроить засаду на президента по дороге в театр, но Линкольн пропустил спектакль. Тогда и родилась идея похитить президента прямо из

театральной ложи. Однако к этому времени пал Ричмонд, и доставлять похищенного стало некуда и не к кому. Планы пришлось пересматривать.

Вечером 11 апреля, увидев силуэт Линкольна, произносящего речь в освещённом окне Белого дома, Бут подумал, как эффектно было бы застрелить его на глазах у тысяч людей. К полудню Страстной пятницы он точно знал, где, когда и как долго будет сидеть в кресле-качалке его живая мишень. В театре, каждый закоулок которого он знал как свои пять пальцев!

В тот же полуденный час генерал Роберт Андерсон поднял над фортом Самтер изодранный флаг, спущенный им четыре года назад. Ветер развернул звёздно-полосатое полотнище, шесть пушек форта дали сигнал, и на него отозвались салютом те самые орудия береговых батарей, которые начинали бомбардировку 1861 года.

А Линкольн в полдень проводил долгое, но сравнительно дружное заседание своего Кабинета. Оно известно в подробностях благодаря дневниковым записям морского министра Уэллса и заметкам Фредерика Сьюарда, представлявшего своего отца, всё ещё прикованного к постели. Генерал Улисс Грант принял общие поздравления и «коротко и сдержанно» доложил о капитуляции армии Ли при Аппоматтоксе, потом сообщил, что ждёт вестей от Шермана о сдаче Джонстона, но их до последней минуты не поступило. То же подтвердил задержавшийся в своём министерстве Стэнтон.

Линкольн направил разговор на самую главную для него тему: как организовать процедуру воссоединения с Югом с наименьшим ущербом для чувств и собственности его жителей? Он не хотел объявлять обеденный перерыв до тех пор, пока не будут хотя бы очерчены контуры будущей работы. Стэнтон развернул большой рулон своих рабочих бумаг и зачитал целый

список конкретных мероприятий. Среди прочего предлагалось стереть границы мятежных штатов и управлять ими «сверху», непосредственно из Вашингтона. Президент идею не одобрил: это была радикальная «реконструкция по-конгрессменски». Он хотел, чтобы штаты самоуправлялись, как и прежде, и надеялся, что добрые отношения с Югом восстановятся, причем, желательно, ещё до новой сессии воинствующего Конгресса: «Там есть люди, чьи мотивы благородны, но поступки непрактичны. Они преисполнены чувства ненависти и мести, которых я не разделяю». Президент убеждал правительство в необходимости отказа от репрессий, от «кровавой работы» — крови и так пролито слишком много. Конечно, вставал вопрос о наиболее последовательных мятежниках, о том же Джефферсоне Дэвисе. Для Линкольна лучшим способом было позволить им уехать из страны. Не выслать, а напугать и открыть ворота — пусть в страхе бегут за ограду (в этом месте президент сделал жест, как будто выгонял овец из загона).

После заседания Грант подошёл с извинениями: они с женой не смогут быть в театре, потому что очень соскучились по детям и дневным поездом уезжают в Нью-Джерси. К тому времени, когда вместо Грантов согласятся пойти в театр дочь сенатора Айры Гарриса Клара и её жених майор Генри Ратбон, число отказавшихся сопровождать президентскую чету превысит дюжину.

Бут в это время метался по городу: у него было всего несколько часов на подготовку дела всей жизни. Надо было отыскать и собрать в надёжном месте остатки своей банды, нанять лошадей для бегства, выбрать и приготовить оружие, разработать план...

К трём дням Линкольн вернулся с обеда с яблоком в руках. Наступал час приёма «вольных» посетителей, очередной волны прошений о должностях,

перемещениях, помилованиях. Сколько помилований президент подписал в тот день, точно неизвестно. Сохранилась записка об освобождении военнопленного при условии, что он принесёт клятву верности Союзу. Сохранилось свидетельство о помиловании дезертира, сопровождаемое комментарием: «Думаю, парень будет полезнее на земле, чем под землёй». Известен приказ об освобождении от службы сына просительницы, вдовы из штата Мэн, на основании того, что ему всего 17 лет... В полном соответствии с высказанными на заседании Кабинета мыслями президент распорядился не арестовывать бывшего министра Конфедерации Томпсона, о котором было известно, что он, уезжая в Англию, на одну ночь окажется в Портленде.

Работалось Аврааму легко — впереди была запланированная поездка-прогулка с Мэри до верфи и обратно. К пяти часам Линкольны вышли на крыльцо Белого дома. Стояла комфортная весенняя погода, и они поехали в открытой коляске — наконец-то только вдвоём. Настроение у обоих было прекрасное. Прохожие, обращавшие внимание на президентский экипаж, слышали смех госпожи Линкольн. Авраам, вспоминая Мэри, был весел до игривости и на время снова стал для неё мистером Линкольном из Иллинойса, из лучших лет их жизни: не перегруженным заботами, окружённым теми, кто любил его и кого любил он.

— Дорогой супруг! Твоя весёлость начинает меня беспокоить!

— А как же не быть весёлым, Мэри! Ведь сегодня кончится война!^{774}

Можно было поговорить о будущем — не страны, а их с Мэри, о долгом отдыхе, о путешествиях...

— Нам следует больше радоваться. Из-за войны и из-за смерти Вилли мы были слишком несчастны...

Линкольн говорил так, как будто его второй президентский срок уже закончился и они,

освободившись от груза забот и уехав от не очень приветливого Вашингтона, уже двигаются в этой коляске прочь от Белого дома... Насовсем.

Но когда Авраам в очередной раз удивился сам себе: «Я никогда в жизни не был так счастлив!» — Мэри вдруг разразилась рыданиями: «Разве ты не помнишь, что именно так ты чувствовал себя накануне смерти нашего мальчика!»

Бут в это время пришёл в театр Форда. Он играл здесь в нескольких пьесах, считался своим, и никто не обратил особого внимания на его появление. Никто не видел, как он пробрался в полумрак пустого зала, зашёл в президентскую ложу, припрятал под ковром прихожей доску, чтобы заблокировать за собой вход, провертел дырку в двери, ведущей из неосвещённой прихожей в ложу (чтобы наблюдать за своей жертвой), и, видимо, просчитал и проверил путь отхода. Возможно, актёрская фантазия уже тогда рисовала эффектную сцену: вот он спрыгивает из президентской ложи прямо на сцену, с дымящимся пистолетом в одной руке и окровавленным кинжалом в другой; вот кричит замершему от потрясения залу слова героического Брута: «*Sic semper tyrannis*» — «Такова участь всех тиранов!» Или просто: «Юг отомщён!»

...У Мэри после поездки разболелась голова, и она в какой-то момент решила не выезжать из дома. Но нервный срыв прошёл довольно быстро, и она начала загодя готовиться к выходу в театр. Линкольн в это время отправился в телеграфный офис Военного департамента — увы, новостей от Шермана не было. (Только к вечеру командующие враждующими армиями начнут договариваться о прекращении огня и проведении переговоров, а капитулирует Джонстон через четыре дня, 18 апреля.)

По дороге в департамент и обратно Линкольн разговорился с телохранителем Круком о вероятности...

своего убийства. «Я уверен, есть люди, которые хотят лишиться меня жизни, и они, без сомнения, сделают это... Я верю в тех, кто вокруг меня, в каждого из вас, но если они захотят — они сделают». Ещё раньше он признавался Гарриет Бичер-Стоу: «Как бы ни кончилась война, у меня такое чувство, что я после неё долго не проживу». Логика президента была проста: если человек решит променять свою жизнь на чью-то, он всегда сможет это сделать. И если ли смысл бояться? Если убьют — смерть придёт один раз, а жить в страхе убийства — значит мысленно умирать снова и снова^{775}. Кроме того, в секретере Линкольна хранился пухлый конверт с надписью «Убийство» — туда президент складывал письма с угрозами в свой адрес. Число их подходило к сотне, и с каждой новой чувство опасности всё больше притуплялось.

Крук пытался отговорить президента от похода в театр. Он знал, что самый преданный и надёжный телохранитель Линкольна Уорд Ламон (тот 11 апреля был направлен в Ричмонд по важному делу) умолял президента не выходить в общественные места («особенно в театр») хотя бы во время его отъезда. Но уже тогда Линкольн говорил близким: «Ламон свихнулся на почве моей безопасности». Круку он объяснил свои намерения идти в театр более терпеливо: «Газеты широко объявили, что мы там будем. Я не могу разочаровывать людей. А так я бы не пошёл — не хочется»^{776}.

Крук порывался пойти с президентом, хотя его смена закончилась пару часов назад (опять опаздывал худший из приставленных к Линкольту телохранителей Джон Паркер). Но Линкольн решил отпустить работавшего с раннего утра человека. У самого Белого дома они простились. Крук потом уверял, что вместо обычного «Спокойной ночи» президент сказал ему «Прощайте»^{777}.

Бут в те же часы, между пятью и шестью вечера, собрал заговорщиков и распределил задачи. Удар по тирании, говорил он, будет более хлестким, если одновременно с президентом будут устранены вице-президент Джонсон и госсекретарь Сьюард. Ровно в десять Джордж Атцерод должен убить Джонсона прямо в номере отеля. В то же время конфедерат-дезертир Пауэлл, ветеран сражений при Антиетаме, Чанселорсвилле и Геттисберге, лишит жизни Сьюарда. «Честь» расправиться с президентом Бут оставил себе. Он до этого никогда не убивал — разве что понарошку, на сцене. Там это всегда было легко и так трагически зрелищно!

...Время ехать в театр давно настало. Но когда там уже подняли занавес и вступил оркестр, Мэри всё ещё поторапливала мужа, засидевшегося за деловой беседой со спикером Конгресса Колфаксом: «Так вы едете со мной в театр, мистер президент, или нет»? Уже минут двадцать ждали в парке неподалёку Клара и Генри, которых президентская чета обещала захватить по дороге.

А может, президент решит, что остались ещё неотложные дела, и отменит поездку? Может, вместо этого он сочтёт необходимым встретиться с сенатором Стюартом из Невады, неожиданно появившимся в приёмной? Нет, Авраам уже помогает Мэри забраться в экипаж, и посыльный убегает вверх с запиской: «Я обещал миссис Линкольн пойти в театр. Этого обещания я никогда не нарушаю. Приходите завтра в 10, буду рад Вас видеть». Но, может быть, он поговорит с подошедшим сенатором Ашманом по поводу претензий торговцев хлопком к правительству? Нет, Авраам опять пишет записку: «Позволить мистеру Ашману с друзьями пройти ко мне в 9 часов утра», — не подозревая, что это его последний автограф. Вот он уже заносит ногу в коляску — но, может быть, остановится, повернётся и

поговорит по душам со своим давним другом, бывшим конгрессменом от Иллинойса Айзеком Арнольдом, доверительно возьмёт его под руку и вернётся в Белый дом? А там его задержит уже ждущий по важному делу экс-сенатор Орвил Браунинг?

Но нет: «Извините, я еду в театр. Приходите завтра прямо с утра»^{778}, — и колёса экипажа зашуршали по гравию. Президент оглянулся и помахал рукой остающимся.

Пьеса уже шла — английское семейство Тренчард лихорадочно искало способ расплатиться с долгами. Но едва на сцене появился их американский кузен, неотёсанный, но искренний, а главное — получивший большое наследство, спектакль был остановлен. Актёры начали аплодировать, оркестр грянул торжественный гимн «Салют командиру». Многие зрители встали. Президентская ложа, нависавшая над сценой справа от зрительного зала, на минуту-другую сама стала сценой, на которой раскланивался и улыбался Авраам Линкольн. Рядом стояла довольная Мэри, отвечая на приветственные крики символическими реверансами.

Затем «американский кузен» погрузился в пучину светских интриг, и даже охранник президента Паркер перебрался из коридора в зрительный зал, чтобы поглазеть на его приключения. Правда, к девяти часам Паркеру стало скучно. Он вышел в фойе, потом на улицу, встретил пару столь же скучающих приятелей из президентской прислуги, и они отправились в ближайший бар выпить немного эля. Через какое-то время туда же зашёл Бут, весь в чёрном, в высоких кавалерийских сапогах со шпорами (гнедая лошадь для побега после покушения уже стояла на заднем дворе театра). Бармен запомнил этот приход частого визитёра: вместо обычного бренди актёр заказал виски и осушил первый стакан со скоростью жаждущего, получившего воду. По легенде, какой-то сильно подвыпивший

посетитель задиристо бросил Буту: «Ты никогда не будешь таким актёром, как твой отец!» Ответ был примирительно-спокойным: «Когда я покину сцену, я буду самым знаменитым человеком в Америке»^{779}. Близился назначенный час.

...Бут был удивлён отсутствием охраны на всём пути от входа через вестибюль, витую лестницу и бельэтаж до президентской ложи. Недалеко от белой двери в маленькую прихожую, отделявшую ложу от зала, он постоял, прислонившись к стене. Его могли увидеть и узнать — и что с того? Актёр смотрит выступление коллег. На самом деле для Бута сам ход много раз обкатанной пьесы заменял часы. Он ждал, словно условного пароля, знакомой строчки: «Это я-то не знаю манер приличного общества, да?» — после которой следовала самая смешная, ожидаемая зрителями тирада главного героя. Что-то вроде: «Да так тебя и разэтак, старая карга, как я не знаю манер приличного общества!» Она должна была быть произнесена примерно в 10.15.

В начале одиннадцатого Бут показал визитную карточку или какую-то похожую бумажку сидевшему неподалёку от входа в прихожую ирландцу-посыльному — единственному и несерьёзному препятствию на пути к славе. Посыльный подумал, что президенту доставляют какие-то давно ожидаемые им известия (и так крутится весь день: Шерман, Шерман...), и остался сидеть.

К этому времени уже должны были вступить в дело два сообщника Бута. Но Атцерод сильно напился, ибо вспомнил, что давал согласие похищать, а не убивать, и даже не подумал совершать покушение на Джонсона. А могучий, но туповатый Пауэлл, вошедший в дом Сьюарда якобы со срочно прописанным лекарством, устроил настоящую бойню: помимо госсекретаря, изранил четверых безоружных человек, в том числе Фредерика Сьюарда. Главную жертву он бил ножом в

темноте, в горло, наверняка, но не понял, что бóльшую часть ударов приняли стальные прутья, поддерживавшие сломанную челюсть. Пауэлл убежал, а Сьюард был страшно изранен, но жив.

Между тем пьеса в театре Форда приближалась к кульминации. Бут смотрел за президентом в проверченную в двери дырку. Вот Линкольн нежно взял руку сидящей справа Мэри и обменялся с ней парой фраз. Вот отпустил...

Со сцены раздалось: «Не знаю манер приличного общества, да?» — и дальше нужно было не слушать, а действовать. Более полутора тысяч зрителей в зале смеялись и хлопали, смеялись Клара и Генри, смеялась Мэри, смеялся 16-й президент США Авраам Линкольн. Скрипа открывающейся двери слышно не было. Бут подошёл со спины, направил маленький однозарядный пистолет между затылком и левым ухом президента и нажал на спусковой крючок.

БУДУЩЕЕ В ПРОШЕДШЕМ

Когда главный герой уходит, читатели часто остаются в неведении относительно судеб других действующих лиц. Их «будущее в прошедшем» исчезает в тумане истории. Не допустим такой несправедливости и коротко проследим судьбу хотя бы самых заметных фигур.

Узнав о смерти Авраама, матушка **Сара Линкольн** уткнулась лицом в фартук и повторяла сквозь рыдания: «Я знала, что они его убьют!» Она была слишком слаба, чтобы присутствовать на похоронах, и уже никуда не выезжала с фермы в иллинойских прериях. В 1869 году её похоронили рядом с Томасом Линкольном. На ней было чёрное шерстяное платье, то самое, что Авраам подарил ей при последней встрече зимой 1861 года^{780}.

Мэри Линкольн также не имела сил присутствовать ни на одной прощальной церемонии; траурный поезд проделал тысячемильный маршрут по стране без неё. Больше месяца вдова не могла даже выехать из Белого дома. Конгресс выделил Мэри достойную пенсию, и в 1871 году она вместе с Тадом на некоторое время уехала в Европу (это была их с Авраамом мечта — по окончании президентского срока побывать в Старом Свете). «Только мой дорогой Тадди позволяет мне держаться за эту жизнь», — говорила она. Увы, вскоре после возвращения в Соединённые Штаты восемнадцатилетний Тад умер — скорее всего, от чахотки. Это было страшным ударом по Мэри; на некоторое время её пришлось поместить в клинику для душевнобольных. Остаток дней вдова Линкольна провела в Спрингфилде, в доме своей старшей сестры Элизабет и её мужа Ниньи. Она почти не выходила из своей полутёмной комнаты и стала всё чаще говорить о

желании поскорее воссоединиться с любимыми мужем и сыновьями. 16 июля 1882 года желание Мэри исполнилось.

Роберт Линкольн (Боб), единственный из сыновей Авраама и Мэри, проживший длинную жизнь, побывал военным министром при президентах Гарфилде и Артуре, послом в Великобритании при президенте Гаррисоне, решительно отказался от чести самому баллотироваться на пост президента США и занял другой пост — в железнодорожной компании Пульмана. Роберт дожил до открытия грандиозного мемориала Линкольна в Вашингтоне в 1922 году.

Верные секретари-помощники Авраама Линкольна **Николаи и Хэй** написали внушительную десятитомную биографию своего кумира. Хэй много работал на дипломатических должностях, был, как и Роберт Линкольн, послом в Англии, а затем занимал самый значимый секретарский пост в стране — государственного секретаря. В 1898 году Хэй, имея в виду конфликт США и Испании, обогатил историю выражением «маленькая победоносная война». Николаи также стал дипломатом, побывал в Париже, затем был назначен на высокую должность федерального маршала Верховного суда США.

Ближе к концу жизни Николаи и Хэй подготовили и издали первое полное собрание сочинений Линкольна.

Уильям Херндон посвятил остаток жизни увековечению памяти своего друга и партнёра. Он собрал множество устных рассказов о Линкольне, до сих пор представляющих большую ценность^{781}. Херндон много выступал с лекциями о великом президенте и написал одну из лучших его биографий, пытаясь показать Линкольна не как «монумент», а как живого человека. Разбогатеть ему на этом не удалось, а злоупотребление спиртным и неприязнь семьи старого

друга сильно усложнили последние четверть века, прожитые Херндоном без Линкольна.

Джошуа Спид остался верным идее Союза даже в раздираемом противоречиями «пограничном» штате Кентукки. Он так и не принял от Линкольна никаких должностей, но оставался влиятельным неформальным «представителем президента» на протяжении всей войны. Его брата Джеймса, решительного противника рабовладения, президент в конце 1864 года назначил генеральным прокурором. После войны Джошуа лишился рабов, но всё равно остался преуспевающим предпринимателем и землевладельцем.

Эндрю Джонсон, волею трагических обстоятельств ставший 17-м президентом США, до сих пор считается одним из худших президентов. Не имея ни достаточного авторитета на Севере, ни должного уважения на Юге, он вступил в такой кипучий конфликт с Конгрессом США и даже с собственными министрами, что в 1868 году его отделял от импичмента только один голос в сенате. Однако именно Джонсону выпала честь 20 мая 1865 года объявить о прекращении организованного вооружённого сопротивления южан в Гражданской войне, а 20 августа 1866-го — о полном окончании мятежа и воцарении «мира, порядка и спокойствия на всей территории Соединённых Штатов Америки»^{782}. Следующие два срока (1869–1877) президентом (увы, неважным) был герой войны генерал **Улисс Грант**. С окончанием его трудного президентства обычно связывают и окончание целой исторической эпохи в истории США, «эпохи Гражданской войны и Реконструкции». В президентство Гранта командующим армией США стал **Уильям Текумсе Шерман**. До конца своих дней он отказывался от участия в политике. Шерман написал мемуары, в которых взял на себя «ответственность свидетеля, стоящего перед великим трибуналом истории»^{783}.

Генерал **Джордж Макклеллан** реализовал свои политические амбиции на посту губернатора штата Нью-Джерси. Госсекретарь **Сьюард** оправился от ран и продолжил работу в Кабинете президента Джонсона, как и военный министр **Эдвин Стэнтон** и морской **Гидеон Уэллс**. Верховный судья **Салмон Чейз** не оставил мечту стать президентом и в 1868 году попытался пробиться в кандидаты в президенты от Демократической партии, но безуспешно.

Фредерик Дуглас до конца своих дней боролся за права чернокожего населения и женщин. Он занимал высокие должности в Вашингтоне, руководил негритянскими политическими организациями, а в 1889–1891 годах был генеральным консулом США на Гаити.

Журналист **Хорас Грили** воплотил свою тайную мечту стать заметным политиком и в 1872 году бросил вызов Улиссу Гранту в борьбе за пост президента. Его даже поддержали демократы (лишь бы остановить Гранта), но безуспешно. Грили проиграл, вскоре впал в безумие и умер.

Кумир Юга генерал **Роберт Эдвард Ли** занял пост президента Вашингтонского колледжа в родной Вирджинии, позже переименованного в университет Вашингтона и Ли, и однажды признался: «Я радуюсь тому, что рабство отменено, ибо уверен, что это полностью в интересах Юга. Я настолько полно удовлетворен этим, что готов принять все потери, которые принесла мне война, все страдания, которые мне довелось пережить, для того, чтобы это свершилось»^{784}.

Джефферсон Дэвис был арестован федеральными войсками (ходили устойчивые, но несправедливые слухи, что он пытался бежать, переодевшись в женское платье). Бывший президент Конфедерации провёл два года в заключении по обвинению в государственной измене. Написал самую большую в истории

оправдательную записку — 1200-страничные мемуары, в которых пытался защитить «безнадёжное дело» (*the Lost Cause*) Конфедерации.

Убийца **Джон Уилкс Бут** был выслежен в Вирджинии и, несмотря на приказ взять живым, застрелен при аресте. Этот факт до сих пор питает конспирологические версии убийства Линкольна (больше всего подозрений падает на военного министра Стэнтона). Восемь сообщников Бута были арестованы, четверо из них повешены. Следствию не удалось отыскать связь заговорщиков с правительством Конфедерации.

Альберт Вульсон, барабанщик 1-го полка тяжёлой артиллерии Миннесоты, прожив без малого 40 лет, умер 2 августа 1956 года. Он никогда не общался с Линкольном, но был последним из четырёх миллионов участников Гражданской войны, последним живым звеном, связывающим настоящее с прошедшим, пока оно окончательно не стало историей...

Авраам Линкольн после окончания президентского срока... Если бы Авраам Линкольн остался жив, то после окончания президентского срока в 1869 году вернулся бы домой в Спрингфилд (несмотря на просьбы Мэри переехать в Чикаго). Он намеревался поселиться «до конца дней своих» в прежнем доме на углу Восьмой и Джексона. Он не знал, что друзья и союзники уже собирали деньги, чтобы выкупить и поднести в подарок семье Линкольна пустовавший в то время дом губернатора Матгисона, «самый красивый дом во всём Иллинойсе»^{785}. Зарабатывать на жизнь Авраам намеревался адвокатской практикой, возможно, специализируясь на прибыльных делах, касающихся железных дорог^{786}. Но прежде он хотел вместе с Мэри и сыновьями попутешествовать: повидать Европу, а потом Калифорнию. А на закате дней составить историю своих предков...

Могила Линкольна в Спрингфилде, на кладбище «Оук Ридж» («Дубовая гряда»), не сразу стала местом умиротворения и покоя. В 1876 году один из криминальных авторитетов Чикаго организовал попытку похитить гроб с останками великого президента, чтобы добиться освобождения своего сообщника и в придачу получить огромный выкуп. Злоумышленников арестовали на месте преступления. После этого случая из соображений то сохранности, то безопасности гроб несколько раз передвигали и даже дважды вскрывали. Наконец, в 1901 году с согласия Роберта Линкольна заключили в стальную клетку и замуровали в бетонный саркофаг на трёхметровой глубине.

Многие иностранные туристы полагают, что могила Линкольна находится в столичном Вашингтоне, там, где на берегу реки Потомак стоит мемориал, стилизованный под античный храм с тридцатью шестью (по числу штатов в 1865 году) дорическими колоннами, поддерживающими свод. Под ним в огромном мраморном кресле восседает монументальный, почти шестиметровый, 16-й президент США. Сзади и с боков кресло задрапировано флагом — символом единой страны, которую он поклялся защищать и оберегать. За спиной президента — крупно высеченная на плите надпись:

В ЭТОМ ХРАМЕ,
КАК И В СЕРДЦАХ НАРОДА,
ДЛЯ КОТОРОГО ОН СОХРАНИЛ СОЮЗ,
ПАМЯТЬ ОБ АВРААМЕ ЛИНКОЛЬНЕ
БУДЕТ ХРАНИТЬСЯ ВЕЧНО.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВРААМА ЛИНКОЛЬНА

1809, 12 февраля — в штате Кентукки, в семье фермера Томаса Линкольна и его жены Нэнси родился сын Авраам.

1816, декабрь — переезд семьи в штат Индиана.

1818, 5 октября — смерть матери.

1819, 2 декабря — женитьба отца на Саре Буш-Джонсон.

1821 — начал брать книги у соседей для самообразования.

1827 — заработал первый доллар за перевозку пассажиров к пароходу.

1828, апрель — сплавлился с фермерской продукцией по рекам Огайо и Миссисипи до Нового Орлеана.

1830, март — переезд семьи в штат Иллинойс.

1831, весна — начал самостоятельную жизнь в городке Нью-Салем.

1832, 9 марта — впервые выдвинул себя в качестве кандидата в депутаты Законодательного собрания штата.

7 апреля—15 июля — участвовал в войне против Чёрного Ястреба командиром роты ополчения, затем рядовым разведчиком-добровольцем.

6 августа — проиграл первые выборы.

1833 — стал почтмейстером и помощником землемера.

1834, 4 августа — избран в Законодательное собрание штата Иллинойс. Первый серьёзный роман с Энн Ратледж.

1835, 25 августа — пережил потрясение в связи со смертью Энн Ратледж. Интенсивно изучал право.

1836, 1 августа — вторично избран в Законодательное собрание.

9 сентября — получил лицензию юриста.

1837, 3 марта — впервые публично выступил против рабовладения.

Апрель — переехал в Спрингфилд, столицу штата; стал партнёром в юридической конторе Джона Стюарта. Подружился с Джошуа Спидом.

1838, 6 августа — в третий раз избран в Законодательное собрание штата.

1839 — познакомился с Мэри Тодд.

1840, 3 августа — в четвёртый раз избран в Законодательное собрание штата.

1841, 1 марта — стал партнёром юриста Стивена Логана.

1842, 22 сентября — несостоявшаяся дуэль с демократом Джеймсом Шилдсом.

4 ноября — женился на Мэри Тодд.

1843, 1 августа — рождение первенца Роберта.

1844, 16 января — купил дом в Спрингфилде.

После 9 декабря — организовал с партнёром Уильямом Херндоном юридическую фирму.

1846, 10 апреля — рождение сына Эдди.

3 августа — выбран в Конгресс США.

1847, 6 декабря — начал работу в Конгрессе в Вашингтоне.

22 декабря — выступил с осуждением войны с Мексикой, за что получил прозвище «запятнанный конгрессмен».

1848, сентябрь — участвовал в политической кампании партии вигов в Новой Англии в поддержку кандидата в президенты Захарии Тейлора, познакомился с Уильямом Сьюардом.

Сентябрь — октябрь — вернулся с семьёй в Иллинойс.

1849, 10 января — предложил внести законопроект об отмене рабовладения в столичном округе Колумбия.

4 марта — завершил деятельность конгрессмена.

31 марта — оставил политику и возвратился к юридической практике.

22 мая — получил патент на механизм для преодоления судами речных мелей.

1850, 1 февраля — смерть сына Эдди.

21 декабря — рождение сына Вилли.

1851, 17 января — смерть отца.

1852, 6 июля — произнёс речь в память своего политического кумира Генри Клея.

1853, 4 апреля — рождение младшего сына Томаса («Тада»).

1854, лето — возвратился в политику в связи с принятием Конгрессом «Акта Канзас — Небраска».

16 октября — произнёс речь в Пеории против «Акта Канзас — Небраска».

Осень — отказался от места в Законодательном собрании штата ради участия в выборах в сенат США.

1855, 8 февраля — проиграл выборы в сенат.

1856, февраль — май — участвовал в организации Республиканской партии в штате Иллинойс.

19 июня — впервые выдвинут, но не утверждён кандидатом в вице-президенты США.

1857, 26 июня — выступил против решения Верховного суда по делу Дреда Скотта.

1858, 7 мая — выиграл своё самое известное «Календарное дело».

16 июня — произнёс знаменитую речь «Дом разделённый».

21 августа — 15 октября — участвовал в дебатах с сенатором-демократом Стивеном Дугласом.

2 ноября — потерпел поражение на выборах в сенат.

1859 — провёл серию политических выступлений в штатах Среднего Запада.

1860, 27 февраля — произнёс речь в Куперинституте.

28 февраля — 10 марта — совершил политический тур по Новой Англии.

18 мая — на съезде Республиканской партии в Чикаго выдвинут кандидатом в президенты.

6 ноября — избран 16-м президентом США.

20 декабря — объявление Южной Каролины о выходе из Союза штатов, начало сецессии.

1861, 8 февраля — принятие временной Конституции Конфедеративных штатов Америки.

11-23 февраля — переехал из Спрингфилда в Вашингтон.

4 марта — инаугурация.

12 апреля — обстрел форта Самтер, начало Гражданской войны.

15 апреля — призвал в ополчение 75 тысяч человек.

17 апреля — присоединение Вирджинии к Конфедерации.

21 июля — поражение федеральных сил при Булл Ране.

1862, 13 января — назначил Эдвина Стэнтона военным министром.

20 февраля — смерть сына Вилли.

6 марта — предложил план освобождения рабов за денежную компенсацию.

16 апреля — подписал акт об освобождении рабов в столичном округе Колумбия.

17 сентября — битва при Антиетаме, самый кровавый день в истории США.

22 сентября — начал распространение предварительного текста «Прокламации об освобождении рабов».

1863, 1 января — подписал «Прокламацию об освобождении рабов», касающуюся мятежных территорий.

1-3 июля — битва при Геттисберге.

4 июля — падение Виксберга.

19 ноября — произнёс «Геттисбергскую речь».

9 декабря — предложил Конгрессу «десятипроцентный план» послевоенной реконструкции страны.

1864, 12 марта — назначил главнокомандующим генерала У. С. Гранта.

8 июня — выдвинут Республиканской партией на второй президентский срок.

11-12 июня — появился под неприятельским огнём на позициях в форте Стивенс у Вашингтона.

8 ноября — убедительно победил на президентских выборах.

6 декабря — предложил кандидатуру республиканца Салмона Чейза на должность председателя Верховного суда США.

1865, 31 января — принятие Конгрессом 13-й поправки к Конституции США с запретом рабства.

4 февраля — участвовал в безрезультатных мирных переговорах с конфедератами.

4 марта — на инаугурации произнёс речь о «милости ко всем».

4 апреля — приехал в покорённую столицу Конфедерации Ричмонд.

11 апреля — выступил с последней публичной речью в связи с капитуляцией армии южан в Аппоматтоксе.

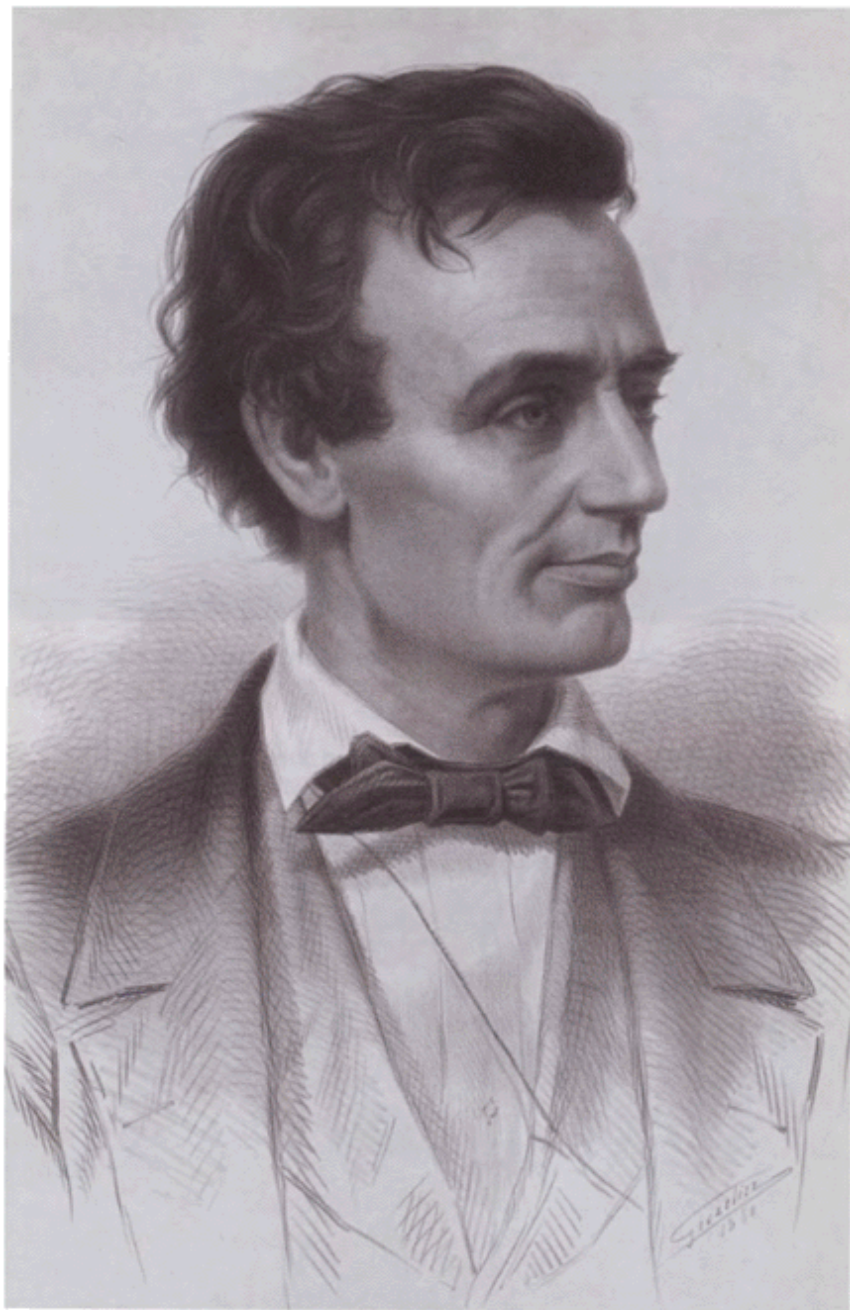
14 апреля — смертельно ранен в голову в театре Форда в Вашингтоне.

15 апреля, 7 часов 22 минуты — скончался, не приходя в сознание.

21 апреля — 3 мая — почти 1700-мильный маршрут траурного поезда из Вашингтона в Спрингфилд.

4 мая — похоронен на кладбище «Дубовая гряда» в Спрингфилде, Иллинойс.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Abraham Lincoln

***Дом Мордекая Линкольна в штате Пенсильвания,
построен в 1733 году. Современный вид***

Дэниел Бун ведёт переселенцев через Камберлендский проход. Дж. Бингем. 1851-1852 гг.

Томас Линкольн, отец будущего президента. Около 1850 г.

«Матушка» Сара Буш-Линкольн. Около 1864 г.

***Смерть деда, Авраама Линкольна. Рисунок
Г. Фарни. 1896 г.***

Хижина, в которой родился Авраам Линкольн

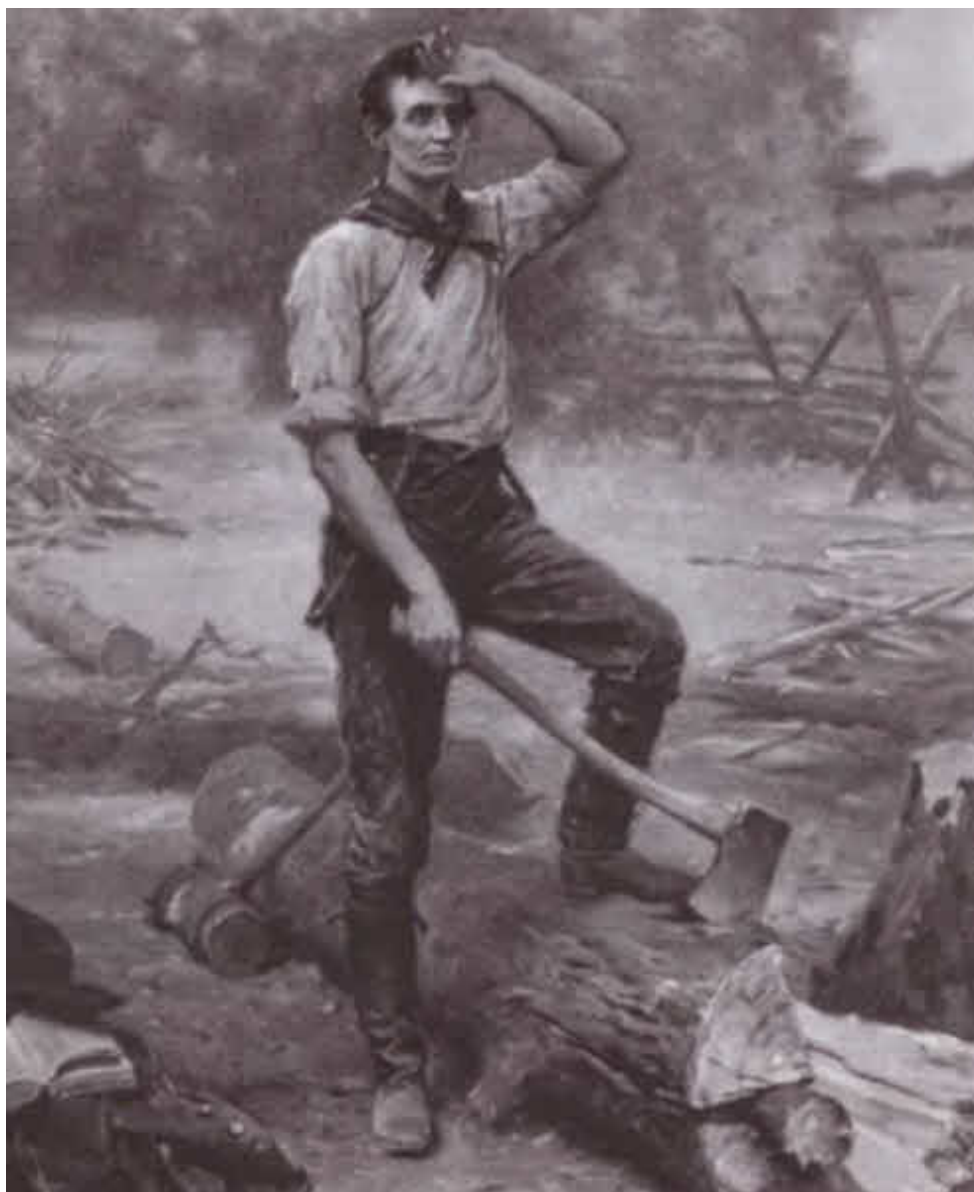
Детство Линкольна. И. Джонсон. 1868 г.

Новый Орлеан. 1810-е гг.

Продажа рабов в Новом Орлеане. 1810-е гг.

«Настоящий американец». Ж. Феррис. 1909 г.

Изгородь из брусьев — один из символов фермерской Америки. Линкольн в молодости наколот бессчётное количество брусьев для таких изгородей

***Лавка Линкольна — Берри в Нью-Салеме.
Реконструкция***

На подобном плоту Линкольн сплавлялся по Миссисипи до Нового Орлеана. Дж. Бингем. 1846 г.

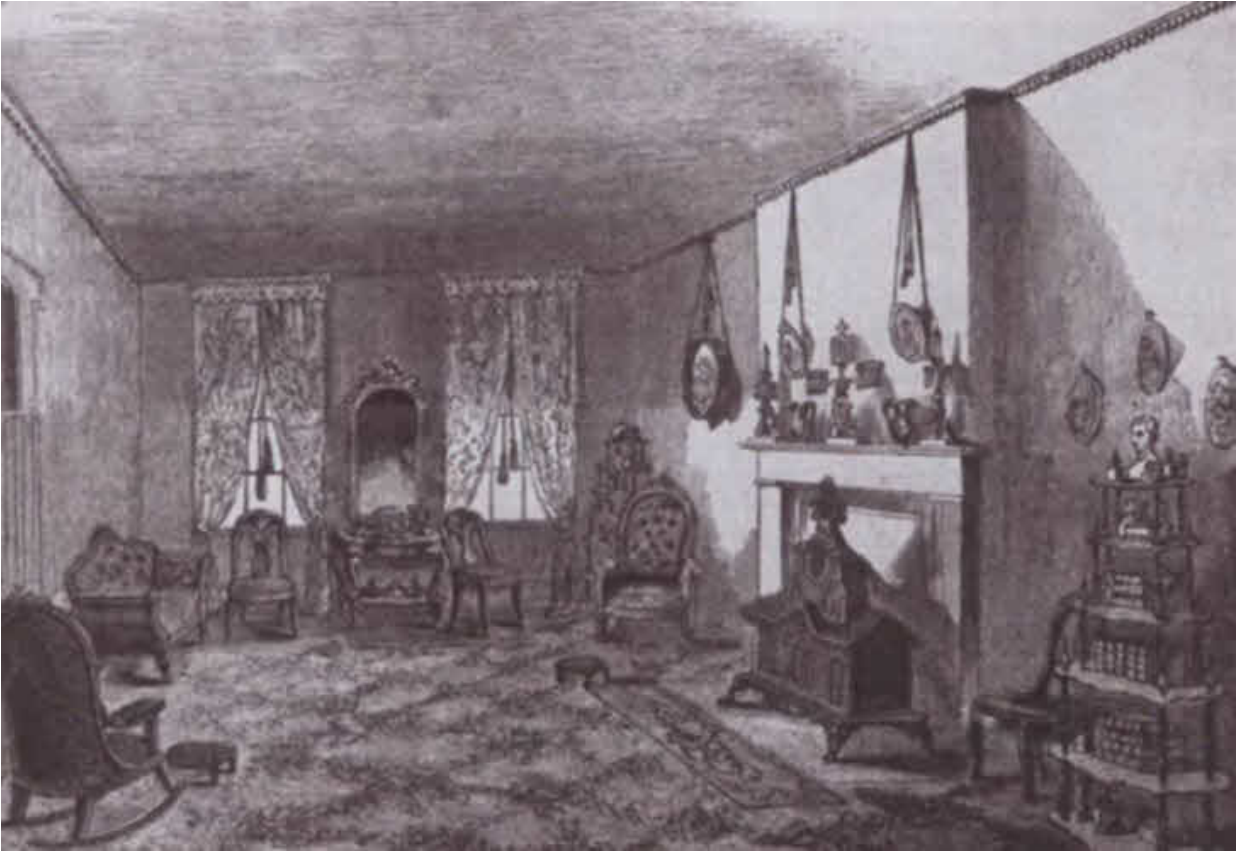
Первые известные портреты Авраама и Мэри Линкольн. Дагеротипы Н. Шепарда. 1846 г.

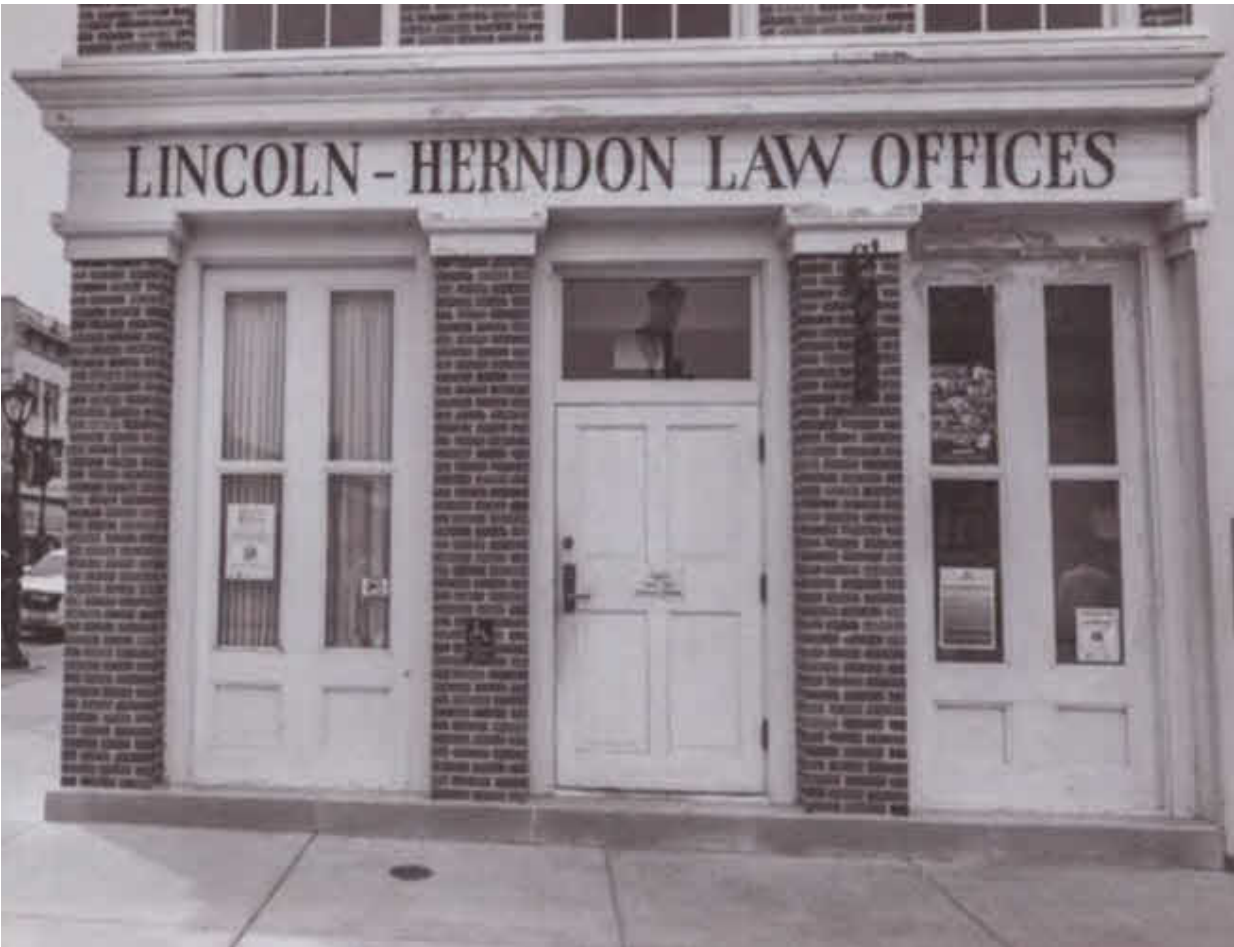
Центральная площадь Спрингфилда. Крестиком отмечен дом, в котором находилась адвокатская контора Линкольна — Херндона. 1858 г.

Дом Линкольнов в Спрингфилде

Гостиная в доме Линкольнов. Рисунок из «Иллюстрированной газеты Лесли». 9 марта 1861 г.

***Вход в адвокатскую контору Линкольна —
Херндона. Современный вид***

***Интерьер адвокатской конторы Линкольна —
Херндона.***

***Рисунок из «Иллюстрированной газеты Лесли». 22
декабря 1860 г.***

Адвокат Линкольн объезжает судебный округ.

Памятная медаль и литография Л. Бонхайо 1936 года

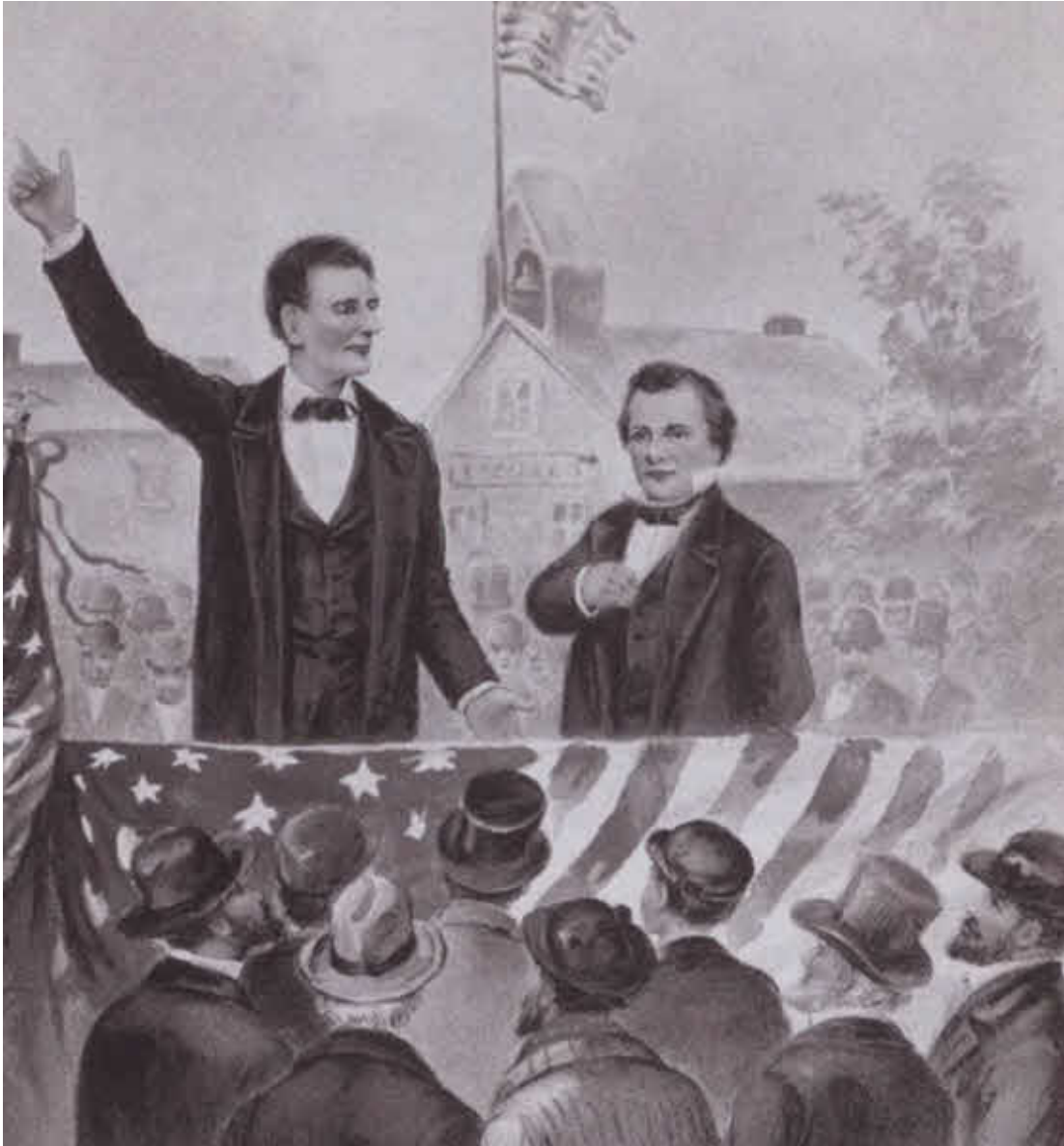
***Маркеры на дорогах Иллинойса отмечают, что
здесь в 1847-1859 годах много раз проезжал
адвокат Линкольн***

**«Политическая кадрили, музыка Дреда Скотта».
Справа вверху в пару Линкольну поставлена
негритянка. Карикатура 1857 г.**

***Речь Линкольна в Пеории 16 октября 1854 года.
Ч. Оверолл. Не позднее 1924 г.***

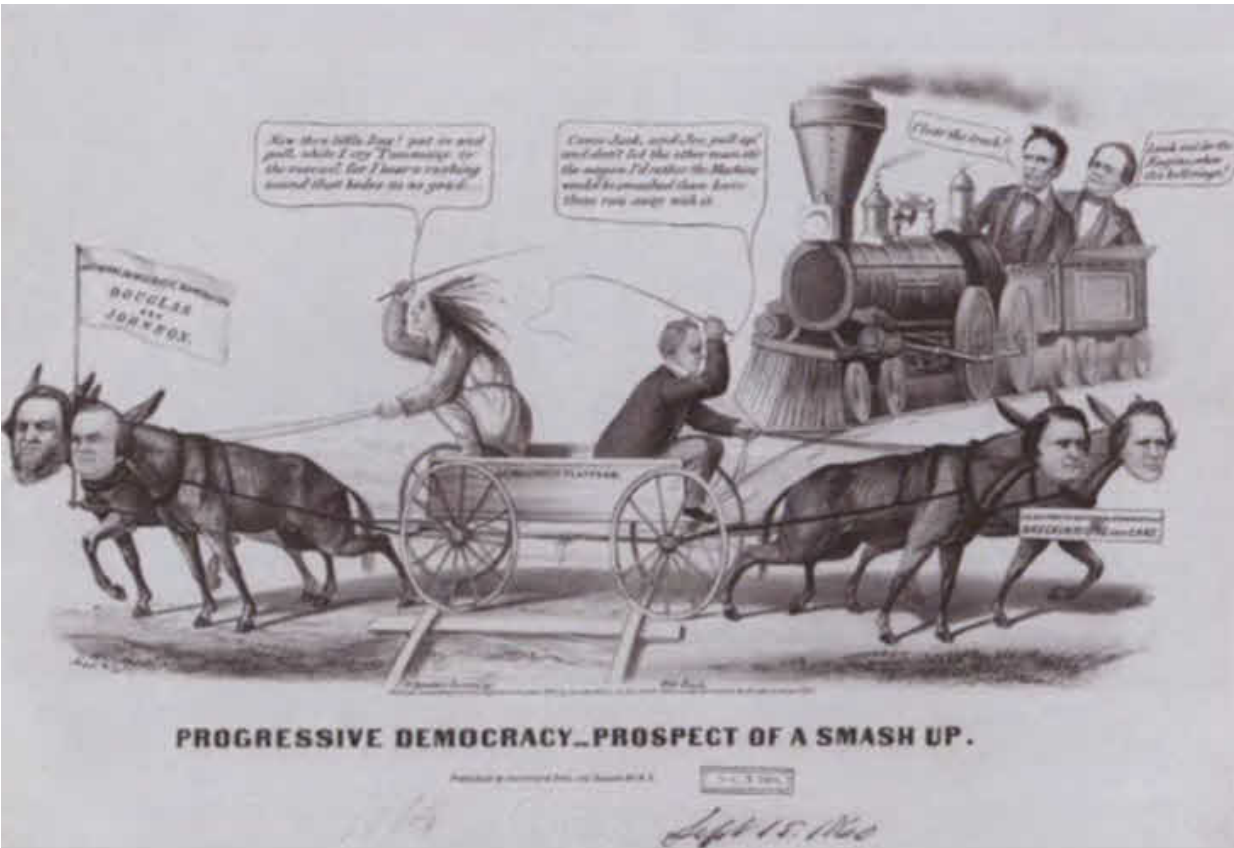
Дебаты республиканца Авраама Линкольна и демократа Стивена Дугласа перед выборами сенатора в 1858 году воспринимались жителями Иллинойса как политическое шоу и ярмарочное представление

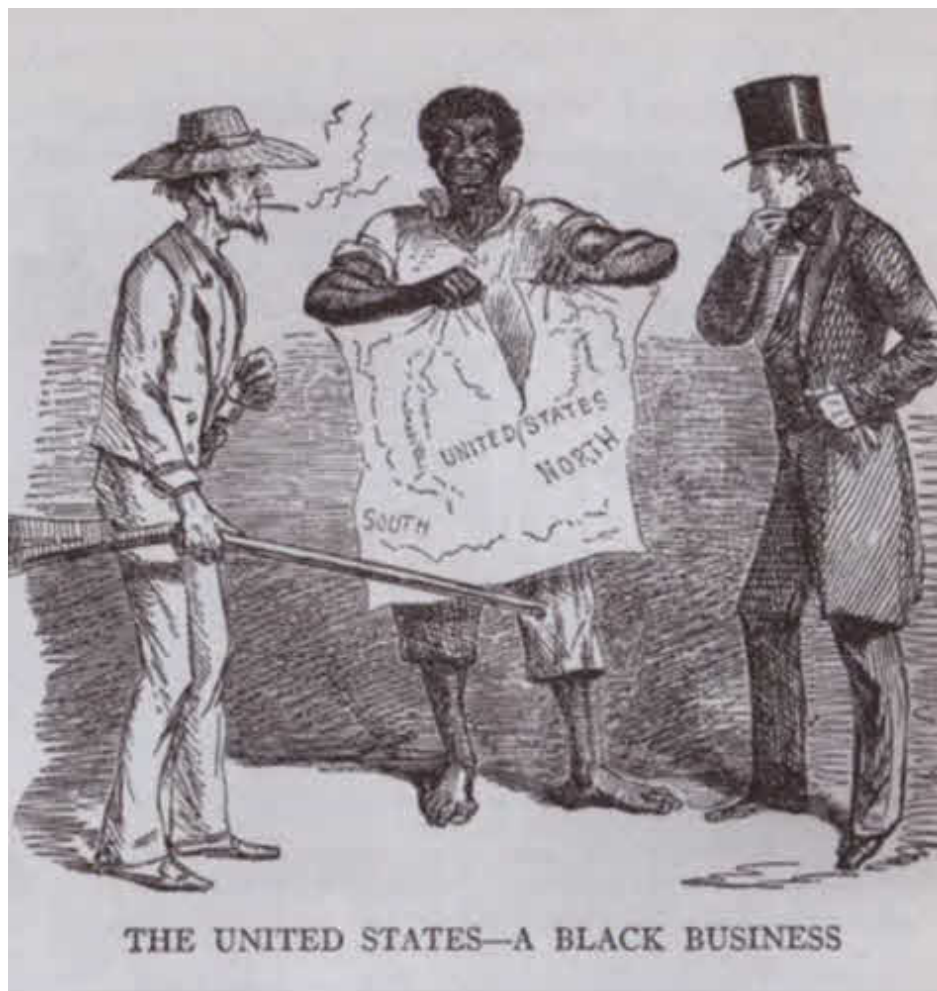
***Цилиндр, неременный атрибут Линкольна,
использовался им ещё и для хранения важных
бумаг***

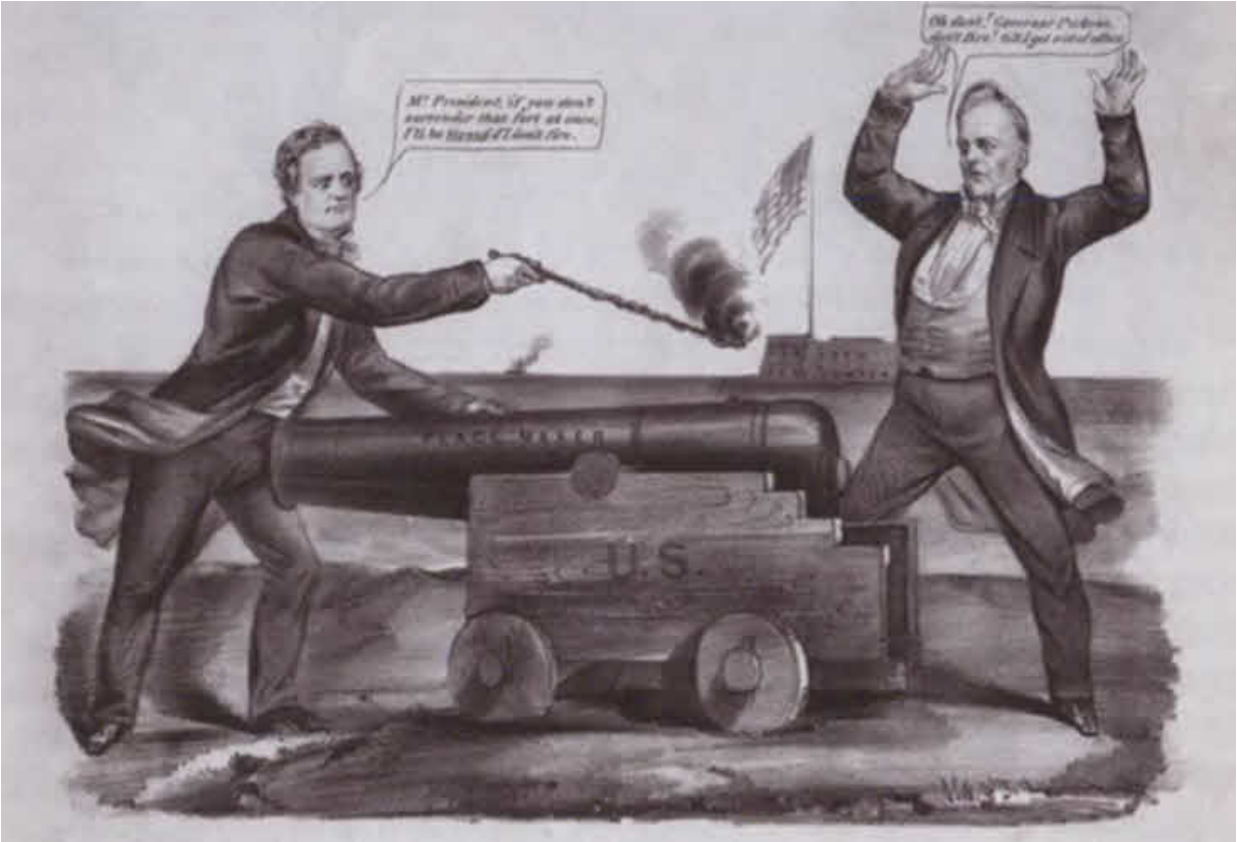
***В 1860 году в Чикаго для проведения съезда
Республиканской партии по выдвижению
кандидата в президенты был построен «Вигвам».
Рисунок из еженедельника «Харперс уикли». 19
мая 1860 г.***

**«Машинист» Линкольн кричит соперничавшим между собой кандидатам в президенты от Демократической партии С. Дугласу и Дж. Брекенриджу: «Освободите дорогу!»
Карикатура 1860 г.**

Карикатура, «обвиняющая» чернокожих рабов в разрыве между Югом и Севером. Конец 1860 г.

Президент Бьюкенен умоляет губернатора Южной Каролины Пикенса не поджигать фитиль Гражданской войны. Карикатура начала 1861 г.

***Прощальное выступление Линкольна в
Спрингфилде 11 февраля 1861 года перед
отъездом в Вашингтон***

**Президент Линкольн. Фото А. Гарднера. 8 ноября
1863 г.**

Авраам Линкольн накануне первой инаугурации.

Фото А. Гарднера. 24 февраля 1861 г.

***Верховный судья Роджер Тони принимает клятву
16-го президента США***

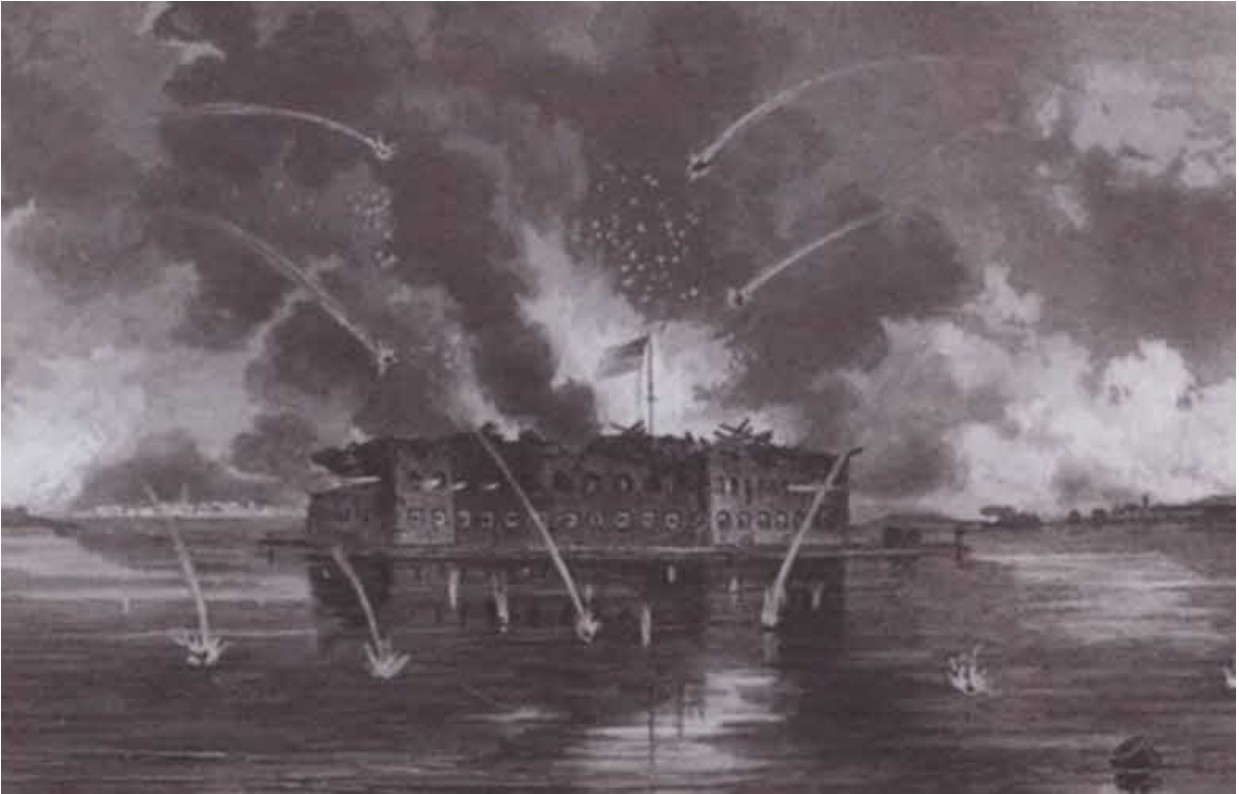

Первая леди Мэри Линкольн в бальном платье.

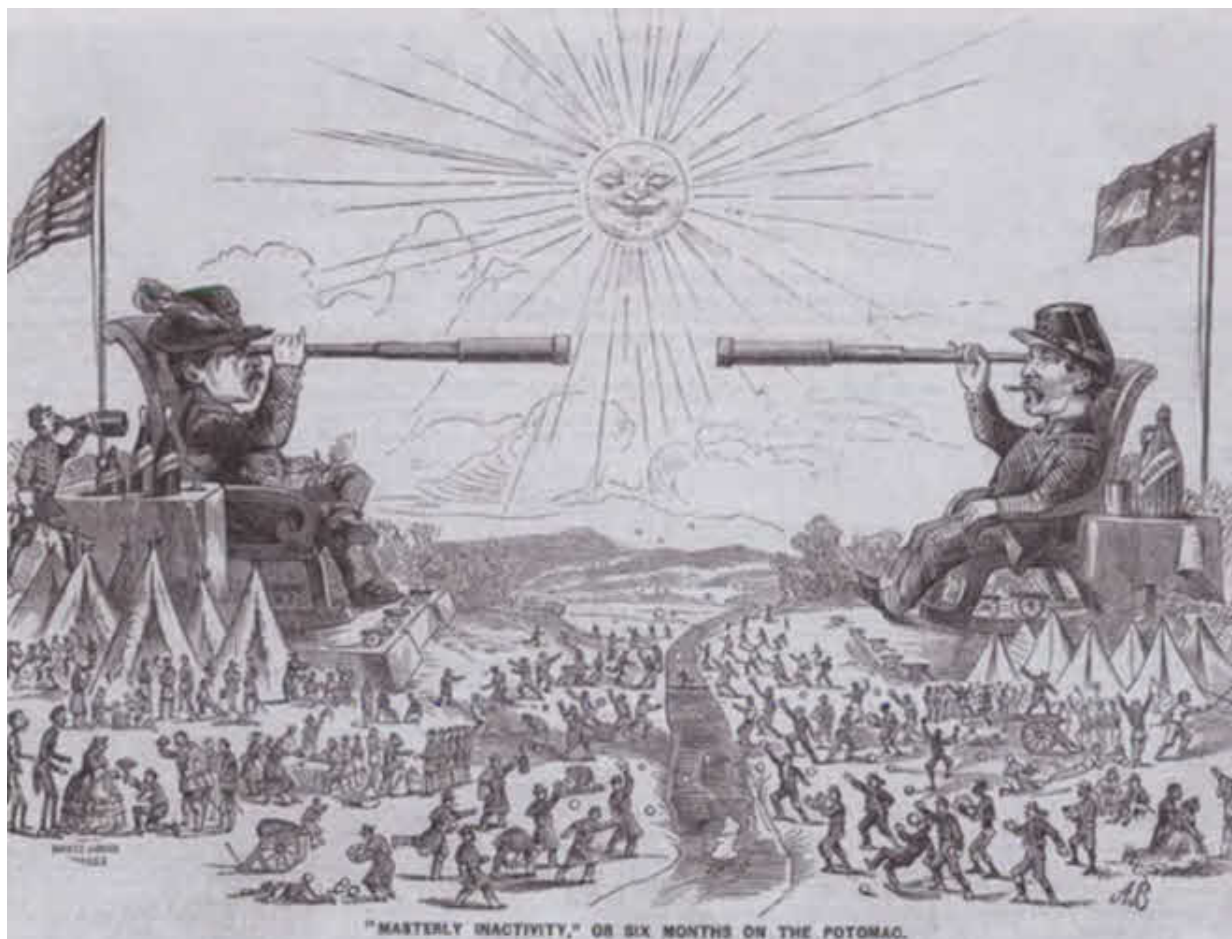
Фото М. Брэди. 1861 г.

Современники считали символичным, что здание Капитолия в 1861 году находилось в процессе перестройки. 4 марта 1861 г.

Обстрел форта Самтер 12 апреля 1861 года стал началом Гражданской войны. Гравюра Дж. Перина. 1861 г.

«На Потомаке всё спокойно»: «странная война» на главном театре военных действий. Карикатура зимы 1861/62 г.

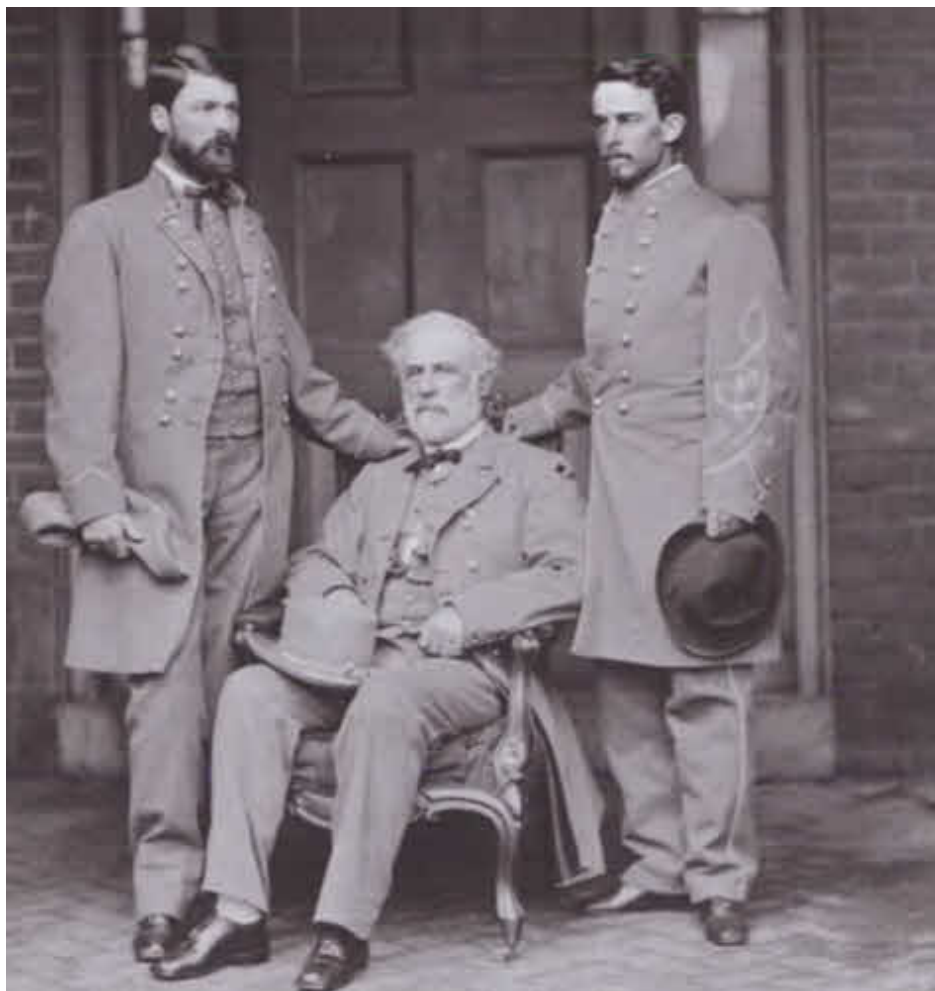
***Президент Линкольн и генерал Макклеллан
(четвёртый слева от Линкольна) в расположении
армии «Потомак». Фото М. Гарднера. 3 октября
1862 г.***

Битва при Антиетаме 17 сентября 1862 года стала самым кровопролитным однодневным сражением в американской истории. Хромолитография Л. Курца и А. Эллисона. 1888 г.

***Президент Конфедеративных штатов Америки
Джефферсон Дэвис. Фото М. Брэди. Не позднее
1861 г.***

Главнокомандующий армией Конфедерации генерал Роберт Эдвард Лис сыном (слева) и адъютантом. Фото М. Брэди. 16 апреля 1865 г.

***Главнокомандующий армией Федерации генерал
Улисс Симпсон Грант. Фото Э. Фоукса. Лето 1864 г.***

Командующий войсками северян на Западном театре военных действий генерал Уильям Текумсе Шерман. Фото Дж. Барнара. Осень 1864 г.

Первое чтение президентом Линкольном «Прокламации об освобождении рабов». Слева направо: военный министр Эдвин Стэнтон, министр финансов Салмон Чейз, Авраам Линкольн, морской министр Гидеон Уэллс, министр внутренних дел Калед Смит, госсекретарь Уильям Сьюард, генеральный почтмейстер Монтгомери Блэр, генеральный прокурор Эдвард Бейтс. Ф. Карпентер. 1864 г.

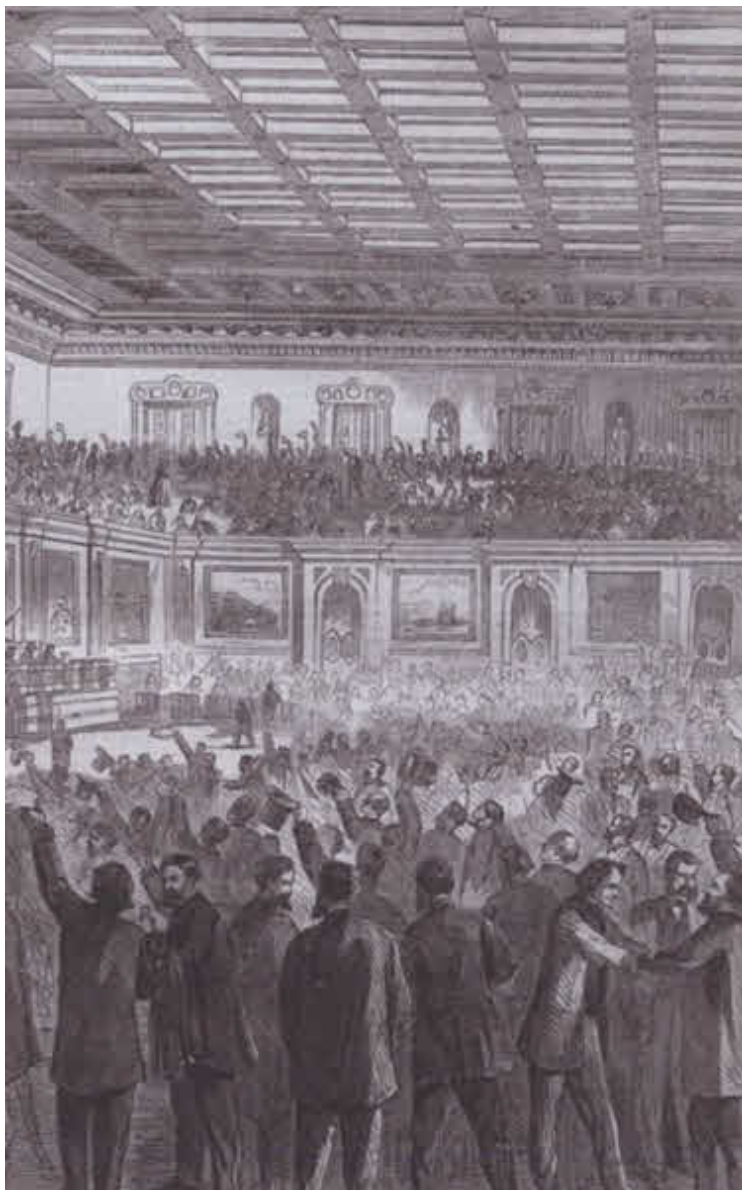
Вторая инаугурация Линкольна.

Фото А. Гарднера. 4 марта 1865 г.

Публика наблюдает за инаугурацией президента.

4 марта 1865 г.

Конгресс США 31 января 1865 года в момент принятия отменяющей рабство 13-й поправки к Конституции. Рисунок из еженедельника «Харперс уикли». 18 февраля 1865 г.

Миротворцы. Военный совет на борту президентского парохода «Королева рек» 28 марта 1865 года. Слева направо: генерал У. Т. Шерман, генерал У. С. Грант, президент А. Линкольн, адмирал Д. Д. Портер. Дж. Хили. 1868 г.

***Развалины Ричмонда после его взятия
федеральными войсками. Фото 1865 г.***

Авраам Линкольн с сыном Тадом.

Фото А. Гарднера. 10 апреля 1865 г.

Линколън в Ричмонде. Д. Картер. 1866 г.

***Убийство Линкольна в театре Форда 14 апреля
1865 года.***

Литография. Между 1865 и 1870 гг.

Авраам Линкольн на смертном одре.

Гравюра Н. Кариера и Дж. Айвза. 1865 г.

***Траурная процессия на кладбище «Дубовая гряда»
в Спрингфилде 4 мая 1865 года.***

Гравюра по рисунку Т. Хогана. 27 мая 1865 г.

«Да будет мир!» Капитуляция армии генерала Ли 9 апреля 1865 года. Ж. Феррис. 1920 г.

Мемориал Линкольна в Вашингтоне

БИБЛИОГРАФИЯ

Справочники

Lincoln Day by Day: A Chronology. 1809–1865 / Ed. by E. S. Myers: In 3 vol. Washington, 1960.

Long E. B. The Civil War Day by Day: An Almanac 1861–1865. New York, 1971.

Neely M. E. Jr. The Abraham Lincoln Encyclopedia. McGraw-Hill, 1992.

The Lincoln Log. A Daily Chronology of the Life of Abraham Lincoln // <http://www.thelincolnlog.org>.

Словарь американской истории / Под ред. Т. Первиса. М., 2007.

Источники

Abe Lincoln Laughing: Humorous Anecdotes from Original Sources by and about Abraham Lincoln // Ed. by P. M. Zahl. Berceley; Los Angeles, 1982.

Abraham Lincoln Papers at the Library of Congress) // <http://memory.loc.gov/ammem/alhtml/malhome.html>.

The Diary of Edward Bates 1859–1866 / Ed. by H. K. Beale. Washington, 1933.

The Collected Wbrks of Abraham Lincoln / Ed. by R. P. Basler. In 8 vol. New Brunswick, 1953.

The Collected Wbrks of Abraham Lincoln: Supplement 1832–1864 / Ed. by R. P. Basler. Wfestport, 1974.

The Collected Wbrks of Abraham Lincoln: Second Supplement, 1848–1865 / Ed. by R. P. Basler, Ch. O. Basler. New Brunswick, 1990.

Herndon's Informants: Letters, Interviews, and Statements about Abraham Lincoln / Ed. by D. J. Wilson,

R. Davis. Urbana, 1997.

Recollected Wbrds of Abraham Lincoln / Comp, and ed. by D. E. Fehrenbacher, V. Fehrenbacher. Stanford, 1996.

The Law Practice of Abraham Lincoln) // <http://www.lawpracticeofabra-hamlincoln.org/Search.aspx>.

Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001) с историческим комментарием / Пер. с англ.; общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. М., 2001.

Биографии

Beveridge A. J. Abraham Lincoln. 1809–1858: In 2 vol. Boston; New York, 1928.

Burlingame M. Abraham Lincoln: A Life: In 2 vol. Baltimore, 2008.

Donald D. H. Lincoln. London, 1995.

Herndon W. H, Weik J. W. Abraham Lincoln: the True Story of a Great Life: In 2 vol. New York, 1892.

Kunhardt Ph. Jr., Kunhardt Ph. III, Kunhardt P. Lincoln: An Illustrated Biography. New York, 1999.

Nicolay J. G., Hay J. Abraham Lincoln: A History: In 10 vol. New York, 1890.

Oates S. B. With Malice toward None: the Life of Abraham Lincoln. New York, 1977.

Randall J. G. Lincoln the President: In 4 vol. New York, 1945–1955.

Sandburg C. Abraham Lincoln: The Prairie Years and The War Years. New York, 1954.

Thomas B. P. Abraham Lincoln: A Biography. New York, 1952.

White R. C. Jr. A. Lincoln: A Biography. New York, 2009.

Сэндберг К. Линкольн. М., 1961.

Работы по отдельным темам

Angle P. M. Here I Have Lived: A History of Lincoln's Springfield, 1821-1865. Springfield, 1935.

Baker J. Mary Todd Lincoln: A Biography. New York, 1987.

Bishop J. The Day Lincoln Was Shot. New York, 1955.

DeRose C. Congressman Lincoln: The Making of America's Greatest President. New York, 2013.

Dirck B. Lincoln the Lawyer. Urbana; Chicago, 2007.

Donald D. H. «We Are Lincoln Men». New York, 2003.

Findley P. A. Lincoln: The Crucible of Congress. The Years which Forged His Greatness. New York, 1979.

Goodwin D. K. Team of Rivals: the Political Genius of Abraham Lincoln. New York, 2005.

Guelzo A. C. Lincoln's Emancipation Proclamation: The End of Slavery in America. New York, 2004.

Guelzo A. C. Lincoln and Douglas: The Debates that Defined America. New York, 2008.

Holzer H. Lincoln at Cooper Union: the Speech that Made Abraham Lincoln President. New York, 2004.

Holzer H. Lincoln: President Elect: Abraham Lincoln and the Great Secession Winter, 1860-1861. New York, 2009.

Jaffa H. V. A New Birth of Freedom: Abraham Lincoln and the Coming of The Civil War. Lanham, 2000.

Johannsen R. W. Stephen A. Douglas. New York, 1973.

McPherson J. M. Abraham Lincoln and the Second American Revolution. New York, 1991.

McPherson J. M. Battle Cry of Freedom: The Civil War Era. New York, 1988.

McPherson J. M. Tried by War: Abraham Lincoln as Commander-in-Chief. New York, 2008.

Perret G. Lincoln's War: The Untold Story of America's Greatest President as Commander in Chief. New York, 2004.

Pratt H. E. Personal Finances of Abraham Lincoln. Chicago, 1943.

Randall R. P. Mary Lincoln: Biography of a Marriage. Boston, 1953.

Simon P Lincoln's Preparation for Greatness: The Illinois Legislative Years. Norman, 1965.

Stahr W. Seward: Lincoln's Indispensable Man. New York, 2012.

The Historian's Lincoln: Pseudohistory, Psychohistory, and History / Ed. by G. Boritt. Urbana, 1988.

The Mary Lincoln Enigma: Historians on America's Most Controversial First Lady / Ed. by F. J. Williams, M. Burkheimer. Carbondale, 2012.

Thomas B. P. Lincoln's New Salem. Springfield, 1934.

Warren L. A. Lincoln's Parentage and Childhood: A History of the Kentucky Lincolns Supported by Documentary Evidence. New York, 1926.

Warren L. A. Lincoln's Youth: Indiana Years, Seven to Twenty-One 1816-1830. New York, 1959.

Waugh J. C. Reelecting Lincoln: The Battle for the 1864 Presidency. New York, 1998.

White R. C. Jr. The Eloquent President: A Portrait of Lincoln through his Words. New York, 2005.

Wilson D. L. Honor's Voice: the Transformation of Abraham Lincoln. New York, 1998.

Winkle K. J. The Young Eagle: The Rise of Abraham Lincoln. Dallas, 2001.

Алентьева Т. В. Роль общественного мнения в канун Гражданской войны в США (1850-1861 годы). Курск, 2008.

Бурин С. Н. На полях сражений Гражданской войны в США. М., 1988.

Зинн Г. Народная история США. М., 2006.

Иванов Р. Ф. Авраам Линкольн и Гражданская война в США. М., 2004.

Кормилец А., Поршаков С. Кризис двухпартийной системы США накануне и в годы Гражданской войны. М., 1987.

Куропятник Г. П. Гражданская война в Северной Америке. 1861-1865. М., 2009.

Макферсон Д. Боевой клич свободы: Гражданская война 1861-1865 / Пер. с англ. Д. Голубцова. Екатеринбург, 2012.

Согрин В. В. Центральные проблемы истории США. М., 2013.

Супоницкая И. М. Почему началась Гражданская война в США: Материалы к урокам. М., 2005.

INFO

Олейников Д. И.
О-53 Авраам Линкольн / Дмитрий
Олейников. — М.: Молодая гвардия, 2016. —
415[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей:
сер. биогр.; вып. 1571).

ISBN 978-5-235-03873-8

УДК 94(73)"18"
ББК 63.3(7)52

знак информационной продукции 16+

Олейников Дмитрий Иванович
АВРААМ ЛИНКОЛЬН

Редактор *Е. А. Никулина*
Художественный редактор *К. В. Забусик*
Технический редактор *В. В. Пилкова*
Корректоры *Т. И. Маляреуко, Г. В. Платова*

Сдано в набор 16.11.2015. Подписано в
печать 21.12.2015. Формат 84x108/32. Бумага
офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура
«Newton». Усл. печ. л. 21,84+1,68 вкл. Тираж
3000 экз. Заказ № 1517960.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес
издательства: 127055, Москва, Сущёвская ул.,
21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail:
dse1@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленного электронного
оригинал-макета в ООО «Ярославский
полиграфический комбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

notes

Примечания

1

Английская и американская (сухопутная) миля составляет 1609,344 метра.

2

Акр составляет 4047 квадратных метров (0,4 гектара).

3

Это громоздкое сооружение именуется на английском *flatboat*, что в отечественной литературе упорно и неправильно переводят как «лодка-плоскодонка».

4

Г. Лонгфелло. Эванджелина. Перевод Г. Кружкова.

В настоящее время найдено достаточно документов, опровергающих мнение о неграмотности Томаса Линкольна (см.: Herndon's Informants: Letters, Interviews, and Statements about Abraham Lincoln / Ed. by D. J. Wilson, R. Davis. Urbana, 1997. P. 107; *Coleman C. H., Coleman M. Thomas Lincoln: Father of the Sixteenth President.* Bloomington, 2015. P. 12).

6

Территория — административная единица США, ещё не получившая статуса и прав штата.

7

Имеется в виду англо-американская война 1812-1814 годов.

8

Ярд равен 91,44 сантиметра.

9

Фут равен 30,48 сантиметра.

10

Виги — политическая партия США, существовавшая в 1834–1856 годах, названная по аналогии с известной партией в Британии; противостояла демократам и выступала за активную роль центральной власти в экономике.

11

Эту традицию ввели первые президенты США Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон. Законом она стала в 1951 году, когда под впечатлением от четырёх сроков правления Франклина Рузвельта была принята 22-я поправка к Конституции США, запрещающая одному лицу занимать пост президента США более двух раз, неважно, подряд или с перерывом.

Совершенно фантастическая биография Дугласа, изложенная в переведённом на русский язык жизнеописании Линкольна (*Сэндберг К.* Линкольн. М., 1961. С. 114-115), не имеет никакого отношения ни к Дугласу, ни к оригиналу книги. Пожелавшие остаться неизвестными советские «соавторы» знаменитого американского поэта и биографа умудрились в сделанной ими вставке перепутать биографию Стивена Дугласа с биографией президента южан Джефферсона Дэвиса.

Спрингфилдский «лицей» был не столько образовательным, сколько просветительным учреждением — лекторием и дискуссионным клубом.

Перевод С. Шервинского.

Похожую историю рассказывали про Бенджамина Франклина, только тот якобы просил подать его лошади устрицы.

У. Шекспир. Отелло. Акт 3, сцена 3. Перевод
Б. Пастернака.

Французский архитектор Пьер Шарль Ланфан спланировал Вашингтон по образцу Версаля.

Генерал-предатель времён Войны за независимость (1775–1783), чьё имя стало нарицательным.

19

Фрисойлеры (от *free soil* — свободная земля) — партия противников распространения рабства на присоединённые к США территории.

Видимо, игра слов: Ван Бурен — барнбёрнер.

У. Шекспир. Гамлет. Акт 5, сцена 2. Перевод
М. Лозинского.

Определения известного историка Джойс Эпплби, считавшей первыми «настоящими американцами», не знавшими колониального периода, представителей поколения, родившегося между 1776 и 1800 годами (см.: *Appleby J. Inheriting the Revolution: The First Generation of Americans. Harvard, 2000*).

Метафора заимствована Линкольном из духовного «Гимна № 31» Исаака Уоттса (1674–1748): «Иисус может сделать так, чтобы и смертное ложе / Казалось мягким, как пуховые подушки» (см.: *Kaplan F. Lincoln: The Biography of a Writer. New York, 2008. P. 210*).

Дж. Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда.
Перевод В. В. Левика.

25

В 1856 году это была самая длинная в мире железная дорога — 700 миль.

В работе Фицхью «Социология для Юга, или Провал свободного общества» (1854) рабство объявлялось лучшей формой социализма, способом решения проблем белых бедняков.

В оригинале Линкольн называет себя *sucker* — слово означает «телёнок-сосунок» и в то же время является прозвищем жителей Иллинойса.

Непричастность никаких партий к событиям в Харперс-Ферри подтвердило специальное расследование сенатской комиссии, большинство в которой составляли демократы.

Juggernaut — слепая непреодолимая сила (англ.).

Например, 9 июня Линкольн предложил своему клиенту передать дело какому-нибудь адвокату из Чикаго, потому что сам он «не сможет уделить достаточно внимания»; 21-го числа ещё один клиент получил предложение «передать дело тому, кому он сам укажет» и вместе с ним отказ от платы даже «за те трудности, которые уже пришлось претерпеть» (Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 3. P. 384, 387).

Эквивалентна примерно пяти тысячам долларов начала XXI века.

«Пограничными» (*Border states*) назывались также рабовладельческие штаты Делавэр, Мэриленд, Вирджиния, Кентукки, Миссури, расположенные на границах с северными штатами и более склонные к компромиссу с Севером, чем штаты Юга, поскольку их экономика не настолько зависела от плантационного хозяйства и была тесно связана с экономикой Севера.

Смысл строки в том, что от всей истории жизни бедняка остаётся лишь могильный камень с именем и двумя датами.

В 1836 году Южная Каролина, дабы не обременять свой бюджет, отказалась от всех прав на форт Самтер в пользу федерального правительства (см.: <http://www.civilwarhome.com/sumterownership.htm>).

Внук героя Войны за независимость, в честь которого назван форт Пикенс.

Судя по числу участников Гражданской войны из штата Мэриленд, сторонников Союза там было почти в три раза больше, чем приверженцев Конфедерации (см.: *Swank M. A., Swank D. J. Maryland in the Civil War. Charleston, 2013. P. 9*).

Дэвид умрёт, не дожив до сорока лет. Его мать (мачеха Мэри Линкольн), пережившая троих сыновей, поставит им памятник на семейной могиле в Лексингтоне. Это каменное свидетельство семейного раскола сохранилось до нашего времени. На нём надпись: «В память о моих мальчиках. Сэмюэл Тодд, Дэвид Тодд, Александр Тодд — все солдаты Конфедерации».

Китти останется с матушкой и сёстрами и вскоре после войны выйдет замуж за бывшего офицера армии Конфедерации, сослуживца мужа Эмили (см.: *Berry S. House of Abraham. Lincoln & the Todds, a Family Divided by War.* Boston; New York, 2009. P. 72, 184).

Перевод Н. Рыковой.

Религиозное сообщество квакеров известно своим пацифизмом.

Такую общую стоимость всех рабов в США называла пресса Конфедерации. Современные историки считают, что она составляла в 1860 году примерно три миллиарда долларов в тогдашних ценах. Для сравнения: на Гражданскую войну было затрачено десять миллиардов, не считая человеческих жертв и разрушенной экономики Юга (см.: *Ransom R. L. Conflict and Compromise: The Political Economy of Slavery, Emancipation, and the American Civil War.* New York, 1989. P. 80).

42

«Ступай, Моисей!» — американский негритянский спиричуэл (духовное песнопение), в котором описывается эпизод Ветхого Завета: «И сказал Господь Моисею: пойдя к фараону и скажи ему: так говорит Господь: отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение» (Исх. 8:1).

К примеру, в начале января Законодательное собрание штата Иллинойс приняло резолюцию, в которой говорилось о «революции в социальной организации южных штатов» (см.: Illinois State Register. 1863. January 7).

comments

Комментарии

1

См.: *Davenport D.* In *Lincoln's Footsteps: A Historical Guide to the Lincoln Sites in Illinois, Indiana and Kentucky.* Black Earth, 2002. P. 6; *Donald D. H. Lincoln.* London, 1995. P. 19.

Цит. по: *Burlingame M.* Abraham Lincoln: A Life: In 2 vol. Baltimore, 2008. Vol. 1. P. 18.

The Collected Works of Abraham Lincoln: In 8 vol. / Ed. by R. P. Basler. Vol. 3. New Brunswick, 1953. P. 511.

Cm.: *Scripps J. L.* The First Published Biography of Abraham Lincoln in the Year MDCCCLX. Detroit, 1900. P 16; Herndon's Informants: Letters, Interviews, and Statements about Abraham Lincoln / Ed. by D. J. Wilson, R. Davis. Urbana, 1997. P. 126.

См.: *White R. C. Jr. A. Lincoln: A Biography.* New York, 2009. P. 24.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. New Brunswick, 1953. P. 61-62; *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 21.

Цит. по: *Thomas B. P.* Abraham Lincoln: A Biography. New York, 1952. P 9; *Beveridge A. J.* Abraham Lincoln. 1809–1858: In 2 vol. Vol. 1. Boston; New York, 1928. P. 38.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 62.

Ibid. Vol. 6. P 16-17.

См.: *Warren L. A. Lincoln's Youth: Indiana Years, Seven to Twenty-One 1816-1830*. Indianapolis, 1991. P. 58.

См.: Herndon's Informants. P. 85, 503.

Ibid. P. 106.

Herndon's Informants. P. 118.

См.: Ibid. P. 455.

См.: Ibid. P. 107.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 42-43.

Цит. по: *Carpenter F. B.* The Inner Life of Abraham Lincoln: Six Months at the White House. New York, 1869. P. 97-98.

Цит. по: *Warren L. A.* Op. cit. P. 176.

См.: *Beverage A. J. Abraham Lincoln. 1809-1858: In 2 vol. Boston; New York, 1928. V)l. 1. P. 89.*

См.: Ibid. P. 90-91.

См.: *Howells W. D.* Life of Abraham Lincoln. Columbia, 1860. P. 24.

Американские просветители: Избранные
произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1969. С. 232.

См.: *Tarbell I. M.* The Life of Abraham Lincoln: Drawn from Original Sources and Containing Many Speeches, Letters, and Telegrams Hitherto Unpublished, and Illustrated: In 2 vol. Vol. 1. New York, 1900. P. 160.

Donald D. H. Op. cit. P. 37.

Herndon's Informants. P. 457.

См.: Recollected Words of Abraham Lincoln / Comp, and ed. by D. E. Fehrenbacher, V. Fehrenbacher. Stanford, 1996. P. 198.

См.: *Tarbell I. M.* Op. cit. Vol. 1. P. 168.

Abe Lincoln Laughing: Humorous Anecdotes from Original Sources by and about Abraham Lincoln / Ed. by P. M. Zahl. Berceley; Los Angeles, 1982. P. 60-61.

См.: *Wilson D. L. Honor's Voice: The Transformation of Abraham Lincoln*. New York, 1998. P. 69-70.

Herndon's Informants. P. 253.

См.: *Watson H. L., Andrew J. vs. Henry Clay: Democracy and Development in Antebellum America*. Bedford; St. Martin's, 1998. P. 20-22.

Цит. по: *Feller D.* The Jacksonian Promise: America, 1815-1840. Baltimore, 1995. P. 189.

Abe Lincoln laughing. P. 118.

См.: *Winkle K. J.* The Young Eagle: The Rise of Abraham Lincoln. Dallas, 2001. P. 92-93.

Reminiscences of Abraham Lincoln by Distinguished Men of His Time: New and revised edition. New York; London, 1909. P. 76.

См.: Herndon's Informants. P. 78.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 1. P. 509-510.

Цит. по: *Beveridge A. J.* Op. cit. Vol. 1. P. 123. Footnote.

См.: An Oral History of Abraham Lincoln: John G. Nicolay's Interviews and Essays / Ed. by M. Burlingame. Carbondale; Edwardsville, 1996. P. 11.

См.: Herndon's Informants. P. 171.

Цит. по: *Beveridge A. J.* Op. cit. Vol. 1. P. 124-125.

См.: Herndon's Informants. P. 541-542.

См.: *Pratt H. E.* Personal Finances of Abraham Lincoln. Chicago, 1943. P. 12.

См.: Reminiscences of Abraham Lincoln by Distinguished Men of His Time. P. 76.

См.: *Pratt H. E.* Op. cit. P. 14-15.

Herndon's Informants. P. 10.

См.: Ibid. P. 715.

Ibid. P. 201.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 65.

См.: Herndon's Informants. P. 21; *Thomas B. P. Lincoln's New Salem*. Springfield, 1934. P. 73-75.

Herndon's Informants. P. 8.

Цит. по: *Beveridge A. J.* Op. cit. Vol. 1. P. 138.

См.: *Wilson D. L.* Op. cit. P. 149.

Ibid. P. 148.

An Oral History of Abraham Lincoln. P. 11-12.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 1. P. 298.

Herndon's Informants. P. 254.

См.: *Simon P. Lincoln's Preparation for Greatness: The Illinois Legislative Years*. Norman, 1965. P. 20.

См.: *Baringer W. E.* Lincoln's Vandalia: A Pioneer Portrait. New Brunswick, 1949. P. 31.

См.: Ibid. P. 12.

См.: *Wilson D. L.* Op. cit. P. 153.

См.: *Simon P.* Op. cit. P. 22.

Beveridge A. J. Op. cit. Vol. 1. P. 169-170.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 2. P. 327, 535-536.

См.: Ibid. Vol. 4. P. 121.

См.: *Dirck B. Lincoln the Lawyer*. Urbana; Chicago, 2007.
P. 18-19.

Цит. по: *Tarbell I. M.* Op. cit. Vol. 1. P. 110.

См.: Herndon's Informants. P. 540.

См.: Dirck B. Op. cit. P. 21.

См.: The Lincoln Log: A Daily Chronology of the Life of Abraham Lincoln // <http://www.thelincolnlog.Org/view/1836/9>.

Herndon's Informants. P. 477-478. См. также:
Tarbell I. M. Op. cit. W. 1. P. 129.

The Collected Wbrks of Abraham Lincoln. \bl. 1. P. 48-49.

См.: *Johannsen R.* Ж Stephen A. Douglas. New York, 1973. P. 24.

См.: Autobiography of Stephen A. Douglas. Springfield, 1913. P. 7—22.

См.: *Simon P.* Op. cit. P. 55.

Цит. по: Ibid. P. 48.

Ibid. P. 52.

См.: The Collected Wbrks of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 65.

Ibid. W. 1. P. 74-76.

См.: *Simon P.* Op. cit. P. 133.

См.: *Angle P. M.* Here I Have Lived: A History of Lincoln's Springfield, 1821-1865. Springfield, 1935. P. 56.

См.: *Stevens Ж. В. A Reporter's Lincoln*. Saint Louis, 1916. P. 74.

Lincoln as I Knew Him: Gossip, Tributes, and Revelations from His Best Friends and Worst Enemies / Ed. by H. Holzer. Chapel Hill, 2009. P. 41-42.

См.: *Beveridge A. J. Op. cit. Vol. 1. P. 210-211.*

См.: *Dirck B. Op. cit. P. 25;*
[http://www.thelincolnlog.Org/view/1837/3;](http://www.thelincolnlog.Org/view/1837/3)
[www.lawpracticeofabrahamlincoln.org/Documents.aspx.](http://www.lawpracticeofabrahamlincoln.org/Documents.aspx)

Herndon's Informants. P. 108.

Цит. по: *Tarbell I. M.* Op. cit. Vol. 1. P. 26-27.

Herndon's Informants. P. 541.

См., напр: *Randall J. G. Lincoln the President: In 2 vol.* New York, 1945. W. 2. P. 323-324.

Neely M. E. jr. The Abraham Lincoln Encyclopedia. McGraw-Hill, 1982. P. 265.

См.: *Wilson D. Z.* Lincoln before Washington: New Perspectives on the Illinois Years. Urbana; Chicago, 1998. P. 82, 83, 88.

См.: Herndon's Informants. P. 25.

Ibid. P. 383, 409. См. также: *Donald D. H. Op. cit.* P. 57.

Herndon's Informants. P. 21.

См.: Ibid. P. 383, 243.

Ibid. P. 440.

См.: *Shenk J. ✎ Lincoln's Melancholy: How Depression Challenged a President and Fueled His Greatness*. Boston; New York, 2005.

Цит. по: *Wilson D. L. Honor's \bice. P. 133, 138.*

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 1. P. 119.

Helm K. The True Story of the Mary, Wife of Lincoln. New York; London, 1928. P. 81.

См.: *Baker J. H. Mary Todd Lincoln: A Biography*. New York, 1987. P. 50.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 1. P. 214-215.

См.: *Helm K. Op. cit. P. 74.*

См.: *White R. C.jr.* Op. cit. P. 110.

Herndon W. H., Weik J. W. Abraham Lincoln: The True Story of a Great Life: In 2 vol. New York, 1892. Vol. 2. P. 208.

Цит. по: Herndon's Informants. P. 443-444.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 1. P. 202-203.

См.: *Keckley E.* Behind the Scenes. New York, 1868. P. 230; Herndon's Informants. P. 443, 444.

Цит. по: *Randall R. P. Mary Lincoln: Biography of a Marriage.* Boston, 1953. P. 15.

См.: Herndon's Informants. P. 474.

См.: *Baker J. H.* Op. cit.

См.: *Wilson D. L. Honor's Voice*. P. 221-247.

Herndon's Informants. P. 133, 443-444.

См.: *Baker J. H.* Op. cit.

См.: *Simon P.* Op. cit. P. 238.

См.: *White R. C.jr.* Op. cit. P. 112.

См.: *Speed J.* Reminiscences of Abraham Lincoln. Louisville, 1884. P. 39.

The Collected Wsrks of Abraham Lincoln: Supplement
1832-1864 / Ed. by R. P. Basler. Wsstport, 1974. P. 4.

См.: The Collected WDrks of Abraham Lincoln. Vol. 1. P. 243-244.

Herndon's Informants. P. 444.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 1. P. 292-297.

См.: *Herndon W. H., Weik J. W. Op. cit. Vol. 1. P. 228.*

См.: *Angle P M.* Op. cit. P. 125.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 191-192.

Цит. по: Ibid. P. 192.

Lincoln's Marriage: Newspaper Interview with Missis Frances Wallace. September 2, 1895. Privately printed, 1917. P. 4.

См.: Herndon's Informants. P. 665.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 213.

См.: Ibid. P. 322.

См.: *Findley P A. Lincoln: The Crucible of Congress. The Years which Forged His Greatness. New York, 1979. P 22.*

См.: *Donald D. H.* Op. cit. P. 98.

См.: *Dirck B.* Op. cit. P. 28, 184.

140

См.: [http://www.thelincolnlog.org/view/1842/!](http://www.thelincolnlog.org/view/1842/) 1/22.

141

См.: <http://www.thelincolnlog.Org/view/1844/12/9>.

Herndon W. H, Weik J. W. Op. cit. Vol. 2. P. 266.

См.: The Historian's Lincoln. Urbana; Chicago, 1988. P. 13.

Herndon W. H., Weik J. W. Op. cit. Vol. 2. P. 325.

См.: Herndon's Informants. P. 707-708.

[Buckingham J. H.] Illinois as Lincoln knew it: A Boston reporter's record of a trip in 1847 / Ed. by H. E. Pratt. Springfield, 1938. P. 33-34.

Цит. по: *Donald D. H.* Op. cit. P. 113.

См.: *Findley P.* Op. cit. P. 31.

149

См.: Abe Lincoln Laughing. P. 113.

См.: <http://www.cblibrary.org/biography/cartwright.htm>.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 560.

Цит. по: *Pratt H E.* Op. cit. P. 24.

Цит. по: *Kunhardt Ph. jr., Kunhard Ph. III, Kunhardt P.*
Lincoln: An Illustrated Biography. New York, 1999. P. 66.

Цит. по: *Townsend W. H.* Lincoln and the Bluegrass.
Lexington, 1955. P. 125.

156

Цит. по: Ibid. P. 129.

См.: *Remini R. V. Henry Clay: Statesman for the Union.* New York; London, 1991. P. 692-693.

Диккенс Ч. Американские заметки // Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 30 т. Т 9. М., 1958. С. 146.

См.: *Findley P.* Op. cit. P. 87.

См.: Ibid. P. 88.

См.: Reminiscences of Abraham Lincoln by Distinguished Men of his time. P. 96.

The Lincoln Reader / Ed. by P. M. Angle. Wfestport, 1947.
P. 146-151.

Ibid. P. 420-421.

См., напр.: Encyclopedia of the Mexican-American War /
Ed. by J. T. Heidler, M. Crawford. Santa Barbara, 1999. P. 274.

Abe Lincoln Laughing. P. 144.

Цит. по: *Donald D. H.* Op. cit. P. 125.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 1. P. 446-447.

См.: Ibid. Vol. 4. P. 66.

См.: Ibid. W. 1. P. 453, 462; *White R. C.jr.* Op. cit. P. 156.

См.: *Bauer J. K. Zachary Taylor: Soldier, Planter, Statesman of the Old Southwest*. Baton Rouge, 1993. P. 107-108.

См.: Lincoln Day by Day: A Chronology. 1809-1865: In 3 vol. / Ed. by E. S. Myers. Washington, 1960. Vol. 1. P. 312.

Цит. по: *Tarbell I. M.* Op. cit. Vol. 2. P. 11.

См.: *Beveridge A. J. Op. cit. Vol. 1. P. 464-467.*

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 2. P. 3-4.

Цит. по: *White R. C. jr.* Op. cit. P. 159-160.

181

См.: Boston Daily Advertiser. 1848. September 14.

См.: Herndon's Informants. P. 690.

183

См.: Ibid.

Цит. по: *Beveridge A. J.* Op. cit. Vol. 1. P. 476.

Цит. по: *Findley P.* Op. cit. P. 192.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 2. P. 10-11.

Цит. по: Lincoln Day by Day. Vol. 1. P. 322.

См.: *Bartlett I. H.* John C. Calhoun: A biography. New York; London, 1993. P. 350, 353, 366.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 289, 292.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 1. P. 75.

См.: Ibid. P. 348.

См.: *Donald D. H.* Op. cit. P. 135.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 2. P. 20-21.

Ibid. P. 22.

См.: Reminiscences of Abraham Lincoln by Distinguished Men of his time. P. 95-96.

См.: *Findley P.* Op. cit. P. 201-202.

The Collected Works of Abraham Lincoln. W. 2. P. 46.

См.: Herndon's Informants. P. 712.

Цит. по: *Donald D. H.* Op. cit. P. 140.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 2. P. 66.

См.: *Beveridge A. J.* Op. cit. Vol. 1. P. 491.

См.: *DeRose Ch.* Congressman Lincoln The Making of America's Greatest President. New York, 2013. Kindle Electronic Edition. Locations 5285-5286.

См.: *Ewing T. Lincoln and the General Land Office, 1849*
// Journal of the Illinois State Historical Society. Vol. 25. № 3.
1932. P. 153.

См.: *Browne F. F. The Every-day Life of Abraham Lincoln: Annotated Student and Book Club Edition. Los Gatos, 2012. Kindle Electronic Edition. Locations 4795-4802.*

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 3. P. 512;
Vol. 4. P. 67.

The Senate, 1789-1989. Vol. 3. Washington, 1995. P. 260-261.

См.: Lincoln Day by Day. Vol. 2. P. 39-40.

Цит. по: *Johannsen R. W.* Op. cit. P. 297-298.

См.: *Nevins A.* Ordeal of the Union: In 4 vol. Vol. 1. Pt. 1. New York, 1992. P. 343.

Цит. по: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 2.
P. 85-90.

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 306.

212

См.: Illinois Weekly Journal. 1852. July 21.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 2. P. 122-132.

См.: *Epstein D. M.* The Lincolns: Portrait of a Marriage. New York, 2008. Kindle Electronic Edition. Locations 2953–2954.

См.: Mary Todd Lincoln: Her Life and Letters / Ed. by G. Turner and L. Levitt-Turner. New York, 1972. P. 567-568.

Цит. по: *Coleman Ch. H.* Abraham Lincoln and Coles County. New Brunswick; 1955. Электронная версия: http://www.rootsweb.ancestry.com/ilcoletp/history/abraham_lincoln.htm# 12.

См.: Lincoln Day by Day. Vol. 2. P. 14.

См.: *Coleman Ch. H.* Op. cit. Электронная версия.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 2. P. 96-97.

См.: Ibid. P. 111.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 333.

См.: *Pratt H. E.* Op. cit. P. 84.

См.: Herndon's Informants. P. 597.

См.: Ibid. P. 389.

См.: *Donald D. H.* Op. cit, 1995. P. 139.

Ibid. P. 181.

Цит. по: *Baker J. H.* Op. cit. P. 123.

См.: The Lincoln Reader. P. 190.

Herndon's Informants. P. 597, 722, 713-714.

Lincoln as I Knew Him. P. 69.

Цит. по: *Randall J. G.* Op. cit. Vol. 1. P. 69.

См.: *Neely M. E. jr.* Op. cit. P. 142.

Цит. по: *Randall J. G.* Op. cit. Vol. 1. P. 69.

Herndon's Informants. P. 451-453.

Цит. по: *Randall J. G.* Op. cit. Vol. 1. P. 74.

Herndon's Informants. P. 357, 359.

Ibid. P. 452.

См.: *Kunhardt Ph. jr., Kunhard Ph. III, Kunhardt P.* Op. cit.
P. 76.

См.: *Herndon W. H., Weik J. W. Op. cit. Vol. 2. P. 584.*

См.: Abe Lincoln Laughing. P. 118-199, 27.

Lincoln as I Knew Him. P. 72.

См.: The Hidden Lincoln. From the letters and papers of William H. Herndon / Ed. by E. Hertz. New York, 1938. P. 95.

Lincoln as I Knew Him. P. 68-69; The Hidden Lincoln. P. 105, 129.

См.: *Whitney H. C. Life on the Circuit with Lincoln.*
Boston, 1892. P. 141.

Ibid. P. 32, 49-50.

Цит. по: *Lamon W. H. The Life of Abraham Lincoln.*
Boston, 1872. P. 313.

Whitney H. C. Op. cit. P. 41.

Цит. по: *Herndon W. H, Weik J. W. Op. cit. Vol. 2. P. 358-359.*

Цит. по: *Donald D. H.* Op. cit. P. 151.

См.: Ibid. P. 103.

См.: *McKirdy Ch.* Lincoln Apostate: The Matson slave case. Jackson, 2011. P. 87-104.

См.: <http://www.lawpracticeofabrahamlincoln.org>.

См.: *Frank J. P. Lincoln as a Lawyer*. Urbana, 1961. P. 97-98.

См.: *Fehrenbacher D. E.* Prelude to Greatness: Lincoln in The 1850's. Stanford, 1962. P. 5.

256

См.: *Angle P. M.* Op. cit. P. 165, 178.

См.: *Fehrenbacher D. E.* Op. cit. P. 8, 173.

См.: Lincoln as I Knew Him. P. 76-77.

См.: *Whitney H. C.* Op. cit. P. 32.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 1. P. 398.

Herndon W. H, Weik J. W. Op. cit. W. 2. P. 253.

См.: <http://www.lawpracticeofabrahamlincoln.org>.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 340.

Цит. по: *Goodwin D. K. Team of Rivals: the Political Genius of Abraham Lincoln.* New York, 2005. P. 174.

См.: Mr. & Mrs. Ralph Emerson's Personal Recollections of Abraham Lincoln. Rockford, 1909. P. 5, 7, 9.

См.: *Herndon W. H, Weik J. W. Op. cit.* W. 2. P. 308.

Hirsch D., Hafien D. van. Abraham Lincoln and the Structure of Reason. New York, 2010. P. 247.

См.: *Herndon W. H, Weik J. W. Op. cit. Vol. 2. P. 302–303.*

Howells W. D. Op. cit. P. 69-70.

См.: *Richardson J. D.* A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents // <http://www.gutenberg.org/files/1125/11125-h/1125-h.htm>.

Ibid. P. 230.

См.: Ibid. P. 220-223.

Nevins A. Op. cit. Vol. 2. Pt. 1. P. 360.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 2. P. 255, 266, 275.

Democratic Illinois State Register. 1854. October 6.

The Collected Works of Abraham Lincoln. W. 2. P. 286.

Ibid. P. 288.

Ibid. P. 318.

Ibid. P. 322-323.

Цит. по: *Tarbell I. M.* Op. cit. W. 2. P. 89.

Herndon W. H, Weik J. W. Op. cit. Vol. 2. P. 384-385.

См.: *Стоун И.* Бессмертная жена, или Джесси и Джон Фремонт // *Стоун И.* Собрание сочинений: В 13 т. Т. 3. М., 2002.

285

Цит. по: <http://lincoln.lib.niu.edu/file.php?file=fremontl3.html>.

См.: *Gienapp W. C.* The Origins of the Republican Party, 1852-1856. Oxford, 1987. P. 414.

Цит. по: Ibid. P. 448.

Stampp K. M. America in 1857: A Nation on the Brink.
New York, 1990. P. VII-VIII.

The Collected Works of Abraham Lincoln. W. 2. P. 355.

См.: *Johannsen R. W.* Op. cit. P. 568-570.

Ibid. P. 404.

См.: Ibid. P. 408; W. 3. P 84.

См.: *Guelzo A. C. Lincoln and Douglas: The Debates that Dened America*. New York, 2008. P. 56.

Цит. по: *Johannsen R. W.* Op. cit. P. 641.

Abe Lincoln Laughing. P. 20.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 483-484.

См.: *Guelzo A. C. Op. cit. P. 99, 149.*

Цит. по: *Donald D. H.* Op. cit. P. 215.

300

См.: *Guelzo. A. C. Op. cit. P. 113.*

301

См.: *Stevens W. B.* Op. cit. P. 50.

Ibid. P. 43.

См.: Ibid. P. 51-52.

См.: *Donald D. H.* Op. cit. P. 219.

306

См.: Ibid. P. 227.

Цит. по: *Nicolay J. G. A Short Life of Abraham Lincoln.*
New York, 1902. P. 128.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 3. P. 145-146.

См.: *Prokopowicz G. J. Did Lincoln Own Slaves? And Other Frequently Asked Questions About Abraham Lincoln.* New York, 2008. Kindle Electronic Edition 2008-01-22. Locations 3508-3513.

310

См.: *Guelzo A. C. Op. cit. P. 165.*

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 546-547.

См.: Inside Lincoln's White House: The Complete Civil War
Diary of John Hay / Ed. by M. Burlingame, J. Ettliger.
Carbondale; Edwardsville, 1997. P. 244.

Цит. по: *Ecelbarger G.* The Great Comeback: How Abraham Lincoln Beat the Odds to Win the 1860 Republican Nomination. New York, 2008. P. 11.

Lincoln Among His Friends: A Sheaf of Intimate Memories. Caldwell, 1942. P. 134.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 3. P. 339,
331.

316

См.: *Ecelbarger G.* Op. cit. P. 15.

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 558.

Цит. по: *Villard H.* Memoirs of Henry Villard, Journalist and Financier: 1838-1900: In 2 vol. Boston, 1904. Vol. 1. P. 96.

Ibid. P. 491.

321

Ibid. P. 390-391.

См.: *Ambrose S. E.* Nothing Like It In the World: The Men Who Built the Transcontinental Railroad 1863-1869. New York, 2001. P. 38-39.

Ibid. P. 453-454.

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 568-569.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 3. P. 477-482.

Цит. по: Lincoln Day by Day. Vol. 2. P. 263.

Цит. по: *Horwitz T.* Midnight Rising: John Brown and the Raid that Sparked the Civil War. New York, 2011. P. 261.

Oates S. B. With Malice toward None: The Life of Abraham Lincoln. New York, 1977. P. 167.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 3. P. 496, 502.

См.: *Ecelbarger G.* Op. cit. P. 104.

Цит. по: Ibid. P. 107.

Putnam G. H. Memories of My Youth. 1844-1865. New York; London, 1914. P. 80-81.

Choate J. H. Abraham Lincoln at the Cooper Institut // Abraham Lincoln: The Tribute of a Century. 1809-1909. Chicago, 1910. P. 278.

Полный перевод речи Линкольна см.: *Голуэй Т.* Слова, изменившие мир / Пер. с англ. Г. Сахацкого. М., 2013. С. 141-157.

The Collected Works of Abraham Lincoln: Supplement
1832-1864 / Ed. by R. P. Basler. Wjstport, 1974. P. 49.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 18, 23.

См.: *Stevens W. B.* Op. cit. P. 44.

Цит. по: *Thomas B. P. Abraham Lincoln*. P. 205.

341

См.: The Lincoln Reader. P. 206.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 33-34.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 606-607.

344

Цит. по: Ibid. P. 516.

The Lincoln Reader. P. 269-270.

346

См.: Ibid. P. 273-274.

Цит. по: *Walther E. H. William Lowndes Yancey and the coming of the Civil W. Chapel Hill, 2006. P. 222.*

348

Цит. по: Ibid. P. 241.

См.: *Tarbell I. M. Op. cit. Vol. 2. P. 169.*

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 1. P. 652.

Lincoln and his America. 1809-1865. New York, 1970. P. 144.

См.: *Cauthen C. E.* South Carolina Goes to War, 1860-1865. Columbia, 2005. P. 34-36, 38-39.

См.: *Nicolay J. G., Hay J.* Abraham Lincoln: A History: In 10 vol. New York, 1890. Vol. 2. P. 306–307, 314.

Цит. по: *Long E. B. The Civil War Day by Day: An Almanac 1861-1865. New York, 1971. P. 3-4.*

См.: *Goodwin D. K.* Op. cit. P. 293.

См.: *Holzer H.* Lincoln President-Elect: Abraham Lincoln and the Great Secession Winter, 1860–1861. New York, 2009. P. 131; James Buchanan: «Fourth Annual Message to Congress on the State of the Union». December 3, 1860: Online by Gerhard Peters and John T. Wooley, The American Presidency Project // <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=29501>.

См.: *Perret G.* Lincoln's Wir. New York, 2004. P. 3; *Klein P S.* President James Buchanan: A Biography. University Park, 1962. P. 403.

Цит. по: Harvard University Houghton Library. Seq. 12. Henry Villard papers, 1604-1948 (inclusive), 1863-1900 (bulk). MS Am 1322 (637a 2) // <http://nrs.harvard.edu/um-3:FHCL.HOUGH:4631696?n=3>.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 172.

361

См.: Ibid. P. 183.

362

См.: Ibid. P. 160, 183.

363

Harvard University Houghton Library. Seq. 3, 4.
Henry Villard papers. MS Am 1322 (637a 2).

364

Цит. по: *Holzer H.* Op. cit. P. 163.

См.: *Goodwin D. K.* Op. cit.

The Collected Works of Abraham Lincoln. V)l. 4. P. 148-149.

367

The Rebellion Record / Ed. by E H. Moore: In 12 vol. Vol. 1. New York, 1861. P. 4.

См.: *Stahr* IK Seward: Lincoln's Indispensable Man. New York, 2012. Kindle Electronic Edition. Locations 4041-4095.

См.: *Neely M. E. jr.* Op. cit. P. 53.

370

См.: The Diary of Edward Bates, 1859-1866 / Ed. by H. K. Beale. Washington, 1933. P. 128, 165.

371

См.: *Usher J. P.* President Lincoln's Cabinet. Omaha, 1925. P. 17.

См.: Ibid. P. 19.

См.: *Weed T., Weed T. B., Weed H. A. Life of Thurlow Wsed Including His Autobiography and a Memoir: In 2 vol. Boston, 1883. Vol. 1. P. 610.*

374

См.: Herndon's Informants. P. 475.

См.: *Crofts D. W.* Reluctant Confederates: Upper South Unionists in the Secession Crisis. Chapel Hill, 1989. P. 36, 222-229.

Цит. по: *Tarbell I. M.* Op. cit. Vol. 2. P. 200–201.

Villard H. Op. cit. Vol. 1. P. 142.

378

См.: *Holzer H.* Op. cit. P. 104.

См.: *Whitney H. C.* Op. cit. P. 492-493; *Sandburg K.* Abraham Lincoln: The Prairie Years: In 2 vol. New York, 1926. Vol. 2. P. 381-382.

Lincoln's Journalist: John Hay's Anonymous Writings for the Press, 1860-1864 / Ed. by M. Burlingam. Carbondale; Edwardsville, 1999. P. 17-18.

Цит. по: *Weik J. W.* The Real Lincoln: A Portrait. Boston; New York, 1922. P. 291-292.

См.: Ibid. P. 303-304.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 160.

Цит. по: *Schott T. E. Alexander H. Stephens of Georgia: A Biography.* Baton Rouge, 1996. P. 334.

См.: *Herndon W H, Weik J. W. Op. cit. Vol. 2. P. 483-484.*

The Collected Works of Abraham Lincoln. W. 4. P. 190-191.

Цит. по: *Tarbell I. M.* Op. cit. Vol. 2. P. 204-205.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 197-198.

См.: *Williams R. C.* Horace Greeley. New York, 2006. P. 218.

См.: *McPherson J. M.* Battle Cry of Freedom: The Civil War Era. New York, 1988. P. 261-262.

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 3. См. также:
Nicolay J. G. Op. cit. P. 170.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 22.

См.: *Lamon W. H* Op. cit. P. 33-34.

Ibid. P. 195-196.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 5, 6.

Цит. по: *White R. C.jr.* Op. cit. P. 371.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 198.

Ibid. P. 199.

400

Ibid. P. 204

401

Цит. по: *White R. C.jr.* Op. cit. P. 371.

Ibid. P. 207.

Ibid. P. 208.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 18.

406

Цит. по: *Cooper W. J. jr. Jefferson Davis, American.* New York, 2000. P. 353.

Nicolay J. G., Hay J. Op. cit. W. 3. P. 291-292.

Цит. по: *Villard H.* Op. cit. Vol. 1. P. 150.

См.: History and Evidence of Passage of Abraham Lincoln from Harrisburg, PA, to Washington, DC, on the 22d and 23d of February 1861. Б. м., 1892.

См.: *Cuthbert N. Lincoln and the Baltimore Plot, 1861: From Pinkerton Records and Related Papers*. San Marino, 1949. P. 65-66; Herndon's Informants. P. 293-294, 313.

Pinkerton A. The Spy of the Rebellion. New York, 1883. P. 84-85.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 244-245.

413

См.: Herndon's Informants. P. 434.

См.: *Cuthbert N.* Op. cit. P. 81.

См.: *Stashower D.* The Hour of Peril: The Secret Plot to Murder Lincoln before the Civil War. New York, 2013. P. V.

416

См.: *Donald D. H.* Op. cit. P. 280.

417

Цит. по: *Lamon W. H.* Op. cit. P. 35.

Цит. по: *Tarbell I. M.* Op. cit. Vol. 2. P. 217.

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 74-75.

420

См.: *Lamon W. H.* Op. cit. P. 36.

См.: *Nicolay J. G., Hay J.* Op. cit. Vol. 3. P. 318.

См.: *White R. C. jr.* The Eloquent President: A Portrait of Lincoln through his Wbrds. New York, 2005. P. 69.

423

См.: <http://www.loc.gov/exhibits/treasures/trt039.html>.

См.: *Greely H.* Recollections of a Busy Life. New York, 1868. P. 404.

425

http:
[//supreme.justia.com/cases/federal/us/19/264/case.html](http://supreme.justia.com/cases/federal/us/19/264/case.html).

См.: *White R. C. jr.* The Eloquent President. P. 89-91.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 262–271. Русский перевод см.: Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 гг.) с историческим комментарием / Пер. с англ.; общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. М., 2001. С. 210–220.

См.: The New York Times Complete Civil Wr. 1861-1865 /
Ed. by H. Holzer, C. L. Symonds. New York, 2010. P. 67.

429

См.: *Leech M. Reveille in Washington*. New York, 1991. P. 45.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 62.

431

The New York Times complete Civil Wr. P. 69.

Цит. по: *Randall J. G.* Op. cit. Vol. 1. P. 304.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 63.

См.: The Library of Congress Civil War Desk Reference.
New York, 2009. P. 6.

435

См.: New York Illustrated News. 1861. March 23.

436

The New York Times. 1861. March 6.

Цит. по: *Crawford S. W.* The Genesis of the Civil War: The Story of Sumter, 1860–1861. New York, 1887. P. 392.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 279.

439

См.: Ibid. P. 285.

Dear Mr. Lincoln: Letters to the President / Ed. by
H. Holzer. Reading, 1995. P. 144-147.

441

Цит. по: *Donald D. H.* Op. cit. P. 288.

442

См.: Abe Lincoln Laughing. P. 148.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 71.

См.: *Nevins A. Op. cit. Vol. 3. Pt. 1. P. 46-47.*

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 317-318.

McPherson J. M. This Mighty Scourge: Perspectives on the Civil War. New York, 2007. P. 19.

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 127.

449

Цит. по: *Stovall P. A.* Robert Toombs: Statesman, Speaker, Soldier, Sage. New York, 1892. P. 226.

450

См.: *Williams T. H. P. G. T. Beauregard: Napoleon in Gray.*
Baton Rouge, 1955. P. 8.

См.: *Swanberg W. A.* First Blood: The Story of Fort Sumter. New York, 1957. P. 298; *Detzer D.* Allegiance: Fort Sumter, Charleston and the Beginning of the Civil War. New York, 2002. P. 270.

452

СМ.:

<http://ebooks.library.comell.edU/m/moawar/text/waro0001.txt>

453

Цит. по: *White R. C. jr.* A. Lincoln. P. 407.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 332.

См.: *Johannsen R. W.* Op. cit. P. 859-860.

456

См.: *Detzer D.* Op. cit. P. 285.

Цит. по: *Макферсон Д.* Боевой клич свободы: Гражданская война 1861-1865 / Пер. с англ. Д. Голубцова. Екатеринбург, 2012. С. 285-286.

458

Lincoln Day by Day. Vol. 3. P. 36-37.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 341-342.

460

См.: *Long E. B.* Op. cit. P. 60-61.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 353-354.

462

См.: Ibid. P. 347, 429.

463

Ibid. P. 430.

464

См.: *Long E. B.* Op. cit. P. 175.

Munroe J. A. History of Delaware. Newark, 2001. P. 132-137.

466

См.: *Nevins A. Op. cit. Vol. 3. Pt. 1. P. 131.*

467

Цит. по: *McPherson J. M. Battle Cry of Freedom. P. 294.*

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 156.

Цит. по: *Berry S. House of Abraham: Lincoln & the Todds, a Family Divided by War.* Boston; New York, 2009. P. 70.

471

Цит. по: *Johanssen R. W.* Stephen A. Douglas. New York, 1973. P. 864, 866.

Williams T. H. Lincoln and Generals. New York, 1952. P. 11.

Perret G. Op. cit. P. 56.

475

The New York Times Complete Civil War. P. 95.

Цит. по: *Nicolay J. G., Hay J.* Op. cit. Vol. 4. P. 353–354.

Herndon's Informants. P. 207.

См.: *Epstein D. M.* Op. cit. Kindle Electronic Edition.
Locations 6146-6152.

См.: *Nicolay J. G., Hay J.* Op. cit. Vol. 4. P. 365-366;
Williams R. C. Op. cit. P. 222.

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 186.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 457-458.

Цит. по: *Sears S. W.* George B. McClellan: The Young Napoleon. New York, 1988. P. 95.

483

Цит. по: *Norton O. W. Army letters, 1861-1865. Chicago, 1903. P. 28.*

Цит. по: *Pierce E. L. Memoir and Letters of Charles Sumner. Period 1860 to Death. London, 1878. P. 42, 63.*

485

См.: The Contrabands at Fortress Monroe // The Atlantic Monthly. 1861. November. P. 626-640.

486

См.: *Thomas B. P.* Abraham Lincoln. P. 275; *Donald D. H.*
Op. cit. P. 316.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 506; *Макферсон Д.* Указ. соч. С. 415.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 205.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 4. P. 531-533.

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 206.

491

Цит. по: *Parrish W. E. Frank Blair: Lincoln's Conservative.* Columbia, 1998. P. 124.

См.: *Nevins A. Op. cit. Vol. 3. Pt. 1. P. 338–339.*

With Lincoln in the White House. Letters: Memoranda, and other Writings of John G. Nicolay, 1860-1865 / Ed. by M. Burlingame. Carbondale; Edwardsville, 2000. P. 60, 61.

См.: *Chaffin T.* Pathfinder: John Charles Fremont and the Course of American Empire. New York, 2002. Kindle Electronic Edition. Locations 8357-8358.

495

With Lincoln in the White House. P. 59-60.

496

Цит. по: *Sears S. W.* Op. cit. P. 110-111.

497

См.: McClellan's Own Story: The Whr for the Union. New York, 1887. P. 106-107.

См.: *Fisher E. C.* The Secret War for the Union: The Untold Story of Military Intelligence in the Civil War. Boston; New York, 1996. P. 84—114.

См.: The Army of the Potomac: Gen. McClellan's report of its operations while under his command. New York, 1864. P. 509.

500

См.: McClellan's Own Story. P. 172.

501

См.: *McPherson J. M.* Battle Cry of Freedom. P. 364;
Donald D. H Op. cit. P. 319.

См.: *Bray R.* What Abraham Lincoln Read — an Evaluative and Annotated List // Journal of the Abraham Lincoln Association. 2007. Vol. 28. № 2. P. 43, 53.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Afol. 5. P. 34-35.

См.: *McPherson J. M. Tried by W: Abraham Lincoln as Commander-In-Chief*. New York, 2008. P. 53.

505

Цит. по: *Goodwin D. K.* Op. cit. P. 409.

См.: *Epstein D. M.* Op. cit. Kindle Electronic Edition.
Locations 6440-6442.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 280-281.

Keckley E. Behind the scenes or Thirty years a slave and four years in the White House. Ann Arbor, 2005. P. 95-96.

509

См.: *Pratt H E.* Op. cit. P. 182.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln: Second Supplement, 1848-1865. New Brunswick, 1990. P. 39; The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5. P. 92.

511

Цит. по: *Perret G.* Op. cit. P. 114.

512

См.: The Lincoln Reader. P. 378-379.

513

The Diary of Edward Bates. P. 223-225.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5. P. 96.

См.: *Thomas B. P, Hyman H. M. Stanton: Life and Times of Lincoln's Secretary of War.* New York, 2013. Kindle Electronic Edition. Locations 2977-2979.

516

Цит. по: *Holland J. G.* The Life of Abraham Lincoln. Springfield, 1866. P. 356-357.

517

McPherson J. M. Tried by War. P. 69.

518

Цит. по: Ibid. P. 66.

519

The Lincoln Reader. P. 379.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5. P. 111-112.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 260-262.

522

Цит. по: *McPherson J. M, Tried by War. P. 75.*

523

Цит. по: *Sears S. W.* Op. cit. P. 166.

525

Цит. по: *McPherson J. M. Tried by War. P. 82.*

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5. P. 184-185.

Цит. по: *Nevins A.* Op. cit. Vol. 3. Pt. 2. P. 100.

528

Official records of the Union and Confederate Navies in the War of the Rebellion. Ser. 1. Vol. 18. Washington, 1904. P. 638.

529

См.: *Davis W. C. Jefferson Davis: The Man and the Hour.*
Baton Rouge, 1991. P. 417, 422.

530

См.: *Макферсон Д.* Указ. соч. С. 502.

531

Цит. по: Там же. С. 482.

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 398.

533

Макферсон Д. Указ. соч. С. 575.

См.: *Nevins A. Op. cit. Vol. 3. Pt. 2. P. 6-8.*

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5. P. 144-146.

Ibid. P. 160.

См.: *Nicolay J. G., Hay J.* Op. cit. Vol. 5. P. 204-217.

Цит. по: *Donald D. H.* Op. cit. P. 349.

Согрин В. В. Центральные проблемы истории США.
М., 2013. С. 138.

541

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5. P. 345, 346, 350.

Diary of Gideon Whiles: Secretary of the Navy under Lincoln and Johnson: In 2 vol. Boston, 1911. Vol. 1. P. 70.

Herndon's Informants. P. 197.

Carpenter F. B. Op. cit. P. 19, 26-28.

См.: *Whiting W.* The Whr Powers of the President and the Legislative Powers of Congress in Relation to Rebellion, Treason, and Slavery. Boston, 1862; *Guelzo A. C.* Lincoln's Emancipation Proclamation: The End of Slavery in America. New York, 2004. P. 193.

См.: *Wheeler R.* Sword over Richmond: An Eyewitness History of McClellan's Peninsula Campaign. New York, 1991. P. 144.

547

Цит. по: *Sears S. W.* Op. cit. P. 180.

548

Цит. по: Ibid. P. 213-214.

549

Official records... Ser. 1. Vol. 11. Pt. 3. Washington, 1883.
P. 281.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5. P. 303.

См.: *Nicolay J. G., Hay J.* Op. cit. Vol. 5. P. 447-452.

552

См.: *McPherson J. M. Tried by War. P. 102.*

553

Цит. по: *Сэндберг К. Линкольн. М., 1961. С. 272-273.*

554

Цит. по: *Donald D. H* Op. cit. P. 369.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5. P. 388-389.

См.: *Nevins A. Op. cit. Vol. 3. Pt. 2. P. 233.*

557

Цит. по: Inside Lincoln's White House. P. 38.

558

Цит. по: Diary of Gideon Whiles. Vol. 1. P. 105.

См.: *Catton B.* This Hallowed Ground. New York, 1961. P. 195-196; *Sears S. W.* Op. cit. P. 262.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5. P. 418.

См.: *McPherson J. M.* Crossroads of Freedom: Antietam 1862. Oxford, 2002. P. 115.

562

Цит. по: *Sears S. W.* Op. cit. P. 318-319.

563

См.: The New York Times. 1862. September 20.

564

См.: Diary of Gideon Vfelles. Vol. 1. P. 142-145.

Цит. по: Diary and Correspondence of Salmon P. Chase /
Comp, by S. H. Dodson // American Historical Association:
Annual Report for the Year 1902. Vol. 2. Washington, 1903.
P. 87-88.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5. P. 433–436. Русский перевод см.: История США: Хрестоматия. С. 102–105; электронную версию см.: <http://america-xix.org.ru/library/emancipation>.

567

Цит. по: *Sears S. W.* Op. cit. P. 324.

568

См.: Diary and Correspondence of Salmon P. Chase. Vol. 2. P. 47-48.

569

Цит. по: Inside Lincoln's White House. P. 41.

570

Цит. по: *Arnold I.* The history of Abraham Lincoln and the overthrow of slavery. Chicago, 1867. P. 301.

571

См.: *Neely Mark E. Jr.* Op. cit. P. 292, 299–300.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5. P. 493-494.

Цит. по: *Waugh J. C. Lincoln and McClellan: The Troubled Partnership between a President and His General.* New York, 2010. Kindle Electronic Edition. Locations 3174-3176.

См.: *Sears S. W.* Op. cit. P. 341.

575

См.: *McPherson J. M.* Tried by War. P. 143.

576

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 5. P. 514-515.

577

Ibid. P. 535.

578

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 446.

579

Цит. по: *McPherson J. M. Tried by War. P. 145.*

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 447.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 6. P. 16-17.

См.: *Goodwin D. K.* Op. cit. P. 487.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 6. P. 12-13.

Цит. по: *Seward F. W. Reminiscences of a War-Time Statesman and Diplomat, 1830-1915. New York, 1916. P. 227.*

Hofstadter R. The American Political Tradition: And the Men Who Made it. New York, 1989. P. 169.

См.: *Harris W. C.* After the Emancipation Proclamation: Lincoln's Role in the Ending of Slavery // North & South, 2001. Vol. 5. № 1. P. 45-49.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 6. P. 31-32.

Цит. по: *Зинн Г.* Народная история США. М., 2006. С. 245-246.

См.: *Mobley J. A. Wfeary of War: Life on the Confederate Home Front*. Westport, 2008. P. 66-67.

См.: История США: В 4 т. Т. 1. М., 1983. С. 440; *McPherson J. M.* The Negro's Civil War: How American Negroes Felt and Acted during the War for the Union. New York, 1965. P. 56; *Burgan M.* Slavery in America: The Underground Railroad. New York, 2006. P. 102.

591

Цит. по: Conversations with Lincoln / Ed. by C. Segal.
New York, 1961. P. 340.

См.: *Levine B.* Confederate Emancipation: Southern Plans to Free and Arm Slaves during Civil War. Oxford, 2006. P. 153.

См.: *Ransom R. L. Conflict and Compromise: The Political Economy of Slavery, Emancipation, and the American Civil War.* Cambridge, 1989. P. 70; *Богарт Э. Л. Экономическая история Соединённых Штатов.* М., 1927. С. 290.

Slotkin R. The Long Road to Antietam: How the Civil War Became a Revolution. New York, 2012. P. 412-413.

См., напр.: *McPherson J.* Abraham Lincoln and the Second American Revolution. Oxford, 1991; *Slotkin R.* Op. cit.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 6. P. 28-30.
Перевод см.: История США: Хрестоматия / Сост.
Э. А. Иванян. М., 2005. С. 102-105.

См.: Reminiscences of the Proclamation of Emancipation
by Henry M. Turner //African Methodist Episcopal Church
Review. 1913. Vol. 29. № 3. P. 213-214.

598

<http://www.gutenberg.org/files/25004/25004-h/25004-h.htm>.

599

См.: The Confederate and Neo-confederate Reader / Ed. by J. W. Loewen, E. H. Sebesta. Jackson, 2010. P. 198-203.

600

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 6. P. 357.

601

См.: *Wise S. R.* Gate of Hell: Campaign for Charleston, 1863. Columbia, 1994. P. 125-127.

602

Рапорт Форреста от 15 апреля 1864 года см.: Official Records... Ser. 1. \fol. 32. Pt. 1. Washington, 1891. P. 610.

603

См.:
<http://www.gutenberg.org/cache/epub/42315/pg42315.html>.

См.: *McPherson J. M.* Ordeal by Fire: The Civil War and Reconstruction. New York, 2001. P. 325–326.

605

A Cycle of Adams Letters, 1861-1865 / Ed. by W. C. Ford.
Boston; New York, 1920. P. 236, 243.

War letters of William Thompson Lusk, captain, assistant adjutant-general, United States Volunteers 1861-1863, afterward M. D., L L. D. New York, 1911. P. 244-245.

607

Цит. по: *Donald D. H.* Op. cit. P. 429.

См.: *McPherson J. M.* For Cause and Comrades: Why men fought in the Civil War. Oxford, 1997. P. 123-124; *Jimerson R. C.* The Private Civil War: Popular Thought During the Sectional Conflict. Baton Rouge. P. 46-48.

См.: *Jimerson R. C.* Op. cit. P. 49.

Цит. по: *Howard R. L.* History of the 124th Regiment, Illinois Infantry Volunteers, otherwise known as the «Hundred and Two Dozen», from August 1862 to August 1865. Springfield, 1880. P. 65.

611

Цит. по: *Jimerson R. C.* Op. cit. P. 100.

612

См.: *Neely M. E. Jr.* Op. cit. P. 70.

См.: *Walker E. S., Davenport J. L., Walker E. S.* Abraham Lincoln's Substitute in the Civil War // *Journal of the Illinois State Historical Society* (1908-1984). Vol. 5. № 1. 1912. P. 80-82.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 6. P. 369-370.

615

См.: The Old Guard. 1863. Vol. 1 (Jan.) P. 13.

Цит. по: *Weber J.* Copperheads: The Rise and Fall of Lincoln's Opponents in the North. Oxford, 2006. P. X.

617

См.: Official Records... Ser. 2. Vol. 5. Pt. 1. Washington, 1899. P. 480.

618

См.: Ibid. P. 633-646.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 6. P. 266,
267.

Цит. по: *Kunhardt Ph. jr., Kunhard Ph. III, Kunhardt P.* Op. cit. P. 205; *Fleming C.* The Lincolns: A scrapbook look at Abraham and Mary. New York, 2008. P. 105.

At Lincoln's Side: John Hay's Civil War Correspondence and Selected Writings / Ed. by M. Burlingame. Carbondale; Edwardsville, 2006. P. 111-112.

622

См.: *Lamon W. H.* Op. cit. P. 167-168.

623

См.: *Goodwin D. K.* Op. cit. P. 515.

624

См.: *Brooks N. Washington in Lincoln's Times*. New York, 1896. P. 45-56.

625

Цит. по: *Carpenter F. B.* Op. cit. P. 282.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 6. P. 155–156. Перевод см.: *Принс Д.* Влияние на историю через пост и молитву. СПб., 1998. С. 2.

627

<http://www.nytimes.com/1863/03/04/news/important-south-jeff-davis-appoints-march-27-day-fasting-prayer-rebel-reports.html>.

628

Цит. по: Lincoln Day by Day. Vol. 3. P. 182.

629

См.: Diary of Gideon Welles. Vol. 1. P. 293-294.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 498.

631

Lincoln Day by Day. Vol. 3. P. 183.

632

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 500.

*Boutwell G. S. Reminiscences of Sixty Years in Public
Affairs. Vol. 2 // http:
//www.gutenberg.org/cache/epub/20109/pg20109.html.*

635

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 501.

См.: *Coddington E. B.* The Gettysburg Campaign: A Study in Command. New York, 1984. P. 159-161, 167-169; *Ayers E. L.* In the Presence of Mine Enemies: The Civil War in the Heart of America, 1859-1864. New York, 2004. P. 406-407.

637

Цит. по: *Goodwin D. K.* Op. cit. P. 532.

638

Фолкнер У. Рассказы. Медведь. Осквернитель праха /
Пер. с англ. М., 1986. С. 494-495.

См.: *Freeman D. S. R. E. Lee: A Biography: In 4 vol. Vol. 3.* New York; London, 1934. P. 129.

641

См.: Ibid. P. 317.

642

Ibid. P. 230.

643

Макферсон Д. Указ. соч. С. 771.

644

Official Records... Ser. 1. Vol. 52. Pt. 2. Washington, 1898.
P. 745.

645

Цит. по: *Williams T. H. Lincoln and his Generals. P. 272.*

646

См.: Abe Lincoln Laughing. P. 40-41.

647

См.: *Paludan Ph. S. The Presidency of Abraham Lincoln.*
Lawrence, 1994. P. 227.

См.: Ibid. Vol. 5. P. 370-375.

650

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 390–391.

651

См.: Ibid. P. 394.

652

См.: *Neely M. E. jr.* Op. cit. P. 63, 218.

654

Washington Daily Morning Chronicle. 1863. Nov. 21.

См.: *Wills G.* Lincoln at Gettysburg: The Words that Remade America. New York, 1992; *Boritt G.* The Gettysburg Gospel: The Lincoln Speech That Nobody Knows. New York, 2006; *Peatman J.* The Long Shadow of Lincoln's Gettysburg Address. Carbondale; Edwardsville, 2013.

656

См.: *Алексеев С. А.* Передача структуры образов художественного текста в переводе (на материале англо-русских переводов): Дисс. канд. филол. наук. М., 2009.

См.: *Berdy M.* Lincoln's Gettysburg Address: The Song of Abraham // Мосты. 2005. № 2(6). С. 29; *Алексеев С. А.* Геттисбергское «противостояние»: оригинал vs перевод // Там же. С. 39–45; *Сдобников В. В.* Фактор цели и адресата в переводе // <http://study-english.info/article025.php>.

658

См.: Lincoln Day by Day. Vol. 3. P. 217.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 576-577.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 7. P. 39-40.

662

См.: Ibid. P. 53-56.

663

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 596.

664

См.: *White R. C.jr.* A. Lincoln. P. 614.

665

Kunhardt Ph.jr., Kunhard Ph. III, Kunhardt P. Op. cit. P. 224.

666

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 7. P. 95.

667

Цит. по: *Helm K.* Op. cit. P. 221-223.

668

См.: Ibid. P. 229-233.

Цит. по: The Lincoln Mailbag: America Writes to the President, 1861-1865 / Ed. by H. Holzer. Carbondale; Edwardsville, 1998. P. 117.

366 Days in Abraham Lincoln's Presidency: The Private, Political, and Military Decisions of America's Greatest President / Ed. by S. A. Wynalda. New York, 2010. P. 331.

671

Цит. по: *Waugh J. C. Reelecting Lincoln: The Battle for the 1864 Presidency.* New York, 1998. P. 76.

672

Abe Lincoln Laughing. P. 153.

673

См.: *Ellison B. B. The True Mary Todd Lincoln: A Biography.* Jefferson, 2014. P. 171-172.

674

См.: *Niven J. Salmon P. Chase: A Biography*. Oxford, 1995.
P. 357.

675

См.: *Waugh J. C. Reelecting Lincoln. P. 114;*
Макферсон Д. Указ. соч. С. 813-814.

676

См.: Letter in opposition to renomination of President Lincoln // <https://archive.org/details/letterinoppositOOpome>.

678

См.: *Thomas B. P. Abraham Lincoln*. P. 416.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 627.

680

Цит. по: *Goodwin D. K.* Op. cit. P. 626.

681

Цит. по: *McPherson J. M. Tried by War. P. 211-212.*

См.: *McFeely W. S. Grant: A Biography*. New York; London, 1982. P. 154-155; *Nicolay J. G., Hay J.* Op. cit. Vol. 8. P. 339-340.

683

См.: With Lincoln in the White House. P. 129-130; The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 7. P. 234-235.

См.: *Usher J. P.* Op. cit. P. 32–33.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 7. P. 324-325.

686

Цит. по: *Nicolay J. G., Hay J.* Op. cit. Vol. 8. P. 348.

687

Цит. по: *Williams H. T. Lincoln and his Generals.* P. 305.

688

Hunt Rhodes E. All for Union: The Civil War Diary and Letters of Elisha Hunt Rhodes. New York, 1991. P. 142.

689

См.: *Oates S. B.* Op. cit. P. 386.

690

Цит. по: *McPherson J. M. Tried by War. P. 219.*

Catton B. Op. cit. P. 401. См. также: *Маль К. М.* Гражданская война в США (1861-1865): Развитие военного искусства и военной техники. Минск, 2000. С. 403.

692

Цит. по: *McPherson J. M. Tried by War. P. 219.*

Hunt Rhodes E. Op. cit. P. 146.

694

Цит. по: *Roy M. Jr. The Better Angel: Whit Whitman in the Civil War.* New York, 2000. P. 179.

См.: *Goodwin D. K.* Op. cit. P. 623-624.

См.: The Lincoln Reader. P. 477-478; Proceedings of the first three Republican national conventions of 1856, 1860 and 1864. Minneapolis, 1893. P. 232-234.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 7. P. 381-382.

698

Ibid. P. 384.

700

См.: Lincoln Day by Day. Vol. 3. P. 271-272.

701

См.: *Donald D. H.* Op. cit. P. 522.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 7. P. 435, 440, 441.

703

Ibid. P. 451.

704

См.: *Макферсон Д.* Указ. соч. С. 865–867.

См.: *Nicolay J. G., Hay J.* Op. cit. Vol. 9. P. 191-193.

706

Цит. по: *Donald D. H.* Op. cit. P. 523.

См.: The Cambridge Economic History of the United States: In 3 vol. Vol. 2. Cambridge, 2000. P. 659.

См.: *Nicolay J. G., Hay J.* Op. cit. Vol. 9. P. 120-121.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 7. P. 433-434.

711

Цит. по: *Donald D. H.* Op. cit. P. 524-525.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 7. P. 499.

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 667–668.

715

См.: Ibid.

716

Ibid. P. 517-518.

717

Цит. по:
[http://www.civilwar.org/education/history/primarysources/
geoige-b-mcclellan-1864.html](http://www.civilwar.org/education/history/primarysources/geoige-b-mcclellan-1864.html).

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 7. P. 535.

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 688.

721

Ibid. Vol. 8. P. 18.

722

См.: *Waugh J. C. Reelecting Lincoln. P. 347-348.*

Nicolay J. G, Hay J. Op. cit. Vol. 9. P. 375-378;
Burlingame M. Op. cit. Vol. 2. P. 722-723.

См.: *Putnam G. H.* Op. cit. P. 394–396.

726

Цит. по: *Сэндберг К.* Указ. соч. С. 561. См. также:
White R. C. jr. A. Lincoln. P. 647.

727

CM.:

http://www.senate.gov/reference/glossary_term/lame_duck_session.htm.

См.: *Richards L. L. Who Freed the Slaves? The Fight over the Thirteenth Amendment* Chicago, 2015. P. 7-8.

730

См.: *Davis B. Sherman's March*. New York, 1988. P. 22.

731

Official Records... Ser. 1. Vol. 39. Pt. 3. Washington, 1892.
P. 162.

732

Макферсон Д. Указ. соч. С. 915.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 8. P. 181-182.

734

Цит. по: *Сэндберг К. Указ. соч. С. 582-583.*

735

См.: The Congressional Globe. 38th Cong., 2nd Sess. (1864-1865). 1865. Jan. 7. P. 137-138.

См.: *Scovel J.* Thaddeus Stevens // Lippincott's Monthly Magazine. 1898. April. P. 550; *Noonan J. T.* Bribes: The Intellectual History of a Moral Idea. Los Angeles, 1987. P. 455-459.

737

См.: *Макферсон Д.* Указ. соч. С. 945.

См., напр.: *Thomas B. P.* Abraham Lincoln. P. 493–494; *McPherson J. M.* Ordeal by Fire. P. 507; *Goodwin D. K.* Op. cit. P. 686–690.

739

Цит. по: *Richards L. L.* Op. cit. P. 205.

740

См.: Ibid. P. 204, 212-213.

См.: *Conroy J. B.* Our One Common Country: Abraham Lincoln and the Hampton Roads Peace Conference of 1865. Guilford, 2010. Kindle Electronic Edition. Locations 2609-2610.

The Congressional Globe. 38th Cong. 2nd Sess. (1864-1865). 1865. Feb. 2. P. 531.

743

Цит. по: *Nevins A.* Op. cit. Vol. 4. Pt. 2. P. 214.

744

CM.:

[http://abcnews.go.com/blogs/headlines/2013/02/mississippi-offi-cially-abolishes-slavery-ratifies-13th-amendment.](http://abcnews.go.com/blogs/headlines/2013/02/mississippi-offi-cially-abolishes-slavery-ratifies-13th-amendment)

745

См.: *Согрин В. В.* Указ. соч. С. 139-140.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 8. P. 221.

Ibid. P. 275.

748

См.: Ibid. P. 279-280.

749

См.: *Conroy J. B.* Op. cit. Kindle Electronic Edition.
Locations 3615-3621.

750

См.: Ibid.

751

Цит. по: *Wheeler J. Wrices of the Civil War*. New York, 1990. P. 438.

См.: *Barrett J. G.* Sherman's March Through the Carolinas. Chapel Hill, 1956. P. 90; *Lucas M B.* Sherman and the Burning of Columbia. Columbus, 2014. P. 11.

753

См.: The Lincoln Reader. P. 488-491.

754

См.: *White R. C. jr.* Lincoln's Greatest Speech: The Second Inaugural. New York, 2002.

Варианты русских переводов см.: <http://america-xix.oig.ru/library/lincoln-2nd-inaugural>; Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша... С. 222-224.

756

См.: *Freeman D. S. Op. cit.* Vol. 3. P. 541; Vol. 4. P. 2-3.

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 8. P. 375-377.

758

Цит. по: *Arnold I. N.* The life of Abraham Lincoln.
Chicago, 1885. P. 423.

760

См.: Through five administrations; reminiscences of Colonel William H. Crook, body-guard to President Lincoln. New York; London, 1910. P. 48.

The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 8. P. 384-385.

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 789–790.

763

См.: The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 8. P. 386.

764

Official Records... Ser. 1. Vol. 46. Pt. 3. Washington, 1894.
P. 619.

765

См.: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 797.

767

Цит. по: *Burlingame M.* Op. cit. Vol. 2. P. 800.

768

См.: Ibid. P. 802-803.

769

Цит. по: *Bishop J.* The Day Lincoln Was Shot. New York, 1955. P. 21.

770

См.: Ibid. P. 21-22.

771

См.: *Emerson R W. A. Lincoln: His Last 24 Hours.*
Columbus, 1987. P. 56.

См.: *Neely M. E. jr.* Op. cit. P. 34.

773

Цит. по: *Bishop J.* Op. cit. P. 110.

774

См.: *Swanson J. L.* Manhunt: The 12-Day Chase to Catch Lincoln's Killer. New York, 2009. P. 31.

775

См.: *Bishop J.* Op. cit. P. 105.

Впрочем, некоторые историки считают мемуары Крука недостоверными (см.: *Steers E. jr. The Lincoln Assassination Encyclopedia*. New York, 2010. P. 163).

777

См.: Through five administrations; reminiscences of Colonel William H. Crook. P. 65-67; *Lamon W. H.* Recollections of Abraham Lincoln. 1847-1865. Washington, 1911. P. 280-281.

См.: *Emerson R. W.* Op. cit. P. 59-60.

779

См.: *Steers E. jr.* Op. cit. P. 505.

780

См.: *Coleman Ch. H. Sara Bush Lincoln, the Mother Who Survived Him. Charleston, 1952. P. 14-17.*

781

См.: Herndon's Informants.

См.: *Long E. B.* Op. cit. P. 687, 697–698.

См.: *Sherman W. T. Memoirs: In 2 vol. \fol. 1:*
<http://www.gutenberg.org/files/4361/4361-h/4361-h.htm>.

784

Цит. по: *Freeman D. S.* Op. cit. Vol. 4. P. 401.

785

См.: An Oral History of Abraham Lincoln. P. 61-62.

786

См.: *Dirck B.* Op. cit. P. 173-175.